

NYELVÉSZETI ÉS IRODALMI FOLYÓIRAT
JOURNAL OF LINGUISTICS AND LITERARY SCIENCES
ČASOPIS ZA JEZIKOSLOVJE IN LITERARNE VEDE
REVIJA JEZIČNIH I KNJIŽEVNIH STUDIJA
ЖУРНАЛ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

2003

KÁROLY GADÁNYI
SEXAGENARIO

STUDIA
LAVICA 1-2
AVARIENSIA

PROFESORU KARLU GADÁNYIJU ŠEZDESET GODINA

Klasični profesorski tip sve do kraja četrdesetih godina 20. stoljeća bio je istraživač „u kuli od slonovače” koji se držao daleko od javnih poslova („Beatus ille, qui procul negotiis...”). Prilike su se, međutim, promijenile, nastava je postala masovna, tako su se nužno pojavili do tada neobični, novi zahtjevi (danas bismo rekli: nova očekivanja) od svakog visokoškolskog nastavnika, tako i od redovitih profesora. Pored znanstvenog rada trebalo je obavljati različite zadatke u organiziranju samoga tog rada. U početku se mislilo da bi te takozvane „menadžerske zadatke” mogli vršiti i suradnici nižeg ranga i da bi tako za profesora ostalo i nadalje njegovanje znanosti. Uskoro je postalo jasno da je taj put neprohodan, na čelu nastavnih i znanstvenih jedinica moraju stajati u širokom krugu poznati i priznati znanstvenici jer se samo tako može nadati publicitetu, priznanju i duhovnom i materijalnom podupiranju. Došli smo, dakle, u situaciju koja je dokazala da znanstveni ugled mora biti popraćen nošenjem tereta koji naizgled daleko stoje od istraživačkog rada ali koji su usko vezani za nj kao neophodni preduvjeti. Stari profesorski tip je tako nestao. Prosuditi kako je profesorski zbor našeg vremena riješio taj zadatak, pripada budućnosti, ona će ocijeniti našu djelanost i dati nama ocjenu koju smo zaslužili. Jedno je, međutim, već sada sigurno, o tom ne će trebati suditi budućnost, da je dosadašnji životni put našega slavljenika, profesora dr.-a Karla Gadányija doista pun sjajnih znanstvenih, organizatorskih i nastavnih uspjeha.

Karijera profesora Gadányija pokazuje da mu je uspjelo stvoriti harmoniju između dva glavna područja sadašnje profesorske djelatnosti: postići položaj međunarodno priznatog sveučilišnog profesora i, time naporedo, izgraditi uglednu znanstvenu radionicu i, sve to, uz obavljanje dužnosti prorektora Visoke Pedagoške škole Berzsenyi Dániel, a od 2001. godine rektorski rad koji sam zahtijeva cijelog čovjeka i iscrpljuje duhovne i fizičke energije prosječnog smrtnika. Moramo odmah dodati da se sve to nimalo nije manifestiralo ni u kojoj vanjskoj ili unutarnjoj promjeni njegove ličnosti, ostao je takav kakav je bio i prije dobrih desetak godina, možda, ima sada nešto manje kose.

Znanstvena djelatnost našega slavljenika koju mogu već dva desetljeća pratiti, obuhvaća proučavanja i istraživanje južnoslavenskih jezika, u prvom redu, naravno, slovenskoga. Za taj jezik, bolje reći, za međimurski dijalekt, za taj pogled na svijet je profesor Gadányi i emocionalno vezan, to zrači i kroz njegove radove. Bavi se, kao slavist, i različitim problemima drugih jezika, sa hrvatskim, sa ruskim, jezičnopovijesnim i opisnim pitanjima podjednako. G. 1972. je postao sveučilišni doktor s dizertacijom **Pridjevi za označavanje boja u ruskom jeziku**. Znanstveni stupanj „kandidat nauka” postigao je g. 1984, naslov njegove dizertacije je bio: **Konfrontativna analiza jedne semantičke skupine pridjeva u nekoliko slavenskih jezika**. Već se po temama vidi kako se proširio krug njegovih interesa u vremenskom razmaku između 1972 i 1984. Habilitirao je g. 1995 na Sveučilištu Eötvös Loránd s radom **Formiranje rječ-**

ničkoga sustava slovenskog jezika u vrijeme nacionalnog preporoda u periodu od tridesetih do osamdesetih godina 19. stoljeća. Oba su habilitacijska predavanja donijela mu priznanje stručnih krugova. U g. 1997 bio je nagrađen profesorskom stipendijom Széchenyi. G. 1999 obranio je akademsku doktorsku dizertaciju **The Evolution of Vocabulary in literary Slovenian** koja je i tiskano izišla u izdanja Australske akademije (Academia Press Melbourne).

Omiljena mu je znanstvena tema povijesni razvoj slovenskoga književnog jezika koji, uprkos brojnim pozornosti vrijednim publikacijama, osobito sa strane međusobnih utjecaja srednjoeuropskih jezika u dovoljnoj mjeri još nije obrađen. Za temeljito istraživanje toga problemskog kruga u našoj arei svakako je neophodno poznavanje južnoslavenskih jezika, pa i njemačkoga, mađarskoga i, budući da se radi o panonskom prostoru, zahtijeva se pored mađarskoga poznavanje i latinskoga. Tim uvjetima profesor Gadányi potpuno odgovara.

Osim spomenutih glavnih Gadányijevih radova moramo nabrojiti i nekoliko onih koji su prethodili glavnom opusu i koji su nastali nakon njega. Tako: **Narodni preporod Slovencev** Košičev zbornik. Ured.: I. Nyomárkay i Stj. Lukač Budimpešta 1998), **The austro-slavic cultural-historical quasi-sphere as an Object of Sociolinguistic Studys** (In: Streszczenia referatów i komunikatów. XII. Międzynarodowy Kongres Slawistów. Warszawa 1998), **Slovo i cvet v slaviaskych jazykach** (Academia Press, Melbourne, 2000, u suautorstvu s Ljudmilom i Viktorom Moisejenkom) i moglo bi se nacesti još više značajnih radova. Svi ti radovi poukazaju koherentnost Gadányijeve znanstvene djelatnosti koja se zasniva na takozvanoj tradicionalnoj osnovi, na mađarskoj školi koja se ponosi s takvim ličnostima kao István Kniezsa i László Hadrovics. Profesor je Gadányi, međutim, iskoristio i dostignuća i metode komparatistike i sociolingvistike. Njegove publikacije mogu se karakterizirati temeljitim i pouzdanim poznavanjem objektnoga jezika i poštivanjem jezičnih potvrda.

Naš jubilat pripada generaciji koja je morala proći sve stupnjeve u znanstvenoj hijerarhiji po mađarskom i onovremenom ruskom (sovjetskom) sustavu znanstvene kvalifikacije. Iako je to bio hibridni sustav, u mnogočemu je imao i izvjesnu korist, čvršće je udario temelje jezikoslovne i, uopće, znanstvene naobrazbe nego današnji novi, još nedovoljno razvijeni sistem.

Profesor Gadányi se mnogo trudio i u proširivanju mađarskog jezika i mađarske kulture. Radio je kao gost-profesor na Zagrebačkom sveučilištu od g. 1994 do g. 1999, bio je među osnivačima zagrebačke hungarologije koja, zahvaljujući i njegovu brižljivoj radu, neslomljivo razvija.

Karlo Gadányi je stvorio u gradu Sambotel (=Szombathely) međunarodno priznatu slavističku radionicu. Ova je radionica prisutna u svjetskoj javnosti časopisom *Studia Slavica Savariensia*, posebnim izdanjima i značajnim, u Srednjoj Europi popularnim konferencijama Međunarodni slavistički dani koji se organiziraju svake treće godine i koji su postigli ugled u Sloveniji, Hrvatskoj, Austriji, Rusiji, Ukrajini, Italiji, čak i u Kanadi. Onima koji rade u prosvjeti, u sveučilišnoj nastavi nije potrebno nabrojiti sve probleme koje se u tom

radu nameću, počevši o osiguranju znanstvene razine sve do financijskih. Profesor Gadányi sve probleme rješava uvijek uspješno i elegantno.

Naš jubilarant je član brojnih znanstvenih društava, podpredsjednik je Društva za suvremenu filologiju (Budimpešta), član odbora Društva za mađarsko jezikoslovlje, Society for Slovene Studies (Ohio), Hrvatskog filološkog društva (Zagreb), Mađarskog odbora Međunarodnog slavističkog komiteta i t.d. Član-osnivač je Lingvističke doktorske škole Sveučilišta Eötvös Loránd u Budimpešti.

Toliko o zvaničnom ocjenjivanju. Njegova ličnost, njegova nazočnost u mađarskog slavistici mnogo više znači.

On je kolega, uvijek spreman na pomoć, pravi prijatelj, strastan istraživač, profesor koji podupira svaku dobru inicijativu, duhovit kozer, predusretljiv domaćin, nastavnik koji raspolaže velikom empatijom, jednom riječju osoba u kojoj se nitko nije razočarao. Ne znam tajnu njegove beskrajne radne snage, ljubazno uravnotežena ponašanja. Možda je to naslijeđe radnih i marljivih predaka, sigurno potječe i od mirne obiteljske atmosfere, ali je tu bitno i znanje da u životu ništa nije dobio lako, prema tome, može sebi dozvoliti luksuz da bude takav kakav je. Ne mora biti vjieran nikomu, samo sebi. Možda je to najveća stvar u životu.

Poštovani gospodine profesore, dragi Karči! Šezdeseta godina u znanosti znači samo to da je jubilarant napustio mladost, počele su zrijele godine. Bog Ti dao zdravlje, snagu da i dalje radiš u svojoj omiljenoj znanosti na radost i korist mađarske slavistike i svih nas!

István Nyomárkay

GADÁNYI KÁROLY ÍRÁSAINAK VÁLOGATOTT BIBLIOGRÁFIÁJA

1971

Имена прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке. Bölcsészdoktori disszertáció. Budapest.

1975

Az időhatározó kifejezésének módjai a mai orosz nyelvben. 'Выражение обстоятельства времени в современном русском языке'. Zalai Pedagógiai-módszertani Füzetek. Zalaegerszeg, 1976. 133-141 l.

Egy melléknév jelentéseinek kontrasztív vizsgálata. 'Kontrastivno proučevanje pomenov nekega pridevnika'. Népjútság, Murska Sobota XII. 20.

1976

A magyar igeekötők használatához. 'K uporabi madžarskih preverbov'. Népjútság, Murska Sobota 1976. V. 12.

1977

Színszavak a magyar szólásokban és közmondásokban. 'Barve v madžarskih rekljih in pregovorih'. Népjútság, Murska Sobota 1977. III. 4.

A magyar színnevek átvitt jelentései. 'Preneseni pomeni madžarskih poimenovanj za barve'. Népjútság, Murska Sobota 1977. IV. 21.

Az időhatározó kifejezésének módjai a magyar nyelvben. 'Načini izražanja prislovnega določila časa v madžarščini'. Népjútság, Murska Sobota 1977. IV. 7.

A vörös és piros színszavak jelentéséről. 'O pomenu temno rdeče in rdeče barve'. Népjútság, Murska Sobota 1977. V. 26.

A konkrétság kifejezésének néhány lehetősége a szlovénban /összehasonlítva a magyarral/. 'Nekaj možnosti izražanja določnosti v slovenščini (v primerjavi z madžarščino)'. Népjútság, Murska Sobota 1977. VII. 9.

1978

A délszláv gyermek- és ifjúsági irodalom. Könyv és Nevelés. 'Južnoslavenska dječja i omladinska književnost'. Budapest, 1978. 4-5. sz. 173-177.

A szint jelentő melléknevek az orosz és a szlovén nyelvben. 'Прилагательные-цветонаименования в русском и словенском языках'. A Szombathelyi Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei. I. 1978. 165-176.

1980

Otroška in mladinska jugoslovanska književnost. Znanstveni simpozij Visoke učiteljske šole v Szombathelyu in PA v Mariboru, 1980. 157-178.

1982

Frazeologizmi s pridevniki, ki v ruskem jeziku pomenijo barvo. Nemzetközi Szlavisztikai Napok. Szombathely, 1982. 95-100.

1983

- Szlovénia "Anyanyelvünkért" című kötet szerk. Guttmann Miklós, Pomurska Založba, 1983. az alábbi cikkeket tartalmazza.
- A névelők helyes használata. 'Pravilna raba členov' /56-57./
- A magyar igekötők használata. 'Raba madžarskih preverbov' /64-65./
- A magyar nyelv rétegeiről. 'O zvrsteh madžarskega jezika' /73-74./
- Mikor vétünk a helyes és a szép magyar stílus ellen? 'Kdaj grešimo proti pravilnemu in lepemu madžarskemu slogu' /75-76./
- Szólásainkról, közmondásainkról. 'O naših rekljih in pregovorih' /77-78./
- Az időhatározó kifejezésének módjai a magyar nyelvben. 'Načini izražanja prislovnega določila časa v madžarščini' /79-80./
- Idegen szavak a magyar nyelvben. 'Prevzete besede v madžarščini' /83-84./
- A vörös és a piros színszavak jelentéséről. 'O pomenu temno rdeče in rdeče barve' /106-107./
- Fekete - črn a magyar és a szlovén nyelvben. 'Fekete – črn v madžarščini in slovenščini' /108-110./
- Egy melléknév jelentéseinek kontrasztív vizsgálata. 'Kontrastivno proučevanje pomenov nekega pridevnika' /113-114./
- Színszavak a magyar szólásokban és közmondásokban. 'Barve v madžarskih rekljih in pregovorih' /115./
- Színantonímák. 'Barvni antonimi' /116-117./
- A magyar színnevek átvitt jelentései. 'Preneseni pomeni madžarskih imen za barve' /119-120./
- Hogyan írjuk? 'Kako pišemo?' /131-132./
- Rövidítések a magyar nyelvben. 'Kratice v madžarskem jeziku' /146-147./
- A magyar helyesírásról. 'O madžarskem pravopisu' /129-130./
- Jövevényszavak a szerbhorvát melléknévek egy lexikai csoportjában. 'Posuđenice u pridevskim skupinama srpskohrvatskoga jezika' - Az Állami Belorusz Egyetem tudományos közleményei. Minszk, 1983. 9. /167-194./

1984

- Education in a Spirit of International Friendship /Teachers of the World. Berlin, 2. 1984. 23-25./
- Сопоставительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках. /Kandidátusi értekezés. Budapest, 1984. Kézirat. 250 l./
- Сопоставительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках. /Kandidátusi disszertáció tézisei. Budapest, 1984./
- A hagyományos paraszti gazdaság műszókincsének változása a délnyugat-dunántúli "kaj" horvát nyelvjárásban. 'Kajkavsko poljoprivredno nazivlje jugozapadnog Zadunavlja'. (A Berzsényi Dániel Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei. IV. Szombathely, 1984.)

1985

- Основные черты и закономерности процесса заимствования инославянской лексики в словенском литературном языке. (A Berzsényi Dániel Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei 1985. Társszerző: Mojszejenko V.E.)

К вопросу о сравнительном изучении лексики славянских языков в эпоху национального возрождения. II. Nemzetközi Szlavisztikai Napok. Szombathely, 1985. 131-137. I.

1987

V duhu dvojezičnosti. Slovenski Koledar. Budapest, 1987. 41-43.

1988

Хронологическая характеристика чешско – инославянских связей в области словарного состава. Nemzetközi Szlavisztikai Napok. III. Szombathely, 1988. 407- 432.

1990

Vuk Karadžić szerb szótára és a délszlávok tudományos nyelvi fejlődése a XIX. században. 'Vukov Srpski rječnik i razvoj znanstvene terminologije kod Južnih Slavena u XIX. stoljeću'. Egyetemi Fonetikai Füzetek 3. Budapest, 1990. I. 51-61.

Znanstveni jezikovni razvoj Južnih Slovanov. Tudományos Közlemények – Znanstvene Publikacije. Szombathely - Maribor 1990. 31-39.

Из истории богемизмов vlak u železnice в некоторых славянских литературных языках. Nyelvtudomány. Magyar Dialektológia. Szlavisztika. Szerk. Szabó Géza Szombathely 1990. 89-101.

1991

Kétnyelvűség Rábavidék és Prekmurje iskoláiban. 'Dvojezičnost v porabskih in prekmurških šolah'. Magyar I. Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia. Nyíregyháza, 1991. II. kötet, 542-545.

Pável Ágoston nyelvészeti munkássága. 'Jezikoslovno delo Avgusta Pavla'. Posvetovanje M. Korvina. Maribor, 1991. 122- 127.

August Pavel - jezikoslovec. Obdobja, Ljubljana, 1991. XII. 181-197.

Становление словарного состава словенского литературного языка. Nemzetközi Szlavisztikai Napok IV. Szombathely, 1991. 289-295.

1992

Poljoprivredni leksik u govoru pomurskih Hrvata. A szláv nyelvek tanításának elméleti és gyakorlati kérdései. JPTE BTK Pécs, 1992. 13. I. (Tézisek)

From the history of Slovene 19th - century lexicography. Slovene Studies. Indiana University USA, Volume 14, number 1, 1992. 3-8.

1993

Становление словарного состава словенского литературного языка в 1830-80 годах. (К постановке проблемы). StSIH. Budapest, T.38, 1993. 1-2. 49-53.

A nemzetiségi nyelvoktatás helyzete a Nyugat-Dunántúlon. 'Stanje manjinske jezične nastave u zapadnom Zadunavlju'. III. Magyar Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia. Szerk. Klaudy Kinga. Miskolc, 1993. II. 91-95.

Dio leksika Pomurskih Hrvata. Naša Škola. Institut za pedagogiju Županije Baranja. Pečuh, 1993. I. 5-11.

Poljoprivredni leksik u govoru pomurskih Hrvata. StSIS. 1993. I. 46-49.

1994

- Iz slovenske leksikografske zgodovine XIX. stoletja. Bsav II. A Szombathelyi Berzsenyi Dániel Tanárképző Főiskola Szláv Filológiai Tanszékcsoportjának és a Szegedi József Attila Tudományegyetem BTK Szláv Tanszékének Tudományos Kiadványa. Szombathely, Szeged, 1994. 91-95.
- Izvještaj iz pustinja. Nagy István verseinek horvát fordítása. Hrvatska Obzorja. Split, 1994. 2. 272-277. Társszerző: Mate Šimundić.
- The History of Slavic Literary Languages and the Epoch of National Revival: Problems and Perspectives. StSIS. 1994. 1. 108-123. Társszerző: Viktor Moiseenko.
- Tendencies in the Changing Functional Status of Slavic Languages in Western Hungary. Das Sprachliche Bild der Bernsteinstraße - REGION. Hrsg. von János Pusztay. Savaria University Press, Szombathely, 1994. 18-21.
- A szlovén irodalmi nyelv szótári készletének kialakulása a XIX. sz. 80-as éveiben. 'Nastanek slovenske leksikografije v 80. letih 19. stoletja'. II. Magyar Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia. Szerk.: Annus Gábor - Bárdos Jenő - Lengyel Zsolt. Egyetemi Kiadó Veszprém, 1994. 226-229.
- О некоторых особенностях чешско-инославянского взаимодействия в эпоху национального возрождения славян (словообразовательный аспект). StSIH. 39. Budapest, 1994. 245-262.
- Kmetijsko besedišče v govoru obmurskih Hrvatov. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae. Dissertationes Slavicae. XXIII. 1994. 1-5.
- О некоторых проблемах и перспективах исследования истории славянских литературных языков в эпоху национального возрождения. Slavica Tarnopolensia. N. 1. Ternopol, 1994. 32-42. (Társszerző: Viktor Moiseenko)
- Очерки истории славянской дериватологии эпохи национального культурного возрождения в XIX веке. Australian Slavonic and East European Studies. Journal of the Australian and New Zealand Slavists' Association. Volume 8. Number 1. Melbourne, 1994. 1-26.

1995

- Hrvatski jezik u Zapadnoj Mađarskoj. Prvi Hrvatski slavistički kongres. Zagreb-Pula, 1995. 13-15.
- Guttman Miklós: A táji jelenségek tíz- és tizennégy évesek beszélt nyelvében. Budapest, Magyar Nyelvtudományi Társaság, 1955. Ismertetés – StSIS. 1995. 1-2. 249.

1996

- Dobrovsky, Kopitar, Vostokov ter izvor stare cerkvene slovanščine. Gadányi Károly - Bokor József - Guttman Miklós szerk.: Nyelvi tudat, identitástudat. Bsav. III. Szombathely, 1996. 70-73.
- Pučke mudre izreke Keresturčana. Bibliotheca Croatica Hungariae. Pécs, 1996. I. 59-63.
- Cultural-historical preliminaries to the formation of the slovenian national literary language. Part I. Dissertationes Slavicae: Ling. XXIV. Szeged, 1996, 69-85.
- The Evolution of Vocabulary in Literary Slovenian During the 19th Century. Melbourne. Academia Press, 1996. 322 l.

1997

- Введение в славяноведение. Verlag Otto Sagner. München, 1997, 329 l. (Társszerző: V.Moiseenko)

- Adaptation of Slavic Borrowings in the Slovenian Literary Language. Hungaro-Slavica 1997. Studia in honorem Stephani Nyomárkay. ELTE Szláv Tanszékcsoportha, Budapest, 1997. 58-64.
- Pridjevi koji označuju boju u kajkavskom dijalektu zalskih Hrvata. In: Hrvatski dijalektološki zbornik. Knjiga 10. Razred za filološke znanosti. Zagreb, 1997.
- Čuvene izreke keresturskih vojnika. In: Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika. Bibliotheca Croatica Hungariae. Pečuh, 1997. Knjiga 2. 176-180.
- Австрославянский культурно-исторический субареал как объект социолингвистических исследований. StSIH. Т.42, с. 277–284.

1998

- The Evolution of Vocabulary in Literary slovenian. Szombathely, 1998. 20 l.
- Narodni prerod Slovencev. In: Slovensko-Madžarski jezikovni in književni stiki od Košiča do danes. Zbornik razprav. (Uredila: István Nyomárkay in Stjepan Lukač) Košičev sklad, Budimpešta, 1998.
- A melléknevek egy lexikai csoportja a Zala megyei horvátok nyelvújásában (a magyar nyelv tükrében). 'Jedna leksička skupina pridjeva u narječju zalaskih Hrvata (u zrcalu mađarskog jezika)'. In: III. Dialektológiai Szimpozion (szerk.: Szabó Géza, Molnár Zoltán). Szombathely, 1998.
- The austro-slavic cultural-historical quasi-sphere as an object of sociolinguistic study. In: Streszczenia referatów i komunikatów. XII Międzynarodowy Kongres Slawistów (Opracowanie: Jerzy Rusek, Janusz Siatkowski, Zbigniew Rusek), Warszawa, 1998.
- Magyar nyelvész pályaképek és önvallomások 55. ELTE Fonetikai Tanszék, 1998.
- The Evolution of Vocabulary in Literary slovenian. A szlovén irodalmi nyelv szókészletének kialakulása. Doktori értekezés tézisei. Szombathely, 1998.
- A Biblia szlovén nyelvű fordításai. 'Slovenski prevodi Biblije'. In: Nemzetközi Szlavisztikai Napok VI. (Szerk.: Dr. Gadányi Károly) Szombathely-Pécs, 1998.

1999

- Ruski leksik u hrvatskom jeziku. (Társszerző: V.Moiseenko) Szombathely, 1999.
- A Vas megyei szlovének nyelvéről és kultúrájáról. 'O jeziku in kulturni železnožupanijskih Slovencev'. In: Ötvenéves a szegedi szlavisztika. Szeged, 1999., 5-9. p.
- Maribor-Szombathely. Együttműködés az anyanyelvek szolgálatában. 'Maribor-Szombathely. Sodelovanje v prid materinščin'. In: Az anyanyelv a kétnyelvűségben. (Szerk.: Bokor József) Maribor-Lendva, 1999., 89-90. p.
- Карой Гадани, Виктор Моисеенко: Русские слова в хорватском языке. In: StSIS. 1. Zagreb-Szombathely, 1999. 185-242.
- Особенности языковой коммуникации в словенских землях в 17-18 веках.. In: StSIS. 1. Zagreb-Szombathely, 1999. 277-281.

2000

- Карой Гадани, Людмила Моисеенко, Виктор Моисеенко: Слово и цвет в славянских языках. Academia Press, Melbourne, 2000.
- Вопрос о полных и кратких формах прилагательных-цветообозначений в некоторых славянских языках. In: Vox Humana (Szerk.: Földi Éva és Gadányi Károly). Budapest, 2000., 177-181.

2001

- Russian lexicon in Croatian. *Dissertationes Slavicae: Ling. XXV.* Szeged, 2001. 137-140.
Cultural-historical preliminaries to the formation of the slovenian national literary language. Part II. *Dissertationes Slavicae: Ling. XXV.* Szeged, 2001. 169-188.
Об одном архаичном типе несклоняемых прилагательных в некоторых славянских языках и диалектах. *Hungaro-Slavica 2001. Studia in honorem Iani Bańczerowski.* ELTE Szláv és Balti Filológiai Intézet, Budapest, 2001. 55-58.

2002

- Об особенностях транскрипции имён собственных в русском и хорватском языках (соавтор Моисеенко В.Е.) – *Cirill és Metód példáját követve... Tanulmányok H.Tóth Imre 70. születésnapjára.* Szeged, 2002., 145-164.

2003

- Об одной редкой разновидности прилагательных-цветообозначений в некоторых славянских языках – Свет и цвет в славянских языках. Melbourne, Academia Press, 2003.

Szerkesztések

- 10 let sodelovanja. Znanstveni simpozij Visoke Učiteljske šole v Szombathelyu in PA v Mariboru. Szombathely, 1980. Társszerkesztő: dr. Vokač Zlata.
Nemzetközi Szlavisztikai Napok. A tudományos ülészakon elhangzott előadások. Szombathely, 1982.
Rozmán Erzsébet: Vallomások. Pomurska založba. Murska Sobota Ljubljana, 1982.

Tudományos folyóiratok szerkesztése

- Studia Slavica Savariensia*, Szombathely, 1992. 1. 120 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1992. 2. 147 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1993. 1. 119 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1993. 2. 141 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1994. 1. 186 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1994. 2. 192 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1995. 1-2. 249 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1996. 1-2. 196 l.
Studia Slavica Savariensia, Zagreb-Szombathely, 1999. 1. 373 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 2000. 1-2. 174 l.
Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 2001. 1-2. 271 l.
Studia Slavica Savariensia, VII. Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 2002. 1-2. 599 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis I. Szombathely, 1994. 448 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis II. Szombathely, 1994. 160 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis III. Szombathely, 1996. 247 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis IV. Szombathely, 1997. 479 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis V. Szombathely, 1999. 173 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis VI/1-3. Szombathely, 1999. 255 l.
Bibliotheca Slavica Savariensis VII. Szombathely, 2000. 137 l.

Nemzetközi szlavisztikai konferenciák köteteinek szerkesztése

Tudományos Közlemények - Znanstvene publikacije. Szombathely - Maribor, 1990.
Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 1982.
Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 1986.
Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 1988.
Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 1992.
Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 1995.
Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 1998. 3/1-2.
Studia Slavica Savariensia, VII. Nemzetközi Szlavisztikai Napok, Szombathely, 2002. 1-2.
599 l.

Részvétel nemzetközi tudományos ülésszakon

/tudományos előadások/

LJUBLJANA

Znanstveni simpozij "Obdobje slovenskega narodnega preporoda". Ljubljana, 28-30. junija 1989.

Vloga katedre za slovenski jezik in knj. pri izobraževanju narodnostnih učiteljev.

Znanstveni simpozij ob 100. obletnici rojstva F. Ramovša. Ljubljana, 27-29. junija 1990.

August Pavel – jezikoslovec.

Prevodi Augusta Pavla - Tud. ülés, Ljubljana, - 1992. június 26-28.

Kopitar, Vostokov in Dobrovsky - 1994. VI. 28-30.

MARIBOR

Šola in razvoj osebnosti Maribor, 10. 03. 1987.

Prizadevanja katedre za slovenski jezik in književnost na Visoki učiteljski šoli v Szombathelyu pri razvijanju dvojezičnosti.

Znanstveni simpozij ob 500. obletnici Kralja Matjaža 8-9. nov. 1990.

Pável Ágoston nyelvészeti munkássága. 'Jezikoslovno delo Avgusta Pavla'. Maribor.

Nemzetközi Tudományos ülés. 1992. október 18-20.

Nekatera strokovna in metodična vprašanja dvojezičnosti

BÉCS

Horvát Akadémiai Klub 1986. III. 20.

A burgenlandi horvát nyelvjárás fonetikai sajátosságai. 'Fonološke osobitosti gradišćanskohrvatskog jezika'

MAGDEBURG

Pädagogische Hochschule "Erich Weinert" 1982. május 18-19.

Die Farbadjektive in dem rissischen und slowenischen Sprachen

SZENTPÉTERVÁR

Institut im. Gercena. Grupa čornogo cveta v slovenskom jazike 1983. febr. 3-7.

MINSZK

Belorusskij universitet. Fil.fak.

Grupa sinjega cveta v nekotrih slavjanskih jazikah. 1984. febr. 10-14.

LAOSZ

VIENTIANE

Obučenije inostrannim jazikam /1981. nov. 20-30./

KANADA, EDMONTON

1992. aug. 1-15. Előadások a szlavisztika területéről.

AUSZTRÁLIA

Melbourne, 1993. XII. 5-1994. I. 20.

Előadások az University of Melbourne Szlavisztikai Tanszékén.

Az Ausztráliába, Melbourne-be kivándorolt horvátok 2-3. generációjának nyelvi vizsgálata. 'Jezična situacija druge i treće generacije Hrvata iseljenika u Melbournu u Australiji'
Egy előadás Sidney-ben a Magyarok Világtalálkozóján.

POZSONY

XI. Szlavisztikai Kongresszus 1993. VIII. 30 - IX. 10.

A szlovén irodalmi nyelv szótári készletének kialakulása. 'Nastanek slovskega besedišča slovskega knjižnega jezika'.

PULA

Prvi hrvatski slavistički kongres. Zbornik radova.

Recenzent: (Karlo Gadanyi, Szombathely)

KRAKKÓ

XII. Szlavisztikai Kongresszus 1998. VIII. 28 - IX. 4.

A horvát nyelv és kultúra hatása a szlovén irodalmi nyelv fejlődésére. 'Vpliv hrvaškega jezika in kulture na razvoj slovskega knjižnega jezika'

Az ausztró-szláv nyelvi, kulturális szubareál mint a szociolingvisztikai kutatások tárgya
'Австрославянский культурно-языковой субареал как объект социоллингвистических исследований'

ZÁGRÁB

A Zala megyei horvátok. 'Hrvati u županiji Zala'. Tudományos ülés. Zágráb, 1998. IX. 5.

ESZÉK

II. Horvát Kongresszus. 1999. VIII.29 – IX.5.

Kaj-horvát ragadványnevek. 'Nadimci kajkavskih Hrvata'

Magyarországi tudományegyetemek és főiskolák konferenciái

DEBRECEN

Szlavisztikai Napok: 1979. január 29-30.

A délszláv ifjúsági irodalom - nyelvi aspektusból. 'Jezični aspekti u omladinskoj književnosti kod južnih Slavena'.

Nemzetközi Szlavisztikai Napok: 1992. I. 20-21.

Magyar - szlovén kapcsolatok. 'Madžarsko-slovenski stiki'

BUDAPEST

Miroslav Krleža i hrvatsko-kajkavska kulturna tradicija. ELTE BTK, 1993.

A tudományos terminológia kialakulása a horvát nyelvben ELTE BTK, 1998.

Szlovén-magyar nyelvi és irodalmi kapcsolatok Kosicstól napjainkig. 'Slovensko-madžarski jezikovni in književni stiki od Košiča do danes'. ELTE BTK, 1998. II. 15.

A szlovének nemzeti újjáébredése. Magyar elemek a szlovén nyelvben. 'Narodno prebujanje Slovencev. Madžarski elementi v slovenskem jeziku'.

150 éves a budapesti szlavisztika. ELTE BTK, 1998. V.10-11.

Szlavisztikai kutatások Szombathelyen. Európai terminológia. 'Slavistične raziskave v Sombathelyu. Evropska terminologija'. ELTE BTK, 1998. V.20-22.

A szlovén szakterminológia kialakulása. 'Nastanek slovenske strokovne terminologije'

SZEGED

JATE BTK Szlavisztikai konferencia: 1991. V. 26-27.

Na presvetlo inu Rimsko Zerazzizo

Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia: 1992. V. 1-2.

A gradistyei horvát, mint anyanyelv oktatása. 'Nastava gradišćanskohrvatskog jezika kao materinskog jezika'

50 éves a szegedi szlavisztika. Szeged, 1997. nov. 14-15.

A Vas megyei szlovének nyelvéről és kultúrájáról. 'O jeziku in kulturi Slovencev v Železni županiji'

NYÍREGYHÁZA

Első Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia: 1991. május 3-4.

Kétnyelvűség Rábavidék és Prekmurje iskoláiban. 'Dvojezičnost v porabskih in prekmurških šolah'

SZOMBATHELY

Nemzetközi Dialektológiai Szimpózium. 1992. augusztus 27-28.

A melléknevek egy lexikai csoportja a Zala megyei horvátok nyelvjárásában. /A magyar nyelv tükrében/. 'Jedna leksička skupina pridjeva u narječju zalskih Hrvata (u zrcalu mađarskog jezika)'

V. Nemzetközi Szlavisztikai Napok: 1994. V. 27-28.

A szlávok nemzeti újjászületése a XIX. században. 'Narodno prebujanje Slovanov v 19. stoletju'

Borostyánkőút konferencia: 1994. III. 20-22.

Nyugat-Dunántúl déli szláv nemzetiségei. 'O slavenskim manjinama zapadnog Zadunavjlja'

Nyelvi tudat, identitástudat, nyelvhasználat. /Nemzetközi tudományos ülés, 1995. aug. 24-25./

Dobrovsky, Kopitar, Vostokov ter izvor stare cerkvene slovanščine

Nemzetközi Szlavisztikai Napok. 1998. V.29-30.

Nyelvjárás és anyanyelv. 'Narečje in materni jezik'

PÉCS

Russzisztikai Konferencia: 1981. IV. 19-20.

Színantonímák az orosz és a magyar nyelvben.

Szlavisztikai Konferencia: 1984.

A fekete színnév csoportja. 'Odenki črne barve'

Poljoprivredni leksik u govoru pomurskih Hrvata. 1992. V. 22-23.

Pučke mudre izreke pomurskih Hrvata. 1994. IV. 29-30.

Nemzetiségi nyelvi, kulturális kapcsolatok. 1998. IV. 11-12.

Nemzetiségi bölcs mondások. 'Mudre izreke Keresturčana'

Horvátok és magyarok. Pécs. 1998. X. 10.

A murakeresztúri horvát katonák mondásai. 'Čuvene izreke keresturskih vojnika'

IV. Kroatisztikai Nemzetközi Tudományos Ülés. 2000. november 23-24.

Ragadványnevek a Zala megyei horvátoknál. 'Nadimci zalskih Hrvata kajkavaca'

Nemzetközi Kroatisztikai Tudományos Konferencia. 2002. XII. 6-7.

O poteškočama transkripcije hrvatskih i ruskih onomastičkih naziva

ВЗАИМОСВЯЗАННОЕ ОБУЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ

В XXI веке новая языковая политика и реформа преподавания иностранных языков -- это вопрос, решающий судьбу и будущее Венгрии. Он определяет и общедоступное школьное образование, а также и высшее образование. Венгерское хозяйство, которое стремится быть открытым на близкие регионы и на весь мир, требует работников, владеющих иностранными языками, умеющих эффективно вести переговоры с использованием коммуникативных средств культуры партнёра. Преподавание иностранных языков в Венгрии означает прежде всего усвоение английского языка, немецкого как традиционного в Венгрии иностранного языка и -- в оптимальном случае -- также и усвоение хотя бы одного из славянских языков.

На пороге вступления в Евросоюз в Венгрии изучение иностранных языков, как правило, связывается с личной пользой, иначе говоря, изучается тот иностранный язык, который обещает непосредственную практическую выгоду. С другой стороны "внешняя торговля, экономическое развитие общества зависит от того, насколько его граждане владеют иностранными языками. Отсюда -- зависимость экономического развития страны от её языковой политики" (Бердичевский 2000:29).

С 2002-го года началась новая эпоха в области торгово-экономических связей двух стран. Правительствами двух стран приняты меры в интересах:

- улучшения торгового баланса,
- увеличения венгерского экспорта в Россию,
- углубления сотрудничества в области научно-исследовательской работы,
- укрепления регионального сотрудничества,
- создания новых контактов в области туризма, культуры и образования.

В настоящее время крупные венгерские предприятия, акционерные общества, как например, *Рихтер Геден* (медикаменты), *Икарбус* (автобусы), *Глобус* (продукты) с ростом экспорта стараются увеличивать свое присутствие на рынке России и стран СНГ, создавать новые представительства, расширять торговую сеть в стране покупателя. Мы можем быть уверены, что Россия и в настоящее время играет и в будущем будет играть значительную роль во внешнеторговой деятельности Венгрии.

Итоговой целью обучения русскому языку как средству делового общения является формирование определенного уровня **коммуникативной компетенции**, под которой понимается способность учащегося к выбору с учетом социального контекста общения стратегии речевого поведения, реализуемой в результате использования адекватным условиям об-

щения тактик речевого поведения. В целях построения эффективной системы обучения русскому языку как средству делового общения целесообразно разграничивать такие составляющие коммуникативной компетенции, как языковая, речевая, дискурсивная, социолингвистическая, предметная, цивилизационная и стратегическая (Михалкина 2000:144-145).

Как известно, обучение деловому общению в Венгрии проводится не только в экономических вузах, но и в университетах и в высших школах филологического профиля. В последние годы обучение профессионально-деловому общению на русском языке старается соответствовать новым требованиям рыночной экономики эпохи глобализации.

При разработке вопросов обучения деловому русскому языку в Венгрии учитывается и используется богатый опыт преподавательской работы в обучении профессионально-деловому общению венгерских (Бокор 1997, Сиклаи 1997, 1999, Фодор 1997, Цинеге 1997, Тенкеи 1998) и зарубежных специалистов, авторов учебных материалов по деловому русскому языку (Клубокова-Михалкина-Салтановская-Хавронина 1997, Seyr 1998, Seyr-Smirnov 2000, Стрелкова 2000 и др.)

На современном этапе развития нашего общества резко возрастает культурообразующая функция образования, которое из способа просвещения должно превратиться в **механизм развития культуры**, формирования образа мира и человека в нём. Мы полностью согласны с мнением Бердичевского А.Л., по которому самое главное в концепции образования в Европе состоит в том, что образованный человек является **продуктом своей культуры**, что позволяет ему быть толерантным: учитывать взгляды других и в соответствии с этим корректировать свои собственные (Бердичевский 2002:60).

Изучение любого иностранного языка в отрыве от информации, служащей формированию социокультурной компетенции обучаемых, является не только неполным, но, зачастую, ущербным. Социокультурная компетенция подразумевает формирование знаний, умений и навыков в двух направлениях:

- собственно страноведческих знаний;
- лингвострановедческих знаний - об эквивалентной, безэквивалентной и фоновой лексике и др.

Культурологическая информация, на наш взгляд, включает в себя не только знания о государственном и территориально-административном устройстве страны изучаемого языка (в нашем случае, Российской Федерации), но в гораздо большей степени знаний об укладе повседневной жизни и быта российских граждан, национальных привычках и традициях. Особенное внимание уделяется изучению особенностей национального характера и национальных мыслительных и поведенческих стереотипов. Это особенно важно для будущих экономистов, ведь их профессиональная деятельность тесно связана с межличностной коммуникацией в русскоязычной среде.

Любой человек, желающий полноценно общаться с носителем иного языка и иной культуры, должен перенять в момент общения не только иноязычную лексику и грамматику, но и способ мышления. На наш взгляд, иностранец, изучающий русский язык, должен не только научиться говорить и думать по-русски, но и понимать взгляд на мир своего русского собеседника, поскольку мировоззренческая система носителей определенной культуры находит непосредственное яркое отражение в живой разговорной речи.

Проблема соотношения языка и культуры, видов и способов подачи культурного компонента, **обучения межкультурной коммуникации** и в нашем веке не теряет актуальности. В своём развитии современная наука о языке требует основательного рассмотрения других экстралингвистических факторов и взаимоотношения с другими отраслями лингвистики: антропологической, когнитивной лингвистикой, психо-, социо- и этнолингвистикой, лингвокультурологией.

В последние годы в лингвострановедческом аспекте большое внимание уделяется анализу соотношения языка и культуры с учетом человеческого фактора, анализу личности как высшей ценности, её замыслам и побуждениям, восприятию ею иноэтической культуры и изучаемого языка. Вслед за Верещагиным Е.М. и Костомаровым В.Г., данную проблему исследуют Воробьёв В.В. (1997), Прохоров Ю.Е. (1998), и многие другие. Из учебных материалов заслуживают внимания учебники Белянко-Трушина: *Русские с первого взгляда* (Москва 1994), Громбиташ: *Венгерское страноведение на русском языке* (Budapest, 1994), Kollarova E--Trusina L.: *Встречи с Россией I-II*. (Bratislava, 1996, 1998.), Соловьева В.М.: *Тайны русской души* (Москва 2001), Жельвис В.: *Эти странные русские* (Москва 2002) и другие.

В настоящее время, на наш взгляд, и по учебным материалам последнего времени справедливо выдвигается в качестве цели обучения иностранным языкам **межкультурная (социальная) компетенция**, при которой сам процесс обучения должен превратиться в межкультурное обучение. При этом важным аспектом является не усвоение определённой суммы знаний о другой культуре, которые будут постоянно нехватать, а используемые при этом усвоении представления, умения и стратегии, необходимые для дальнейшего раскрытия чего то «чужого». Таким образом **межкультурное обучение** – это образовательно-развивающий процесс, в ходе которого обе культуры (родная и иноязычная) играют существенную роль и проявляются как культурные удаления, так и культурные сближения (Бердичевский 2002:61-63).

Мы полностью придерживаемся мнения исследователей по поводу определения терминов: **лингвокультурология** – это комплексная научная дисциплина (Воробьёв 1997), а **лингвострановедение** её прикладной аспект, практическая реализация, основа для диалога культур при изучении иностранных языков. Для обеспечения эффективного понимания

текста в учебном процессе центром внимания многих ученых исследователей стали лингвострановедческие ценные единицы. По известной концепции В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой (1997) такими единицами должны стать **логоэпистемы**, т.е. различные языковые единицы (фразеологизмы, крылатые слова, цитаты), непосредственно отражающие национальную культуру.

Центральным понятием лингвострановедческой методики обучения языку становится понятие "**русская языковая личность**" (Ю.Н. Караулов:1989, В.Г. Костомаров:1999, Ю.Е. Прохоров:1996, В.В. Воробьёв:1997). Результаты исследований отражаются и в процессе обучения профессионально-деловому общению в Венгрии. Также находят применения результаты **лингвокультурологии**, исследующей живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа (Воробьёв 1997). Очень важны исследования, посвященные изучению меняющейся ментальности русского человека, публикуемые как русскими, так и зарубежными авторами (см. Воробьёв 1997, Коженевска-Берчинска 1996).

При составлении учебных материалов по страноведению, культурологии всё чаще учитываются принципы – опоры на национальную культуру и аутентичность. Страноведческая информация в учебный процесс по возможности вводится в виде сопоставления с родной страной, с родной культурой.

Из многочисленных учебников русского языка такого типа выделяются пособия для обучения устному деловому общению: Фекете и др.: *Профессиональная коммуникация на русском языке* (Будапешт, 1997) и Стрелкова, К.: *Пути улучшения коммуникации на русском языке* (Братислава, 2000). В них выделены качества делового человека (бизнесмена и "бизнес-вумен"), этикетные правила и культура поведения деловых людей, правила создания их имиджа, а также важные аспекты невербальной коммуникации.

Тесно связаны с общепринятыми правилами протокола и этикета новые исследования, изложенные в статье Е.Пели: "Менеджеру, бизнесменам необходимо знать как служебный, так и светский **этикет**, потому что деловое общение не ограничивается условиями официального, офисного общения. Цивилизованный менеджер должен уметь организовать и провести приём, в том числе и в домашней обстановке, знать особенности речевого поведения в театре, ресторане, на вернисаже и т.п." (Пели 2002:57-60.)

Этикетные правила и культура поведения деловых людей ярко отражается на приёмах и на официальных ужинах, когда обычно и хозяева и гости произносят тосты. Общеизвестны, зато интересно подитоживаны наблюдения и размышления В. Золотарёвой о том, как принято произнести тост. В них пишется о традициях русских тостов, о том, по какому по-

воду произносятся тосты, за кого произносят тост, какую роль играет тамада, и другие советы по произнесению тоста (Золотарёва 2001:28-35).

Заслуживает особого внимания и для зарубежных деловых людей и для российских бизнесменов книга **"Тайны русской души"** В.М. Соловьева (Москва. 2001). Она предназначена изучающим русский язык иностранцам, желающим расширить и углубить свои представления о культуре, обычаях, этнопсихологических особенностях, менталитете русского народа. Она послужит своеобразным путеводителем по русскому характеру. В послесловии автор подчёркивает о русском человеке: «Итак, русские – народ со своими яркими особенностями, устойчивыми привычками, пристрастиями и своеобразным темпераментом. Ему по душе разудалое гулянье, и порой на него накатывает неудержимая тоска. Он может быть не из-за чего и весёлым, и беспричинно угрюмым.» Далее пишется: «Мудрый и бывалый человек пользуется большим уважением, чем учёный, редко выходящий из своего рабочего кабинета. Нелюбовь ко всяким ограничениям, пренебрежение к дисциплине и порядку сочетаются с готовностью терпеть жестокий режим, выносить произвол и насилие властей (Соловьев 2001:109).

Если спросить русских, какими они видят себя, они ответят в зависимости от настроения. А поскольку 23 часа в сутки настроение у них неважное, то скорее всего вы услышите, что они – самый несчастный и невезучий народ в мире, что вот раньше, при коммунистах, всё было гораздо лучше, до революции в сто раз лучше, чем при коммунистах, а уж во времена Киевской Руси и вовсе великолепно. Если настроение будет лучше, они, возможно скажут вам, что они – самые доброжелательный, самый гостеприимный и самый дружелюбный народ на свете, и это будет уже гораздо ближе к истине. И наконец-то подчёркивается, что Россия – необычайная страна. Очень необычайная (Жельвис 2002:6). Об этих же проблемах идёт речь в скромной книге В. Жельвис: **Эти странные русские** (Москва. 2002), которая предлагается тоже прежде всего иностранцам.

В интересах знакомства с обычаями, менталитетом деловых людей этой необычайной, нередко таинственной страны и реализации поставленных целей обучения, в недалёком будущем предусмотрено дополненное и переработанное издание в Венгрии известного учебника **"Русский язык в деловом общении"** (авторы: Клобукова Л., Михалкина И., Солтановская Т., Хавронина С.).

Учебник прошёл шестилетний опыт работы в США, России и в ряде стран мира. В настоящее время готовятся к изданию инварианты учебника для учащихся Германии, Польши, Испании, Китая, Южной Кореи и других стран.

Основная цель обучения по данному учебнику научить учащихся решать на русском языке задачи реальной бизнес-коммуникации, возникающие в процессе работы иностранных компаний на российском рынке.

Венгерский вариант данного учебника предназначен для занятий по русскому языку в группах венгерских специалистов в области внешне-экономической деятельности, имеющих среднюю языковую подготовку и желающих совершенствовать речевые навыки делового общения. Курс может быть также использован при работе с венгерскими студентами и аспирантами экономических вузов и факультетов.

Курс имеет практическую коммуникативную направленность. Его основная задача: способствовать комплексному развитию умений в четырёх видах речевой деятельности, а также формированию необходимой для этого языковой компетенции. Последовательность материала, предложенная в учебнике, учитывает переход от овладения языковыми средствами к развитию речевых умений, от рецептивных видов речи к репродуктивно-продуктивным, от устной формы речи – к письменной.

Предполагается, что данное издание для обучения деловому общению венгерских учащихся-специалистов будет способствовать не только повышению общего уровня преподавания русского языка в Венгрии, но и успешному решению профессиональных задач в ходе развития торгово-экономического сотрудничества между Венгрией и Россией.

Литература:

- Бакони, И.: Преподавание русского языка в Венгрии: Базовое, профессиональное, деловое (история, современное состояние, перспективы) Дьёр-Будапешт, 2000.
- Белянко, О.Е.--Грушина, Л.Б.: Русские с первого взгляда. Москва. Русский язык. Курсы. 1994.
- Бердичевский, А.Л.: Является ли русский язык международным? Мир русского слова № 1. 2000.
- Бердичевский, А.Л.: Современные тенденции в обучении иностранному языку в Европе Русский язык за рубежом № 2. 2002.
- Воробьёв, В.В.: Лингвокультурология (теория и методы). Москва. ГУДН. 1997
- Зайер, Б.: Составление учебных пособий по русскому языку для экономистов. Русский язык в центре Европы 2. Банска Бистрица. 2000.
- Золотарёва, В.: Как произнести тост? Mitteilungen für Lehrer slawischer Fremdsprachen Dez. 2001. St. Pölten № 82.
- Жаркова, Е.Х.-Кутукова, Н.В.-Ольхова, Л.Н.: Разговоры по душам. СПб: Златоуст. 2002.
- Жельвис, В.: Эти странные русские. Москва: Эгмонт Россия. Лтд., 2002.
- Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения. Язык и личность. Москва. 1989.
- Клобукова, Л.П.--Михалкина, И.В.--Салтановская,Т.В.--Хавронина, С.А.: Русский язык в деловом общении. Под ред.: Д.Дэвидсона. Washington. 1997.
- Кожневска-Берчинска, И.: Новация в языковой картине российского человека. На основе современных публицистических текстов. Ольштын. 1996.

- Костомаров, В.Г.: Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Санкт-Петербург: АОЗТ Златоуст. 1999.
- Костомаров, В.Г.-- Бурвикова, Н.Д.: Особенности понимания современного русского текста. Будапешт. ВЕСТНИК ФИРЯП. № 7. 1997.
- Михалкина, И.В.: Многоуровневая система обучения и сертификации ного контроля по русскому языку как средству делового общения: основные концептуальные положения. В юбилейном сборнике: Лингводидактический поиск на рубеже веков. Москва. Гос.ИРЯП.2000.
- Пели, Е.: Этикет для деловых людей, представителей разных национальностей. Русский язык на завтра № 32-33. 2002.
- Прохоров, Ю.Е.: Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Москва. Педагогика-Пресс. 1996.
- Соловьёв, В.М.: Тайны русской души. Москва. Русский язык. Курсы. 2001.
- Тер-Минасова, С.Г.: Язык и межкультурная коммуникация. Москва. Слово. 2000.
- Тромбиташ, Э.: Страноведение в языковой и профессиональной подготовке студентов-экономистов. Русский язык в центре Европы 2. Банска Бистрица. 2000.
- Vokor, R.: Деловой язык и терминология на русском языке. Üzleti nyelv és szakterminológia orosz nyelven. Budapest. Külkereskedelmi Főiskola. 1997.
- Czinege, A.: Страноведение. Сольнок. 1997.
- Fekete, F.--Koleszár, F.--Mérei, V.--Szerencsés, H.: Szakmai kommunikáció orosz nyelven. Budapest. Külkereskedelmi Főiskola. 1997.
- Fodor, Z.: Язык бизнесмена 1-2-3. Budapest. Nemzeti Tankönyvkiadó. 1997.
- Kemény, Cs.-Trombitás, E.: Русское страноведение. Budapest. Külkereskedelmi Főiskola. 1996.
- Seyr, B.: Russisch im Beruf, 1-2-3. Teil. Wien. Medien Service. 1998..
- Seyr, B.--Smirnov, A.: Russisch im Beruf 5. Банковские услуги. Wien. Medien Service. 2000.
- Strelkova, K.: Cesty k lepej komunikácii v ruskom jazyku. Bratislava. EKONOM. 2000.
- Sziklai, M.: Ближе к делу. (деловой русский язык). Budapest. AULA Kiadó. 1997.
- Sziklai, M.: Вопросы экономики. Курс русского делового языка 1-2. Gazdasági ismeretek oroszul. Budapest. Külkereskedelmi Főiskola. 1999.
- Tenkei, S.: Секрет успешных переговоров. Szolnok. Kereskedelmi és Gazdasági Főiskola. 1998.
- Trombitás, E.: Венгерское страноведение на русском языке. Budapest: Külkereskedelmi Főiskola. 1994.

РОЛЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Отсутствие исторических доказательств не позволяет нам определить, когда возникли первые специальные языки и когда впервые была замечена их специфика. Нет сомнений, что определёнными специальными языками располагали не только древние греки и римляне, но также и древние египтяне и китайцы, хотя мы не знаем, насколько они осознавали специфику этих языков. Вполне понятно, что эти события сегодня очень трудно реконструировать точно, но несмотря на это, мы можем приблизительно сказать, с каких пор ведутся систематические исследования в этой области. Речь идёт здесь о довольно коротком времени, о периоде протяжённостью в сто лет, когда-то в конце XIX–го столетия в некоторых странах мира развитие инноваций и соответственно специальных языков в некоторых областях человеческой деятельности было так значительно, что начинало уже угрожать возникновением определённого языкового хаоса при отсутствии упорядочения словарного состава, касающегося прежде всего авангардных отраслей человеческой деятельности. В начале не было надобности в полном изучении специальных языков, и исследования проводились только в области терминологии.

Во второй половине XX – го столетия были замечены и другие специфические элементы специальных языков и/или текстов, прежде всего благодаря лингводидактике и трансляторике. Было осознано, что специальными языками располагают не только технические и/или научные отрасли знания, но и любая профессиональная деятельность (творчество) человека. Между тем выяснилось, что у некоторых специальных языков есть довольно длинная история. С того времени очень много наблюдений было сделано относительно специальных языков, но несмотря на это мы ещё далеки от того, чтобы понять все их аспекты и функции. Мы находимся только в начале многостороннего изучения специальных языков, но вместо того более интенсивные исследования проводятся в области терминологии.

Науку о специальных языках мы не можем создать только с помощью простого расширения границ терминологии. Терминология и наука о специальных языках – это две разные области исследования. Их пределы не одинаковы, они скорее всего пересекаются. Наука о специальных языках является в большей мере частью языкознания, в то время как терминология только в меньшей степени принадлежит к лингвистике и в большей – к соответствующим отраслям знания. Главным объектом терминологии являются не только сами термины как названия, но в той же самой степени и те знания, которые репрезентированы терминологическими системами. Банки терминологии – это банки специальных знаний.

Упорядоченность терминологии – это не что иное как упорядоченность именно этих знаний.

Одним из проявлений развития человеческой цивилизации является всё более тонкое разделение труда, в результате которого постоянно возникают всё новые и новые профессии. Люди (группы людей), принадлежащие к одной и той же профессии спустя некоторое время создают свой собственный язык, который раньше или позже превращается в соответствующий специальный язык. Специальный язык – это не что иное, как определённое образование, которое характеризует людей, исполняющих одну и ту же работу, приписывающий им характер определённого сообщества. Цивилизационное развитие данного общества зависит от богатства специальных языков, которыми оно располагает. Стоит добавить, что о цивилизационном развитии данного общества свидетельствует не только количество специальных языков, но и их состояние, их внутреннее богатство, упорядоченность и прежде всего точность лексических элементов (терминов). При этом не безразлично и то, сколько членов данного общества знает соответствующие специальные языки и в какой степени может пользоваться ими в создании своих собственных инноваций и/или в заимствовании и адаптации чужих. Стоит отметить, что об уровне цивилизационного развития свидетельствует не только точность специальных языков и точное пользование ими, но прежде всего тот уровень точности, который характеризует отдельные виды работы.

Мотором цивилизационного прогресса всегда было какое-то конкретное общество, существующее в конкретном пространстве и конкретном времени, но не всегда одно и то же. Процесс цивилизационного развития в глобальном масштабе характеризует не только постоянная активность, но также и растущий перманентным образом темп, который проявляется в быстрой дифференциации, преобразовании человеческого труда, в возникновении новых специальностей и профессий. Результатом этого явления является быстрое развитие специальных языков.

В настоящее время лавинообразно растут новые знания, появляются всё новые и новые инновации и в результате этого растёт количество и качество новых продуктов. Одновременно с этим устаревают вчерашние инновации. Растёт число научных работников, что указывает на определённый уровень цивилизационного развития данного общества. В телекоммуникационной электронике, например, знания устаревают уже в течение 2-3 лет и вместе с тем и устаревают и базирующиеся на нём продукты. Это ведёт к тому, что в таком же темпе изменяются, устаревают и соответствующие специальные языки. Если учесть тот факт, что достаточно развитые естественные языки содержат приблизительно 200-300 тысяч слов, что средний пользователь языком обладает набором из нескольких тысяч слов и что количество специальных терминов достигает 3-5 миллионов, тогда мы сможем ясно представить себе, с какими проблемами нам приходится сталкиваться сейчас и что нас ждёт в будущем.

Утверждение, что специальные языки являются специфическими показателями развития цивилизации не является исчерпывающим ответом на вопрос о смысле их существования. Специальные языки были созданы не для того, чтобы «сигнализировать» уровень цивилизационного развития человечества и/или отдельных обществ. Основной причиной их создания и одновременно главным смыслом их существования являются их инструментальные функции. Специальные языки позволяют нам не только принять участие в процессе цивилизационного развития, но и воспользоваться достижениями (результатами) других. Иначе говоря, без специальных языков невозможно создать, заимствовать или претворить в жизнь никакой инновации. Но без инновации нет развития. Возможность, о которой идёт речь, с точки зрения данного общества зависит от уровня развития, внутреннего упорядочения и точности семантических элементов специальных языков, которыми оно «располагает». В случае конкретных лиц речь идёт о том, в какой степени они знают отдельные специальные языки и в какой степени они способны пользоваться ними. Тот, кто не владеет соответствующим специальным языком, останется вне данного профессионального сообщества и в конце концов вне цивилизованного мира. Некоторые функции специальных языков важны для общества в целом. Каждый член так называемого «гражданского общества» должен знать не только специальный язык политики, но и в определённой степени также и язык экономики, финансовой сферы и разных государственных и муниципальных учреждений. Очень важно знать также, хотя бы в некоторой степени, и язык телекоммуникационной электроники. Каждый должен знать в какой-то степени, и язык медицины и фармакологии. Если мы не будем знать соответствующих специальных языков, мы не сможем разумным образом использовать созданные в данной области инновации, не говоря уже о том, что мы не сможем даже обратиться за нужным нам советом.

Мы хорошо знаем, что мы не будем считать специалистом того, кто не знает соответствующего специального языка. Однако в современном мире недостаточно знать только специальный язык своей профессии. В какой-то степени надо знать и некоторые «чужие» специальные языки. Кроме того, некоторые специальные языки стали уже общими, и таким образом, недостаточно только изучать их, но надо их постоянно актуализировать. К сожалению, это осознало только незначительное число людей, имеющих право принимать решения. Об этом лучше всего свидетельствуют программы школьного обучения, которые переполнены знаниями о прошлом мире и только в незначительной степени касаются будущего. О том, что явлениям, происходящим в современном мире, очень часто не уделяется должного внимания свидетельствует, в частности, тот факт, что приоритет предоставляется именно такой образовательной и культурно-аксиологической парадигме, которая выше оценивает знание художественной литературы или истории, чем, например, знание иностранных

и/или специальных языков или, пользуясь иным примером, более позитивно оценивает актёров, режиссёров, певцов, чем специалистов по информатике, врачей и т.д.

В период присоединения к Евросоюзу стоит иметь в виду тот факт, что любая система, будет она политической, общественной, гражданской или административной, имеет свой специальный язык. К каждой из них относится специфическая культура (в том числе и ментальная культура), специфическая языковая прагматика, определённые способы выражения и аргументирования и т.д. Чем точнее мы определим данную систему, тем более точным будет и специальный язык, который репрезентирует эту систему. Как изменение общественного строя, так и процесс европейской интеграции содержат в себе необходимость развития и приспособления существующих у нас специальных языков к международному стандарту. Иначе говоря, чтобы достичь этой цели, «старые» специальные языки и вместе с ними «старую» ментальность надо заменить «новыми» специальными языками и «новой» ментальностью. Но «новые» специальные языки надо сперва создать, одобрить и ввести в коммуникационный оборот. Похожую задачу надо выполнить и относительно ментальности. С помощью «старых» специальных языков нельзя адекватно сформулировать никакой инновации, никакой новой теории. Со «старой» ментальностью нельзя полностью понять новый мир. С помощью разговорного языка нельзя выразить то, что возможно только на специальном языке. Кстати, незнание специальных языков способствует манипуляции. Выражение нового знания на «старом» языке тем труднее, чем больше разница между старым и новым знанием и чем более высокий уровень специализации представляет собой новое знание. Это замечание относится также и к передаче знания с одного языка на другой, т.е. транскодирования. Если мы хотим заимствовать «чужие» знания, «чужой» опыт, «чужие» системы, «чужой» общественный строй, тогда мы должны создать тоже и соответствующие компатибельные специальные языки. Если мы хотим популяризировать заимствованное нами знание, систему или общественный строй, мы должны популяризировать соответствующие им языки и их адекватное употребление. Одновременно надо тоже создавать и популяризировать соответствующую новую ментальность. По-моему, в Венгрии ни один из этих процессов ещё не совершился до конца. С этим ещё не справилась даже сама политическая элита. Как соответствующие специальные языки, так и ментальность большей части упомянутой выше элиты представляет собой своеобразный гибрид, т.е. своеобразное скрещивание старого с новым. Это проявляется, в частности, в таких выражениях как: «Свободный рынок – да! Но при условии, что он будет контролироваться». Или «Капиталистический строй – да! Но он должен быть таким, при котором ни капитал, ни капиталист не будут доминировать».

На основе вышесказанного мы можем прийти к выводу, что специальными языками должна заниматься в большей, чем до сих пор, степени – не только лингводидактика, но и трансляторика. Кроме того, существует необходимость в лингводидактике и трансляторике специальных языков. Задача трансляторики заключается в том, чтобы «репродуцировать» и приспособлявать соответствующие «иностранные» специальные языки, а лингводидактика должна расширить свой круг деятельности таким образом, чтобы в её пределах оказались и «родные» специальные языки. Было бы очень полезным, чтобы специальные языки оказались в школьных программах обучения. Поэтому надо начать популяризировать значение специальных языков, их роль в развитии человеческой цивилизации, знания, касающиеся их инструментальных функций и то, что без усвоения определённых специальных языков нельзя усвоить никаких знаний. Специальный язык отличается от литературного языка во многих отношениях, характеризуется, например, меньшей избыточностью, употребляет намного меньше метафор и т.д.

Специальный язык, как специфический предмет исследования, требует применения новой методологии потому, что традиционные лингвистические методы для этого уже недостаточны. В настоящее время мы наблюдаем рождение новой дисциплины, лингвистики специальных языков, пределы и методология которой вырисовываются всё более и более отчётливо. Мы можем говорить например о лексике, синтагматике, синтаксисе, фразеологии, текстах и т.д. специальных языков. Мы можем говорить об обучении специальному языку как родному и как иностранному языку, мы можем анализировать конкретные специальные языки и специальный язык вообще. Следовательно, мы можем говорить об отдельной дисциплине науки, а именно об *технолингвистике*.

Литература

- Albrecht J., Baum R. (ред.). 1992. Fachsprache und Terminologie in Geschichte und Gegenwart. Tübingen.
- Bósze Péter (глав. ред.). 2002. Magyar orvosi nyelv. II. évf. 1. szám.
- Buhlmann R., Fearn A. 1987. Handbuch des Fachsprachenunterrichts. Unter besonderer Berücksichtigung naturwissenschaftlich-technischer Fachsprachen. Berlin et al.
- Bungarten T., 1981. Wissenschaftssprache und Gesellschaft. Auswahlbibliographie. Hamburg.
- Busse D. 1989. Sprachwissenschaftliche Terminologie. Verständlichkeits- und Vermittlungsprobleme der linguistischen Fachsprache. „Muttersprache”. 99. 27-38.
- Gajda S. 1997. Polskie języki specjalistyczne dawniej i dziś. In: Arabski J. (ред.). Języki specjalistyczne. Język biznesu. Wyższa Szkoła Zarządzania Marketingowego i Języków Obcych w Katowicach. Katowice.

- Grucza F. 1991. Terminologia – jej przedmiot, status i znaczenie. In: Grucza F. (szerk.). Teoretyczne podstawy terminologii. Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wrocław.
- Grucza F., Kozłowska Z. 1994. (ред.). Języki specjalistyczne. Materiały XVII Ogólnopolskiego Sympozjum ILS UW. Warszawa 9-11 stycznia 1992. Warszawa.
- Hoffmann L. 1983. Fachtextlinguistik. In: „Fachsprache”. Hft. 5, 2.
- Keszler Borbála 2002. A gyökerek: a magyar orvosi kifejezések eredete. In: Magyar Orvosi Nyelv. II- évf. 1. szám.
- Klaudy Kinga – Kohn János 1997. (eds.). Transfere necesse est. Proceedings of the 2nd International Conference on Current Trends in Studies of Translation and Interpreting. 5-7 September, 1996, Budapest, Hungary. Scholastica. Budapest.
- Klaudy Kinga 1994. A fordítás elmélete és gyakorlata (második kiadás). Scholastica. Budapest
- Lewandowski J. (ред.) Języki specjalistyczne. 2003. Problemy technolingwistyki. Uniwersytet Warszawski. Katedra Języków Specjalistycznych. Warszawa.
- Lukszyn J. 1998. Język specjalistyczny a myślenie zawodowe. In: „Przegląd Rusycystyczny”. Z. 3-4.
- Lukszyn J. (ред.). 2001. Języki specjalistyczne. Metajęzyk Lingwistyki. Katedra Języków Specjalistycznych Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa.
- Nyomárkay István 2001. Adalékok a horvát szaknyelv és német mintáihoz. In: Magyar Nyelvőr. Nr. 125 225-232.
- Murdoch A. 2000. Język Public Relations. Poltext. Warszawa.
- Stoberski Z. 1974. Prace UNESCO i ISO nad terminologią naukową i techniczną. In: „Poradnik Językowy”. Warszawa. 527-532.

**MIKROTOPONIMI - ZNAČAJNA VRELA ZA ISTRAŽIVANJE
HRVATSKIH GOVORA U JUŽNOJ MAĐARSKOJ**

Tema izlaganja iziskuje kraće uvodne povijesne napomene.

1. Autohtone slavenske skupine u uskom srodstvu s hrvatskim plemenima koja su formirala hrvatsku državu još su i po dolasku Mađara u današnje prostore Mađarske dugo živjele u južnim dijelovima Zadunavlja, a bilo je doseljavanje Hrvata u Ugarsku i za vrijeme vladavine Bele IV., ipak dolazak većine sadašnjeg hrvatskog stanovništva Mađarske stavlja se u vezu s turskim osvajanjima. Od hrvatskih etničkih skupina Gradišćanski Hrvati - koji žive kao što je poznato u austrijskoj pokrajini Burgenlandu (Gradišću), odnosno Zapadnoj Mađarskoj i u par naselja u Slovačkoj - doselili su se prvi, još poslije bitke na Krbavskom (1493.), odnosno Mohačkom polju (1526.) Dijelom su došli kao izbjeglice, ali su ih naseljavali i hrvatski velikaši koji su imali svoje posjede u Ugarskoj. To plansko naseljavanje nastavilo se do početka 1600-ih godina. Ostale hrvatske etničke grupe u današnjoj Mađarskoj: Pomurski Hrvati, dijelom i Podravski Hrvati (iako u njihovu slučaju neki istraživači pa i autor ovoga teksta, prepostavljaju da se oni naslanjaju na prijašnje hrvatsko stanovništvo ovoga kraja), baranjski i bački Šokci i Bošnjaci, odnosno bački Bunjevci i Podunavski ili Racki Hrvati, a time smo naveli sve današnje hrvatske etničke skupine u Mađarskoj, doselili su se za vrijeme turske okupacije u južne i središnje dijelove Ugarske, odnosno došli kao izbjeglice nakon neuspjeha Habsburgovaca u Bosni, u doba uspješnoga rata za oslobođenje Hrvatske i Ugarske, između 1683. i 1699. godine. Naseljavanje hrvatskih kmetova iz Slavonije koja je tada bila puna bosanskih izbjeglica, odnosno od Turaka pošteđenih, prenapučenih krajeva Hrvatske na prazne posjede crkvenih i svjetovnih feudalaca u Ugarskoj nastavilo se i u XVIII. stoljeću. Upravo potomci dijela ovih doseljenika sačinjavaju stanovništvo više hrvatskih sela u južnoj Mađarskoj.

2. Manje ili veće ljudske zajednice nastanjujući i imenujući sredinu u kojoj žive i prostor u kojem se kreću zapravo stvaraju toponime (ime ljudskoga naselja grada ili sela). Hrvatsku toponimiju čine tri glavne skupine vlastitih imena: a) imena naseljenih mjesta ili ojkonimi; b) imena gora ili oronimi i c) imena voda (potoka, rijeka, jezera) ili hidronimi. Posebnu skupinu čine mikrotoponimi, zapravo imena pojedinih dijelova zemljišta, kao njiva, livada, pašnjaka itd., jednako tako važni za djelovanje i život date ljudske zajednice. I u toponimima i u mikrotoponimima na cijelom hrvatskom jezičnom prostoru - unutar ili izvan Hrvatske - vrlo se jasno očituju značajke mjesnih govora koje, dakako često mogu predstavljati i značajniji otklon u odnosu na standardni hrvatski jezik. Budući, dakle, da toponimi i mikrotoponimi žive, posebno kod nas u Mađarskoj, u dijalekatnom obliku, oni čine dragocjenu građu za hrvatsku jezičnu znanost uopće bilo s dijalektološkog, bilo s jezično povijesnog aspekta, naime do-

bar dio toga nazivlja čuva izvorne oblike iz predturskih vremena ili u većini slučajeva iz 17. i 18. stoljeća kada je većina hrvatskih etničkih skupina nastanila razne prostore u Mađarskoj.

3. Kada govorimo o hrvatskoj toponimiji i mikrotoponimiji u južnim krajevima Mađarske mislimo u prvom redu na naselja u županiji Baranji i djelomice u županiji Šomod. Sa znanstvenoga su stajališta posebno vrijedni podaci što ih sadrže dva pozamašna izdanja: Baranya megye földrajzi nevei. I. kötet. Pécs, 1982. Szerkesztette Pesti János. (Toponimija županije Baranje. Pečuh, 1982. Urednik János Pesti) i Baranya megye földrajzi nevei. II. kötet. Pécs, 1984. Szerkesztette Pesti János. (Toponimija županije Baranje. Pečuh, 1984. Urednik János Pesti).

Uz mnoge radove o toj temi posebno izdvajamo ove dvije knjige Arhiva županije Baranje jer osim što je u njima objavljena građa biskupskih arhiva, grunтовnica, katastarsa i specijalno načinjenih karata mnogo- nacionalne Baranje o čemu svjedoči i ovaj popis vrela što ih ovdje dijelom i navodimo.

K1 18.sz. határjárási térképek

K2. Az első urbéri felmérés térképei / 1775-1790/

K3 A 19.sz. urbéri felmérések térképei / 1797-1845/

K4-K5 A birtok elkülönülés előtti és utáni az uradalmi gazdálkodással kapcsolatos térképek

K6 Határjárások 1720-1859

K7 BmT előrajzok a kataszteri térképekhez a 19. század elejéről

K8 BiU Kéziratos urbéri térképek a 19. század elejéről

K9 Bm Kéziratos kataszteri térképek a 19. sz. elejéről

K10BiK Kataszteri térképek

K11 Térképsorozat a Bar.m. levéltárban

K12 Kataszteri szines birtokvázrajzok, könyomatos kataszteri térképek, rendszerint a községi tanácsoknál.

K13 T jelű térképsorozat

HnT 1973

MoFnT2 Magyarország földrajzi névtára. Baranya megye Bp. 1978.

Pesty Frigyes féle gyűjtemény Helységnévtár Baranya vármegye 1864.

Svakako da je vjerodostojnost povijesnih podataka jača i mnogostranije time što se navode i demografski podaci kao i pregled povijesti datih naselja te etimologija naziva naselja. No zahvaljujući popisivačima i obavijesnicima zabilježena su i narodna predanja postanka i naziva datoga mjesta. To se odnosi i na sela nastanjena Hrvatima, a pošto su popisivači u tim mjestima pitali i provjeravali podatke na hrvatskome jeziku, naša je toponimija i mikrotoponimija zatupljena u spomenutim izdanjima u verziji kako ih narod koristi, znači u autentičnom jezičnom obliku mjesnoga idioma. Ilustracije radi navedimo neke nazive koji podsjećaju na davna vremena doseobe naših predaka u ove krajeve, odnosno tragove u jeziku mještana: Vugunja (Ata), Vuroš (Udvar), Plana (Kukinj), Vlaško polje (Pogan), Zastava (Sukud), Buban (Salanta, Martinci), Čajrica (Nijemet),

Zidina (Belvar), Prnjavor (Suka), Gušta (Lotar), Balukana (Lotar), Lazinac (Birjan), Ritić (Kozar).

Izdvojimo i neke mikrotoponime iz najstarijega, praslavenskoga jezičnoga sloja. Hrast kao tipično drvo krajeva uz Dravu u hrvatskim se mjestima javlja u ovim inačicama: Rasti, Rastovce, Rastik, Rastiće, Raščine, Rastine. Svi se oblici rabe bez začetnoga h, što svjedoči o tome da ga nema u tim govorima, ili se zamjenjuje drugim fonemima kada h nije u inicijalnom položaju. Mikrotoponimi Lug, Lužec, Lužanjak kao i Mlaka i Struga također su praslavenskoga podrijetla.

Hrvatski nazivi zemljišta osim što upućuju na povijesne mjene, geografske karakteristike prostora u kojima se živjelo i radilo, govore i o načinu obrade zemlje, biljnom i životinjskom svijetu: Tursko groblje, Turbek, Turski bunar, Pašina gušta, Ledina, Bara, Crvenka, Kučerina, Rijetko, Sadovi, Bukvik, Brestik, Dijaš, Abljani, Bedenikovce, Kostanjevo, Trnovac, Trnjiće, Oreše, Laz, Krčeničnik, Češljuga, Grabrik, Vrelo, Šiljac, Konopljišće, Kleišće, Proišće, Kupusišće, Močilo, Cret, Cretek, Cretić, Čret, Brod, Brodec, Brodance, Gradec, Bistrica, Mrtvica, Podrovka, Otok, Sigetac, Ada, Vadička, Sabatske, Proletar, Orlovac...

Posebno su zanimljivi podaci koji svjedoče o jezičnim dodirima Hrvata s drugim narodima, u višenacionalnim selima Baranje. Zahvaljujući "akrobacijama" koje je producirala historija, imamo slučajeve kada su izvorne hrvatske nazive preuzeli Mađari i Nijemci, dakako jezično prilagođeno, pa će primjerice toponimi Grabina, Zastava ili Spajnska (Spahijska) među u Mađara glasiti kao Grabinya, Zasztava, Ajncka megye ili kod Njemaca Krabina, Sastava, Ajnska. Naravno da će s druge strane mađarski Tekeres Hrvati rabiti u obliku Tekeruš, ili njemački Wieslein Mađari izgovarati kao Vizella, a Hrvati Vizele, a da ostale varijante i preplitanja naziva kao što su Viš Grabine – Visgrabina – Krautstück ili Babina gujica – Babagujica (mikrotoponim nazvan po obliku koji podjeća na oblasti dio ženskoga tijela) pomenemo samo uzgred, jer bi jezična isprepletenost, a uslijed toga varijabilnost nazivlja, zaslužila da se o tome fenomenu s lingvističko-povijesno-sociološkog stajališta i posebno govori, jednako tako posebnu pozornost zaslužuju i dvojezični hrvatsko-mađarski toponimi.

Literatura

Marko Samardžija: Leksikologija hrvatskoga jezika. Zagreb, 1995.

Knieszsa István : A magyar nyelv szláv jövevényszavai. Budapest, 1955.

Sokcsevits Dénes: A magyarországi horvátok története. In: Magyarországi horvátok. Budapest. 1998. 3 –9.

Barics Ernő: A BMFN mint a szláv névtan és dialektológia fontos forrása. In.: Baranyai Művelődés 1989/3.20 – 27.

Ernest Barić: O dvojezičnim hrvatsko-mađarskim mikrotoponimima u Baranjskoj županiji. In: Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika. Pečuh, 1997. 165 – 169.

ТУРГЕНЕВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПРОЗЕ ДЬЮЛЫ КРУДИ

«Нет иностранного писателя-романиста, оказавшего большего влияния на современную венгерскую художественную литературу, чем Тургенев», - пишет Дьюла Круди на страницах столичной газеты в 1897-ом году.¹

Действительно Иван Сергеевич Тургенев воспринимается венгерским общественно-литературным мнением второй половины XIX-го века 'родным братом с родной душой'. Его влияние начиная с 60-х годов до конца века осязаемо в венгерской литературе. Тургенев свой человек на венгерской земле, он становится первым русским писателем, которому «в Венгрии удалось прорвать барьеры чужбины».²

Работы великого русского классика дошли до читателей благодаря французскому и немецкому языкам.³ Персонажи, выступающие в произведениях Тургенева оказались знакомыми и венгерской публике, так же, как и настроения, веющие тоской, грустью, ностальгией по 'утраченным иллюзиям', по идеалу и счастью.

Причинам этого явления содействуют исторические тенденции общественного развития обеих стран.

Первым указывает на параллелизм развития русского и венгерского общества критик, теоретик т.н. народно-национальной школы, убеждённый сторонник реализма, Пал Дьюлаи в начале 60-х годов, после публикации тургеневского «Дворянского гнезда» на венгерском языке.⁴

Единственной положительной чертой венгерского общественного развития конца XIX века является ускоряющийся темп той капитализации, которая содержит в себе и нежелательные моральные и социальные следствия этого же процесса.

¹ Krúdy Gyula: «Emlékezés az öreg oroszra». В 'Fővárosi Lapok' 1879. (№ 155. 13 июня 1879).

Цитаты из венгерского языка на русский сделаны автором статьи.

² Первое известие о русском писателе в венгерской печати появилось в 'Szépirodalmi Lapok', 23 янв. 1853 г. Рассказы Тургенева были опубликованы в конце 50-х и начале 60-х годов в разных журналах того времени, из них первыми: «Муму» в 'Pesti Napló' 1858, «Татьяна Борисовна и её племянник» в 'Pesti Napló' 1858, «Мой сосед Радилов» в 'Hölgyfutár' 1861, «Касьян с Красивой Мечи» в 'Nővilág' 1863, «Гамлет Щигровского уезда» в 'Ország Tükre' 1864. Потом вышли в свет в 60-е годы такие произведения Тургенева, как: «Дворянское гнездо» 1862, «Отцы и дети» 1867. In: Rejtő István: Az orosz irodalom fogadtatása Magyarországon. Budapest, 1958. с. 38.

³ Так например «Рудин» был переведён с французского, а «Записки охотника» были переведены с немецкого языка.

⁴ Gyulai Pál: «A nemesi fészek». В 'Szépirodalmi Figyelő' 1862., т. II. с. 315.

В Венгрии после падения революции 1848 года передовым дворянам эпохи реформ (20-х, 30-х годов) начинали выступать на смену представители так называемого 'джентри', т.е. захудалые, легко коррумпируемые, деградирующие потомки дворянского рода, деморализующиеся помещики, - в какой-то мере напоминающие о лишних людях, - пытавшиеся найти для себя славную военную карьеру, службу в государственном аппарате, или заключить брак по расчёту.

Выдающийся прозаик Дьюла Круди (1878-1933) является своеобразным, одиноким феноменом венгерской литературной жизни на рубеже столетий. В 70-ые – 80-ые годы многих из венгерских писателей Тургенев покоряет своим реализмом.⁵ В атмосфере дезиллюзии в 90-ые годы Дьюла Круди осуждает по другому. Он восхищается в первую очередь романтизмом Тургенева, открывая в нем для себя идеал красоты, невинности, чистой женской любви: «Я люблю тот романтизм, величайшим мастером которого был Тургенев С. И.» - пишет он.⁶ Молодой Круди в то же время прекрасно осознаёт многогранность творчества Тургенева: «его романы были основаны на реализме, стали великими благодаря идеализму и исключительно прекрасными делал их романтизм».⁷

Тургеневское воздействие единомышленно присутствует в рассказах начинающего своей писательский путь Круди. Не случайно венгерские литературоведы называют этот этап писательского становления Круди 'тургеневским этапом'.⁸

Самое заметное влияние тургеневских настроений, как умение владеть кистью при обрисовке пейзажа, повторение тематических мотивов обнаруживается в 90-ых годах в прозе Круди, - но этот факт далеко не суживает возможности сохранить постепенно усиливающееся крудийское авторское 'я', автономность венгерского писателя.

Так в рассказе Круди «Романтизм стерней» (1895) при встрече с полевым сторожем, провожающим охотников на зайцев эпическое начало обеспечивает рядом с собой место описанию рассвета, и субъективному восприятию этого явления природы рассказчиком-охотником.

У Круди легко заметить черты сходства в описании тургеневского июльского пейзажа в рассказе «Бежин луг». Тонкий лиризм и субъективизм служат общей эмоциональной осью двух описаний, но эта ось у авторов различной направленности. У Тургенева она предсказывает бодрое, радостное настроение, у Круди она приобретает грустные, меланхолические нотки. Приметы синтеза пейзажа и настроения, растворяющегося на фоне этого пейзажа подают сигнал о том характером своеобразии зре-

⁵ Diószegi András: «Turgenyev magyar követői». In: «Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből». Вр., 1961. Т. II., с. 86.

⁶ Krúdy Gyula: «A szobrok megmozdulnak. Írások az irodalomról». Вр., 1974., с. 169.

⁷ Там же. С. 170.

⁸ Katona Béla: «Krúdy Gyula pályakezdése». Вр., 1971. с. 179-212.

лой прозы Круди, которое позже было названо в венгерской критике термином 'виолончельный звук'.

Тургеневские «Вешние воды» были опубликованы в Венгрии в 1872 году под названием «Гемма» в 'Pesti Napló', но эта повесть была позже переведена много раз, принадлежит к самым популярным в Венгрии работам Тургенева.

Первый сборник Круди вышел в свет в 1897 г. под названием «Пустое гнездо». В нем заслуживают особого интереса два рассказа венгерского писателя: «Вешние воды» и «Вот наступил вечер».

Название «Вешние воды» и некоторые тематические мотивы (воссоздание картин молодости, любовная история), унаследованы у Тургенева, но эта работа несомненно коренится в особенностях венгерского общественного строя, ведь автор выдвигая на первый план любовную идиллию – не избегает и реквизитов сентиментализма – намекает читателю о расслоенности провинциального городка конца XIX в. Но финал делает этот рассказ Круди анти-«Вешними водами», так как несмотря на общественный конфликт, помещенный за любовной историей, молодой дворянин Аладар отказывается от назначения губернатором комитата в Венгрии ради любви девушки Эржике.

В этом неожиданном повороте обнажаются и недостатки рассказа, тем более, что и характер этого персонажа сделан автором небрежно. Рассказ «глазирован неким светло-розовым, кротким, сентиментальным лаком романтизма».⁹

Но здесь введено и упоминание о тургеневской повести («Вешние воды»), которое позже не раз повторяется в творчестве Круди. Другой рассказ 1897 года «Вот наступил вечер» заслуживает большее внимание с этой точки зрения. Рассказ – точнее говоря 'засъёмка' зимнего вечернего настроения создаёт впечатление пасмурного душевного состояния.

Здесь навещает рассказчика его сосед, Адам Штанца, и он обращается к хозяину: «Господин Иван», «Г-н Санин». Адам Штанца часто берёт у рассказчика книги, и больше всего восхищается Тургеневым, с удовольствием цитирует слова русского автора. Так читает он в этот вечер и эпиграф «Вешних вод»: «Весёлые годы (Счастливые дни – (как вешние воды) Промчались они!»

Адам Штанца словно влюблён в Джемму Розелли, отождествляет самого себя с Панталеоне. Переплетается эта тургеневская струя с социальными контрастами, ведь сообщается читателям и о том, что этот Адам Штанца был раньше судебным исполнителем, и ему пришлось стать свидетелем нищеты. Бесперспективность, смутное представление о будущем, застой общества принуждает его к компромиссу. Единственная радость он находит в романах Тургенева и в воспоминаниях о молодости.

⁹ Там же с. 187.

Такому контрапункту противопоставлена действительность при помощи импрессионистического видения, музыкальности и эмоций проецированных в поэтичную пейзажную атмосферу.

Автору всего 21 год, когда выходит в свет второй сборник его рассказов «Юношество» (1899). Читая эти произведения у нас создается впечатление: перед нами воспоминания мужчины зрелого возраста. Болью, грустью и ностальгией по пролетевшей молодости проникнуты слова автора.

Живя в столице у Дьюлы Круди всё чаще появляются воспоминания о родном Ниршеге и о родном городе Ниредьхазе, так например в рассказе «Излияния». Ниредьхазе, конца столетия выделяется здесь со своими извилистыми улочками, зелёно-жалюзными домами, с речкой, на берегу которой цветёт одуванчик. Не упущено из вида и кладбище, место представлений памяти о прошлом. Рядом с этим планом рассказа развёртывается другой, где даётся история первой любви, первого разочарования, первого компромисса с действительностью. Один из гимназистов, Овидий хочет быть преподавателем в гимназии, другой Элемер мечтает стать поэтом. Девушка Йетти показана, как воплощение античной, греческой красоты. Этот идеал греческой красоты интересен и потому, что философ и эстетик Тайн сравнивает Тургенева – на основе поэтической красоты тургеневских произведений с классиками античной, греческой культуры. В рассказе обнаруживается множество общих мест сентиментализма и романтизма: любовь, слёзы, мечты, разочарование, упоминание о кладбище, сияющие, весенние лучи солнца. Но автор, уроженец провинциального городка, который возник «вследствие любви венгров и славян»¹⁰ при наступлении сумерек кроткость и покой узеньких улиц сравнивает с настроениями тургеневских романов: «Я хожу по старинным, узким улицам. Смеркается. Так кротко, спокойно везде, как в романах Тургенева».¹¹

Два года позже, в рассказе «Нирская тишина» (1901), при описании Ниршега выделяет Круди «чахлые берёзы, уронившие свои мечтательные, серебристые листья»¹² и пишет о некоем, безымянном горе, живущем в этом крае. В конце рассказа даются такие черты прозы Круди как элементы призрачности, загадочности, сноподобия, которые остаются ведущими мотивами и его зрелого творчества: «Туман гулял по этому краю и в болотах, к которым мы приближались блуждающие огоньки танцевали. Стояла тишина, нирская тишина. Кругом спят поселки, и в барских домах на клавиатуре играют марш 'Шварценберг'».¹³

Это тишина умирающего, ушедшего мира, тишина смерти. Дезилюзия, разочарованность, отрицательное отношение Круди к венгерской

¹⁰ Krúdy Gyula: «A vörös postakocsi». Вр., 1956. с. 156.

¹¹ Krúdy Gyula: «Ifjúság». Вр., 1899. с. 8.

¹² Krúdy Gyula: «Nyíri csend». In: Krúdy Gyula: «Pókhálós palackok». Вр., 1977. с. 82.

¹³ Там же с. 86.

действительности конца XIX и начала XX вв. являются источником столь характерной для него ирреализации образов. (Немалую роль играл при том и немецкий романтизм Э. Т. А. Гоффманна и Г. фон Клейста).

Типичным героем Круди постепенно становится некий трубадур без всякой эгзистенции, который в повседневной жизни в контактах с женщинами всеми силами хочет защитить свою независимость. Раскрываются общественные проблемы при помощи показа отношений между женщиной и мужчиной. Писатель вступает в зрелый период творчества. В 1911-12-ом годах формируется один из двойников самого автора, некий пловец из сказок «Тысяча и одна ночь», Синдбад. Синдбад пловец на море мечтаний и снов, на море молодости, чаще всего вспоминает девушек и женщин, какую-то вывшую любовь. По метким словам венгерского поэта и близкого друга Круди, Ернё Сабо: «Синдбад скитается по мертвым водам прошлого среди островов – снов».¹⁴ Он является героем цикла рассказов: «Юношество Синдбада» и «Путешествия Синдбада», но выступает и в разных романах Круди.

Рассказ из этого цикла «На мосту» (1911) хотя несомненно крудийского тона, всё-таки придерживается некоторых тургеневских мотивов. Устаревший Синдбад собираясь умереть возвращается в провинциальный городок, оглащённый неумолчным говором волн горной речки. Притягивает его не только красота пейзажа – с моста открывается прекрасный вид на синие леса, сияющие вдаль, но и воспоминание о своей молодости, когда он был ещё галантным офицером, играл в бильярд и ухаживал за женой кондитера.

Городок в глазах постаревшего Синдбада – пролетело 25 лет – кажется заснувшим и всё ещё сияющим. Часы показывают некое время, «быть может никогда небывалое».¹⁵

Своеобразный лирический монолог, в котором переплетаются конкретные детали настоящего и действительного свободные ассоциации на грани сна и действительности меланхоличный тон – всё это исключительные приметы прозы зрелого Круди.

Такая подготовка подводит читателя к встрече Синдбада со своей дочерью. Возвращение на место любви, воспоминания о любимой девушке/женщине, кондитерская, фотография о дочери Джеммы, медальон на шее дочери Амалии и Синдбада – всё это роднит рассказ «На мосту» Круди с «Вешними водами» Тургенева.

Но лирический монолог, упомянутый выше, устанавливание времени и свободное переплетение разных временных планов и при этом приобретение вольного потока эмоций делают прозу Круди в Венгрии в первых десятилетиях XX-го века настоящим феноменом.

¹⁴ Szabó Ernő цитирован in: Krúdy Gyula: «Szindbád». Послесловие. Вр., 1973. с. 827.

¹⁵ Krúdy Gyula: «A hídon». In: Krúdy Gyula: «Az álombéli lovag». Вр., 1978. с. 399.

Столичная жизнь своими впечатлениями заставляет Круди в 1913 г. написать роман о Будапеште («Красный дилижанс»). Анализ романов Круди, не входит в рамки настоящей статьи, поэтому мы ограничиваемся только некоторыми тургеневскими деталями двух его романов: «Красный дилижанс» и «Изящная жизнь Казмера Резеды». Эпиграфом к «Красному дилижансу» являются строки Пушкина, взятые из «Евгения Онегина».

Одним из главных персонажей этого романа, точнее говоря антиромана является журналист Казмер Резеда, двойник самого писателя. Основой сюжета служит скитание двух провинциальных артисток в Будапеште (Фатюл Сильвия и Хорват Клара). Их кавалером становится Казмер Резеда. Гуляя по набережной Дуная Сильвия говорит Казмеру о том, что ей надо было бы стать русской барышней, ведь там и «герои Тургенева – достойны женской любви».¹⁶

Шестая глава этого же романа Круди имеет подзаголовок: «Последний нигилист», и знакомит читателей с журналистом Белой Бонифац. Этот разорившийся поэт рекомендует поэтессе Дидери-Дир читать стихотворения венгерских поэтов Дьюли Ревички и Михая Томпа, но не в последнюю очередь и «Вешние воды» Тургенева.

Казмер Резеда навещая своих покровительниц читает им «Записки охотника», в том числе «Гамлета Шигровского уезда», отождествляет себя с Василием Васильевичем, «преследуемым судьбой, который рад тому, что дошёл до последней ступени несчастья».¹⁷ Потом Резеда читает о Чертопханове Тургенева.

В другом романе «Изящная жизнь Казмера Резеды» (1933) продолжают тургеневские реминисценции. Этот роман был опубликован после смерти автора, является наиболее реалистическим произведением Круди. В нём изображена эпоха 1912-14 – и это атмосфера неминуемой войны. Казмер Резеда тот же самый, который выступал и в «Красном дилижансе» уже стареющий, столичный кавалер, все еще мечтает о чистой, искренней – вправе сказать – тургеневской любви. Знакомится он с Фружиной, которая напоминает ему о грёзах молодости, о Джемме Розелли «Вешних вод».

Тургенев остался вечным спутником того венгерского прозаика – поэта в прозе – привязанность которого к Тургеневу дала толчок к расцвету оригинальной писательской манеры на рубеже XIX и XX веков.

Тургеневские реминисценции являются органической частью творчества того венгерского прозаика, который был достойным современ-

¹⁶ Krúdy Gyula: «A vörös postakocsi». Вр., 1956. с. 16-17.

¹⁷ Там же с. 141.

ником М. Пруста.¹⁸ Круди открыл брата-близнеца потока сознания 'поток эмоций', но ему не 'покровительствовали' языковые барьеры стать всемирно известным прозаиком.

¹⁸ Роман Пруста «В поисках утраченного времени» вышел в свет в 1913 г.

MARGINA RUBA

Uvod

Hrvati zapadne Ugarske su bili od 16. do 18. st. – ne samo u crkvenom pogledu – zvećega pod obrambom jurske biskupije. O onima, ki su se doselili istovremeno sjeverno od Dunaja¹ u današnju Slovačku (onda još dio svetoštefanske države) i Moravski Hrvati² se nije mnogo znalo. A da je u Dolnjoj Austriji, s ove strani Dunaja, bilo bar tri tuceta hrvatskih sel, to se ni čulo nije. Ako si pogledamo dokumentaciju o zapadnougarski, danas GRADIŠĆANSKI Hrvati, moramo ustanoviti, da se nije znalo čuda o nji, najmanje su oni sami znali o sebi. Za sam hrvatski narod je prvi veliki statistički pregled, točnije popularno opisivanje napravio Martin Meršić st. prilikom pokrenuća "Naših novin" 1910. ljeta³. Živilo se je u regionalni skupina, županijski cjelina i poznavala se je samo ta cjelina ili možda veća u kategoriji biskupije, a zvana toga se nije prepoznavala veća povezanost.

Vlastelini, ki su bili najzaslužniji pokretači naseljavanja svojih pustih imanj, nisu odigrali nikarkovu veću ulogu u integraciji, bili oni zainteresirani samo na očuvanju i jačanju svoje gospodarstvene snage. Gradjanskoga sloja, ki je kod susjednih Nijemaca i Ugar odigrao u određenom vremenu odlučujuću ulogu u osviščavanju narodne svisti i narodne kulture, zapadnougarski Hrvati nisu uspjeli razviti, bili bivši oni u prvom redu seljački narod. Seljački staležnije po sebi razvijao nikarkove inicijative integracije jezika i kulture, zvana one nesvisne, jezične, ka je nastala svismim u hipcu otpora agresivnoga crkvenoga nacionalizma (u Dolnjoj Austriji) ili narodnoga (tokom 19. st.). Seljačka identifikacija ima nesvisne osnove kot su to zvana jezika običaji (naša pravica), narodne (naše) jačke, u manjoj mjeri tanac, oprava, jiliši, ponos na seljački staliž itd, itd. Neusporedivo velika je zasluga crkve. Ona je jedina čvrsta intergrirajuća snaga (zapravo je to vjera) zapadnougarskih Hrvatov. To je ona bila po svojoj organizaciji⁴, podržavanju naroda⁵, zbog čega je joj ostao on uglavnom vjeran kroz cijelo povijesno vrijeme, sve do danas.

Svi zapadnougarski Hrvati su do 1777. potpadali pod Jursku biskupiju. Pokidob naraste od 18. st. broj vjernikov, je kraljica Marija Terezija 1777. stvorila Sam-

¹ Botik Ján, *Slovenski Chorváti*, Bratislava 2001.

² Pavličević Dragutin, *Moravski Hrvati*, Zagreb, 1994.

³ Objelodanio u "Naši novina" 1922, br 1- 4, *Kade i kudaj stanujemo mi Hrvati*, kot i u "Letna knjiga" HKD, leto 1930, 14-24.

⁴ Pretpostavlja se, da su Hrvati u prvi desetljeći imali svoju autonomnu crkvenu organizaciju.

⁵ Svećenici su bili od školovanih jedini, ki su narod otpratili iz starih postojbinov u nove i tako dali živo svidočanstvo svojoj vjernosti prema narodu.

botelsku biskupiju pod peljanjem biskupa Szily Jánosa⁶. Tim su zapadnougarski Hrvati došli pod dvi crkvene oblasti: jurske i sambotelske biskupije. Pretpostavljamo, da se sambotelska biskupija orijentirala u manjinski pitanji na većstoljetni iskustvi jurske biskupije, no istovremeno ne moremo zatajati neku vrstu rivaliteta, možda neuravnoteženoga naticanja med ovimi dijecezami.

Počutki

Sve do sredine 19. st. nije prepoznatljiva nikakova razlika niti u najjednostavniji slijedi ne. Vjerska kultura se je odredjivala iz Jure. To je bio u prvom redu razvitak vjerskoga unapredjivanja naroda u vjeri, odgoju i školi. Prilike su u svoji glavni linija prepoznatljive u crkvenoj pismenosti. Početki hrvatskoga manjinskoga žitka jednoznačno ležu u prepirki s protestantizmom, a u tom nije čisto raščišćena uloga Novoga Grada i Balošića⁷, ki pokret je konvertiranjem Batthyányja potpuno izgubio svoj smjer i snagu⁸. Tim preokretom su preuzeli peljanje vjerskoga žitka zapadnougarski čakavski Hrvati šopronske županije, a štokavski Hrvati željezanske županije došli sve već u nepovoljnu situaciju. Protivreformacija pelja zapadnougarske Hrvate u krilo crkvene organizacije. Veliki dio svećenikov našega prostora, svejedno da li su to bile nimške, ugarske, slovačke ili hrvatske vjerske zajednice su bili Hrvati⁹. Naime, Hrvati su ostali vjerni rimokatoličanskoj vjeri, dokle su se Ugri i Nimci priključili uglavnom novom vjerskom pokretu. Ta i za ono vrime neobična mogućnost školovanja je imala svoj odraz u duhovnokulturnom žitku. Zapadnougarski Hrvati se počnu emancipirati od matične kulture i integrirati se u okolišnu središnjoeuropsku. Tim je, zakoraknut put samostalnoga razvitka, možda silom prilika, pod dati mogućnosti, čim se potpuno predaju peljanju crkve, ka narodnoj kulturi odredi granice, a baroknoj duhovnosti i književnosti daje u praksi neograničenu razvojnu mogućnost i dotira ju pod postojećimi mogućnosti na vrhunac. Istina, to je pismenost čakavske riči, kojoj se podredu i štokavci i južni čakavci, a o kajkavci se u onom vrimenu ni govorilo nije. Csaplovics u svojoj

⁶ Géfin Gyula, *A szombathelyi egyházmegye története*, Szombathely 1929, 20.

⁷ Zvonimir Bartolić misli, da bi se iza toga imena mogao sakrivati ekskomunicirani kajkavski protestantski pisac Miho Bučić, kojemu se 1574. gubi slijed u Hrvatskoj. Bartolić Zvonimir, *Ivan Manlius i tiskarstvo XVI. stoljeća u Hrvatskoj*, u *Sjevernohrvatske teme IV*, Čakovec 1989, 150-180. Slično misli i Valentin Putanec u *Kajkavski pisac Ivan Pergošić kao Varaždinac*, *Varaždinski zbornik*, Varaždin 1983, 333-337.

⁸ Jandrisevičs Peter, *Urkunden und Dokumente über das Burgenland*, rukopis, 1933-1936., 6 sv., Bgld. Landesarchiv.

⁹ Búzás Josef, *Kanonische Visitationen der Diözese Raab aus dem 17. Jahrhundert*, *Burgenländische Forschungen*, Heft: 52, 53, 54, 55, 69, 71, Eisenstadt 1966-1982. Andritsch Johann, *Studenten und Lehrer aus Ungarn und Siebenbürgen an der Universität Graz (1586-1782)*, Graz 1969.

sažetaj monografiji primjeti različne tendencije u razvitku sjevernoga i južnoga dijela zapadnougarskih Hrvatov¹⁰.

Samostalna dijeceza

Pod takovimi okolnosti dojde 1777. do osnivanja nove biskupije u kojoj je uz Ugrov bio veliki broj Vendov, Nimac i Hrvatov, u prvom redu štokavskoga i nešto odstupajućega južnočakavskoga govora (podilenje po Neweklowskomu, *Die kroatischen Dialekte des Burgenlandes und der angrenzenden Gebiete*, Wien 1978). Već prvi se biskup János Szily mnogo zalagao za svoje manjine, osebito za Vende¹¹. Veće promjene moremo opaziti u crkvenoj politici za vrijeme biskupov Ferenc Szenczyja (1852-1869) i Imre Szabóa (1869-1881), ki se i u svojoj okružnici zalažu za intenzivnije učenje ugarskoga jezika¹².

U prvoj polovici 19. st. ne moremo zaupiti spomena vridnije duhovno gibanje i razlikovanje med zapadnougarskimi Hrvati, zvana u govoru. S prisičkim farnikom Jožefom Fickom (1772-1843) moremo ustanoviti samo zaobilaženje ugarskoga predmarcijuškoga vrmena i austrijanskoga bidermajera. Ficko ima svoju vridnost u konsolidaciji i daljnjoj izgradnji jezične kulture, a njegovo djelovanje po Hadrovicsu je *eine entscheidende Rolle in der weiteren Entwicklung der burgenländisch-kroatischen Literatursprache*¹³. Istovrimeno ali ima ta perioda i svoje nedostatke, u prvom redu u zaštantanju općega razvitka, u zamudjenju priključenja na centralnoeuropski razvitak susjednih narodov¹⁴, ki razvitak zastupaju velika imena, kot je to Ljudevit Gaj u Hrvatskoj, Ferenc Kazinczy u Ugarskoj, braća Jakob i Wilhelm Grimm med Nimci ili Anton Bernolak kod Slovakov.

¹⁰ U prvom redu su to gospodarstveni i organizatorski uzroci. Csaplovics Johann, *Croatien und Wenden in Ungern*, Pressburg 1828.

¹¹ Géfin Gyula, Dr., *A szombathelyi egyházmegye története*, Szombathely 1929, 37. Medtím do sada nismo mogli dokazati, da bi i za svoje Hrvate dao bio prevesti crkvene jačke kot Géfin tvrdi: *Idegenajkú hiveinek anyanyelvükre lefordítva küldi meg eme énekeket*.

¹² Okružnica biskupa Szabó Imre od 1. 1. 1876.: ... *nem mulaszthatom el figyelmüket egy fontos körülményre fölhívni, melyre egyébiránt közölök többeket egyenkint már ismételve figyelmeztettem s ez az, hogy születésökre nézve nem-magyar ajkú híveim gyermekei a magyar nyelvben elméletileg és gyakorlatilag ernyedetlen szorgalommal taníttassanak ... Mindnyájokat kérem, magyarázzák ezt meg mindazoknak, kik lelki vezetőik alatt állanak, hogy hazánkban a jogegyenlőség folytán minden közszolgálati pálya a legszegényebb német, vend, horvát ajkú ember fia előtt is nyitva áll s ha a kellő képességet megszerzi, a magyar nyelvet megtanulja, bármely pályán nyerhet alkalmazást, sőt azon fokokint fölebb és fölebb mehet*, Géfin II, 107.

¹³ Hadrovics László, *Schriftum und Sprache der burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert*, Wien 1974, 34-35.

¹⁴ Glavanich Gašpar, *Zabavno-poucsni razgovor o hervackom pravopiszu*, Kerstjanszko-katolicsanszki kalendar 1865, 69-76.

Zapadnougarski Hrvati nisu poznavali djelovanje Ljudevita Gaja. Moremo samo naslućivati, da su sambotelski licejski študenti diskutirali u svoji krugi jezične i političke reforme, ki ali nisu imali nikakove posljedice. Poznato je, da je već 1793. senjska biskupija za neko vrime slala svoje teologe u Sambotel¹⁵ od 30-ih ljet 19. st. cijela poredica Hrvatov u sambotelskom liceju, najpoznatiji med njimi je Ivan Mažuranić u školskom ljetu 1834/35.¹⁶ A uticaj toga hrvatskoga kruga je – barem u manjem – morao biti veliki, osebito se to vidi na primjeru farnika Petrovoga Sela Mate Blaskovicha (1787-1849), u čijem djelovanju se mogu viditi slijedi Gajeve jezične reforme.

Još je jači morao biti uticaj Frana Kurelca, ki je 1846. i 1848. proputovao veći dio hrvatskih sel zapadne Ugarske¹⁷. On sam potvrđuje ta uticaj u predgovoru u svojoj čuvenoj knjigi *Jačke*, kada opisuje preslušavanje od ugarskih pandurov u Ugarskom Starom Gradu (XLV). A čisto očividna mu je namjera iz pisam Ljudevitu Gaju¹⁸.

Drugače je Kurelčevo mišljenje o sjeverni i južni zapadnougarski Hrvati slično onom Čaplovićevom, kada veli: ... *dolnjaci stare (su) ćudi, čto im i pėsma svėdoći, koje u njih, kako i u nas, nitko ne prėpisuje, nego ide s ustiju do ustiju*. Iz tih sel posebnom pažnjom spominje imena Blažkovića iz Petrovoga Sela i braće Eisner. Za duhovno-kulturnu situaciju ta karakteristika vrlo dobro prikazuje opću situaciju.

U baroknom vrimenu imamo dva ravnopravna franjevačka centra, u Željeznu i Novom Gradu s vrlo istaknuti imeni Lovrom Bogovićem i Godofridom Palkovićem. Ako smo točniji, onda bar vrimenski moremo ustanoviti da je skupni molitvenik *Duhovni Vertlyacz ...*, Sopron 1753. nastao u Novom Gradu i da je preteča klasičnoga zapadnougarskohrvatskoga molitvenika *Hiža zlata ...* 1754.

¹⁵ Géfin, I. 99, biskup Ivan Ježić (1789-1833) je sve do 1806. slao svoje djake u sambotelski seminar.

¹⁶ Uz Mažuranića, ki je u popisu zapisan Maxzuranih Joan, su još slijedeći študenti poznati imenom: 1829/30: Flander Anton, Novak; Jancskovich Luka, Lebine; Kobetich Alojsije, Zagreb; Mudrovich Nikola, Novi u Vinodolu, Potosnyak Luka, Novi, barun Rauch Alexander, Zagreb; Terputecz Ivan, Hersina, Zrinschak Ivan, Stubice; 1830/31: Babich, Gređice, Mikulich Jakob, Varaždin; Vernich Ludvig, Karlovac, 1834/35; Bassnár Georgius, Zagrad; Guttich Antonius, O.S.F. Bosnita, Travnik; Grozdánovich Elias, Brezovac; Ixákovich Augustinus O.S.F. Bosnita, Varresch; Ivánusch Georgius, Carolostadin; Kreinovich Bartholomeus O.S.F. Bosnita, Polisc - dopušćenjem dra Šandora Horvatha uz najsrdačniju hvalu!

¹⁷ Med njimi sela sambotelske biskupije: Bandol, Božok, Čajta, Čatar, Čemba, Dobrafalva (Dobersdorf=Neuhaus in der Wart), Hrvatska Čenča, Hrvatske Šice, Kroatdorf fara Mischendorf, Lovrijenac, Mala Narda, Marof, Milištrof, Nova Gora, Parapatičbrig, Petrovo Selo, Pinkovac, Poljanci, Sabara, Santalek, Stinjaki, Sv. Katalena, Vincet, Sv. Mihalj, Šeškut, Velika Narda, Zajčje Selo.

¹⁸ Deželić Velimir, dr, *Pisma pisana dru. Ludevitu Gaju i neki njegovi sastavci (1828-1850)*, Gradja za povijest književnosti Hrvatske, Zagreb 1909, knjiga 6, pisma br. 104 i 105., kao i anonimni letak od 16. septembra 1848., ki se pripisuje Kurelcu.

Obadvi molitveniki imaju sličan sadržaj, što znači da su bile knjige zamišljene za cjelokupni vjerski narod zapadnougarskih Hrvatov s dvimi centri. Sve na-božne knjige: molitveniki, evandjelje, katekizam, šlabikar (početnica) kot i 'op-ćinske misije knjižice' su imale jedinstveni koncept za sve zapadnougarske Hrvate.

Odstupanje od uobičajenoga

Ne moremo takovu tezu bezuvjetno držati od druge polovice 19. st. Potpuno zvana reda je Juraj Frideczky¹⁹ sa svojim pismenim djelovanjem, u prvom redu svojim molitvenikom za školsku dicu *Angel Čuvar /ili/ molitve i duhovne pės-me/ za vsakdašnju školu dětcu*, Szombathely 1869. iz više razlogov. To je prva vjerska knjiga pisana gajicom²⁰. Još veće presenećenje je, da je pisana kajkavskim narječjem, što nikako ne odgovara praksi u zapadnoj Ugarskoj, kade se piše samo u čakavskom narječju, a selo za ko je zamišljena knjiga je štokavsko. Akoprem seoski štokavski govor Narde ima čuda sličnosti s kajkavskim jezičnim sistemom pretirano je bilo očekivati, da će vjerniki tu knjigu prihvatiti. Knjiga nije bila u tolikoj mjeri poznata kot Bogovićeve *Hiža zlata* ili Čukovićeve *Vsakidanja hrana*. Za dicu se pak probio čakavski Čukovićev molitvenik *Kršćansko-katolićansko CVETJE*, ... Šopron 1912., ka je imala još izdanje 1922. u Šopronu i istovrimeno u Kisegu.

Frideczky je priredio i *Magyar-horvát betűzõ és olvasókönyv*, Szombathely 1876, kojoj knjigi Kuzmich²¹ nije ušao u slijed. Svakako je Juraj Frideczky od 1874. nadzornik za hrvatske manjinske škole biškupije Sambotel.

Uz Frideczkoga moramo istaknuti Štefana Béryja,²² ki je 1872. izdao *Mali zemljopis*, a 1882. *Uvodnu knjigu za podučavanje ugerskoga jezika* za III. i IV.

¹⁹ Juraj Frideczky – Frideczky György je rodjen u Županiji Fejér, selo Vál, 14. aprila 1820. Teologiju je započeo u Stolnom Biogradu 1841. i pretpostavlja se, da je u Hrvatskoj, u Zagrebu posvećen za svećenika. Svakako je kapelan u Peterancu (1846-48), Prelogu (1848-49). Vojni kapelan je ugarske vojske, nakon Világosa u Aradu i Pesti, poslije u Grazu, odakle krajem 1850. projde u sambotelsku biškupiju. Kapelan je bio u Bogojni, Sv. Martinu, Rohuncu, Župnik u Sv. Mihalju (1856-1860), i Velikoj Nardi (1860-1887), kade umre 28. jula 1887.

²⁰ Škola je Hauszerovim rječnikom *Kroatisch-deutsches Wörterbuch*, Wien 1858, pak Glavanićevom *Početnicom*, Beč 1859. upeljala gajicu u svoj program. Crikva je tribala još vrimenta. Na tom polju je Sambotelska biškupija Jurom Frideczkijem naprednija. Učitelj Miho Naković - kako to vidimo i po okružnici iz 1877. – se je u Jurskoj biškupiji dugo morao boriti, dokle se je prihvatila gajica u crikvi.

²¹ Kuzmich Ludwig, *Kulturhistorische Aspekte der burgenlandkroatischen Druckwerke bis 1921 mit einer primären Bibliographie*, Eisenstadt 1992, BF, Sondrerband X.

²² Béry Stefan – Beéry István, rodjen u Fintafa 10. septembra 1841. Posvećen za svećenika 1864. Kapelan u Rohuncu, farnik u Vincetu (1867-1882), Szarvaskendu (1882-1886), Sambotelu (1886-1890), kaplan na Stinjaki (1890-1892) i farnik (1892-1906). Umro je na Stinjaki 5. novembra 1906.

razred, ka knjiga je imala i drugo izdanje 1900. Ne znamo još kojim poticajem ali bio je dobar poznavatelj Hrvatov županije Vaš, kako nam to svidio i stručni doprinos u monografiji *Vasvármegye* (384-387) u seriji *Magyarország várme-gyéi és városai* 1888. Akoprem ne moramo biti u svačem s njim sporazumni, ipak je to vrijedan pregled o temi. Iz literature nam je poznato, da mu je Franjo Miholić - Miholics Ferenc²³ bio suradnik.

U seriju školskih knjig moramo ubrojiti i *Pripetenje Ugrov*, Kiseg 1872, od učitelja Jožefa Dreiskera, u kojem udžbeniku je velika nedosljednost med starom i novom grafijom.

Ni Béry ni Dreisker se svojim knjigami nisu probili svojim knjigami.

Na crkveno duhovnom polju se je pokusio – kot Miho Naković med čakavci – učitelj Ivan/János Illetits²⁴, svojim molitvenikom *Marianszki put, ki va nebo pelja*, Kiseg 1889, ki je djelomično sastavljen u štokavskom govoru.

Po ovom se jasno vidi, da je vladala velika nejednakost i neuravnoteženost med jugom i sjeverom. Doklek je sjeverni čakavski kraj, tj. Jurska biskupija došla u jeziku i izdavačkoj djelatnosti do prilično jasne linije, se to nije ugodalo u Samboteskoj biskupiji, akoprem vidimo početke za poseban put. Na kraju krajeva se je štovaski i južnočakavski teritorij morao podati sjeveročakavskoj liniji, ka je bila jasnija i snažnija od začrtane sambotelske. U 20. st. se jug orijentira prema sjeveru, u svakom pogledu.

Nažalost, nimamo iščrpne usporedne studije o mogućnosti usmirivanja duhovnoga razvitka sjevernoga čakavskoga i južnoga štokavskoga dijela, a još manje o razvitku u Dolnjoj Austriji, Moravskoj i slovačkom kraju prik Dunaja.

Na književnom polju

Na književnom polju imamo snažan čakavski impuls upra u županiji Vaš, ki je prekoraknuo uske regionalne granice ovoga prostora i zato se je nek sada ostvario pomoću hrvatskoga istraživača sjevernohrvatskih kulturnih temov Zvonimira Bartolića. Govorimo o *Horvackom Virgiliušu*, izdanje HKD, Željezno 2000. od Šimuna Palatina²⁵, stinjačkoga farnika. Pošto je Palatin od 1814. do 1821. službovao na Stinjaki, je od toga vrijeme ležao rukopis neobjelodanjen do 2000. ljeta. Našao se je rukopis 1975. u ostavščini Pavela Agoštona.

O Palatinu moramo znati toliko, da je bio glavni informant Johanna Csaplovicsa za monografiju *Croaten und Wenden*, i da se uz Virgiliuša pripisuje njemu i jedna *slovnica*, kot i *nediljne prodike*, ke se do danas nisu našle. Palatin nije

²³ Miholics Ferenc je rodjen u Goričanu (Medjumurje) (1830-1910) i bio od 1868. farnik u Rohuncu, Bandolu, Vincetu. Umro je u Sv. Mihalju.

²⁴ Ivan Iletić – Illetits János, rodjen u Čataru 1844., školnik u Prašćevu. Umro je 1907. u Čembi.

²⁵ Palatin Šime je rodjen u Mjenovu 5. oktobra 1788. i završio teologiju 1811. Kaplan je bio u Petrovom Selu, na Stinjaki (1814-1821), Zalaszentgyörgyü, farnik u Szepetneku, kade umre 31. oktobra 1840.

preveo *Bukolike*, kasnije nazvane *Ekloge* po originalu Publije Vergila Marona, nego iz ugarskoga od Köszegei Józsefa Rajnisa *Magyar Virgilius*, Pozsony 1789., ko izdanje je omogućio sambotelski biskup Szily. Palatin se nije držao ropski Rajnisova teksta. *Zvana toga Palatin pak nastoji svoj hrvatski prijevod ostvariti u heksametrima, što nije polazilo rukom niti njegovim suvremenima u Hrvatskoj. Tu svoju želju Palatin ne uspijeva uvijek provesti, pa stoga vrlo često pribjegava skraćivanje riječi ili pak – iz metričkih razloga – umetanjem različitih interjekcija. Upravo to što je Palatin svoj prijevod nakanio realizirati u heksametrima daje nam naslutiti da je on uz Rajnisov mađarski predložak u svojem prevođenju ipak koristio i Vergilijeve Ekloge u latinskom izvorniku* (Bartolić, Virgiliuš, 24)

Uz Palatinovo stvaralačstvo moramo istaknuti u književnosti vrlo zaslužnoga štokavskoga prozaistu, novinara i povjesničara Petra Jandriševića²⁶. On je uz čakavca Ignaca Horvata stvoritelj gradišćanskohrvatske prozne književnosti. Po svojem vlašćem priznanju opisuje ljude: *ne u fraku, nego u gaća..., onako kako su zaista bili: prosti, ponizni, pošteni, pobožni. Nisu bili lakaji, nogelizeće sluge, nego čvrsti, tvrdi muži, ki su do sebe ča držali, ali ki su pravoda imali i svoje slabosti. (Naši stari u Sličica, 22-23)*. On je najizrazitiji hrvatski književnik sambotelske biskupije, štokavskoga narječja, u kojem je pisao svoje originale, ke su mu ali Ignac Horvat u kalendari i novina kot Feri Sučić u *Sličica* preminili u čakavski idiom. On je možda jedini novinar, čiji doprinosi su se publicirali u svi tri jeziki regije. Potpisivao se je kot Janičar/Janicsár, Hetes, Graničar. Njegova povijesna djela su i danas vrijedan zviranjak za mnoge itraživače zavičajne povijesti.

Razdijeljeno

St. Germain (1919) i Trianon (1920) su zadali veliki zastoj u cijelom medbojnom vrimenu. Ni hrvatski ostatki na Ugri, niti većina u Austriji/Gradišću nisu mogli doći u korak s razvitkom. Sve kulturne strukture su iz Ugarske, iz Jurske i Sambotelske biskupije premješćene u Austriju, a na Ugri je ostala šakica ljudi prez ikakve orijentacije pod velikim traumatičnim šokom Trianona, kim nije bilo dopušćeno druženje prik granic, ar je svakorjačka veza nastala automatično sumljiva. Tako su povijesne činjenice razdrobile – sada već po drugi put –živo

²⁶ Jandrišević Petar je rođen 22. februara 1879. u Šeškutu/Sulz. Za svećenika je zaređen 1903., kapelan je u Rohuncu, kade je istovrimeno predavač fizike, matematike i prirodznastva u divojačkoj gradjanskoj školi, farnik na Stinjaki (1906-1924) i Čembi (1924-1938). Za vrime Prvoga svitskoga boja je vojni kaplan na Balkanu, o čemu piše novelistički ciklus, isto tako opisuje svoje doživljaje i iskustva na Stinjaki i o Cigani u Čembi. U različni ugarski, nimški i hrvatski novina je bio suradnik, autor je nekoliko povijesnih djel, i opširne dokumentacije gradišćanskog prostora. Izbor iz književnoga djela mu je priredio pod tisak Ferdinand Mühlgassner 1978. ljeta. Umro je 9. juna 1938. u Čembi.

kulturno tijelo i dugo je duralo, do šestdesetih ljet 20. st. dokle je ova manjina našla ponovno svoj identitet s obadvi strani granice.

I ta novi identitet je bio po Drugom svjetskom boju na krhki noga, a svaka vrsta povezanosti jako sumljiva. I u Ugarskoj i u Austriji postavljeni su novi temelji: približavanje k standartnom matičnom jeziku i kulturi. To je etiketirano kot južnoslavenski = jugoslavski / délszláv i nastao dvosiklom sabljom tim, da se mislilo i podmetalo ideološko izravnjanje, a za tim se sakrivala diboko zarižena sumlja, odvratnost, a tako na kraju odbijanje svega onoga što dojde s juga. Na jednu stranu počinje se normirana jezična izobrazba 'južnoslav(e)s(n)koga' jezika za sve narodne dijele južnih Slavov na Ugri, a istovrimeni sličan zaokret i u Gradišću/Austriji. To je imalo svoju veliku prednost za školovane ljude, ar su govorili i argumentirali na istom komunikativnom slapu. Istovrimeno je rasao otpor u narodu – ki je ta jezik identificirao s komunističkom ideologijom – i to sa starom argumentacijom, *to nij naš jezik!* Tim se nastavlja asimilacija, unatoč podučavanja po škola, (ili se moru za to izdjelati drugi dibokopsihološki uzroki?)

Gradišćanska strana je već krajem osamdesetih ljeti odstupila od nastavljanja toga programa, a na Ugri je po promjeni režima 1991. u prvom koraku nastao nesporazum med zapadnougarski/gradišćanski Hrvati i ostaloga Hrvatsva u Ugarskoj, u kom su neki pojedini čak tajali književni status gradišćanskohrvatskoga.

Književnost je ali od sebe dokumentirala duhovnu drugačijost i književni status jezika. Za primjer moremo navesti cijelu poredicu književnikov iz zapadnougarskoga prostora, koga danas uklapamo duhovno isto u gradišćanskohrvatski: tako Matu Šinkovića Capa²⁷, Matildu Bölcs²⁸, Lajoša Škrapića²⁹, Šandora Horvatha³⁰, Timeu Horvath³¹, Ivana Horvatha³², kot i kajkavskog pjesnika Pavla Horvatha³³. I dokle Timea Horvath tendira prema književnom standardu, su

²⁷ Matija Šinković Capa je rođen u Koljnofu 1927. i umre u tom selu 1972. U jezičnoj i duhovnoj izolaciji piše svoje pjesme, ke su mu se pojavile u više naklada pod naslovom *Na našoj gori*, postumno.

²⁸ Matilda Bölcs je rođena 1949. u Židanu, pojavi se s knjigom pjesama *Jantarska cesta* 1992. i vrijednim znanstvenim i uredničkim djelovanjem.

²⁹ Lajos Škrapić je iz Petrovoga Sela, rođen 1938. Piše svoje pjesme u štokavskom govoru svojega sela. Do sada mu se pojavile zbirke *Droptine* 1988. i *Obračun* 1996.

³⁰ Šandor Horvath je Nardanac, rođen 1959., publikacije pjesam po različni časopisi, značajno znanstveno djelovanje na.

³¹ Timea Horvath, pjesnikinja, rođena 1967., odgojena u Petrovom Selu, publikacijami u različni novina i časopisi, piše u jeziku svoga školovanja, a to je hrvatski standard. Njoj je uspjelo 1996. izdati mali sveščić pjesam pod naslovom *Ako nisi tu*.

³² Ivan Horvath rođen 1940. u Hrvatskom Židanu, preminuo 2002. u Acsádu, postumni dičji roman 2001. *Židanski dičaki* i mnogobrojne etnološke publikacije.

³³ Pavao Horvath je rođen u kajkavskom selu Vedešinu 1930. Piše duhovnu poeziju. Poznato mu je djelo *Novi psalmi – Razgovor s Bogom*.

drugi ostali vjerni svojem zapadnougarskom/gradišćanskom mjesnom čakavskom, štokavskom ili rijetkom prilikom kajkavskom govoru³⁴.

To bi ali moglo i signalizirati nedostatno svladanje standardne norme na svakoj razini, latentni nedostatan položaj školstva. Da ne govorimo o položaju štokavcev unutar manjinske grupe i kajkavcev, ki su ostali u zdvojnoj dilemi sve do danas.

Neki su u zabludi s upitnom ričicom *što* i mislu ona je jedina odrednica med dijalekti. S tim ali uvadjuju svoje nepoznavanje glavnih jezičnih črtov narječjev. Naši štokavci, južni čakavci su po strukturi jezika bliži sjevernim čakavcem od standardnoga hrvatskoga jezika, (i zato mi se danas čini potpuno neodgovornim odbijanje skupne jezične norme gradišćansko-hrvatskoga pisanoga jezika). Lokalni seoski govor ne more dati dovoljnu podlogu za jezičnu spremu u 21. stoljeću ali lako daje jezične strukture, ke se moru prez dalnjega izgradjivati.

Seoska jezična praksa ne isključuje učenje više norme, ka more pojti od gradišćansko-hrvatskoga prema standardnom hrvatskom jeziku. Cilj nam je – čuvanje i izgradjivanje naše jezične kulture na različni stupnji, ki ali nikako nesmiju isključivati jedan drugoga. Isključiti znači zbrisati, zabiti, pretočiti, odakle već nima povratka. A to nij naš zadatak.

³⁴ Prikazeno opširnije u knjigi Nikola Benčić, *Književnost gradišćanskih Hrvata od 1921. do danas*, Zagreb 2000.

SREDSTVA ZA IZRAŽANJE MANJŠALNE STOPNJEVITOSTI
(MODERACIJE) V SLOVENŠČINI IN MADŽARŠČINI

0 Pomenska podstava povedi se da različno upovediti glede na mero ali stopnjevitost poimenovanega: to lahko izrazimo ali tipično, neopazno, srednje, ali pa se od te osnove odmaknemo bolj ali manj navzdol ali navzgor¹. To je mogoče najlepše ponazoriti s pridevnikom, ki v slovenščini in madžarščini pozna stopnjevanje navzgor ali navzdol in opisno z *manj* oz. *kevésbé* in *najmanj* oz. *legkevésbé* na eno stran in v slovenščini z *bolj* ter *najbolj* na drugo stran, v madžarščini se v nevtralni rabi stopnjuje navzgor samo z znaki za stopnjevanje: -(V)bb, leg- + -(V)bb), neopisno s protipomenskimi pari: *najmanj črn* – *manj črn* – *črn* – *bolj črn* – *najbolj črn* : *legkevésbé fekete* – *kevésbé fekete* – *fekete* – *feketébb* – *legfeketébb*; *najmlajši* – *mlajši* – *star* – *starejši* – *najstarejši* : *legfiatalabb* – *fiatalabb* – *öreg* – *öregébb* – *legöregébb*. Poleg tega obstajajo še druge opisne stopnje, npr. v slovenščini *premalo črn* – **črn** – *preveč črn/prečrn*. Stopnjevanje je deloma možno tudi pri drugih besednih vrstah: *sestričica* – *sestrica* – **sestra** : *nővérecske* – *nővérke* – **nővér**; *glavica* – **glava** – *glavurda* : *fejecske* – **fej** – *tökfej*. Poleg take čiste tvorbe imamo še mešano, ko se en stopnjevani član tvori z obrazilom, drugi pa s posebno podstavo: *stopicati* – **stopati** – *coklati* : *lépeget* – **lépked** - *cammog*, ali sploh s posebnimi osnovami v vseh stopnjah: *lesti* – **íti** – *leteti*; *mászik* – **megy** – *repül*, *fleten* – **lep** – *krasen* : *csinos* - **szép** - *gyönyörű*; *precej* – **zelo** – *grozno*: *elégé* – **nagyon** - *borzasztóan*.

0.1 Za slovenščino velja, da se stopnjevitost, razen ko se podaja s prislovi ali leksemsko, lažje izraža v smeri k manj kot k bolj/več, v madžarščini pa se tudi leksemsko pogosteje izraža v smeri k več. V besedišču madžarskega jezika obstaja prib.1200 leksikaliziranih prvin za izražanje večalnosti ter le 100 prvin, primernih za izražanje umerjenosti oz. manjšalnosti². V slovenščini ima skoraj vsak samostalnik lahko tudi manjšalnico, več obrazil za manjšalnost kot za večalnost imamo tudi pri pridevnikih in glagolih, npr. pri pridevniku: *lažji*, *mehkejši*, *pridkan*, *drobcen*; samostalniku: *vetrc*, *klopica*, *ličece*, *fantič*, *sinko*, *Marička*; glagolu: *sopihati*, *jokcati*, *stopicati*, *sklakljati*, *pojčkati*.

0.2 Načeloma naj bi bilo mogoče ločiti stopnjevitostno določitev od čustvenostne, ki tudi uporablja večino pravkar obravnavanih priponskih obrazil. Za katero v danem primeru gre, se vidi iz narave podstave. Če označujemo dele česa, kar še ni doseglo razsežnosti odraslega, gre za manjšalnost (npr. *očke*, *laske*, *listič*, *petelinček* 'szemecske, hajacska, levélke, kakaska'), zlasti pri predme-

¹ J. Toporišič, *Slovenska slovnica*, Maribor: Založba Obzorja, 2000: 525-530.

² G. Székely, A mérséklés kifejezésének eszközeiről a magyar nyelvben, *MNy*, 2003: 65-69.

tih govorimo tako, ko so pod določeno mero velikosti, ki je sama sicer le dogovorna: *hiška, okence 'házikó, ablakoska'* ipd. Kadar pa se s takimi obrazili modificira doraslo, srednje, tj. kar ima normalen obseg, gre očitno za ljubkovalnice, npr. 'ljubka glava': *Glavico ji je zmešal 'Elcsavarta a fejecskéjét'* – stopnjevitost, npr. 'majhna glava': *Otrok je položil glavico materi v naročje. 'A gyermek az anyja ölébe hajtotta a fejecskéjét.'*

1 O stopnjevitostni/intenzifikacijski modifikaciji (določitvi) pomenske podstave z leksikalnimi, skladenjskimi, besedotvornimi in oblikotvornimi sredstvi je v slovenščini pisal J. Toporišič (prim. Stopnjevitost ali intenzifikacija, Inačenjska (modifikacijska izpeljava)³).

Z leksikalnim izražanjem stopnjevitosti v madžarščini se je ukvarjal Gábor Székely v svojih člankih v hungaristični reviji *Magyar Nyelv* ter v monografiji *A lexikai fokozás* (Leksikalno stopnjevanje)⁴, v katerih je preučeval predvsem jezikovna sredstva za izražanje stopnjevanja navzgor ter vprašanja o »nepriemerjalnem stopnjevanju«. Pri stopnjevitostni določitvi pomenske podstave se je seveda mogoče od poimenovane osnove odmakniti tudi bolj ali manj navzdol oz. kot pravi I. Pete⁵ »da je mogoče pomen, mero tudi de-gradirati«. Če soglašamo s formulacijo, da »v območje leksikalnega stopnjevanja sodijo vsa jezikovna sredstva, zaznamujoča večjo mero oz. intenzifikacijo osnovnega pomena, tj. stopnjevan osnovni pomen v smeri k bolj ali več, ki se lahko izraža z besedami različne besednovrstne pripadnosti« (G. Székely, MNy 2001: 8), potem je potrebno tudi pri opisu izraznih sredstev za stopnjevanje navzdol predstaviti vsa jezikovna sredstva, s katerimi se izraža manjša mera pomena oz. v smeri k manj intenzificiran pomen kakega osnovnega pomena.

1.1 Iz jezikoslovne literature je znano, da se je jezikoslovje s stopnjevanjem navzdol mnogo manj ukvarjalo kot s stopnjevanjem navzgor. Ta jezikovni pojav pravzaprav nima niti splošno sprejetega poimenovanja. Mel'čuk in Žolkovskij takega parametra v svoji prvi varianti semantične sinteze niti ne omenjata⁶, Helbig⁷ pa pojav zaznamuje z izrazom *Abschwächung* ('slabljenje, omilitev') oz. *De-Intensivierung*. J. Toporišič govori o *manjšalnosti* (*SS 2000*: 204,

³ J. Toporišič, *Slovenska slovnica*, Maribor: Založba Obzorja, 2000: 525-530, 161-230; prim. še isti: *Enciklopedija slovenskega jezika*, Ljubljana: Cankarjeva založba, 1992: 314

⁴ G. Székely, *Az abszolút szuperlativusz felszíni szerkezetéről*, MNy, 1998: 334-338; *A lexikai fokozás általános kérdéseiről*, MNy, 2000: 296-310; *A lexikai fokozás a magyar nyelvben*, MNy, 2001: 432-464; prim. še monografijo G. Székelya, *A lexikai fokozás*, Budapest: Scholastica, 2001.

⁵ I. Pete, *A mennyiségi viszonyok szemantikai rendszere*, MNy, 1992: 425-443.

⁶ I.A. Mel'čuk & A.K. Žolkovskij, *Towards a Functioning 'Meaning-Text' Model of Language*, *Linguistics* 57, 1970: 10-47.

⁷ G. Helbig, *Lexikon der deutscher Partikeln*, Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1987.

527), o stopnjevalnosti kot lastnosti urejenega naraščanja ali upadanja (ESJ 1992: 314), o *ljubkovalnomanjšalnem*, *slabšalnomanjšalnem* ter *slabšalnem* pomenu (SS 2000: 183-187, 204-206, 225-226, 230). István Pete v članku o semantičnem sistemu količinskih razmerij (1992: 432) uporablja za stopnjevanje navzdol izraz *kicsinyítés* 'manjšanje', Tibor Takács pa označuje „*kicsinyító-gyengítő lefokozás*” ('manjšalnoslabbšno stopnjevanje navzdol') s simbolom *Anti-MAGN*⁸. Četudi se nam morda zdi raba izrazov *kicsinyítés* in *gyengítés* kakor tudi simbola *Anti-MAGN* oz. *upadanje*, *slabljenje*, *manjšalnost* do neke mere utemeljena, pa jih je mogoče s protiargumenti tudi ovreči. Izraz *kicsinyít/kicsinyítés* 'manjšati/ manjšalen' močno implicira prostorsko krčitev obsega oz. koncepta pomena, manjšo mero značilnosti podstave, pri stopnjevitostni modifikaciji pa seveda ne gre samo za to, tudi pri tisti s predznakom v smeri k manj ne. Na drugi strani pa se zdi, da so te besede kot jezikoslovni termini že zasedene (prim. manjšalna priponska obrazila, ESJ 1992: 100). Beseda *gyengítés* 'slabljenje' je v madžarščini prej antonim besede *erősítés* 'kepitev' kot pa besede *fokozás* 'stopnjevanje'. V nemščini je raba besednih parov *verstärkend* – *abschwächend* povsem logična, podobno kot v slovenščini stopnjevanje navzgor – stopnjevanje navzdol oz. *večalnost* – *manjšalnost*, v madžarščini pa je raba para *fokozás* – *gyengítés* že manj posrečena. Po mnenju Székelya⁹ je v madžarščini najsplošnejši antonim besede *fokozás* beseda *mérséklés* 'omejevanje, umerjenje, blažitev, omiljenje'¹⁰, zato predlaga za stopnjevanje navzdol izraz (*lexikális*) *mérséklés* 'leksikalno umerjenje, omiljenje, blažitev'. To poimenovanje je mogoče potrditi tudi z latinskimi ustreznici. Latinska ustreznica besed *kicsinyítés/csökkentés* 'zmanjšanje' je *deminutio* (iz *deminuere* zmanjševati)¹¹, vendar je že do neke mere zasedena (prim. *deminutiv* oz. *deminutivum*), ni pa zasedena ustreznica besede *mérséklés* 'umerjenje, omiljenje', tj. *moderatio*, *moderacija*. Za označitev parametra *omiljenje/mérséklés* bi bilo torej umestno uporabiti namesto simbola *Anti-MAGN* simbol *MODER*. Simbol *Anti-MAGN* namreč na neki način implicira, da je beseda „*mérséklés*” (*moderacija*) glede na „*fokozás*” (*gradacija*) protipomenka v pravem pomenu besede (antonim), tj. simetrično nasproten jezikovni pojav, kar pa za omiljenje le delno velja. To, da je omiljenje/*mérséklés* glede na stopnjevanje/*fokozás* „asimetrično antonimen« jezikovni pojav, je namreč mogoče dokazati s primeri iz korpusa besedil: a) Izrazi »*mérséklés/omiljenja*« (*egy kis eső* 'nekaj dežja', *kis tévedés* 'majhna pomota', *leheletnyi hátrány* 'drobcen primanjkljaj') se zlasti v madžarščini redkeje pojavljajo v publicističnih besedilih kot izrazi za stopnjevanje

⁸ Prim. T. Szücs, *Magyar-német kontrasztív nyelvészet a hungarológiában*, Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1999: 183.

⁹ G. Székely, A mérséklés kifejezésének eszközeiről a magyar nyelvben, *MNy*, 2003: 65-69.

¹⁰ Prim. G. Kiss (ur.), *Magyar Szókincstár*, Budapest: Tinta Könyvkiadó, 1998.

¹¹ Prim. M. Tavzes, *Veliki slovar tujk*, Ljubljana: Cankarjeva založba, 2002: 191; A. Györkös, *Latin-magyar szótár*, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989: 39.

navzgor (*nagy jégeső* 'velika toča', *felhőszakadás* 'utrganje oblaka', *milyen szépen* 'kako lepo', *erősen bízunk* 'močno upamo', *nagy felháborodás* 'veliko ogorčenje', *nagy nyomás* 'velik pritisk', *nagyon nagy kihívás* 'izredno velik izziv'). b) Sistem sredstev za izražanje moderacije oz. manjšalnosti je v obeh jezikih revnejši (če odmislimo manjšalna obrazila v slovenščini), manj raznolik kot sistem sredstev za izražanje gradacije oz. večalnosti.

2 Besedne zveze za izražanje upadanja/manjšanja, umerjenosti, omiljenja pomenske podstave sestojijo iz ključne/jedrne besede in omiljevalne/moderacijske prvine. Ključna beseda je tisti del besedne zveze, katerega pomen se lahko moderira. Besedne zveze za izražanje omiljenja imajo lahko analitično ali sintetično strukturo. V analitičnih besednih zvezah je moderacijska prvina samostojna enota, v sintetičnih besednih zvezah pa sta ključna/jedrna beseda in moderacijska prvina le omejeno ločljivi oz. sploh nista ločljivi. Pri teh strukturah je mogoče šele na podlagi primerjanja pomena danega izraza s pomenom kakega drugega leksema/izraza ugotoviti, ali dani leksem/izraz izraža glede na primerjani leksem/izraz omiljenost ali umerjenost kake lastnosti.

2.1 Moderacijske prvine so lahko različne besednovrstne pripadnosti. Med njimi so:

a) prislovi, v madžarščini: *alig* 'komaj, prav malo', *kevésbé, kevésé* 'manj', *nemigen* 'ne zares', *némiképpen, némileg* 'na neki način', *részben, részint* 'delno, deloma', *ügyel-bajjal* 'komaj še'..., v slovenščini: *presneto* (slab), *hudičevo* (neroden), *od hudiča* (previden), *prekleta* (zanič), (neumen) *ko top*, (reven) *kot cerkvena miš* ipd.

b) nedoločni zaimki in njihove variante, izražajoče adverbialne funkcije (valamelyest, valamennyire, valami; nekoliko, nekaj, ne toliko, precej);

c) pridevniki in v madžarščini še njihove adverbialno funkcionirajoče variante (meglehetős/en 'dobršen, precejšen', *gyenge/gyengén* 'blag, blago', *finom/an* 'lahen, nalahko'; *nasajen, nataknen*);

č) glagoli: *laziti* 'mászik' počasi hoditi, *srkniti ga* 'beszörpinti' napiti se ga; deležja in z njimi tvorjene besedne zveze: *enyhén szólva* 'blago rečeno', *tartózkodva* 'zadržano' itd.;

d) samostalniki: *trska* 'szálka' suh, slaboten človek, *palček* 'törpe' majhen človek.

2.1.1 Kot moderacijske prvine se lahko uporabljajo tudi skladenjska sredstva, npr. istorečne zveze (*komaj komaj, ne ne, pač pač - alig alig*), vezniške zveze (*še in še, ne letos ne nikoli, v dobrem in slabem, kriv ali nekriv; sőt még, éppen hogy csak*), predložne zveze oz. adverbialne zveze v madžarščini (*iz rok v usta, od vogla do vogla kisebb mértékben, kisebb fokban*), sopomenske zveze (*nikoli in nikdar*), protipomenski skladenjski sklopi (*Tega ne zna nihče bolje od tebe 'ti znaš to bolje'*); čustveno obarvani izraz namesto nevtralnega (*Boš ti, prdec, meni take godel*), paradoksalne podredne zveze iz protipomenskih enot (*nedol-*

žen obsojen, z molkom odgovoriti, živi mrtvec – *ártatlanul elítélt, hallgatással felel, élő halott*), ironija (*Ti si mi res junak! Te aztán vagy egy hős!*), zanikana protipomenka (To pa *ni neumno.*), sopomenske zveze (To *še s kruhom ni dobro*), zanikani dovršni velelnik namesto nedovršnega (*Ne reci ji tega*) ter različne druge nikalne formule in njihove variante (*nem annyira, nem éppen, nem olyan, nem olyan mértékben, ne toliko, ne veliko, nikar ne*). V zvezi s slednjimi kaže pripomniti, da se lahko, podobno nestopnjevanim oz. redko stopnjevanim leksemom, uporabljajo za izražanje primerjalne in neprimerjalne moderacije, npr.: *Ez a csomag nem olyan nehéz.* 'Ta paket ni toliko težak.', *Péter kevésbé okos fiú.* 'Peter je manj pameten.'- neprimerjalna moderacija. *Ez a csomag nem olyan nehéz, mint a nagy táská.* 'Ta paket ni toliko težak kot ta velika torba.' *Péter kevésbé okos fiú, mint Pista.* 'Peter je manj pameten kot Štefan.' – primerjalna moderacija. Ta ugotovitev seveda ne velja za vse moderacijske lekseme. Povedi *Ma alig esik* 'Danes komaj kaj dežuje' ne moremo nadaljevati s primerjalno zvezo **mint tegnap* 'kot včeraj', prav tako pa tudi poved **Itt egy kicsit meleg van, mint tegnap.* Tu je nekoliko toplo kot včeraj.' glede jezikovne pravilnosti šepa.

2.1.2 Ključne/jedrne besede so po besednovrstni pripadnosti lahko glagoli (*érint, érvényesül, hisz, megrázkodik - dotikati se, uveljaviti se, verjeti, pretres-ti*), samostalniki (*aggodalom, hasonlóság, nehézség, zavar - skrb, podobnost, težava, motnja*), pridevniki (*komoly, ködös, komikus, stabil - resen, meglen, komičen, stabilen*), nedoločni števniki oz. zaimki ter predikativi (*néhány - nekoliko, vseh, prav, mar ipd.*).

2.2 V obravnavanih jeziki obstajajo tipične, relativno pogosto se pojavljajoče analitične besedne zveze za izražanje moderacijske intenzifikacije.

1.a) Ključna/jedrna beseda je tedaj lahko glagol, moderacijski izraz pa prislov oz. predložna zveza: *halálosan idegesítette, alig ismert rá, jezilo ga je v dno duše, komaj ga je prepoznal;*

b) Ključna/jedrna beseda je pridevnik, moderacijski izraz je prislov: *ritkásan felhős, redko naseljen;*

c) Ključna/jedrna beseda je nedoločni števnik ali nedoločni zaimek, moderacijski izraz je prislov: *alig néhány ujynyi csücske fehérlett, stopil je komaj nekaj metrov.*

2. Ključna/jedrna beseda je samostalnik, moderacijski izraz je nedoločni zaimek: *volt valami hasonlóság a kettőn, med njima je bila neka podobnost;*

3. Ključna/jedrna beseda je samostalnik, moderacijski izraz je pridevnik: *ki-sebb-nagyobb nehézségekkel, kisebb mértékben, z manjšimi težavami, v manjši meri ipd.*

2.3 Tipične in razmeroma pogoste so tudi ustaljene vezniške zveze tipa *éppen hogy csak* oz. v slovenščini podredne vezniške ali členkovne zveze ter prislovni izrazi tipa *tako da, toliko da, nič koliko, komaj da*, ki ponavadi intenzificirajo

glagol (npr. *csak éppen hogy megél, ...toliko da preživi*) ter besedne zveze, ki so formalno tvorjene z nikalno sestavino: *nič koliko, nem nagyon komoly, ne preveč resno, nem nagyon foglakoztatja, ga ne zanima preveč...* .

Pri moderacijskih izrazih je mogoče ugotoviti – podobno kot pri izrazih za stopnjevanje navzgor –, da v večini primerov vsebujejo v svoji osnovni pomen-ski strukturi kategorijo mere (*csekélyke, kis/kicsi, kis mértékben - drobcen, drobec, majhen/mali, nič, v majhni meri*), kakovosti, lastnosti (*gyöngé, könnyű, ritkán - slaboten, lahek, redék*) ter količine (*kevés/bé/sé - malo, manj*). Ni pa mogoče najti leksemov za izražanje moderacije, ki bi se lahko uvrstili v po-mensko skupino prostor-čas, pretiravanje ali podobnost.

2.4 Sintetično strukturirane besedne oblike za izražanje moderacije se tvorijo z oblikotvornimi in besedotvornimi postopki:

a) pridevniki, kot je znano, se stopnjuje navzgor s tvorjenjem oblik pridevniš-kih besed, in sicer v slovenščini sintetičnih oblik s ponami (priponskim in pred-ponskim obrazilom) in analitičnih oblik s prislovom (bolj); v madžarščini pa se stopnjuje navzgor s sintetično obliko, tvorjeno z znaki za stopnjevanje $-(V)bb$, $leg-(V)bb$. V slovenščini se lahko stopnjuje navzdol (redko) s ponami (slab-slabši-najslabši) ali analitično s prislovom manj (siv-manj siv-najmanj siv), stopnjevitost pa se lahko izraža še z besedotvornimi sredstvi, npr. **grenkljat** 'kesernyés', drobcen 'aprócska', **prelep**. V madžarščini se navzdol ne stopnjuje z znaki oz. se manjša mera lastnosti ne izraža s sintetično obliko, razen če izvzamemo moderacijske oblike z nekaterimi, danes že neproduktivnimi ina-čenjskimi pridevniškimi in glagolskimi obrazili, npr. „... Az úrasszony göm-bölyded, jószágos arcú, de meglehetősen sápadtas szenvedő tekintetű teremtés volt...”. „...Gyakran sárdogált is mély kétségbeeséssel...”. „...távolocskán fekte-te, közélről szürke, nagyocska, sápadtas.”¹².

3 Moderacijo lahko izrazimo tudi s sopomenkami ustreznih osnovnih besed v osnovniški, primerniški ali presežniški obliki. Zlasti pri rabi osnovniške oblike se pogosto pojavlja vprašanje, ali oblika zaznamuje stopnjevanje navzgor ali navzdol. Če npr. vzamemo besedo *lep* 'szép' kot ključno/osnovno besedo, izra-ža seveda beseda *čudovit* 'gyönyörű' glede na osnovno besedo privzdignjeno stopnjo. Če pa je izhodiščna osnovna beseda *čudovit* 'gyönyörű', pomeni beseda *lep* 'szép' v tej relaciji že stopnjevanje navzdol oz. moderacijo. Po V. A. Fedosovu (1998: 67) se okrog antonimov vrstijo nizi sinonimov in tako je mo-goče razlikovati različne skupine sinonimov in antonimov. Tudi iz madžarskih in slovenskih sinonimov je mogoče sestaviti take nize, npr. ob antonimnem paru *hideg* – *meleg* se vrsti naslednji hierarhični sinonimni niz: *dermesztő >je-ges>fagyos>hideg>hűvös>hús>langyos>langymeleg>meleg>forró>égető* per-

¹² G. Dénes, *Császármadár*, Móra Ferenc Könyvkiadó, 1992.

zselő>rekkenő – strupen-leden-mrzel-hladen-mlačen-mlačnotopel-topel-vroč-pekoč-žareč-žgoč. Seveda ni vedno lahko določiti, kje se nahaja sinonim v nizu, npr. kaj je v madžarščini hladnejše: dermesztő ali jeges? Težave se lahko pojavijo tudi glede družljivosti/kompatibilnosti sinonima s kako drugo besedo. V madžarščini je npr. *dermesztő* družljiv z besedo *hideg* 'mraz' in z besedo *szél* 'veter', prav tako se z besedo *szél* 'veter' rabi *jeges - jeges szél* 'leden veter', ne pa z besedo *hideg* 'mraz' »jeges hideg« 'leden mraz', kar je v slovenščini povsem družljivo. Podobni sinonimni nizi se izoblikujejo tudi takrat, kadar se eden od koncev niza zaključuje z zanikano obliko, npr.: szakad (az eső) >zuhog>esik>csepereg>szemerké>nem esik – lije kot iz škafa-curkoma lije-pada-kaplja-prši-ne pada. V nadaljevanju takih nizov se leksemi navadno ne izbirajo več iz sistema sredstev za leksikalno stopnjevanje, temveč iz sistema sredstev zanikanja: egyáltalán nem esik, a legkevésbé sem esik, a legcsekélyebb mértékben sem esik – sploh ne dežuje, niti najmanj ne dežuje, niti v najmanjši možni meri ne dežuje ipd.

4 Bistvena razlika med gradacijo in moderacijo je ta, da se gradacija udejanja »zunaj« antonimnih parov, moderacija pa v območju antonimnih parov, npr. naj se lotimo antonimnega para kicsi-nagy 'majhen-velik' s katerekoli strani, se bomo prej ko slej srečali z eno od protipomenk: nagy-nagyocska-nagyobbacska-kevésbé nagy-kevésbé kicsi, kicsi : velik-velickan-manj velik-majcen-majhen. Moderacija je prav tako univerzalen pojav kot gradacija, kar pomeni, da v vseh jezikih obstajajo besede, izrazi, s katerimi lahko izražamo stopnjevitost, poudarjenost, a tudi omiljenje, blažitev pomena. Po dognanjih kognitivne lingvistike se lahko predpostavlja, da se za jezikovnimi pojavi gradacije, moderacije ter antonimnih parov nahajajo splošno značilne zakonitosti človeškega mišljenja, kakor se lahko predpostavlja tudi to, da je za človeka mnogo pomembnejše izražanje gradacije kot moderacije, zato se je za stopnjevitost v nam znanih jezikih izoblikoval tudi bistveno bogatejši sistem izrazil.

MAĐARI U SLAMNIGOVIM PJESMAMA

Poznata je činjenica da Slamnig u svojim pjesmama koristi obilje osobnih imena, ali i dosta etničkih naziva. Ti nazivi zapravo rijetko obilježavaju same narode, prije označavaju u narodu već ukorijenjene predrasude vezane za njih. Za pretpostaviti je, da će Mađari među narodima koje Slamnig apostrofira, zbog blizine i duge zajedničke povijesti, biti značajno zastupljeni. Međutim, upravo suprotno, pomalo i iznenađujuće, Mađari se spominju vrlo rijetko u odnosu na neke druge europske narode.

O naslovom naznačenoj temi nisam imao cjelovitu sliku, nisam znao koliko Ivan Slamnig koristi osobna imena i etnonime u svojoj poeziji, niti sam znao koliko koristi etnonim Mađar, iz njega izveden pridjev mađarski, možemo li pronaći pokoju aluziju na Mađarsku, hrvatsko-mađarske odnose itd. Imao sam, međutim, dvije radne hipoteze. Prva: uzme li se u obzir da su Mađari i Hrvati susjedni narodi, da su osam stoljeća živjeli u zajedničkoj državi te da je zbog toga među njima osim političkih i gospodarskih bilo i kulturnih, pa tako i književnih kontakata, može se pretpostaviti da će se u poeziji Ivana Slamniga, koja je puna amblematskih izraza¹, imena mitoloških bića, povijesnih ličnosti, toponima itd. relativno često naći nazivi, izrazi, sintagme, aluzije koje će upućivati na Mađare i Mađarsku. Druga, upravo suprotna prvom: poznavajući hrvatsku književnost poslije Drugoga svjetskoga rata, društveni kontekst u kojem ona nastaje, prekid takoreći svih veza između Hrvatske i Mađarske nakon Trianona, slabo poznavanje mađarsko-hrvatske zajedničke prošlosti u hrvatskoj javnosti, potkrepljuje pretpostavku da u ovoj poeziji neće se često pojavljivati etnonim Mađar ili neke druge mađarske aluzije. Dodamo li tomu da Slamnigov pjesnički diskurz koristi (iskorištava) kolokvijalne govorne idiome koji su pak manje-više odraz javnoga mnijenja u Hrvatskoj, možemo biti sigurni da će se obistiniti druga naša hipoteza.

U duhu Ivana Slamniga i ja bih se malo poigrao, ali ne stvaranjem stihoa, već statistikom. Istina, podaci neće biti uvijek tako precizni kako se to od statističkih podataka zahtijeva, ali držim da će i ovako biti dovoljno rječiti. Sabrane pjesme² Ivana Slamniga sadrže 476 pjesama. U njima ima oko 80 etnonima od kojih je četrdesetak različitih. Na top listi etnonima vode Nijemci, uključujući etnonime kao što su Bavarci, Švabe i slično jer se pojavljuju desetak puta (80-10), zatim slijede Hrvati sa sedam, Srbi s pet, Talijani, Šveđani i Poljaci s po četiri, Englezi i Slovenci s tri, Amerikanci kao i Mađari s dva pojavljivanja, ali srećemo još Maure, Bure, Avare, Francuze, Rome, Estonce, Kineze, Japance, Skite, Ilire itd., pravo babilonsko šarenilo. Etnonimima bismo mogli ponajprije

¹ Termin K. Bagića iz knjige *Živi jezici*, Naklada MD, Zagreb, 1994.

² Ivan Slamnig, *Sabrane pjesme*, Grafički zavod Hrvatske, Zagreb, 1990.

pribrojati iz njih tvorene pridjeve te nazive pojedinih država, ali i neke gradove koji nerijetko izravno upućuju na narod ili državu u kojem se dotični grad nalazi pa bismo dobili još veće šarenilo. I, konačno, krug se može zatvoriti osobnim imenima poznatih književnika, znanstvenika povijesnih ličnosti itd. koje pripadaju pojedinim narodima. Budući Slamnigov diskurz često iskorištava upravo stereotipije, značenja spomenutih riječi koja su se u Hrvatskoj uvriježila, na ovaj način možemo dobiti niz, odnosno nizove, koji ocrtavaju odnos hrvatskoga naroda (hrvatskoga javnoga mnijenja) prema drugim narodima ili državama. S druge strane Slamnig ova imena nerijetko stavlja u neuobičajeni kontekst, polemizira s njihovim općeprihvaćenim značenjem, mijenja ih, pa tako nastaje “slamnigovski” odnos prema istim narodima i državama, odnosno, prema stereotipijama koje su se uvriježile u hrvatskoj javnosti.³ (Takav je npr. i sljedeći niz koji se onda može interpretirati s različitim stajališta: Talijani-Italija-Napoli-Rim-Giotto-Dante-Petrarca-Tasso-D’ Annunzio)

U 476 pjesama dva puta se spominje etnonim Mađar i to u sljedećim pjesmama: *Da li sam Talijan ili Šveđanin* iz zbirke *Sed scholae* i *Glasna jasna* iz zbirke *Relativno naopako*, jednom povijesni naziv Ugarska (*Završetak male bune u Ugarskoj* iz zbirke *Sed scholae*), te tri puta mađarska osobna imena, Franjo Tahí (*Tri pjesme posvećene Fredericu Garciji Lorki-3. Prigovor* – zbirka *Analecta*), Thörök (*Zagrabia rediviva* – Dronta) i Kiškaroj (*Cintiji* – Dronta). Znači, sve skupa šest pjesama (476-6). Naš hipotetički niz izgledao bi dakle: Mađari-Ugarska-Franjo Tahí-Thörök-Kiškaroj.

Odnos prema Mađarima i Mađarskoj u Slamniga je neutralan, ili kao u pjesmama *Završetak male bune u Ugarskoj* te *Tri pjesme posvećene Fredericu Garciji Lorki* opterećen povijesnim kontekstom koji prije svega proizlazi iz intertekstualnih odnosa koje ove pjesme uspostavljaju primjerice s Matoševim i Krležinim tekstovima. Mađari su, razumije se, stranci, kao i svi ostali narodi koji se spominju u Slamnigovoj poeziji, ali su “neophodno potrebni” jer bez njih ni sami sebe ne bismo mogli definirati. Zbog toga, čini se, kako je najvažnije distancirati se upravo od susjeda jer na taj način svaki narod zapravo definira sebe, svoje posebnosti, pa tako, u konačnici, bez stranaca, bez drugih naroda (a pogotovo susjednih) ni mi sami nismo ništa, ni mi ne postojimo. To je mehanizam na koji Slamnig upozorava, te otkriva zašto srednjoeuropski narodi tako teško nalaze put jedan do drugoga. Nekako su svi opterećeni supermacijom Zapadne Europe, nerijetko imaju osjećaj manje vrijednosti a zbog značajnih političkih promjena u posljednjem desetljeću XX. stoljeća neprestano doživljavaju krizu vlastitoga identiteta. U traganju za svojim identitetom najčešće gledaju predaleko, posežu za vrijednosnim sustavima koji nisu u tradiciji ovih prostora pa se ne mogu niti udomačiti. Slamnig naš pogled usmjerava prema najbližima, prema susjedima jer nas nema bez njih, a niti njih bez nas. Svi su narodi, a susjedni možda ponajviše, dio naše kulture, našega identiteta, nas samih, na ne-

³ O tome vidi knjigu K. Bagića: *Živi jezici*

ki način postojimo zahvaljujući i njima. To je Slamnigov kozmopolitizam i to je njegovo duboko domoljublje.

Osobnih imena u Slamnigovoj poeziji ima daleko više. Prema mojoj statistici u spomenutoj knjizi pojavljuje se više od 250 osobnih imena koje se mogu podijeliti u četiri ili pet skupina. Prvu čine mitološka imena, pretežno iz grčke, rimske i slavonske mitologije, drugu biblijska imena, treću književnici, povijesne ličnosti, političari, znanstvenici itd., četvrtu uobičajena osobna imena kao što su na primjer Pero, Jure, Mato, Štefica, Mare, no valja reći da ova imena najčešće nemaju svoju primarnu funkciju obilježavanja pojedinca, naime, Jure i Pero može biti bilo tko, oni su kao Ivica i Marica ili Haso i Mujo te petu, izmišljena imena (ako ih ima). Osobna imena također ukazuju na sve one različite odnose i intertekstualne veze koje Slamnigovi tekstovi uspostavljaju, ali svjedoče i o želji za sugovornikom, za izvornom, nepatvorenom ljudskom komunikacijom, koja je danas pod utjecajem raznoraznih tehnoloških mogućnosti potpuno klišeizirana. Izraz želje za istinskim razgovorom potvrđuje i činjenica da broj etnika i osobnih imena od Aleje poslije svečanosti(1956.) do Tajne(1988.)⁴ stalno raste, a lako se daje uočiti i to da od zbirke Dronta(1981.) njihov broj naglo raste i postaje značajnim obilježjem Slamnigova diskurza.

Cijeli naš pristup dobit će novu dimenziju kada pomislimo na prevodivost ili neprevodivost Slamnigovih pjesama. Treba vrlo pomno razmisliti o tome da li će imena i etnici u ciljnome jeziku funkcionirati na isti ili barem sličan način kako u originalu. Hoće li u čitatelja ciljnoga jezika otvoriti iste ili slične asocijacije kako se to može pretpostaviti za hrvatskoga čitatelja? Što za mađarskoga čitatelja znači Vraz, Harambašić, Hercegovac, Kordunašica ili Spock? Možda upravo ove činjenice uzrokuju vrlo mali broj prijevoda Slamnigovih pjesama na mađarski jezik.

Ivan Slamnig i sam je prevodio te možemo pretpostaviti da je prevodenje književnih tekstova smatrao vrlo važnim. Radeći svoj posao, prevoditelj se nalazi uvijek između dva jezika, dvije književne tradicije, dvije kulture i u tom sudaru dviju različitosti pokušava što cjelovitije prenijet tekst iz jednog u drugi jezični sustav. Slamnig u svojim tekstovima, poput prevoditelja, sudarom različitih civilizacija, kultura, naroda, osobnih imena i jezika stvara nova značenja. Ili kako je on to sam formulirao:

*Kultura se stvara u sukobu
A barbarstvo takođe.
Kulturu upoznah u Montecatiniju
A barbarstvo kod rođe.*

/Kultura se stvara u sukobu/

⁴ Posljednju zbirku Ivana Slamniga Ranjeni tenk nisam imao prilike pročitati.

Literatura

- Bagić, Krešimir: Živi jezici, Naklada MD, Zagreb, 1994.
Književna revija, Matica hrvatska Osijek, br. 1-2, 2001.
Milanija, Cvjetko: Doba razlika, Stavrnost, Zagreb, 1990.
Milanija, Cvjetko: Hrvatsko pjesništvo od 1950. do 2000, Zagrebgrafo, Zagreb, 2000.
Mrkonjić, Zvonimir: Sustav i slika, Cekade, Zagreb, 1980.
Rem, Goran: Poetika brisanih navodnika, Cekade, Zagreb, 1988.
Slamnig, Ivan: Sabrane pjesme, Grafički zavod Hrvatske, 1990.

**ÖT TÉTELBEN A MAGYAR NYELVI TERVEZÉSRŐL A
KÉTNyelvű MURAVIDÉKEN**

A nyelvi tervezés olyan tudatos beavatkozás valamely közösség nyelvi helyzetébe és/vagy nyelvéllapotába, amelynek nyelvészeti alapjai, szociokulturális meghatározottságai és társadalmi-történelmi céljai vannak. A nyelvi tervezés mindig tér és idő függvénye. Más az anyaországban, mint valamely kisebbségben, s más, mondjuk, Ausztriában, mint pl. Erdélyben; mint ahogy más volt a 19. század elején, a nyelvújítás korában is, mint éppen napjainkban. Ezért vannak más, sajátos feladatai, összefüggései a kétnyelvű Muravidéken is a harmadik évezred elején, az Európai Unióhoz való csatlakozás küszöbén. Nehéz a helyzet, tudjuk. A kérdés megoldása globális gondolkodást, de nagyon határozott lokális cselekvést kíván. A szerintem legfontosabb teendőket ezúttal öt pontban foglalom össze.

1. A kisebbségi magyar nyelv presztízisének visszaállítása

A kisebbségi nyelvek többségének szinte szükségszerű sorsa, hogy előbb-utóbb veszítenek tekintélyükből, presztízükből, s következésképpen használati értékükből is. Nincs ez másképp a muravidéki magyar nyelv esetében sem. Ezért a kisebbségi anyanyelvek rendszerint fokozottabb védelemre, megkülönböztetett bánásmódra szorulnak, olyasmire, amire a többségi nyelvek általában nem. Az egyik legnagyobb feladat tekintélyük, presztízüskük, pozíciójuk megtartása, illetőleg – ha szükséges – stabilitásuk visszaállítása valamely nyelvetületen. E tervszerű munka folyhat egyfelől az oktatás fejlesztése, a műveltség terjesztése és különösen a nemzettudat erősítése felől. De a rájuk vonatkozó intézkedéseknek föltétlenül ki kell egészülniük másfelől egy mindennapi, természetes dologgal, a praktikum, a funkcionális hasznosság alkalmainak felismertetésével, amelyek manapság a gazdaságban, az integrációban, a regionális együttműködésben érhetőek a legnyilvánvalóbban tetten.

Tudjuk, hogy a határok menti kisebb régiókban megindult már a gazdasági integráció folyamata. Élnek a kisvállalkozások hivatalos kapcsolatai. Jelen vannak Szlovéniában és Magyarországon egyaránt a vegyesvállalatok és a multinacionális cégek képviselői. Létrejött az órségi vasúttal a két ország közti rendszeres összeköttetés, sőt folynak az előmunkálatai egy Lendva és Rédicics közötti újabb vasútvonal kiépítésének. Ugyancsak lehet még reménykedni a két országot összekötő autópálya megépítésében. Óhatatlanul élénkülnek tehát szerencsére azok a kapcsolatok, amelyek indokolják, hogy legyenek ennél nagyobb számban mindkét nyelven jól kommunikáló szakemberek, akik zökkenőmentesen tudják lebonyolítani a különböző kezdeményezéseknek, vállalkozásoknak a bank-, vám- és adóügyeit, illetőleg egyéb hivatali ügyleteit. A jövő gazdaságában és az egyetemes kultúrában egyaránt a polgár versenyképességének elemi előfeltétele lesz az a nyelvi képzettség, amely szilárd anya-

nyelvi alapokon nyugszik (legyen szó akár az angol nyelv birtoklásáról, akár valamely szomszédos nép nyelvének elsajátításáról).

2. A magyar nyelv gyakorlati egyenrangúságának helyreállítása

A magyar nyelv helyzete a Mura-vidék kétnyelvű területein politikailag, jogilag rendezve van. Nem a státusa, hanem a használata bizonytalan. Elvileg tudniillik egyenrangú, de gyakorlatilag elgyengült, elerőtlenedett a szlovén nyelvvel szemben. Itt a Muravidéken a magyar nyelvnek ugyanis nem tudatos kiszorítása, hanem szinte észrevétlen kiszorulása folyik. Aszimmetrikus lett a két nyelv használata. A következő nagy-nagy feladat épp ezért az volna, hogy újra helyzetbe hozzuk a magyar nyelvet. Sürgősen meg kell szaporítani használati alkalmait. Az utolsó pillanata van annak, hogy visszatérjen a magyar nyelvű kommunikáció minden működő intézményes területre (hivatali élet, szolgáltatás, közigazgatás, társadalmi szervezetek, igazságszolgáltatás, egyház, színház stb.). Ahol még egyáltalán lehetséges, ott el kell úzni a magyar nyelvű megszólalástól való félelmet, ódzkodást. Tudom: ez ma már szinte elérhetetlen kíváncsolom. Bár van ellenpélda is. E köszöntő sorok végső formába öntésekor olvastam példának okáért a Népújság 2003. június 5-ei számában, hogy a Szlovén Közszolgálati RTV Magyar Műsorainak Programtanácsa úgy döntött, hogy üléseit a jövőben magyar nyelven tartja. Ha mind gyakrabban, minden alkalommal, valamennyi szintéren használnók a magyart, fokozatosan működésbe lépne orientáló és integráló szerepe. Így a két nyelv megbomlott harmóniája is legott csökkenne.

Tény, hogy a muravidéki magyar nyelv védelemre és támogatásra szorul. De a hathatós védekezés és a tervszerű támogatás intézkedései csakis árnyalt, konszenzusos álláspontokra építhetők. A nyelvhasználati gondok olyan jellegűek, hogy megoldásukban szükség volna minden anyanyelvű beszélő és minden kisebbségi intézmény együttműködésére. Hivatalos fórumokon elsősorban az érdekvédelmi, politikai szervezeteknek, a művelődési és szakmai intézményeknek kell képviselniük a magyar anyanyelv ügyét. Az értelmiségiek – a jogászoktól a pedagógusokon, orvosokon, mérnökökön át a nyelvészekig – példaadó magatartásukkal és nyelvapoló, nyelvművelő buzgólkodásukkal tehetnek a maguk módján nagyon sokat a kétnyelvűség körülményei között is nyelvünkért. Jórészt azonban valamennyiünkön múlik, hogy sikerül-e a magyar nyelv használati körét minél több nyilvános (szó- és írásbeli) kommunikációs helyzetre kiterjeszteni.

3. A muravidéki magyar nyelv standardizáltságának erősítése

A muravidéki magyar nyelv jelenlegi állapotában hosszabb távon nem lesz képes kellő eredményességgel szolgálni a magasabb nyelvi színvonalú tágabb régióban a kommunikációt. Egyrészt azért nem, mert egyre erőteljesebben kontaktusos, azaz szlovén nyelvi interferenciákkal teli. Másrészt azért nem, mert még mindig nagyon nyelvjárásias, vagyis a kívánatosnál archaikusabb. Ezért egyfelől szaporítani kell változatait (pl. felfejleszteni a magyarul nagyon

hiányos szaknyelveket), másfelől növelni kell standardizáltságának a fokát (vagyis meg kell teremteni – ha nem is „a” központi, de legalább egy „közös” – regionális köznyelvi magyar normát). Ez a nyelv standardizációja és kodifikációja mellett a nyelvhasználókra való finom ráhatást is jelenti az alacsonyabb kompetenciaszint megszüntetésére.

Európában több helyütt folyik háttérbe szorult kis nyelveknek a fejlesztése. A Muravidéken sem kellene félni ettől, mégis kevés lehetőséget látok rá. Ennek több oka van. Csak kettőt emelek ki. 1. Itt eddig soha nem folyt összehangolt, egységes nyelvi tervezés, az ún. hagyományos nyelvművelés viszont, amelyet jórészt a magyarországi szakemberek végeztek, csekély megfogható eredménnyel járt. 2. Itt eddig általában nem is jelentkezett határozott igénye a nyelvi tervezésnek, mert a nyelvközösség a saját nyelvterületén – családi, közösségi szinten – a maga anyanyelvét nem érezte szegényesnek, a szükségesnél hiányosabbnak, művelésre, gazdagításra szorulónak, tágabb körben, hivatalos alkalmakon pedig úgyis a szlovén nyelvvel élt. Ilyen körülmények között kellene most azt a szinte ideális célt elérni, hogy a muravidéki magyar nyelvhasználat belátható időn belül zárkózzék föl a tágabb régióknak, legalább Zala és Vas megyének a regionális nyelvi színvonalához, hogy a magyarul beszélők fogyó közössége ne szoruljon rendszeres külső kódváltásokra, ám igenis legyen képes belső kódváltásokkal megoldani nemcsak a mindennapi, hanem a szakmai-közéleti kommunikációs feladatait is.

4. Az anyanyelv dominanciájának megvalósítása a kétnyelvű iskoláztatásban

Igaz, nincs birtokunkban objektív tudományos felmérés, de benyomásaink, napi tapasztalataink azt mutatják, hogy a magyar nyelv a kétnyelvű oktatás negyvennégy esztendeje alatt fokozatosan hátrányos helyzetűvé vált. Ennek legfőbb jele, hogy ma már alig van a kétnyelvű iskolákban magyar anyanyelv-domináns kétnyelvű tanuló. Sajnos ide vezetett szükségszerűen az oktatásnak mind a rosszul kitűzött célja, mind a még rosszabbul megvalósult gyakorlata, amely a magyar nyelv esetében nem tudta és talán nem is akarta megvalósítani az anyanyelv-domináns kétnyelvűséget. Ebben az esetben ugyanis elérendő célként mindkét nyelvre vonatkozólag egyformán anyanyelvi szinten a kiműveltebb kód formálását, másodnyelvi szinten pedig következetesen egy praktikusabb kódét kellett volna kitűzni, favorizálni. De ez nem történt meg. Nyolctíz éve még jó esélyt láttam arra, hogy a kétnyelvű iskoláztatás körülményei között valósuljon meg a magyar anyanyelv nagyobb fokú támogatottsága, ma már azonban alig tudom elképzelni, hogy valamiféle igényes oktatási reform nélkül oldódjék meg Szlovéniában a kisebbségi magyar nyelv eredményesebb tanításának ügye. Némi reményt a jövőre nézve talán még a kilencéves kétnyelvű általános iskolának a göntérházi tapasztalatokon nyugvó bevezetése kelthet bennünk. E kísérleti oktatás szerint ugyanis – ha jól értelmezem – választható lenne egy vagy három olyan felkínált tantárgy a felsőbb évfolyamokon, amelyekből heti egy órában mintegy 80 %-ban magyar nyelven folya a

teljes pedagógiai tevékenység, erősítve a közoktatásnak a magyar anyanyelv szempontjából a leggyengébb láncszemét, a szakmai kommunikációt.

Am ez az utóbbi vagy utolsó próbálkozás jó néhány alapvető változtatást igényel az iskola életében szemléletben, módszertani kultúrában, szervezeti tekintetben és a tananyag struktúrázásában egyaránt. Tudatos pedagógiai akaratnak és gyakorlatnak kellene segíteni azt az eredeti elképzelést, hogy a tanulók, diákok mindvégig szabadon dönthessék el, melyik nyelvet kívánják jobban fejleszteni. Sok-sok ok miatt azonban ma már aligha van reális lehetőség erre. A kétnyelvű Muravidéken manapság a 400 főt sem éri el a magyart anyanyelvi szinten tanulók létszáma. A 2000/2001-es tanévben Petesházán mind a 7 elsőosztályos tanuló magyar 2-re, azaz nem anyanyelvi, hanem környezetnyelvi magyarra íratkozott be, holott négyen a hétből magyar anyanyelvűek voltak. Addig, amíg az 1999/2000-es tanévben Göntérházán a 4. osztályban a 12 magyar anyanyelvű tanulóval mindössze 4 szlovén anyanyelvű állt szemben (75 : 25 %), addig történetesen Lendván az 1997/98-as tanévben a 28 magyar mellett 73 szlovén anyanyelvű (27,72 : 72,27 %) tanuló járt már az 1. osztályba. Lendván a jövő tanévben 80 tanuló lép a 7. osztályba – írja a Népújság legfrissebb száma –, de közülük már csak 24-en tanulják anyanyelvi szinten a magyart (30 %).

Ha következetes maradhatna a szlovén és a magyar anyanyelvű diákok megkülönböztetése, akkor két komoly változtatás végrehajtása sokat segíthetne a gondokon. 1. A kilencéves általános iskola első felében a kétnyelvűség következetes megvalósításával a magyar gyerekek esetében – az anyanyelvi alapok megszilárdítása mellett – a szlovén nyelvben való elmélyedés, a szlovén nyelvismeret tökéletesítése, a szlovén anyanyelvűekkel való egy szintre hozás lenne a legfőbb cél. 2. A kilencéves általános iskola második felében viszont – a szlovén nyelvben elért szintre is alapozva – valamennyi szaktárgy esetében egy folyamatosan fokozódó anyanyelvű szakmaiság kiteljesítése-megszilárdítása vehetné kezdetét a magyar ajkúaknak minden lehetséges módon, de legfőképp az ún. külső differenciálás formájában, azaz külön tanítási órák keretében és teljesen magyarul, ha tovább folytatódna az oktatási reform.

5. A nyelvi tudat formálása, az identitászavarok csökkentése

Az elmondottak mellett tény az is, hogy mind lehangolóbb az a nyelvi, nyelvhasználati kép, amely a Muravidéken fogad bennünket (a szlovenizmusokat pl. nem érzik hibának, a magyar nyelvtudást nemegyszer egy vadidegen nyelv ismeretéhez viszonyítják stb.). Ehhez sok esetben ijesztő identitászavarok is társulnak (lazult az anyanyelvhez kötő tudati-érzelmi kapcsolat, megváltozott a nyelvekhez való viszony, lojálisabbá vált a magyar közösség a szlovénséghez). A szlovéniai magyarság ma ráadásul az egyik legkisebb és legpusztulóbb nemzetestrészünk (2002. márc. 31-én a Muravidéken 5212 fő vallotta magát magyar nemzetiségűnek, illetőleg 6237 fő magyar anyanyelvűnek). Természetes, hogy a nyelvhez való viszony sem maradhat változatlan, ha megváltozik maga a nyelvet beszélő közösség demográfia, migráció és asszimiláció tekinte-

tében is. A kisebbségi lét mindig különleges helyzeteket teremt a nyelvválasztásban.

Ezért ilyen körülmények között már nagyon nehéz befolyásolni a nyelvet beszélő közösséget. Pedig a nyelvi tervezésnek ki kellene terjednie nyelven kívüli entitásokra is. Két dolog különösen fontos volna. 1. Tudatosítása annak, hogy a magyar nyelv semmivel sem alábbvalóbb bármely más nyelvnél. 2. Kialakítása egy alkotó anyanyelvérzéknek, egy reflexív, a nyelvhasználatra is odafigyelő magatartásnak. Szomorú, de hosszabb távon – hathatós beavatkozás nélkül – kevés remény van a szlovéniai magyar nyelv fenntarthatóságára, megmaradására.

Felhasznált irodalom

- Balázs Géza 1999. Nyelvstratégia. Glatz Ferenc (szerk.): *A magyar nyelv az informatika korában*. Magyar Tudományos Akadémia, Bp., 57–72.
- Balázs Géza 2001. *Magyar nyelvstratégia*. Magyar Tudományos Akadémia, Bp.
- Deme László 1999. Az anyanyelvészet fogalma és társadalmi feladatai. Glatz Ferenc (szerk.): *A magyar nyelv az informatika korában*. Magyar Tudományos Akadémia, Bp., 49–56.
- Glatz Ferenc 1999. Tézisek a magyar nyelvről. Glatz Ferenc (szerk.): *A magyar nyelv az informatika korában*. Magyar Tudományos Akadémia, Bp., 13–5.
- Pomogáts Béla 1999. Nyelvújítás az ezredfordulón. Glatz Ferenc (szerk.): *A magyar nyelv az informatika korában*. Magyar Tudományos Akadémia, Bp., 83–90.
- Szépe György 1999. Hat tétel a magyar nyelvhasználatról. Glatz Ferenc (szerk.): *A magyar nyelv az informatika korában*. Magyar Tudományos Akadémia, Bp., 121–8.
- Tolcsvai Nagy Gábor 1996. Lehetőségek és kötelességek a magyar nyelvi tervezésben. *Magyar Nyelvőr*. 237–49.

Bolla Kálmán (Budapest)

KÍSÉRLET HANGSAJÁTSÁGBELI AZONOSSÁGOK ÉS ELTÉRÉSEK KIMUTATÁSÁRA HAT NYELV MAGÁNHANGZÓINAK MŰSZERES VIZSGÁLATA ALAPJÁN

Problémafelvetés

A beszéd folyamat artikulációs mechanizmusai (melynek szerves részét, met-szetét jelentik a hangelemek) nyelvenként eltérőek, a beszédhangok még egy azonos típuson belül is lényegesen különbözhetnek. Könnyen meggyőződhetünk erről, ha két nyelv azonosnak definiált hangtípusát anyanyelvi alanyok ejtésében vizsgáljuk. Gondoljunk csak pl. az [e, f, a]-féle hangtípusokra. Előfordul, hogy e különbségek egy magasabb absztrakciós, nyelvi általánosítási szinten elhanyagolhatók ugyan, de a nyelvelsajátítás gyakorlatában, a helyes-beszéd és szépbeszéd szempontjából mindig jelentőséggel bírnak.

Célkitűzés

Ismeretes, hogy a magánhangzók fonetikai minősége a gégefőben képzett zöngéből a toldalékcsőben alakul ki. A beszéd szervek helyzetváltoztatásaival más-más rezonanciatulajdonsággal (szűrőkarakteristikával) rendelkező rezonáló terek jönnek létre, amelyek az áthaladó komplex hangrezgéseket módosítják. A rezonátor akusztikus minősége a térfogatától, a nyílásának nagyságától és belső tagoltságától függ. Ezek széleskörű és finom változásai a beszédképzés folyamatában sokféle hangminőséget eredményeznek. A beszéd fiziológiai mechanizmusai ismétlődő kvázisztaionáris mozgássztereotípiákból épülnek föl, s ezek által létrehozott rezonátor-alakzatokban keletkezett „zenei” (kváziperiodikus) hangok adják az adott nyelv magánhangzóit, a szegmentális szerkezet szótagképző komponenseit. Ezek a konkrét egyedi hangok általánosításával, nyelvi tipizálásával nyert hangtípusok.

A toldalékcső egyes részeinek térfogatváltozásaival összefüggésbe hozhatók a magánhangzók fonetikai minőségének eltérései. Több évtizede foglalkozom komplex beszéd kutatással artikulációs, akusztikus, percepciós és fonológiai aspektusból. Most a kinoröntgenografikus felvételeimből nyert mérési adatok felhasználásával arra kerestem választ, hogy a toldalékcső fonetikai szempontból meghatározó részeinek térfogatváltozásaiból kirajzolódna-e az artikulációs bázis milyenségének és az egyes beszédhangok minőségének jellemző vonásai. Ezek egzaktan kifejezhetőek-e, s kínálnak-e az interlingvális hangtani egybetésre használható módszertani eljárást.

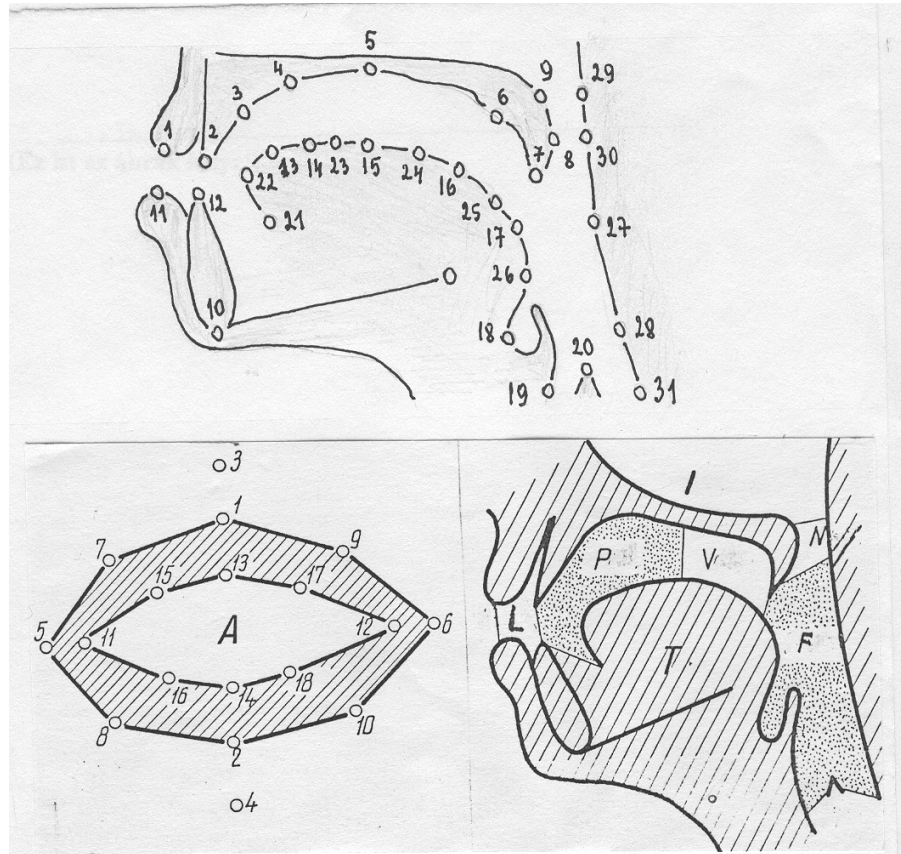
Módszer

A kutatási módszer ismertetése külön tanulmányt igényelne, ezért most csak egy vázlatos felsorolást adhatok a kísérleti fonetikai eljárás egyes fázisairól.

1. Anyanyelvi kísérleti alanyok kiválasztása és felkészítése.
2. A hangképzés kinoröntgenografikus rögzítése professzionális videó-magnetofonra a SOTE Radiológiai Klinikáján, valamint videófelvételek az ajakartikulációról.

3. Az artikulációs helyzet sémázása képernyőről, a mérőpontok kijelölése és a koordináták meghatározása a hang képzési folyamatának öt egyenként 20 ms-os szakaszában.
4. A koordináta-adatok feldolgozása számítógépes programokkal. Ezek egyike kirajzolta a szubglottális üregek, továbbá az ajaknyílás kontúrját, és kiszámította a megadott viszonylatokra a terület nagyságát képernyő-raszterpontokban és a részegységek arányát a kiválasztott viszonyítási feladatnak megfelelően.

Az alábbi ábrák eligazítást adnak a mérőpontok elhelyezéséről és az A, T, L, P, V, F, N viszonylatokról.

Mérési eredmények

A fenti ábrán bemutatott felosztás jelzései és a táblázatok A, T – L, P, V, F és N betűvel jelzett adatoszlopai az alábbi artikulációs paramétereket fejezik ki:

'A' – előnézeti labialitás-paraméter: a hangok ajaknyílásának nagysága egy viszonyításul felvett hang (esetünkben az [a]) területének arányában kifejezve

- 'T' – rezonátor-paraméter: a toldalékcső összterülete az [a] összterületének arányában kifejezve
- 'L' – oldalnézeti labialitás paraméter: a toldalékcsőnek az ajkak és a metszőfogak által bezárt része az aktuális hang összterületének %-ában
- 'P' – palatilitás-paraméter: a toldalékcsőnek a metszőfogak, a kemény szájpadlás, a palatoveláris választóvonal és a nyelvhatár által határolt része ugyancsak az összterület %-ában
- 'V' – velaritás-paraméter: a toldalékcsőnek a lágyíny, az uvuláris és a palatoveláris választóvonal, valamint a nyelvhatár közötti része az összterület %-ában
- 'F' – faringalitás-paraméter: az uvuláris, a nazális választóvonal, a garatfal, a posztodorzum, a nyelvgyök és az epiglottisz által körülvevett terület nagysága az összterület %-ában
- 'N' – nazalitás-paraméter: az uvula és a farinx vonalában képződő nazooralis nyílás nagysága az összterület %-ában.

1. A magyar magánhangzók mérési adatai a képzés tiszta fázisában férfi (Fo) ejtésben

(A táblázatokban [-] jellel a zárt lélegző állást, [◊] jellel pedig a nyitott lélegző állást jeleztem.)

	Hang	Összterület az [a:]-hoz viszonyítva	Részterület az adott hang összterületének %-ában						Szó
		A	T	L	P	V	F	N	
	[-]	5	73	1	20	11	55	13	
	[◊]	17	96	3	27	13	49	8	
1.	[a:]	100	100	5	40	20	36	0	báb
2.	[f]	33	105	6	49	17	29	0	bab
3.	[o]	17	97	4	38	13	45	0	pop
4.	[o:]	7	105	4	45	10	41	0	mór
5.	[u]	7	97	2	34	13	51	0	muff
6.	[u:]	4	100	2	36	12	50	0	búb
7.	[y]	13	104	2	16	21	60	0	süt
8.	[y:]	9	111	2	15	18	65	0	hút
9	[i]	56	98	4	14	19	64	0	hit
10.	[i:]	42	105	4	11	18	66	0	hív
11.	[e:]	65	98	5	17	19	59	0	hév
12.	[e]	80	98	5	30	19	46	0	per
13.	[E]	87	97	6	27	19	47	0	el
14.	[œE]	64	108	5	33	21	40	0	mer
15.	[Y]	15	89	4	28	21	48	0	pör
16.	[Y:]	9	102	3	22	19	55	0	bőr

2. A finn magánhangzók mérési adatai a képzés tiszta fázisában férfi (Hn) ejtésben

	Hang	Összterület az [a]-hoz viszonyítva							Szó
		A	T	L	P	V	F	N	
	[-]	9,3	90,1	0,8	12,4	10,3	61,8	14,7	
	[∅]	34,6	113,6	3	16	8	59	14	
1.	[a]	100	100	2,9	36,4	18,8	41,5	0,4	savi
2.	[a:]	134,8	96,3	2,5	34,9	24,6	37,5	0,6	saavi
3	[o]	39	90,4	2	33,6	22,4	41,5	0,5	sota
4	[o:]	41	112,1	2,6	44,3	13	39,6	0,5	koota
5	[u]	17,8	106,3	1,6	35,8	13,1	49,2	0,3	tuli
6.	[u:]	16,1	108,4	1,7	34,4	9,2	54,5	0,3	tuuli
7.	[i]	80	103,5	1,4	12,8	13,6	71,9	0,3	tili
8.	[i:]	103,7	106,7	2	13	15	69,7	0,3	tiili
9.	[y]	30,8	107,2	1,6	14,8	13,2	70,1	0,3	typpi
10.	[y:]	30,4	105,8	1,6	16	16,3	65,7	0,4	tyyppi
11.	[e]	114	99,9	1,2	21,1	15,7	61,6	0,4	pesä
12.	[e:]	117,7	107,2	2,3	18,2	12,6	66,6	0,2	teema
13.	[Y]	48,9	95,4	2,1	21,9	16,1	59,6	0,3	öhkiä
14.	[Y:]	32,6	88,1	2	23,5	14,7	59,4	0,4	insinööri
15.	[E]	131,3	102,9	2	27,3	18,3	51,8	0,6	väli
16.	[E:]	134,9	100,1	2,1	29,5	13,9	54,1	0,4	määrä

3. Az orosz magánhangzók mérési adatai a képzés tiszta fázisában női (Pi) ejtésben

	Hang	Összterület az [a]-hoz viszonyítva							Szó
		A	T	L	P	V	F	N	
	[-]	4,3	99	0,6	23	7	56,8	12,6	
	[∅]	46,8	115,3	2,1	28,1	9,9	51,7	8,1	
1.	[a]	100	100	3,4	38,2	19,9	38,1	0,4	сад
1b	[æ]	91,1	89,5	3,5	39,3	12	44,9	0,3	сядь
2	[o]	16,8	100,4	2,1	49,5	7,2	41	0,2	кот
2b	[o]	23	96,8	0,6	29,6	20,8	48,7	0,4	тётя
3.	[u]	5,8	107,1	0,6	37,9	13	48,1	0,4	стул
3b	[u]	7,9	104,4	0,8	26,5	13,4	58,7	0,7	тюль
4.	[I]	58,4	90,6	1,5	24,4	16,4	57,4	0,4	сын
4b	[i]	48,8	87,6	1,7	14	11,7	72	0,5	пить
5.	[ʌ]	93,6	90,4	2,8	28	11,3	57,8	0,2	поэт
5b	[e]	95,9	89	2,3	23,3	11,7	62,2	0,5	день

6.	[V]	65,6	90,1	2,1	41,6	20,3	35,5	0,6	атаман
7.	[%]	14,8	89,7	1,1	36,5	16,9	44,6	0,9	кое-что
8.	[—]	10,2	101,8	1,2	38,4	10,2	49,8	0,5	книгу
9.	[¥]	61,7	88,9	1,4	17,1	21,4	59,4	0,6	цитаты
10.	[¥]	77,9	98,2	2,1	14,3	16,5	66,7	0,5	билет
11.	[™]	61,7	83,3	2,4	29,3	17,6	50,3	0,4	этаж
12.	[ä]	63,1	108,7	1,5	34,2	18	46	0,5	топот
13.	[Ç]	45	101,3	1	31,4	13,8	53,5	0,4	высота
14.	[ʒ]	7,9	104,2	1	37,5	14,1	47	0,7	поступь
15.	[Ç]	61,2	105,6	1,1	16	13,9	68,5	0,5	чистота
16.	[II]	40,2	105,6	1,4	17,5	21,6	59,1	0,4	темнота

4. A lengyel magánhangzók mérési adatai a képzés tiszta fázisában férfi (St) ejtésben

	Hang	Összterület az [a]-hoz viszonyítva							Szó
		A	T	L	P	V	F	N	
	[-]	12	69	1	21	15	46	17	
	[∅]	30	84	4	27	19	40	10	
1.	[a]	100	100	5	39	23	33	0	tak
2.	[\$a]	92	92	6	40	20	31	3	tramwaj
3.	[W]	89	85	7	40	26	26	0	dziadzio
4.	[\$W]	91	80	6	41	21	28	5	niańczyć
5.	[o]	68	92	6	46	18	30	0	kot
6.	[\$o]	60	87	4	44	12	37	3	ką
7.	[o]	49	84	4	29	18	49	0	ciocia
8.	[\$o]	27	83	4	48	14	29	6	miąc
9.	[u]	7	91	2	42	9	47	0	gó
10.	[\$u]	11	78	3	49	13	31	5	munsztuk
11.	[u]	9	75	2	41	17	41	0	tiul
12.	[\$u]	13	86	2	33	20	42	3	triumf
13.	[I]	59	99	3	21	22	54	0	byk
14.	[\$I]	39	87	3	33	22	39	4	synteza
15.	[i]	50	87	2	15	24	59	0	bigos
16.	[\$i]	35	82	4	17	27	48	4	winszuje
17.	[e]	94	111	4	28	27	41	0	bek
18.	[\$e]	61	81	4	38	12	41	5	gę
19.	[e]	86	88	4	24	19	53	0	mieć
20.	[\$e]	17	86	4	26	20	46	5	mięsień
21.	[w]	26	94	5	50	21	24	0	mała
22.	[w]	11	69	3	35	22	39	0	szedł

5. A német magánhangzók mérési adatai férfi a képzés tiszta fázisában (M) ejtésben

	Hang	Összterület az [a]-hoz viszonyítva							Szó
		A	T	L	P	V	F	N	
	[-]	5,1	85,8	0,7	18,4	12,2	60,7	0,8	
	[∅]	25,2	103,9	1,1	30,5	14,9	47,5	5,9	
1.	[a]	100	100	2,7	42,4	24,5	30,2	0,3	Acker
2.	[a:]	122,6	108,6	3,8	45,3	21,2	29,6	0,1	Adam
3.	[O]	61,2	108,9	2,6	46,2	16,9	34,1	0,2	Ochse
4.	[o]	9,9	101,7	1,8	46,8	14,3	36,9	0,3	Opal
5.	[o:]	9,1	102,5	1,9	44,5	13,5	40	0,2	Ofen
6.	[Ú]	20,9	109,6	1,2	41,2	14,8	42,6	0,2	Mutter
7.	[u]	6,8	104,9	0,5	39,1	13,3	46,9	0,2	utopisch
8.	[u:]	5,1	104,5	1,2	39,3	9,4	49,9	0,2	Uhr
9.	[ü]	13,8	96,1	2,7	27,9	19,6	49,7	0,1	üppig
10.	[y]	7,5	90,7	1,5	18,5	23,6	56,2	0,2	Hypothek
11.	[y:]	3,6	100,1	2,1	16,9	18,3	62,7	0,0	Übel
12.	[í]	67,1	99,9	2,4	17,6	20,7	59,2	0,2	impfen
13.	[i]	56,7	95,5	1,2	15	21,1	62,6	0,1	Idee
14.	[i:]	73,8	97,4	0,9	12,7	20	66,1	0,3	Bibel
15.	[e]	63,5	104,1	1,4	21,1	22,3	54,9	0,4	Elefant
16.	[e:]	80,6	104,1	1,5	18,5	22,3	57,6	0,1	eben
17.	[E]	62,7	94,3	2,5	27,9	22,8	46,5	0,3	Ebbe
18.	[E:]	100,2	101,1	2,7	27	22,1	48,1	0,2	wägen
19.	[R]	44,1	102,5	1,7	30,1	23,9	44,2	0,2	bebe
20.	[P]	14,1	90,1	4,3	25,4	21,5	48,7	0,2	öffnen
21.	[Y]	12,5	85,1	2,4	23,3	20,7	53,4	0,3	Ödem
22.	[Y:]	9,8	97,4	2	21	22,2	54,6	0,2	böse

6. Az angol magánhangzók mérési adatai a képzés tiszta fázisában női (Ds) ejtésben

	Hang	Összterület az [a]-hoz viszonyítva							Szó
		A	T	L	P	V	F	N	
	[-]	9,3	89,4	0,8	36,2	9,9	36,7	16,4	
	[∅]	42,7	91	0,9	27,1	13,6	42,6	15,8	
1.	[A:]	100	100	4,1	55,3	13,3	26,8	0,6	father
2.	[Q]	65,8	79,7	3,2	51,8	16,1	28,4	0,5	gone
3.	[V]	117,3	97,5	4	47,4	17,5	30,7	0,4	sun
4.	[O:]	13,8	75,2	1,7	48	7,7	42,3	0,4	door

5.	[Ú]	9,2	75,1	1	42,4	11	45,3	0,3	book
6.	[u:]	7,1	90,2	0,7	23,4	17,1	58,1	0,6	do
7.	[i:]	108	102,5	1,6	16,9	26,8	54,2	0,6	key
8.	[í]	105,4	91,6	3,1	18,9	23	54,9	0,1	it
9.	[E]	134,4	108	3,5	28,8	25,3	42,1	0,4	men
10.	[W]	175	100,5	3,9	45,9	19,4	30,4	0,4	hat
11.	[↓]	65,8	91,2	1,6	30,7	19,2	48,3	0,2	earth
12.	[R]	58,7	94,7	2,8	36,9	24,5	35,6	0,3	common

A mérési adatok felhasználása fonetikai sajátságok, jegyek meghatározására

Az alábbiakban a sokféle lehetőség közül a mátrixos és a grafikonos ábrázolással megvalósítható egybevetésekre hozok néhány példát. A forrásadatok birto-
kában bárki további vizsgálódásokat végezhet.

Hat nyelv <a>-féle hangjainak egybevetése a toldalékcso-paraméterek alapján a magyar [a:]-hoz viszonyítva

	L	P	V	F	N
magyar	x	x	x	x	x
finn	+	+	+	-	x
orosz	+	+	x	-	x
lengyel	x	+	-	-	x
német	+	-	-	+	x
angol	+	-	+	+	x

A táblázatból kiolvasható, hogy a **labialitás** tekintetében a lengyel megegyezik a magyarral, míg a többenél az L-jellemző magasabb fokozatot képvisel, mivel a toldalékcso ezen részének a területe (ettől függően a térfogata is) kisebb. Ebből pedig arra következtethetünk, hogy a hangok zártabbak és szűkebb ajaknyílással képzettek.

A **palatalitás**ban a finn, az orosz és a lengyel pozitív irányban tér el, a kisebb térfogat magasabb hangszínezettel jár, ellentétben a némettel és az angolal.

A **velaritás**ban nagyobb a szóródás: a finn és az angol velárisabb, az orosz megegyezik a magyarral, míg a lengyel és a német esetében a posztdorzum és a velum között tágabb tér keletkezik az artikuláció során. Hangzásban ettől gyengülnek a mély felhangok.

A **faringalitás** a palatalitással ellentétesen viselkedik: a finnben, az oroszban és a lengyelben tágasabb, a németben szűkebb a toldalékcso faringális tere. Hangszínezetben ez azt jelenti, hogy az előzőknél világosabb, az utóbbiaknál sötétebb a hangszín. Ez a paraméter az artikulációnak elsősorban palatális – mediális – veláris síkban való eltéréseire utal.

Mindegyik nyelvben zárt a nazoorális összekötő tér, tehát orális képzésűek, amit az N nulla vagy ahhoz nagyon közeleső értéke, a mátrix + jele fejez ki.

Összegezve megállapítható, hogy a látszólagos azonosság mögött a különböző nyelvekben lényeges artikulációs eltérések rejlenek.

A szöveges magyarázatot mellőzve még négy hangtípus matrixát közlöm:

Az <o>-féle hangok összehasonlítása

	L	P	V	F	N	
magyar		x	x	x	x	x
finn		+	+	-	+	x
orosz		+	-	+	+	x
lengyel		-	-	-	+	x
német		+	-	-	+	x
angol		+	-	+	+	x

Az <e>-féle hangok matrixa

	L	P	V	F	N	
magyar [e]		x	x	x	x	x
finn [e]		+	-	+	-	x
finn [œE]		+	-	+	-	x
orosz [E]		+	-	+	-	x
orosz [e]		+	-	+	-	x
lengyel [e]		+	-	-	+	x
lengyel [Y]		+	-	x	-	x
német [e]		+	-	-	-	x
német [E]		+	-	-	x	x
angol [e]		+	-	-	+	x
angol [æ]		+	-	-	+	x

Az <i>-féle hangok matrixa

	L	P	V	F	N	
magyar		x	x	x	x	x
finn		+	+	+	-	x
orosz		+	+	+	-	x
lengyel		+	-	-	+	x
német		+	-	-	+	x
angol		+	-	-	+	x

A mérési adatok egynyelvi összehasonlításokra is felhasználhatók. Példaképpen vegyük a magyar magánhangzókat rövid-hosszú relációban.

A rövid és a hosszú magánhangzók összehasonlítása

	L	P	V	F	N
[O]	-	-	+	+	x
[a:]	+	+	-	-	x
[o]	x	+	-	-	x
[o:]	x	-	+	+	x
[u]	x	+	-	-	x
[u:]	x	-	+	+	x
[e]	-	-	+	+	x

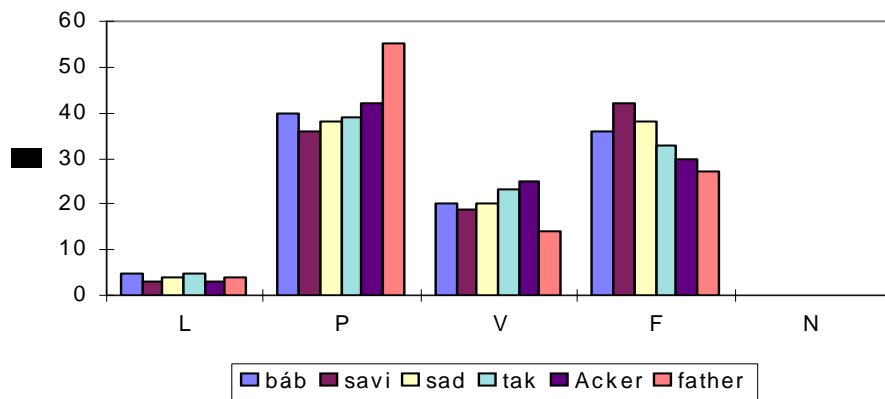
[e:]	+	+	-	-	x
[Y]	-	-	-	-	x
[Y:]	+	+	+	+	x
[i]	x	-	-	+	x
[i:]	x	+	+	-	x
[y]	x	-	-	+	x
[y:]	x	+	+	-	x

Néhány következtetés:

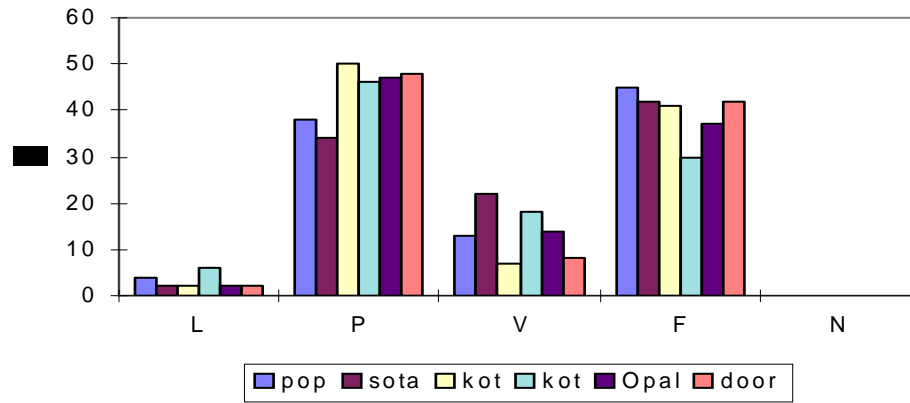
- A rövid–hosszú fonológiai opposzió mögött a kvantitásbeli eltéré-
sen kívül minőségbeli különbség is van.
- A hosszú magánhangzó hátrább képződik, mint rövid párja.
- Velárisoknál a V F jelleg a hosszúaknál markánsabb.
- Palatálisoknál a hosszúnál kisebb a faringalitás és markánsabb a P V
jelleg.

A fonetikai minőségbeli eltéréseket árnyaltabban fejezhetjük ki grafikonos
ábrázolással.

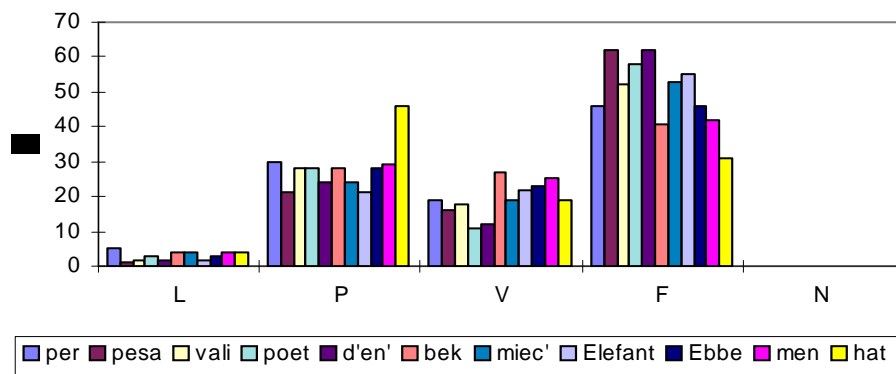
Az <a>-féle hangok összehasonlító diagramja

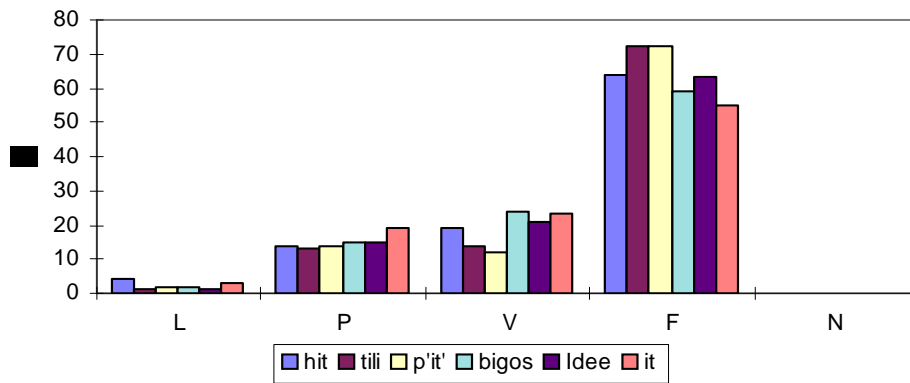
Az <o>-féle hangok összehasonlító diagramja

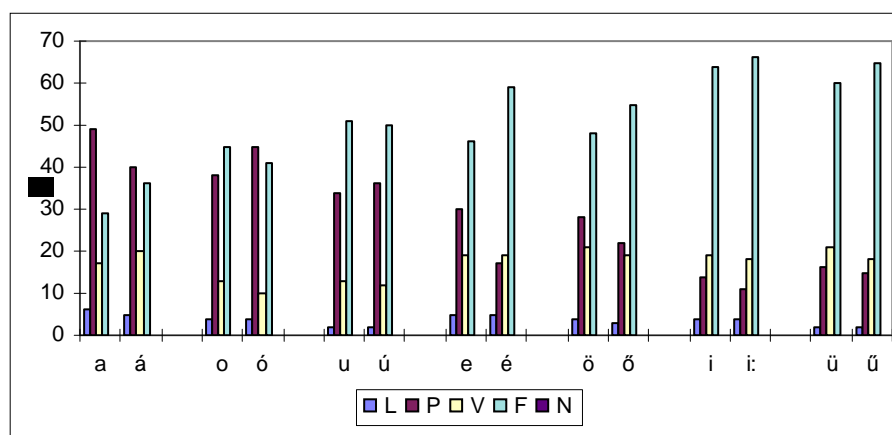

Az <e>-féle hangok összehasonlító diagramja

Az <i>-féle hangok összehasonlító diagramja

Irodalom

- Bañcerowski Janusz: A magyar–lengyel kontrasztív fonológia alapjai. Doktori értekezés. Budapest, 1988.
- Bolla Kálmán: Újabb eljárás hangsajátságok megállapítására. In: Emlékkönyv Zsilka János professzor hatvanadik születésnapjára. Szerk. Havas Ferenc–Horváth Katalin–Ladányi Mária. Budapest, 1990, 12–17.
- Bolla Kálmán: A finn beszédhangok atlasza. A beszédhangok képzési és hangzási jellemzői. MFF 14. 1985, 262 p.
- Bolla Kálmán: A magyar beszédhangok képzési sajátosságai a toldalékcso csoportok artikulációjának alapján. In: Benkő–emlékkönyv. Szerk. Hajdú Mihály–Kiss Jenő. Budapest, 1991, 105–18.
- Bolla Kálmán: A Phonetic Conspectus of English. The articulatory and acoustic features of British English speech sounds. MFF 20. 1989, 402 p.
- Bolla Kálmán: Az orosz artikulációs bázis jellemzése a toldalékcso csoportok artikulációjának alapján. In: 4. Nemzetközi Szlavisztikai Napok. Szombathely, 1991. Szerk. Gadányi Károly. Szombathely, 1992, 19–34.
- Bolla Kálmán: Magyar fonetikai atlasz. A szegmentális hangszerkezet elemei. Budapest, 1995, 340 p.
- Bolla Kálmán: Orosz hangalbum. A beszédhangok képzési és hangzási sajátosságai. MFF 11. 1982, 284 p.
- Bolla Kálmán–Földi Éva: A lengyel beszédhangok képzési és akusztikus sajátosságairól. MFF 7. 1981, 91–139.
- Bolla Kálmán–Földi Éva: A lengyel beszédhangok palato- és lingvografikus vizsgálata. MFF 7. 1981, 140–55.
- Bolla Kálmán–Földi Éva: A phonetic conspectus of Polish / Atlas dźwięków mowy języka polskiego. MFF 18. 1987, 400 p.
- Bolla Kálmán–Valaczkai László: Német beszédhangok atlasza. A beszédhangok képzési és hangzási sajátosságai. MFF 16. 1986, 210 p.

Божук Изабелла (Szombathely)

«РУСИНСКИЙ ЯЗЫК – ЖИВОЙ ЯЗЫК КАРПАТСКИХ РУСИНОВ»

«Я русинь былъ, есмь и буду,
я родился русиномъ...»

А.Духнович

Русинский или карпато-русинский язык - это язык жителей южных склонов Карпатских гор, на котором общается свыше 750 000 русинов. Это язык славян-автохтонов Закарпатья. Он относится к группе восточнославянских языков и функционирует в нескольких разновидностях:

- а) русинский язык на территории Закарпатья¹;
- б) бачванско-сремский русинский язык на территории Воеводины²;
- в) язык русинов Восточной Словакии (Пряшів)³;
- г) русинский язык эмигрантов, которые в нач. 20-х гг. XX века выехали в США⁴.

Основой русинского языка являются три диалекта: ужанский – западная часть, береговский – центральная часть и мараморошский – восточная часть современного Закарпатья.⁵ Классификация одного из наиболее

¹ Деже Л. Материалы к исторической диалектологии закарпатских говоров.- *Studia Slavica Hung.*, 14 (1969), 45-75. Панькевич І. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Прага, 1938.

Панькевич І. Нарис історії українських закарпатських говорів. Ч. I. Фонетика. Прага. 1958.

² A bács-szerémi ruszinokról.-*Világirodalmi Lexikon*. XII, Budapest, 1991. 310-314. Duličenko A. D. Die Entwicklung des literarischen Schaffens bei den Russinen in Jugoslawien.-*Létopis*. Reihe B.Bd.21. H. 1.-Bautzen, 1974.

Дуличенко А.Д. Литературный русинский язык Югославии (Очерк фонетики и морфологии).-Автореф. канд. дис.- Москва, 1973.

Костельник Г. Граматика бачвансько-рускей бешеди.- Костельник Г. Проза: На бачванско-сримским руским литературним языке. Нови Сад: Руске слово, 1975.

Мушинка М. Спільні а відмінні риси у фольклорі русин в Пряшівщині і Войводини. Традиційна культура югославянских Русинох. Нови Сад, 1971, 100-123.

Тамаш Ј. Русинска књижевност.- История и статус. Нови Сад, 1984.

Удвари И. Прилоги гу проблематики церковно-славянских и российских элементов у бачванско-сримским руским языке.- *Studia Slavica Hung.*, 36, 1990, 427-438.

³ Udvari I. Irodalmi nyelv-teremtő kísérletek a szlovákiai Ruszinok körében.- *Bibliotheca Slavica Savariensis* III. Szombathely, 1996, 100-106.

Штець М. Літературна мова українців Закарпаття Східної Словаччини (після 1918 р.).- Братіслава, 1969.

⁴ Podkarpataska Rus'. Obraz obstojatel'stv prirodnych, hospodarskich, političeskich, cerkovnych, jazykovych i prosvitit'el'nych. Karpato-russke izdanie.- New-York, N.Y., 1924.

⁵ Поп И. Энциклопедия Подкарпатских Русинов. Ужгород, 2001.С.425.

лее авторитетных диалектологов Г.Геровского несколько иная: «Подкарпаторусский диалект делится на 9 говоров: южномармарошский, бережский, северомармарошский, ужский, восточноземплинский, шарышский, спишский и говоры чужеродного происхождения».⁶

Русинский язык подвергался значительному прямому или опосредованному влиянию языков (немецкий, венгерский, румынский, чешский, русский и украинский), которые доминировали на этой территории в тот или иной исторический период. Перечисленные русинские говоры хорошо сохранились до наших дней и практически на всей территории края выполняют коммуникативную функцию преимущественно на уровне бытового общения.

Характерным отличием русинского языка, который стремится обрести статус литературно-письменного, является наличие в живом разговорном языке многих архаических языковых явлений, уже нехарактерных для других современных восточнославянских языков, а также множества заимствований из соседних венгерского, словацкого, румынского и других языков. Население Закарпатья издавна проживало в условиях русинско-венгерского билингвизма в составе Венгерского королевства (11-16 вв.), монархии Габсбургов (16 в.- 1918 г.), Венгрии в 1939-1944 гг.; русинско-чешского в составе Чехословацкой республики 1919-1939 гг.; русинско-русского и русинско-украинского билингвизма после 1944 года. Это отражают заимствованные языковые элементы в говорах края (в большинстве случаев лексические).

В начале 40-х гг. XIX в. в процессе национально-освободительного движения народов Габсбургской монархии был затронут вопрос об установлении литературно-письменного языка для русинов Закарпатья. Этот язык вначале выступал в виде так наз. «язычия» - искусственного макаронического языка, представляющего собой своеобразную смесь церковнославянского языка с элементами местных диалектов и включением многочисленных иноязычных заимствований.

В основу русинского языка был положен церковнославянский язык. Составитель первой грамматики подкарпатский русин Михаил Лучкай в своей „Grammatica Slavo-Ruthenica” (1830 г.) говорил, что «все славяне мають держатися церковнославянского языка, которого найв ринйше придержуються русины под Карпатами». Эта опора на начальной стадии при нормировании языка продолжает быть активной и в наши дни. Например, до сих пор языком богослужения у русинов остается язык, очень близкий к церковнославянскому. Однако, у русинов возникает опасность потери литературно-письменного языка в качестве языкоосновы, т.к. прослеживаются тенденции замены церковнославянского языка на государственный литературный украинский. Известно, что

⁶ Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси. Москва, 1995. С.17-38.

определенные круги в Украине не признают ни русинского этноса, ни существование живого русинского языка. По справедливому мнению авторитетных представителей просвещения языком-основой и реальной поддержкой русинского языка в Закарпатье продолжает оставаться церковнославянский язык.

Среди славистов бытует мнение, что основой литературно-письменной формы карпато-русинского языка следует считать мараморошский диалект.⁷ Первым письменным памятником, дошедшим до нас, является «Няговская постилла» - полемическое произведение религиозного содержания первой половины XVI в., основанная на живом разговорном языке жителей южного Марамороша.

Не менее важной проблемой карпато-русинского языка является его кодификация, которая ведется с начала XIX в. Попытки ее реализации силами таких видных русинских деятелей, как Александр Духнович, Александр Павлович, Андрей Бачинский, Василий (Ласло) Чопей, Юрий Чори, Игорь Керча и др. довести её до конца не увенчались успехом.

По мнению исследователей на современном этапе вопросы дальнейшей кодификации и расширения коммуникации карпато-русинского литературного языка на современном этапе носят преимущественно политический и экономический характер.⁸

Отметим лишь некоторые характерные особенности описываемого языка. К оригинальным фонетико-морфологическим явлениям можно отнести, например, наличие фонемы [ы]. Русинский звук [ы] стоит между украинским [і] и [и]. Ср.: быти «быть» и бити «бить». Также характерно наличие в закрытых слогах древних по происхождению звуков [y]: кунь «конь», вуз «воз», вусям, вусім «восемь»; интервокала [õ] (преимущественно в береговских диалектах) (который в некоторых случаях употребляется на письме как латинский [ü]) очень близкий по артикуляции к венгерскому [ü]. Например: кõнь «конь», вõл «вол», вõсім «восемь» и другие.

К фонетико-морфологическим особенностям следует отнести палатализацию губных согласных: смягчение [в], например, привело к полной потере этого звука в словах сятый «святой», язати «вязать»; сохранение смягченного [р'] в конце слова, например, типирь «сейчас» (укр. лит. тепер), косарь «косарь» (укр. лит. косар) и др. Фонетические явления, связанные с утратой [j], в значительной мере определили грамматические особенности этого языка. Так, например, для них характерны следующие окончания глаголов: -у в 1-ом лице ед. ч. (знаву, купуву, починаву и т.д.);

⁷ Тихий Ф. «Розвиток сучасної літературної мови на Підкарпатській Русі» Praha, 1938 (пер. с укр. Белея Л., Сюська М., Ужгород, 1996).

⁸ Дуличенко А. Д. О попытке кодификации русинского литературного языка в Закарпатье. *Slavica Tartuensia* IV. Tartu, 1998. С. 159.

-**уть** в 3-ем лице мн. ч. (знавуть, купувуть, починавуть и т.д.); -**єме** в 1-ом лица мн. ч. наст. вр. (знаєме, купуєме, починаєме и т.д.). Потеря [j] в позиции между гласными в других формах глаголов (знає, купує, починає и т.д.). В именах сущ. ж. р. в тв. п. окончание – **ов** (червенов ряднов, руков, головов и др.).

В данном языке еще функционирует форма плюсквамперфекта типа **я бы був учинив** (що?)..., а также в императиве в 3-ем лице используется побудительная частица **най** в значении «*пусть*», «*пускай*», похожая на префикс суперлатива, например, най ся ладыть до воська «*пусть готовится в армию*», най ся не приказує «*лучше об этом не говорить (упоминать)*» (часто употребляемое в разговорной речи выражение) и т.д.

Миграционные процессы на территории гуцульского диалекта в Раховском и Тячевском районах Закарпатья стали причиной ряда характерных фонетических явлений. Например, под их влиянием в говоре утратился звук [ы], регулярный для говоров Подкарпатской Руси. Здесь говорят бик вместо *бык*, мило вместо *мыло*, но сохраняют подкарпатское произношение пуц, вуд, кунь и т.д.⁹

В лексическом составе большое количество архаичных слов славянской этимологии: вергчи (веречи) «*бросить*», имити «*поймать*», лазиво «*лестница*», днись «*сегодня*», позирати «*смотреть*», студений «*холодный*», сырохман «*бедняк*», токмитися «*спорить*» или «*торговаться*» и другие. Важную роль играют венгерские слова: вадь «*или*» (*vagy*), алдомаш «*мага рыч*» (*áldomás*), валовшний «*подходящий*» (*való*), вариш «*город*» (*város*), гордѡв «*бочка*» (*hordó*), керт «*сад, огород*» (*kert*), оболок «*окно*» (*ablak*), фiном «*вкусно*» (*finom*), аллопот «*состояние*» (*állapot*), телек «*участок*» (*telek*). В обиходной коммуникации также немало румынских слов: копыля «*внебрачный ребенок*» (*copil*), цимбора «*друг*» (*cimborá*) и др.

Учитывая географическое положение и исторические контакты, следует отметить, что для русинского языка характерно наличие значительного количества общеславянских языковых особенностей, которые сближают этот язык также с западно- и южнославянскими языками. К таким особенностям относятся, в частности: энклитики, характерные, например, для словацких говоров: я ся научу «*я научусь*», любыв бы'м го видіти «*я хотел бы его видеть*», най ня не мерегує «*пусть меня не раздражает*», нигда'м тя не видів «*я тебя никогда не видел*», жили сьте туй? «*вы жили здесь?*», ви чекалисьте ёго «*вы ждали его*» и др.; значительный слой общей лексики, например: годинка «*часы*» (диал. *hodzinka*), дуркати «*стучать*» (*durkat'*), жебы «*чтобы*» (*žeby*), завушниця «*сережка*» (диал. *záušnica*), кедь «*если*» (*ked'*), коцур «*кот*» (*kosúr, kocour*), нараз «*сразу*» (*paraz*), палинка «*водка*» (*palenka* – чеш., польск., слов., венг. *pá-*

⁹ Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси. Москва, 1995. С.36.

linka), райбати «стирать» (диал. rajbas), шваблик «стичка» (диал. švabl'ik) и другие.

Несмотря на имеющиеся место проблемы и некоторые негативные тенденции, русинский этнос сохраняет свой язык, свою культуру и национальные, духовные и бытовые традиции.

«Молитва русина»

«Снігом віхола убілює ми плечі
И трембітов над Карпатами гуде,
По землі русинськїв Сятый вечір,
Хвала Богу, вже двотисячний иде.

У капличці запалю я свічку
Тай помолюся на колінах Творцю
За народ русинськый и за горы вічні,
И за спокій наших праотцюв.»

/Р. Пицальник/

Библиография

- A bács-szerémi ruszinokról.-In: Világirodalmi Lexikon XII, Budapest, 1991. С. 310-314.
- Від автономної Подкарпатської Русі до суверенної Закарпатської України. /Общество Подкарпатських Русинів/. Ужгород, 1996. С.28.
- Геровский Георгий. Язык Подкарпатской Руси. Москва, 1995. С.17-38.
- Деже Л. Материалы к исторической диалектологии закарпатских говоров.- In: Studia Slavica Hung., 14 (1969), 45-75.
- Дорошенко Дмитро. Угорська Україна. Ужгород, 1992. С.8-13.
- Д-р Володимир Бірчак. Літературні стремління Підкарпатської Русі /вид.2/. Ужгород, 1937. С.6-9.
- Dulićenko A. D. Die Entwicklung des literarischen Schaffens bei den Russinen in Jugoslawien.-Létopis. Reihe V.Bd.21. H. 1.-Bautzen, 1974.
- Дуличенко А.Д. Литературный русинский язык Югославии (Очерк фонетики и морфологии).-Автореф. канд. дис.- Москва, 1973.
- Капраль Михаил.Издания Иоанна Кутки в истории русинского литературного языка. In Studia Russica VII. Budapest, 1999. С. 284-290. (М.Капраль, И.Поп).
- Костельник Г. Граматика бачваньско-рускей бешеди.- In: Костельник Г. Проза: На бачванско-сримским руским литературним языку. Нови Сад: Руске слово, 1975.

- Латяк Дюра. Толковий словник словох и їх значеньох... *Studia Slavica Savariensia* 1, 1994.С.111-164.
- Медве Золтан. «Роль языка и религии в развитии национального сознания подкарпатских русинов». *Studia Russica XIV-XV*. /Под ред. А.Золтана/. Будапешт, 1900-1994. С. 225-240.
- Мушинка М. Спільні а відмінні риси у фольклорі русин в Пряшівщини і Войводини. In: Традиційна культура югославянских Русинов. Нови Сад, 1971, 100-123.
- Павленко Г.В. Діячі історії,науки і культури Закарпаття. Малий енциклопедичний словник. Ужгород, 1999. С. 16, 48, 62, 69.
- Панькевич Иван. Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей. Ч.І. Звучня і морфологія. Прага, 1938. С. 65.
- Панькевич І. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Прага, 1938.
- Панькевич І. Нарис історії українських закарпатських говорів. Ч.І. Фонетика. Прага. 1958.
- Пищальник Роман. Молитва русина. Ужгород, 2002. С.24.
- Поп Иван. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 425.
- Тамаш Ј. Русинска књижевност.- Историја и статус. Нови Сад, 1984.
- Удвари И. Прилоги гу проблематики церковно-славянских и російских элементов у бачванско-сримским руским језику. - In: *Studia Slavica Hung.*, 36, 1990, с. 427-438.
- Udvari I. Irodalminyelv-teremtő kísérletek a szlovákiai Ruszinok körében. - In: *Bibliotheca Slavica Savariensis III*. Szombathely, 1996, 100-106.
- Штець М. Літературна мова українців Закарпаття Східної Словаччини (п сля 1918 р.). - Братіслава, 1969

IMAGINIRANI LIK MARINKOVIĆEVOG «ANDELA» - NA IŠČEKIVANJU

1. Forma vidljivog predmeta se prenosi kroz svjetlosne zrake koji padaju na mrežnjaču oka. Majstor bi htio «zaviriti stvarima u oči», «razoriti tužnu poeziju svoje napuštenosti.» Oslabi li ljudska imaginacija, u njoj raste težnja za prokazivanjem vlastitih legendi: tada podnosi surogate za maštu (Nietzsche). Pripovjednu razinu čine znakovi: skup postupaka kojima se funkcija i radnje reintegriraju u pripovjednu komunikaciju (Barthes 1992). U naše vrijeme više ne marimo za pripovjedne postupke kojima se pokušava naturalizirati pripovjedni tekst. Pripovijedanje dobiva svoj smisao u svijetu koji ga koristi. U Marinkovićevoj pripovjednoj perspektivi gledišta – glasa (Genette 1992): 2) «... vi ćete još i onoga anđela što piše u knjigu završiti», 3) «balavosti rasplakanog anđelčića na grobu.»

1.1. Čovjek bezimena trenutka tradiciju želi sahraniti u dubinu nepovratne prošlosti. Tada prestaje paradigma na temelju koje prepoznaje u kojoj je vertikalni njegov duh. U jedinu rečenicu zgusnuti kod upućuje na konvencionalni postupak: «kad su takvi anđelčići bili u modi.»

1.2. Majstor posmatra svoj «zagonetni model.» Hiperbola, koju je Ciceron nazvao *superlatio*, Kvintilijan *superiectio*, misao je koja nadmašuje istinu samo da bi prouzrokovala uvećanje... sa željom da se... proširi veličina predmeta. (Peac-ham 1589). U Marinkovićevom tekstu trop dobija dinamičko značenje koje riječima i sklopovima riječi u specifičnim odnosima oblikuje i stvara značenje. «...veliki, bijeli anđeo» koji «u svoju kamenu knjigu upisuje» predstavlja najizražajnije i teatarski najeksplicitnije sredstvo iskaza. Usporedba koja postoji u hiperboli uvedena je funkcionalnim riječima koje upućuju na objekt. Poredbenom hiperbolom uspoređuje predmete po analogiji. Zbog dojmljivog vizualnog dočaravanja smrti preko ornamentiranih elemenata stvarnosti tekst doživljavamo kao pikturalnu obradu motiva (Stanivuković 1995).

2.1. Misao truje majstorove noći. Ironija prihvaća činjenicu kako je svijet u biti paradoksalan, te se njegova kontradiktorna sveukupnost može shvatiti jedino s ambivalentnog stajališta (Schlegel). Svaki književni tekst u kojem se javlja ironija zahtijeva dvosmjerno čitanje, pažljivog čitača (Slabinac 1995). Majstor zaključuje: «Lojzek, a ne anđeo!» Svaka komunikacija sadrži s jedne strane sadržajnu tekstualnu informaciju, ali je s druge strane uvijek i objava odnosno nacrt neke osobne dijaloške veze između partnera u komunikaciji (Waldmann 1992). Poslije povratka nadmoći ruke klešu «anđeoski čisti, bijeli plač.»

2.2. Svakako je zanimljivo da je eros osnovni pokretač ljudskih htijenja i ponašanja gotovo kod svih naših pisaca. Kod intelektualca je iscrpljenje, opijum koji je još jedini preostao pošto su sve ostale iluzije propale (Šicel 1971). Svaka je priča ograničena vremenom. Linearost može biti poremećana transformacijama, «knez među ... obrtnicima» predočuje «masku jednog blesana.»

2.3. Organ imaginacije mora biti materijalan. Duša tvori svoje vlastite forme: «Ne trebam ja ljepote...»

2.4. U tekstu ljubav i smrt postaju najzanimljiviji motivi, jer se sa njima najjasnije očituju emocionalni ljudski potresi. Motiv erotike provlači se kao crvena nit kroz svu prozu (Šicel 1971). Opažanje štete ili opasnosti ili ljubavi u pojedinačnom predmetu predstavlja djelatnost razuma privrženog imaginaciji. Umjetnik ugleda Lojza «s krilima arhandela», znanje postaje izvor strepnje, a ne više ekskluzivna istina.

2.5. Lojz se htio «orijentirati». Način njegova govora jest odgovaranje sa svim modusima govora: govorenjem, pitanjem, slušanjem i šutnjom (Batušić 1995).

2.6. Određene konvencionalne geste iz civilizacijske tradicije se posve prirodno integriraju u gestiku.

«k veselju nas vabi ili srdžbi,
ili u teškoj žalosti put zemlje nas tišteći prigne»

(Horacije)

«Kretnje neka vam odgovaraju riječima, a riječi kretnjama.»

(Shakespeare)

2.7. Neverbalni scenski znakovi moraju prije svega ispuniti onu funkciju koja će zajedno s govornim znakom pojačati značenje iskazanoga (Fischer-Lichte 1983). «Frida iza kulisa čeka svoj ulaz na pozornicu.» Diderot je glumu proglasio himbom. Opis kao figura misli mora izazvati očevidnost predmeta, kompozicijska mu je uloga digresivna, a može uključiti u sebe različite postupke figuracije (Duda 1995).

3. Osjetilni opažaj u ovdašnjem životu nije drugo, no sjenka same imaginacije. Duša se rađa u i sa tijelom? Poantiran spoj pojmova koji se međusobno isključuju. Pisac dovodi suprotnosti do krajnosti. Potpuna ljepota, kada se nalazi u zenitu svog savršenstva, prelazi u potpunu destrukciju. U dualnosti između stvaralaštva i stvorenja sučeljeni su imaginativni svijet i banalna priroda.

3.1. Mi uvijek pričamo priče o sebi samima (Schafer 1983). Priča ima moć nad nama zato što nas prisiljava na prepoznavanje nečega u sebi. Analitički put uvijek se otvara nečime što se odupire, što prekida kontinuitet svjesnog mišljenja i čini se nerazumljivim (Feldman 1992). «A ipak, sve je to moralo imati početka!»

3.2. «Viški Voltaire», impresivni postkafkianski pjesnik stvara uzajamnost tijela i duše, radnje i osjećanja. U iščekivanju mramornog bića njegov se majstor postepeno «umiješa među gledaoce.»

3.3. «Silni Stvaralac» stupa stazom «sitnih zvijezda». Struktura imaginarnog postaje uvjet za stvaranje fikcije. Pripovjedni mikrotekst usmjeren je na određene opisne elemente.

3.4. Iako imaginacija na ovome svijetu nudi znak o stanju materijalne egzistencije, ona će jedino u zagrebnom životu odigrati svoju potpunu ulogu. «Majstor prinese dar u anđelovu knjigu».

«Duhovit je čovjek uvijek pun imaginacije, dok je doista domišljat čovjek
uvijek samo analitičar.»
(Poe)

Integracija kao izotopni činitelj omogućuje da u Marinkovićevom tekstu uskladimo razumijevanje nepoznatih, usporednih i heterogenih elemenata.

*Dragomu Karčiju sa zahvalnošću za utemeljivanje i neumorno
djelovanje na Hrvatskoj katedri.*

Matilda Bölcs

Ptica vilinja

Z dibine truda svuoga,
S našom moćuon naroda
Svanut će ovde mersko svitlo,
Rasprudit zgubljeno dobroton.
*Si volocrum quae sit dubiarum forma reguris,
Ut non cygnorum, sic albis proxima cygnis.*
Već smo neg kamen,
Već neg kitica,
Već neg nima stvar.
Kada ćemo se začiet za spravlje pripravljat?
Cvatući lip verkljac Panonija
Va kuon će Messor mirno zakličat.
Pred zoruon rumenon dite ne spi,
Ptičica leti k čudnoj skalini.
Skrušeno čuvamo mi denas serca nan bieli cvit.

НАЗВАНИЯ КРАСНОГО ЦВЕТА *VÖRÖS* И *PIROS* В ПОЭЗИИ ЭНДРЕ АДИ И ИХ РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Выдающийся венгерский поэт начала 20-го века Эндре Ади (1877–1919) приходил к русскому читателю не раз в интерпретации разных переводчиков. Но сначала в "Антологии венгерской поэзии" (1951) – в переводах Леонида Мартынова, Николая Тихонова, Веры Имбер, Михаила Исаковского. В 60-ые годы начали переводить поэзию Ади Антал Гудаш и Агнеш Кун. Дальше всех по этому пути прошел Леонид Мартынов (1975). В издательстве "Корвина" в Будапеште был опубликован самый полный сборник избранных произведений Эндре Ади (1981). В нем почти около двухсот стихотворений, произведений новеллистики и публицистики (Ср. Эндре Ади 1981). У каждого венгра имеются свои впечатления о стиле Ади, когда, не зная все его стихи, он сразу узнает эту поэзию по языковым признакам. Это прежде всего образы и метафоры, экспрессивно-оценочные, эмотивные эпитеты. Среди них важное место получает цвет "красный" (*vörös, piros*). В настоящей работе мы рассматриваем русские переводы образных метафор прилагательных с этим значением.

Профессор Карой Гадани подробно занимается проблематикой слова и цвета в славянских языках. Он подчеркивает при этом, что при определении семантической структуры слова, кроме устойчивых экспрессивно-оценочных признаков, важным фактором является и относительная экспрессивность. Эта экстралингвистическая категория обусловлена многочисленными факторам психологического, биологического, эстетического, социального характера, равно как и отдельными явлениями в самой языковой системе. Как известно, смысловая сущность слова в языковой системе не исчерпывается свойственными ему значениями. Индивидуальное, эмоционально окрашенное восприятие слова может быть также обусловлено контекстом, в котором оно встретилось говорящему, ролью обозначаемых словом предметов и событий в его жизни, случайными звуковыми ассоциациями и т.д. (ср. Gadányi – Mojszejenko – Mojszejenko 2000, 22–23).

В *Историко-этнографическом словаре венгерского языка* (Benkő 1976) дается объяснение различия прилагательных *vörös* и *piros*. Первое слово *vörös* – это образование от названия крови *vér* → *veres/vörös*, то есть *véres* финно-угорского происхождения. По-русски *кровь* → *красный*. В нем доминирует темный цвет крови. Переводится как "красный". Второе слово *piros* – венгерское образование из семантической группы *pirít, pirul, pirkad, pirkad(at), perzsel, pörzsöl*. По-русски "подрумянивать, поджаривать; краснеть, подрумяниваться, поджариваться; распе-

тать; палить, жечь". В этом значении доминирует мягкий цвет зари. Слово *piros* относится к более приятному понятию, чем *vörös*, но переводится на русский язык как *красный*. Для точного изложения цитируем *Венгерский словарь синонимов*:

piros I. mn <erősen, feltűnően:> *élénkpiros, paprikapiros, tulipiros*; <nagyon élénk:> *égőpiros, tűzpiros*; vál *égő* (pl. ~ rózsa); <sötét árnyalatú (, lilás)> → *vörös*; <kicsattanóan egészséges arcról v. ilyen arcú nőről, gyerekről:> *piros-pozsgás* **II.** <bankjegyként> → *százforintos* (O. Nagy –Ruziczky 1978: 328)
vörös veres I. mn <ha ízléstelenül rikító árnyalatú> nép tréf *jajvörös*; <sötétebb árnyalatú. telt> *vérvörös* <lilás árnyalatú> → *bíborpiros*; <élénk, világos árnyalatú> → *piros*; <igen élénk> → *lángvörös*; <ha kissé barnás árnyalatú:> vál *rőt* (pl. ~ szakáll), táj *vörheny(eg)es*; ~ **ördög**: <t. é.> *huszár*; ~ **barát**: *templomos* **II. fn – a ~ök**: <sz. é.> a *vöröskatonák*; <t. é.> a *kommunisták* (→ kommunista) (O. Nagy –Ruziczky 1978: 434)

О неоднозначном употреблении слов *piros – vörös, veres* утверждается в *Пособии по культуре речи*:

piros – vörös, veres

E két rokon színnévnek a használata nem egyértelmű; gyakran keveredik. Elkülönítésük nehéz, bár sokszor megpróbálkoztak vele. Köznyelvi szemlélettel a *piros* élénkebb, világosabb – és kellemesebb képzeteket keltő – színárnyalat, a *vörös* pedig sötétebb, erősebb és szenvedélyesebb hangulatú; az alvadó vér színére emlékeztet.

A használatban való keveredésük ellenére (p i r o s – v ö r ö s *bor, nyakkendő, rózsa, szegfű, tinta* stb.) vannak szókapcsolatok, amelyekben nem cserélhetők fel. Pl. p i r o s *alma, cseresznye, hajnal, háztető, pünkösdi, tojás, vér; vörösfenyő, -hagyma, -katona, -kereszt, -rész; v ö r ö s fonal(ként), v ö r ö s haj, kakas (= tűz), lobogó, ördög (= huszár, de a nadrágja piros volt), róka.* (Grétsy – Kovalovszky 1985: 512–513)

В употреблении и ассоциациях слов *piros* и *vörös* помогает ориентироваться *Сокровищница венгерских слов*:

piros (mn és fn) kármin, bíbor, égőpiros, bíborpiros, borpiros, kárminpiros, korallpiros, korallszínű, tűzpiros, élénkpiros, cinóberpiros, lángszínű, cseresznye-piros, paprikapiros, pipacspiros, tulipiros, rákpiros, rózsapiros, rozsdapiros, rubinpiros, skarlátpiros, váрпиros, hupipiros (*táj*) sötétpiros, meggypiros, bordópiros, vörös, veres, | világospiros, téglapiros | pirospozsgás, égő (Kiss 1998: 703)

vörös, veres (mn és fn) rőt, vörhenyes, borvörös, bronzvörös, céklavörös, kárminvörös, korallszínű, bíborvörös, tűzvörös, lángvörös, lángszínű, meggyvörös, paprikavörös, pipacsvörös, rákvörös, rókvörös, rozsdavörös, rubinvörös, skarlátvörös, téglavörös, vérvörös, vérszínű **Sz:** olyan, mint a cseppentett vér - kommunista, komcsi (*biz*) | szocialista, szoci (Kiss 1998: 919)

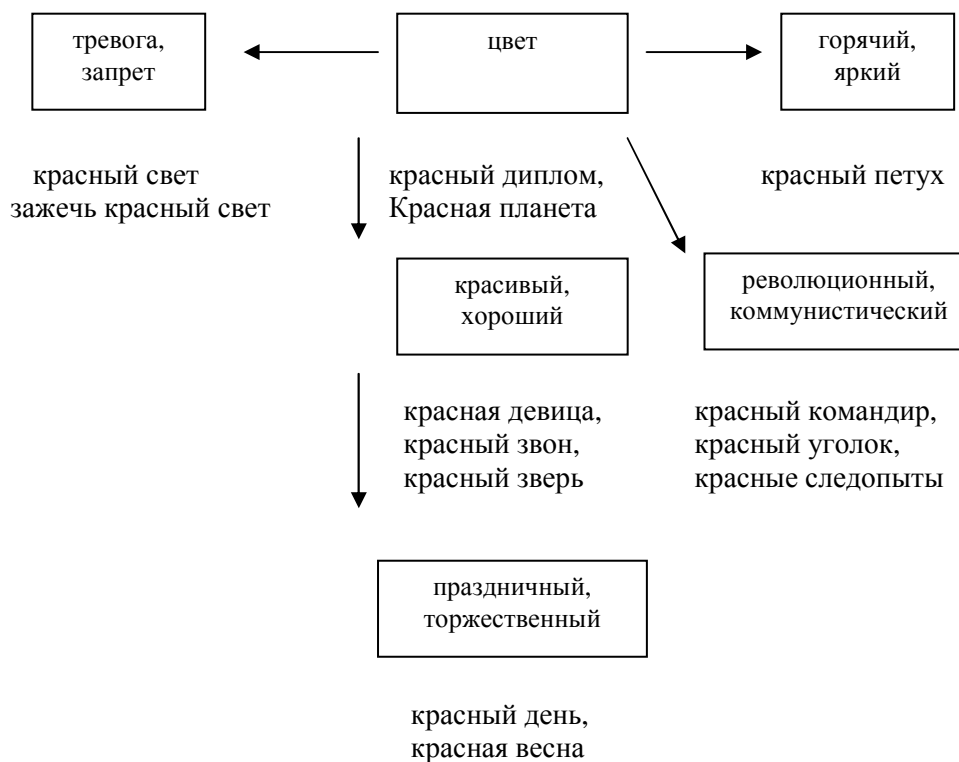
Толковые словари русского языка дают следующие определения прилагательного **красный**: «Имеющий окраску одного из основных цветов радуги, цвета крови и его близких оттенков» (БАС, 5, стлб. 1596).

Анализ ассоциативных норм обнаруживает следующие ассоциации, отражающие психологическое воздействие красного цвета и связанную с ним символику: *красиво, красивый; броский; воля; противно; молодец; хорошо*. Устранение дублетных и синонимических обозначений и распределение ассоциаций по частотности их проявления в сознании носителей языка дает возможность представить семантико-психологическую структуру прилагательного **красный** в виде следующего набора компонентов: 1. цвет; 2. «горячий, яркий»; 3. «красивый, хороший»; 4. «революционный, коммунистический»; 5. «сила»; 6. «тревога, запрет»; 7. «праздничный, торжественный»; 8. «плохо»; 9. «жизнь»; 10. «кровавый, кровопролитный». Этот максимальный набор сем должен полностью или частично реализоваться в значениях прилагательного **красный** как лексико-семантические варианты его значения, закрепляющиеся в связанных сочетаниях (Gadányi – Mojszejenko – Mojszejenko 2000, 50).

Венгерскому читателю интересно наблюдать в исследовании Кароя Гадани, какие обороты содержат слово **красный**. В русском языке прилагательное «красный» входит в состав следующих устойчивых сочетаний: *Красная армия, красный аттестат, красная биография, красные бригады, красная (красенькая) бумажка, красная весна, красное вино, красные ворота, красный воскресник, красная гвардия, красная горка, красный двор, красная девица, красный день, красное дерево, красный десант, красный диплом, красная доска, красный дьявол, красный зверь, красный звон, красное знамя (красный стяг, красный флаг), красная изба (уст.), красная икра, красный командир, красная конница, красный конник, Красная книга, красная кнопка, красная крамола, Красный крест, красное крыльцо, красный лес, красное лето, красный милитаризм, проходить красной нитью, красный обоз, красная опасность, Красный остров, красный папа, красный петух, пускать красного петуха, красная планета, Красная площадь, красный полк, красный полумесяц, красный поэт, красная присяга, красный призрак, красная профессура, красная раса, красные ракеты, красные рубашки, красная рыба, красные ряды, зажечь красный свет, красные следопыты, красное слово (слово), красное солнце, красная столица, красная страна, красная суббота, красный угол*

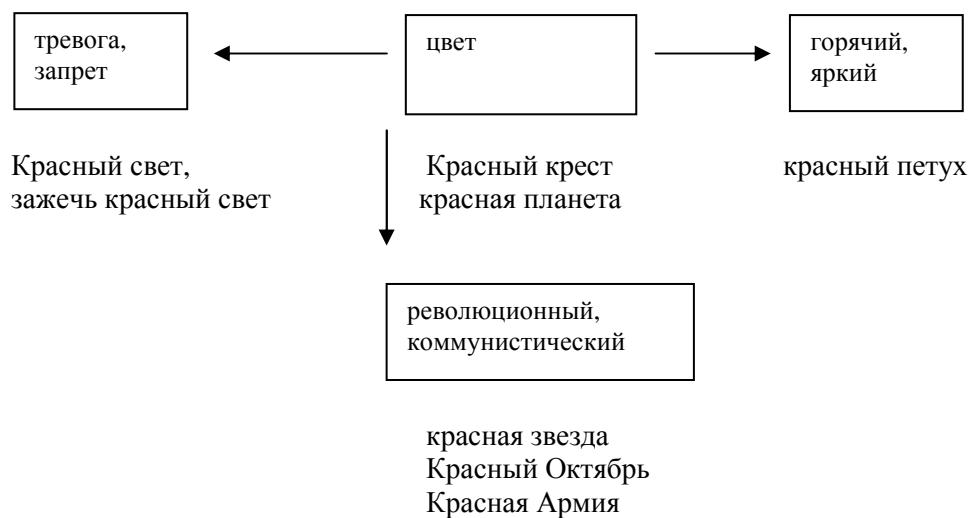
(уст.), *красный уголок*, *красная угроза*, *красный террор*, *красный терроризм*, *красный товар* (уст.), *красный флот*, *красный фонарь*, *красный фронт*, *бросаться как бык на красную тряпку*, *красная цена*, *красные чернила*, *под красную шапку*, *красный как мак* (кумач, рак и т.д.) (Gadányi – Mojszejenko – Mojszejenko 2000, 51-57).

Семантическая структура прилагательного "красный" в русском языке

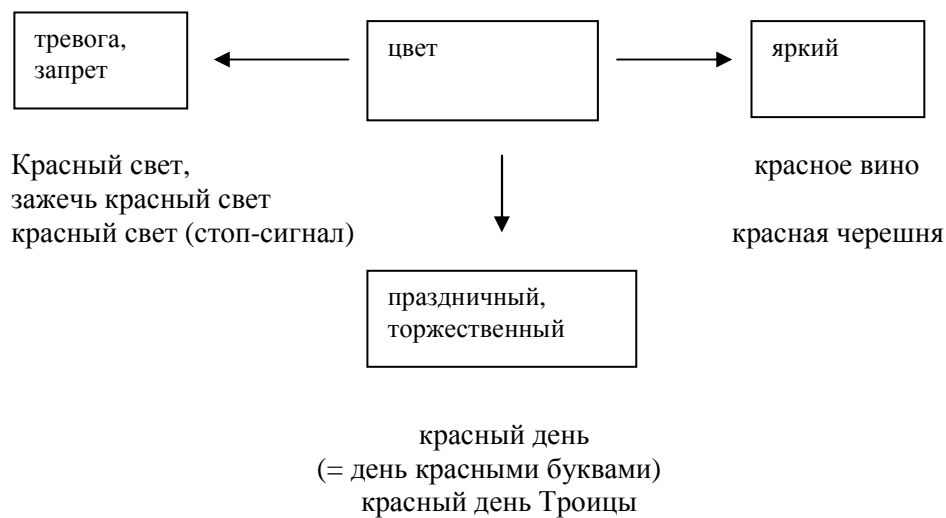

Вот схема семантизации двух венгерских названий цветов "vörös" и "piros" :

**Семантическая структура прилагательного
"vörös" в венгерском языке**

**Семантическая структура прилагательного
"piros" в венгерском языке**

Метафорические образы Эндре Ади с эпитетом "vörös" и "piros"

Характерный эпитет "vörös" как цвет с ассоциацией энергии, тревоги появляется уже вначале поэтического пути Ади. В первом сборнике *Új versek "Новые стихи"* в 1906-ом году публикуется стихотворение *Vörös szekér a tengeren "Красная колесница морская"*:

Vörös szekér a tengeren

A tenger, ez a sápadt, részeg,
Ezüstlávát ivott.
Reszket a Föld. Bús ragyogásban
Várunk valamit s szörnyű lázban.
A pálmás part inog,
Vadkaktuszok összehajolnak,
Sírnak a jázminok.

S ím, hirtelen violás árnyak
Csodás özönibe
Messze, ahol az ár Eget ér,
Vörös szárnyú, nagy vízi szekér
Tör elő a Vizen.
Vörös szárnya repesve csapdos.
Megállott. Vár. Pihen.

Honnan jön? Mit hoz? Idetart-e?
Ő jön: az új vezér?
Milyen **vörös** iromba **szárnya**.
Új Hajnalnak a pírja, lángja
Vagy vér az, újra vér?
Várunk. S áll, áll a lilás ködben
A nagy, **vörös szekér**.

(1905)

Красная колесница морская

Пьянится море, бледный пьяница,
Кипящим серебром.
Дрожа, в сиянье скорбном тонет все.
Чего-то ждем. И пальмы клонятся
На берегу морском,
И жмутся кактусы, и плачутся
Жасмины над песком.

Но вот внезапно, где вздымается
Прилив под небосвод,
Вдруг колесница **краснокрылая**
Одoleвает с дикой силою
Лиловый ливень вод.
Ликующие **крылья** хлопают.
Остановилась. Ждет.

Кто? Новый вождь? Сюда ль стремится он?
Зачем? На что готов?
Так неуклюжи **крылья красные**.
Зари ли новой пламя ясное
Иль снова кровь и кровь?
Ждем. Ждет и **колесница красная**
Там, где туман лилов.

(Леонид Мартынов)

Русский перевод правильно передает метафоры с прилагательным **vörös** словом **красный** с тревожным, напряженным оттенком, ведь семантизация слова совпадает в этом случае в обоих языках. Более проблематичен перевод слова **piros** в значении свежего, румяного, светло-красного цвета. На самом деле разница прежде всего состоит не в названии цвета, а в эмоциональном и экспрессивном отношении поэта к явлению, описанному через образ с прилагательным. Второй наш пример: *Májusi zápor*

után "После майского ливня" из третьего тома стихов Ади *Az Illés szeke-
rén "На колеснице Ильи-пророка"* (1908). Стихотворение представляет
цвет *piros* радостным, сияющим оттенком:

Májusi zápor után

Nagymessziről ködölt a Bükk,
Gőzölt a sík, áradt az Ér
s fáradt testemben hirtelen
Ott, a záporverte mezőn,
Piros dalra gyujtott a vér,
Piros dalra gyujtott a vér.

Szinte sercent, hogy nőtt a fű,
Zengett a fény, tüzelt a Nap,
Szökkent a lomb, virult a Föld,
Táncolt a Föld, táncolt az Ég,
S csókolt minden az Ég alatt,
S csókolt minden az Ég alatt.

Káprázó városi szemem
Behunyom ennyi csók előtt,
Rebegőn és nyugtalanul
És halkán kérem az Urat:
"Áldd meg ezt a csókos mezőt,
Áldd meg ezt a csókos mezőt."

Itt is, ott is asszony-csapat
Kapál, hol majd élet terem.
(Óh, mégis-mégis élni jó.)
Erősek és fiatalok
S a lábuk térdig meztelen.
S a lábuk térdig meztelen.

(1908)

После майского ливня

В легкой дымке струится Эр,
Вдалеке туманится Бюкк,
И моя усталая кровь
На исхлестанных ливнем полях
Красной песней вскипает вдруг,
Красной песней вскипает вдруг.

Пышет Солнце, лучи звенят,
Скрип травы – почти жестяной,
На Земле бушует листва,
Небеса танцуют с Землей,
И целуется мир со мной,
И целуется мир со мной.

Городские мои глаза –
Зацелованные – смежив,
Тихо Господа я прошу:
«Благо всякое сотвори
Для целующих этих нив,
Для целующих этих нив».

Стайки женщин рыхлят поля,
Где вершится дело весны
(О, как жить, как жить хорошо!),
Юной силы они полны,
И их ноги оголены,
И их ноги оголены.

(Натэлла Горская)

В настоящее время уже не вызывает сомнений тот факт, что в словарном составе каждого языка существует довольно значительная группа слов, имеющих постоянное эмоциональное значение. Об этом пишут Ш. Балли, И. Р. Гальперин, Э. С. Азнаурова, Ю. Найда, С. Ульман и многие другие. Однако до сих пор нет единого мнения по поводу того – является ли эмоциональное значение только контекстуальным, как утверждает С. Ульман, или оно существует в слове независимо от контекста. Авторы разделяют точку зрения профессора И. Р. Гальперина, который

считает, что эмоциональное значение присуще определенной группе слов, обозначающих всевозможные чувства и эмоции. Это слова, которые не указывают на предметы, явления или понятия реальной деятельности, а слова, в которых присутствуют сильные эмоциональные коннотации. Таким образом, эмоциональное значение слова возникает благодаря тем ассоциациям, которые оно вызывает. Эти ассоциации могут быть положительными в самом широком плане, а не в более узком оценочном смысле.

Наиболее характерной чертой этой группы слов является сложность и широта их семантической структуры. Они обычно имеют много лексико-семантических вариантов, обладают большим количеством оттенков значений, и их семантические границы не только широки, но и расплывчаты. Благодаря этому у них легко возникают дополнительные контекстуальные значения, поскольку они очень легко сочетаются с самыми разнообразными словами, часто принадлежащими к разным семантическим полям.

В лингвистической литературе часто недостаточно разграничиваются, смешиваются или даже отождествляются категории эмоциональности, экспрессивности и стилистической значимости. Взаимосвязь и взаимодействие этих категорий очевидны, однако для понимания механизмов действия языка необходимо учитывать и существенные различия между ними. Языковая э м о ц и о н а л ь н о с т ь , как она понимается в настоящей работе, входит в значение морфем, слов, словосочетаний, синтаксических конструкций и высказываний, и, таким образом, представляет собой семантическую категорию. Э к с п р е с с и в н о с т ь же основана на актуализации (обычно автоматизированной, «прозрачной») связи между языковым знаком и его значением и служит усилению эффективности языкового выражения, усилению его «коммуникативной энергии». С т и л и с т и ч е с к а я з н а ч и м о с т ь – это такая маркированность языковых элементов, которая сигнализирует о релевантных для данного языкового коллектива коммуникативных ситуациях и о соответствующих им разновидностях употребления языка (стиля). Ни экспрессивность, ни стилистическая значимость не являются семантическими категориями; обе эти категории выполняют метаязыковую функцию: они относятся непосредственно к способу употребления языкового кода и только опосредованно (часто именно через эмоциональность) к содержанию сообщения. Тем не менее, эти три явления действуют в тесной связи. Экспрессивные элементы языка часто обладают эмоциональным зарядом, эмоциональные же элементы, как правило, склонны к экспрессивности, – пишет Михай Петер (Péter 1991: 255).

Наличие эмоционального созначения раздвигает рамки семантической структуры слова. В результате не только появляются новые лексико-семантические варианты, но само слово расширяет свое значение, приближаясь, таким образом, к словам с широкой понятийной основой. Поэтому они легко употребляются в самых различных контекстах, что и

определяет их перевод. Иначе говоря, перевод этих слов становится контекстуальным.

Слова эмоционального значения обладают очень широким кругом значений, легко поддаются индивидуальному употреблению и часто выражают субъективное отношение автора. В различных контекстах выявляются разные грани или оттенки их значений. Поэтому они легко «приспосабливаются» к любому контексту. Такая их гибкость ведет к известной десемантизации, а переводчику дает возможность прибегать к различным заменам. В некоторых случаях денотативное значение настолько ослаблено, что переводчику приходится ориентироваться только на эмоциональное сознание его в переводе, подбирая соответствующее контексту денотативное значение (ср. Левицкая-Фитерман 1976: 168–184).

Лирика Ади в области формы явилась революцией в венгерской поэзии. Если до Ади венгерские поэты первостепенное значение придавали рациональному смыслу, то Ади выдвинул на первый план символ, догадку, намек. Если до него поэзия концентрировала свое внимание на внешней, предметной стороне бытия, то Ади обратился к душевной жизни человека, к ее таинственным глубинам, почти не поддающимся определению состояниям. Язык поэзии Ади – в том числе и эпитеты *vörös* и *piros* – тесно связаны с типичными символами и метафорами этой революционной лирики. С Ади началась, говоря его же словами, в то время "революция венгерских душ" (Кирай 1981). Вопросы перевода всегда интересны с позиции рецептора, в данном случае – русского читателя нашего времени.

Литература:

- БАС – *Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах*. М.-Л.: Изд.во Акад. наук СССР, 1950–1965.
- Benkő 1976 – *A magyar nyelv történeti – etimológiai szótára* III. (Főszerk. Benkő Lóránd) Akadémiai Kiadó, 1976.
- Gadányi – K. Gadányi – L. Mojszejenko – V. Mojszejenko – Mojszejenko 2000 Mojszejenko, *Слово и цвет в славянских языках*. Academia Press, Melbourne, 2000.
- Grétsy – Kovalovszky 1985 – *Nyelvművelő kézikönyv II*. (Főszerk. Grétsy László és Kovalovszky Miklós), Akadémiai Kiadó, Budapest.
- Кирай 1981 – Кирай Иштван, Эндре Ади: *Эндре Ади Избранное*. (Ред. Елена Малихына) Издательство "Корвина", Будапеш 1981: 21–22.
- Левицкая – Фитерман 1976 – Левицкая, Т. Р. – Фитерман, А. М., *Проблемы перевода*. ИМО, Москва.
- Kiss 1998 – *Magyar szókincstár* (Főszerk. Kiss Gábor) Tinta Kiadó, Budapest.
- O. Nagy – Ruziczky 1978 – O. Nagy Gábor – Ruziczky Éva, *Magyar szinonimaszótár*. Akadémiai Kiadó Budapest.

Péter 1991 – Péter Mihály, *A nyelvi érzelm kifejezés eszközei és módjai*. Tankönyvkiadó, Budapest.

Источник русских переводов:

Эндре Ади 1981 – *Эндре Ади Избранное* (Ред. Елена Малихына) Издательство "Корвина", Будапешт.

«СТИХИЙНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЕ

В период бурных языковых перемен, переживаемых сегодня, особое значение приобретает рефлексивная деятельность говорящего. В метаязыковых комментариях воплощается осознание им своего речевого поступка, получают интеллектуальную и эстетическую оценку результаты лингвокреативной деятельности. «Интенсивные процессы, происходящие в русской лексике, обостряют языковую рефлексию современного носителя языка, который с помощью интроспекции стремится разобраться в обстоятельствах появления и функционирования слова, дать ему оценку, осмыслить по-новому значение слов» (Ведрева 1997: 88). Объектом авторских рассуждений и комментариев в современных текстах становятся заимствования, субстандартная лексика, окказиональные номинации. Языковая рефлексия служит механизмом актуализации адресованности текста; выявляя соотношение образов говорящего и адресата, она разрушает автоматизм речи: «говорящий останавливает свое внимание на форме высказывания, на способе выражения, что для большинства “нормальных” речевых актов весьма необычно» (Русский язык конца XX столетия 1996:156).

Языковая рефлексия проявляется по-разному: это и различные метаграфические способы выделения слова, указывающие на его инородность, необычность, игровой характер, и отдельные авторские реплики по поводу употребления той или иной языковой единицы, и развернутые высказывания (иногда весьма протяженные текстовые фрагменты), посвященные тем или иным языковым явлениям.

Особое (очень частотное и коммуникативно значимое) явление в современной речи, связанное с экспликацией языковой рефлексии, можно определить как «стихийная лексикография». К ней относятся разнообразные случаи объяснения значений слов в тексте, которые, по мнению адресанта, могут быть непонятны читателю и, следовательно, могут стать причиной коммуникативной неудачи (непонимания, неполного осуществления коммуникативного замысла).

В условиях современной языковой ситуации, отличительными особенностями которой являются интенсивное перераспределение лексики активного и пассивного словарного запаса, «диалогичность, усиление личностного начала, стилистический динамизм, «переименования» (в широком смысле) <...>, неприятие языка прошлого (новояза) <...>, стремление выработать новые средства выражения, новые формы образности» [Русский язык конца XX века 1996: 12], частое «стихийное» лексикографирование на страницах газет и журналов является естественной реакцией журналистов на происходящие процессы в языке и обществе, а также необходимым условием успешной коммуникации.

Новые слова, прежде всего заимствования, термины, жаргонизмы, в газетном тексте сопровождаются разнообразными способами комментирования. Успешность «стихийного» лексикографирования связана с лексикографической компетенцией пишущего, с его знанием словарей, с умением выбрать оптимальные способы объяснения слова.

Прослеживается очевидная общность «стихийной лексикографии» и словарных дефиниций. Как показывает анализ неологических словарей и словарей иностранных слов, именно материалы стихийной лексикографии нередко используются профессионалами-лексикографами для толкования лексических инноваций. Однако между текстовым объяснением и организацией словарной статьи нельзя проводить прямых параллелей. «Стихийная лексикография» чаще всего основывается на интуиции пишущего, связана с особенностями его мышления, с его языковым вкусом.

Объясняя лексические единицы в газетном тексте, журналисты используют различные способы толкования. Многочисленные контексты, свидетельствующие о различных по своим речевым стратегиям и результатам попытках объяснить вводимое слово, позволяют выделить некоторые типичные приемы стихийной лексикографии.

Так, при объяснении многочисленных заимствований, являющихся одной из наиболее характерных примет современной языковой ситуации, журналисты часто прибегают к переводу. Этот способ, с одной стороны, позволяет адаптировать инновацию, а с другой – дает возможность автору снять с себя ответственность за неверное толкование незакрепленного в системе языка слова. Для достижения контакта с читателем перевод, как правило, включается в разговорный контекст. Ср.:

В погоне за сенсацией многие средства массовой информации объявили Ленинградскую область банкротом. В ход пошел новоявленный иноязычный термин "дефолт", что означает в переводе "несостоятельность". "Это нерусское слово изрядно потрепало мне нервы", – признался исполняющий обязанности областного губернатора Валерий Сердюков (Невское время. 1998. № 194).

*В буквальном переводе с англ. **сталкер** "преследователь". В США существует несколько охранных агентств, специализирующихся на настырных поклонниках, – всего там, по данным этих агентств, около пяти тысяч сталкеров (Ровесник. 1998. №1).*

Типичными контекстами для малоосвоенных заимствований являются так называемые предложения таксонимической идентификации, определяющие слово. Обилие в тексте предложений идентификации свидетельствует о желании автора сделать ясным какое-либо понятие, снять неопределенность (Лазуткина 1994: 59). Приведем несколько примеров:

*24 июня Государственная дума приняла закон «Об особенностях туристической деятельности в сфере организации клубного отдыха». Теперь «клубный отдых в режиме разделенного времени» получил в России правовую поддержку. **Таймшер** (timeshare), или «временное владение отды-*

хом», – это право на совместное приобретение недвижимости и владение ею в определенные сроки. Всемирная туристская организация определяет таймшер как «собственное жилище, арендуемое на основе очередности» (Коммерсантъ. 15.07.1999. № 123)

Основная статья доходов частных отечественных детективов – **консалтинг**. Слово вовсе не страшное и по своему корню всем нам хорошо знакомое. Консалтинг – это когда раздают советы. Мы ведь с давних пор любим и умеем это делать [Огонек. 1998. № 48].

Молодежные отели (или, как их обычно называют, «хостелы») есть по всему миру [Ровесник. – 1998. - №5].

Круговая подтяжка лица и шеи, как известно, называется «**лифтинг**» ... [Аргументы и факты. – 1999. – №47].

Офицеры “века информатики” будут носить инфошлемы и управлять воюющими “цифровыми” полками с помощью “**джойстика**”, то бишь компьютерной мышки [Огонек. –1999. – №27].

Неплохие перспективы у **логистов** – специалистов, планирующих путь товара от производителя к покупателю [Среда Петрограда. 2002. № 21].

Очевидно, что, кроме собственно толкующей части, используются метаязыковые операторы, призванные ввести новое слово в обывденный контекст и тем самым закрепить новые ассоциативные связи в языковом сознании.

Особого внимания заслуживает “несвободное сочетание” так называемый, как одно из средств выражения языковой рефлексии, создающее особый прагматический эффект – отстраняющее говорящего от используемого языкового знака [Гинзбург 1996: 444]. Ср.:

Отчасти дешевизна объясняется и тем, что посетители салона TimeOnline вынуждены наблюдать в окне браузера рекламные ссылки (так называемые **баннеры**), никак не связанные с посещаемыми сайтами [Известия, 27.02.01].

В минувшем году в публикациях о так называемом “**терапевтическом клонировании**” (то есть выращивании зародышей, генетически идентичных конкретному пациенту, в научных и, возможно, лечебных целях) истерически-сенсационный тон уступил место спокойному обсуждению проблемы [Итоги. – 2001. - №1].

Особенности «стихийной» лексикографии в современной прессе во многом обусловлены спецификой функционирования газетного текста. «Широта аудитории выдвигает еще одно важное требование к газетному тексту – доступность его для понимания» [Майданова 1987: 16]. Именно этим объясняется тот нередко игровой контекст, в который помещается новое слово и его дефиниция. Показателен следующий пример:

«Механическое» слово «**тендер**» уже достаточно прочно «въехало» в наш лексикон. Хотя это всего навсего конкурс между фирмами за

право покупки или эксплуатации того или иного предприятия (МН. 1993. № 29).

Аналогичные способы стихийной лексикографии используются и для тех слов, которые присутствуют в языке давно, но, по мнению автора, могут быть непонятны читателю. Таковы, например, текстовые дефиниции старого заимствования брандмауэр и нового – баннер:

*В городе много глухих стен. Страшных, облупленных, обшарпанных. Называются они **брандмауэрами**, потому что функция их – противопожарная.... Художник Гриненко хочет расписать брандмауэры или закрыть их цитатами – **баннерами** (Город. 2002. № 33).*

Определение через указание более широкого класса приводится пишущим с целью предупреждения возможных коммуникативных помех.

*Прилетев из западной части Европы к первым нашим проталинам, **вальдшнеп** (лесной кулик) занят насущной заботой о пропитании [Комсомольская правда, 30.03.2001].*

Для небольших и ровных газонов достаточно несамоходной газонокосилки. Она косит и собирает скошенную траву в бункер. Для неровных участков и скашивания травы около препятствий лучше воспользоваться мотокоской (**триммером**) (Метро. 29.05.02).

Перечислительный (или перечислительно-описательный) способ толкования, раскрывающий отношение части к целому, используется в газетном тексте, для установления семантических связей между близкими лексическими единицами. Ср.:

*Как вы уже знаете, **пиротехника** – это огромное разнообразие всевозможных изделий: ракеты, батареи салютов, петарды, фонтаны, хлопушки, бенгальские огни, связки петард [Аргументы и факты. – 1999. – № 50].*

Излюбленным способом определения значений в лексикографии является синонимический, часто выступающий совместно с описательным. В газетной речи использование синонимических средств при объяснении значений способствует разностороннему постижению того или иного явления, создает условия для объемного видения ситуации, позволяет говорящему четко определить свою позицию, реализовать свои установки.

*Что же, собственно, означает само понятие «**эсклюзивный**»? Прежде всего – это исключительный, то есть явно превосходящий общий уровень. Есть еще у этого слова значения «единственный» и «недоступный» [Бизнес гид. – 1999. – №1].*

*Вы заметили, что слово «элита» звучит сегодня все чаще и уверенней? Показательно и заметное смещение смыслового акцента. Если раньше слова «**элитный**», «**элитарный**» обозначали «лучший», то сегодня это прежде всего значит «для избранных», то есть для богатых [Воспитание школьников. – 1998. – №1].*

*Несколько лет назад в нашей политической лексике появилось слово «**пиар**». Его пользователи, как теперь модно говорить, вкладывают в*

это слово следующий смысл: «политическая реклама», «пропаганда» (иногда с отрицательным, уничижительным оттенком) [Известия, 22.12.99].

Это был Владимир Коннов, который работает в «Макдоналдсе», как он сказал, «вторым ассистентом». Его брат, Валерий Коннов, оказался **супервайзером** «Макдоналдса», в переводе на понятный язык, - управляющим (Кухонные тайны. ЛГ. 23.07.94).

По словам М.В. Ляпон, «блуждание вокруг денотата» обнажает внутренний процесс соизмерения слов и реалий. «Протестуя против инерции стереотипного восприятия семантики слова, автор как бы выносит на обсуждение флуктуирующий смысл в виде цепочки лексем, предлагает адресату обогащенное обертонами толкование слова» [Ляпон 1995: 269]. «Стихийная» лексикография (в отличие от научной, где при объяснении слова используются стилистически нейтральные синонимы) не исключает объяснений через стилистически окрашенное слово.

Многие метатекстовые высказывания «фиксируют факты «прочтения» внутренней формы слова, установление мотивационных отношений слов» [Губалова 1998: 201].

В переводе с английского слово *alarm* обозначает панику, тревогу, настороженность. В русском языке есть слово **алармист**, обозначающее человека, поднимающего панику путем распространения непроверенных данных, то есть слухов (Педагогические вести. 2003. № 1).

Обращение к составу слова, к его историческим корням облегчает восприятие терминов, достаточно широко представленных в средствах массовой информации:

Что такое **дактилоскопия**, никому объяснять не надо. Термин произошел от латинских слов *дактилос* (*daktilos*) – палец и *скопио* (*scopio*) – рассмотрение. В настоящее время этот раздел криминалистики также называют **лофоскопией** (лофос – гребень, гребешковые выступы кожи) и **папилляроскопией**. Последний термин охватывает более широкую группу объектов изучения – ладони и стопы [Аргументы и факты. – 1999. – №50].

Часто в газетном тексте объясняется жаргонная лексика, использующаяся в строго определенной, ограниченной среде, за пределами которой становится непонятна.

Для Москвы и Подмосковья также характерен факт наличия нескольких сотен нигерийских «**пушеров**» (толкачей наркотиков), которые предпочитают отдавать торговле кокаином и героином [Студенческий меридиан. – 2000. – №4].

Кажется, любой развитый городской ребенок знает, что гоняют шарик наперстками профессиональные шулеры, недаром же эту панельную рулетку прозвали **лохотроном** – от слова «лох» [Известия. – 2000. – №40].

Помимо сопутствующих, коротких комментариев к слову, необходимых для устранения коммуникативных неудач, журналисты совмещают в од-

ной статье различные способы толкования, что способствует многоаспектному описанию предмета действительности и самой номинации.

Слово “бестселлер” на русской почве постигла судьба многих иностранных заимствований, которые переживают здесь второе рождение с бесследной потерей первоначального смысла. Из английского bestseller – “хорошо продающаяся”, просто “ходкая” книга – бестселлер стал в нашем языке синонимом занимательности и даже гениальности книги, символом писательского таланта, метафорой успеха, гарантией качества. Иначе говоря, в повседневном употреблении это слово утратило помету “экон.” (экономика), приобрело другую стилистическую окраску, и, произнося его, наш соотечественник меньше всего думает о книжном бизнесе, рынке и рекламе (Иностранная литература. 1994. № 7.С.55).

Необходимость включения метатекстовых высказываний в текст статьи наблюдается в случаях употребления автором слова в несвойственном ему контексте, а также при актуализации периферийного значения, которое может быть известно не всем носителям языка, отсутствие комментария лексической единицы в подобных ситуациях нередко является причиной коммуникативной неудачи. «Стихийная лексикография» облегчает понимание текста, содержащего единицы, находящиеся в «зоне риска» и затрудняющие коммуникацию.

Газетный текст предлагает различные способы эксплицирования оценок речи пишущим. Включая в текст термины, сниженную или заимствованную лексику, журналист, как носитель литературного языка, пытается аргументировать свой выбор, ссылаясь на частотность употребления единицы в современном языке. Нередки при этом апелляции к авторитетным изданиям, в частности, к известным словарям (чаще всего к Далю, Ожегову, Ушакову). Ср.:

Словарь Ожегова толкует лотерею как «розыгрыш вещей, денежных сумм по билетам». Есть еще и переносное значение: «дело, в котором можно рассчитывать только на случайность» [Итоги. – 2000. - №10].

Первые гусары появились в Венгрии в 1458 году (и слово-то мадьярское, как указывает энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона) в качестве конного дворянского ополчения [Комсомольская правда, 26.04.2001].

В метаязыковых комментариях, содержащихся в современных текстах, воплощаются разные типы языковой личности, языкового сознания, речевой культуры. Степень разнообразия и активности метаязыковых комментариев во многом зависит от языковой и речевой компетенции личности: «Чем выше уровень владения языком, тем более внимателен и критичен говорящий при отборе языковых средств для выражения своих мыслей, тем чаще он задумывается над выбором той или иной номинации и стремится поделиться с адресатом своими размышлениями и оценками по поводу уместности использования данного языкового средства» (Кормилицына 2000: 91).

Литература

- Вепрева И.Т. Эксплицированное отношение к слову в современной речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде / Под ред. И.Т. Вепревой. – Екатеринбург, 1997.
- Гинзбург Е.Л. И зеркало корчит всезнайку // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. статей. – М., 1996.
- Губалова И.В. Особенности функционирования метатекста в газетном тексте // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: Межвузовский сб. статей. – Томск, 1998.
- Кормилицына М.А. Усиление личностного начала в русской речи последних лет // Активные языковые процессы конца XX века: Тезисы докладов международной конференции: IV Шмелевские чтения, 23-25 февраля 2000г. – М., 2000
- Лазуткина Е.М. К проблеме описания прагматических механизмов языковой системы // НДВШ: Филологические науки. 1994. № 5-6.
- Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.
- Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста. – Красноярск, 1987.
- Русский язык конца XX столетия. – М., 1996.

ХОРВАТСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО В СРЕДНИХ ВЕКАХ

В статье автор пытается в самом сжатом виде говорить о хорватском языке в средних веках, объединяя при этом хорошо известные и неоспоримые факты: те, которые нам предлагает историческая диалектология и история хорватского языка. Текст задуман как набросок более объемного исследования этой проблематики, а факты в нем выбраны по критерию важности. Данный текст представляет собой попытку очертить языковую ситуацию в хорватском средневековье, параллельно следя за самыми важными явлениями в органических идиомах и текстах.

Ключевые слова: *хорватское средневековье, трехписьменность, трехязычность, языковое пространство, языковое время, внешняя история языка, внутренняя история языка*

1.

Предложенное заглавие соответствует не только теме, которая говорила бы о том, каковым было языковое пространство сегодняшней Хорватии в средние века, но и той, которая бы излагала, что мы вообще знаем о средневековом хорватском языке. Иначе говоря, речь идет о теме, которая представляла бы собой изложение основных знаний, предложенных нам историко-сравнительным языковедением, диалектологией (исторической), историей хорватского языка (так называемой внешней и так называемой внутренней) и другими лингвистическими дисциплинами. Но нужно сказать, что дилемма, на которую мы указали в начале, не имеет особого значения, потому что, как бы ни сформулировать данную проблему, в пространственном отношении мы находимся - с незначительными отклонениями - в пределах сегодняшнего хорватского государства и соседней Боснии и Герцеговины.

2.

Период, о котором здесь говорится, начинается переселением хорватов на свои сегодняшние земли в VII ст. и заканчивается в конце XV ст. Вместе с хорватами и их языком того времени «на территорию, помещенную южно от Дуная и восточных Альп, пришли и устные предания праславянской и балто-славянской литературы, в частности сакральная поэзия, связанная с религиозными обрядами, и тексты законов, определяющих процедуру судебного процесса».¹ Период, о котором здесь идет речь,

¹ Radoslav Katičić, *Na kroatističkim raskrižjima*, Hrvatski studiji, Zagreb, 1999, с. 16.

можно разделить на две части: границей выступает конец XII века. Из того, что мы сказали, вытекает, что XII и XV века являются переломными в хорватском языковом развитии. Это на самом деле так, но специалисту нетрудно заметить, что эти два столетия не имеют одинакового значения с точки зрения языковых перемен. То есть, в XV ст. произошли более важные, более заметные перемены, которые в более существенной степени повлияли на дальнейшую историю хорватского языка. С того времени до наших дней миграции полностью изменили размещение населения, поэтому сегодняшнее и средневековое размещения только частично совпадают. Изменения были обусловлены военными походами, экономическими причинами, принудительным переселением и т. п. Население двигалось в направлении запада, севера, северо-запада, а хозяйственные трудности чаще всего обуславливали перемещение населения с гор в низины.

Таким образом, если даже весьма сжато указать на перемены, происшедшие в двух упомянутых столетиях, XII и XV, мы окажемся глубоко в проблематике, которую навешает заглавие нашего текста.

3.

Значение *двенадцатого столетия*, с точки зрения диалектолога, обуславливается следующими фактами: Диалекты, распространенные от словенско-хорватской до сербско-македонской и сербско-болгарской границы, можно назвать так: 1. кайкавский, 2. чакавский, 3. западно-штокавский, 4. восточно-штокавский, 5. торлацкий.

Первые два являются только хорватскими, последний – только сербским. До конца XII ст. западно-штокавский диалект большей частью совпадал с чакавским. В обосновании этого утверждения особую роль может сыграть ономастика. С XIII ст. начинается конвергентное развитие двух штокавщин, так что западная начинает отдаляться от чакавщины, а восточная от торлацкого диалекта.² Часто весьма оправданно отмечается, что взаимопроникновение чакавщины, кайкавщины и штокавщины существенно определило хорватскую языковую историю. Сами зачатки этой истории ознаменованы сильными симбиотическими латинско-хорватскими процессами, которые были сильнее выражены в областях, прилегаю-

² По этой проблематике существует уже респектабельная литература: ср. Dalibor Brozović, *Hrvatski jezik, njegovo mjesto unutar južnoslavenskih i drugih slavenskih jezika, njegove povijesne mijene kao jezika hrvatske književnosti*, в сборнике: *Hrvatska književnost u evropskom kontekstu* (ред. Aleksandar Flaker i Krunoslav Pranjić), Zagreb, 1978., с. 9-83; Josip Lisac, *Koji su dijalekti hrvatski*, в кн.: *Hrvatski dijalekti i jezična povijest*, Matica hrvatska, Zagreb, 1996., с. 9-21. В этих трудах приводится релевантная литература.

щих к восточно-адриатическим городам, чем в самих этих городах.³ Эти контакты с бытовой, разговорной латинщиной после принятия христианства были дополнены контактами с литературной латинщиной.

С социолингвистической точки зрения важно то, что до конца XII века в хорватских землях литературным языком (вместе с латинским) был хорваткостарославянский (т.е. хорватская редакция старославянского языка), а с XIII века и территориально и функционально начинается распространение смешанного языкового типа, так называемого хорваткостарославянского (т.е. языка, который состоял из старославянских и хорватских языковых элементов: доля тех или других зависела от различных причин). Этот тип развивался так, что мы, весьма вероятно, как конечный результат получили бы хорватский языковой стандарт с высокой долей старославянских элементов. «Виновником» того, что это не случилось, были события XV века.⁴

4.

Пятнадцатое столетие, с точки зрения диалектологии, важно потому, что в это время возникают так называемые **новоштокавские инновации** (диалектологи часто их называют «герцеговинскими»). Эти инновации являются следствием и **органического развития**, и **миграций**. Они распространяются «на все четыре стороны света», охватывая большую часть территории западной штокавщины и большую часть территории восточной штокавщины. Результатом этого являются: 1. новоштокавизированная западная штокавщина, 2. новоштокавизированная восточная штокавщина, 3. западная штокавщина, не охваченная инновациями (неновоштокавизированная), 4. восточная штокавщина, не охваченная инновациями (неновоштокавизированная). На восточную и западную штокавщину накладываются новоштокавские особенности, среди которых самое важное - перемещение ударения к началу слова и изменение интонации (*voda* > *vòda*, *rūka* > *rúka*), а также отождествление дательного, предложного и творительного падежей, которые приняли грамматическую

³ Pero Šimunović, *Onomastička svjedočanstva nakon doseobe*, Hrvatska i Europa, sv. I: Rano doba hrvatske kulture, ред. Ivan Supićić, HAZU и AGM, Zagreb, 1997, с. 401-414. Этот труд, так же как и другие работы П. Шимуновича, предлагают ценные данные и суждения, которые нужно было бы, в большей степени, чем до сих пор, включать в попытки описать хорватские языковые истоки. Об этих истоках мы в последнее время получили необходимую книгу: Radoslav Katičić, *Litterarum studia, Književnost i naobrazba ranoga hrvatskoga srednjovjekovlja*, Matica hrvatska, Zagreb, 1998.

⁴ Eduard Hercigonja, *Tropismena i trojezična kultura hrvatskoga srednjovjekovlja*, Matica hrvatska, Zagreb, 1994; Stjepan Damjanović, *Tragom jezika hrvatskih glagoljaša*, Hrvatsko filološko društvo, Zagreb, 1984. В упомянутых книгах приводится существенная литература.

морфему дательного и творительного падежей двойственного числа (*ženat, ženah* и *ženati* превратилось в *ženata*).

Сегодня говорят о семи штокавских типах, из которых *боснийский, восточнобоснийский, новоштокавскоиекавский* и *новоштокавскоикавский* являются (и) хорватскими.⁵

С социолингвистической точки зрения XV век является вершиной развития, о котором уже шла речь: в нем сосуществуют три литературно-языковых типа: 1. хорватско-старославянский, 2. хорватско-старославянский, 3. хорватский. Первый доминирует в литургических текстах, второй – в беллетристических, третий – в юридических. Но важно и то, что **второй язык все больше распространяется за счет первого и третьего**. На самом деле это дорога к стабильному литературному языку. Этот процесс укреплен и территориальным распространением хорватской глаголицы которая проникает далеко на север (в южные части загребского архиепископства). *Процесс этот был остановлен событиями XV века*: миграции населения, вызванные турецкими завоеваниями, привели на территорию, где уже несколько столетий происходил данный процесс, население, которое не было участником этого процесса. Таким образом большей частью, если не целиком, аннулированы результаты многовековых усилий, и все отборы,водящие к литературному языку должны были в XVI в. начаться сначала.⁶

5.

Если бы мы попытались в самом сжатом виде очертить то значительное, что - с лингвистической точки зрения - происходило в отдельных столетиях, то можно было бы получить примерно такую схему:

- **VII и VIII столетия**. Хорватская историография называет их *темными столетиями*, потому что нет никаких сохранившихся документов того времени. Все, что о хорватском языке можно заключить, мы узнаем на основании ономастического материала или на основании сравнительно-исторических реконструкций.⁷

- **IX столетие**. С точки зрения исторических данных,

⁵ См. примечание 2, в частности текст Брозовича.

⁶ Stjepan Damjanović, *Jazik otačaski*, Matica hrvatska, Zagreb, 1995., в частности статьи *Hrvatski glagoljaši i počeci hrvatskoga književnog jezika* (с. 19-38); Stjepan Damjanović, *Jezičnostilska raslojenost hrvatskoglagoljskih srednjovjekovnih tekstova*, в книге *Filološki razgovori*, Hrvatska sveučilišna naklada, Zagreb, 2000, с. 29-43.

⁷ Ономастический материал, например, указывает на то, что до VIII в. славянские имена в латинских и греческих документах писались без метатезы плавных (*Dargomiro*s, *Valdik*), а после VIII в. можно наблюдать изменения типа *Albona* > *Labin*, *Serm* > *Srêm* и т. п. Ср. Šimunović, произведение, приведенное в примеч. 3.

касающихся хорватских земель, это - переворотное время.⁸ В этом столетии начинается миссия Кирилла и Мефодия: тексты, возникшие в результате этой миссии, не сохранились ни в хорватских землях, ни на других славянских территориях.

- **X столетие.** Произношение слабых еров прекращается – это означает, что закон открытых слогов стал недействительным. Сильные еры начнут превращаться в полные гласные только с XIII в., так что, например, *Vissuri* через *Vъкъръ* превратился в *Vakar*. И в дальнейшем нет текстов, писанных на славянских идиомах, но мы твердо знаем (на основании писем папы римского и решений Сплитского собора 925 г.), что тексты, написанные **глаголицей**, существовали.⁹ Так установилась двойственность языков, которые были посвящены авторитетом богослужения (латинский – старославянский).

- **XI столетие.** К этому времени относятся сохранившиеся древнейшие памятники нашей письменности. Это – эпитафьи, написанные **глаголицей**: Пломинская надпись, Валунская плита, Кркская надпись.¹⁰

- **XI/XII столетия.** К этому времени принадлежит *Бацанская плита*, знаменитый текст, написанный глаголицей, с которого обычно начинается всякое изучение истории хорватского языка и истории хорватской литературы.¹¹ Второе интересное явление – эпитафьи, в которых смешиваются **глаголические и кириллические** буквы: Книнские отрывки, Пластовские отрывки, Хумацкая плита (*Humačka ploča*) и Супетарский отрывок, часть каменной плиты с кириллической и глаголической надписью из поселения Sveti Petar u Šumi.

- **XII столетие.** Эпитафийный материал - **и глаголический, и**

⁸ Еще в IX в. в иностранных грамотах записываются славянские носовые гласные, напр., *Montimeros*, *Muntimirus*, *Muncimirus*, *Zentinas* (река Цетина). Ср. Šimunović, примеч. 3.

⁹ Богослужение и письменность на славянском языке упоминаются в письмах папы Иоанна X, а также в постановлениях двух сплитских синодов. «В обоих письмах папы Иоанна X, привезенных его посланниками церковным и светским властям в Далмации, оно в самом центре внимания и заслоняет все остальное. В протоколе, относящемся к постановлениям первого синода, ему мимоходом посвящен один пункт, который только внешне осуществляет то, чего папа ожидал в данной связи; на самом деле он означает компромисс, лишаящий тогдашнюю языковую политику Рима всякой ударной силы». Katičić, см. примеч. 3, с. 392.

¹⁰ Branko Fučić, *Glagoljski natpisi*, JAZU, Zagreb, 1982.

¹¹ О Плите существует исключительно богатая и разнообразная литература. Мы упомянем здесь две новейшие книги: Mateo Žagar, *Kako je tkan tekst Bašćanske ploče?*, Zagreb, 1997. и Lujo Margetić, *O Bašćanskoj ploči*, Krk, 1997., а также сборник *900 godina Bašćanske ploče*, Baška, 2000.

кириллический - очень богат. К этому времени относятся *Венские листики*, самый древний текст, написанный хорватскостарославянским языком. Литургическому репертуару принадлежат и *Премудины обрезки* – *Pretnidini ostrišci* (часть Евангелия от Матфея), *Гришковичев отрывок Апостола*, *Михановичев отрывок Апостола*.

Кроме литургических текстов сохранены и фрагменты беллетристических текстов: Будапештский отрывок (часть легенды о Симеоне Стилите), Пазинские фрагменты (часть более объемного хорватско-глаголического свода: такие своды будут в средневековье очень популярны). К этому столетию относятся и самые древние дошедшие до нас юридические тексты: *Добрыннинский документ* – *Dobrinjska isprava* (1 января 1100 г.).

Все упомянутые тексты написаны глаголицей, но к этому времени принадлежат и хорватские тексты, написанные кириллицей: *Надпись Повальского порога*, *Надпись омишского князя*, *Благайская надпись*, *Надпись требиньского жупана Грда*. Кроме этих кириллических эпиграфов сохранилась и *Повальская грамота*. Ее основной слой - удостоверение князя *Бречка* - датируется 1184 г.¹² Неуверенность, которую порой проявляют хорватские диалектологи, заменен ли гласный звук *ery* звуком *и* в этом столетии, или это в хорватских диалектах произошло только в XIV веке, нам не кажется оправданной с точки зрения текстов, сохранившихся и написанных на хорватском и(ли) старославянском языках. Эта неуверенность, однако, имеет свою опору в способе написания в латинских текстах имен типа *Muisclavo*, *Lutimuslo* (от славянского – «мысль»).

- **XIII столетие.** Что касается текстов, и далее продолжается так называемое **время фрагментов**. Сохранилось относительно много фрагментов, относящихся к этому столетию. Они и дальше пишутся **или глаголицей, или кириллицей**. Но в это время происходит важная перемена – **открывается дверь западноевропейским влияниям**.¹³ Нужно сказать, что тексты, существовавшие до того времени, целиком опирались на старо(церковно)славянскую матрицу. К этому времени принадлежит самый древний правовой текст хорватов: *Винодольский закон* - кодификация праславянского обычного права, который приняли члены винодольской общины 6 января 1288 г. и который является вторым по древности в

¹² «В течение XII ст. хорватская культура оформилась как самобытное целое, в рамках которого равноправно сосуществуют и развиваются (заметно влияя друг на друга) три письма – латиница, глаголица и западная кириллица... и три литературных языка – латинский, хорватский и церковнославянский.» Нерсигонжа, см. примеч. 4, с. 49.

¹³ Нерсигонжа, см. примеч. 4.

славянском мире (самая древняя – *Правда русская*, 1280).¹⁴ Что касается органических идиомов, кроме уже упомянутой вокализации сильных еров, нам кажется важным указать на переход сочетания **ѣг** в **сг** и появление **и** в предложном падеже, которое в XVI веке начинает полностью преобладать в штокавщине, а в чакавщине получает перевес.

- **XIV столетие.** Важно отметить, что в данном столетии хорватский язык

начинает, наряду с глаголицей и кириллицей, пользоваться и **латиницей**. Это письмо будет в XIV и XV столетиях одним из трех писем, в которых записывается хорватский язык, а с XVI века и далее оно станет самым частым и доминантным выразительным средством хорватской культуры. Два древнейших текста – *Порядок и закон* (*Red i zakon*, 1345; о приеме доминиканок в монастырскую обитель) и поэтический текст (1347), известный под заглавием *Шибенская молитва* (декламационная поэтическая проза в честь Богородицы).

Глаголица и в дальнейшем доминирует. Из XIV века целиком сохранился *Свод Бориславича* (*Borislavićev zbornik*, 1375), в который помещены и литургические и нелитургические тексты: такие своды в значительной мере будут характерны для XV и XVI вв. В языковом отношении появляются тексты, в которых все больше выступает **интерференция** хорватских идиомов старо(церковно)славянского языка: в частности нужно отметить, что в глаголических сборниках все чаще находим и **кай-кавские** элементы.¹⁵

В штокавщине **l** в конце слога переходит в **o**.

XV столетие. 22 февраля 1483 года напечатана первая хорватская инкунабула *Misal po zakonu rimskoga dvora*. Это первый требник в Европе, который не напечатан латиницей и не написан на латинском языке. Этим хорватская средневековая культура достигла своего апогея, особенно ее глаголическая часть. Этот апогей является одновременно и началом деградации глаголической традиции.

Что касается языковой структуры текстов, хорватско-старославянский язык значительно распространился – и территориально, и функционально. Сделан большой шаг на пути к формированию стабильного литературного языка. Это развитие прервано уже упомянутым передвижением населения. **Крбавская битва (9 сентября 1493)**, которую францисканский летописец Иван Томашич (XVI ст.) называет «первым распадом королевства хорватского», и в которой турки нанесли тяжелое поражение

¹⁴ Lujo Margetić, *Vinodolski zakon 1288-1988, Novi Vinodolski 1988*; кроме текста на современном хорватском языке, в книге помещены и переводы на английский, немецкий и итальянский языки; Josip Bratulić, *Vinodolski zakon*, Zagreb, 1988.

¹⁵ Eduard Hercigonja, *Kajkavski elementi u jeziku glagoljaške književnosti 15. i 16. st.*, в книге: *Nad iskonom hrvatske knjige*, SNL, Zagreb, 1983; Stjepan Damjanović, *Glagolitica kajkaviana*, в книге: *Jazik otačaski*, Matica hrvatska, Zagreb, 1995.

хорватскому войску, является кульминацией трудностей, обусловивших переселение населения. Это переселение, в свою очередь, имело решительное значение и в распределении хорватских диалектов, и в направлении, в котором хорваты потом будут строить свой языковой стандарт.

SLOVENSKA KRAJINA TER NJENO SLOVSTVENO DELO S POSEBNIM POUČENJEM NA PORABSKE SLOVENCE

Jezik porabskih Slovencev se je več kot dvesto let skupaj razvijal s prekmurkim jezikom, kajti v Slovensko krajino je vse do l. 1919 spadalo tako današnje Prekmurje kakor tudi Porabje.

Kot domnevajo zgodovinarji so Panonijo in s tem tudi prej omenjeni pokrajini ob koncu 6. stoletja poselili Slovani. Najpomembnejše obdobje za pokrajino ob Muri in Rabi je bilo 9. stoletje. Okrog leta 840 je Pribina od kralja Ludvika dobil v fevd ozemlje Spodnje Panonije. V močvirnatem predelu ob reki Zala je zgradil utrjeno mesto Blatograd oz. Blatenski kostel, ki je postalo politično in kulturno središče Spodnje Panonije. Pribina je skrbel, da so v Panonijo prihajali novi priseljenci: iz jugovzhodnih Alp, nemških pokrajin, pa tudi iz jugovzhodnih predelov Podonavja. Podpiral je tudi razvoj cerkvene organizacije. Po Pribinovi smrti je v Spodnji Panoniji zavladal njegov sin Kocelj, ki je zaradi profrankovske politike dosegel naziv in status kneza. Tudi on je širil krščansko vero in gradil cerkve. Leta 867 sta se pri njem ustavila Ciril in Metod, ki sta se vračala s štriletne misijonske poti po Moravskem, kamor ju je povabil knez Ratislav, ki si je prizadeval za cerkveno samostojnost. Kocelj je misijonarjema podaril petdeset učencev, da bi se naučili slovenske pisave in vere.

Vendar je bila samostojnost Koceljeve Spodnje Panonije kaj kmalu zatrta. Prostor, kjer še danes živijo prekmurški in porabski Slovenci, se je torej v 9. stoletju razvijal, v 10. in 11. stoletju pa je veličastno slovansko bogoslužje tonilo v pozabo, kajti cerkveno oblast nad Panonijo si je ponovno prisvojil Salzburg. Se danes so ohranjene listine, ki pričajo o obstoju benediktinske opatije v Zalaváru.

Ivan Zelko v razpravi Zgodovinski pregled cerkvene uprave v Prekmurju zapiše ugotovitev madžarskega zgodovinarja Jana Melicha, ki pravi, *da Madžari krščanstva v Spodnji Panoniji niso v celoti uničili*. Stoletja pa so vendarle zbirasala s površja zemlje nekdanje cvetoče mesto, katere sledove so arheološka izkopavanja v zadnjih desetletjih samo delno odkrila. Razvaline nekdanje cerkve svetega Hadrijana v Zalavaru so do leta 2000 uredili za ogled turistov. Arheološka izkopavanja bodo na grajskem otoku, ki skriva slovanska in madžarske spomenike, potekala pod vodstvom Madžarskega narodnega muzeja in Akademije znanosti predvidoma do leta 2020. Obiskovalce danes poleg izkopanin spominja na preteklost spomenik v čast Cirilu in Metodu. Na nekdanjem grajskem otoku je postavljen tudi spomenik v čast vladarju sv. Štefanu.

Po vključitvi v madžarski državni okvir konec 11. stoletja je območje od Rabe do Mure postalo madžarska kronska posest in po ustanovitvi zagrebške škofije leta 1094 je bilo civilno in cerkvenoupravno vključeno v Zalsko in Železno županijo. Vse to ozemlje pa je od 1176 do 1777 pripadalo

škofiji Győr. To območje so v teku zgodovine najbolj zaznamovali turški vpadi v poznem srednjem veku, protestantizem in enakopravna uveljavitev madžarskega dela v skupni avstro-ogrski državi.

Protestantizem se je začel v Slovenski krajini širiti v 16. stoletju pod okriljem ogrskih zemljiških gospodov. Župnije s cerkvami so do druge polovice 18. stoletja prehajale iz rok ene verske skupnosti v roke druge. Protestantizem je tudi začel uporabljati domačo besedo v knjigi, kajti do 18. stoletja so bile v uporabi kajkavske rokopisne pesmarice. Potem, ko so z zakoni 1681 in 1687 bili določeni artikularni kraji, v katerih so lahko protestanti svobodno opravljali božjo službo, je nastajalo tudi prekmursko slovstvo. Ena taka evangeličanska verska občina je bil Šurd, kamor se je l. 1718 preselilo štirinajst družin iz današnjega Prekmurja. Slovenci so takrat pustili doma vse, s sabo so prinesli le trdno vero, vdanost in zvestobo do evangeličanske cerkve. Prvi šurdanski duhovniki so bili Madžari, ker pa priseljeni Slovenci niso znali madžarsko, so zahtevali slovenskega duhovnika. Tako je začel svoje delovanje med njimi Štefan Küzmič, ki ni opravljal le pastirska dela, pomemben je bil tudi za prekmursko književnost. V šurdanskih letih je Štefan Küzmič pripravil najpomembnejše delo evangeličanskega prekmurskega slovstva. V uvodu „Nouvega Zákona (Halle 1771), ki ga je prevedel iz grščine je zapisano, da je „zdaj oprvič z grčkoga na stári slovenski jezik obrnjeni“, v jezik „kakšnoga šteš in čüješ“. Pomen tega dela ni bil le verski, saj je bilo delo evangeličanom več kot sto let poleg pesmaric glavna verska knjiga. V predgovoru je Küzmič zapisal: „Sto de tak kráto našim med Mürom i Rabom prebivajoučim slovenom té sv. Bože knige na svoj jezik, po šterom samom li vu svoji Prorokov i Apostolov pismaj gučečega Bogá razmijo, obračati? Geto je i njim zapovidáva Gospodin Boug šteti; da je moudre včinijo na zveličanje pop vöri vu Jezuši Kristuši; tou pa ni Dalmatinovoga, ni Frencelovoga, niti znikakšega drügoga obračanja (versio) čakati nemorejo. Ar tej naši Vogrski slovenov jezik od vsej drügi dosta tühoga i sebi lastivnoga má...“

V Šurdu in okolici se je ta stari slovenski jezik ohranil do začetka 19. stoletja. Danes pričajo le priimki na nagrobnikih, da je nekoč tu prebival slovenski živelj. Leta 1970 je šurdanska verska skupnost na zid tamkajšnje cerkve vgradila ploščo v spomin Štefana Küzmiča. Na njej v madžarsčini piše naslednje: *Küzmic István a surdi artikularis gyülekezet tudós és hűségese lelkésze. A vendek reformátora. Az Újtestamentumot vend nyelvre fordította. /Štefan Küzmič je znastveni in zvesti duhovnik šurdanskega artikularne verske skupnosti. Je reformator Slovencev. Novo zavezo je prevedel v slovenski jezik /.*

V nasprotju z evangeličani, spodbujanih iz Halleja, se je škofija v Gyóru le malo brigala za versko in narodnostno življenje ljudi z njenega zahodnega obrobja. V zagrebški škofiji so namreč menili, da je preskrba s kajkavskimi knjigami dovolj. Položaj se je spremenil l. 1777, ko je Marija Terezija ustanovila sombotelsko škofijo. Njen prvi škof, Janos Szily je podprl katoliško slovstveno dejavnost Mikloša Küzmiča. Na škofovo pobudo je M. Küzmič najprej priredil evangelistar: *Szvéti evangyeliomi...* In jih je tudi „obrnó na sztári

szlovenszki jezik”. Napisal je sedem slovenskih knjig, to so učbeniki in knjige z versko vsebino. Mikloš Küzmič je napisal tudi prvi slovensko-madžarski učbenik: *ABC kni'sicza na národní soul haszek - ABC könyvetske a nemzeti iskolának hasznokra*, ki l. 1790 v Budimu natisnjena v 2000 primerkih. V tem učbeniku pa se nahaja tudi prvi poskus slovensko-madžarskega slovarčka, ki ima 215 gesel, v tematski razdelitvi: narava, človek, dom, noša, šolstvo, čas, denar, mere, družina, kmetijstvo in trgovanje.

Za porabske Slovence je bila velikega pomena Küzmičeva *Knjiga molitvena...*, ki so jo še pred nekaj leti uporabljali v cerkvi pri bogoslužju. Natisnjena je bila l. 1783 v Sopronu. Do 1891 so jo natisnili v prvotni obliki osemnajstkrat, popravljeno pa do 1931 še devetkrat.

Prvi sombotelski škof pa je poleg tega, da je podpiral izdajo slovenskih knjig, je sprejemal v kószesko sirotišnico tudi mladino iz Slovenske krajine. Danes lahko rečemo, da takratna dežela dežela med Muro in Rabo brez Szilyja ne bi imela svojih izobražencev, duhovnikov. V tem zavodu se je učil med drugim tudi pokojni gornjeseniški duhovnik „János Kühar, ki je svojim porabskim vernikom prevajal molitvenike v njihovo domačo govorico.

Mikloš Küzmič je s knjigami verskega in šolskega značaja utemeljil nadaljevanje tudi na posvetno tvarino razširjenega pisanja v narečju. To delo je nadaljeval Jožef Košič, ki je bil prav tako gojenec prekmurskim dijakom namenjene sirotišnice Kelcz-Adélfy v Kószegu.

Mož, ki se je rodil v Bogojini, je v Porabju preživel precejšen del svojega življenja. Leta 1816 je postal župnik na Dolnjem Seniku, od leta 1829 do smrti pa je župnikoval na Gornjem Seniku. Kljub temu, da je deloval med Slovenci, je napisal na njegovem nagrobniku na seniškem pokopališču v madžarskem jeziku. Spominska plošča na zidu tamkajšnje cerkve pa v slovenskem in madžarskem jeziku ohranja spomin na pomembnega pisatelja in duhovnika.

Košič se je močno zanimal za življenje in preteklost svojih rojakov. Pobudo za njegov prvi spis mu je dal razpis nagrade za opis kake narodnostne skupnosti na Ogrskem, ki ga je objavil slovaško – ogrski publicist Jan Čaplovič l. 1819 v listu *Chronik der österreichischen Literatur*. Ta spis v madžarskem jeziku govori o življenju in kulturi Slovencev, torej *O vendskih Tótih na Madžarskem* (A Magyarországi Vendus Tótokról), ki ga je Čaplovič objavil pod svojim imenom. Knjiga z naslovom „*Zobriszani Szlovén i Szlovénka med Múrov i Rábov*” je bila objavljena anonimno. Pobudo zanj mu je dala Slomškova knjiga Blaže ino Nežica v nedelski šoli (1842), iz katere je posnel cela poglavja. Dodal je veliko omemb in nasvetov iz prekmursko-porabskega okolja ter pozival rojake k omikanosti. Košičevo zanimanje za zgodovino dokazujejo *Zgodbe vengerskega kralévstva* (1848). Pomembnejše pa je bilo njegovo delo o domači preteklosti: *Starine železnih ino salaskih Slovenov*, ki je ostalo v rokopisu. Kot duhovnik je Košič priredil tudi knjižico *Križna pout*, ki je razdeljena na XIV štacie ali postajališče. Samostojno je bila natisnjena dvakrat v raznih molitvenikih pa večkrat.

V 19. stoletju so v Slovenski krajini nastajale poleg omenjenih del tudi publi-

cistične izdaje ter leposlovje.

Med začetnike prekmurske katoliške publicistike prištevamo Franca Ivanocyja, ki je z Jožefom Borovnjakom pripravil tudi slovenski prevod knjižice Bratovczina najszv. Szrcza Jezusovoga, ki je izšla v Radgoni, tako je pripravil tudi temelje za izdajanje Kalendarja. V porabske župnije so že od konca 19. stoletja prihajale mohorske knjige, ki so bile zelo razširjene po vsej Slovenski krajini. V 20. stoletju pa so v Porabju brali tudi *Kalendar Najsvetejšega Srca Jezusovoga*, ki ga je v 4000 izvodih natisnila cerkevna tiskarna v Sombotelu. Narodno zavest porabskih Slovencev pa je poglobljala tudi mesečnik *Marijin list* in tednik *Novine*.

Ta slovstvena dela od začetka pa vse do leta 1919 dokazujejo, da je bil prekmurski jezik funkcijsko zvrstno zelo razgiban.. V prvi polovici 19. stoletja je vplival tudi na razvoj osrednjega slovenskega knjižnega jezika. Slovenci na Ogrskem so z njim dokazovali svojo identiteto in se potrjevali kot zgodovinski narod.

Enotnost Slovenske krajine je bila razbita leta 1920. Na podlagi trianon-ske mirovne pogodbe je 9 slovenskih vasi v okolici Monoštra ostalo na Madžarskem. Od takrat Slovence na Madžarskem v slovenskem tisku imenujejo „rabski“, kasneje „porabski Slovenci“. Odkar so porabske Slovence ločili od Prekmurcev, se tudi njihova govorica razvija različno od prekmurskega jezika. Za ohranitev materinščine v Prekmurju v zadnjem času skrbijo prekmurski in porabski pisci, ki z domačim leposlovjem želijo razširiti bralno kulturo med Porabci in jim približati slovensko besedo. Knjige so natisnjene v porabskem narečju, ali dvojezično, to se pravi v porabščini in knjižni slovenščini.

Literatura

- Novak, V (1976) Izbor prekmurskega slovstva, Ljubljana
Pogačnik, J (1968) Zgodovina slovenskega slovstva, Maribor
Grafenauer, I (1973) Kratka zgodovina starejšega slovenskega slovstva, Celje
Košič, J (1992) Življenje Slovencev med Muro in Rabo, Budimpešta
Rajhman, J (1997) Reformacija v Prekmurju In: Katalog stalne razstave, Pokrajinski muzej Murska Sobota, str. 119-126
Kozar, M (1997) Skupne korenine. In: Katalog stalne razstave, Pokrajinski muzej Murska Sobota, str. 145-150
Jesenšek, M (1998) Jezik prekmurskih abecednikov in učbenikov. In: Slovenko-madžarski jezikovni in književni stiki od Košiča do danes, Budimpešta str. 121-138
Potrata, M (1998) Prekmursko slovstvo v slovenskih literarnih zgodovinah 19. stoletja In: Slovensko-madžarski jezikovni in književni stiki od Košiča do danes Budimpešta str. 175-184

ЕЩЁ РАЗ К ВОПРОСУ О СЛАВЯНСКОЙ ПРАРОДИНЕ

Введение

Исследования прародины славян имеют долгую историю и данная тема всегда вызывала интерес не только среди славистов.

Сначала хотелось бы дать уточняющее определение понятия славянской прародины, под которой мы понимаем ту территорию, на которой сложился праславянский язык, представляющий собой совокупность диалектов праславянских племён, живших в непосредственной близости и откуда они расселились прежде, чем заселить все те территории, где проживают славянские народы в настоящее время.

Точное определение местонахождения славянской прародины представляет собой сложную комплексную задачу, ведь исследования такого рода затрагивают дописьменный период в истории славян и требуют привлечения знаний из сферы палеославистики, сравнительно-исторической лингвистики, кроме того, вызывают необходимость нахождения логической взаимосвязи между отдельными явлениями животного и растительного мира.

На протяжении более 150 лет многие учёные занимались исследованием славянской прародины, составляя бесчисленное количество теорий на данную тему¹.

Преобладающая часть современных историков и лингвистов, занимающихся исследованием данного вопроса, размещает славянскую прародину на территории между Одером и Днестром, ограниченную на севере Балтийским морем и Неманом, а на юге имеющую своей границей среднее течение Днестра и горные цепи Карпат - т.е. примерно от 50° до 55 или 54° с.ш.

Упомянутая группа исследователей, однако, не едина во мнении относительно точного местонахождения прародины славян внутри этой значительной территории.

Первую по времени обнародованную гипотезу о прародине славян, согласно которой славяне жили в Карпатском бассейне, в окрестностях Дуная и Тисы, автор намеренно поместил на последнее место.

Речь идёт о так называемой "паннонской теории". Её первоначальным источником является "Повесть временных лет", - древнерусская хроника,

¹ см. Супрун, А. Е.: Введение в славянскую филологию. Мн., 1989, сс. 152-153
Бернштейн, С. Б.: Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 53-64; Niederle, L.: Slovanské starožitnosti., I., Praha, 1902; Klemensiewicz, Z., Lehr-Spławinski, T., Urbanczyk, S.: Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1981, с. 24; Bihari, J. - H. Tóth, I.: Bevezetés a russzisztikába. Bp., 1988, с. 20

составленная в начале XII века, по всей вероятности, монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. Паннонская теория довольно часто упоминалась в специальной литературе вплоть до начала XX века, когда она, если так можно выразиться, пришла в забвение. Однако эта, казалась бы давно забытая теория, в наши дни получила второе рождение. Известный славист О. Н. Трубачёв (1930 - 2001), на основании анализа топонимических названий (прежде всего названий рек и озёр), а также других источников, пришёл к результатам, которые во многом подтверждают эту гипотезу.

В своих предположениях автор также придерживается паннонской теории, поэтому изложенные в данной работе лингвистические доказательства в основном призваны служить опорой именно для неё. Многие данные изложенные акад. Трубачёвым, а также логическая взаимосвязь между отдельными результатами исследований в области географии, зоологии и истории могут приблизить нас к разгадке этой проблемы. Мы надеемся, всё это позволит нам увидеть эту старейшую теорию в новом свете и придаст ей новые точки опоры.

"... Сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. ..." [Хрестоматия по истории России - сост: И. В. Бабич, В. Н. Захаров, И. Е. Уколова; М., 1994, с. 11]

Эта цитата из вышеупомянутой древнерусской летописи. Что же заставило киево-печёрского монаха написать эти слова? Почему, опираясь на какие источники и сведения он считал, что древние славяне жили именно в Карпатском бассейне, в районе Дуная и Тисы?

Мы можем предположить, что в XII веке ещё живо было устное предание, благодаря которому и сформировалось это распространённое в кругу современников Нестора мнение.

Очевидно, это была самая общепринятая точка зрения на предмет происхождения народа - иначе составитель хроники не включил бы её в своё произведение.

Фактом является и то, что и по сегодняшний день можно обнаружить упоминания о Дунае в фольклоре таких славянских народов, которые живут далеко от него, и даже если мы убеждены в неверности паннонской теории, мы вынуждены признать, что эти народы и не могли никогда видеть Дунай. Яркой иллюстрацией к описанному явлению служат белорусские и украинские народные песни.

Возникает законный вопрос о том, может ли автор привести какие-то конкретные доказательства карпатской прародины славян, кроме вышеприведённой цитаты из "Повести временных лет" и результатов исследований топонимических названий региона, проведённых акад. О. Н. Трубачёвым.

Здесь и далее автор хотел бы познакомить уважаемого Читателя со своими изысканиями в данном направлении, которые могут служить новым подтверждением к паннонской теории.

Автор подверг анализу три слова:

- а) слово "Карпаты", зарождение этого географического названия, равно как и происходящее из него, по нашему мнению, название рыбы - карп
- б) слово - праславянского происхождения: "сип", обозначающее грифа и по сию пору присутствующее в русском языке;
- в) название дерева "граб", представленное во многих славянских языках.

Карпаты и карп

Словами, имеющими доказательную силу, являются название Карпатских гор, а также происходящее, по мнению автора, из него название рыбы "карп". Прежде всего, рассмотрим подробнее слово "Карпаты" и его этимологию.

Карпаты имеет фракийское происхождение и обладает общей исходной формой с существительным "*karpë*", по сей день присутствующим в албанском языке, имеющим значение "скала, утёс" и попавшим в язык славян с германским посредничеством. [Фасмер, М., Этимологический словарь русского языка. М., 1986, с. 202]

Племена фракийцев жили тоже в Карпатском бассейне; именно благодаря фракийцам германские племена, мигрировавшие в этом направлении и перебивавшиеся через голые скалы Карпат, познакомились с древней лексической формой, послужившей основой в дальнейшем для названия горного массива (нпр. "Откуда вы пришли? А, из-за *скал*"). Германцы стали использовать эту форму для обозначения названия данных гор и распространили её среди славян, живших на территории своей прародины.

После "ознакомления" с Карпатами мы можем перейти к названию рыбы, которое, по предположению автора, произошло из этого географического названия.

Перед этим, коснёмся некоторых особенностей рыбы, носящей это название.

Карп (Cyprinus carpio). Этот вид пресноводных рыб в наши дни широко распространён по всей земле.

В Европе и Азии он получил широкое распространение отчасти благодаря своему естественному размножению, отчасти за счёт сознательной деятельности человека по расселению этой рыбы - на сегодняшний день можно констатировать, что данный вид обитает во всех водоёмах, схожих по своим условиям с естественными местами обитания карповых.

Тем не менее, столь широкий ареал расселения карпа имеет довольно недавнее происхождение. Карп является типичным понтийским видом, по мнению большинства учёных, он зародился в регионе Каспийского моря в

конце плейстоцена. Сложившийся к концу ледникового периода оптимальный температурный режим позволил предкам европейского дикого карпа попасть в водную систему Аральского моря, в Восточную Азию и в окрестности Чёрного моря - таким образом карповые появились примерно 8-10 тысяч лет назад в дунайской речной системе - в то же время в других реках Европы эта рыба не встречалась до начала искусственного расселения карпа человеком.

По мнению значительного большинства биологов, до начала искусственного разведения человеком на европейском континенте, в бассейне Чёрного моря карп был распространён только и исключительно в Карпатском бассейне - и именно отсюда начался «гастрономический» путь этой рыбы. [Pintér, K.: Magyarország halai - biológiájuk és hasznosításuk. Vp., 1989]

Но вернёмся к названию нашей рыбы. Славянские языки используют для её обозначения существительное "карп": русск. *карп*, укр. *короп*, *карп*, словацк. *karor*, словен. *krap / karp*, польск. в.-луж. полаб. *karp*, н.-луж. *karpa*, чеш. *kapr*. В перечисленных языках данное слово имеет германское происхождение: д.-в.-нем. *karpo, karpfo*, совр.нем. *Karpfen*, совр.англ. *carp*.

Во взаимосвязи исторических и лингвистических фактов ярко вырисовываются обстоятельства заимствования этого слова.

Как было упомянуто выше, в языке расселённых на территории Карпатского бассейна германских племён укоренилось слово фракийского происхождения, имевшее значение "*скала, утёс*", которое стали использовать для обозначения географического понятия "Карпаты".

По мере продвижения из северных горных областей Карпатского бассейна в равнинные регионы, германские племена познакомились с характерной для медленных рек и равнинных озёр рыбой - в их языке отсутствовала лексическая единица для её обозначения, поскольку на протяжении своих миграций, эти народы ещё не встречались с такой рыбой; поэтому они начали использовать с этой целью уже привившееся в их языке название Карпат, имевшее фракийское происхождение.

Это совершенно понятно, ведь карп обитал в то время только в этом регионе, в Карпатском бассейне и был довольно распространён на его территории.

Из языка этих германских племён название карпа перешло в язык славян, проживавших в то время на этой территории - кроме того, оно появилось и в языке римлян, завоевавших Паннонию и расположивших там свои гарнизоны. Позже слово "карп" распространилось по всей Европе став своеобразным интернациональным словом - Ср.: англ. *carp*, нем. *Karpfen*, итал. *carpa*, франц. *carpe*, финск. *karppi*, ...

Сказанное выше о лексеме »карп« не исключает существования и других слов для обозначения этой рыбы в современных славянских язы-

ках - ср.: укр. юж.-рус. хорват. серб. *шаран*, болг. *шаран* / *шеран*, польск. *szaran*.

Основа этого слова присутствовала в праславянском языке с более раннего времени, чем основа слова "каrp": она имелаь и в праславянском языке, в период балтийско-славянского единства (взаимодействия) - это подтверждается древнепрусским *sarote* (каrp), литовским *žarúotas* (сверкающий).

Интересно, что в современном словацком языке отсутствует соответствующая слову "шаран" форма, но факт её существования в прошлом можно доказать образовавшимися из этой формы словами: *šarina* (осока), *šarino* (заросли осоки), обозначающими характерное для места обитания карпа растение, а само место его обитания.

Cun

Наиболее часто используемое русское слово, обозначающее эту огромную птицу - гриф. Это позднейшее заимствование неславянского происхождения.

Источником образования слова "гриф" можно считать греческий язык (*γρυψ* - 'то же'), из которого слово, обозначающее 'сказочную хищную птицу', посредством латинского языка (лат. *gryps, grypus* - 'то же') попало в большинство европейских языков (анг. *griffin, griffon* франц. *griffon* чеш. *gryf*). В венгерский язык это слово пришло из немецкого (ср. ср.-в.-нем. *grîf, grîfe* - 'сказочная хищная птица', совр. лит. нем. *Greif* - 'гриф') - до сих пор присутствует в нём в форме "*griffmadár*", также в значении "сказочная хищная птица", хотя существует источник 1818 г., в котором данное слово используется для обозначения "одной из разновидностей грифов". [A magyar nyelv történeti - etimológiai szótára. под ред.: Benkő, L., Bp., 1984, с. 1097]

В русском языке слово означает грифа, то есть "Vulturidae".

Помимо слова "гриф" в русском языке имеется и другое слово "сип" с тем же значением. Это слово крайне редко используется в современном языке - его даже можно назвать экзотичным; для обычного носителя языка его значение теряется во мраке сказаний и легенд - но в общем, оно понятно носителем языка.

Данное слово имелось в праславянском языке в форме **sop* - его фонетические варианты существуют исключительно в славянской языковой среде, они присутствуют в славянских языках в значении "гриф" - ср. укр. серб. *суп*, хорв. слов. чеш. н. луж. *sup*, польск. *sep*, кашуб. *sap*, в.-луж. местн. н. *Supow*. Интересно, что в славянских языках, на которых говорят в областях, расположенных к северу от места обитания этой птицы, присутствуют такие слова, как нпр.: чешск. *posupnu*, польск. *posepnu* "мрачный", русск. *насупиться* "помрачнеть", *насупленный* "помрачнев-

ший". [Фасмер, М., Этимологический словарь русского языка. М., 1986, с. 804]

Гриф действительно воспринимается как мрачная или разливающая вокруг себя ощущение мрака птица.

Для исследований славянской прародины грифовые имеют большое значение, поскольку, будучи птицами жарких климатических зон (субтропического и тропического поясов), они живут в основном в Африке и южной Азии - в Европе они встречаются на территории современной Португалии, Испании, южной Франции, на островах и побережье Средиземного моря, в Крыму и на Кавказе.

Примечательно, что районом обитания этих птиц в Европе являются, кроме вышеперечисленных, только и исключительно Динарские горы, где грифовые гнездятся на неприступных горных вершинах и выступах скал. В такой местности, не имея возможности обеспечить себя достаточным количеством падали, грифы систематически залетают на территорию Карпатского бассейна с целью добычи пищи.

*Наличие видоизменённых форм праславянского слова *sor в современных славянских языках, значение этих форм ("гриф") позволяют сделать вывод о том, что предки славян видели грифов, встречались с ними на территории своего проживания.*

Принимая во внимание тот факт, что гриф обитает в районах с субтропическим и тропическим климатом, а в Европе северной областью гнездования этой птицы являются Динарские горы, с которых грифы спускаются в Карпатский бассейн с целью добычи пищи - мы приходим к заключению, что этот факт является ещё одним свидетельством в пользу паннонской теории прародины славян.

Граб

Граб произрастает в северном полушарии нашей планеты – многочисленные разновидности граба часто встречаются в лесах Евразии и Северной Америки. Все эти разновидности, особенно те, которые издревле произрастали на территории Европы, крайне схожи: это *граб обыкновенный*, иначе называемый *белым грабом* (*Carpinus betulus L.*), в наши дни уже получивший распространение даже в Северной Европе, а также вымерший на территории Карпатского бассейна *Ostrya carpinifolia*, и достигающий на этой территории северной границы своего ареала *граб восточный*, по-другому именуемый *грабом мелколистным* (*Carpinus orientalis Miller*). Два последних вида произрастают исключительно в Юго-Восточной Европе.

Граб представляет интерес с точки зрения исследования славянской прародины, благодаря своим характерным особенностям и областям произрастания.

До наступления ледникового периода грабы произрастали по всей территории Европы, однако систематические оледенения почти бесследно уничтожили богатую растительность третичного периода, произраставшую к северу от линии Карпаты – Альпы, в то время как к югу от этой линии она была оттеснена в еще более южные, средиземноморские районы и в итоге перенесла испытания ледникового периода в балканских рефугиях.

Однако в защищённых закоулках скал и в ущельях с отвесными склонами некоторые растения смогли пережить периоды оледенения даже в условиях Карпатского бассейна - в качестве примера можно упомянуть всё тот же граб [Hortobágyi, T., Pál, M., Kiss, M., Pócs, T., Simon, T.: *Növénytan 2. Vp.*, 1968, pp. 553 – 557].

Поскольку граб населяет исключительно возвышенности и среднегорья и вследствие своих требований к условиям произрастания никогда не встречается в местности, находящейся на высоте более, чем 800 метров над уровнем моря, после окончания ледникового периода это дерево не могло вернуться в свои прежние районы обитания, не могло "пробиться" через линию Карпаты-Альпы. Таким образом, по мнению ботаников, граб мог попасть в северные части нашего континента и распространиться там только и исключительно благодаря сознательной деятельности человека по расселению этого дерева.

*В период между окончательным отступлением ледника и началом распространения граба человеком, согласно результатам проведенного ботаниками пыльцевого анализа, следов произрастания грабов к северу от линии Карпаты-Альпы обнаружено не было: "центр тяжести" области его произрастания на тот момент приходился именно на Карпатский бассейн, на возвышенностях и в гористых местностях которого граб являлся и является и по сей день одной из самых характерных древесных пород. [Soó, R.: *A magyar flóra és vegetáció rendszertani – növényföldrajzi kézikönyve I. Vp.*, 1964, pp. 89 - 95; Hortobágyi, T., Pál, M., Kiss, M., Pócs, T., Simon, T.: *Növénytan 2. Vp.*, 1968, pp. 553 – 557].*

Современные славянские языки используют для обозначения граба следующие слова: русск. *граб*, укр. *граб*, блг. *габър*, хор. *grab*, срб. *граб*, словен. *grab*, чеш. *habr, hrabr*, словац. *hrab*, польск. *grab*, в.-луж. *hrab*, н.-луж. *grab*.

Все эти формы происходят из праславянского *grab(r)ь [Этимологический словарь славянских языков., ed. О. Н. Трубачёв, М., 1980, р. 99]. Происхождение этой праформы довольно туманно - по мнению Голуба и Копечного и Махека, она унаследована праславянским языком из индоевропейского праязыка [Фасмер, М., *Этимологический словарь русского языка*. М., 1986, р. 449].

С исследовательской точки зрения крайне интересна родственная славянскому *grab* древнепрусская форма *wosigrabis*, обозначающая бересклет (*Euonymus europaeus* L.). Это слово может указывать на период

балто-славянского единства, предшествовавшем праславянскому.

Как известно, бересклет (*Euonymus europaeus* L.) – кустарник высотой приблизительно 4 метра, иногда невысокое дерево с продолговато-эллиптическими листьями, которые сильно напоминают листья граба в уменьшенном виде. Древесина этого растения, подобно древесине граба, весьма тверда и прочна. В целом бересклет выглядит полностью, как уменьшенная копия граба. Кустарник хорошо переносит резкие погодные колебания, по сравнению с грабом в значительной степени хладостойчив и произрастает по всей Европе.

Кажется весьма логичным, что племена, покинувшие свою прародину и использующие балтийские языки, за неимением другого слова присвоили растению, напоминавшему им граб, его название. Или слово *wosi-grabis* является результатом более позднего заимствования из языка соседних славянских племён? Но тогда как назывался бересклет до момента заимствования, ведь все эти народы имели весьма основательные познания об окружающей их природе?

С этой точки зрения примечательны также латышское *groubina* (одна из разновидностей дуба), гр-мак. γράβιον (то же), а кроме того, умбр. *Grabovius* (бог дуба) [Фасмер, М., *Этимологический словарь русского языка*. М., 1986, р. 449].

Эти языковые явления объясняются особенностями места обитания граба: на низменных территориях - точнее от 250 до 550-600 м. над уровнем моря - граб образует смешанные леса с дубом, в связи с чем возникает закономерное предположение, что все эти люди считали граб одной из разновидностей дуба, а возможно, необычной - придавая мистические свойства этому дереву, постоянно сопровождающему дуб.

На короткое время остановимся на современных немецких существительных *Grab*, *Graben*, а также на глаголе *graben*.

Глагол *graben* имеет значение 'копать', в то время как два родственных ему существительных обозначают "результат копания" - соответственно могила и ров, канава. По размышлении данные немецкие слова обнаруживают родство с формой, обозначающей граб в славянских языках [ср. Pfeifer, W., Braun, W., *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Berlin, 1993, pp. 465 - 466], поскольку население, проживающее на территории славянской прародины до появления способов обработки металла применяло для изготовления инструментов, подвергающихся большой нагрузке в ходе использования (например, лопата), крайне твёрдую, прочную и износостойчивую древесину граба и только впоследствии изготовлявшиеся исключительно из дерева инструменты были заменены на деревянные с железными насадками, а также на такой инвентарь, только рукоятки которого делались из дерева. К этой же категории слов можно отнести и швейцарско-немецкое *grebel*, *grübel* ('мотыга').

После более длительного рассмотрения можно найти целый ряд таких родственных слов в современных германских языках, что указы-

вает на довольно раннее германо-славянское взаимные отношения в области языка, которое могло иметь место даже вследствие того, что носители языков имели общую прародину, совпадавшую с областью произрастания граба.

Возможно, это предположение послужит также дополнением и к исследованиям германской прародины.

Схожее родство с русским *граб* наблюдается и в таких распространённых в славянских языках словах, как рус. *грабли*, рус. *грести*; *грабли*,

а) укр. *граблі*, срб. *грабље*, хор., словен. *grablje*, словац. *hrabky*, *hrab-
le*, польск. *grabie*, *grable*.

Все эти слова указывают на материал, из которого изготовлялись грабли до появления металлических средств труда проживавшие на территории своей прародины славяне использовали твёрдую, износостойчивую, прочную грабовую древесину в том числе и для изготовления грабель, поскольку произведённые таким образом инструменты способны были выдержать большую нагрузку.

При изучении традиционных крестьянских сельскохозяйственных орудий даже сейчас мы можем обнаружить на территории Венгрии деревянные грабли, которые используются - например, для сгребания сена -, причём изготовляются они, если есть возможность, исключительно из граба (Орманшаг, Южная Баранья).

К теме грабель имеет отношение также движение по направлению от себя к себе, т.е. собирание, что объясняет происхождение различных слов, связанных с этим действием, как то: русск. *грабить*, хор. *grab-
bežljiv* (прилагательное, жадный) и т.п.

б) русск. *грести* – укр. *гребсти* (*то же*), хор. *gresti*, *grestati* (*царапать, скрести*), словен. *gresti* (*копать*), чеш. *hřestí* (*хоронить*), древнепольск. *grześć* (*грести, копать*) – все эти слова аналогичным образом указывают на материал инструмента, используемого для соответствующего действия. Народы, населявшие территорию прародины, применяли прочную грабовую древесину для изготовления не только грабель, но и лопат и лодочных вёсел.

Каждое из этих слов происходит от праславянского *grab(r)ъ (граб), причём в некоторых из них в результате развития произошло преобразование а > е; схожие колебания наблюдаются в словах, происходящих от индоевропейской праформы русского берёза (праслав. *berza): алб. *bardh* (белый), гот. *baírhts* (светлый), - как известно, кора берёзы имеет белый цвет (т.е. светлая). [Фасмер, М., Этимологический словарь русского языка. М., 1986, р. 154]

В славянском мире можно встретиться со множеством подобных слов, находящихся в родственной связи с названием граба, что свидетельствует о том, что на территории проживания праславян это дерево было весьма распространено и привычно.

*С одной стороны формирование области произрастания граба, места его обитания, физические свойства, область применения грабовой древесины; а с другой стороны существование в праславянском языке слова *grab(г)ъ в современном значении "граб", присутствие параллелей русскому "граб" в других славянских языках, образовавшихся из праславянского; происходящие из него слова, а кроме того, анализ родственных языков позволяют сделать ещё один вывод в пользу того, что общая прародина славян находилась в Карпатском бассейне.*

Заключение

Описанные выше факты свидетельствуют в пользу паннонской теории, предполагая, что возможной общей территорией расселения славянских племён являлся Карпатский бассейн. Отсюда славяне рассеялись в разных направлениях, заселяя все те обширные пространства, где сейчас проживают славянские народы.

Не претендуя на бесспорность своих рассуждений, своей главной задачей автор считает стимулирование дальнейших исследований проблемы прародины славян. Этой своей работой он хочет пробудить интерес к данной теме, продемонстрировать те положения паннонской теории, которые представляют пищу для размышлений как для её противников, так и сторонников, и которые могут дать толчок к дальнейшим научным открытиям в этой области.

Литература

- Жуков Е. М. 1956 - Всемирная история, т. 2. М., 1956.*
Супрун А. Е. 1989 - Введение в славянскую филологию. Мн., 1989.
Трубачёв О. Н. ed.1980 - Этимологический словарь славянских языков. Москва, 1980.
Фасмер, М. 1986 - Этимологический словарь русского языка. Москва, 1986
Bartha D. 1999 – Magyarország fa- és cserjefajái. Budapest, 1999
Bihari J.- H. Tóth I. 1988 - Bevezetés a russzisztikába. Bp., 1988.
Brehm A. E. 1958 - Az állatok világa. Bp., 1958.
Ferenczy E. 1958 - A magyar föld népeinek története a honfoglalásig. Bp., 1958.
Hortobágyi T., et al. 1968 – Növénytan 2 – Növényrendszertan és növényföldrajz. Budapest, 1968.
H. Tóth I. 1996 - Bevezetés a szláv nyelvtudományba. Szeged, 1996.
Hutterer M. 1986 - A germán nyelvek. Bp., 1986.
Molnár S. – Bariska M. 2002 – Magyarország ipari fái. Budapest, 2002.
Peterson R. T. et al. 1977 - Európa madarai. Bp., 1977.
Pfeifer W. - Braun W. 1993 - Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Berlin, 1993.
Pintér K. 1989 - Magyarország halai - biológiájuk és hasznosításuk. Bp., 1989.
Soó R. 1964 – A magyar flóra és vegetáció rendszertani-növényföldrajzi kézikönyve I., Budapest, 1964

**РУССКИЙ ЯЗЫК В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФ. К. ГАДАНИ:
ПРОБЛЕМАТИКА ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
ЦВЕТА**

Основная работа К. Гадани, в которой он исследует русский язык, – это его монография «Сопоставительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках», опубликованная в коллективной монографии: K. Gadány, L. Mojszejenko, V. Mojszejenko. Слово и цвет в славянских языках. - Melbourne, Akademia Press, 2000, с. 5-135.

В этой работе К. Гадани описывает русский язык в сопоставлении с тремя южнославянскими языками – сербским, хорватским и словенским. Исследуются прилагательные со значением цвета - в семантическом, словоизменительном и словообразовательном аспектах. В работе имеется три соответствующие главы. Однако основное внимание К. Гадани уделяет семантическому аспекту, в связи с чем его работа может быть отнесена прежде всего к работам лексико-семантического характера. Ниже речь пойдет именно о семантической проблематике цветообозначений – в их теоретическом аспекте.

1. Иерархия значений многозначного слова. К. Гадани пишет, что когда у прилагательного - одно значение, то это не составляет особой проблемы для описания семантики этого прилагательного: одна форма (звучание, написание) прилагательного соответствует одному значению, как, например, у прилагательных *каурий*, *пегий* (с. 26).

Сложности появляются - при описании семантики многозначного прилагательного, когда у прилагательного, у одной формы, появляется несколько значений, как, например, у прилагательного *серый*. В таком случае для каждого значения надо искать свою форму – дополняющую материальную форму данного прилагательного.

Но прежде всего К. Гадани считает необходимым рассмотреть иерархию значений многозначного слова: какое значение является главным, какое подчиненным и т.д. В решении этого вопроса К. Гадани исходит из опыта русского языкознания, а также из того, как толкуются значения многозначных слов в русских толковых словарях.

У каждого многозначного прилагательного, пишет К. Гадани, есть основное (первичное, исходное) значение. Например, у прилагательного *серый* таким значение является «цвет золы». Остальные значения становятся производными. Прежде всего – такое производное значение, которое тоже, как и основное значение, является номинативным. По мнению К. Гадани, номинативное значение – такое, которое напрямую соотносится с предметом называния; сочетаемость же для него не играет роли. Так, у прилагательного *серый* номинативным значением является не только

основное значение «цвет золы», но и производное значение «пасмурный, облачный (о погоде)». После основных и производных значений у многозначного прилагательного следуют переносные значения, обнаруживающиеся, как считает К. Гадани, только в словосочетаниях. Так, у прилагательного *серый* переносным значением является, во-первых, «непримечательный, бесцветный», появляющееся в сочетаниях типа *серый фильм, серая личность*, а во-вторых, значение «необразованный, малокультурный», которое можно увидеть в сочетаниях типа *серый люд, серая деревенщина*. К. Гадани делает вывод (с. 28), что значения многозначного прилагательного цвета имеют следующую иерархию:

Номинативное:	Основное. Производное 1. Производное 2 ... И т.д.
Переносное:	Первое. Второе... И т.д.

При описании производных и переносных значений К. Гадани показывает на своих схемах-таблицах, от какого номинативного значения исходят производные и переносные значения, по какому признаку происходит перенос значения. Так, на таблице, посвященной значениям прилагательного *серый* (с. 79) можно видеть, как от номинативного значения стрелка идет к производному значению «пасмурный, бесцветный», а – к переносному значению «непримечательный, не выдающийся» и т.д. В толковых словарях эта последовательность в переносе значений передается посредством порядковой нумерации. Линейная последовательность, конечно, менее информативная, чем последовательность, передаваемая в двумерном пространстве у К. Гадани.

2. Статус отдельного значения. К. Гадани пишет, что среди переносных значений надо выделять (если они есть) значения, которые он называет **оценочными** (эмоциональными, экспрессивными) – выражающими положительное или отрицательное отношение говорящего к соответствующему предмету называния (с. 27). Таковым, например, является оценочное (отрицательное) значение «необразованный, малокультурный» у прилагательного *серый*, реализующееся в словосочетаниях типа *серый человек*.

Как известно, выражение отношения говорящего к предмету речи (положительное или отрицательное) является областью прагматики языка. Прагматика – один из трех аспектов употребления языка, наряду с аспектом номинации и аспектом сочетаемости (соотношения с другими словами). В прагматической лингвистике эти три аспекта располагаются в следующем порядке: 1) номинация, 2) сочетаемость, 3) прагматика.

Но отношение говорящего к предмету речи может быть не только положительным или отрицательным, но и нейтральным. Следовательно, оценка присутствует у каждого значения многозначного прилагательного, только она может быть нейтральной. В толковых словарях о нейтральной оценке значения сообщается посредством отсутствия помет типа «высок.», «груб.», «бран.», «ласк.», «неодоб.» и т.п.; последние же сообщают об оценке более дифференцированно, чем «пол.» или «отр.».

Если в обычных, свободных высказываниях (предложениях) отношение говорящего к предмету речи «подвижное» – изменяется от одного говорящего к другому, то в слове эта оценка – «закреплена». Говорящий, употребляя, например, словосочетание *серый человек*, обязательно выражает свое отрицательное отношение к предмету речи. В другом случае, например в словосочетании *серый хлеб*, он обязательно выражает свое нейтральную оценку, хотя в обоих случаях он, может быть, и не хотел этого делать.

В связи с «закрепленностью» оценки за значением каждого слова, за каждым значением многозначного слова, описание прагматического аспекта у каждого слова является обязательным.

3. Границы значения. Объясняя иерархию значений многозначного прилагательного на примере слова *серый*, - К. Гадани использует материал Большого академического словаря русского языка.

В другом толковом словаре русского языка, а именно в Словаре Ожегова, состав значений прилагательного *серый* – несколько отличается. Отсутствует, например, терминологическое значение этого прилагательного (в зоологии: *серый гусь*, *серый медведь* и др.). Некоторые значения слова *серый* у Ожегова квалифицируются иначе, чем в большом толковом словаре, например - значение «пасмурный» (*серая погода*). Ожегов считает это значение переносным, а не прямым, как в академическом словаре.

У К. Гадани состав значений прилагательного *серый* тоже несколько иной, чем в словарях русского языка. В свой список значений К. Гадани включил устаревшее значение «минимальный, первоначальный», выявив его из фразеологизма: *серого понятия не имеет*. К. Гадани сформулировал и одно новое значение, которого во времена составления вышеупомянутых словарей русского языка, по-видимому, еще не было: «опасный, предупреждающий». Выделил это значение К. Гадани из устойчивых словосочетаний: *серая зона* (место размещения атомного оружия), «*Серая книга*» (о возрождении фашизма).

К. Гадани сформулировал также и такие значения прилагательного *серый*, которые могли сформулировать и составители русских толковых словарей, например: «седой, древний» (*серые волосы*), «невидимый, тайный» (*серый человек*, *серый кардинал*). Значение же «ничем не примечательный» (*серый фильм*, *серая жизнь*), имеющееся в русских

словарях, К. Гадани разделил на два значения: 1) «ничем не выдающийся» (*серый фильм*). 2) «скучный, тяжелый» (*серая жизнь*) (с.76-79).

У К. Гадани получилось больше значений у прилагательного *серый*, возможно, потому, что проанализировал больше языкового материала, чем составители русских толковых словарей. Создается впечатление, что если проанализировать материала еще больше, то можно сформулировать и больше значений. И т.д.

То, что из одного значения можно сделать два (а из двух значений – одно), - свидетельствует об отсутствии в лингвистике объективного критерия. Где кончается одно значение и начинается другое? Являются ли некоторые значения отдельными, самостоятельными, или же это варианты одного того же значения? Эти вопросы (о границах между значениям многозначного слова) остаются в языкознании до сих пор, в основном, до конца еще не определенными.

4. Форма значения. При описании плана выражения в языке, например при описании фонем и морфем, в качестве критерия при формулировании единиц используется значение этих единиц, а именно: при отождествлении-различении единиц плана выражения (фонем или морфем) используется критерий тождества-различия в их плане содержания. Так, два (или более) звука речи являются разными фонемами, если они различают значения слов; если же они не различают значения слов, то эти два звука речи – варианты одной и той же фонемы.

В качестве критерия при формировании единиц в плане содержания, в том числе и отдельных значений многозначных прилагательных, должны использоваться, соответственно, единицы плана выражения. Именно: если форма двух значений многозначного прилагательного различна, то перед нами два отдельных значения; напротив, если формы значений не различаются - перед нами одно то же значение, по меньшей мере – два варианта одного значения.

Формой значения слова является прежде всего само это слово – его «материальная оболочка», в соответствии с чем традиционно и утверждается: у одного слова – одно значение, а у другого слова – другое значение; значения – разные, если слова – разные; значение одно то же, если слово – одно то же. Отсюда и традиционные выводы о значениях многозначного слова: у многозначного слова - одно значение, но – имеются «лексико-семантические варианты».

Нельзя сказать, что это утверждение о «лексико-семантических вариантах» – совершенно не правильное. В принципе оно верное, так как - соответствует критерию установления единиц в плане содержания. «Лексико-семантические варианты» имеют одну и ту же форму в виде одного и того же слова.

Однако не только составители толковых словарей, но вслед за ними и многие лингвисты считают, что значения у многозначного слова –

это разные значения. Кстати, и рядовые информанты поступают так же: для них, например, у слова *серый* в сочетаниях *серый хлеб* и *серая повесть* – имеется два значения, а не одно значение. Это чувство языка у информантов опирается (если быть материалистом, а не идеалистом) на различия в формах этих двух значений. И форма не ограничивается только материей слова *серый* (в таком случае было бы одно значение); она дополняется другой материей – ею является прежде всего материя других слов, с которыми сочетается данное прилагательное, соответственно: слово *хлеб* – дополнительная форма для первого значения; слово *повесть* – дополнительная форма для второго значения. В итоге для говорящих первое значение выражается в форме «*серый + хлеб*», а второе значение – в форме «*серый + повесть*»; различаются же эти два значения формами «*+хлеб*» и «*+повесть*»; общее же значение для двух значений – выражается посредством слова *серый*.

Таким образом, в поисках формы, различающей значения многозначного прилагательного приходится отправляться в область сочетаемости данного прилагательного с другими словами, прежде всего, конечно, с существительными, – что и делает К. Гадани, приводя длинные списки словосочетаний, содержащие исследуемые им прилагательные.

Однако К. Гадани приводит списки только устойчивых (фразеологических) словосочетаний, в которых существительные, сочетающиеся с прилагательными, являются формой выражения только периферийных (вторичных) значений прилагательного. Основные же значения прилагательных остаются без указания на то, в какой форме их значения (первичные) выражаются (в чем они отличаются от вторичных значений), хотя именно в своих основных значениях прилагательные цвета и участвуют в огромной массе словосочетаний. К. Гадани считает (с. 27), что в основных своих значениях многозначное прилагательное соотносится с предметом внеязыковой действительностью непосредственно, вследствие чего в номинативном значении прилагательное свободно в своей сочетаемости и никак ею не определяется.

В прагматической лингвистике специально утверждается, что каждое слово определяется употреблением в каждом из своих трех аспектов: 1) номинация, 2) сочетаемость, 3) оценка. Соответственно, многозначное прилагательное имеет формы выражения своих значений в каждом из этих аспектов. Описывая эти формы, можно последовательно переходить от одного из этих аспектов к другому, но можно ограничиться одним аспектом. В случае же с прилагательным конечно же надо начинать с аспекта сочетаемости прилагательного с существительными. К. Гадани неоднократно подчеркивает, что значение цвета (называемое прилагательным) появляются и существует в связи со значением предмета (называемого существительным) (с. 24 и далее).

5. Сочетаемость прилагательного как форма его значений.

Дополнительной (к материальной оболочке слова) формой выражения отдельного значения прилагательного является его сочетаемость с другими словами – с существительными. Именно этим средством пользуются составители толковых словарей при толковании значений многозначного слова, причем – как основным средством, так как «словесные» толкования часто почти ничего не объясняют. См., например, в Словаре Ожегова: *серый* – «цвет пепла». Говорящие обязательно знают значение широкоупотребительного слова *серый*, но могут не знать, что такое пепел и какого он цвета. Правда, после словарного толкования они уже могут получить представление о том, что пепел – серого цвета (получается обратное толкование). Однако когда составитель словаря «приводит примеры»: *серое сукно, серые глаза, серые тучи, серый волк, серая подкладка, серый хлеб*, – то читателю сразу становится почти все ясно в значении слова *серый*. Формой выражения значения прилагательного *серый* в таком случае становятся существительные, с которыми сочетается прилагательное: *сукно, глаза, тучи, волк, подкладка, хлеб* и т.д.

При более полном описании формы значения многозначного прилагательного – требуется не отдельные примеры существительных, а – образование классов существительных, с которыми сочетается прилагательное в данном значении, например – класс существительных, называющих предметы и животных, кратко: «пред.», «жив.». Ср. класс существительных, с которыми прилагательное более просты сочетается: *брат, сестра, секретарь, шофер, кондуктор* и т.п., а именно: **серый брат, *серый шофер, *серый секретарь* и т.д. («так не говорят», т.е. класс, который можно обозначить: «люд.»).

Ср. еще: *серый человек, серая личность, серый писатель* и т.п. – словосочетания лексически правильные («так говорят»). Здесь класс существительных: *человек, личность, писатель* и т.д. – составляют форму для другого значения прилагательного *серый*, которое можно обозначить посредством названия этого класса: «люд. как источник информации; неодобр.». И т.д.

У К. Гадани приведенные выше значения прилагательного *серый* различаются у К. Гадани двумя формами: 1) «цвет», 2) «обычный, ничем не выдающийся, не запоминающийся» (с.76-79), дополненными сочетаемостью данного прилагательного с существительными: 1) *серый забор, серый хлеб*, 2) *серый человек, серая личность*.

Как уже замечено, К. Гадани обращается к сочетаемости прилагательных цвета – только в случае переносных значений, – перечисляя эти сочетания, но не формулируя классы существительных, с которыми данные прилагательные сочетаются. В случае номинативного значения прилагательного цвета, К. Гадани не считает возможным обращаться к исследованию прилагательных в этом значении, ограничиваясь только тем, что «приводит примеры». Впрочем, в этом случае К. Гадани и не дает

толкования этому значению, справедливо полагая, что традиционные определения типа : «*серый* - цвета пепла», - это квазиопределения.

Таким образом, сочетаемость прилагательного с существительным, а точнее – существительные, с которыми сочетается данное прилагательного, а еще точнее – **класс** существительных, с которыми сочетается данное прилагательное, - выступает естественной и объективной формой для выражения **отдельного** значения многозначного прилагательного, а также (добавим) - и формой значения данного прилагательного в целом, например - в системе других прилагательных цвета.

6. Парадигматика прилагательного как форма его значения.

Аспект соотношения слова с другими словами (наряду с аспектом номинации и аспектом оценки) – это, конечно, не только синтагматика (сочетаемость), но также и парадигматика: вхождение данного слова в классы слов, образованные на основе общего для данного слова и других слов признака. Любое другое слово, несколько слов, а в идеале - весь парадигматический класс, в который входит данное слово, - является в таком случае формой выражения значения данного слова; в случае многозначного прилагательного цвета – формой выражения одного из значений этого прилагательного.

К. Гадани при образовании парадигматических классов, применительно к прилагательному цвета, использует ассоциативный эксперимент. Но, на наш взгляд, ассоциативный эксперимент все-таки не решает всех задач. Так, информанты на стимул *серый* дают и такие реакции, как *белый, черный*. Парадигма же *серый, белый, черный* – это парадигма для всех прилагательных цвета, но не парадигма для значения одного слова *серый*. В последнем случае парадигма образуется из следующих прилагательных (см. Синонимический словарь З.Е. Александровой): 1) *серый* – *дымчатый, пепельный, мышинный*; 2) *серый* – *ненастный, пасмурный, хмурый, непогожий* (разг.); 3) *серый* – *невыразительный, безжизненный, бесцветный, бледный, тусклый, неяркий, маловыразительный*; 4) *серый* - *неинтересный, скучный, пресный, нудный* (разг.).

Как можно видеть, каждому из значений прилагательного *серый* соответствует свой синонимический ряд. Каждое их прилагательных этого парадигматического класса, а также весь этот класс в целом, является формой для выражения соответствующего (отдельного) значения прилагательного *серый*. Так, 1-ое значение прилагательного *серый* выражается посредством прилагательных: *дымчатый, пепельный* и т.д.; 2-ое значение – посредством прилагательных: *ненастный, пасмурный* и т.д.

Дефиниции в толковых словарях есть не что иное как синонимические ряды к толкуемому слову, строго говоря – включение толкуемого слова в парадигматику таких же слов. См., например, в Словаре Ожегова: 1) *серый* – *цвета пепла*; 2) *серый* – *посредственный, ничем не замечательный*; 3) *серый* – *малокультурный, необразованный*; 4) *серый* – *пас-*

мурный. См. у самого К. Гадани: 1) *серый* -... (нет синонимов); 2) *серый* – *бесцветный, без цвета*; 3) *серый* – *неопределенный, ничем не выдающийся*; 3) *серый* – *малокультурный, малообразованный*; и т.д. (с. 79).

Видно, что парадигматический класс, в который входит данное слово, является формой выражения значения данного слова, - которая и используется в толковых словарях как способ толкования значения.

Записывать эту форму можно двумя основными способами: 1) «приводить примеры» – называть одно, два, три слова парадигматического класса, в который входит данное слово, например: *серый* – *ненастный, пасмурный* (как это делается в толковых словарях, а также и в работе К. Гадани); 2) называть весь парадигматический класс прилагательных, употребляя для этой цели специальные обозначения, например: «погода» (это тоже иногда спользуется в толковых словарях).

7. Синтагмо-парадигматика как форма значения прилагательного. Парадигматические классы можно создавать с учетом любого признака, общего для слов этого класса (см., например, тематические классы). Но самым существенным признаком для объединения слов в парадигматику является их общая синтагматика – их сочетаемость с одними и теми же словами, применительно к прилагательным – с одними и теми же существительными.

Так, в приведенном выше примере из Словаря Ожегова прилагательные *серый, посредственный, ничем не замечательный* потому оказываются в одной парадигме, что сочетаются с существительными *повесть, существование* (на эту сочетаемость указывает сам Ожегов, когда «приводит примеры»). В результате образуется единая синтагмо-парадигматика: *серый, посредственный, ничем не замечательный (существование, повесть)*.

Аналогичное имеет место в работе К. Гадани. Прилагательные *серый, неопределенный, ничем не выдающийся* составляют одну парадигму, так как сочетаются с существительными *фильм, спектакль, личность* и т.д. В результате тоже образуется единая синтагмо-парадигматика цветообозначений, в которой прилагательные называют «цвет», а сочетаемость их с существительными – указывает на «обозначение цвета» (носителями цвета являются предметы, обозначаемые существительные).

Объяснение значений слов в толковых словарях (и в работе К. Гадани), по сути дела, состоит в том, что толкуемые слова помещаются в синтагмо-парадигматическую систему других слов, с одними из которых толкуемое слово – сочетается (синтагматика), а с другими – образуют общий класс (парадигму) на основании их общей сочетаемости. Читатель словаря (и работы К. Гадани) получает, таким образом, такое описание значений толкуемого слова, с помощью которого, по сути дела, можно 1) распознавать это значение в контекстах и 2) создавать контексты к заданному значению слова. Например, для значения слова *серый*, толкуе-

мого у К. Гадани с помощью синонимов *неопределенный, ничем не выдающийся*, образуются контексты (высказывания) типа: *Фильм - серый, ничем не выдающийся...*

Итак, своим полным виде формой значения многозначного прилагательного является не только само это прилагательное (его «материальная оболочка»), - но вместе с ним (в дополнении к нему) и целая синтагмо-парадигматическая система слов – прилагательных и существительных, например (приведенный выше материал из Словаря Ожегова и работы К. Гадани объединим вместе): *серый, посредственный, ничем не замечательный, неопределенный, ничем не выдающийся* (существование, повесть, фильм, спектакль, личность). Форма данного значения прилагательного *серый* – это все прилагательные и существительные, входящие в приведенный синтагмо-парадигматический блок.

Располагая описанием цветообозначений в такой (полной) форме, можно 1) **создавать** тексты, выражающие заданное значение, беря с этой целью из соответствующего синтагмо-парадигматического блока любые нужные слова в любом их количестве, например: *Эти фильмы и спектакли были серые, посредственные, ничем не примечательные*. Можно также и 2) **анализировать** тексты, распознавая в них цветообозначения, находя в этих текстах слова, относящиеся к данному синтагмо-парадигматическому блоку, например – со значением: *Личность была серая, ничем не выдающаяся...* И т.д.

При наличии подобного (подробного) описания цветообозначений в языке – может создавать (по заданным словам) и анализировать тексты (находя в них слова со значением цвета), в принципе, не только человек (студент), но компьютер.

8. Семантический язык как форма описания значения. Каждому из синтагмо-парадигматических блоков, выражающих одно из значений цвета, можно (и надо) добавлять его наименование, которое одновременно является и еще одной формой выражения этого значения. Эти названия должны быть понятны не только человеку (студенту), но и компьютеру. Этими названиями не могут быть обычные дефиниции значений слов, применяемые в толковых словарях типа: «*Серый* – цвет, получающийся из смешения черного с белым, цвет пепла (см. словарь Ожегова).

Необходимо создание специального семантического языка, **словарем** лово – ом, применительно к цветообозначению, являются названия классов существительных, входящих в упомянутые синтагмо-парадигматические блоки, записываемые, например, следующим образом: «пред.», «люд.», «погода», «источник инфор.», «неодоб.» и т.д., а **синтаксисом** – сочетания этих компонентов, например: «люд. + неодоб.» (подчинение), «люд. + жив.» (сочинение) и т.д.

Если исследователь осознанно работает в направлении создания синтагмо-парадигматических блоков, то семантический язык образуется у

него как бы сам собой. Блоки, по мере их формирования, пересекаются друг с другом, один блок включается в другой и т.д., - семантический язык помогает во всем этом разбираться «на месте». С помощью его компонентов сразу же достигается и различение, и отождествление блоков во время построения их иерархии. «Семантические компоненты» в этом случае работают так же, как и «дифференциальные элементы» при построении фонологических систем.

Располагая созданным таким способом семантическим языком, можно с его помощью (образуя из семантических компонентов применительно к каждому цветообозначению определенные наборы компонентов) – охарактеризовать и номинативное употребление цветообозначений – прилагательных и существа дополняе вместе.

9. Семантический язык для описания номинативного значения. Каждое прилагательное, в том числе и многозначное прилагательное в каждом из своих значений употребляется как в аспекте сочетаемости, так и в аспекте номинации. *Серый (фильм)* - это тоже номинация, как и *серый (пиджак)*; значение в *серый (пиджак)* - тоже определяется сочетаемостью с другими словами, как и значение в *серый (фильм)*. Достаточно убрать из скобок слово (в приведенных примерах), как становится уже неизвестно, о каком значении слова *серый* идет речь.

Для описания каждого из аспектов можно создавать свой собственный, отдельный язык. Но поскольку номинативное и «сочетаемостное» значение слов тесно друг с другом связаны (прилагательные сочетаются в зависимости от их номинативного значения, а их номинативное значение – определяется их сочетаемостью), то при описании значений прилагательных полезно (и необходимо) создавать **один** семантический язык – для описания обоих аспектов, для обеспечения единства в описании значений прилагательных в этих аспектах (в соответствии с объективно существующим единством этих аспектов).

С какого аспекта начинать описание и, соответственно, - создание семантического языка?

Если начинать с описания номинативного употребления цветообозначений, но надо будет данную понятийную область, «покрываемую» некоторым, заранее (в таком случае) отобранным списком прилагательных со значением цвета, членить на составные части, - используя сведения из области физики цветового спектра, из области биологии и психологии восприятия цветов спектра и т.п. Но такое описание значений прилагательных, сам семантический метаязык, появляющийся в процессе такого описания, - не будут собственно языковыми категориями. Значения прилагательных, представленных таким способом, невозможно совместить с тем, как эти прилагательные употребляются в тексте; сам семантический язык невозможно уже приспособить к описанию синтагмопарадигматической организации прилагательных.

Ср., например, описание терминов родства. Казалось бы, создавались неплохие семантические системы для расчленения понятийной области. Семантические компоненты при описания значений этих терминов, казалось бы, работали не хуже, чем дифференциальные элементы в фонологии. Однако эти семантические системы не могли использоваться при описании употребления этих терминов в речи – в сочетаемости с другими словами, например – с глаголами, - хотя значения этих терминов в этих двух аспектах употребления (при номинации и при сочетаемости) должны быть тождественными.

Термины родства – это прежде всего существительные, у которых на первом месте находится аспект номинации, а не аспект сочетаемости. Это провоцировало исследователей терминов родства «напрямую» изучать понятийную область, абстрагируясь от области употребления этих терминов в речи, - исходя из умозрительных рассуждений о родстве в природе и биологии и т.п. Конечно, описывать с помощью таким способом созданным семантическим языком понятийную область – можно, но – насколько полученная «картина мира» совпадет с той «картиной мира», которой пользуются говорящие, употребляющие эти термины? Как известно, описания терминов родства (в аспекте номинации) - не использовались при объяснении употребления этих терминов в речи (в аспекте их сочетаемости); «картины мира» оказывались разными.

К. Гадани имеет дело с терминами цветообозначения которыми являются прежде всего прилагательные, которые обязательно сочетаются с существительными. Имеется прямая подсказка, что строить метаязык для описания цветообозначения надо в процессе изучения употребления прилагательных в их сочетаемости с существительными.

В таком случае в систему цветообозначения вовлекаются не только собственно цветообозначения (*серый*), но и не собственно цветообозначения (*пасмурный, малообразованный*), о существовании которых при умозрительном построении семантического языка (исходя, например, из физической теории цветового спектра) совершенно невозможно догадаться. Более того, в системе цветообозначения, представленной синтагмо-парадигматическими блоками, оказываются не только прилагательные (*серый, необразованный*), но и едва ли не в первую очередь – существительные, непосредственные носителями цвета (что К. Гадани постоянно подчеркивает), причем не только существительные типа *пиджак, глаза, хлеб*, но и существительные типа *повесть, жизнь, личность*, о чем, тем более, невозможно догадаться, занимаясь «независимым» анализом понятийной области цветообозначений.

Вывод состоит в том, что, создавая семантический язык для описания формы значения прилагательных цвета, - надо начинать с исследования этих прилагательных (не исключая и «номнативных») в аспекте их сочетаемости, вхождения их в парадигматические классы. Располагая уже семантическим языком, можно затемохарактеризовать и номинатив-

ное употребление этих прилагательных (и существительных), беря их в узком или широком составе.

Диахронически каждое слово, в каждом из своих значений, появляется для номинации явлений объективной действительности, но в синхроническом употреблении в речи эта номинация определяется сочетаемостью с другими словами, вхождением слова в синтагмо-парадигматические связи, которые и становятся для говорящих общепринятой для них формой выражения значения данной номинации. Ведь не случайно составители толковых словарей помещают толкуемое слово в сочетаемость с другими словами («приводят примеры») и в синонимические ряды («подбирают синонимы»).

Что касается аспекта оценки предмета номинации, то – это, все-таки, не особый, третий аспект употребления значения слова (как принято считать в лингвистической прагматике), а составная часть номинативного аспекта, - передаваемая в семантическом языке специальными компонентами («неодоб.» и др.), которые дополняют компоненты непосредственно номинативного характера («пред.», «люд» и др.), соединяясь с ними в семантическом языке подчинительной или сочинительной синтаксической связью. В итоге приходится говорить всего лишь о двух аспектах употребления слова как знака и исследовать и исследовать это употребление в следующем порядке: 1) аспект соотношения слова с другими словами, 2) номинативный аспект.

Заключение. 1. Положительное значение монографии К. Гадани состоит прежде всего в том, что ее автор, на материале многозначных прилагательных цвета, обсуждает едва ли не самую **главную проблему** языкознания: соотношение между формой и значением в словесном знаке, при этом – на самом сложном участке этого соотношения, когда между формой и значением нет однозначного соответствия, когда, в частности, у одной формы образуется несколько значений и когда в дополнении к форме, каковой является само слово, должны быть еще формы - в виде сочетаемости слова с другими словами, в виде вхождения слова, на основе сочетаемости, в классы других слов.

Данной проблеме в одной только русистике посвящено множество специальных работ, в том числе и обширных монографий (К. Гадани анализирует наиболее известные из этих работ, например работы таких авторов, как Д.Н. Шмелев, Ю.Д. Апресян, С.Д. Кацнельсон, В.Н. Телия и др.). В дискуссиях по этой теме сломано много копий. То, что К. Гадани тоже обсуждает эту проблему, делает честь ему как лингвисту.

Трудно ожидать, что в одной работе, у одного автора, эта сложная проблема может быть решена «окончательно и бесповоротно», тем более что для автора работы эта проблема и не была самой главной. Главное внимание К. Гадани уделяет сравнению-сопоставлению языков, а в связи с этим, значит, сопоставительно-типологической проблематике. Но дело

в том, что прежде, чем что-то сравнивать, надо располагать тем, **что** сравнивать. У К. Гадани – это состав значений многозначного прилагательного цвета. Поэтому ему надо было формулировать средства для различения этих значений – применительно к каждому прилагательному каждого из четырех языков. Несомненно, что для этого потребовалась соответствующая методология – позволяющая однозначно соотносить **форму и значение** в прилагательных, вырабатывать соответствующие решения.

2. Так, в работе К.Гадани становится более ясным такой вопрос, как **аспекты в значении** слова: 1) номинативное значение, 2) эмотивное значение и 3) значение, приобретаемое словом в соотношении с другими словами.

Что касается соотношения между этими аспектами, то К. Гадани решается этот вопрос в основном традиционно: 1) номинативное значение слова отделяется от сочетаемости слова, 2) «сочетаемое» значение (называемое «переносным» значением) слова не рассматриваются как номинативное значение; 3) эмотивное значение появляется как «сочетаемое» значение, а значит, не рассматривается номинативным.

Надо, все-таки, полагать, что каждое слово одновременно употребляется в каждом из названных аспектов: 1) называет реалию, 2, сочетается (соотносится) с другими словами, 3) выражает отношение говорящего к реалии, (обычно – нейтральное отношение). Весь материал монографии К. Гадани, даже все рассуждения К. Гадани по этому вопросу убеждают в этом.

3. В качестве **семантического языка** (метаязыка описания значений) К. Гадани использует обычный, повседневный язык, как это делают традиционно и составители толковых словарей. Компонентами этого семантического языка являются отдельные толкования отдельных значений слов. Однако сравнивать эти компоненты, с целью различения и отождествления значений слов, – объективно очень трудно. Этих компонентов – столько, сколько толкований; содержание их изменяется от одного толкования к другому. Этот метаязык практически так же бесконечен, как и описываемый с его помощью язык-объект. При описании семантики всегда встает вопрос о необходимости создания специального метаязыка (в морфологии в роли метаязыка часто используются сами описываемые факты – суффиксы, флексии, приставки и др., что тоже не вполне совершенно)).

У К. Гадани открываются **большие перспективы**: располагая таким богатным материалом, как прилагательные со значением цвета, – создать семантический язык, прежде всего – для описания этих прилагательных, а затем, на этой основе, выработать принципы составления семантического метаязыка для описания других категорий лексики. Богатым этот материал является потому, что 1) прилагательных со значением цвета сравнительно не очень много (как и терминов родства), по

сравнению, например, с другими тематическими группами лексики (см., например, каждую из «разговорных» тем, которые изучаются студентами: «Квартира», «Семья», «Транспорт» «Магазин» и др.); 2) прилагательные обязательно сочетаются с существительными – и обязывают исследователя создавать семантический язык прежде всего для описания их значений в их сочетаемости, а не в их понятийной области; которую можно описать уже располагая «готовым» семантическим языком.

Конечно, описание конкретной лексической сочетаемости слов, формирование, с учетом этого синтагматического признака парадигматических классов – не простое дело. Прежде всего – из-за большого количества пар «прилагательное + существительное», которые, образовав, придется проверять на их правильность: «так говорят» или «так не говорят», ср.: *серый писатель, серый брат, серый от пыли брат, серая пыль* и т.д. Основными информантами и в этом случае будут составители толковых словарей. Но потребуются и «рядовые» информанты, одним из которых может быть и исследователь, знающий данный язык.

Iwtvan Fen>vewi (Szeged)

**NAVSTRECU 90-LETI} VENGERSKOGO LITERATUROVEDA-RUSISTA
(BELA LEND#EL# 1915 - 1997)**

Stanovlenie ka[dogo celoveka rewa]`im obrazom zavisit ot ego duxovnogo, semejnogo tyła.

Izvestnye vengerskie literatory 19 i 20 vv. - |lek Benedek, pareskazavij skazki narodov Evropy, brat>h Paladi - po\t Lajow i filosof Men>xert, pisateli Denew i Bala[Lend>eli - vot nepolnyj perecen> blizkix rodstvennikov nawego geroh. (Nel>zh xoth by ne upomhnut> i tureqku] po\tessu Nighr - doc> brata pradeda, stavwego v \migracii posle 1849 goda direktorom voennoj akademii v Konstantinopole.) |to ix intellektual>noe nasledie tak[e rabotalo v nem pri vozniknovenii pristol>nogo interesa k literature, v stremlenii postic> rezul>taty me[literaturnyx kontaktov.

Vengersku] i germansku] filologii] on izucal v Budapewtskom uiversitete pod rukovodstvom takix učenyx kak Tivadar Tineman, Zoltan Gomboq i Bela Zolnai. Nemalu] rol> v ego duxovnom roste igrali i kollegi otqa-ucitelh, kak napr. Antal Serb¹.

Cudom vy[iv vo vtoroj mirovoj vojne, on prekrasno vyucil ruskij hzyk, i v 1946 godu polucil diplom rusista, cto opredelilo vs] ego dal>nejwu] [izn> i korennym obrazom raswirilo ego naucnye interesy.

Qentral>noj sferoj naucnyx interesov B. Lend>elh stalo izucenie me[kul>turnyx svhzej i tipologiceskix sootvetstvij / razlicij. |tim problemam posvh`eno pocti vse ego tvorcestvo, vkl]ca]`ee 5 monografij i mno[estvo statej* .

¹ T.T. Lengyel Béla. Könyvvilág, 1995, április.

* V krugozor ucenogo vxodili i takie temy kontaktologii, kak nacalo ruskogo vosprihtie K.Miksata i {. Moriqá, dehtel>nost> Jene }xasa D>eri, sostavivwego v gody voroj mirovoj vojny antologii ruskoy po\zii, problemy tipologii i dr. Zametny ego zaslugi i kak sostavitel-h-redaktora - pervoj ucebnoj antologii literatury narodov SSSR na vengerskom hzyke, antologii "Ars poetica v mirovoj literature", vuzovskah xrestomatih po sravnitel>nomu lite-

Nacalo vsemu \tomu polo[eno v doktorskoj dissertacii 1937 goda o **vosprihtii Niqwe v Vengrii 1890-1910-x godov**². Osnovnye polo[enih \toj knigi "vy[ili"i v posledu]`ie vremena, kogda nemeqkij filosof v rezul>tate upro`ennogo podxoda v uzko-politiceskix qelhx byl ob>hvlen predtecej fawizma. Niqwe, kak poka[et nawe dal>nejwee izlo[enie, ostanetsh "vecnoj l]bov>]" B. Lend>elh.

Porobotav posle 1945 goda nekotoroje vremh direktorom wkoly, a zatem naucnym sotrudnikom v universitetskoj biblioteke, on byl priglawen na kafedru vsemirnoj literatury Budapewtskogo universiteta, gde rabotal do samogo uxoda na pensi]. Ctenie lekqij po russkoj literature XX v. podtolknulo ego k izucenij istorii vosprihtih sovetskoj literatury v Vengrii v me[voennyj period.

Pervyj variant obob`enih issledovanih \toj temy v ob<eme svywe polusotni straniq byl gotov u[e k 1951 godu, odnako emu ne su[deno bylo uvidet> svet: nabor pomestivwego ego sbornika byl rassypan po toj pricine, cto Lend>el> rassmatrival zdes> i "vengerskie sud>by" russkix avtorov, repressirovannyx v stalinskie vremena.

Kniga "**Sovetskah literatura v Vengrii 1919 - 1944**³ " (na osnove kandidatskoj dissertacii) vywla v 1964 godu. K \tomu vremeni u[e byli opublikovany raboty drugix literaturovedov o vengerskom vosprihtii Mahkovskogo i Woloxova, o roli [urnala moskovskix polit\migrantov "Uj Xang" v dele propapagandy sovetskoj literatury (vse po ukazannomu otrezku vremeni). |ta kniga vse [e hvilas> podlinnym sobytiem v vengerskoj kontaktologii. H. |l>bert v svoej regeziii⁴ spravedlivo pisal, cto k dvum param familij - Xadrovic i Galdi (sostaviteli bol>wogo russko-vengerskogo i vengero-russkogo slovarej), Kozoca i Rado (redaktory svodnoj bibliografii vosprihtih russkoj literatury v Vengrii za 1828-1944 gg.), stavvim u[e nariqatel>nymi ("a Hadrovics - Gáldi, a Kozocsa -

ratrovedenij]. Otdel>nah tema - istorih ego vzaimootnovenij s izvestnym lamandskim xudo[nikom F. Mazereelem.

² Nietzsche magyar utókora. Bp. 1938. Minerva könyvtár, 125.sz.

³ Szovjet irodalom Magyarországon. 1919-1944. Akadémiai kiadó 1964.

⁴ Elbert János. Élet és irodalom, 1964. 24.sz.

Radó“), teper> prisoedinitsh e`e odna familij - Lend>elh kak avtora takoj [e, kak te, nastol>noj knigi otecestvennyx rusistov.

Delo v tom, cto, xoth v bibliografii Kozoca - Rado (1956) u[e figurirovali mnogie dannye o vosprihtii porevoljcionnoj ruskoj literatury, zdes> naligo polnota oxvata materiala (v bibliografii Kozoca - Rado net i poloviny dannyx Lend>elh): on procesal svywe sta ediniq periodiki, v t.c. i vs] (ne tol>ko moskovsku], no i zapadnu] \migrantsku] pressu, izdannye ranee v Vengrii istorii ruskoj (Seman, Bonkalo) i zarube[noj (A. Serb) literatur, da[e hzykovedceskie [úrnyaly i opisanih putewestvij, ne govorh o bol>wom memuarom materiale. On provel i sobstvennye arxivnye izyskanij. V rezul>tate u citatelh skladyvalas> ube[dennost> v tom, cto izvestnost> \toj literatury nacalas> ne s 1945 goda i cto \ta literatura stala odnim iz faktorov formirovanih vengerskogo ob`estvenogo soznanih. Zdes>, nakoneq, obreli svoe zakonnoe mesto vse imena bol>wix masterov, scitavwiesh e`e nedavno politiceskimi tabu.

Ves>ma naglhdna byla v knige podaca materiala: krome xronologiceskogo osve`enih faktov zdes> rassmatrivalos> vosprihtie sovetsoj literatury i so storony otdel>nyx vengerskix pisatel>skix napravlenij i gruppirovok. Vydelennoe v otdel>nu] glavu vosprihtie Gor>kogo su`estvenno dopolnhlo kartinu, tak [e, kak i obzor vengerohzycnoj pecati sosednix stran, a tak[e \migrantov, [ivwix v Vene, Berline, Pari[e i Amerike. Oboga`alos> vse \to pokazom osnovnyx momentov regepqii ruskogo sovetkogo teatra, kino, izobrazitel>nogo iskusstva i muzyki.

Kritika teplo vstretila knigu, ne umalcivah i o tom, cto nerovnyj uroven> analiza kak by prevra`aet otdel>nye ee mesta v annotirovannu] bibliografi], cto ne vseгда dostatocno realizuetsh edinstvo materiala i vytekal`ix iz nego vyvodov, po\tomu, xoth avtor i stremitsh k summiru]`ej obrisovke vsej kartiny vosprihtij, vmesto geneticeskogo izobra[enih proqessov razvitih neredko prohvlhetsh registraionnah, opisatel>nah tendenqih.

Novyj vzlet mysli B. Lend>elh prohvish v knige "Gor>kij i Niqwe. Dva gimna o Celoveke⁵" (1979). Ona vsh o polemike Gor>kogo i Niqwe na istoriceskom rube[e, v kotoroj hrko prohvilas> dialektika edinstva i bor>by protivopolo[nostej.

V knige t`atel>no prosle[ivaetsh svoeobraznyj "dialog", kotoryj Gor>kij vel s Niqwe v tecenie vsego svoego tvorceskogo puti.

Netradiqionno u[e nacalo knigi: glubokij po vspawke i wirokij po oxvatu analiz vzaimootnowenij dvux avtorov predvarhetsh reprodukqihmi ix skul>pturnyx portretov (raboty Wadra i Klingera), podtver[da]`ix dogadki sovremennikov o da[e cisto vnewnem ix sxodstve.

Kompozicijih monografii cetko oxvatyvaet cetyre perioda, kotorye, odnako, ne vseгда sovpadat s privycnoj periodizacijej gor>kovskogo tvorcestva, poskol>ku zdes> glavnyj prinqip - \to xarakter ix vaimootnowenij. Vsled za avtorom vidim, kak Gor>kij znakomilsh s proizvedenihmi Niqwe, kakie sledy znakomstva obnaru[iva]tsh v ego perepiske, zahvlenihx i xudo[estvennyx proizvedenihx, kak on vosprinimal nemeqkogo filosofa i kakim obrazom polemiziroval s nim v razlicnye periody, kakie niqweanskie motivy i remisqenqii pohvlhlis> v ego tvorcestve. V kacestve svoej neposredstvennoj qeli Lend>el> otmecaet istoriko-filologiceskoe issledovanie otnowenih Gor>-kogo k Niqwe, a v bolee ob`em plane - stremitsh dat> predstavlenie o slo[nosti i mnogomernosti literaturnogo vosprihtih i vlihnih.

"Po mere togo, kak Gor>kij, rastvorhh v sebe mysli, oboroty i obraznyj mir Niqwe, otvlecennyj, polnyj nerazrewimyx protivorecij, no okazyval`ij crezvycajnoe vlihnje mhte[nemeqkogo filosofa-po\ta napolnhet konkretnym soqial>nym soder[aniem: ugrozoi boshkov, a zatem geroizmom revolqionerov, on tem samym preodolevaet negativnye tendencii mywlenih Niqwe s pomo`>] ego [e oru[ih, i stavit Niqwe "s golovy na nogi". V \tix slovax vstupitel>noj glavy kak by rez]miruetsh vse soder[anie knigi.

Predmetom glavnogo vnimanij Lend>elh hvlnhetsh pervoe tvorceskoe deshtiletie Gor>kogo, zaverwal`eesh

⁵ Gorkij és Nietzsche. Két himnusz az Emberről. Akadémiai kiadó, 1979.

sozdaniem po\my "Celovek". (|ta glava zanimaet bolee treti vsej knigi.) S grustnoj ironiej on otmecaet: xoth vsemi sovremennikami edinodumno priznavalos> svoeobraznoe, pravda, protivorecivoe rodstvo Gor>kogo i Niqwe, sovetskoe literaturovedenie (osobenno poslevoennoe) ne tol>ko ne bylo gotovo razobrat>sh v xaraktere i istokax \togo fenomena, no poroj bukval>no otrigalo nalicie \tix vzaimosvhzej, cto e`e bolee utver[dalo nawego avtora v stremlenii raskryt> sine ira et studio vse grani tipologiceskogo sozvučih.

V vospominanihx sovremennikov otmecaetsh rodstvo Niqwe i Gor>kogo s sil>nymi l]d>mi stal>noj voli, v gor>kovskix pis>max \togo vremeni vyskazyvaltsh mysli o serosti me`anstva i vozvyywenosti odinocestva. Dostojnoj celoveka Gor>kij - parallel>no s Niqwe - scitaet liw> bespokojnu] [izn>bojqa. Pis>mo k Posse 1901 g., napr., zvucit kak gimn vsesili] celoveka. V publiqistike sarkasticeskah kritika [izni malen>kix gorodov vylivaetsh v universal>noe otriganie bur[uaznogo ob`estva. U russkogo pisatelh galereh priznavaemyx im geroev prostiraetsh ot kavkazqa Kerima do Sirano.

V rasskazax 90-x gg. motiv bolota i lhguek hvlhetsh isxodnym momentom dlh allegoriceskoj pary protipolo[nostej. Pohvlh]tsh dva tipa sil>nogo celoveka: [ertvu]`ij soboj geroj (v "Makare Cudre" i Kowut stavitsh v \tot rhd) i prekrasnyj zver>, priznal`ij liw> svoi zakony. Cerez motiv ptiqy vvoditsh pafos "bezumstva xrabryx". "Staruxa Izergil>" - kongentrirovannah summa niqweanskix idejnyx motivov \togo vremeni. Nedovol>stvo tvorceskogo celoveka soboj, ponimanie literatury ne kak sredstva utewenih, a kak rycaga pomo`i celoveku poverit> v sebh - vse \to pereklikaetsh s filosofiej Niqwe. Luka v "Na dne" voplo`aet problemu pravdy i l[i qelikom v niqweanskom smysle. (|to bylo priznano liw> v 1963 godu, v knige S. Kastorskogo o dramaturgii pisatelh.)

Po\ma "Celovek" v konqepqii Lend>elh - vexe v tvorcestve Gor>kogo, zdes> summiruetsh vse soder[anie rannego tvorcestva: [izn> - \to bor>ba protiv vsego, cto kalecit celoveka, zakabalhet ego i vnuwaet emu mysl> o bessilii, bessmyslennosti [izni, budit v nem

strax pered smert>]. Nad vsem \tim sposoben podnht>sh liw> dejstvennyj, tvorceskij, ne `adh`ij sebh Celovek, kotoryj probivaet put> v budu`ee qenoj svoej tragiceski prekrasnoj gibeli.

V \tom qentral>nom razdele knigi Lend>el> vystupaet vo vseoru[ii filologa: t`atel>no perebirah momenty rodstva mysli, paralleli o svobodnoj, tvorceskoj licnosti, on ne menea `epetil>no sopostavlhet i su`estvennye rasxo[denih, gluboko prinikah v mir struktury romanticeskix obrazov avtorov - ix metafor, simvolov i slovesnyx konstrukcij, vyhvlhh kontrastnost>, \kstaticesku] giperbolicnost>, alliteraqqii i assonansy, stoh`ie na slu[be hzykovej dinamiki.

V 1904-1917 gg. u Gor>kogo snova vozvra`altsh motivy vosxvalenih sily i tvorcestva, gordosti, prezrenih k slabym, otkaza ot filantropiceskogo socuvstviih. Pisatel> vidit i put>, mogu`ij vesti k reakqii (xoth, utver[dah mysl> o mnogogrannosti duwi Niqwe, on vystupaet protiv odnostoronnego, reakcionnogo ee istolkovanih), i vozmo[nyj povorot ot ul>traindividualizma k soqializmu. Gor>kij otvergaet antidemokratizm Niqwe, ego pessimizm. Vozniknovenie novogo ob`estva, scitaet on, vozmo[no liw> v sozdanii garmonii dlh razvernuvwejsh licnosti i kollektiva. Ots]da bicevanie aziatskoj otstalosti strany, stremlenie k glubokomu naqional>nomu samopoznani] ("Dve duwi"). V "Nesvoevremennyx myslhx" (nazvanie qikla tak[e napominaet "UnzeitgemäÙe Betrachtungen") on vystupaet protiv "vremeni" i vydvigaet naibolee zlobodnevyne mysli - strax za revol]qi] i za kul>туру.

"Kak ni oto[destlhetsh Gor>kij s delom revol]qii, - obob`aet avtor itogi \togo peroda, - kak hsno on ni vidit i da[e bicuet retrogradye \lementy mywlenih Niqwe i ix ispol>zovanie reakqiej, vse [e geroiceskij individualizm, vdoxnovlhemyj "Zaratustroj", prodol[ael prisutstvovat> v ego proizvedenihx v ule izvestnyx po predydu`emu \tapu oborotax."

Deshtiletie do vozvra`enih v SSSR v 1928 godu - period krizisa Gor>kogo, poiskov im mesta celoveka-tvorqa v trudno ponimaemyx povorotax istorii.

V izdatel'skie plany "Vsemirnoj literatury" on vkljcaet tri glavnye knigi Niqwe. V pis'max k pisatel'm podcerkivaet polo[itel'nye storony v filozofe. Vozvelicenie im duxovnogo aristokratizma pisatel'h vosxodit k geroiceskomu individualizmu iz "Zaratustry". V to [e vremh Gor'kij u[e neredko pricislhet Niqwe k pessimistam, kotorye otrigalt svobodu dejstvih celoveka.

Lend'el' v pervye daet razvernutyj "Niqwe-gentricskij" analiz (v osnovnom zamalcivaemyx v sovetskom gor'kovedenii) proizvedenij \togo perioda, takix kak "Rasskaz o geroe", "Karamora", "Rasskaz o neobyknovennom" i dr.

Posle priezda iz Italii nabl'daetsh korennoj perelom v ego oqenke Niqwe: on prisoedinhetsh k ob'emu ideologiceskomu xoru, scita[em]u filozofa ideologiceskoj predtecej fawizma. V sootvetstvii s \tim on zadnim cislom pytaetsh preumen'vit' znacenie vlihnih nemeqkogo filozofa na nego v molodosti, cto neizbe[no] privodit k osu[deni]u im svoix proizvedenij romanticeskogo perioda. Imh Niqwe voznikaet v tekstax \togo perioda sotni raz, no v osnovnom v negativnom kontekste. V doklade na pervom s'ezde sovetskix pisatelej u[e prhmo stavitsh znak ravenstva me[du] Dostoevskim, Niqwe, dekadenciej i fawizmom. Figury Klima Samgina i Marii Zotovoj v poslednem ego romane skroeny vo mnogom iz idej Niqwe. |to ob'hsnhetsh tem, cto kak izmenenie ego sobstvennyx vozzrenij pod vlihnem sgu`a[em]ejsh sovetskoj atmosfery, tak i istoriceskie sobytih v Evrope vysvetili dlh nego mificeskij, irraqional'nyj xarakter kartiny mira Niqwe.

Iz podyto[iva]`ix vyvodov knigi podcerknem: Niqwe byl nu[en] russkomu ob'estvu (i Gor'komu) glavnym obrazom kak oblicitel' ob'estvennoj l[i, utver[da]`im geroicesku] romantiku. Mysl' Niqwe "celovek - \to necto, cto dol[no] byt' prevzojdeno", t.e. celovek kak most k budu`emu stanovitsh odnoj iz qentral'nyx idej Gor'kogo. Blizost' i odnovremenno protivopolo[nost] ix vzglhdov na demokraciu, na [en`inu, na iskusstve, na geroe i filistera i dr. - vse \to cast' ix plodotvornoj polemiki, prixoda Gor'kogo ot niqweanskoj filozofii otcahvwegosh

dejstvih deklassirovannyx k posti[eni] filosofii razumnogo dejstvih.

"Niqwe l]boj qenoi xotel verit>, no - ne mog verit>, Gor>kij [e xotel verit> - i veril v Celoveka" - \tim glavnym vyvodom, podgotovlennym vsej strukturoj, neprostym xodom mysli i ubeditel>nost>] svoego razvetvlenogo filologiceskogo apparata zakl]caet Lend>el> svo] knigu.

U[e iz skazannogo vidno, kakoe mesto v literaturnoj kartine mira poslevoennoj \voll]qii Lend>elh zanimal Maksim Gor>kij. V 50-60-x gg. on otkryl neizvestnu] ranee stat>] ruskogo pisatelh v vengerskoj pecati 1907 g. o podavlenii Nikolaem I vengerskoj revol]qii 1848-49 gg.⁶ Perevel na nav hzyk "Pesn] o Burevestnike"⁷, a tak[e va[nye mesta iz perepiski Gor>kogo, svhzannye s Vengriej⁸. Sdelal obzor knig navix avtorov, imevwixsh v poslednej licnoj biblioteke pisatelh i pomet v nix⁹. Postavil vopros o vlihnii i vzaimosvhzhx me[du Gor>kim i vengerskim xudo[nikom D. Derkovicem¹⁰. Vse \to bylo ego licnym vkladom v ob`ee gor>kovedenie. Naucnah konferenqih "{ivoj Gor>kij", provedennah v 1985 g. Stolicnoj bibliotekoju ego imeni sovместno s DSNK i Solzom vengerskix pisatelej, nedarom porucilo emu kak starejwine otecestvennyx gor>kovedov vstupitel>nyj doklad "Moj put> k Gor>komu"¹¹. Interes k pisatel], uglubivwixsh v xode raboty nad knigoju "Dva gimna o Celoveke", kogda on kriticeski osvoil prakticeski vs] literaturu o Gor>kom, logiceski privel ego k napisani] pervoj na vengerskom hzyke (da takoj i po-russki za poslednie polveka ne bylo) monograficeskoju knigi „Gor>kij” (1983)¹².

V kacestve glavnogo dostoinstva knigi kritika otmetila "razykonizaci]" - vozvra`enie obrazu pisatelh oblika [ivogo celoveka, ne liwennogo i

⁶ Gorkij ismeretlen írása I. Miklós cárról - a magyar sajtóban. Filológiai Közlöny, 1959. 1-2.sz.

⁷ Világirodalmi antológia, V.k. A XX. század irodalma. I.r. Bp. 1958. Tankönyvkiadó.

⁸ Magyar vonatkozások Gorkij leveleiben. Filológiai közlöny, 1960. 2.sz.

⁹ Gorkij családjánál. Nagyvilág, 1958. 3.sz.

¹⁰ Derkovits és Gorkij. Filológiai közlöny, 1960. 2.sz.

¹¹ Utam Gorkijhoz. Az élő Gorkij. Kossuth kiadó, 1987.

¹² Gorkij. Gondolat, 1983.

glubokix cert protivorecih myslitelh, kotoryj za svoe bolee cem sorokaletnee tvorcestvo pere[il mno[estvo dramaticskeix povorotov i preodolel rhd glubokix krizisov, a v konce [izni podvergsh vlihnij stalinskoj ideologii, cto tragiceski otrazilos> na su[denihx potomkov o pisatele v gelom.

Kniga predel>no s[ata: Lend>el> vsego na trex sotnhx straniq, v 14 t`atel>no sostavlennyx glavax uspevaet obozret> vs] gorizonta> tvorcestva pisatelh, kasahs> sta ego va[nejwix proizvedenij razlicnogo [anra i ob<ema, ot rannix rasskazov i statej do p>es i romanov, vkl]cah "{izn> Klima Samgina". O vnutrennix proporqihx knigi mo[no sudit> po tomu, cto dve treti ob<ema posvh`eno dorevol]gionnomu tvorcestvu pisatelh. V spiske ispol>zovannoj literatury - u[e kak bezuslovnyj priznak agonii bre[nevsko-kadarovskoj sistemy - ravnopravnoe s vengerskimi i sovetskimi avtorami prisutstvie trudov takix, ranee kak by "ne su`estvovavwix" dlh nas ucenyx Evropy i Ameriki kak Xoltxuzen i Lejtenbauer, Mirskij i Wröder, Slonim i Struve.

Kniga v svoix osnovnyx vyvodax ne ustarela i za provedwie dva deshtiletih istoricskix peremen. Akademik I. Wëter spravedливо pisal v svoej reqenzii: "Svoej \konomnoj maneroj izlo[enih, tocnost>] i osnovatel>nost>], svoim cuvstvom otvetstvennosti v poiskax istiny ona predstavlhët prekrasnyj vklad vengerskoj rusistiki v mirovoe gor>kovedenie."¹³

V 1999 godu, k 51 frankfurtskoj me[dunarodnoj kni[noj hrmarke, pocetnoj gost>ej kotoroj byla ob<hvlëna Vengrih, budapewtskoe izdatel>stvo "Gladiator" vypustilo posmertnu] knigu B. Lend>elh pod zaglaviem "**Vengerskij imid[Niqwe.**"¹⁴ Zdes> sobrany ego osnovopolaga`ie \t]dy, osve`a`ie razllyne aspekty vosprihtih nemeqkogo filosofa. Napisannye v poslednie dva deshtiletih [izni avtora i opublikovannye v akademicskix izdanihx, oni demonstrirujt nepreryvnyj duxovnyj poisk Lend>elh, postohnno raswirh]`u]sh kartinu kak ego licnogo posti[enih, tak i metodologicskogo oboga`enih vsej nawej naqional>noj reqepqii. Zdes> i "Ob`ie puti

¹³ Sötér István: Gorkijról. Nagyvilág, 1983. 608-611.

¹⁴ Nietzsches Image von Ungarn. Gladiator Verlag, Budapest, 1999.

oqenki Niqwe i Gor>kogo", i "Adi i Gor>kij" (ix tipologih casticno pod priqelom Niqwe), "Gor>kij i Niqwe. Dva gimna Celoveku" (qentral>nah glava rassmotrennoj vywe knigi), "Obraz Vengrii v tvorcestve Niqwe" (glavnym obrazom po ego perepiske s F. Listom i znakomstvu s po\ziej W. Petefi, muzykal>nym kompozicijm na ego stixi), a tak[e istorih ego licnyx vengerskix kontaktov. Po svoim teoreticeskim istokam primykaet k nim "Niqwe u russkix". Zakl]citel>nah stat>h toma hvlhetsh plodom raboty poslednix let avrora, posvh`ennoj problematike naqionalizma pod nazvaniem "Zave`anie Niqwe".

V kratkoj biograficeskoj spravke, opublikovannoj v konqe knigi, privedeny slova izvestnogo literaturoveda Wandora Radnoti: "Vse \ti stat>i otlica]tsh bogatstvom castnyx nabl]denij i filologiceskoj \rudiciej. Napisannye na otlicnom nemeqkom hzyke, oni zakonno pretendu]t na mesto v me[dunarodnom niqwevedenii. Blagodarh svoej teme - Niqwe i Vostocnah Evropa - \ta kniga dostojna interesa me[dunarodnoj ob`estvennosti." ¹⁵

Intellektual>nyj put> i bogatyj naucnyj uro[aj, sobrannyj Beloj Lend>elem v xode poluvekovoij issledovatel>skoj raboty, predstavlh]t dostojnyj obrazeq dlh podраста]`ix pokolenij vengerskix rusistov.

¹⁵ Ibidem, p. 244.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВСОЧЕТАНИЯ *БИТЬ ЧЕЛОМ*
В ПАМЯТНИКАХ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ XVII – НАЧАЛА XVIII
ВЕКА

Сочетание *бить челом* и возникшее на его базе сложное слово *челобитье* и субстантивированное прилагательное *челобитная* встречаются в памятниках – по доступным нам источникам и собственным наблюдениям – с XIV века. Значение древнерусского сочетания *бити челом* и слова *челобитье* М. Фасмер в своем этимологическом словаре (1958:312) определяет так: ‘*untertänigst bitten*’; eigentl. bedeutet es ‘*Stirnschlagen, mit der Stirn den Boden berühren*’ (zu чело ‘*Stirn*’, бить ‘*schlagen*’). Первоначально сочетание *челом бити* означало: стоя на коленях, униженно кланяться так низко, чтобы челом (лбом) доставать до земли, до пола (см. Фразеологический словарь русского языка 1967:37), т.е. ‘отвешивать земные поклоны, почтительно кланяться, приветствуя кого-л.’ или ‘униженно просить, хлопотать о чем-л.’. На основе этого основного значения сочетания *бить челом* возникло сложное слово *челобитье*, производное с суф. -j- (< -цj-), ныне устаревшее, имеющее значение: ‘поклон до земли с прикосновением ‘лбом к земле’, ‘приветствие’, ‘подача письменной просьбы, жалобы’. Слово *челобитная* (письменное прошение обычно на имя царя или местным властям в Русском государстве XV – начала XVIII века) является собственно русским. Образовалось в результате субстантивации прилагательного на базе фразеологического оборота *челобитная грамота*. Прилагательное *челобитная* образовано с помощью суф. -n- от *челобитье* (Краткий этимологический словарь 1971: 489).

Интересно отметить, что в венгерском языке сочетанию *бить челом* соответствуют ‘*vkit alázattal, hódolattal köszönt*’, ‘*vkihez alázattal folyamodik, könyörög, esedezik (esdekel) vmiért*’. Рассматривая этимологию венгерских слов: *könyörög, esküszik, esedezik, esdekel* исследователи обратили внимание на то, что эти слова первоначально также обозначали действия: *припадать к чьим-л. ногам, просить стоя на коленях, кланяться*, что, по-видимому, свидетельствует о подобном способе выражения униженной религиозной просьбы, с которой предки русских и венгров обращались к своим божествам-идолам еще в языческие времена, как это наблюдалось еще в прошлом веке у народов ханты и манси (Об этом см. Геден Месей: О происхождении слова *esküszik* ‘клясться’ 1982:80-89, а также Шандор Мокань: “... a könyörög eredeti jelentése minden bizonnyal *‘hajlik; hátát meggörbíti’ lehetett. Ebből pedig teljesen szabályosan fejlődhetek: *‘meghajlik valami vagy valaki előtt’ → ‘(nagyon) kér valakit; bocsánatért, szánalomért, segítségért esedezik’ → ‘imádkozik, Istenhez esedezik’ ... Ezt a jelentésfejlődést nemcsak a magyar: esd, esedezik “térdre esik” → ‘könyörög’

(TESZ.), hanem idegen (főleg finnugor) nyelvi analógiák is támogatják ,... (1980:31).

Для иллюстрации употребления словосочетания *бить челом* в различных значениях, мы используем материалы частной переписки указанного периода. С. И. Котков (КОТКОВ, ПАНКРАТОВА 1964:3) совершенно справедливо подчеркивает особое значение старинной частной переписки для изучения истории русского языка, так как в сравнении с другими источниками того же самого времени она отражает старую устную речь наиболее ярко и непосредственно. Это объясняется с одной стороны тем, что эти письма и грамотки служили средством общения людей, особенно близко связанных деловыми или родственными отношениями, а с другой – тем, что писали их обычно не писцы-профессионалы, а просто более или менее грамотные люди. Так как письма и грамотки предназначались для неофициального общения, они писались довольно свободно, и только минимально зависели от орфографии и норм как приказного, так и церковнославянского языка.

Лингвистические данные частных писем помогают воссоздать конкретный облик народно-разговорного варианта русского национального языка в эпоху его становления, а также выяснить историческое соотношение и взаимодействие в нем книжной и народно-разговорной стихий. Свидетельства грамоток могут существенным образом уточнить хронологию языковых изменений и их территориальное распространение.

Однако, насколько позволяют судить об этом и деловая письменность и материалы частной переписки, существовали значительные элементы книжного языка и вне церковнославянской сферы, а в живую народную речь, отраженную в безыскусственной переписке, проникали определенные элементы из области церковнославянского языка, например из его фразеологии. Влияние норм того и другого осязательно сказывается в известной стандартизации зачинов и окончаний изучаемых писем. Образцов такой фразеологии, связанных с нормами поведения и обхождения того времени можно было бы привести немало, но в своем небольшом сообщении я хочу остановиться только на употреблении в письмах словосочетания *бить челом*.

1. В зачинах изучаемых писем встречаются многочисленные примеры, в которых значение сочетания *бить кому челом* (или *челом ударить*) – *низко, почтительно, униженно кланяться, приветствуя кого-л.*: Федька и Желаев не ударя челом мне поехали и невежливые всякие слова говорили, Гсдрю моему Андрею Ильичю, Гришка Аничков челом бьет 3/10*, I всемь премного челом бью которые при тебе пребывают 1/9, раб млсти твоеи

* Все примеры приводятся по указанным в конце статьи изданиям С. И. Каткова Н.П. Панкратовой и С. И. Коткова и Н. И. Тарабасовой; первая цифра обозначает номер письма в , а вторая – страницу.

Ганко Алеѣев премного челом бью 2/9, Гсдрю нашему Ивану Ивановичю да гсдрни нашей Маріи Дмитревной да гсдремъ нашимъ Василию Ивановичю да Настаси Ивановной Козелского уезду села Долбино крестьянишка твои старостишка Лаврушка Воробев челом бьет... 6/22., Гсдрю Ивану Ивановичю холоп твои Пронка Прокохевъ да старостишка Петрушка Григоревъ челом бьют... 15/26, Гсдрю Ивану Ивановичю московска двора твоего дворник Василеі Григоревъ челом бьет в доме твоемъ все дал бгъ здорова да буди тебе ведома что бил челомъ тебе Афонасеі Михаіловъ снъ Растовскоі чтобы ему жит на твоемъ дваре... 26/31, ... а на меня не погневося что не приехал да вашей особы челомъ ударить... 23/30, а на меня не погневоися что не приехал да вашей млсти челомъ ударит толко на два дни отпущенъ племянник вашей особы... 22/30.

Что касается церковнославянского влияния в частной переписке, как показывают приведенные примеры, то характерно в этом отношении оформление зачинов грамоток, а иногда и заключений. Эти приветствия чаще всего сопровождались с пожеланиями здоровья и благополучия адресатам («... да здравствуйте гсдри наши на множество лет ... », или «...многолетно здравствуй со всемъ своимъ праведнымъ домамъ... », «...многолетно, и благополучно радостно здравствуй на многие лета»), выражением нарочитого смирения перед ними. Здесь довольно часто встречаем усложненные, порою затейливые фразы, или просто заимствованные из церковной литературы, или сложившиеся у русских в процессе ее чтения, например, «Здравие ваша да сохранить десница вышнего бга на лета много с млстивою моею гсдрнею с матушкою с Марьею Дмитревною и сестрицаю Настасею Ивановною за писания вашей млсти благодарень и впреть нас по своей млстивоі утробе не оставъ чего мы завсегда сердечью слышат желаем» 21/29.

2. После приветствия автор письма обыкновенно благодарит адресата за оказанную помощь, внимание, подарок и т.д., другими словами употребляется сочетание *бить кому челом на чемъ – усиленно благодарить* Челом бью на твоемъ гсдря моего жаловане что пожаловал по млсть своей поилъ и кормил і всемъ покоилъ 1/9, Челомъ гсдрь бью на твоемъ жаловане что ты жаловал ко мне писал двожды о своемъ многолетномъ здорове 6/12. Челомъ бью на твоемъ жалованье что писал ко мне ѿ своемъ здарове 12/15, Челомъ гсдрь бью на твоемъ жаловане что ты ... жаловал людишек моих и крестьянишек 16/17, Челом гсдрь бью на твоём жаловане на рыбке да еще гсдрь бью челом на твоём жаловане што жаловал людишек моих пожаловал ссудил ихъ денгами 19/18, челом гсдрь бью на гостинцах тебе и Агафье Василевной а на писме на грамотке не челом бью, хорошо было тебе поуставитца ... 57/39, Челом гсдрь мои бью на приятстве твоём на тетеревах что пожаловал меня любовію заочною не забыл 98/57,

3. Однако, часто после приветствия автор письма непосредственно переходит к изложению своей просьбы. Оно вводится словосочетанием *бить кому челом (челом ударить) о чемъ – почтительно просить, хлопотать о ком-л., о чем-либо*. Если в просьбе содержится, собственно говоря, ходатайство в интересах кого-л., то это выражается конструкцией *за + винительный падеж*: А о том гсдрь дяди моего поместье бьют челом тебе великому государю его родственники;...я вскормленикъ твои по твоему приказу к нему Акиму ездиль и бил челом о рыбе 4/11. ...а мне убогому того дела без млсти твоеи вершит і о том бит челом невозможно 8/23, ... а он Иван прислал в Розряд за рукою челобитную бьет челомъ о перемене 6/12, ... и о том побей челомъ боярину князь Василию Василевичю чтоб он он послал с вами слугу своею ... 23/20, Аврамъ Лутовинов бил челомъ о том поместье о дрвни Кобозевой 28/22, да бил я челом тебе о Иване Мишкееве ... удиви милость над нимъ 31/24, ... и ты гсдрь никому не бивал челом о том деле и не говаривал 64/42, умилоствись надо мною побей челом за меня думьному Василью Григоревичю 84/52, да велел ты побит челом ѿ подводах лесу повозит 89/54, а буде тебе станеть салдать Харку о чемъ бит челом по своеи млсти пожалуи гсдрь ево Харку 92/55, да и думнаму дьяку Василью Григорявичю пожалуи побей жя челом за меня патриярховым братьям 101/59, да за меня ж гсдрь мои пожалуи побей челом думному дворянину 101/60,

4. Как показывают примеры, для выражения того, за что авторы писем выражают адресату благодарность, все чаще употребляется конструкция *бить кому челом за что – благодарить* Челомъ бью за твою премногою к себе заочною млсть что пожаловал... 7/23, Челом гсдрь бью за пьремьногую твою къ бе милосът что ... учнилъ мне въ людехъ указъ ... 18/17, челомъ гсдрь бью за премногою твою гсдря моего к себе млсть что жалуеш людишек моих 28/22, за премногою твою к себе млсть стократно челомъ бью 30/24, Челомъ гсдрь бью за премногою твою гсдря моего к себе млсть что ты по млсти своеи меня работника своего в забвение не учинил 34/26, Челомъ гсдрь бью за милость твою гсдря моего что пожаловал велел допрасит арленина сына боярскова Микиту Арнаутова 38/28, за всякая милосердие твое Фетка Безобразовъ челом бьет 64/42, Челом гсдрь бью за твое жалованя что пожаловал меня убогова поискаль прислал великого гсдря грамоту 77/49, а я тебе гсдрю буду бит челом за твою млсть 81/51, аже дасть бгъ увижу твои гсдря моего очи і я за вся твоя блгая буду бити челом 93/55

5. Довольно часто встречается в письмах предложное словосочетание *бить кому челом на кого – жаловаться кому-л. на кого-л.*: и ты прикажи члвченку моему побит челом на поручников чтоб их поставили к суду 60/40, и я тот час буду к Москве и мне на них бит челом с тобою вместе что у нас их земли нет и не бывала 64/43, брат ево Яковлев Григорей бил

челом на батюшка и на дядю об межеване ... будет Яков станет на нас бит челом и ты изволь на него бит челом государевым указом 65/43,

6. Так как в частных письмах довольно часто излагается несправедливость к незащищенному маленькому человеку, когда ему остается об этом только доносить, докладывать вышестоящему своему господину, или попросить его заступаться за него, то конструкция *бить кому челом* – *донести, докладывать* представляет собой частое явление: Изволил ты гсдрь писать паметку с Савою Лукьяновым что бить челом Ивану Головкову обо всем и он меня и на очи не пустит ни сказки ничего не слушает... никоими мерами нельзя побить челом ни о чем, и я бил челом воеводе і воевода посылал досматриват... 8/13, а многое гсдрь мне розорение учинили (беглые люди И. Ф.) и я бил челомъ великому гсдрю и мне дана великого гсдря грамота к етъману 22/19, прашу гсдрь млсти побей челом моим словомъ батьку Андрею Дмитриевичю чтоб пожаловал с тобою приехал ка мне х празнику 1/19, да послал гсдрь я на Вологду члвка своег Михаила Онтипова а велел ему бит челомъ Ивану Феодоровичю Нащокину о убитом своем крстьянине ... 47/33, і ты пожалуй гсдрь зделаиса с нимі какъ я тебе гсдрь бил челом 60/40, и я за тем делам ходил и Василию Цеменовичю Семенову бивал челом чтобы он побил челом околничему 62/42, а как Феодор Леонтьевич мимо Белев ехал и я к нему приходил челом ударит 75/48,

7. Из других источников нам известны примеры, в которых конструкция *бить кому челом чемъ* имеет значение *поднести в дар, дарить, одаривать*. В изучаемых нами письмах, мы встретили следующие примеры: И он Акимъ тебе гсдрю бьет челом ис своего пруда триста корасеи, полтора раста linee 4/11, А я убога тебе же гсдрю ис своего убогова прудишка челом бью пятьдесятъ корасеи 4/11, ... челом гсдрь бью тебе пару гончих собакъ вышлеца да суку 79/50. Из контекста ясно, что значение *бить челом + винительный падеж* или *количественное сочетание* имеет значение *поднести в дар, посылать в дар*.

8. Как уже говорилось, известную стандартизацию можем наблюдать не только в зачинах, но и в окончаниях писем. Авторы заканчивают свои письма таким же униженным и нарочито смиренным тоном, как и начинали. Приведем несколько характерных заключений писем: По семь тебе гсдрю моему и матушке ... челом бью... за симъ Митка Яблочков премнога челом бью 1/19, За семь гсдрь много челом бью 3/10, А семь писав вскормленикъ млсти твоеи Калинка Бахметев покорно челом бью 4/11, за семь писаниемъ Панка Яблочкав стакротно премнога челом бьет 10/24, за семь искател і вскормленикъ млсти твоеи калинка Бахметев челомъ бьет 7/13, А семь писав вечной твои работник Андрюшка Безобразов

челомъ бью 18/17, а семь писав вечной твои работник Андрюшка Безобразовъ со упрощениемъ челомъ бью 25/21, ... по семь тебе гдрю своему млствому коръмилцу челомъ бью да лица земнаго 52/36, о семь тебе гдрю пад на землю со слезами челомъ бью 75/48, за семь тебе гдрю своему рабски о землю челомъ бью 103/61.

Некоторые из толко что приведенных заключений («челом бью да лица земнаго», «пад на землю челом бью», «о землю челом бью») хорошо отражают, что сочетание *бить челом* первоначально действительно означало: стоя на коленях, униженно кланяться до земли, до пола. Как показывают приведенные нами примеры (они, конечно, не претендуют на полноту), сочетание *бить челом* широко употреблялось и играло важную роль в передаче разных форм человеческого обхождения, отраженных в частных письмах XVII – XVIII веков. Затем, с изменением общественного строя и в результате с изменением человеческих отношений в обществе, это сочетание устарело.

Но нашему уважаемому профессору-юбиляру, интересующемуся и историей языка, и говорами, автор этой скромной статьи премного бьет челом на дружбе и на поддержке, желает ему здравствовать на многая лета, пребывать в творческой силе и во всяких радостях вместе с теми, кто его любит и ему всяческого добра желает.

Литература

- RUSSISCHES ETYMOLOGISCHES WÖRTERBUCH von Max Vasmer. Heidelberg 1950-1958.
- ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА Под редакцией А. И. Молоткова. Москва, 1967.
- КРАТКИЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА (Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская). Москва, 1971.
- MÉSZÖLY Gedeon AZ ESKÜSZIK SZÓ EREDETE in: Népiünk és nyelvünk. Válogatott tanulmányok. Gondolat. 1982.
- MAGYAR SZÓFEJTÉSEK Írta: Mokány Sándor, in: Nyelvtudományi értekezések 105. sz. Akadémiai Kiadó, Budapest. 1980.
- С. И. Котков, Н. П. Панкратова: ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДНО-РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА XVII-НАЧАЛА XVIII ВЕКА Изд. "Наука" Москва 1964.
- ПАМЯТНИКИ РУССКОГО НАРОДНО-РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА XVII СТОЛЕТИЯ (Из фонда А. И. Безобразова). Издание подготовили С. И. Котков, Н. И. Тарабасова, Изд. «Наука» Москва 1965
- С. И. Котков ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА Изд. «Наука» Москва 1980

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ КУЛЬТА СВЯТЫХ С
РАСПРОСТРАНЕНИЕМ
ХРИСТИАНСКОГО ОБРАЗА МЫШЛЕНИЯ.**

(На примере Средней и Восточной Европы 10-12 вв.*)

В 10-ом веке в области Средней и Восточной Европы выделились новые политические центры во главе с новокрещенными предводителями. По принятии христианства появились и первые продукты письменности, но в повседневной жизни людей и в дальнейшем господствовал устный способ коммуникации. Первые жанры письменности представляли собой повести о прошлом общества, житие святых и письменный вид обычных прав. Все ранние разновидности письменности были тесно связаны с устными традициями – хотя не в одинаковой мере. В первых исторических произведениях (хрониках, летописях) выражались интересы княжеской (королевской) династии, и определилась роль предводителей в христианизации своего народа (племени).¹ Жития первых местных святых свидетельствуют с одной стороны о том, что новокрещенное общество заняло своё место в кругу христиан, а с другой – о том, что новый культ заменял бывшее язычество. В конечном счете показывается как глубоки были корни христианского мышления среди общества. При этом можно выделить некоторые фазы процесса как напр. причисление выдающегося персонажа к лику святых, распространение почитания и время написания первых житий. Процесс углубления христианского мышления надо обязательно различить от времени принятия христианства и от первых успехов христианской миссии. Деятельность первых миссионеров была поддержана новокрещенными князьями путем применения светских мер. Первые миссионеры были чужеземцами, все-таки они использовали элементы язычества, пособные к укреплению знаний о новой вере. Таким образом период от принятия христианства до укрепления христианского мышления характеризуется явлениями религиозного синкретизма (“двоеверия”).² Почитание святых существовал с самого начала христианиза-

*Работа поддерживается фондом ОТКА Т 043432. Из-за ограничений в объеме результаты публикуются в главных чертах.

¹ В последнее время изучение устной и письменной разновидностей сохранения традиций получило более широкие масштабы. См. об этом: Clanchy, M. T.: *From Memory to Written Record. England 1066-1377.* Oxford/Cambridge 1993.; Green, D. H.: *Medieval Listening and Reading. The Primary Reception of German Literature 800-1300.* Cambridge 1994-; Richter, M.: *The Oral Tradition in the Early Middle Ages.* Turnhout 1994.; Houts, E.: *Memory and Gender in Medieval Europe 900-1200.* London 1999.

² См. об этом: Font Márta: *Pogányság és kereszténység. Közgyűlési előadások 2000. Millennium az Akadémián. I. Szerk.: Glatz Ferenc, Bp. 2001. 2201-207.*

ции, но на первых порах это обозначало почитание популярных святых места происхождения миссионеров.³ Появление “местных” святых⁴ и распространение их культа – это уже продукт христианского мышления, т. е. момент, когда языческое мышление отошло в прошлое.

Очень трудно уловить время начала местного культа. Можно определить год смерти почитанного лица, как “время после того” (*terminus post quem*) началось спонтанное почитание. Можно определить время причисления к лицу святых, т. е. время церемонии, если она существовала, и время написания первого жития на основе дошедших рукописей. Время написания первого жития можно считать как “время перед чем” (*terminus ante quem*) с точки зрения культа.

С точки зрения вышесказанных страны Средней и Восточной Европы (Чехия, Польша, Венгрия и Киевская Русь) в период с принятия христианства до конца 12-ого века можно считать единым регионом, поскольку границы между латынским и греческим отрядами христианства лишь к этому времени стали прочными.⁵

“Местные святые” региона до конца 12-ого века:

Имя святых	Год смерти	Начало почитания	Канонизация	Первые жития	Место в обществе	Причина почитания
Людмила	921.	середина 12 в.		?старослав. ? Fuit ..; ?написано каноником Кристианом	жена князя (предводителя)	мученик
Вацлав	935.	930-ые гг.	(973?)	?старосл. ок. 973: Crescente ..; ок.980: Gumpold: ?написано Кристианом	князь (предводитель)	мученик
Прокоп	?	11 в.	1204.	13-14 вв.	монах, игумен	организатор церкви
Адальберт (Войтек)	997.	ок.1000 у поляков и		конец 10 в.: Est locus ..., ок. 1004: Querfutri Bruno	епископ, миссионер	мученик исповедник

³ См. об этом: Györfy György: István király és műve. Bp. 2000. 70-76.

⁴ Распространенное в немецкой историографии понятие „Nationalheilige” (“национальные святые”) в нашем работе переведено недословно, а как “местные святые”. Тем самым подчеркивается с одной стороны местный этнический состав ранних обществ, а с другой – как быстро могло новокрещенное общество выдвигать из своей среды людей, подходящих христианскому культу.

⁵ См. об этом более подробно: Font Márta: Korona és/vagy kard. Az uralkodáshoz való jog elismer(tet)ése Közép- és Kelet-európában. *Ezredforduló – századforduló – hetvenedik évforduló. Ünnepi tanulmányok Zimányi Vera tiszteletére. Szerk.: J. Újváry Zsuzsanna, Piliscsaba 2001. 15-46.*

		венгров; пос- ле1039 у чехов				
Станислав	1079.	конец 12 – начало 13 гг.	1253.	1252. <i>Miracula</i>	епископ	мученик
Иштван	1038.	середина 11в.	1083.	перед 1083 <i>Vita maior</i> , после 1083 <i>Vita minor</i> ; написано Хартвиком: 1097- 1099	король	исповедник, <i>miles Christi</i>
Имре	1031.	ок. 1092	1083.	1109-1116	герцог	аскет, воздержник
Андраш- Зорард, Бенедек	1ая пол. 11 в.	середина 11в.	1083.	1036-1075	отшельники	аскет, мученик
Геллерт	1046.	середина 11в.	1083.	конец 12 – начало 13 вв.	епископ, миссионер	мученик
Ласло	1095.	начало 12 в.	1192.	после 1204	король	“рыцарь- святой”, <i>athleta patriae</i>
Ольга	962.	13 в.	1284.	конец 13 – начало 14 вв.	княгиня (предво- дитель)	исповедник
Владимир	1015.	13 в.	1284.	14.15 вв.	князь (предво- дитель)	исповедник
Борис и Глеб	1015.	середина 11в.	1072.	1079-1085 гг.	князья	мученики
Феодосий	1074.	конец 11 в.		ок. 1080	монах, игумен	организатор церкви
Мойсей Угрин	ок. 1060	конец 12 – начало 13 вв.		перед 13 в.	монах	воздержник

Собранные к таблице⁶ данные можно использовать в разных целях. Данные по второму столбу указывают лишь на конец жизни святых.

⁶ Таблица составлена на основе следующей литературы: Třeštík, D.: Počátku Přemyslovců. Vstup Cechů do dějin (530-935). Praha 1997. 9-10. 117-154.; Sommer, P.: Smrt kněžny Ludmily a začátky české sakralní architektury. *Československý Časopis historický* 98 (2000): 2. 229-259.; Klaniczay G.: Az uralkodók szentsége a közép-korban. Bp. 2000. 101.; об Адальберте: Veszprémy L.: Der heilige Adalbert im wissenschaftlichen Gespräch ungarischer Historiker. *Bohemia* 40 (1999): 1. 87-102.; Kelet-Közép-Európa szentje: Adalbert. Szerk. Somorjai Á. METEM könyvek 5. Bp. 1994.; Korai Magyar történeti lexicon (9-14. század) (KMTL). Главн. ред. Kristó Gyula. Ред. Engel P. и Makk F. Bp. 1994. 28-29. (Érszegi Géza); Klaniczay 2000. 97-98., 120.; Pius Engelbert OSB: Prága Szent Adalbert. Püspökideál, politika és szerzetesség. *Mons Sacer* 996-1996. I-II. Ред. Takács Í. *Pannonhalma* 1996. I. 25-57.; Rhode,

Данные по двум последним столбам помогают классификации типов святых.⁷ С точки зрения христианского мышления считаются важными, данные по третьему (начало почитания), четвертому (год причисления к лику святых) и пятому (время написания первого жития) столбам.

Даже год причисления упомянутых лиц к лику святых вызывает трудности. При канонизации Бориса и Глеба в 1072 г. в церемонии принимали участие правящие князья (в то время состоялся так напр. триумvirат) и руководители церкви Киевской Руси. Также торжественно произошли церемонии в 1083 г. в Венгрии, когда причислили к лику святых пять людей. В Венгрии почитание святых было укреплено законом короля Ласло I в 1092, поскольку в 38-й главе были перечислены обязательно отмечаемые праздники; в том числе и дни Иштвана Святого, герцога Имре и Геллерта.⁸ В 1192 г. к этому был добавлен праздник Ласло Святого. У нас нет сведений о церемонии причисления Вацлава к лику святых, но считается фактом, что он стал покровителем основанного в 973 г. епископства в Праге.⁹ Тем самым Вацлав считается святым.

G.: Kleine Geschichte Polens. Darmstadt 1965. 25, 46.; Klaniczay G.: Az 1083. évi magyarország szentté avatások. *Művelődéstörténet tanulmányok a Magyar középkorról. Ped. Fügedi E. Bp. 1986. 15-33.*; он же: 2000. 114-122.; KMTL 635-636. (Klaniczay Gábor); Kristó Gy.: Az Árpád dinasztia szentjei és legendái. Он же: *Tanulmányok az Árpád-korról. Bp. 1983. 359-368.*; Györffy Gy.: László király emlékezete. Bp. 1977.; Prazak, R.: A 11. századi legelső magyarországi szentekről szóló legendák datálásának és tipológiai besorolásának néhány kérdéséről. *Történelmi Szemle 25 (1982): 3. 444-457.*; Thoroczkay G.: Megjegyzések a Hartvik-féle Szent István legenda datálásának kérdéséhez. „Magyaroknak eleiről” *Ünnepi tanulmányok a hatvan esztendősk Makk Ferenc tiszteletére. Ped. Piti F. Szeged 2000. 569-591.*; Boda I.: Saint Andreas-Zoerard: a Pole or an Istrian? *Ungarn-Jahrbuch 7 (1976) München 65-71.*; Gerics J.: Egyház és gondolkodás Magyarországon a középkorban. Bp. 1995. 88-114.; Mezey L.: Athleta patriae. A korai Szent László-irodalom kialakulása. *Athleta patriae. Tanulmányok Szent László történetéhez. Ped. Mezey I. Bp. 1980. 19-55.*; Щапов, Я. Н.: Государство и церковь Древней Руси X-XIII. вв. Москва 1989. 58.; Poppe, A.: Politik und Heiligenverehrung in der Kiewer Rus'. Der apostelgleiche Herrscher und seine Söhne. *Politik und Heiligenverehrung im Hochmittelalter. Hrsg. V. Petersohn, J. Sigmaringen 1994. 403-422. здесь: 41.*; Müller, L.: Helden und Heilige aus russischer Frühzeit. München 1984. 112-113.; Franklin 1996. 256.; Podskalsky, G.: Christentum und theologische Literatur in der Kiewer Rus' (988-1237). München 1982. 106-113.; Lenhoff, G.: The Martyred Princes Boris and Gleb: A Socio-cultural Study of Cult and Texts. Columbus/Ohio/USA 1989. 12.; Klaniczay 2000. 120-121.

⁷ В последнее время самый подробный анализ: Klaniczay 2000.

⁸ The Laws of Hungary. Ser. I. vol. 1. Decreta Regni Mediaevalis Hungariae 1000-1301. ed. Bak, J., Domonkos, L. S., Sweeney J. R. Idyllwild/California 1999. 58.

⁹ Fiala, Z.: Die Organisation der Kirche im Přemyslidenstaat des 10.-13.Jh. *Siedlung und Verfassung Böhmens in der Frühzeit. Ed. Graus, F., Ludat, H. Wiesbaden 1976. 133-143.*

Все перечисленные церемонии отличаются от проведенных с начала 13 в. тем, что до этого отсутствуют папское разрешение и общие правила. Так как церемонии причисления к лику святых в случае польского епископа, Станислава, и чешского игумена Прокопа произошли при разных обстоятельствах. Также к канонизации позднего типа относится официальное признание Владимира и Ольги святыми в 1284 г. на синоде во Владимире на Клязьме.¹⁰ Культ Ольги пользуется и дальнейшими свойствами. Её почитание было вызвано благодаря культу Владимира (внука Ольги); т. е. “вторично”. Повторился случай почитания Вацлава и Людмиллы в Чехии. Судьба Адальберта (Войтека) Святого является исключением. Его не объявили святым в рамках церемонии, но через три года после смерти (в 1000 г.) были готовы уже два жития, которые способствовали популярности и расширению культа. Сам император Оттон III совершил паломничество в Гнезно, на место похорон Адальберта (Войтека). Адальберт был особой личностью: он произошел из знатной семьи Чехии, проводил миссионерскую деятельность в Венгрии и среди пруссов, где он принял мученическую смерть. А в конце концов его культ способствовал созданию самостоятельной церкви Польши.

Церемонии причислений к лику святых в 11-ом веке и жития, возникшие скоро после смерти почитаемого лица делают возможным установление раннего и стихийного сложения почитания по отношению к Адальберту, Вацлаву, королю Иштвану, а также Борису и Глебу. Из них лишь Адальберт пользовался региональным культом, остальные стали популярными в подвластной своей династии области. Позже их культ тоже распространился за пределами династических границ, но степени почитания Адальберта не достиг. В случае герцога Имре, епископа Геллерта и короля Ласло период от канонизации к возникновению первого жития незначителен, всё-таки подсказывает более медленное сложение культа по сравнению напр. с культом Иштвана. Скоро после смерти было написано житие об игумене Феодосии, но его почитание не выходило за рамки общества монахов. У нас такое же мнение сложилось об отшельниках Андраш-Зорард и Бенедек: несмотря на канонизацию и скоро написанное житие, они даже не попали в распоряжение синода об обязательно отмеченных праздниках. Также в узком кругу был известен монах Мойсей Угрин. Имея в виду число лиц, причисленных к лику святых в 11-12 гг. Венгрия оказывается на первом месте, что свидетельствует об успехах миссионерской деятельности и о быстрых темпах распространения христианского мышления. Этому способствовали и строгие законы Иштвана.¹¹ По нашему одинако успешных результатов достигли организаторы церкви в Чехии, хотя обстоятельства разные. В Чехии миссионер-

¹⁰ Fennell, J.: A History of Russian Church to 1448. London & New York 1995. 60-61, 134.

¹¹ The Laws of Hungary 2-5. (Decreta Stephani regis I. cop. 1-5, 8-13, 19.)

ская деятельность появилась раньше, чем в Венгрии, и произошла в рамках имперской церкви Оттонов. Предполагается, что в углублении христианского мышления в Чехии законы играли меньшую роль, поскольку о законах упоминается лишь в хронике Козмаса, отсутствует точное урегулирование и строгий контроль. Однако, нельзя уступить из виду разницу по размерам территории Венгрии и Чехии. Более медленный темп распространения христианства наблюдается в Киевской Руси, где почитание князя-исповедника было проведено лишь в конце 13-ого века. Настоящей популярностью пользовался культ сыновей Владимира, Бориса и Глеба. Князья Владимир и Ярослав Мудрый установили права церкви на Руси, но княжеское распоряжение было в действии в областях “где христиане живут”.¹² Однако язычество дало о себе знать и столетиями позже. Продолжая сопоставление бросается в глаза, что в Польше ни Мешко I, принявший христианство, ни Болеслав I Храбрый, организатор самостоятельной церкви вовсе не были причислены к лику святых. И Станислав, краковский епископ, ставший жертвой убийства, был канонизован лишь в 1253 г., тем самым он оказывается первым “местным святым” Польши. Имея в виду сказанное, можно прийти к тому, что принятие христианства на долгое время оказалось формальной, и христианское мышление на протяжении 11-12-ого вв. не распустило так глубокие корни, как в соседних странах региона. Причины и типы свойств и обстоятельств для почитания святых в последнее время было изложено в работе Кланицаи. В его работе Вацлав и Людмила оказываются в группе “короли-мученики, милостивые королевы”, хотя оба они лишились коронации и помазания. Для коррекции мученики Чехии еще раз трактуются во главе “На окраине западного христианства”.¹³ В этой же главе говорится об Адальберте (Войтеке), кто считается мучеником и происходит из знатной семьи, но с точки зрения светского господства нельзя считаться с ним. Фигура Адальберта во многих чертах сходна с епископом Геллертом, ставшим жертвой восставших язычников в 1046 году. В этой же главе говорится о Борисе и Глебе, мучениках Киевской Руси, вполне правомерно, ведь они считались соперниками господствующего князя. На формирующийся культ Бориса и Глеба оказывало влияние почитание Вацлава,¹⁴ поэтому два культа нельзя считать параллельным явлением. Церемонии причисления к лику святых в 1083 году в Венгрии у Кланицаи находим во главе “Король справедливый (*Rex iustus*): основатель христианского королевства”.¹⁵ Особое внимание придается почитанию короля Иштвана –

¹² Шапов, . Н.: Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. Москва 1976. 15, 20. (ст. 7)

¹³ Klaniczay 2000. 95-107.

¹⁴ Lenhoff 1989. 122-124.; Florja, B. N.: Václavská legenda a Borisovo-Glebovský kult (schody a díly). *Československý Časopis historický* 26 (1978) 83-96.

¹⁵ Klaniczay 2000. 114-122.

вполне правомерно. По Кланицаи в фигуре Иштвана можно уловить новый тип святости правителя: победоносный *miles Christi*. В дальнейшем говорится о “триаде-основателях государства” по отношению к Иштвану, Имре и Геллерту.¹⁶ Несмотря на важность деятельности оспаривается роль в основании государства герцога Имре и Геллерта. На наш взгляд надо подчеркивать и разницу в причислениях к лику святых 1083-ого г. В одной же главе рассказывается у Кланицаи о “невинном герцоге и о герое (*Athleta Patriae*)”, т. е. об Имре и Ласло.¹⁷ Однако, мы считаем разницу между ними существенной. Аскетизм как атрибут святости можно уловить в ряде случаев за границами Венгрии, напр. типичная фигура Мойсей Угрин, монах Киевопечерской Лавры, но он в отличие от герцога – низкого происхождения. У Ласло рыцарские свойства поведения выделяются в 14 в. Во время сложения культа придаем больше значений византийскому влиянию в сфере культуры, которое при правлении Белы III опять выдвигается в Венгрии. Нельзя исключить это обстоятельство и в позднейшем распространении почитания Ласло на Балканах. Любопытно, что византийское влияние возобновляется в Венгрии в 12 в., когда в других странах отходит на задний план.

Западноевропейские типы святости и необходимые свойства для достижения святости смешиваются. Покровитель чехов, Вацлав не был королем, не построил церковную организацию. Он поддерживал христианскую миссию в семейном кругу. В Венгрии Иштван поддерживает миссию в широких масштабах, основывает церковную организацию по стране и защищает все созданное с помощью папского благословения.¹⁸ Киевский Владимир был тоже сторонником христианской миссии и основоположником церкви, но не был коронован. После смерти Владимира он был популярен среди своей семьи, но культ и святость связывались с его именем лишь в 13-ом веке. В 12-ом веке в Венгрии еще один из королей был причислен к лику святых, а в Польше одновременно не найдем правителей-святых или представителей княжеской династии. Непришедшие к власти члены династии представляют собой на Руси Борис и Глеб, в Венгрии герцог Имре.

Другой круг святых показывается в фигурах епископа Геллерта в Венгрии, и Адальберта в Польше, Чехии и Венгрии. Оба они за пределами своей родины достигли почитания и завоевали популярность. Региональный культ охватывал отшельников Андраш-Зорард и Бенедек, а также игумена Феодосий и монаха Мойсей. Аскетизм стал популярным на протяжении 12-ого века и не только в кругу монахов, а за пределами

¹⁶ Там же 135.

¹⁷ Там же 139-168

¹⁸ Tóth E.: A magyar koronázási jelvényekről. *A magyar államiság első ezer éve. Ped. Font, M. – Kajtár, I. Pécs 2000. 53-65. здесь: 57.*

монастырей. Бесспорно, популярность Адальберта превышает других благодаря его хорошим отношениям к императору, скоро появившимся житиям, чину епископа миссионерной деятельности и монашескому аскетизму.¹⁹

Подводя итоги можно установить, что в Средне- и Восточноевропейском регионе скоро после принятия христианства появились “местные святые”. Впервые у чехов в династии Пшемислей (10-й век), на век позже (11-й век) у Арпадов и Рюриковичей. Любопытно на территории Пястов до середины 13-ого века наблюдается лишь культ “зарубежных святых”. На наш взгляд это объясняется более медленным темпом христианизации и распространения христианского мышления.

¹⁹ Pius Engelbert 1996. 34.

A SZUPRASZEGMENTÁLIS ESZKÖZÖK MEGÍTÉLÉSÉRŐL

A szupraszegmentális hangszerkezet (beszédintonáció), mely a beszéd-folyamat nagyobb szegmentumainak (beszédszakaszoknak, megnyilatkozásoknak) a fonetikai megformálásában játszik szerepet, olyan összetett, komplex akusztikus struktúra, amelynek összetevőit és hangszerkezeti minőségjegyeit a beszéd-folyamat időzítése, hangmagasságbeli, erősségi és hangszínezeti változásai, modulációi képezik. A szupraszegmentális hangszerkezet az élőnyelvi megnyilatkozás nélkülözhetetlen eszköze. Míg az írott szövegből többnyire csak következtetni tudunk a különböző (modális, emotív, logikai stb.) közléstartalmakra – mivel az írás nem ad egyértelmű információt a közlőről, annak a mondanivalójához, a szituációhoz és a partneréhez való viszonyáról –, addig a szupraszegmentális eszközök mindezek tökéletesen kifejezik, tehát konkrét értelmet kap az elvont jelentés (vö. Péter 1991, 138–9; Kassai 1998, 208).

A szupraszegmentális szerkezet komplex jelenség, ugyanis a közléstartalom kialakításában egyszerre több intonációs eszköz vesz részt. A komplexitás nemcsak összetevőinek, hanem funkciójának is jellemzője, "Eszerint az intonáció komplex és szimultán polifunkcionalizmusáról beszélhetünk, ami úgy értendő, hogy az intonáció egyidejűleg több eszközzel több funkciót lát el." (Péter 1991, 138. – bővebben: 138–9.) A szupraszegmentális hangszerkezeteket az akusztikus összetevők értékváltozásainak nagyfokú variálódása hozza létre. Ezek az akusztikus jelsorból felépülő szerkezetek a nyelvben, a fonémákhoz hasonlóan jel-megtestesítő és jel-elkülönítő szerepet töltenek be. A különbség a fonémák és a szupraszegmentális hangszerkezetek (ún. prozodémák) között abban áll, hogy a fonémák a lexikológia és morfológia szintjén fejtik ki nyelvi szerepüket, a szupraszegmentális hangszerkezetek mint nyelvi jelek pedig a szintaxis szintjén funkcionálnak. Elsődleges feladatuk a delimitáció és a modalitás, vagyis a megnyilatkozás struktúrájának kialakítása, elhatárolása (beszédtagolás), valamint a beszélőnek a közlés tartalmához és partneréhez való viszonyának a kifejezése, továbbá érzelmi állapotának tükrözése, melyek nyelvenként változó, konvencionális szerkezetekben fejeződnek ki. A beszédintonáció tehát a beszédhangokhoz hasonlóan nyelvspecifikus.

Arra vonatkozóan, hogy nyelvi jel-e a szupraszegmentális szerkezet, megoszlanak a vélemények (erről bővebben ld. Péter 1991, 141–8). Jeltermészetét bizonyítja, hogy "viszonyokat jelöl, különböző viszonyokat közvetít különböző jelentések révén, mely viszonyok különféle pragmatikai tartalmakban testesülnek meg. Az intonáció tehát jel, akusztikus jel, melynek használati szabályait (jelentését) meg lehet tanulni." (Tóth 2000, 142.) A szupraszegmentális eszközök – mint nyelvi eszközök – részt vesznek a stílusok (nyelvváltozatok) kialakításában (vö. Péter i. m. 140).

Az alábbiakban napjaink magyar intonáció-kutatásánk rövid áttekintése következik (természetesen a teljesség igénye nélkül).

"A magyar hanglejtésről szóló régibb fejtegetések részben hiányosak, részben tévesek." Ezekkel a sorokkal kezdődik Csúry Bálint 1925-ben megjelent kiváló munkája (Csúry 1925, 1), amelyben a számosháti nyelvjárás hanglejtésformáit mutatja be. Az azóta eltelt idő alatt – nem utolsósorban a kísérleti fonetika rohamos fejlődésének köszönhetően – a magyar beszédintonáció kutatásában nemzetközi viszonylatban is jelentős eredmények születtek, ám a mai napig nem alakult ki egységes álláspont a szupraszegmentális eszközök elemeinek és nyelvi funkciójuknak a megítélésében. Az okokat kutatva egyetértünk Péter Mihállyal, aki szerint: "Ennek oka jórészt magában az intonációban, annak paradox természetében rejlik. Az intonáció ugyanis a legegységesebb és ugyanakkor a legspecifikusabb eszköze a nyelvnek." (Péter 1991, 136.) Másrészt pedig a különböző kutatói szemléletekből, vizsgálati módszerekből is következik a megállapítások sokfélesége.

A szupraszegmentális hangszerkezetek (beszédintonáció) vizsgálata a XX. század második felében került a fonetikai kutatások előterébe. A korábban megjelent hangtani munkák szerzői nem vagy csak "szórványosan" foglalkoztak az ún. szupraszegmentális tényezőkkel, s csupán részproblémák – elsősorban a hanglejtés és a hangsúly – tárgyalása kapcsán érintették az intonáció problémáját (ld. például Balassa 1904).

A beszédintonáció fogalmának és alkotóelemeinek a meghatározása jóformán koronként és szerzőnként változott. A sokféle felfogás két nagyobb csoportba sorolható: az egyik az intonáció ún. "szűkebb", a másik pedig az ún. "tágabb" értelmezését képviseli. A beszédintonáció szűkebb értelemben az alaphang (F0) frekvenciaváltozásaival előállított beszéddallamot jelenti. E nézet szerint tehát az intonációt egyetlen komponens hozza létre, s az alaphang frekvenciaváltozásait kísérő, pontosabban az azzal együtt ható, s egymással kölcsönhatásban levő tényezőket (dinamika, időtartam, szünet stb.) egymástól elválasztva, fonetikai részkategóriákként vizsgálták, melyeket többnyire mint szupraszegmentális vagy prozódiai tényezőket, esetleg mint hangtulajdonságokat említenek (ld. például: Laziczius 1944; Jassem 1973).

A másik felfogás szerint a beszédintonáció több akusztikus összetevőből szerveződő fonetikai részrendszer (vö. nálunk pl. Bolla munkái; Szende 1995; Varga 1994; Kassai 1998). Bebizonyosodott ugyanis, hogy a hangtest nemcsak szegmentálisan, hanem szupraszegmentálisan is tagolható. A beszédhangokat létrehozó hangsajátóságok ugyanis egy másféle felhasználásban új közléstartalmak kifejezésére szolgáló ún. szupraszegmentális hangszerkezetek – hagyományosan: (beszéd)intonáció – kialakítói is (erről bővebben ld. például Bolla EFF 7. 1992). A beszédintonáció, a beszédhangokhoz hasonlóan több akusztikus paramétereiből álló komplex egység. A beszédhangok – a beszéd legkisebb szegmentális elemei – akusztikailag a hangmagassággal, az intenzitással, az időtartammal és a hangszínképpel írhatók le. Ezek az összetevők viszont másfajta felhasználásban a szupraszegmentális hangszerkezetek alkotóelemei. Az alaphang frekvenciaváltozása hozza létre a beszéd dallamát, az idő-

tartam a beszédtempó és a ritmus kialakításában, az intenzitásváltozás pedig a beszéd dinamikájában játszik szerepet. Ezekkel a komponensekkel "...különböző hangeffektusok alakíthatók ki, melyek mintegy ráépülnek a hangsor rövidebb-hosszabb metszeteire, szakaszaira. A nyelv az ebből adódó hangalaki különbségeket használja fel intellektuális, voluntatív, emotív stb. tartalmak kifejezésére. A hangszerkezet ebben a felfogásban a fentebb említett hangszközökkel előállítható hangzássztereotípiának vehető." (Bolla MFF 5. 1980, 41–2.), s alkotóelemeinek természetéből következően fizikai valóságában megragadható, leírható, nyelvi relevanciával rendelkező önálló fonetikai kategória, részrendszer.

Történetek/-nek kísérletek nálunk is a szupraszegmentális eszközök "fonológiai-prozódiai" rendszerének a meghatározására. A kutatók elsősorban a dallamformák (hanglejtésformák) alapján próbálnak a fonémákhoz hasonló funkciót hordozó ún. intonémákat, dallam-, szünetprozodémákat stb. megállapítani (ld. például Varga 1989; Szende 1995).

A beszédintonáció nyelvészeti státusát illetően meg kell jegyeznünk még, hogy van olyan szemlélet, miszerint az nem alkot önálló fonetikai részrendszert, hanem más részdiszciplínákhoz – pl a szintaxishoz – tartozó részem, ahogyan Deme László írja a beszéddallamra vonatkozóan: "A hanglejtés lehetséges, illetőleg szokásos formáinak alkalmazása már teljes egészében mondattani kérdés, s így tárgyalásának is ott van a helye." (Deme 1970, 118.)

A szupraszegmentális eszközök közül a hanglejtés (beszéddallam) szakirodalma a leggazdagabb. Magdics Klára 1963-ban megjelent tanulmányában (1963, 201–36) tíz év kutatásáról kapunk átfogó képet. A szerző kritikusan tárgyalja az eredményeket és vet fel elsősorban elméleti problémákat az alkalmazott módszerekkel kapcsolatosan. Mivel a magyar nem politon (tonális), hanem monoton nyelv, tehát a szupraszegmentális eszközöknek a szónál nagyobb egységen (megnyilatkozáson) van nyelvi szerepük, felmerül a kérdés: tagolható-e a hanglejtés és mi a legkisebb egysége? E kérdésben is eltérők a vélemények – vannak, akik szerint a mondathanglejtés nem bontható részekre, mások viszont ellenkező állásponton vannak: tagolható, a kérdés az, mit tekintünk a tagolás alapjának. Magdics többek között Hockett (két beszédszünet közötti szakasz), Palmer (hangsúlytól hangsúlyig terjedő beszéd szakasz) Jassem (szólam), Essen (szintagma, de nem grammatikai értelemben) Péter Mihály (Essenhez hasonlóan) nézeteit ismerteti.

Elekfi László (1962) objektív (műszeres) és szubjektív (percepciós teszt) módszerekkel vizsgálta a magyar hanglejtésformákat. A kísérletekben nyelvészek és zenei képzettségű szakemberek vettek részt, így az eredmények nem vonatkoztathatók a laikus nyelvhasználókra.

A magyar hanglejtéssel foglalkozó korábbi munkák közül igen jelentős Fónagy Iván és Magdics Klára monográfiája, *A magyar beszéd dallama* (1967), amely igen gazdag nyelvi anyagot ölel fel.

Deme László a hanglejtést (a hangsúlyt és a szünetet is) "a mondatépítés testetlen eszközei"-nek tekinti, mivel ezek "csak már kész hangtesteken

megjelenő sajátosságok" (Deme 1970, 457). Ez a megállapítás azonban vitatható, ugyanis ha valóban testetlenek lennének, akkor lehetetlen volna objektív (műszeres) módszerekkel végzett vizsgálatok, például az alapfrekvencia-változásaiból kialakuló beszéddallam vagy az intenzitásváltozásokon alapuló dinamikai szerkezet. Deme a hanglejtést a következőképpen definiálja: "a beszéd magasságának hullámzásából adódó vonal" (1970, 503), amely szorosan kapcsolódik a hangsúlyozáshoz, és "Minden hangsúlynál új hanglejtési egység kezdődik" (Deme i. m. 503), ő tehát a hangsúlytól hangsúlyig terjedő szakaszt tekinti a hanglejtés alapegységének. Deme sorra veszi a különböző modalitású magyar mondatok hanglejtésformáinak semleges és "érzelmi alapú" változatait. Az emotív közléstartalom nélküli (semleges) kijelentő mondat alapformájáról a következőket állapítja meg: nincs sajátos hanglejtésformája, "ereszkedő vagy helyesebben elül eső" a hangmenet: az 1. és a 2. szótag között "nagy esés van, a magasság a felső fokról majdnem az alsóra esik, s a többi szótag az alsón fut tovább, legföljebb még lényegtelen mértékű ereszkedéssel." (Deme i. m. 504.) A fentiek szerint tehát mindhárom hangmagassági (magas, közepes, mély) sávot átfogó hanglejtés jellemzi a kijelentést. Ezt azonban nem igazolják sem a műszeres elemzések, sem pedig a percepciók tesztek eredményei: az attitűd közléstartalom nélküli kijelentő megnyilatkozások dallama a mély és/vagy a középső hangmagassági sávban alakul ki (ld. például Bolla 1992; Földi 1996). Deme a hanglejtés mellett a szünetet és a hangsúlyt tárgyalja még a mondatfonetikai eszközök sorában. (Az végül is nem derül ki, hogy a szerző milyen vizsgálatok és megfigyelések alapján állapította meg az egyes hanglejtésformákat.)

Bolla Kálmán kísérleti-fonetikai vizsgálatai alapján a következő akusztikus összetevőket sorolja a szupraszegmentális eszközök közé: 1. beszéddallam, (hanglejtés, hangmenet) – az alaphang (F0) frekvenciaváltozásain alapuló elem, 2. dinamika és 3. szünet – az intenzitásváltozásokon alapuló elemek, 4. tempó, 5. ritmus, 6. emfatikus nyújtás – az időtényezőn alapuló hangeszközök és 7. hangszínezet – a felharmonikusokból formálódó paraméter (vö. például Bolla 1980, 1992 stb.) Ezt a felfogást képviseli többek között Péter Mihály is (Péter 1991, 138).

Szende Tamás funkcionális szemléletű munkájában (1995) a következő szupraszegmentumokat tárgyalja: a kvantitást, a hanglejtést és a nyomatékot "mint a szegmentumok egy egységbe tartozásán alapuló szupraszegmentális tényezők"-et, továbbá a junktúrát és a szünetet "mint a szegmentumok egymástól való elkülönülésén alapuló szupraszegmentális tényezők"-et (Szende 1995, 9).

Varga László (1994) fő célkitűzése – egyebek mellett – "a dallamprozodémák fonológiai, szemantikai és szintaktikai vonatkozásainak vizsgálata" (Varga 1994, 468). Prozodikus eszközöknek tekinti a dallamot, a hangsúlyt, a szünetet, a tempót, az átlaghangerőt és a hangszínezetet (469–70). A diszkrét-ség kritériumai alapján pedig "az intonáció a dallam-, hangsúly-, szünet- és gátprozodémák" (473). A hangszínezetet, a hangerőt és a tempót pedig – annak ellenére, hogy betölthetnek mondatfunkciót – intonáción kívüli prozodikus

eszközöknek tekinti, mivel "nem kategorikusan, hanem folyamatosan különböznek egymástól", és ez vonatkozik a dallam meredekségére és hangfekvésére is. (Varga i. m. 472–3). Ez a megállapítás azonban kétségesnek tűnik, hiszen a hangfekvés és a meredekség mint dallamjellemzők, valamint a hangszínezet és a dinamika is jelentősen megváltoztatják a közléstartalom értelmét. Vegyük például a következő megnyilatkozást: *Tudod, hogy mennyire szeretem a spenótot*. Ez a hangsor a spenóthoz való viszonytól függően (nagyon szeretem vagy ki nem állhatom) különböző attitűdtartalmat fejezhet ki: az ember örömmel, hálásan veszi tudomásul partnere figyelmességét, vagy pedig rosszsallását a nem túlságosan tapintatos gesztusáért. A beszélő érzelmi állapota befolyásolja a hangleadás alakulását (pl. formáját, hangfekvését), és hangszínezete pedig attitudinális információ-hordozó, amely meghatározza, konkretizálja a megnyilatkozást (ld. Cooper–Sorensen 1981, 171–2, és a III. fejezetet).

Kassai Iona tankönyvében (1998) a beszéddallamot, a dinamikát, a tempót, a hangsúlyt és a szünetet tárgyalja részletesebben, a hangszínezetet, a junktúrát, az átlaghangerőt és a ritmust azért nem, mert szerinte "ezeknek a jelenségeknek a kutatása még nem ért el olyan szintet, hogy megfelelően értelmezhető eredmények és általánosítások állnának rendelkezésre." (Kassai 1998, 230.)

A beszédintonáció vizsgálatában nélkülözhetetlen szerepe van a kísérleti fonetikai eljárásoknak. Számos olyan tanulmány, monográfia, tankönyv látott napvilágot (pl. Deme, Varga, Wacha munkái), amelyekből nem derül ki – vagy csupán sejthető a megállapítások alapján –, hogy milyen módszereket (többnyire szubjektív, hallás utáni elemzést) alkalmazott a szerző, s ha a közölt eredményeket egzakt vizsgálatokkal, percepciós tesztekkel ellenőrizzük, nem egyszer azt tapasztaljuk, hogy azok nem felelnek meg a nyelvi valóságnak. Ahhoz, hogy nyelvileg hiteles megállapításokat, általánosításokat tegyünk, és elkészítsük a szupraszegmentális hangszerkezetek rendszerének leírását, nagy mennyiségű adat feldolgozása és percepciós tesztekkel való ellenőrzése szükséges. Ezek nélkül nagy a veszélye annak, hogy téves következtetéseket, megállapításokat teszünk, mint pl. a nemrégiben megjelent *Magyar Grammatika* (2000) 381–2. oldalán található táblázatban – Keszler Borbála munkája – a kijelentő mondatokra vonatkozóan azt a téves megállapítást találjuk, hogy "emocionális intonáció" nem fordulhat elő ebben a mondatfajtaiban. (A szupraszegmentális szerkezetekkel kifejezett emotív közléstartalmak akusztikus jegyeire vonatkozóan ld. pl. Bolla 1992; Cooper, W.E.–Sorensen, J.M. 1981; Földi 1996; Local 1996, 177–230; Péter 1991).

Irodalom

- Balassa József: Magyar fonétika. Budapest, 1904.
- Bolla Kálmán: A fonetikai szerkezetek interlingvális egybevetéséről. (Problémavázlat). Magyar Fonetikai Füzetek 5. 1980, 40–67.
- Bolla Kálmán: Szupraszegmentális elemzések. Budapest, 1992. (EFF 7.)
- Cooper, W.E.–Sorensen, J.M.: Fundamental Frequency in Sentence Production. New York–Heidelberg–Berlin, 1981.
- Csúry Bálint: A szamosháti nyelvjárás hanglejtésformái. Budapest, 1925. (MNyTK 22.)
- Deme László: Hangsúly és hanglejtés. In: A mai magyar nyelv rendszere I. Szerk. Tompa József. Budapest, 1970, 115–9.
- Deme László: Hangsúly, szórend, hanglejtés, szünet. In: A mai magyar nyelv rendszere II. Szerk. Tompa József. Budapest, 1970, 458–682.
- Elekfi László: Vizsgálatok a hanglejtés megfigyelésének módjaihoz. Budapest, 1962. (Nyelvtudományi Értekezések 34.)
- Fónagy Iván–Magdics Klára: Az érzelmek tükröződése a hanglejtésben és a zenében. Nyelvtudományi Közlemények LXV, 1963, 102–37.
- Fónagy Iván–Magdics Klára: A magyar beszéd dallama. Budapest, 1997.
- Földi Éva: Az érzelmek kifejezés szupraszegmentális formái és percepciója. Budapest, 1996. (EFF 20.)
- Jassem W.: Podstawy fonetyki akustycznej. Warszawa, 1973.
- Magyar grammatika. Szerk. Keszler Borbála. Budapest, 2000.
- Lazicius Gyula: Fonétika. Budapest, 1944.
- Local, J.: Conversational phonetics: some aspects of news receipts in everyday talk. In: Prosody in conversation. Eds. Couper-Kuhlen E.–Selting, M. Cambridge, 1996, 177–230.
- Magdics Klára: az utóbbi tíz év hanglejtéskutatásáról. Általános Nyelvészeti Tanulmányok I, 1963, 201–36.
- Péter Mihály: A nyelvi érzelmek kifejezés eszközei és módjai. Budapest, 1991.
- Szende Tamás: A beszéd hangszerelése. Idő, hangmagasság, hangerő és határjelzés a közlésben. Linguistica. Series A. Budapest, 1995.
- Tóth László: Jel – jelentés – intonáció. In: Papp Ferenc akadémikus 70. születésnapjára. Szerk. T. Molnár István–Klaudy Kinga. Debrecen, 2000, 138–43.
- Varga László: A hanglejtés. In: Strukturális magyar nyelvtan 2. Fonológia. Szerk. Kiefer Ferenc. Budapest, 1994, 468–549.
- Varga László: Contour insertion in Hungarian intonation. In: Vox Humana. Bolla Kálmán professzor hetvenedik születésnapjára. Szerk. Földi Éva–Gadányi Károly. Budapest, 2000, 397–406.
- Wacha Imre: Az elhangzó beszéd főbb akusztikus stíluskategóriái. Általános Nyelvészeti Tanulmányok X, 1974, 203–16.

BESZÉDADATBÁZISOK A PSZICHOLINGVISZTIKÁBAN ÉS A BESZÉDTECHNOLÓGIÁBAN

1. A korpusz vagy más szóval beszédatbázis az írott, illetőleg lejegyzett szövegek gyűjteménye. Elemzése és felhasználása a nyelvészetben régóta ismeretes; a számítógépek megjelenése azonban mintegy forradalmasította a korpuszok létrejöttét (mind mennyiségi, mind feldolgozási tekintetben). A korpusznyelvészet pedig egyértelműen a technológia fejlődésének, a számítógépnek köszönhető (Leech 1992, Mcenery–Wilson 1996, Váradi 2000, 147). Az a cél ugyanis, hogy olyan mennyiségű adatot gyűjthessünk, amely kellőképpen reprezentálja egy beszédközösség nyelvhasználatát, csakis a számítógépes technológia segítségével érhető el. A mai értelmezés szerint a korpusz meghatározott szempontok szerint összeválogatott, egységesen kódolt szövegek gyűjteménye. A nemzetközi szakirodalomban sokféle korpuszt találunk; ezeket a gyűjteményeket a legkülönbélebb céllal hozták létre. A korpusznyelvészet nagyon sok nyelvben indult fejlődésnek az utóbbi évtizedben, s ennek eredményei az írott vagy beszélt nyelvi adatbázisok. A British National Corpus (BNC) például 100 millió szóból álló gyűjtemény, amely írott és beszélt szövegeket egyaránt tartalmaz. A német nemzeti korpuszban jelentős dialektológiai felvételek is vannak különböző nyelvjáróterületekről (archivált anyagok is). Egy-egy célzott kutatáshoz is készülnek korpuszok, ezek rendszerint kisebb méretűek, s egy vagy több kiválasztott jelenség elemzésére alkalmasak.

A beszédkorpuszok különösen jelentősek azokon a területeken, ahol megfelelő mennyiségű, körültekintően felgyűjtött adat nélkül a kitűzött cél nem érhető el, avagy a jelenség nem vizsgálható. A pszicholingvisztikában és a beszédtechnológiában több ilyen kutatási terület ismeretes. Az elsőben a megakadás-jelenségek tudományos igényű vizsgálatához éppúgy nélkülözhetetlen a korpusz, mint az anyanyelv-elsajátítás avagy bizonyos beszédzavarok elemzéséhez. A beszédtechnológiában a beszéd szintetizáló rendszerek – függetlenül a rendszer technikai sajátosságaitól – ugyancsak adatbázisokon alapszanak. A mesterséges beszéd felismerés céljaira avagy a beszélő személy felismerésének automatikus megoldására is legalkalmasabbak a minél változatosabb beszédmintát tartalmazó korpuszok. A jelen tanulmányban a beszélt nyelvi korpuszok áttekintésével arra a kérdésre keressük a választ, hogy miként kapcsolódik össze a pszicholingvisztika és a beszédtechnológia egy-egy kutatási területének (megakadás-jelenségek, ill. automatikus beszéd felismerés) beszédatbázisokon alapuló elemzési igénye.

2. A magyar korpusznyelvészet eredményeit végigtekintve azt látjuk, hogy rendelkezésre állnak már olyan tudományos igényű fejlesztett korpuszok, amelyekben megbízhatóan végezhető különböző nyelvészeti vizsgálatok. Ezek a korpuszok azonban vagy írott szövegeket tartalmaznak, vagy felolvasá-

sokat. A Magyar Nemzeti Szövegtár (MTA Nyelvtudományi Intézet) nagyméretű, reprezentatív, írott anyag alapján készült szöveges és lexikai adatbázis (jelenleg mintegy 100 millió szóval, vö. Váradí 2002). A BABEL az első magyar beszédatadabázis, amely nemzetközi szabvány alapján készült (Vicsi–Vig 1998). Célja a magyar köznyelv reprezentálása hanganyaggal; hangkapcsolókat, szavakat, számokat, öt mondatból álló mondatfüzéreket tartalmaz, továbbá megtalálható benne 120 bekezdés fonetikai szinten címkézett és szegmentált anyaga. A hanganyag felvétele olvasott szöveg alapján készült (három cd-n rögzítve hatvan bemozdóval). A mesterséges beszéd előállításához különféle beszédatadabázisok ismeretese, amelyek az aktuális szintézis szükségleteit tükrözik (pl. diádós adatbázis, kötött szótáras rendszerekhez készített beszédelemtár, kevert felépítésű beszédatadabázisok); a hanganyag minden esetben egy-egy bemozdóval rögzített felolvasás alapján készült (vö. Olasz 1999). Az MTBA magyar telefonbeszéd-adatbázis vezetékes és mobiltelefonról rögzített ún. telefonos beszédkorpusz, amely a magyar beszédtechnológiai kutatások és fejlesztések támogatására készült (az OM Ikta-3 pályázatának keretében). Az adatbázis 500 adatközlő hangfelvételeit tartalmazza; a beszélők olvasták a szövegeket (Vicsi et al. 2002). Az MTBA célja egy magyar nyelvű szófaji egyértelműsítő módszer fejlesztése volt gépi tanulási algoritmusok felhasználásával.

3. Miért szükséges korpusz a beszédprodukción folyamatának elemzéséhez a pszicholingvisztikában?

A spontán beszéd folyamatosságát megakasztó jelenségeket összefoglaló néven 'megakadás-jelenségeknek' nevezzük (ezek egy része nyelvbotlás, amelyek a nyelv produktívitásának jelzőiként is felfoghatók). Létrejöttüknek az oka, hogy a beszélő bizonytalan abban, hogy mit szándékozik mondani, ugyanakkor igyekszik kontrollálni a közlés tervezési, kivitelezési és artikulációs részfolyamatait. A megakadás-jelenség kifejezés tulajdonképpen gyűjtőfogalom, a spontán beszédben fellépő, különféle hibázásokat értjük rajta (Gósy 2002). Elfogadott pszicholingvisztikai definíciója a következő: „beszélésakor ejtett hiba, amelyben beszédhangok és szavak hibásan ejtődnek avagy átszerveződnek” (Berko Gleason–Bernstein Ratner 1998, 323). A meghatározás azonnal felveti azt a kérdést, hogy miként juthatunk elemzésre alkalmas minőségű és mennyiségű megakadás-jelenség birtokába. A beszéd közben előforduló hibák gyűjtése és elemzése sokkal régebbi a pszicholingvisztikában történő tárgyalásuknál. Az első ismert nyelvészeti munka, amely a nyelvbotlásokról szól, egy Al-Ki-sa'i nevű arab nyelvész nevéhez fűződik, és a 8. században publikálták (vö. Berko Gleason–Bernstein Ratner 1998). Az első nagy gyűjtemény, amely beszéd közben ejtett hibákat tartalmazott, több, mint tíz évszázad múlva, 1895-ben jelent meg (Meringer–Mayer), és 8000-nél több adatból állt. A mai napig ez tekinthető a legnagyobb méretű – mai szóval – korpusznak. Az angol beszédből gyűjtött nyelvbotlások két legnagyobb gyűjteménye az UCLA-korpusz, ez 4200 adatot tartalmaz (Fromkin 1988) és az MIT-korpusz (Shattuck-Hufnagel 1986; Garrett 1988). Számos nyelv esetében található megakadás-jelenségekből álló gyűjtemények (Ferber 1993, Nadeau 2001,

Lickley–Shriberg 2001)). Az ilyen adatbázisok rendszerint úgy jönnek létre, hogy a hallott és lejegyzett „nyelvbottlásokat” valamilyen rendező elv szerint korszerű módon (számítógépen) rögzítenek. Bár ez az eljárás jó, s ha a gyűjtés kritériumai tudományosan megalapozottak, akkor kiváló korpuszok jöhetnek létre ezen a módon, amelyek különféle pszicholingvisztikai célú elemzésre felhasználhatók. Fromkin azonban már évtizedekkel ezelőtt felhívta a figyelmet az így gyűjtött anyag hátrányaira. Mindenekelőtt arra, hogy statisztikai jellegű megállapítások ezek alapján nem tehetők, hiszen egy adott megakadás-jelenség a mindenkori ’hallgató’ percepciók mechanizmusának szűrőjén megy keresztül (1980). Ez egyrészt azt jelenti, hogy a lejegyző individuális érzékenységének függvénye, hogy milyen nyelvbottlásra figyel fel. Előfordulhat, hogy a korrigált hibákat jobban észre vesszük, mint a javíthatlanokat. Továbbá, az ilyen típusú gyűjteményekben nincs ismételt adat, azaz ugyanazt a tévesztést nem veszik fel többször az adatbázisba. Ennélfogva nem is lehet mód gyakorisági elemzésekre. Mindezek ellenére ilyen jellegű korpuszok napjainkban is vannak, és bővítik azokat, mivel számos olyan tényt tartalmaznak, amelyek más módszerrel csak igen nagy energiával vagy nem is lennének elérhetőek.

Azok a korpuszok, amelyek spontán beszédet rögzítenek, igen jól használhatók a megakadás-jelenségek vizsgálatára, és statisztikai érvennyel bírnak. Példaként mutatunk be angol, ill. amerikai angol és ausztráliai angol nyelvű adatbázisokat. Az egyikben célzottan felvett dialógusok találhatók (London–Lund korpusz), a másikkban ugyanannak a látott történetnek az elmeséléseit (reprodukcióit) rögzítették 20 beszélőtől. A harmadikban telefonbeszélgetések alkotják a korpuszt, a negyedikben pedig telefonautomatának mondott szövegeket vettek magnetofonra (Clark–Fox Tree 2002). Egy éven át rögzítették egy ausztrál pizzatársaság telefonos pizzarendeléseit, majd adatolták és elemezték a kapott anyagot (Hutchinson–Pereira 2001). A korpuszok nagysága nagy különbségeket mutat. A London–Lund korpusz 170 000 szót tartalmaz 50 dialógus alapján; a telefonautomatának mondott adatbázisban 2,7 millió szó található, a telefonbeszélgetésekből álló korpusz pedig „csupán” 5000 szóból áll. A pizzarendeléses korpusz 3 óra 54 percnyi anyagot tartalmaz, 162 megrendelést rögzítettek. Ezeknek a korpuszoknak az a hátránya, hogy ugyanazon méretű nyelvbottlásmennyiséghez sokkal nagyobb adatbázis gyűjtésére és adatolására van szükség.

A magyarra vonatkozóan létezik egy közel 3500 egységből álló, gyűjtött megakadás-jelenségeket tartalmazó korpusz (a jelen szerző anyaga), valamint egy 380 adatot tartalmazó lexikális előhívási nehézséggel kapcsolatos TOT-jelenség korpusz (Gósy 2003). Létezik egy további magyar nyelvbottlásokat tartalmazó mintegy 1000 adatos spontán beszédből kialakított gyűjtemény (Szépe 2001). A megakadás-jelenségek statisztikai szempontból megbízható módja az, ha spontánbeszéd-adatbázisokat elemezve hozunk létre korpuszt. Magyar nyelven ilyen korpusz készülében van (Gósy 2003), amelyben 7 órnyi spontán beszédanyag feldolgozása, adatolása és összesítése történt meg. A 15 498 szót tartalmazó anyagban 1067 bizonytalanságból eredő megakadás-

jelenséget, 466 nyelvbtlást és 1067 különböző funkciójú szünetet találtunk. A beszédprodukción hibázások száma tehát (a szünetek nélkül) 1533. Egy ilyen méretű anyagban a megakadás-jelenségek biztos azonosítása egy embernek kb. 8 órányi munkája. Így kb. 3 perc alatt rögzíthető egy nyelvbtlás, míg ugyanennyi idő alatt több, mint 38 írható le a 'nyelvbtlások' megfigyelésével és lejegyzésével, hiszen a „gyűjtő” egyúttal a természetes kommunikáció résztvevője. A tapasztalat az, hogy a célzott korpuszokban nagy mennyiségben található a gyűjtők saját megakadás-jelenségei.

4. Miért szükséges korpusz a mesterséges beszéd felismerés megoldásához a beszédtechnológiában?

A mesterséges beszéd felismerés megoldása a tradicionális megközelítésekben (pl. paraméterazonosítás) – a beszéd nagyfokú változatossága miatt, amely még egyetlen beszélőn belül is érvényesül – nem működött. A beszédtechnológia szükségszerűen igényli az ejtésvariációk mélyreható elemzését. Erre kiválóan alkalmas például a magyar MTBA adatbázis, annak ellenére, hogy olvasott szöveget tartalmaz, de különböző beszélőktől rögzítve.

Az utóbbi mintegy két évtizedben ezért hatalmas korpuszok alapján olyan rendszereket hoztak létre, amelyekben meghatározott funkciójú algoritmusokkal különféle matematikai statisztikai megoldások felhasználásával lehetett sikert elérni. Az automatikus beszéd felismerés igénye megsokszorozta a különböző beszédatadabázisokat több nyelven (vö. William-Renals 1999). Az első azonos idejű (real-time) személyi számítógépen működő, nagy, izolált szavas adatbázist a beszéd felismerés céljából hozták létre 1981-ben. A megoldandó feladat a diktáló rendszer kifejlesztése volt (vö. beszéd alapján író gép). A fejlesztést az IBM Beszéd felismerő csoportja végezte (Lee–Soong–Paliwal 1999). Ekkorra az automatikus beszéd felismerés alpmegoldásai már ismertek voltak; azonban a tökéletes megoldás még váratott magára. Az azóta létrehozott különféle (és nagyszámú) beszédatadabázis, illetőleg az azokon végzett elemzések nagymértékben hozzájárultak az automatikus beszéd felismerés problémájának megoldásához.

A bevezetésben feltett kérdésre, hogy milyen kapcsolat van a pszicholingvisztika és a beszédtechnológia között az adatbázisokkal kapcsolatban, a következő kettős választ adhatjuk.

(i) A beszédatadabázisok egy része – a közvetlen céltól függetlenül – kiválóan alkalmas mind az automatikus beszéd felismerés megoldására, mind pedig a nyelvbtlások, s ezen keresztül a beszédprodukción folyamatának megismerésére. Természetesen csak azok, amelyek spontán beszédet (narratívákat, dialógusokat stb.) tartalmaznak, hiszen a hangos olvasásnak egészen más a beszédprodukción háttere, mint a spontán megnyilatkozásoké.

(ii) A mesterséges beszéd felismerés pontosságát nagymértékben csökkenthetik a megakadás-jelenségek. Ezek típusai, statisztikailag releváns előfordulásuk, továbbá az egyéni sajátosságok becsült különbözősége nagymértékben hozzájárul a beszédtechnológiai cél mind jobb megvalósításához.

Irodalom

- Berko Gleason, J.–Bernstein Ratner, N. (1998, szerk.): Psycholinguistics. Harcourt Brace. Orlando.
- Clark, Herbert – Fox Tree, Jean E. (2002): Using *uh* and *um* in spontaneous speaking. *Cognition* 84: 73-111.
- Ferber, Rosa (1993): Wie valide sind Versprechersammlungen? Peter Lang. Bern.
- Fromkin, V.A. (1980, szerk.): Errors in linguistic performance: Slips of the tongue, ear, pen, and hand. Academic Press. New York.
- Fromkin, V. A. (1988): The grammatical aspects of speech errors. In: Newmeyer, F.J. (szerk.): Linguistics: The Cambridge survey (Vol. II.), 117-138. Cambridge University Press. Cambridge.
- Garrett, M. F. (1988): Processes in language production. In: Newmeyer, F.J. (szerk.): Linguistics: The Cambridge survey (Vol. III.), 69-96. Cambridge University Press. Cambridge.
- Gósy Mária (2002): A megakadásjelenségek eredete a beszédprodukción tervezési folyamatában. *Magyar Nyelvőr* 2: 192-204.
- Gósy, Mária (2003): Temporal organization of phonological and phonetic encoding: Evidence from experiments and spontaneous Speech. *Proc. of ICPHS*. Vol. 4. Barcelona, 1223-1227.
- Keszler Borbála (1983): Kötetlen beszélgetések mondat- és szövegtani vizsgálata. In: Tanulmányok a mai magyar nyelv szövegtana köréből. Szerk.: Rác Endre és Szathmári István. Tankönyvkiadó. Budapest, 164-187.
- Lee, Chin-Hui – Soong, Frank K. – Paiwal, Kuldip K. (1999): Automatic Speech and Speaker Recognition. Kluwer. Boston, Dordrecht, London.
- Leech, G. (1992): Corpora and theories of linguistic performance. In: Svartvik, J. (ed.) *Directions in Corpus Linguistics*. Mouton de Gruyter. Berlin, 105-22.
- Lickley, Robin – Shriberg, Liz (2001, szerk.): Disfluency in Spontaneous Speech. *Proceedings*. Edinburgh.
- Mcenery, T. and Wilson, A. (1996): *Corpus Linguistics*. Edinburgh University Press.
- Meringer, R.–Mayer, K. (1895): *Versprechen und Verlesen: eine psychologisch-linguistische Studie*. Göschene Verlagsbuchhandlung. Stuttgart.
- Nadeau, Stephen, E. (2001): Phonology: A review and proposals from a connectionist perspective. *Brain and Language* 79: 511-579.
- Olaszy Gábor (1999): Beszédatadabázisok készítése gépi beszédelőállításhoz. In: *Beszédkutatás '99*. Szerk.: Gósy Mária. MTA Nyelvtudományi Intézet. Budapest, 68-90.
- Shattuck-Hufnagel, S. (1986): The role of word-onset consonants: Speech production priming. In: Keller, E.–Moprik, M. (szerk.): *Motorsensory processes*. Erlbaum. Hillsdale, New Jersey.
- Szépe Judit (2001): Hangsorépítési stratégiák nyelvbtlásokban és parafáziákban. In: *Beszédkutatás 2001. Elméleti és alkalmazott fonetikai tanulmányok*. Szerk.: Gósy Mária. MTA Nyelvtudományi Intézet. Budapest, 52-70.
- Váradi Tamás (2000): Modern nyelvi technológiák a magyar nyelvért. In: Kiefer Ferenc – Gósy Mária (szerk.): *Helyzetkép a magyar nyelvtudományról*. MTA Nyelvtudományi Intézet. Budapest, 146-156..

- Vicsi Klára et. al. (2002): MTBA – magyar nyelvű telefonbeszéd-adatbázis. Híradástechnika 8: 35-39.
- Vicsi Klára – Vig Attila (1998): Az első magyar nyelvű beszédatadatbázis. In: Beszédkutatás '98. Szerk.: Gósy Mária. MTA Nyelvtudományi Intézet. Budapest, 163-178.
- Williams, Gethin – Renals, Steve (1999): Confidence measures from local posterior probability estimates. Computer Speech and Language 13: 395-411.

**ВАРЬИРОВАНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ОБА,
ОБЈЕ В ЗАПАДНОЕКАВСКОЙ ЗОНЕ СЕРБСКОХОРВАТСКОГО
ЯЗЫКА**

Обширный корпус литературных текстов, созданных в XX веке авторами-сербами, хорватами, черногорцами и бошняками (мусульманами в этническом смысле), демонстрирует тождество грамматической структуры и системы их языка. Некоторые различия в функционировании грамматических форм, сопрягаемые с национальной дифференциацией носителей литературного языка, опирающегося на новоштокавские говоры, имеют частный характер и сводятся, как правило, к большей или меньшей частотности применения вариантных (варьирующих) форм¹.

Не следует квалифицировать, однако, эти различия безоговорочно как национальное литературноязыковое своеобразие, поскольку коллективы литераторов на разных территориях не гомогенны. Одинаковая разновидность литературноязыкового воплощения представлена, например, в произведениях хорвата Р.Маринковича и серба В.Десницы.

Грамматическую специфику литературных текстов уместнее рассматривать, оперируя понятием литературноязыковая зона или литературноязыковой регион. Выявляются три таких региона: (1) восточнокавский (Сербия) и южнокавский (Черногория); (2) центральнокавский (Босния и Герцеговина) и (3) западнокавский (Хорватия)².

Актуальной задачей науки остается исследование и детальное описание грамматической структуры, воплощенной и воплощаемой в сочинениях представителей названных литературноязыковых зон. Остается в силе побудительная констатация хорватского лингвиста Далибора Брозовича, писавшего более четверти века назад, что в общих грамматических описаниях «с одной стороны, сами факты не всегда описаны адекватно, а с другой, не принимается во внимание (или не учитывается в достаточной мере) истинное соотношение “классического языка” и современных реализаций стандартной новоштокавщины»³.

В литературных произведениях нового времени обнаруживаются в широком употреблении некоторые формы словоизменения, не регистри-

¹ Гудков В.П. К изучению сербско-хорватских языковых дивергенций // Гудков В.П. Славистика. Сербистика. Сборник статей. Москва, 1999. С. 179-188.

² Ранее такой подход применен в статье: Гудков В.П. О морфологическом своенравии сербохорватского слова *вече(р)* // Славистический сборник. В честь 70-летия проф. П.А.Дмитриева. Санкт-Петербург, 1998. С. 144-151.

³ Brozović D. O suvremenoj morfološkoj normi hrvatskoga jezičnog standarda i o morfološkim značajkama standardne novoštokavštine uopće // Jezik. Zagreb. God. XXIV, 1976/77. br. 1, 1976. S. 9.

ровавшиеся авторами грамматик, отражавших язык классических текстов преимущественно XIX века. Таковы формы с чередованием *e/ev* (*подне - поднева, поподне - поподнева*), склонение типа *Миле - Милета, ђале - ђалета*, ставшее обыденным в восточноэкавском регионе⁴.

Обойденные вниманием грамматистов падежные формы фигурируют в современном склонении числительных *оба, обје*. Хотя нормативные грамматические описания содержат безоговорочные указания, что числительные *оба, обе* или (в иекавской огласовке) *обје* склоняются как *два, две, двије*, т.е. имеют род.пад. *обају, обеју, обију* и дат., твор., местн. пад. *обама, обема, објема*⁵, в современных текстах из западноиекавского региона формы косвенных падежей этих числительных нередко оснащаются флексиями местоимений и прилагательных, т.е. *-их, -им(а)*.

Приведем соответствующие данные, почерпнутые из произведений М.Божича, В.Десницы, С.Колара, М.Крлежи, Р.Маринковича, В.Назора и П.Шегедина⁶. В большинстве выявленных примеров числительные сочетаются с существительными женского рода, но встречаются словосочетания и со словами мужского и среднего рода.

Родительный падеж: ... Саслуша оно што му је говорила и паралелним покретима *обију руку* стављала на душу.. (Десница, 21); ...Рашица је попраћао разлагање симетричним покретима *обих руку*.. (Десница, 56); ...*Dao je služiti dvije tihe svete mise, i kod obih je klecao cijelo vrijeme sagnuvši glavu* (Krlеža, 280).

Творительный падеж: *Filip je samouvjerenio objema rukama* uhvatio lijevi prstenak... (Božić, 47); *Iz poklecaja uspravlja se trudno pomažući se obim laktima* o niski oltar (Božić, 409); *Gospodin se Klisić uhvatio objema rukama* za glavu... (Kolar, 134); *A Benjamin je Urlašić, sjedeći na krevetu, podnimio obim rukama* i stisnuo zube... (Kolar, 30); *I pijanino ga je privukao k sebi, on se bacio na nj te je obim šakama* počeo da bije po njemu... (Krlеža, 56); *A sin je podlaktio glavu obim rukama*... (Krlеža, 261); *Mišo ... je stao obim šakama* udarati po stolu... (Krlеža, 210); *On se obim rukama* prihvatio za masnu čađavu štangu... (Krlеža, 300); *S kakve obje strane - izderao se na*

⁴ Гудков В. О множинским облицима неких именица са варијабилном (неједнакосложном) основом // Наш језик. Београд. Књ. XXV, св. 3, 1981. С. 132-135; Гудков В.П. Две белешке о именичкој «неједнакосложној» деκлинацији // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад. Књ. XXII/2. С. 209-211.

⁵ Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Београд, 1964. С. 325; Barić E. *i dr.* Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1979. S. 131; Mrazović P., Vukadinović Z. Gramatika srpskohrvatskog jezika za strance. Novi Sad, 1990. S. 239.

⁶ Božić Mirko. Neisplakani. Zagreb, 1955; Десница Владан. Прољеће у Бадровцу. Београд, 1955; Kolar Slavko. Izabrane priповijetke. Zagreb, 1958; Krlеža Miroslav. Novele. Zagreb, 1955; Маринковић Панко. Киклоп. Београд, 1965; Nazor Vladimir. Sabrana djela. Sv. XVII. Zagreb, 1977; Šegedin Petar. Getsemanski vrtovi. Zagreb, 1981.

мене gospodin doktor Atila... - Što mislite pod tim *obim stranama*? (M. Krleža. Na rubu pameti. Zagreb, 1954. S. 136); Дјевојка *обим рукама* држи врата... (Маринковић, 94); Мелкиор обухвати *обим шакама* своју главу... (Маринковић, 285); Vidim ja bolje ovim jednim [okom] nego ti *obima*... (Nazor); Поceo [je] ударати sestricu *obim rukama* (Šegedin, 20); Richard se uhvatio *obim rukama* za klupu... (Šegedin, 48).

Местный падеж: Можда има зрно истине у *obim* од тих мнијенја... (Nazor, 383).

Словосочетаний с формама дателног падежа не обнаружено, но и в них можно ожидать появления формы *обим(a)* наряду с *обама*, *објема*.

Отнюдь не питая нормализаторских амбиций, полагаю, что публикуемые скромные языковые данные достойны внимания филологов-югославистов.

Guttman Miklós (Szombathely)

KÖZÖS SZLAVISZTIKAI ÉS HUNGAROLÓGIA KUTATÁSOK SZOMBATHELYEN

A Berzsényi Dániel Főiskola földrajzi szempontból sajátos régióban található. A magyar, a szlovén, a horvát nyelv érintkezésének régiójában. E nyelvek érintkezése abból a szempontból is sajátos, hogy a nyelveket használó államokban egyaránt élnek olyan beszélők, akiknek anyanyelve nem azonos az adott állam nyelvével, tehát nemzeti kisebbségek, nemzetiségek. Az elmúlt évtizedekben a Magyar Nyelvészeti Tanszék és a Szlovén, valamint a Horvát Nyelv és Irodalom Tanszék több témában is végzett tudományos kutatásokat, amelyek a magyar nyelvtudomány, a szlavisztika számára egyaránt hasznos tanulságokkal jártak. Ezeket a kutatásokat különösen segítette az a tény, hogy a Magyar Nyelvészeti Tanszék több oktatója magyar lektori teendőket látott el a Maribori Egyetem Pedagógiai Karának Magyar Intézetében.

A szlovéniai magyarság nyelvhasználatának jellemzőit tárgyaló kötetben (Guttman Miklós szerk.: *Anyanyelvünkért*, Murska Sobola, 1983.) több írás foglalkozik a szlovén-magyar kétnyelvűség jelenségeivel. Ezek között találjuk a színnevek kontrasztív vizsgálatával foglalkozó cikkeket, amelyek Gadányi Károly elemzése alapján mutatnak rá a nyelvhasználati sajátosságokra a beszélt és az irodalmi nyelvben. A vizsgálat egy nagyobb terjedelmű monográfiában teljesedik ki. (Gadányi Károly: *A melléknevek egy szemantikai csoportjának összevető jellemzése néhány szláv nyelvben*. Kandidátusi értekezés, 1984.)

Lokális areális élőnyelvi vizsgálatok a magyar, a német és a szláv nyelvek régiójában című, 1993-1996. közötti közös pályázat tette lehetővé, hogy a szlavisztika és a hungarisztika területén egyaránt részletes adatfeltáró és feldolgozó, elemző munkákat végezzünk, s kutatási eredményeinket publikáljuk. Nyelvi tudat, identitástudat, nyelvhasználat címmel konferenciát szerveztünk, amelynek anyagát megjelentettük: (Gadányi Károly – Bokor József – Guttman Miklós szerk.: *Nyelvi tudat, identitástudat, nyelvhasználat*. *Bibliotheca Slavica Savariensis III*. Szombathely, 1996. 249 l.) A kötet előszavában a szerkesztők ezt írják: „Örömünkre szolgál, hogy tanácskozásunkon az előadók között nemcsak hazai kutatókat, hanem szomszédos országokban – Szlovákiában, Horvátországban, Szlovéniában, Ausztriában élő és dolgozó szakembereket üdvözölhettünk. Bízunk benne, hogy kiadványunk sem csak a nyelvi tudat, identitástudat és a nyelvhasználat összefüggésének témakörében segíti majd a jobb eligazodást, hanem az egymás mellett élő népeknek, nemzeteknek és nemzetiségeknek a kölcsönösen jobb megértését, barátságát is szolgálja.” (im. 3. l.)

A négy éves pályázat eredményei alapján készült OTKA értékelésben Kiss Lajos akadémikus a következőket írja: „Kiválóan tervezett és végrehajtott kutatást folytatott a dr. Gadányi Károly vezette csoport. A hazai és nemzetközi

vonatkozásban is jelentős beszélt nyelvi (Parole) vizsgálatok a nyelvi rendszerek különböző síkjait, részrendszereit célozzák meg. Az itt befejezett kutatás feltárta egy régió nyelvi állapotát (generációs viszonylatban), nyelvi kontaktusait, nyelvi mozgását illetve a nyelvi változás tendenciáit. A publikációk olyan kérdéseket elemeznek mint a két és többnyelvűség, nyelvi- ill. kódváltás stb. kiváló munkának tartom.” (Dr. Kiss Lajos értékelése 1997. november 11.)

A pályázati összefoglaló elkészítése nem jelentette a téma kutatásának lezárását, hiszen az összegyűlt nyelvi anyag további feldolgozások lehetőségét kínálta. Ezért új pályázati anyagot állítottunk össze: Komparatív vizsgálatok egy régió két nemzetiségi kisebbsége – a Muravidék magyarsága és a Rábavidék szlovénsége – életmódjának, kultúrájának, nyelvének összefüggésében címmel, Gadányi Károly, mint témavezető irányításával.

Célul tűztük ki annak értékelését, hogy két mikrotársadalom szintjén nemzetiségi körülmények között az asszimilálódás vagy az integrálódás erői meghatározóbbak-e századunkban az életmód, a kultúra és/vagy a nyelv összefüggésében nemzedékről, nemzedékre. Vajon hogyan, miben nyilvánul meg a nemzeti hovatartozás tudata? Mi a kommunikáció szerepe nemzetek és nemzetiségek együttműködésében?

A komplex vizsgálatban a nyelvállapot, a nyelvhasználat, az anya- és környezetnyelv, a hozzá való viszonyulás, a nyelvcsere, a nyelvkeveredés, az anyanyelvoktatás és nyelvművelés problémáinak kérdéseivel foglalkoztunk.

Köztudomású, hogy a vizsgálandó területeken a kétnyelvűsödés, sőt a nyelvcsere folyamata zajlik. Csak idő kérdése, hogy a nyelvészociológia és a nyelvlélektan eszközeivel hol, meddig tudják befogadni a legkülönbözőbb hatástényezőket. Az mindenesetre objektív tény, hogy a nyelv, az anyanyelv tükrözi a társadalmi folyamatokat. Vizsgálataink a nyelvi és nemzeti (magyar és szlovén) tudatnak az előzményeire, nyelvhasználati következményeire is többkevesebb fényt derítettek. A nyelvi változás irányára, tartalmára, s ennek következményeként a nyelvi futurológia alakulására, tendenciáira is kiterhettünk Bokor József s jómagam együttműködésével, a Szlavisztikai, a Magyar Nyelvészeti Tanszék és a maribori Magyar Intézet közreműködésével.

Az eddig bemutatott két kutatási téma alapján mindkét tanszék közreműködő kutatói jelentős mennyiségű empirikus adat birtokába jutottak. A feldolgozott tanulmányokban döntően az elméleti kérdések, tapasztalatok megfogalmazására került sor, a közvetlen iskolai gyakorlat számára történő felhasználás vonatkozásában nem készültek feldolgozások. Éppen ezért volt számunkra jó lehetőség, hogy a felsőoktatási pályázatok keretében: Anyanyelvi nevelés, tanárképzés a lokális areális előnyelvi vizsgálatok tükrében a magyar, szlovén, horvát nyelv érintkezéseinek régiójában című pályázat elnyerésével arra, hogy a közoktatás és a felsőoktatás gyakorlata számára is programokat készíthettünk és folytathattuk a nem publikált kéziratok kiadását.

Elkészítettük a Nyelvészociológia az iskolában stúdium tematikáját magyar szakos főiskolai hallgatók számára a célok és feladatok meghatározásával együtt. Vizsgálataink alapján úgy láttuk, hogy a mai magyar társadalom szocio-

lógiai differenciáltsága alapvetően a társadalom mikroközösségének, a családnak helyzetéből fakad. A magyar családok kulturális, gazdasági, anyagi, területi stb. különbségei egyebek mellett a közoktatás eredményes tevékenységével is szoros összefüggésben vannak. A családokban felnövekvő gyermekek oktatása és a szociológiai környezet kapcsolata a személyiségformálás fontos tényezője. Ez különösen megmutatkozik az anyanyelv megismerése, tanulása és használata terén, vagyis a tanulót körülvevő szűkebb nyelvi környezet, a család, valamint a tágabb nyelvi környezet, így a lakóhely, óvoda, iskola, vallás, stb. adta kommunikációs helyzetek megvalósításában.

A közoktatás legfőbb feladatai között tartjuk számon, hogy felkészítse a tanulókat a kommunikációs helyzetek sokaságában való eligazodásra, tehát az információk, gondolatok befogadására és megértésére és ezzel együtt a beszédhelyzetekhez alkalmazkodó kifejezésre. Az iskola feladata a tanulók felkészítése. Ez a felkészítési folyamat akkor lesz igazán hatékony, ha a szaktanárok felkészülnek erre a munkára, elsajátítják azokat a nyelvészociológiai ismereteket, amelyek az iskolai korosztályokhoz kötődnek, s ezzel együtt alkalmazni tudják iskolai munkájuk során a tanórákon és azokon kívül.

A stúdium egy szemeszteres tematikájába a fenti tényezők alapján válogattuk ki az egyes témákat úgy, hogy kitekintünk az európai nyelvészociológia néhány meghatározó kutatási eredményére, s az ezekre épülő, ezekhez kapcsolódó magyar kutatásokra. A hallgatói önálló munka fontos része egy-egy választott témában önálló kutatás, a kutatási eredmények összefoglalása.

A stúdium anyagát az alábbi tematika tartalmazza az egyes témákhoz külön megjelölt szakirodalom nélkül:

A nyelvészociológia tárgya, kutatási módszerei, gyermeknyelvi vonatkozásai

Az anyanyelvi nevelés szociolingvisztikai vonatkozásai.

Nyelvészociológiai vizsgálatok Angliában

Bernstein elméletének kritikája

A társadalmi háttér, a nyelv és az oktatás összefüggései

Középosztálybeli és munkásosztálybeli fiúk beszédének és írásának kísérleti vizsgálata

Nyelvhasználat és a társadalmi helyzet összefüggései Magyarországon

Beszéd és környezet

Elemzések a fogalmazástanítás köréből. Egy lehetséges út: a vizuális nyelv

Tájnyelv és oktatás. Európai kitekintés angol, német, szláv nyelvterületekre.

Tájnyelv és oktatás összefüggései a magyar nyelvterületen.

A magyar nyelvhasználat változatai

A kétnyelvűség iskolai, oktatási kérdései

Beszámoló a hallgatók egyéni munkája alapján a feldolgozásra ajánlott témákból

A félévi munka értékelése

Feldolgozásra ajánlott témák:

Egy általános iskolai osztály különböző társadalmi réteghez tartozó tanulóinak nyelvhasználati jellemzői iskolai dolgozataik elemzése alapján

Lakóhelyem 5. osztályosainak nyelvhasználati jellemzői, különös tekintettel a regionalitásra, a tájnyelvűség szemszögéből (Iskolai dolgozatok, magnetofonos szövegfelvételek elemzése alapján hangtani, alaktani, szókészlettani stb. jelenségek elemzése.)

A szókészlet archaizmusok az anyanyelvi nevelésben (egy-egy osztály irodalmi anyagának, anyagrésztetének feldolgozása alapján pl. mesék, mondák, Toldi, János vitéz stb.)

A kétnyelvűség jelenségei szlovén, horvát, német anyanyelvű tanulók beszélt nyelvében és fogalmazásaiban.

A stúdium teljes programját kötelezően választható kollégiumként, mint önálló tanegységet felvehetik a főiskola III. évfolyamán tanuló, magyar szakos hallgatók.

A stúdium anyagát horvát nyelv és irodalom szakosoknak Mersich Zsuzsa és Marija Jurić készítette el a tematikát az alábbiak szerint:

Lingvistika – utjecaji društvenih znanosti na lingvistiku – sociolingvistika.

Uvod u sociolingvistiku. Sociolingvistika i srodne znanosti.

Idiom – dijalekt – narječje – standardni jezlik. Odnosi i razlike.

Čakavsko, kajkavsko štokavsko narječje hrvatskog jezika.

Sociolingvistička povijest štokavskog narječja u standardnom hrvatskom jeziku.

Varijante standardnog jezika – jezičnosociološke pojave – karakter osnovice standardnog jezika i odnos prema manjini.

Način normiranja i funkcioniranja hrvatskog standardnog jezika – odnos prema drugim standardima slavenskih jezika.

Utjecaj političkih zbivanja na jezična pitanja.

Suvremena sociolingvistička i lingvistička znanost i nastava jezika u školi.

Problematika miješanja dijalekata i standarda u školama. Proces međudijalekatskih miješanja

Diglosija. Bilingvizam

Gradišćansko-hrvatski dijalekti i narječja. Gradišćansko-hrvatski u školi.

Referati studenata

Ocjenjivanje semestra.

Teme za samostalni rad i istraživanje:

Jezične karakteristike u radnjama učenika pripadnika hrvatske manjine u mađarskom Gradišću.

Pojave bilingvizma u jeziku učenika hrvatskoga pobrijetla.
Položaj hrvatskih jezičnih manija izvan Republike Hrvatske.
Odnosi RH prema vlastitim jezičnim manjinama izvan granica.

A szlovén nyelv és irodalom oktatásához elkészült Elizabeta Bernjak Jezkikovnosistemski razlogi interferenčnih pojavov v slovensko-madžarskem jezikovnem stiku című kötete (Szombathely, 2001.), amelyben a szerző a magyar és a szlovén nyelv kontrasztív elemzése során rámutat a két nyelv kontaktusából eredő interferenciákra a morfológia és a szintakszis szintjén. A kötet a hazai szlavisztikai kutatásokban egyedülálló szaktudományi jelentőségű azzal együtt, hogy a kétnyelvű oktatás számára az iskolai oktatásban, a tanárképzésben közvetlenül hasznosítható ismereteket és tudományos eredményeket fogalmaz meg. A 173 oldal terjedelmű kötet a hazai és a szlovéniai szlavisztikai, valamint a közoktatás, a tanárképzés számára hiánypótló tanulmány.

A nyelvállapot, a nyelvhasználat elemzése a nyelvi ismeretterjesztés, a gyakorlati iskolai munka tervezése, a pedagógus továbbképzések segítése pályázatunk másik fontos területét képezték. Ehhez kapcsolódóan a BDF Magyar Nyelvészeti Tanszéke és a Maribori Egyetem Pedagógiai Kara közös kiadásában Bokor József és Guttmann Miklós megjelentette: A muravidéki magyarok anyanyelvéért című kötetet. A szerzők több, mint két évtized óta a szlovéniai magyarság anyanyelvének nemcsak oktatói, hanem kutatói is. Ezt a szaktudományban számos tudományos előadásuk, publikációjuk igazolja. Ez a munkájuk nyelvi ismeretterjesztő célzattal készült középpontba helyezve a nyelvművelés szándékát, de alapvetően a nyelvállapot feltárásából és elemzéséből fakadó nyelvhasználati gondok feltárásával. Az iskolai oktatás, a pedagógusok, újságírók, média munkatársak nem nélkülözhetik 192 oldalas könyvükben megfogalmazottakat. Mindkét szerző közli a kötetben azon publikációinak bibliográfiáját, amelyek a muravidéki magyarság nyelvével, kultúrájával kapcsolatosan megjelentettek az elmúlt évtizedekben. A kötet bemutatására Lendván került sor, de eljutott a hazai egyetemek és főiskolák szaktanszékeire is, ahonnan a nyelvész kollégák legnagyobb szakmai elismerés hangján nyilatkoztak a kötetéről. A könyvet Vas Megye Közgyűlésének Tudományos Bizottsága nívódíjban részesítette (2001.).

Ennek a témakörnek terméke Molnár Zoltán Miklós: Nyelvföldrajzi-szociolingvisztikai vizsgálatok a magyar nyelvterület nyugati régióiban címmel megjelent értekezése (BDF MNyTK. III, Szh., 2001. 203 l.) A kiadvány – a pályázat céljainak megfelelően – a Szombathely környéki magyar és a Lendva (Szlovénia) vidéki kétnyelvű településeken gyűjtött élőnyelvi anyagnak nyelvföldrajzi elemzésével sajátos régióformálódást jelzett, szociolingvisztikai vizsgálatával pedig az adott régió(k)ban élők társadalmi rétegződésének nyelvi vetületéről nyújtott árnyalt képet. Mindez egyúttal a hungarológiai kapcsolattartáshoz és a kétnyelvűség kérdésköréhez is adalékokat szolgáltatott. Pedagógiai, az anyanyelvi oktató-nevelő munkát segítő vonatkozása, hogy leendő értelmiségeket is bevont a nyelvi környezet tanulmányozásába, valamint hogy – a

szaktudományi hasznosíthatóságán kívül – beépül a főiskolai tanárképzés előnyelvi-szociolingvisztikai programjába, ezen keresztül pedig majd remélhetőleg a közoktatási gyakorlatba is.

Molnár Zoltán Miklós és Szabó Géza szerkesztésében jelent meg Véghe József emlékeztére a *Nép – nyelv – társadalom* című gyűjteményes kötet 160 oldal terjedelemben (Szombathely, 2001.). A kötetben több szerző közül tanulmányt a magyar dialektológia kiváló kutatójának tiszteletére, köztük a pályázatban résztvevők: Bokor József, Guttmann Miklós, Molnár Zoltán és Vörös Ottó is. A tanulmányok a nyelvallapot, a nyelvjárástörténet, a régiókutatás nyelvi vonatkozásait stb. részletezik. A kötet elsődlegesen szaktudományi vonatkozású, de szoros kapcsolatban van a tanárképzéssel és az iskolai gyakorlattal is, amelyek kapcsolata, összetartozása a felsőoktatásban nélkülözhetetlen.

Bokor József a Maribori Egyetem Magyar Tanszékén a pályázathoz kapcsolódva a következő feladatokat végezte együttműködő tanítványaival.

1. Magnetofonos nyelvjárási szöveggyűjtés – elemzés Lendva-környéki falvakban (Csente, Dobornak, Lendvahegy), (hallgatói közreműködéssel).
2. A muravidéki magyar nyelv szocio- és pszicholingvisztikai vizsgálata, különös tekintettel a nyelvválasztás szempontjaira (kérdőíves anyaggyűjtés hallgatói közreműködéssel).
3. A muravidéki magyar nyelv helyzete és állaga, állapota a kétnyelvűség körülményei között (kiemelten a kontaktus- és interferencia-jelenségek vizsgálata) (elsősorban Bokor József kutatásai alapján).

Mindhárom téma tanulságait és eredményeit felhasználjuk mind az oktatásban, a tanárképzésben, mind az anyanyelvi nevelésben, illetőleg a tanári továbbképzésben. A harmadik témából megjelent Bokor József: *A magyar nyelv állapota és helyzete Szlovéniában az ezredforduló küszöbén* (MNY. 2000/1.33-38.1) című tanulmánya, amelynek eredményeit felhasználják a magyar nyelvi szakvizsga katalógusában, amelynek alapján a pedagógusok Ljubljanában ún. szakvizsgát tesznek. Ez a vizsga lényegében a Magyarországon szokásos államművelésnek, záróvizsgának felel meg.

Gadányi Károly *The evolution of vocabulary in literary Slovenian* című munkájában a szlovén irodalmi nyelv szókészletének kialakulásával és rétegzettségével foglalkozik. E munkája alapján nyerte el a szerző az akadémiai doktor tudományos fokozatát.

Gadányi Károly – Viktor Mojszejenko közös munkájaként jelent meg a *Ruski leksik u hrvatskom jeziku* című könyvük, amelyben a horvát nyelv orosz szókészleti egységeit vizsgálják. Mindkét munka a szlavisztika hiánypótló műve. A tanárképzésben közvetlenül hasznosíthatók.

Pályázatunkban megfogalmaztuk, hogy olyan szakmai, nyelvtudományi kéziratok megjelenését is támogatjuk, amelyek a Magyar Nyelvészeti Tanszéken készültek. Vörös Ottó: *Vízrajzi köznevek szóföldrajzi és jelentéstani vizsgálata* című, a MNYTK. Bp. 2001. 211. köteteként megjelent munkája is ebbe a kategóriába tartozik. A tanulmány szaktudományi, névtani jelentősége

mellett a tanárképzésben is jól hasznosítható. A lexikológiai tanulmányok során foglalkozunk a hazai névtudományi kutatások kérdéskörével, emellett kötelezően választható névtani speciális kollégium keretében egy teljes szemeszterben. A helynévkutatás, a földrajzi köznevek kutatásában Vörös Ottó könyve jól hasznosítható. Közoktatási jelentősége is megvan, hiszen napjaink tantervében a névtan, a névtani kutatás is szerepet kapott.

Guttman Miklós: A táji jelenségek vizsgálata tíz- és tizennégy évesek beszélt nyelvén Nyugat-Dunántúlon című kötetének újabb változatlan kiadását, amely a MNyTK. 202. köteteként jelent meg 1995-ben azt tette szükségessé, hogy a közoktatásban résztvevő tanulók nyelvállapotának megismertetése nélkülözhetetlen a tanárképzésben, különösen a magyar szakos tanárjelöltek számára, ezzel együtt a nyelvi hátrányos helyzet bemutatása, különböző aspektusú vizsgálata a mai társadalomban és az iskolai oktatásban az oktatás hatékonysága érdekében nélkülözhetetlen. A területi nyelvváltozatok és a köznyelvi norma összefüggései, hatása az anyanyelvi nevelésre a hazai közoktatási gyakorlatban nagyobb figyelmet érdemelne.

Az utóbb említett két kötet a tanárképzésnek olyan kézikönyvei, amelyek hiányoznak a felsőoktatási gyakorlatból és a pedagógus továbbképzésből is, noha a gyakorló magyartanárok nagy többsége napról-napra találkozik a kérdéskör gyakorlati problémáival a tanítási órán és az órán kívüli anyanyelvi nevelésben is.

A téma kutatásába bevontuk a főiskolai hallgatókat is. A pályázatban résztvevő oktatók szakdolgozati témavezetők is. Valamennyien az általa gondozott témából szakdolgozatokat készítettett hallgatóival. A hallgatók önálló adatgyűjtése, feldolgozása, a téma szakirodalmának megismerése során szakmai felkészültségük alaposabbá vált, így szakemberré válásukhoz hozzájárult.

A fentiekben csak a legfontosabb közös kutatási területeket és publikációkat tekintettük át. Ezek meggyőzően igazolják, hogy hosszú évek óta eredményes kutatásokat folytattunk, amelyek eredményei a szlavisztika és a magyar nyelv-tudomány számára is egyaránt hasznosíthatók az iskolai gyakorlattal együtt. Ebben a munkában kitüntető szerepet vállalt az ünnepelet, Gadányi Károly, aki a szervezésben és a szakmai munkában egyaránt kivette részét, s bízhatunk a további eredményes együttműködésben is.

A MAGYAR ÉS OROSZ FONÉMARENDSZER GYAKORLATI SZEMPONTÚ ÖSSZEVETÉSÉRŐL

Közismert, hogy a különböző nyelvek a nyelv minden szintjén eltérő tulajdonságokkal rendelkeznek, illetve rendelkezhetnek. A főiskolai hallgatók számára ez a különbség a szókészleten kívül leginkább a nyelvek morfológiai eltérésére korlátozódik. Kevésbé figyelnek fel a nyelvek azonosnak vélt hangjai között meglévő fonológiai különbségekre. A fonetikai különbségek nyilvánvalóbbak, többnyire a hallgatók számára is jól érzékelhetők. Nem is lehetne ez másképp, hisz a fonetikai órákon saját magukon is tapasztalják bizonyos hangoknak az anyanyelvtől eltérő képzésmódját, s a helyes képzés készségszintű elsajátításának nehézségét. A fonológiai különbségek azonban jobban elsikkadnak. Pedig ezek jól érzékelhetők egy indoeurópai nyelvcsaládhoz tartozó nyelv (például az orosz) fonémaállománya és az uráli nyelvcsaládhoz tartozó magyar nyelv fonémaállománya között. Tudjuk, hogy az azonos releváns tulajdonságokkal rendelkező hangok adják az azonos fonémát. Mivel a fonéma a morféma hangtestének létrehozására és egymástól való megkülönböztetésére szolgáló hang, feltételezhető, hogy két különböző eredetű és tipológiájú nyelv (konkrét példaként az orosz és a magyar) fonémaállományát tekintve is eltérő tulajdonságokkal rendelkezik. A magyar nyelvben a magánhangzók időtartama fonematikus tényező (oda–óda), míg az orosz nyelv a hangok időtartama adta lehetőséget nem használja ki. Az oroszban is lehet persze időtartam szerinti eltérés, de ez csak hangsúlytól függő hangtani helyzetekre vonatkozhat (reduktált hangok), csak ejtésbeli sajátosság, de sohasem fonematikus szerepű. Ezért létezik a két nyelv magánhangzói közötti alapvető időtartambeli különbség, ezért külön fonéma a magyar nyelvben minden rövid és hosszú magánhangzó, és a fentebb említettekől következik, hogy általában nincs meg ez az oppozíció az indoeurópai nyelvekben, így az orosz nyelvben sem. A magyar nyelv magánhangzó-állománya a hivatalos és elfogadott nézet szerint: 14 magánhangzó fonéma. Holott – mivel a magyar nyelvet beszélők túlnyomó többsége még egy magánhangzót használ – 15 magánhangzó-fonémát kellene számon tartanunk. Ez a 15. magánhangzó a köznyelviként ismert és elfogadott *e* hangnál egy fokkal zártabb *ë* hang. Ez a középső nyelvállású illabiális palatális hang ugyanis az ezen hangot ejtők körében teljes értékű önálló fonémának tekinthető, hisz jelentés-megkülönböztető szereppel rendelkezik (lásd: mentek 4 féle jelentése stb.). Így fonémarendszerünk is zártabb rendszert mutat, hisz az időtartam szerint pár nélkül levő *é* hangunknak megvan a párja: *ë* – *é* oppozíció. (A köznyelvi *e* hang ugyanis fonetikai értelemben nem párja az *é* hangnak, hisz egy fokkal lejjebb, az alsó nyelvállás területén képződik.) Az *ë* hang sokak szemében nyelvjárási hang. Nem egészen így áll a helyzet. Az *ë* hang lehet nyelvjárási hang (és sok területen az is), ilyenkor azonban általában az *ë* és *e* hang realizációi között sokkal erősebb (a fentebb említett egy foknál nagyobb)

az eltérés. Ez jellemző az ország jelentős részére, többek között Nyugat-Dunántúlra is. Nálunk tehát valóban nyelvjárási hang. Persze itt sem mindenkinél, mindig és minden szóban. Vagyis az *ĕ*-t nyelvjárási szinten ejtik beszédében is gyakran érzékelhető a nem nyelvjárás szintű hang ejtése. Észrevehető ugyanakkor, hogy sokkal többen megkülönböztetik beszédükben a kétféle *e* hangot, mint amekkora területen az *ĕ* hang egyáltalán szerepel nyelvjárási hangként. Vagyis az *ĕ* hang sokkal általánosabb használatú, mint hogy egyszerűen csak nyelvjárási hangnak tekintsük. Mindez a magyar nyelv fonémarendszerét bonyolítja.

Az orosz és magyar nyelv fonémaállománya a nyelvtörténet bizonyos korszakában (ómagyar kor elejéig–közepéig) jobban hasonlított egymáshoz, mint napjainkban. Volt ugyan-is egy olyan magánhangzónk, amely képzés tekintetében hasonlított a magyar anyanyelvűek számára legnehezebb ejtésű orosz magánhangzóra, az *ɪ* hangra. Ez a szintén veláris képzésű, felső nyelvál-lású illabiális hangunk (veláris *i*) képzés tekintetében megfelel az orosz *ɪ* hangnak. (Mai morfológiai aspektusú bizonyítékok a veláris *i* léteére a hangtani illeszkedést figyelmen kívül hagyó szóalakok: hídról, nyilat, sírnak stb.) Ez a hangunk azonban a XII. századra végleg eltűnt a magyar nyelvből, s helyét és szerepét a palatális *i* vette át. Így kiveszett nyelvünkől az az őseink számára még meglevő lehetőség, hogy az anyanyelvi artikuláció segítségével megtanuljuk az orosz *ɪ* hang ejtését.

Az orosz lágy magánhangzók – melyek a magyar hangállományból teljesen hiányoznak – fonematikus és fonetikus szerepben sem okoznak problémát a magyar anyanyelvűek számára. Ezen kemény–lágy magánhangzó op-pozíció fontos tényező az orosz nyelvben, hisz fonematikus szerepű hang-párokról van szó: ад (pokol), яд (méreg); рад (örül), ряд (sor); лук (hagyma), люк (nyílás) stb. A kemény–lágy opozíció nemcsak az orosz nyelv magán-hangzóinak, hanem mássalhangzóinak is jellemző sajátossága.

Az orosz és magyar nyelv mássalhangzóit összehasonlítva azt kell ész-revennünk, hogy nem ugyanolyan releváns tulajdonságokkal rendelkezik a két nyelv mássalhangzó-állománya. A magyar nyelv mássalhangzóit három rele-váns tulajdonság egyértelműen meghatározza (a képzés helye, a képzés módja és a hang zöngéállapota). Az orosz nyelv mássalhangzóinak eggyel több rele-váns tulajdonsága van. Az előbb említett három elengedhetetlen alapelem mel-lett még egy releváns tulajdonság szükséges az orosz nyelv mássalhangzói túlnyomó többségének meghatározásához. Ez pedig a mássalhangzók kemény, illetve lágy képzése, amely az orosz nyelvben ugyanúgy jelentés-megkülönböztető szerepű, ahogy ezt a magánhangzók esetében láttuk. A ke-mény–lágy opozíció fonematikus szerepe érzékelhető például a következő szó-párookban: мел (kréta) – мель (zátony), пыл (hév, indulat) – пыль (por), мыт (fn.: belső vám) – мыть (ige: mos). A mindig kemény (például *ц*) és min-dig lágy (például *ч*) mássalhangzók kivételével tehát az orosz fonémarendszer-ben opozíciós tényező (ezáltal fonematikus szerepű) a mássalhangzók ke-mény, illetve lágy volta. Így az orosz mássalhangzókat a magyar mássalhang-

zóktól eltérően négy releváns tulajdonság határozza meg. Három orosz mássalhangzó esetén viszont kérdéses, hogy a kemény–lágypozíció külön fonémát eredményez-e. Ezen mássalhangzók: a *к*, *г*, *х* ugyanis nem minden fonetikai helyzetben állhatnak kemény és lágypozícióban is. Nevezetesen sosem állhatnak szó végén lágypozícióként. Ezért bár egyes orosz nyelvészek (ld. М.И. Матусевич: Современный русский язык: Фонетика, Москва, 1976. 146–150.) külön fonémának tekintik a *к* illetve *к'*, *г* illetve *г'*, *х* illetve *х'* hangokat, mások (ld. И.С. Козырев, Л.П. Демиденко: Современный русский язык: Фонетика, орфоэпия, Минск, 1981. 54–55.) viszont nem veszik fel a fonémaállományba, nem érzik teljes értékű önálló fonémának, legfeljebb az „önálló fonémává válás útjára lépő” hangokként kezelik őket („Находящиеся на пути перехода в самостоятельные фонемы”, i. h.: 55.). E tény azonban nem vitatja azt a nézetet, amely szerint a kemény–lágypozíció – a magyar nyelvtől eltérően – az orosz nyelvben fonematikus, azaz jelentésmegkülönböztető szerepű. Ezen kemény–lágypozíció mássalhangzók helyes ejtése ismét csak próbára teszi az anyanyelvi ejtésként ilyen általában nem tapasztaló magyar anyanyelvű hallgatók artikulációs bázisát.

Az orosz *h* (*х*) hang fonematikus szempontból nem, fonetikai szempontból azonban szintén problematikus mássalhangzó. Ez a hang ugyanis a magyar laringális spiráns hangunktól eltérő képzésmódot jelent, ami a magyar anyanyelvűek artikulációs bázisából hiányzik, így ennek az orosz hangnak a helyes ejtése sem mindig problémamentes.

Ez a rövid gondolatfelvetés a két nyelv hangrendszerének közti különbségről ráirányíthatja a figyelmet a problematikusabb esetekre. Így a két nyelv fonológiai és fonetikai különbségének tudatos elsajátítása hozzásegíti a hallgatókat a nyelvek hangtani jellemzőinek jobb megértéséhez, s akusztikai sajátosságainak pontosabb reprodukálásához.

АББРЕВИАЦИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

В наши дни читающий любую научную или публицистическую статью, деловой документ и даже художественную литературу обязательно встретит в тексте целый ряд знакомых, а часто и незнакомых для него аббревиатур. Возникает вопрос: разве это – подобно широкому распространению в русской устной и письменной речи англо-американизмов – болезнь нашего века или продолжение традиции прошлого? По мнению Балогнэ /Baloghne 2002., 344/ «явление это далеко не новое, а имеющее за собой историю в несколько тысячелетий, в то время как веком аббревиации единогласно считается век XX». Анализ языкового материала прошлых столетий достоверно убеждает нас в этом.

А что подразумевается под понятием «аббревиатура»? В *Современном толковом словаре русского языка* Кузнецова /Кузнецов 2002/ стоит следующее определение: «Аббревиатура /итал. abbreviatura из лат. brevis – краткий/. 1. Слово, образованное из первых букв слов, входящих в какое-л. словосочетание /СНГ, вуз/, из начальных слогов двух или более слов /универмаг, колхоз/ или начала одного слова с другим словом словосочетания /роддом, драмтеатр/. 2. Условное сокращение слов или слова /и т. д. – и так далее; см. – смотрите /.»

Чем объясняется появление аббревиатур? Наверное, принципом экономии, тем, что любой язык старается как можно покороче назвать определенное понятие: первоначально наименованное сложным словом позже переименовывает сложносокращенным, а в некоторых случаях еще более короткой формой – буквенной аббревиатурой.

По мнению Земской /Земская 1996/ аббревиация в языке служит для создания более кратких номинаций в деловой, научной и публицистической речи. Она считает, что аббревиатуры вообще малопонятные «скучные слова» обычным людям, но не все аббревиатуры таковы.

Об аббревиатурах Балогнэ /Baloghne 2002/ другого мнения: Они могут быть непонятны лишь для людей непосвященных или же в том случае, если приводятся вне контекста, вне конкретной ситуации - подчеркивает она.

А на самом деле в наши дни аббревиатуры так часто встречаются в разных газетах, журналах и других письменных документах, они распространены уже в таком широком кругу, что многие из них знакомы даже обычным людям.

А как они возникли? В истории развития русских /славянских/ аббревиатур Алексеев /Алексеев 1979/ выделяет три этапа: 1. Графический, с применением системы титлованных сокращений /X - начало XVIII века. 2. Графический, с применением системы точечных сокращений

/XVIII - начало XX века. 3. Лексический, с применением системы словообразовательной аббревиации /начало XX века и до наших дней/.

Этим и объясняется тот факт, - считает Балогнэ /Baloghné 2002./, - что хотя способ сокращений слов на письме и существовал уже в древних языках, все же большого развития на своей графической стадии не получил. Интенсивность аббревиация приобрела лишь в свой последний период – лексический. В современном русском языке существуют как аббревиатуры-графемы /ср. = сравни/ так и аббревиатуры-лексемы /универмаг/.

Но так как законы мышления, приводящие к образованию аббревиатур имеют общечеловеческий характер – считает Алексеев /Алексеев 1979/ - явление это характерно не только для русского языка. Интернациональность аббревиатурного словотворчества он видит в факте, что расхождение в эпицентре аббревиатурного взрыва измеряется всего лишь несколькими годами: в России он пришелся на годы после революции 1917 года, а в других европейских языках на 1920-30 гг. И это расхождение объясняется экстралингвистическими факторами.

То, что эти тенденции на самом деле характерны не только для русского языка – относительно второй половины XX-го и начала XXI-го вв. - подтверждает, в частности, и недавно вышедший в свет *Русско-венгерский и венгерско-русский словарь аббревиатур и сложносокращенных слов.* /Lankovics 2003/

Современный толковый словарь русского языка 2002 г. под редакцией Кузнецова /Кузнецов 2002/ содержит приблизительно в три раза больше сокращенных слов в сравнении со словарем Ожегова /Ожегов 1986/, что свидетельствует о закреплении сокращенных слов в лексике русского языка. Однако, Кубков считает /Кубков 2001/, что аббревиатуры – поскольку они появляются вслед за обозначаемыми ими реалиями и выходят из употребления вместе с исчезновением соответствующего учреждения, понятия, явления – относятся к наименее устойчивым языковым явлениям. Это – по его мнению - объясняется тем, что именно учреждения обладают наиболее краткой жизнью, сменяя друг друга соответственно с изменениями в обществе.

Однако, существует множество старых аббревиатур, понятных для носителей русского языка и по сей день, хотя учреждений, названных ими уже давно нет. Такие, например: *генсек, нарком, НЭП, рабфак* и др.

Правда, расшифровать аббревиатуры прошлого не так просто, что – по мнению Назарова /Назаров 1998/ - объясняется тем, что особенность сокращений, и в первую очередь аббревиатур состоит в том, что они несут на себе угадываемый отпечаток времени. Именно поэтому без соответствующего объема фоновых знаний в данной языковой ситуации трудности с расшифровкой могут возникнуть даже у носителей русского языка, не говоря об иностранных, изучающих русский язык. Иностранец даже с помощью словарей сокращений русского языка может не всегда

справиться с этой задачей, ведь к данной аббревиатуре, в большинстве случаев принадлежит несколько расшифровок, в них разобраться довольно трудно /Напр.: АПК = 1. агрегат для приготовления корма, 2. агропромышленный комплекс, 3. Академия проблем качества, 4. Арбитражно-процессуальный кодекс, 5. Африканская профсоюзная конфедерация./

О первом аббревиатурном взрыве свидетельствует богатый материал **1917-26 гг.**, представленный в труде Селищева, *Язык революционной эпохи* /Селищев 1928/ В нем автор описывает разные виды новообразований данного периода.

Во-первых, упоминает сокращения разных способов. По его мнению их можно разделить на названия по начальным буквам /буквенные названия/: МЧК /эмчека/ = Московская чрезвычайная комиссия, ЦК /цэка/ = Центральный комитет, или по начальным звукам слов в сложном термине: НЭП = Новая экономическая политика, ВАПП = Всероссийская ассоциация пролетарских писателей.

В дальнейшем автором представляются сокращения, образованные путем произношения по начальным слогам слов, входящих в сложный термин, как весьма часто применяемые /агитпрон, Наркомпрос/.

Селищев отмечает, что в некоторых случаях от первого слова входят только согласные начального слога, но без следующего за ними гласного /шк~~р~~аб = школьный работник/.

Если сокращению подвергается одно слово, то вместо него, представлен один слог, оканчивающийся согласным звуком /зав = заведующий, зам – заместитель/.

Автор в своем труде различает еще и третью группу образования сокращений: за начальным слогом или за двумя начальными слогами первого слова следует полная форма второго слова. Если сложный термин состоит из 3 слов, то третьему слову предшествуют начальные слоги первых двух слов. Самые многочисленны в данный период сочетания с *глав-*, *сов-*, *парт-*, *ком-*, *гос-*, *агит-*, *полит-* и др. /главсахар, совкино, парторганизация, компартия, госаппарат, агитпропробота, политэкономия и другие/ Селищев в своей работе призывает к борьбе против многочисленных сокращений, за язык главным образом в официальных отношениях и газетах. Но после короткого охлаждения к этим сокращениям опять возрос интерес к ним, а в наши дни, по всей вероятности аббревиатур еще больше, они образуются часто и такими же способами как в прошлом. Этим подтверждается глубокое историческое прошлое аббревиации, ее многовековые традиции.

В 60-е годы наметилась новая тенденция в производстве звуковых и буквенных аббревиатур: образовались благозвучные аббревиатуры, напоминающие обычное слово. /Такая маркировка аббревиатур под обычное слово свойственна и концу XX столетия: БАРС = Банк развития собственности, ГраД = партия «Гражданское Достоинство»/ Сближение аббревиатуры с обычным словом создает каламбур, приносит в

аббревиатуру дополнительные коннотации, которые были бы ей не свойственны при отсутствии связи с данным словом.

Период перестройки, распад СССР, крушение тоталитарной системы внесли большие изменения как раз в функционирование языка.

В конце 70 – в 90-е годы возрастает число аббревиатур, у которых сопоставление с обычным словом имеет шуточный характер, служит средством насмешки, иронии /МИФ= Московский инвестиционный банк, БД= Белый дом /Би Дэ вместо Бэ Дэ/, *Совраска* = Советская Россия/ Земская в своей статье «Активные процессы современного словопроизводства» /Земская 1996., 121/ обращает внимание на то, что забыв о призыве Селищева к борьбе против сокращений в официальных отношениях и газетах, : «В современном языке аббревиация нередко используется не только как средство официальной номинации, но и как средство экспрессии, художественной выразительности.

В конце XX столетия заимствование иностранных слов русским языком, начавшееся еще в древности продолжается. В этом периоде преобладают заимствования из американского варианта английского языка. Появляются не только заимствованные слова и выражения, но и аббревиатуры. Некоторые из них заимствуются в «чистом виде» и пишутся кириллицей /БМВ, НАТО, ФАО, ГАТТ, СЕФТА /, другие же вошли в русский язык как аббревиатуры переведенного названия /СПИД = *Синдром приобретенного иммунного дефицита*, ЕПС = *Европейский платежный союз*, МАГАТЭ = *Международное агентство по атомной энергии*, МБРР = *Международный банк реконструкции и развития*, ОБСЕ = *Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе*, ЕВФ = *Европейский валютный фонд*, МВФ = *Международный валютный фонд*, ВВП = *валовой внутренний продукт* / /Янкович 1996/.

В конце прошлого века вовлекаются в репертуар экспрессивных средств современного языка также и аббревиатуры, состоящие из начальных сегментов слов, образующих соотносительное словосочетание, но уже с целью порождения сниженных номинаций, несущих заряд насмешки, и не сугубо серьезных, официальных /*нардеп* = народный депутат/. Используются для выражения оценки именуемого также и другие начальные сегменты первого члена словосочетания, формирующего полную номинацию. Чаще всего это сокращение считавшихся раньше сугубо официальными слов *гос,соц,проф*. Они звучат уже резко сниженно.

В последние годы XX -го столетия активизируется употребление в периодической печати производных от буквенных официальных аббревиатур, многие из которых также характеризуются сниженной экспрессией /от ЦБ = Центральный банк *цэбешные*, от СНГ = Содружество Независимых Государств *СНГовия*/.

Игровая расшифровка общепринятых аббревиатур – по мнению Земской – используется в первую очередь в разговорном языке, жаргонах, а также в различных профессиональных языках. Столкновение значения обычной

аббревиатуры со значением аббревиатуры-омонима создает комический эффект, порождает аббревиатуру с дополнительной коннотацией, так называемый каламбур, шутку. Напр.: *ЧП* = *чрезвычайное происшествие* среди медиков со значением *частная практика*, среди журналистов – со значением *четвертая полоса* /полоса в газете для юмористического материала/, *НЭП* = *новая экономическая политика* и *наведение элементарного порядка*, *СПИД* = *Синдром приобретенного иммунного дефицита* или *социальные последствия интернациональной дружбы* и др.

Как правило, каждое новое существительное тут же порождает относительное прилагательное: *СНГовский, ооновский, совдеповский* и т.д.

Кроме интернационального характера аббревиации, стоит отметить, что сокращенные слова любого языка и любого периода можно разделить на тематические группы.

Для русской аббревиации в начале прошлого столетия – как это было продемонстрировано выше - в первую очередь характерны революционные, политические и военные, а в 60-е годы социальные сокращения. В 90-е годы аббревиатуры из сферы экономики и компьютерной техники все чаще появляются параллельно с политическими и военными, отражая этим перемены в общественной жизни страны. К концу прошлого столетия нередко заимствуются также аббревиатуры из других - в подавляющем большинстве случаев из английского – языков, а также появляется множество производных /относительных прилагательных/. В этом периоде прослеживается расширение семантики аббревиатур за счет дополнительных смыслов, появляются так называемые аббревиатуры-каламбуры. В образовании этих аббревиатур почти никаких изменений нет: образуются они от первых букв или звуков, от первых слогов слов, составляющих данное словосочетание, а также от первого сегмента и второго слова, точно как и раньше. Изменилась только «тематика», появились англо-американские аббревиатуры и стало несомненным фактом, что буквенные и звуковые аббревиатуры в наши дни неотъемлемая часть жизни человека, говорящего на русском языке.

Библиография

- Алексеев, Д.И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов, 1979.
- Baloghné Petkevics, O. Аббревиация как языковое явление: неизбежное зло? In: *Tudományos évkönyv*. Budapest: Gazdasági Főiskola 2003. 343-351.
- Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства. - Русский язык конца XX столетия /1985-1995/. Земская, Е. А. /ред./ Москва «Языки русской культуры» 1996. 90-120.
- Костомаров, И.Г. Языковой вкус эпохи. Санкт-Петербург, Златоуст, 1999.
- Кубков, П.А. Говорите, пожалуйста, проавильно. Санкт-Петербург, Норинт, 2001.

- Кузнецов, С.А. Современный толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург, Норинт, 2002.
- Назаров, Р. Несекретные секреты. Санкт-Петербург, Лицей, 1998.
- Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. Москва, «Русский язык», 1986.
- Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, Азбуковник, 1999.
- Селищев, А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет /1917.1926/ Москва «Работник просвещения» , 1928.
- Янкович, М. Американизмы в русской и венгерской прессе. *Slavica Quinqueeclesiensia* II. Pécs: JPTE , 1996., 263-271.
- Jankovics, M. A mai orosz sajtónyelv. In: Gadányi, K., Pusztay, J. /szerk./ Közép-Európa: Egység és sokszínűség. A Nyelvek Európai Éve 2001 zárókonferenciájának előadásai. Szombathely: BDF, 2001. 397-402.
- Jankovics, M. Русско-венгерский и венгерско русский словарь аббревиатур и сложносокращенных слов . Szombathely: Balogh és Társa Nyomda, 2003.

МОЖНО ЛИ ИСТОЛКОВАТЬ ПРОЦЕССНОСТЬ КАК ИНВАРИАНТ НСВ?

0. В случае категории русского глагольного вида инвариант (т.е. общее значение), как правило, определяется по отношению к СВ. Такое решение стало принятым потому, что в большинстве аспектологических работ исследование проблематики вида основывается на привативном противопоставлении, в котором в качестве семантически маркированного (сильного, положительного) члена характеризуется СВ, обладающий каким-либо общим признаком – общим для всех поерфективных глаголов и для всех их употреблений. (Что именно является этим общим признаком – вопрос дискуссионный, большинство лингвистов его видит в 'ограниченности пределом' или 'целостности'). А что касается семантики НСВ, в этой связи считается, что НСВ оставляет данные признаки невыраженными (реально выраженными они могут быть только при поддержке контекста). С другой стороны, как мы об этом уже высказывались и раньше [Jászay 1998], мы не можем безоговорочно согласиться с такой односторонней интерпретацией видовой оппозиции, согласно которой она может быть представлена исключительно как привативная, – на наш взгляд, вид проявляет и черты эквиполентности, т.е. равносильного противопоставления, по крайней мере, в части глагольных оппозиций (ср. в частности, видовые пары, выражающие изменение, как напр., *темнеть–стемнеть*, *слабеть–ослабеть*, где значение процесса, выражаемое НСВ, можно усмотреть и без контекста, в изолированном глаголе).

В настоящей статье, имеющей дискуссионный характер, предпринимается попытка рассмотреть вопрос о возможности (?) трактовки русского вида как эквиполентной оппозиции в целом. Если, однако, мы исходим из такого предположения, то возникает необходимость и определения инварианта НСВ, присущего всем имперфективным глаголам. Наша гипотеза, нуждающаяся в подтверждении, основывается на том, что общим значением НСВ может явиться одна из возможных интерпретаций процессного¹ значения глагола, его более широкое понимание, чем это принято в аспектологии.

1. Известно, что процессы можно охарактеризовать и сгруппировать с разных точек зрения, с учетом разных семантических свойств. Так, например, они могут быть: а) актуальными (протекающими в момент наблюдения) и неактуальными, б) предельными (с признаком тендентивности) и непредельными. Тендентивно-предельные процессы могут быть контролируруемыми и неконтролируемыми, причем контролируемые тен-

¹ Из терминологических дублетов *процессный* / *процессуальный*, (*процессность* / *процессуальность*) в статье употребляется первый вариант.

дентивные процессы подразделяются на конативные (выражающие попытку, стремление) и неконативные (ср. [Бондарко 1996: 121–135]). Непредельным процессам соответствуют либо динамичные (*бегать, играть*), либо статальные (обозначающие неподвижное состояние) действия (*лежать, стоять*). Статальные могут различаться по признаку активности: вследствие наличия одушевленного субъекта они характеризуются некоторой степенью активности (*Там стоит кто-то*), в сочетании же с неодушевленным субъектом они являются абсолютно инактивными (*Там стоит высокий дом*).

2. С нашей точки зрения для более полной аспектуально-семантической характеристики действий НСВ целесообразно учитывать еще одну особенность – это наличие или отсутствие интервала. Для осмысления общего значения НСВ, по нашему мнению, существенной чертой процессов является то, что они могут быть представлены, помимо упомянутых выше типов, и следующими разновидностями:

а) в некоторых процессах действие является в абсолютном смысле континуальным (значит, монолитным, без временных интервалов, как *читать, петь, рассказывать* и т. п. – схематически изобразить такие процессы можно линейно: —————),

б) другие процессы являются многоактными (собственно немонолитными, прерывистыми, кратными), в таком случае действие имеет временные интервалы, оно представляет собой совокупность нерасчлененных во времени, тем не менее дискретных кратковременных (моментальных) актов, серию "микродействий" или так наз. "квантов"² (*мигать, вилять <хвостом>, дергать, качать, махать, прыгать, стучать, вздрагивать* и т.п.). Такие глаголы принято называть мультипликативами (изобразить такие процессы можно пунктиром: -----). Хотя, на самом деле, отдельные "кванты" действия воспринимаются и в этом случае в континуальном единстве, т. е. мультипликативное множество представляет один монотемпоральный процесс, из данного собирательного множества может быть выделен и один акт. Что касается языкового изображения этого акта, то выражение моментальности действия, в принципе, возможно и при сохранении формы НСВ – это в настоящем времени (в наст. историческом и наст. репортажа) у тех мультипликативных глаголов, которые имеют семельфактивный коррелят СВ с суффиксом *-ну-* (имеется в виду временная транспозиция: *Х толкнул кого-н. ≈ Х толкает кого-н.* в смысле 'Х делает один толчок'). Разумеется, в практике же при выражении однократности не характерно изображение действия в настоящем историческом или в настоящем репортажа – в таком случае более

² Заимствованный из физики термин "квант" в значении 'акт действия' впервые был применен М. А. Шелякиным [Шелякин 1983: 194]. Позднее его употребляют и Ю. Д. Апресян [1988: 63] и В. С. Храковский [1998: 487].

естественно употребление коррелята СВ в прошедшем времени (*толкнул, мигнул* и др.).

2.1. Несомненным исключением в этом отношении является глагол *прыгать*, способный передавать не только повторение актов однородного движения, но и значение континуального процесса, т. е. изображать один акт прыжка "изнутри", в фазе его осуществления. Дело в том, что в терминологии спорта семантика корреляции *прыгать–прыгнуть* включает в себя не только момент отталкивания, но и фазу полета и момент приземления. С включением фазы полета в толкование глагола, прыжок уже не может пониматься как движение моментальное, а только как длящееся. Рассмотрим это на примере следующего предложения:

(1) <Смотрите туда!> Сейчас **прыгает** чемпион мира.

Выделенное действие имеет два истолкования: а) 'собирается прыгать' и б) 'как раз занят выполнением прыжка'. Второе понимание актуализируется особенно естественно, если имеется в виду прыжок на лыжах, выполнение которого требует нескольких секунд (в случае расставания около двухсот метров полет прыгуна может длиться вплоть до 7 секунд).

Рассуждая подобным образом, можно сделать вывод, что в глаголе *толкать* выявляется также не только значение мультипликативного процесса. В языке спорта этот глагол допускает реализацию процесса одного из ряда актов: в случае *толкания ядра* или *толкания штанги* спортсмен выполняет сложное упражнение (движение), которое, безусловно, представляет измеряемую степень длительности (ср. *Он <в данный момент> толкает ядро* = 'он занят выполнением данного движения').

2.2. В связи с группой, объединяющей разные глаголы многоактного действия, обращает на себя внимание тот факт, что в работе [Апресян 1988: 63] многие мультипликативные глаголы со значением "квантового действия" (в том числе и глаголы, указанные выше) попадают в длинный список разнотипных моментальных (т.е. непроцессуальных) глаголов НСВ. Это продиктовано тем, что, что вычлняемые "кванты" как отдельные, возможные для восприятия частицы не могут быть представлены в виде отдельного процесса. Такая интерпретация мультипликативного действия скорее отвечает фактам физической действительности, чем языковой интуиции среднего носителя русского языка. С этой точки зрения нам кажется, что действия, выражаемые указанными выше мультипликативными глаголами, естественным образом могут истолковываться как процессы: в нашем сознании они концептуализируются именно как процессы, так как в них выделяется срединный период в осуществлении множества актов. Другое дело, что семантически такие действия связываются с понятием интервала, поэтому они не могут быть абсолютно монолитными.

2.3. Важно заметить, что "квантовый характер" действий, выражаемых мультипликативными глаголами, неодинаков. В некоторых мультипликативах отдельные "кванты" слишком малы, чтобы быть выделемыми

(см. *вибрировать, дрожать, трепетать*), или же данные частицы действия максимально сопряжены, хотя в физическом смысле они безусловно разделены (напр., *тикать, барабанить, хныкать*). В таком случае, конечно, и форма настоящего времени выражает только мультипликативный процесс (значит, принципиальное соединение функции однократности с формой настоящего времени можно исключить) и, соответственно, семельфактивный коррелят не образуется³ или он употребляется исключительно редко. Другим же мультипликативным действиям свойственна более четкая раздельность актов (соответственно, с более длинными внутренними интервалами): *прыгать, толкать, хлопать, дергать* и увеличение интервала в "квантовом" процессе делает явным и более дискретным раздельный характер актов действия, напр.: *икать*. Думается, что независимо от длины интервала все мультипликативные действия могут восприниматься как процессы, ср. разный характер интервала: а) *Он барабанил пальцами по столу* (осмысление действия как процесса в этом случае само собой разумеется), б) *Мальчик прыгает во дворе*, в) *Больной всё еще икает*. Похоже, возможность или невозможность выделения отдельного акта действия в сознании говорящего не обязательно играет роль с точки зрения различения того, имеет ли место "одно действие" с внутренними интервалами и актами или ряд повторяющихся действий.

Отдельный "квант" действия не может быть выделен и в глаголах прерывисто-смягчительного способа действия (*покашливать, постукивать, покачивать* и др.), которые могут быть осмыслены только с интервалами, несмотря на то, что действие может быть не только монотемпоральным, локализованным (как у глаголов *постукивать, покачивать, позевывать*), но и политемпоральным. В таком случае интервалы между отдельными актами соответствуют несомненно длительному периоду (напр., <время от времени> *похаживать, позванивать, побаливать*), и поэтому действия, происходящие не одни за другими, труднее представить как "внутреннее повторение" в качестве единого процесса. Тем не менее такое истолкование мы не можем категорично исключить.

2.4. Понимание мультипликативных действий, состоящих из ряда однородных дискретных актов, в качестве процесса, позволяет свести к этому значению все виды повторяющихся действий. С определенной точки зрения, конечно, можно считать, что как мультипликативам (как, напр., *мигать, качать*), так и глаголам прерывисто-смягчительного способа действия, выражающим монотемпоральность (как *постукивать, посвистывать*), свойственно значение повторяемости. Дело просто в том, что в них значение интервала как "внутренний фактор" органически входит в

³ Данный вывод сделан на основе рассмотренных нами словарей. Однако в связи с *тикать* следует оговориться: на конференции, проведенной в Будапеште 22-23 марта 2002 г., О. А. Крылова обратила внимание на то, что в разговорной речи допускается и форма *тикнуть*: *Часы тикнули и остановились*.

семантическую структуру глагола, создавая циклический характер действия. В случае же монолитных действий при выражении повторяемости интервал является "внешним", т.е. таким фактором, который возникает на уровне контекста, за пределами глагольной лексемы. Нам кажется, однако, что в сознании среднего говорящего повторяемость действия интуитивно определяется не на этом основании, а промежутком, отделяющим во времени однородные действия. Не случайно глаголы *пописывать, почитать, позванивать* <иногда, изредка>, имеющие "внутренние" интервалы, в силу выражаемой ими политемпоральности, связываются скорее со значением повторяемости <иногда, время от времени>, чем со значением процесса в своем традиционном смысле.

Повторяемость отличается от мультипликативного и от монотемпорального прерывисто-смягчительного процесса, в первую очередь, тем, что для воспроизведения отдельных действий характерна их четкая раздельность, значит, между действиями обнаруживаются отчетливо разделяющиеся временные интервалы (представляющие во всяком случае больший промежуток, чем интервалы между актами мультипликативного действия). Похоже, "моносубъектные" и "монообъектные" действия НСВ мы связываем с процессностью или повторяемостью на основании той субъективной оценки, может ли концептуализироваться в нашем сознании повторительное воспроизведение некоторого действия монолитным (или скорее: монолитнообразным) или нет. Непосредственная выводимость из процессности обнаруживается особенно естественным образом, если повторяющиеся акты как бы соотносятся с моментом наблюдения (они актуализируются) и, соответственно, воспринимаются как "одно действие", хотя и не монолитное. В таком случае, как нам кажется, естественно считать собственно повторяющееся действие просто немонолитным процессом. Обратим внимание на то, что с этой точки зрения нижеследующие примеры (2) и (3) следует считать довольно близкими (несмотря на то, что данные глаголы относительно их семантической классификации входят в разные разряды), причем по характеру протекающих действия (а) и (б) являются тождественными:

(2) а. *Кто-то постукивал в соседней комнате.*

б. *Волны качали, перебрасывали лодку.*

(3) а. *И летчики гибли, и офицеры связи, и самые неожиданные люди оказывались убитыми или ранеными в самых неожиданных местах (Симонов, Живые и мертвые).*

б. *С 10 часов студенты записывались на семинар.*

По-видимому, в какой интерпретации представить некоторое немонолитное действие, характеризовать его как процесс или как повторяемость, зависит, в первую очередь, от того, как мы воспринимаем интервалы между его повторяющимися актами. В этом ориентирует ситуация, единичность / множественность субъекта или объекта и, конечно, употребление специальных временных наречий. Действие, выражаемое одной

и той же глагольной формой (*заглядывал*), имеет неопределенные временные интервалы, поэтому мы его воспринимаем как повторяющееся (4а). Повторяемость подчеркивается такими показателями как *два раза (несколько раз) в день, иногда, изредка, часто* и т.п. (4б), однако это же действие понимается при использовании наречий *всё время, постоянно, ежеминутно* скорее как процесс (4в). Ср.:

(4) а. *Медсестра заглядывала к больному.*

б. *Медсестра **иногда** (несколько раз в день, часто) заглядывала к больному.*

в. *Медсестра **всё время** (постоянно, ежеминутно) заглядывала к больному.*

Через какие интервалы повторяются действия, выражаемые глаголом *заглядывать*, выясняется с помощью лексических показателей.

Иначе выглядит ситуация с мультипликативами типа *прыгать*. В этом отношении "внутренние" интервалы (будучи столь же кратковременными, как сами акты, из которых состоит действие) не поддерживают представления о повторяющемся характере действия, более логично говорить здесь о процессе (5а). Для того, чтобы осмыслить действие как многократное, необходимы **реально измеряемые** интервалы, которые могут быть в данном случае только "внешними" (5б):

(5) а. *Сегодня я **прыгал** на батуте* (это процесс).

б. ***На каждой тренировке** я прыгал на батуте* (многократный процесс).

3. Сделаем выводы. По нашему мнению, видовое противопоставление русского глагола нельзя характеризовать в абсолютном смысле как привативное (с маркированным СВ), некоторые корреляции проявляют черты эквивалентности, т. е. семантически равносильной оппозиции с маркированностью обоих видов [Jászay 1998]. Следовательно, в таком случае мы не можем удовлетворяться тем, что инвариант определяется только применительно к СВ. Поскольку НСВ не всегда представляется слабым (семантически немаркированным) членом оппозиции, следует определить и общее значение НСВ, по возможности, на уровне абсолютного инварианта. В последнее время в аспектологии высказывается и такое мнение, что основное значение НСВ (собственно, самое типичное, главное значение среди частно-видовых значений), процессность, следует считать относительным инвариантом НСВ, не охватывающим сферу всех периферийных употреблений [Бондарко 1998: 64–65].

Изложенные выше соображения позволяют сделать не только вывод о том, что при общей характеристике НСВ (в поисках в нем инварианта) целесообразно исходить из значения процесса (из которого выводимы и разные типы общефактического значения, см. [Jászay 2000]). Понятие процесса, как нам кажется, можно истолковать и в более широком плане, с учетом разных видов повторяющихся действий. Так, процессность

может быть представлена как некоторое понятийное поле, имеющее центр и периферию. В самом центре – актуально-длительное действие монологического процесса (напр., *Сейчас она спит*), на периферии – многократные действия (напр. *Самолеты **прилетали каждые полчаса***, – с увеличением же меры интервалов можно говорить о дальней периферии процессности: *Он был лучшим на курсе: **получал** одни пятерки, экзамены **сдавал** на отлично*). Если принять (хотя и с некоторыми оговорками), что повторяющееся действие может быть частной реализацией процесса, то мы должны признавать процессность (в самом широком смысле) общим значением НСВ, и на поставленный в заголовке вопрос мы не можем исключить возможность утвердительного ответа.

Литература

- Апресян Ю. Д.*, Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке. – Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988, 57–78.
- Бондарко А. В.*, Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. Спб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996.
- Бондарко А. В.*, Проблемы инвариантности / вариантности, маркированности / немаркированности в сфере аспектологии. – Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Отв. ред.: М. Ю. Черткова, М.: Языки русской культуры, 1998, 64–80.
- Храковский В. С.*, Типология семейфактива. – Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Отв. ред.: М. Ю. Черткова, М.: Языки русской культуры, 485–490.
- Шелякин М. А.*, Категория вида и способы действия. (Теоретические основы) Таллин: Валгус, 1983.
- Jászay, L.*, К дискуссии видовой оппозиции. (Привативность или эквивалентность?) – Nyelv, stílus, irodalom. Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára. Szerk.: Zoltán András et al. Budapest 1998, 270–275.
- Jászay László*, Az orosz folyamatos ige folyamatjelentéséről. – Nyelv, aspektus, irodalom. Köszöntőkönyv Krékits József 70. születésnapjára. Szerk.: Györke Zoltán et al., Szegedi Tudományegyetem JGYTF Kara, 2000, 159–166.

ДИАЛОГ ДВУХ КУЛЬТУР (РАННИЙ ФЛОРОВСКИЙ В БОЛГАРИИ)

Ключевые слова: диалог русской и болгарской культур, Славянское общество в Болгарии, К.В. Мочульский, А.Н. Грабар, Г.В. Флоровский

Реконструировать все богатство и содержательность диалога русской эмигрантской и болгарской культур на протяжении двух десятилетий (1920-1940) довольно емкая и сложная задача, если учесть разнонаправленность социокультурных поисков, борьбу мнений, взглядов, концепций о случившемся (у русских – разруха России после революции и гражданской войны, гибель белого движения, у болгар – крах в Балканских и Первой мировой войнах), противоречивость и очень часто несоместимость общественных движений (расхождения между монархистами и приверженцами либеральной демократии, между “веховцами” и евразийцами). В политической публицистике первых “толстых” эмигрантских журналах в Болгарии “Русские сборники” (1920-1921) и “Русская мысль” (1921), в ранних евразийских сочинениях (“Европа и человечество” Н. Трубецкого, сб. “Исход к Востоку”, “Достоевски и Европа” Г. Флоровского, 1920-1922) или в блестящей эссеистике газет “Россия” (1920-1921), “Русь” (1922-1928), “Голос” (1928-1933) и др. авторы пристально всматривались в недавно свершившиеся события, пытаясь с беспощадной искренностью постичь суть вещей. Эта напряженность интеллектуальных поисков легла в основу зарождения оригинального движения русской общественной мысли – евразийства, первой родиной которого оказалась Болгария.

Одной из особенностей бытия культуры русской эмиграции в Болгарии, которая, возможно, наблюдалась, единственно в Сербии и Чехословацкой республике как славянские страны, была редкая возможность сосуществовать в иной национальной, но родственной по складу среде, готовность принимающей страны обогатиться этой культурой, а со стороны культуры-изгнанницы вписаться со своими духовными ценностями в чужое культурное пространство без навязчивости. Для этого, кроме культурно-исторических предпосылок, было и еще одно главное условие – отсутствие барьера языкового общения.

Встреча двух культур – русской и болгарской - происходила без напряжения, без какой-либо натянутости, без противопоставления своего чужому. Множество примеров свидетельствовало о настоящем содружестве, о совместных усилиях в области научных и культурных устремлений. Русская эмигрантская мысль быстро заняла свое место в представительных изданиях Софийского университета (серия “Университетска библиотека”, ежегодники различных факультетов), Болгарской Академии

Наук, во многих сборниках, посвященных замечательным годовщинам болгарской культуры (юбилеи И. Вазова, Ц. Церковского, К. Сарафова, С. Бобчева, А. Будевской, В. Златарского, Славянского общества и др.).

В диалоге с культурой русской эмиграции Болгария была воспринимающей страной. Она была готова принять в максимальной степени то, в чем нуждалась. Диалог строился в большой зависимости от потребностей социокультурного движения, от тех духовных поисков и изменений в интеллектуальной жизни, которые наблюдались в лихолетье после трех войн (двух Балканских и Первой мировой войн).

Первым положило начало диалогу с русской эмигрантской интеллигенцией Славянское общество в Болгарии (1899) во главе со своим председателем проф. С.С. Бобчевым. Оно попыталось ввести ее в болгарское культурное пространство. Одна из заслуг Общества и его председателя было создание Русско-болгарского культурно-благотворительного комитета (1920), пользующегося заслуженной известностью среди русской эмиграции из-за оказанной конкретной помощи многим деятелям науки и культуры.

Любовь к старой России, преклонение перед ее культурой и наукой, решительное несогласие с преследованием и уничтожением советской властью русских ученых после Октябрьского переворота¹ стали толчком к исключительному вниманию и отзывчивости, которые Славянское общество засвидетельствовало русской эмиграции. С особой заботливостью оно отнеслось к неволе беженцев и к судьбе русской интеллигенции.

Роль Славянского общества в участии русской эмиграции еще не оценена наукой по справедливости². Однако стоит полистать пожелтевшие страницы болгарской периодической печати начала 20-х годов (“Славянски глас”, “Сила”, “Възход”, “Слънце”, “Развигор”, “Театрален преглед” и др.), альманахов (“Славянски календар” и др.), юбилейных сборников и пр., видеть в их хрониках множество сообщений о лекциях русских ученых (И.А. Базанова, Э. Д. Гримма, П. М. Богаевского, К. Н. Соколова и др.), о литературных выступлениях русских писателей (А.М. Федорова, Е. Чирикова, П.А. Нилуса, Л. Столицы и др.), о музыкально-художественных, балетных и театральных спектаклях, чтобы убедиться как скоро и как-то естественно русская мысль и искусство заняли свое место в болгарской культурной жизни. В этом плане Славянское

¹ Б/а. Избиване и загиване на руските учени // Славянски календар за 1922. София, 1921. С. 78-81.

² О роли Славянского общества в судьбе русской эмиграции в Болгарии выделено небольшое место в: Даскалов Д. Бялата емиграция в България. София, 1997. С. 25; Лазарова Е. Славянското дружество в България. София, 1997. С. 176-178; Кьосева Ц. Руската емиграция в България. 20-те - 50-те години на XX век. София, 2002. С. 42-44..

общество сыграло роль связывающего звена между болгарской и русской культурой.³

Его внимание к первым русским профессорам в Софийском университете (В. Н. Ренненкампу, А. Ф. Маньковскому, Н.П. Кондакову, М.Г. Попруженко, Н. Трубецкому, П. М. Богаевскому В.В. Завьялову, А.Ф. Федорову, В.П. Воробьеву, И.А. Базанову, И.А. Бунину)⁴ не обшло и молодых ученых К. В. Мочульского,⁵ А.Н. Грабара и Г.В. Флоровского. Нам кажется небезынтересным указать на новые, неизвестные страницы их "болгарских" биографий.

Выбор этих ученых - не случаен. Из-за характера своих культурных и духовных устремлений они общались между собой (К. Мочульский и А. Грабар были друзьями, позже, находясь в Париже, Г. Флоровский обращался за советом к Грабару в связи со своими научными занятиями), как и теснейшим образом были связаны с одними и теми же болгарскими учеными - С. Бобчевым, В. Златарским, М. Арнаудовым, Б. Пеневым и др.

О "болгарском" эпизоде (1920-1922) эмигрантской и научной жизни этих блестящих людей русского зарубежья известно очень мало или почти ничего. А ведь именно в Софии К. Мочульский параллельно с известной статьей "Поэтическое творчество Анны Ахматовой" и рецензиями в ж. "Русская мысль"(1921) напечатал свои первые литературоведческие этюды: о поэзии Серебряного века, о Блоке, о русском формализме и экспрессионизме и пр.⁶, представляющие ранний период его творческой

³ См., например, информацию об организованных Славянским обществом "славянских лекциях" в ж. "Славянски глас": П. Ценева ("Русия по време на войната", 4. XII. 1921), доктора Ст. Данева ("Чехословакия и славянство", 25. XII. 1921), И. Базанова ("Крестьяне и революция в России", 15. I. 1922), П. Генова ("Опитите на Александър II и княз Горчаков през 60-те години на XIX век за даване на областна автономия на балканските страни", 29.I.1922), П. Богаевского ("Народы России и ее единство", 14.II.1922), В. Ганева ("Русия и европейското политическо и стопанско равновесие", 26. II.1922). // Славянски глас. Г. XVI. 1922. № 1-2. С. 22. Публикуя сообщение по поводу этих лекций, в своей "Хронике" газета "Свободная речь" (София) подчеркивала: "Все лекции, кроме одной, посвящены России. Это не может не льстит нашему национальному самолюбию. В то же время это доказывает, что в руководящих кругах Славянского Общества ясно сознание огромного значения России в прошлом и, надо думать, в будущей жизни славянства". // Свободная речь. 1921. 12 декабря. № 7. С. 4.

⁴ См. Руски професори в Софийския университет // Славянски глас. Г. XIV. 1920. № 1. С. 29.; Там же. №3-4, С. 95-99.

⁵ К.В. Мочульский тоже был выбран в Софийском университете доцентом романской филологии.

⁶ См. *Мочульский К. Съвременна руска поезия* // Златорог. Г. I. 1920. Кн. IX. С. 751-766; *Его же. Образ России в русской поэзии. Светлой памяти А. Блока* // Славянски глас. Г. XXII. 1921. №5-6. С. 21-35; *Его же. Экспрессионизъм* // Развигор. Г. I. 1921. 30 април. № 17. С. 1; *Его же. :Миллиоти* // Указ. изд.. Г. I. 1921. 14

деятельности (после Петербурга).

В Болгарии А. Грабар, приняв участие во многих археологических экспедициях, накопил бесценный эмпирический материал для своих будущих книг по византийскому и древнеболгарскому искусству⁷.

Здесь Г. Флоровский написал ряд работ, раскрывающих направленность его философских поисков.

Молодые ученые быстро сориентировались в динамике духовных процессов болгарской культурной и научной жизни и без усилий вошли в ее русло. Они часто выступали в болгарской периодической печати ("Златорог", "Славянски глас", "Слънце", "Развигор "Литературен глас" и др.), принимали участие в "славянских лекциях" Славянского общества (К. Мочульский выступил о "Творчестве А. Блока"⁸, Г. Флоровский – на тему "Вечное и преходящее в учении русских славянофилов", "Исторические прозрения Ф.М. Достоевского"⁹), спорили на диспутах Религиозно-философского кружка.¹⁰

Автор доклада более подробно проанализировал "болгарские" контакты К. Мочульского и А. Грабара в сб. "Бялата емиграция в Бълга-

май. №14. С. 1-2; *Его же*. Новые стихи Ахматовой // Свободная речь. 1921. 3 декабря. № 6. С. 3; Болгарские поэты (Избранные стихотворения). Рец. // Слънце. Г. II. 1921. №4. С.323-326. Эти статьи и рецензии не включены в "Краткую библиографию газетных и журнальных статей К.В. Мочульского", подготовленную С.Р. Федякиным. В: *Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. Москва, 1995. С. 563-564.

⁷ См. *Грабар А.* Боянската църква (на български и френски език). София, 1924. – Серия "Художествените паметници на България. № 1; *Grabar A.* Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique. Paris. 1928; *Его же*. La peinture religieuse en Bulgarie. Paris. 1928.

⁸ См. сообщения о выступлении К. Мочульского в "Хронике" // Свободная речь. 1921. 3 декабря. №6. С. 4; Указ. изд. 1921. 8 декабря. №8. С. 4. Опять же в "Хронике" указ. изд. пишет: "**Лекция о Блоке.** В четверг 8 декабря в зале Славянского Общества состоялся интересный доклад К.В. Мочульского о творчестве А. Блока, устроенный Культ.<турно>- Просв.<етительным> Кружком при Национальном Союзе. Указав, что не наступило еще время оценки творчества Блока, докладчик живо охарактеризовал основные черты творчества поэта, иллюстрируя их яркими цитатами" (1921. 13 декабря. № 10. С. 4)..

⁹ 6 февраля 1921 г. и 13 ноября т.г. Г. Флоровский выступил в Славянском обществе. См. Славянски глас. Г. XV. 1921. №5-6. С. 178, Славянски календар за 1922 г. София, 1921. С. 84, Славянски глас. Г. XVI. 1922. №1. С. 41.

¹⁰ Г. Флоровский регулярно присутствовал на собраниях Религиозно-философского кружка (в здании основной школы им. Графа Игнатъева), принимал участие в прениях.. 3 апреля 1921 г. прочитал доклад на тему "Великий инквизитор Достоевского", осенью т.г. выступил вместе с Н. Трубецким об "Исторических путях развития России". См. Църковен вестник. Г. XXII. 1921. 9 апр. №6. С. 8-9; Славянски глас. Г. XV. 1921. №5-6. С. 46.

рия” (2001)¹¹, поэтому дальше его размышления будут посвящены неизвестным страницам судьбы Г.В. Флоровского, его интеллектуальным связям с болгарскими учеными, неопубликованной переписке с ними.

Биографы скупно освещают "болгарский" период его жизни (январь 1920-декабрь 1921). И тем не менее они не пропускают подчеркнуть: "однако годы, проведенные там (в Софии - прим. М. К.), не прошли впустую".¹² Дело не только в том, что именно в Болгарии началась активная, целенаправленная деятельность молодого ученого, бывшего приват-доцента Одесского университета. Не получив подходящей работы¹³, по его признанию, большая часть своего времени Г. Флоровский посвящал магистерской диссертации о философии Герцена, которая до отъезда в Прагу была почти законченной.¹⁴

За этот короткий срок он опубликовал столько работ, что сегодня они впервые переизданные на русском языке вместе со всем напечатанным в Болгарии (до 1925), представляют собой солидный том.¹⁵ Более

¹¹ См. *Каназирска М.* Вклад русской эмиграции в духовную жизнь Болгарии- В: "Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември, 1999 г. София, 2001. С. 202-212; См. также: *Ее же.* Андрей Грабар в интеллектуальной жизни Болгарии 20-х годов. В: Проблемы Славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 3. Брянск. 2001. С. 228-235; *Манолакев Х.* Константин Мочулски в българския печат през 20-те години и споменът за "отказания спомен". В: Човек и време. София, 1997.

¹² *Блейн Э.* Жизнеописание отца Георгия Флоровского. В: *Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ.* Пер. с английского. Москва, 1995. С. 30.

¹³ Г. Флоровский занимался техническим редактированием и вычитывал корректуры книг Российско-болгарского издательства (1921), давал уроки русского языка дочери и племяннику эмигрантского дипломатического представителя в Болгарии А.М. Петряева (1918-1922). См. *Блейн Э.* Указ. соч. С. 30. В письме С. Казанджиеву (от 29 февраля 1921) он сообщал, что постоянно находится в "придворной типографии" (См. АБАН. Ф. 40. К. Ед. хр. 360. Л. 1.).

¹⁴ Редактору серии "Славянска библиотека" доктору Н.С. Бобчеву Г. Флоровский до отъезда в Прагу предоставил "Краткий очерк" магистерской диссертации в объеме 77 страниц, написанных от руки, вероятно, с намерением, чтобы он напечатал их отдельной брошюрой. В архиве Бобчева сохранилась часть текста – с 49 по 77 страницу. См. НБКМ (Архив на Народната библиотека "Кирил и Методий" – Архив Народной библиотеки имени Кирилла и Мефодия). Ф. 278. Ед. хр. 294. Л. 78-106.

¹⁵ См. *Флоровский Г.* Из прошлого русской мысли. Москва: Аграф. 1998. За исключением двух статей ("Письмо к П.Б. Струве об Евразийстве" и "Искания молодого Герцена"), все остальные материалы в этой книге напечатаны в Болгарии (до 1925 г.). Здесь же увидели свет и другие работы: "На гроб Лопатина // Русская мысль. 1921. Кн. III-IV. С. 212-213; Ф.М. Достоевски // Църковен вестник. Г. XXII. 1921. 19 ноември. №33. С. 3-5; Човешката мъдрост и Премъдростта Божия // Духовна култура. Г. I. 1921. №11-12. С. 85-96 (Эта статья вышла и на

того. Мало известен тот факт, что здесь увидела свет и его небольшая первая книга “Достоевски и Европа, напечатанная на болгарском языке, о чем речь впереди.

Сегодня открытый доступ к архивам позволяет добавить новые, неизвестные штрихи к интенсивной духовной жизни молодого Флоровского в Софии, дополнить культурный контекст его общений здесь. Естественно, семейная атмосфера тоже благоприятствовала к интеллектуальным занятиям: молодой ученый не был лишен родительского тепла, так как семья (отец, мать, сестра) совершенно сознательно направила именно в Болгарию, рассчитывая на помощь Г. Цветинова, одного из слушателей его отца в Одесской семинарии, занимающего в начале 20-х годов ответственную должность заведующего отделом вероисповеданий при Министерстве иностранных дел, помогший многим русским беженцам.

В новой ситуации эмигрантской жизни значение имела не только собственно русская среда - семья, Религиозно-философский кружок, окружение молодых людей-евразийцев (он был близким другом языковеда князя Н. Трубецкого, доцента Софийского университета), но и новые контакты, весь интеллектуальный климат, в который он попал. Особое место в этом плане занимало Славянское общество в Болгарии, оказавшееся спасительной пристанью для многих русских ученых.

Флоровский быстро подружился с его председателем Стефаном С. Бобчевым, академиком, профессором Софийского университета и директором Балканского Ближневосточного института (основанного по предложению известного русского профессора-эмигранта П. М. Богаевского), был в близких отношениях с его братом доктором Николой С. Бобчевым, главным редактором всех изданий Общества: журнала "Славянски глас (1907-1940), альманаха "Славянски календар" (1908-1937), серии "Славянска библиотека" (1920-1938). Он часто общался с проф. Василием Н. Златарским, тогда деканом Историко-филологического факультета Софийского университета (1920-1921), в будущем его ректором (1924-1925), заместителем председателя Болгарской Академии Наук.

Сегодня обнаруженная нами в архивах переписка Г. Флоровского с Н.С. Бобчевым и В.Н. Златарским проливает новый свет на те контакты, которые он имел с болгарскими учеными, отзывчиво отнесшимися к молодому человеку, всячески стремившимся оказать ему конкретную и

русском языке “Человеческая мудрость и Премудрость Божия”// Младорус. София. 1922. №1. С. 50-62); О типах исторического истолкования. В: Сборник в чест на Васил Н. Златарски по случай 30-годишната му научна и професорска дейност, подготвен от неговите ученици и почитатели. София, 1925. С. 521-541; О почитании Софии, Премурости Божьей, в Византии и на Руси. В: Труды V-ого съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. София, 1932. Последняя работа была недавно напечатана в: *Флоровский Г.* Догмат и История. Москва: изд. Святого Владимирского Братства 1998 – Серия “Православная Богословская Библиотека”.

своевременную помощь, даже и тогда, когда он находился уже в Праге, Париже или Лондоне.

Очевидно, эти ученые ценили глубину его мышления, разносторонность его знаний по философии, истории культуры и религии, часто приглашали его выступать по различным поводам.¹⁶ Из переписки видно, что он был частым гостем и у них дома и после Софии. Возвращаясь на летние каникулы к родителям из Праги, он продолжал встречаться с ними, советуясь по разным вопросам. Взаимность дружеских отношений сохранилась надолго (до 1936 г., судя по последнему письму к Н.Бобчему). Флоровский продолжал печататься в Болгарии (до 1932 г.) и как-то не хотел разрывать связи с ней. Пожелав опубликовать очередную статью там, он писал из Парижа В. Златарскому: “Глубокоуважаемый Василий Николаевич, /.../ Буду очень рад, если удастся напечатать мою работу именно в Болгарии: это будет мне напоминанием о хорошем времени, проведенном мною в Софии. /.../ Искренне преданный и уважающий Г. Флоровский” (1931. VI. 3.).¹⁷

Ограниченное место не позволяет остановиться на всех аспектах эмигрантской судьбы Г. Флоровского на болгарской земле, на его интересных связях с болгарскими учеными. Обратим внимание лишь на один факт его идейно-философских исканий в Болгарии, который до сих пор остается вне поля зрения исследователей, но имеет прямое отношение к характеру его мирозрения.

Все единодушы в том, что самый главный эпизод в жизни молодого ученого в Болгарии - это участие в зарождении евразийства. Однако наряду с его статьями в сб. “Исход к Востоку” (1921), следует учитывать и ввести в научный обиход и его брошюру “Достоевски и Европа”,¹⁸ написанную за месяц до его отъезда в Прагу (автограф помечен датой 1921. XI.21.¹⁹).

Книга совпадает по времени своего создания с первыми евразийскими сочинениями: “Европа и человечество” (1920) Н. Трубецкого и сборником “Исход к Востоку”, вышедшими в Софии. Образно говоря, она

¹⁶ См. прим. 9.

¹⁷ АБАН. Ф. 9 К. Оп. 1. Инв. № 2232. Речь идет о работе “О почитании Софии, Премудрости Божией, в Византии и на Руси” (1932).

¹⁸ Недавно текст книги вышел на английском языке. См. *Florovsky G. Dostoevsky and Europe*. In: *The Collected Works. Theology and Literature*, vol. 11, Buchvertrieb-Sanstalt. Vaduz, 1989, pp. 67-81. В библиографии трудов Г. Флоровского под редакцией Э. Блейна под номером 19 описание книги “Достоевски и Европа” не совсем точное: заглавие и серия (“Славянска библиотека”) не приводятся на языке первого оригинального издания, не указаны переводчик и место издания. См. *Блейн Э. Библиография*. Укз. изд. С. 373. См. полное библиографическое описание книги в прим. 26.

¹⁹ См. НБКМ. Ф. 278. Ед. хр. 294. Л. 1-48. (Автограф книги “Достоевски и Европа” на русском языке”).

становится третьей частью “евразийской” трилогии на раннем этапе становления этого нового идейного движения. Ее значение можно сформулировать в нескольких аспектах: *первый*, она указывала, какое место в мировоззрении философа занимал Достоевский как ключевая фигура истории русской мысли как раз в тот момент, когда он интенсивно занимался исторической философией Герцена; *второй*, именно в ней можно в наибольшей степени открыть то “сугубо личное” (о чем говорит М. Раев по поводу его статей в сб. “Исход к Востоку”²⁰) в подходе и решении проблем, которые так горячо дискутировались евразийцами, то, что удалит потом Флоровского от них; *третий*, книга воспринималась и в инациональном контексте - вопросы катастрофичности бытия и кризиса культуры в начале 20-х годов были актуальными и для духовных процессов в Болгарии после ее поражений в Балканских и Первой мировой войнах.

История создания книги-брошюры несложна. Славянское общество, наблюдая за полемическими выступлениями Флоровского в 1920-1921 гг. в печати (“Църковен вестник”, “Духовна култура” и др.), на заседаниях Религиозно-философского кружка и по другим поводам, предложило ему быть одним из докладчиков на торжественном собрании, посвященном 100-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. 13 ноября 1921 г. Флоровский выступил перед многочисленной аудиторией членов Общества, представляющую интеллектуальную элиту болгарской столицы.²¹ По-видимому, речь о великом писателе не была традиционно юбилейной, она затрагивала животрепещущие вопросы судьбы России и современности.

Размышления Флоровского по главным вопросам философии истории и культуры у Достоевского, страстно волновавшим его во второй половине XIX века, звучали актуально, в тесной связи с основными темами евразийцев: о кризисе культуры после Октябрьского переворота и гражданской войны, о соотношении европейских идей и европейских форм жизни, о роли России в осмыслении идеи всечеловечности.

Книга “Достоевски и Европа” являлась очередной попыткой Флоровского (после статей в сб. “Исход к Востоку”) ответить на ряд жгучих вопросов, которые дискутировались многими русскими интеллигентами, оказавшимися за бортом отечества. С той же силой эти вопросы ставились и политической публицистикой журнала “Русская мысль” (1921), в

²⁰ Раев М. Соблазны и разрывы. Г. Флоровский как историк русской мысли. В: Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. Указ. изд. С. 267.

²¹ Торжественное собрание, посвященное юбилею Ф.М. Достоевского, организованное Славянским обществом и Обществом болгарских публицистов и писателей, состоялось в известной аудитории 45 Софийского университета при следующей повестке дня: 1. Личные воспоминания о Достоевском и его речи о Пушкине – проф. С.С. Бобчев; 2. Выдержки из речи Достоевского – Ст. Коледаров; 3. Исторические прозрения Достоевского – Г. Флоровский // См. Славянски глас Г. XVI. 1922. № 1. С. 41.

тот момент издававшегося П. Б. Струве в Болгарии, но ответы были разными.²²

В своей небольшой книжечке Флоровский в поддержку евразийских идей и своего собственного видения по актуальным вопросам современности привлек и философию истории и культуры Достоевского. Он ставил перед собой задачу снять мнимые парадоксы автора "Юноши": с одной стороны, Европа - наша родина, с другой - русские внутренне чужды Европе и в этом "обособлении" от нее они должны утвердиться. "Было ли противоречие в созерцаниях и прозрениях великого русского писателя, спрашивал Флоровский, колебался ли он между противоположными решениями, бессильный остановить выбор на одном из них? Или это были два параллельные течения мысли, так и не слившиеся в его сознании в целостный живой синтез?"²³

Отвечая на эти вопросы, автор в деталях анализировал то содержание, которое писатель вкладывал в понятия "Европа", "европеец", "европейская культура", обосновывая и свою позицию, в которой струилось уважение к своеобразию каждого народа и его праву самому определять свой путь, без навязчивости готовых форм бытия.

Молодой Флоровский страстно защищал способность Достоевского понять общечеловечность европейских идей и способность русского человека откликнуться на них. Он верно указал на главный источник идеи всечеловечности у писателя – на православную идею в противоположность истории как поступательный прогресс. Вслед за великим писателем он писал: "Лишь в православии личность освобождается до конца, именно потому что провозглашается не разрушительное самоутверждение, а самоотречение, подвиг, даже до смерти".²⁴

Переписка с доктором Н. Бобчевым убеждает, что он очень серьезно относился к этой книге и с нетерпением ждал ее выхода в свет. Первое письмо из Праги посвящено именно ей:

"Многоуважаемый Николай Саввич,

Очень извиняюсь перед Вами, что позволяю себе докучать Вам просьбою. По обнаружившемуся ходу моих здешних занятий мне было бы очень важно, хотя бы в очень широких и неопределенных пределах (месяца-два), знать, как скоро имеет шанс появиться в свет моя речь о Достоевском. Дело в том, что много придется касаться смежных тем в других статьях и хотелось бы сообразить это во времени. <....> Примите уверение в моем совершенном почтении и преданности. Г.В. Флоровский.

P.S. Если печатание речи о Дост.<оевском> состоится скоро, то не откажите заказать для меня штук 50 отдельных оттисков и выслать их

²² См. также Колеров М. А. Братство св. Софии: "веховцы" и евразийцы // Вопросы философии. 1994. №10. С. 143-166.

²³ Цит. по автографу книги на русском языке // НБКМ. Ф. 278. Ед. хр. 294. Л. 8..

²⁴ Там же. Л. 44.

прямо мне, а гонорар передать моим родителям в Духовной семинарии в Софии". (Это первое письмо из Праги, оно без даты, согласно тексту начало 1922 г.).²⁵

Брошюра "Достоевски и Европа" вышла на болгарский язык, переведенная с рукописи К. Б. (Константином Бобчевым, сыном Н.С. Бобчева), снабженная кратким предисловием "Бележка от редакцията", написанным, вероятно, самим Н. Бобчевым, в одном из изданий Славянского общества - серии "Славянска библиотека" - тиражом в 1500 экземпляров.²⁶

Автор предисловия ("Бележка от редакцията") обратил внимание на актуальное значение брошюры: с одной стороны, она была отповедью недавно вышедшему и скандально нашумевшему сочинению О. Шпенглера "Закат Европы" (первый том, 1918, имел 32 издания, второй – только что вышел в 1920 г.), с другой - она являлась новой вспышкой русской мысли - раннего евразийства, попыткой мотивировать его православными идеями признанного пророка революции. Впоследствии именно православие удалит Г. Флоровского от евразийской доктрины.

Abstract:

A Dialogue of Two Cultures: The Early Georges Florovsky in Bulgaria

The subject of this paper is related to the issue of the cultural contribution of the Russian émigrés in Bulgaria during 1920-1940. The paper focuses on the role of the Slavic Association in its attempt to incorporate the Russian émigrés in the intellectual life of Bulgaria. With regard to that some new data about the Bulgarian period in the lives of K. V. Mochulsky and A. N. Grabar is brought forward. The paper presents some unknown facts about the scholarly work of the young Georges Florovsky during his stay in Bulgaria in 1920-1922, as well as some details about his correspondence with two Bulgarian scholars – the Academy Member V. N. Zlatarsky and Dr. N. S. Bobchev.

²⁵ НБКМ. Ф. 278. Ед. хр. 211. Л. 11-12.

²⁶ *Флоровский Георгий В.* Достоевски и Европа. Превел от ръкописа К.<онстантин> Б.<обчев> София: изд. на Славянското дружество в България. 1922. 40 С. – Серия "Славянска библиотека". Г. II. №2. См. также библиографический указатель."Български книги. 1878-1944. Т. VI. София 1983. С. 60.

СОДЕРЖАНИЕ ЛЕЙТАНСКОЙ МИНЕИ

Одним из достижений многостороннего сотрудничества между славистами городов Сомбатхея и Сегеда является ознакомление специалистами с некоторыми источниками изучения истории староукраинского языка. Мы имеем в виду, в первую очередь, те церковнославянские памятники, написанные на украинской языковой территории, которые хранятся в сегодняшней Венгрии. В серии книг *Bibliotheca Slavica Savariensis*, редактируемой именно нашим юбиляром, увидел свет текст двух рукописей XVI века – Скотарского учительного евангелия и Сегедской минеи.¹ Первый доклад об этом последнем памятнике был прочитан нами на конференции *Международные дни славистики* (главным организатором научных мероприятий под этим названием также является проф. Карой Гадани).² В 2002 г. в Сомбатхее мы сообщили об обнаружении праздничной минеи в северо-восточной части Венгрии в селе *Кишлейта*, и дали предварительное описание этого кодекса середины или второй половины XVI века.³ Настоящая публикация представляет собой продолжение этой статьи.

* * *

Как известно, Лейтанская минея, написанная в четверть, состоит из 347 листов. Начало и конец кодекса отсутствуют, потери наблюдаются и внутри рукописи.

В дальнейшем мы перечисляем те праздники, которые представлены в интересующем нас памятнике. Название праздников дается по оригиналу.

Начало богослужения (№ листа)	Праздник
1	1 сентября (начало отсутствует)
4	маѣ тогожъ и рождѣтво прѣгы[...] вѣа.
21	маѣ тогожъ дѣ въздвиженіе чѣтнаго и животоурациаго крѣта.
30об	маѣ. октобрія. а днь покрѣа прѣгыа вѣа.
37	маѣ тогожъ вѣ стѣо мѣака. димитрія.
41об	маѣ ноябрія вѣ и днь съборѣ архистратига михаила. и гавриила. и прочиу бесплотныхъ.
52об	маѣ тогожъ ка въведеніе. вѣ цркви. прѣгыа вѣа.
58	маѣ (деаврія) тогожъ (так!) вѣ вѣ. придеаго вѣа нашего никола.
66об	маѣ тогожъ вѣ а зачѣе стѣа анны. егда зачатъ стѣа вѣа.
70	С 4-ой строки: отрывок службы на праздник перед Рождеством
71	маѣ. тогожъ ке. еж по пѣати рождѣтво. га и ба и спѣа нашего иу хѣ.
83об	маѣ. гендаврія. вѣ. а. днь. иже по пѣати вѣрѣзаніе га нашего и хѣ.
97об	маѣ тогожъ во вѣ днь стѣе вѣоавленіе га нашего иу хѣ.
108об	маѣ тогожъ (так!) вѣ. свѣченіе га нашего иу хѣ.
121	маѣ тогожъ а стѣу гѣ стѣа. вѣаіаіа вѣанкаго. григорія вѣомова. иоанна златѣустаго. и стѣо вѣенно. мѣака. ипполита папы римскаго.

141	в ПАЛѢ ВЪ ПАМЯТѢ СЪТВОРАЕМЪ ВСѢМЪ НИЖЕ ѿСѢКА ОУМЪШНИМЪ ХРИСТІАНОМЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ ѿЦЕМЪ И БРАТІАМЪ НАШИМЪ.
151об	МѢСЯЦА МАРТА. КѢ, БЛАГОУСЪЩЕНІЕ ПРѢСВѢТА БІА.
167	ВЪ ПАЛѢ СЪ НЕД
182	ВЪ СЪБѢ ВЪ МѢСЯЦѢ СТО И ПРАВЕДНАГО АЗАРѢ.
192	САВЪЖА СЪТЪ СЪТРАТЕН ГѢ И БѢ И СПѢ НАШЕГО ІОУ ХЪ.
206	ВЪ СЪБѢ ВЪ СЪБѢ СЪБѢТѢ
216об	ВЪ СЪБѢ ВЪ СЪБѢ НЕДНИ ПАСХЪ.
233об	МѢСЯЦА АПРІЛА КѢ. СТО И СЛАВНАГО ВЕАНКОМЪ ЯКА ГЕѢМЪ.
251	ВЪ ЧЕЛѢ ВЪЗНЕМѢИА ГѢ БѢ И СПѢ НАШЕГО ІОУ ХЪ. ПО ПАЦѢ СЪ НЕДНИ.
263об	ВЪ СЪБѢ ПА ТРЕСА Т.
278об	МѢСЯЦА ІУНЪ. КѢ РОЖДЕСТВО СТО ІВАИНА ПРѢТЧѢ.
294об	МѢСЯЦА ТОГО ЖѢ КѢ. СЪТЪ ВЪЗХОВНЫ ГѢ ПЕТРА И ПАВЛА.
306об	МѢСЯЦА ІУНЪ. КѢ (ТАК!) СТО ПРѢОКА. ІУНЪ.
317	МѢСЯЦА АВГУСТА СЪ ПРѢВЪРАЖЕНІЕ ГѢ НАШЕГО ІОУ ХЪ.
336	МѢСЯЦА ТОГО ЖѢ. ОУЩЕНІЕ ПРѢСВѢТА ВЛАДЦА НАШЕА БІА ПРѢМОДЪ МѢСЯЦА.

Примечания

¹ *Скотарське учительне євангеліє – український гоміліар 1588 року.* Текст рукопису підготував і видав Мігай Кочіш. З передмовою проф. Василя Німчука. Сомбатгей, 1997. (Bibliotheca Slavica Savariensis IV.) *The Szeged Minea. A Cyrillic Manuscript from the Late 16th Century.* A text edition by Mihály Kocsis. I–III. Szombathely, 1999–2001. (Bibliotheca Slavica Savariensis VI.)

² См. *Сегедская минея – рукопись XVI–XVII века.* Nemzetközi Szlavisztikai Napok V. II. kötet. Szombathely, 1995: 488–496.

³ См. *Лейтанская минея.* Studia Slavica Savariensia 2002/1–2. VII. Nemzetközi Szlavisztikai Napok. Szombathely, 2002: 384–389.

**EXTRA-LINGUISTIC REASONS FOR DIALECT DIVERSIFICATION
IN SLOVENSKE GORICE**

0 The Slovenske gorice region is located at the edge of the Pannonian basin and represents the largest range of hills in Slovenia. It lies between the Drava River in the west and south, the Mura River in the north and east, the Gomilica River (Germ. Gamlitz) in Austria in the north-west and the Slovene-Croatian border in the south-east. On the Croatian side of the border, the region continues into the low hills of Medmurske (Croatian: Medjimurske) gorice. It consists of small hills and ridges, only in the north-east, where it joins the Pre-Alpine hills, some peaks exceed the height of 500 m. The main waterway is the Pesnica River, while the Drava and the Mura flow along the edge of Slovenske gorice and absorb only a minor portion of water coming from the hills. Typical of Slovenske gorice is a scattered pattern of settlement. Dense settlements formed only in larger valleys. They are older, as attested by the location of older churches in Jarenina, Svečina, Benedikt and Sv. Jurij. Slovenske gorice is a region of relatively slow economic and demographic development and has remained, despite considerable urbanization and industrialization of the neighboring areas, predominantly agricultural. There is only one important place of employment, the town of Lenart, which is the center of the municipality and also the crossroads of seven important traffic routes (among them the road that links Pomurje and Podravje, and the road linking the Apače or Lipnica plain with the Ptuj plateau).

1 Alpine Slavs settled the present Slovene territory from two directions: after 550, they came from the north from the Carpathian into the Klagenfurt basin, and after 568 from the south-east along the Drava and the Sava Rivers. Those tribes spoke a Proto-Slavic dialect (possibly two or more), which was relatively uniform, as all of the earliest innovations in Alpine Slovene are of General Alpine Slavic origin and were often spoken in all or at least part of the present Croatian- and Serbian-speaking territories (Logar 1975:7). With the changes introduced at the end of the 8th century, this language began to deviate from Proto-Slavic. By the end of 11th century, it developed into an independent language, Alpine Slovene. In the 12/13th century, the Alpine Slovene language split into two dialects: the south-eastern and the north-western one, and by the 16th century, all of the basic Slovene dialects were already in existence on the Slovene-speaking territory. According to Logar (1996: 3), the reason for the oldest split of Slovene into two dialects in the 12/13th century lies in the dual nature of the settlement of Slovenes. That was the time when the long *e* and the long *o* in the south-east became close and diphthongized into *ei* and *ou*, while in the north-west they developed into *ie* and *uo*. The differentiation was accelerated by the early innovations such as the denasalization of nasal sounds. The

innovations did not apply to the entire Slovene territory, rather they were centered in the present Croatian and Serbian territory and first reached the Slovene territory in the south-eastern part, which was more easily accessible, while along the mountains of Pohorje, the Alps and Karavanke, they slowed down (which accounts for the maintenance of nasals in the Carinthian Podjuna dialect still today).

High mountains were particularly instrumental in the later differentiation of the dialects, especially since they were also the basis for the early administrative and Church division of the Slovene territory. Thus the division between Carinthian and Styrian local dialects in the Drava Valley, on Pohorje and on Kozjak until mid-12th century coincides with the administrative border between Carinthia and Styria. By the same token, the Styrian dialect of Zgornja Savinja was spoken on the territory that was in the 12th century property of the Benedictine monastery in Gornji Grad.

Swamps played a role, too (Ljubljansko barje, for instance, had an impact on the differentiation of the central dialects into the Upper and Lower Carniola dialects). The forests, however, were much more important in this respect; they were instrumental in shaping the boundary between the Upper Carniola dialect and the Rovte dialect on Sorško polje, as well as in forming the dialectal image of the Zgornja Sava and Tuhinja valleys. Across the rivers Soča, Sava, Krka, Sotla, and Kolpa, linguistic phenomena spread freely. A somewhat larger obstacle was the Drava River, a fact which is manifested by the differentiation of both Rož and Podjuna dialects. The Mura River, which had long been an important administrative border between the Prekmurje Slovenes living in the Hungarian Empire and the Styrian Slovenes living in Austria, also represented a very powerful divide between the Slovenske gorice and Prekmurje dialects on the hand, and the Prlekija and Prekmurje dialects on the other. Furthermore, the diversification of the Slovene language was also influenced by the colonization of some areas by Bavarian and Tirolean Germans, Slovene settlers from Carinthia and others. Through centuries, these groups naturally assimilated into the Slovene society, but have retained some of their mother tongue's features (as seen in the peculiarities of the local dialects of Poljanska and Selška dolina, and Baška grapa).

This article will focus on those extra-linguistic factors that contributed to the diversification of the dialects in Slovenske gorice.

2 Slovene dialectologists consider the Slovenske gorice local dialects a part of Slovenske gorice and Prlekija dialects in the Pannonian dialect group (Logar-Rigler, 1983). Together with the Carinthian, Littoral, Rovte, Upper Carniola, Lower Carniola and Styrian dialects, it represents one of the seven Slovene dialect groups. This differentiation is the result of a development of more than

a thousand years, influenced by a number of extra-linguistic and linguistic factors.

The literature so far has treated the Slovenske gorice dialect in two ways: Ramovš (1936: 174) considered only the local dialects of Slovenske gorice, following the line from Maribor-Šentilj in the west to Marija Snežna-Sv. Ana na Kremberku-Vurberk along the Drava in east; Logar-Rigler's map of Slovene dialects (1983), on the other hand, charts the southern boundary of this dialect along the line from Radenci to Vurberk, the east boundary from Radenci to Gornja Radgona, and the north boundary from there along the Slovene state border up to Šentilj.

In order to determine the reasons for the two differing views of this dialect, I used the SLA questionnaire, transcribing 13 points in the area between Šentilj and Radenci. In addition, I tape-recorded a number of dialogues, conversations and narratives, analyzing them for phonological, morphological, syntactic and lexical norms. I also studied the linguistic situation of the Apaško polje region, where rare descendents of those with German as a mother tongue still live. The results show (Koletnik 2001) that the Slovenske gorice dialect is not uniform, but rather divided into two sub-dialects: the western and the eastern. Typical of the former is the lengthening of old and new acute vowels in non-final and final word syllables, as well as those that have undergone a shift of stress to the left. For this reason, the reflexes of these vowels today differ from those of constantly long vowels or vowels with the circumflex accent. The eastern sub-dialect, on the other hand, is characterized by qualitative contrast. The isogloss from Ramovš's Dialectological Map, which separates the Slovenske gorice dialect from the Prlekija dialect, represents the boundary between the western and the eastern Slovenske gorice sub-dialects. This was influenced by historical, social and political factors, which will be discussed later in this article. Local dialects east of the line Marija Snežna-Sv. Ana na Kremberku-Sv. Trojica are indeed not part of Prlekija dialects (as believed by Ramovš), because they have a diphthong vowel system (sharing the old diphthongs *ei* and *ou* for the long *jat* and the long *o*), which distinguishes them from the monophthong system of Prlekija local dialects (taken into account by Logar and Rigler). The mentioned line, which represents a linguistic boundary between the eastern and the western Slovenske gorice sub-dialects, continues from Trojica to Dvorjane before Vurberk at the Drava, the place of contact between Slovenske gorice and Prlekija dialects.

2.1 The history of settlement in Slovenske gorice begins at the turn of the 2nd millennium B.C. (Pahič 1968: 158). Archeological finds show a modest colonization limited to the terraced slopes and ridges, which leads to the conclusion that valleys at the time were fairly wet and unsuitable for agriculture. Very rarely or only occasionally were they settled during the Bronze and Iron Ages.

The first Roman traces in this area are from the 2nd century B.C., and the earliest settlements along the Roman roads Ptuj-Radgona and Ptuj-Lipnica from the first half of the 1st century. The ancient ruins in the central Slovenske gorice were found around Lenart, Benedikt, Cerkvjenjak, and Ihova. The character of the region and the kinds of finds point to the fact that the main source of living was agriculture. In Korena and Osek, there were also quarries (Litava limestone), hence masonry in these two places. Alpine Slavs settled in Slovenske gorice after 568, first in the hills along the middle part of the Drava and the Mura, and along the upper Raba river. They settled in greater numbers in Haloze, the southern and western edge of Dravsko polje between Ptuj and Maribor, and the western part of Slovenske gorice. The eastern part of Slovenske gorice from Ptuj to Radgona, however, was only settled in the later period of Slovene colonization (Kos 1933: 45-46). The strongest Slovene settlement was on Lipniško polje by the Mura river south of Graz (this had been densely populated already in Roman times). In 796, the time of Avarian wars by Charles the Great, Slovenes living in the areas along the Drava and the Mura rivers came under Frankish domination. In 803, their territory was gifted to the Friuli March and, in 828, to the border county of Spodnja Panonija, annexed to the Eastern March (Mlinarič 1979: 8). Panonija, which had been until then only rarely populated with Slavs, experienced the first strong Slovene-German colonization wave coming from the Alpine territory (Grafenauer 1964: 408, 1965:28). This was interrupted shortly during the rule of Duke Kocelj (869-874).

The territory of Kocelj's Duchy enjoyed political freedom and independence from Church authorities. It spread from the Drava in the east, to the Raba and the Carinthian border in north-east, and to the Drava and Ptuj in the south and west (Kovačič 1926:67). The border between Carinthia and Spodnja Panonija followed "approximately the Raba up to its bend, the Gnascbach stream and crossed the Mura between Cmurek and Radgona; it continued through Slovenske gorice along the Pesnica and Ščavnica at watershed, then along the Ročica and the Drvanja until the point at which they merge with the Pesnica, it crossed the Pesnica between Sv. Lenart and Sv. Rupert, and reached the Drava at Sv.Martin below Vurberk castle." (Kovačič 1928: 27-28). Murko drew a similar boundary (1962: 343), namely "from the line Marija Snežna-Sv. Ana na Kremperku-Sv. Trojica-Vurberk ob Dravi." After 874, when Spodnja Panonija was conquered one more time by the Franks, came the second German colonization wave (Kos 1935: 20). The colonization was hindered and largely eliminated by Hungarian raids at the end of the 9th century. Around 975, the eastern border of the Frankish state reached the line Radgona-Ptuj-Macelj-Sotla. Its consolidation and shift eastward toward the line Središče-Ljutomer, however, came only in the 12th century. After the consolidation of the border, the territory between the Drava and the Mura saw large-scale colonization led by secular and Church lords.

The colonization of Slovenske gorice therefore occurred in two stages: (1) colonization of the territory west of Ptuj and Radgona, which was completed by the 12th century at the latest; and (2) colonization of the territory east of Ptuj and Radgona, taking place mostly in the 13th century. This colonization ended in the 16th century (Baš 1965: 164) with the settlement of Turkish fugitives on Dravsko and Mursko polje (attested by names such as Horvat, Hrovat, Lah, Bezjak, Šmigoc and last names in -ič: Borkovič, Buzdarič, Milošič, Petrovič etc. found in the land registers from the 16th century).

2.2 The organization of the Church is also indicative of the age and direction of colonization. In the period from 811 until the 2nd half of the 19th century, the Church border along the Drava divided Slovene territory into: the territory north of the Drava belonging to the Salzburg diocese, and the territory south of the Drava belonging to the Oglej diocese. In Podravje and Slovenske gorice, where the Slovenske gorice dialect is spoken today, the colonization was greatly accelerated by Salzburg bishops with their seat in Gornja Radgona, and by the Speinheims with their seat in Maribor. They gave their land as feudal estate to a number of monasteries, in particular to the Benedictine monastery in Št. Pavel in Labodska dolina, which was established in 1091. That was the time when the monastery's founder, Count Englebert Speinheim, gave Negova in the Ptuj March, Plitvice near Radgona and Boračeva near Radenci out of his inheritance. About a hundred years later, documents list the property of Št. Pavel, which includes: the estate near Plitvički potok, the villages Babina, Ritiše and Ročica near Jakob in Slovenske gorice, Boračeva and Apače near Radgona, and Ročica near Kremberk in Slovenske gorice (Mlinarič 1979: 8-9). With these gifts, the Št. Pavel monastery gained a broad territory which it colonized and regulated. In addition, the Admont Benedictines were given the Jarenina estate together with a church in the Jarenina main parish in 1139.

The land in Slovenske gorice came into the hands of numerous foreign feudal lords as well: from the 14th to the 16th century, the feudal lords from Vurberk owned the villages Črmljenšak, Selce, Šetarova, Zgornja and Spodnja Voličina; the lords living in Hrastovec castle became the largest land-owners in Lenart; the lords from Zgornji Cmurek owned large land complexes on Apaško polje, Trate, Lokavec and the surrounding villages; the lords from Negova owned one of the most important properties between the Drava and the Mura (Mlinarič 1975: 201-221) - the larger part of their land was in the direct vicinity of the castle and the rest on Apaško polje.

The territory where the Slovenske gorice dialect is spoken today belonged to four main parishes: Radgona, Jarenina, Ptuj, and Maribor.

The parish in Radgona was founded by the Salzburg bishop. Its original seat was the church of Sv. Rupert, which is first mentioned in 1182. In the first half

of the 15th century, it owned churches in Apače, in Sv. Benedikt in Slovenske gorice, in Sv. Jurij near Ščavnica, in Sv. Križ near Ljutomer (Križevci) and in Ljutomer (Kovačič 1928: 64). In the north, it bordered on the old parish of Virgin Mary in Straden, and in the north-west on the Cmurek parish. The border started at the Mura, crossed the Ščavnica and continued to the top of Kremberk, then turned downward to the Ročica stream following it to the point where it joined the Drvanja and then along the Drvanja until it joined with the Pesnica. This western border between Radgona and Jarenina parishes coincides with the historical border between Carinthia and Spodnja Panonija and also with the present boundary between the western and eastern Slovenske gorice sub-dialects. The latter is spoken in three parishes: Apače, Benedikt and Radgona.

The origin of the name for the Apače parish can be explained by the presence of Št. Pavel Benedictine monastery from Labodska dolina. Its form *Appestal* originates in *abbatis stallum*, and means 'bishop court' (Ljubša 1925: 7). Among the places belonging to the Apače parish in 1445 we find Lešane, Lutverce and Apače.

The church of Sv. Benedikt, which was supposedly built as early as 853, was consecrated as a subsidiary church of the Radgona parish in 1050. The document about the Sv. Benedikt parish dates from 1329. Since the parish was very large, they founded two vicariates: one in Sv. Anton (Cerkvenjak) and one in Negova. The church in Sv. Anton is mentioned already prior to 1299, while the exact date of the establishment of the vicariate is not known. It is certain, however, that it did exist in 1598. The border between the vicariate and its mother parish of Sv. Benedikt ran along the Drvanja between Osek and Vanetina in a north-eastern direction toward Grabonoški vrh. This line coincides with the present boundary between Slovenske gorice and Prlekija dialects (author's note). From Grabonoški vrh, the border continued downward to Smolinci and then eastward in the direction of the Drvanja (Ljubša 1925: 11). The eastern part of Sv. Benedikt parish had its seat in Negova. Negova was owned by the Št. Pavel monastery and received its vicariate before 1592. In the north-east, it bordered on Radgona parish, in the west on Sv. Benedikt parish, in the south on the parish of Sv. Anton, and in the east on Jurij parish. The south-eastern border of Negova parish went along the Cogetinski potok between Ivanjci and Grabonoš, then crossed the Ščavnica in the direction of Okoslavec up to Kocjan (Ljubša 1925: 12). This same line currently divides the areas into two parts, in one with Slovenske gorice and in the other with Prlekija dialect (author's note).

In the 15th/16th century, Sv. Rupert vicariate (Spodnja Voličina) and its church seceded from the main parish of Ptuj in 1443. At the furthest south-eastern border between Maribor and Ptuj parishes there is the church of Sv. Martin,

first mentioned in 1443. Sv. Martin (Dvorjane) below Vurberk Castle is also the point where the Drava came into contact with the historical border between Carinthia and Spodnja Panonija and where today there runs the boundary between Slovenske gorice and Prlekija dialects.

The diversification of dialects in Slovenske gorice was thus accelerated by the following extra-linguistic factors:

1. political and administrative division of the territory (the historical border between Carinthia and Spodnja Panonija; the division of the territory between the German and Hungarian states in the 10th, at the end of 12th and in the beginning of the 13th century.
2. Church-administrative division of the territory (1) between the Salzburg and Oglej interest spheres, the dividing line being the Drava; (2) into four main parishes: Radgona, Ptuj, Jarenina, and Maribor. The border between Jarenina and Maribor main parishes coincides with the historical border between Carinthia and Spodnja Panonija as well as with the current boundary between Eastern and Western Slovenske gorice sub-dialects. The historical border between Carinthia and Spodnja Panonija also coincides with the furthest south-eastern border between Maribor and Ptuj main parishes; this is also the point that divides Slovenske gorice and Prlekija dialects; (3) into parishes. The historical border between the Negova and St. Anton parishes, and between Negova and Jurij parishes coincides with the present boundary between Slovenske gorice and Prlekija dialects.
3. Three colonization waves in Slovenske gorice during three different time periods.

The findings confirm Logar's idea (1975: 9) about the importance of political and Church administrative factors for dialect diversification. These were in fact the most powerful factors determining people's mobility and communication.

Literature

- BAŠ, F., 1965: O karakterologiji prebivalstva v štajerskem Podravju. *ČZN*. Maribor: ZO.
- GRAFENAUER, B., 1964: *Zgodovina slovenskega naroda I*. Ljubljana: DZS.
--- 1965: *Zgodovina slovenskega naroda II*. Ljubljana: DZS.
- KOLETNIK, M., 2001: *Slovenskogoriško narečje*. Maribor: SD Maribor. Zora 12.
- KOS, M., 1933: *Zgodovina Slovencev od naselitve do reformacije*. Ljubljana: Jugoslovanska knjigarna.
--- 1935: Panonska krajina od naselitve Slovencev do prihoda Madžarov. V: *Slovenska krajina – zbornik ob petnajstletnici osvobojenja*. Beltinci.
- KOVAČIČ, F., 1926: *Slovenska Štajerska in Prekmurje*. Ljubljana: Matica Slovenska.
--- 1928: *Zgodovina Lavantinske škofije*. Maribor: Lavantinski kn. šk. ordinariat.

- LJUBŠA, M., 1925: Zemljepisni razvoj župnij v pražupnijah Ptuj, Velika Nedelja in Radgona. *ČZN XX*.
- LOGAR, T., 1975: Izvenjezikovni vzroki za dialektizacijo slovenskega jezika. *XI. seminar slovenskega jezika, literature in kulture*.
- 1996: *Dialektološke in zgodovinske razprave* (ed. Kenda Jež, K.). Ljubljana: ZRC SAZU.
- LOGAR, T., RIGLER, J., 1983: *Karta slovenskih narečij*.
- MELIK, A., 1957: *Štajerska s Prekmurjem in Mežiško dolino*. Ljubljana: Slovenska Matica.
- MLINARIČ, J., 1975: Gospoščina Negova na začetku 17. stoletja. *Ptujski zbornik IV*. Maribor: ZO.
- 1979: Območje Gornje Radgone do začetka 17. stoletja. V: *Arhivi II/1–2*. Ljubljana.
- MURKO, M., 1962: *Izbrano delo*. Ljubljana: Slovenska Matica.
- PAHIČ, S., 1968: K predslovenski naselitvi Slovenskih gorc in Pomurja. V: *Svet med Muro in Dravo*. Maribor: ZO.
- RAMOVŠ, F., 1935: *HG VII, Dialekti*. Ljubljana: Učiteljska tiskarna.
- Slovenija – pokrajine in ljudje*, 1988. (eds. Perko, D., Orožen Adamič, M.). Ljubljana: MK.

Summary:

Slovenske gorice, the largest range of hills in Slovenia, lies at the edge of the Pannonian basin. Slovene dialectology considers local Slovenske gorice dialects as part of Slovenske gorice and Prelekija dialects, which belong to the Pannonian dialect group. Slovenske gorice dialect is not uniform, rather it is divided into two sub-dialects: western and eastern. Typical of the western sub-dialect is the lengthening of old and new acute vowels in non-final and final word syllables as well as in those syllables that have undergone a shift in stress to the left. For this reason, the reflexes of these vowels today differ from those of constantly long vowels or vowels with the circumflex accent. The eastern sub-dialect, on the other hand, is characterized by qualitative contrast. Language boundary runs along the isogloss from Ramovš's Dialectological Map, which separates Slovenske gorice and Prelekija dialects. The boundary was established under the influence of political and Church administrative divisions of the territory. The former refers to the historical border between Carinthia and Spodnja Panonija, and the division between the German and Hungarian states in the 10th, at the end of 12th and in the beginning of the 13th century; the latter to the division between the Salzburg and Oglej (Aquila) interest spheres, into four mother main parishes, and into subsidiary parishes. Dialect diversification in Slovenske gorice was further accelerated by three colonization waves during different time periods. It was political and Church-administrative factors that played a crucial role in dialect differentiation, as these were the factors that determined people's mobility and communication.

Abstract:

Slovene dialectology considers local Slovenske gorice dialects as part of Slovenske gorice and Prlekija dialects, which belong to the Pannonian dialect group. Dialect diversification in this area was accelerated by the following extra-linguistic factors: political and Church administrative division of the territory and three colonization waves during different time periods.

EGY „CSEPP” HELYESÍRÁS — KÖZÉPISKOLÁS FOKON

1. Egy évvel az EU-csatlakozás előtt, az „eufória” időszakában egyre több hangsúlyt kap a kis nyelvek sorsának kérdése. Másképp vélekednek azok, akiket nem közvetlenül érint a kérdés, s természetesen másként beszélnek róla a *kisnyelvűek*. Míg azok biztosnak látszanak abban, hogy a kis népek nyelve és kultúrája az Unióban is „fényes mozaikszem” marad, az érintettek félelme, anyanyelvfeltétele erősödik. Nyelvünkről alkotott véleményünk, *konstruktív vagy megtartó anyanyelvi tudatunk* ezekben a történelmi időkben meghatározója lesz a magyar nyelv további sorsának. Aggodalmaink azokat az erőket kell, hogy életre keltsék bennünk, amelyek megerősítik anyanyelvünk életképességét, s ezáltal elhárítják annak a veszélyét, hogy a magyar nyelv csak „emléktárgy” legyen az EU szellemi néprajzának múzeumában¹.

2. Nem szükséges boncolgatnunk, mennyit ér az ember s a társadalom számára az anyanyelv. Ha csupán *értéktároló és értékteremtő* szerepét hangsúlyozzuk — kultúránk meg- és átörökítésének, valamint továbbépítésének eszközeként —, tudjuk, felelőségünk óriási. Akkor is, ha többségi létben, akár egynyelvűként élünk, de még inkább akkor, ha egyfajta kisebbségi kétnyelvűség az életformánk. Mai magyar nyelvhasználatunkkal, az egyes beszélők nyelvi és kommunikatív kompetenciájával, nyelvi igényességével — országhatártól függetlenül — nincs minden egészen rendben. Az okokat — különösen a Pisások² után — az anyanyelv oktatásában keressük elsősorban. Ez alkalommal az érintkezéskultúra egyik jelentős területét, a magyar helyesírás egy szeletét, tehát az iskolai oktatást kívánom én is érinteni: egy olyan vizsgálat néhány „eredményére” szeretném felhívni a figyelmet, amely a lendvai³ Kétnyelvű Középfelsőiskola első és második diákjainak helyesírásáról próbál minél hitelesebb képet kapni és adni — a tanítás hatékonysága jobbításának, a kisebbségi anyanyelv megőrzésének, az anyanyelvi kultúra megtartásának szándékával. A vizsgálatot a Maribori Egyetem Pedagógiai Kara Magyar nyelv és irodalom tanszékének⁴ egyik hallgatója végezte 2000-ben. Az anyag 2002-ben érett

¹ Ágoston M. 2002. 270

² A 2000 tavaszán 32 országban elvégzett olvasás-szövegértés vizsgálatok alapján Magyarország a 23.(!) helyen áll: a felmérésben részt vett 15 éves diákok közül csupán 5 % „kapott” ötös érdemjegyet. .

³ A szlovéniai Muravidék magyarságának (a 2001-es népszámlálási adatok szerint 6243 fő magyar nemzetiségű, de 7723 fő magyar anyanyelvű) központja.

⁴ Szlovénia egyetlen magyar tanszéke. Gadányi tanár úr itt töltött két évet magyar nyelvi lektorként 1975 és 1979 között. Témaválasztásommal köszöntöm Öt születésnapján, további szakmai munkájához, rektori tevékenységéhez tisztelettel és szeretettel kívánok erőt, egészséget és sok sikert.

szakdolgozattá⁵. A vizsgálat néhány részlete alapján fogalmazom meg azokat a tanulságokat, amelyek a már említett nyelvi helyzetben, a fent megfogalmazott célok érdekében fontosnak tűnnek

3. 20 diák oldotta meg a helyesírási felmérő⁶ 15 feladatát, valamint szöveget (fogalmazást) írt megadott címre⁷. A gyerekek valamennyien magyar I-re járnak, azaz anyanyelvi és nem környezetnyelvi szinten tanulják a magyar nyelvet, s valamennyien magyar anyanyelvűek. A feladatlap a középiskola első osztályának tananyagára épül. Helyesírásunknak egyrészt olyan területeit érinti, amelyekre a közvetlen nyelvi környezet (erős anyanyelvjárásiasság, szlovén nyelvi kontaktushelyzet — másodnyelv domináns kétnyelvűség) nagy hatással van, másodsorban pedig olyanokat, amelyek az egész magyar nyelvterületen elég sok gondot okoznak. A feladatok elemzésében a hallgatóm által gyűjtött adatokra támaszkodom.

A helyesírás a legtöbb nyelvben probléma, s hogy okként-e vagy következményként, az anyanyelvi oktatás egyik legnehezebb témája. Fontosságának permanens és következetes hangsúlyozása mellett (vagy éppen ennek ellenére?) íráskultúránk egyre elszomorítóbb helyzetbe kerül⁸. Megdöbbentő helyesírási hiányosságok tapasztalhatók pl. a muravidéki általános és középiskolások szövegeiben, sőt: egyetemi hallgatóim helyesírása is sokszor katasztrofális, a hibák javítása — a nyelvrozszerbeli és nyelvhasználati tudatosítás ellenére — rettenetes erőfeszítést követel. Vegyes érzelmekkel néztünk a vizsgálat elé: igazolják-e az eredmények az általánosan tapasztalható, néha a teljes vagy részleges funkcionális illiterációt mutató képet, vagy esetleg mást, azaz jobbat mutat a konkrét órai számonkérés szituációja.

Hipotézis

- 1) A diákok a friss helyesírási ismereteket következetesen és helyesen alkalmazzák a tanítási órán (motiváció: a jó vagy legalább pozitív érdemjegy, ki-ki képességei, szorgalma, érdeklődése stb. alapján). Az (anya)nyelv oktatásának jelenlegi állapotában a diákok szinte „tesztmatadorokká” válnak, tehát az ismeretek mérésének e módja akár meglepően jó eredményeket is mutathat.
- 2) A megszerzett ismereteket képesek alkalmazni önálló szövegalkotásukban. A kommunikáció-központú anyanyelvi nevelés során a nyelvi és a pragmatikai kompetencia kiegészül egyfajta stratégiai tudással: a

⁵ Tóth Elizabeta 2002.

⁶ A feladatlapot a hallgató állította össze saját és mások tanítási tapasztalatai, valamint a megfelelő szakirodalom alapján.

⁷ Két cím közül választhattak a diákok: 1) Egy nyári napom története, 2) Egy izgalmas óra az iskolában. A témák megmozgatták a gyerekek fantáziáját, az elsőről tizennégyen, a másodikról hatan írtak.

⁸ Kolláth A. 2002

fogalmazásban lehetőségük van választani a szavak között, elvileg kikerülhetik a helyesírási bizonytalanságaikat⁹. Erre a teszt kiegészítési feladatai nem adnak lehetőséget. Ennek alapján jó eredmények születhetnek (ez az előbb említett tapasztalatok alapján kevésbé reális). Ugyanakkor a fogalmazás hevében, a fantázia játéka és az újra megélt élmények hatására elterelődik, de legalábbis megosztódik, esetleg áthelyeződik a figyelem, ezáltal olyan helyesírási hibák is „becsúsznak”, amelyek — mondjuk — teszthelyzetben szinte elképzelhetetlenek (ez a valószínűbb).

4. E referátumban csupán egy feladat eredményeiről van módomban szólni, mégpedig a magánhangzók időtartamának jelöléséről (a kiejtés elve).

1. *feladat: Egészítsd ki a szavakat a megadott rövid vagy hosszút magánhangzóval!*

-u, -ú:j, ár...s, h...szan, szomj...ság, t...rista

-ü, -ű: s...llyed, megsz...ntet, becs...l, h...söl, gy...jt

-o, -ó: fot..., ...voda, búj...cska, lott..., p...sta

-ö, -ő: b...jt, sz...lő, min...sít, ...v, bölcs...de

A jelenségek, illetve a szavak kiválasztásáról röviden: köztudomású, hogy a nyugati nyelvjárásokban a felső nyelvválású magánhangzók kiejtésükkor meg rövidülnek. A kétnyelvű környezet csak fokozza azokat a tendenciákat, amelyek gyengítik a rövid-hosszú szembenállást a hangrendszerben, a kontaktushatás következményeként az időtartam sokszor csupán a hangsúly kísérőjelensége¹⁰. A kiejtés elvét követve, a helyi kontaktusnyelvi/nyelvjárási (belső) normának engedelmessé a rövid magánhangzós változat tűnhet írásban is helyesnek. A középső nyelvválású magánhangzók zöme vagy nyitódó típusú diftongus a helyi nyelvjárási változatokban (pl. *buj^uocska*; ezt írásunk — természeténél fogva — soha nem jelöli), vagy egy fokkal zártabb (pl. *bujucska*; az ilyen változatokkal viszont írásban is találkozni, még hozzá nem is olyan ritkán).

A szavak között — helyesírási gyakorlatunkat, tanítási tapasztalatainkat figyelembe véve — egyaránt vannak könnyebbek és nehezebb helyesírásúak. Az eredményeket, a tanulói teljesítményeket most elsősorban a vizsgált szavak szempontjából foglaltam táblázatba, a hangsúly az ún. *sikerességi mutatóra* került. Arra kerestem ugyanis a választ, melyik szavak helyesírása mutatkozik a konkrét gyakorlatban a legnehezebbnek.

⁹ Antalné Szabó Ágnes 2002: 382.

¹⁰ Péntek J. 2002: 260.

1. TÁBLÁZAT

A magánhangzók időtartamának jelölése

A szó		Helyes		Hibás		A szó		A jelenség	
sor-száma	helyes alakja	tanuló	%	tanuló	%	sikerességi mutatója %	helyezése	sikerességi mutatója %	helyezése
1.	új	17	85	3	15	85	4.	69	4.
2.	árus	18	90	2	10	90	3.		
3.	húszan	6	30	14	70	30	11.		
4.	szomjú-ság	10	50	10	50	50	10.		
5.	turista	18	90	2	10	90	3.		
6.	süllyed	17	85	3	15	85	4.	73	3.
7.	megszüntet	15	75	5	25	75	6.		
8.	becsül	13	65	7	35	65	8.		
9.	húsól	12	60	8	40	60	9.		
10.	gyűjt	16	80	4	20	80	5.		
11.	fotó	20	100	0	0	100	1.	94	1.
12.	óvoda	14	70	6	30	70	7.		
13.	bújócska	20	100	0	0	100	1.		
14.	lottó	20	100	0	0	100	1.		
15.	posta	20	100	0	0	100	1.		
16.	böjt	12	60	8	40	60	9.	74	2.
17.	szóló	20	100	0	0	100	1.		
18.	minősít	18	90	2	10	90	3.		
19.	öv	19	95	1	5	95	2.		
20.	bölcsőde	5	25	15	75	25	12.		
Összesen		310	77,5	90	22,5	77,5 %			

5. A jelenségek helyezési sorrendjéből kitűnik, hogy a kétféle zártsági fokú, s a helyi beszélt nyelvváltozatokban másképp realizálódó magánhangzó párok közül az *-o/-ó-s* és az *-ö/-ő-s* szavak ismerete biztosabb a vizsgálatban részt vevő diákok körében. Ha a sikerességi mutatókat vesszük szemügyre, azonnal látjuk, nem fogalmazhatunk ennyire kategorikusan. Igaz, hogy az *-o/-ó* megkülönböztetése nagyon jónak mondható (94%), viszont magas párjának helyesírás-

sa jó közepes szintű (74%), s szinte azonos a százalékos arány az *-ü/-ű*-t tartalmazó lexémák esetében is (73%). Leggyengébben, tehát alig közepesre sikeredett az *-u/-ú* helyes jelölése (69%). Messzemenő következtetések levonása e viszonylag kis korpusz alapján felelőtlenség volna, néhány megjegyzés azonban — a hipotézisekre reagálандó — feltétlenül idekíváncozik. Az eredmények arra engednek következtetni, hogy a muravidéki beszélt nyelvváltozatok virulens jelensége a felső nyelvállású magánhangzók hiánya, ez érezteti hatását még a nyelvi szocializáció felsőbb szintjein is. A magánhangzók időtartamának helyes jelölését megzavarhatja még az elektronikus sajtó is, ugyanis nincs mindenkinek vagy nem mindenki használja a számítógéphez a magyar tasztatúrát, valamint az a tény, hogy a szlovén nyelvben nincs meg a hosszú-rövid szembenállás sem a magán-, sem pedig a mássalhangzók rendszerében.

Az egyes szavak eredményei is érdekes képet mutatnak. A legjobban sikerült változatok közül pl. a *fotó*, a *posta* és a *szőlő* helyesírásakor sokszor tévesztünk: az elsőben a szó idegensége miatt (vö. a *foto*- előtagú szóösszetételek problematikájával). A másodikban a helytelen köznyelvi, míg a harmadikban a regionális ejtés a ludas (tegyük hozzá: a Muravidék kitűnő borvidék!). A *turista* szót 18 diák írta helyesen az általánosnak mondható *-ú*-s ejtés ellenére¹¹. A legnehezebbnek a *húszan* és a *bölcsőde* szavak bizonyultak, ez talán nem véletlen: az első esetben a tőtípus (csak néhány származékban váltja fel a többeli hosszú magánhangzót a rövid: pl. *húszat*, *húszas*, de: *huszadik*, *huszon*-; nem tévesztendő össze a szabályos hosszú-rövid váltakozást mutató főnevek csoportjával!), a másodikban az analógiás hatás miatt (pl. *óvoda*, *kötőde*, *varroda stb.*). A jól sikerült nehéz szavak a tesztszituáció megkövetelte erős összpontosítás eredményei. Azt sugallják, hogy az iskolai oktatás az ismereteket közvetíti, ezek elmélyítése, más helyzetekben való alkalmazása a diákok aktivitását és nyelvi-grammatikai affinitását is megköveteli.

6. A fogalmazásokban a diákok helyesírási szintje sokkal alacsonyabb a tesztben kapott eredményeknél. A tárgyalt magánhangzók hosszúságnak jelölésében nagyon sok hibás alak született: pl. **elmulik*, **fiu* (2) **haju*, **hosszu*, **hugommal*, **hulnak*(!), **hust*, **huztam*, **hütti*(!), **hüttöberendezésüket*(!), **kihuzott*, **mullik*(!), **mult*, **mulva*, **öltözékü*, **próbaútról*, **sugta*, **szomorú*, **turákra*, **tünt*, **ugy* (7), **ugyanaz*, **utba*, **utra*. Ezek a példák megerősítik a közvetlen nyelvi környezet, a *nyelvi hátrányos helyzet*¹² helyesírásra gyakorolt hatását: az anyanyelvjárási beidegződések kétnyelvű helyzetben — leginkább a standard változat(ok) hiánya vagy hiányos kódja miatt — még erősebbek. A belső kódváltás még a legformálisabb szituációban sem következik be¹³. A kétféle módszerrel nyert adatok azt mutatják, hogy az ismeretek direkt számonkérése (teszt) sokszor felületes, egy adott időre szóló tudást tükröz csupán.

¹¹ Bene Annamária 2003:42—43.

¹² Bíró Zoltán 2002: 199., Kiss Jenő 1999: 374.

¹³ Kiss Jenő 2001: 204.

Az önálló szövegalkotás a legösszetettebb feladat, ahol a forma csorbulásai a tartalmat egyszerűen agyoncsapják.

7. Az anyanyelvoktatásban — országhatáron innen és túl — az igényes köznyelv elsajátíttatása a cél. Míg a beszédben a regionális változatok elsőbbségét kell hangsúlyoznunk (*aktív kettősnyelvűség*), addig írásban a szigorú norma érvényesítésétől nem szabad eltekintenünk: a helyesírás tehát e szempontból is kivétel. A muravidéki tapasztalatok azt bizonyítják, hogy az iskolában megszerzett helyesírási ismeretek egyelőre nem tudják túlszárnyalni a helyi beszélt változatok belső normatíváit. Az iskolára nagy feladat hárul tehát: az anyanyelv presztízsének emelésével, látványosabb és főleg hatékonyabb motivációval a helyesírási ismeretek alkotó alkalmazására kell megtanítani a gyerekeket minden iskolafokon.

Zusammenfassung

Beim Unterricht der Muttersprache — inner- und ausserhalb der Landesgrenzen — muss das Ziel immer das Aneignen der Hochsprache (Standardvariante) sein. Während in der gesprochenen Sprache der Vorrang der regionalen Varianten (*aktive Zweisprachigkeit*) betont werden muss, sollte in der geschriebenen Sprache die Gültigkeit der strengen Norm immer betont werden: die Rechtschreibung ist also auch in dieser Hinsicht eine Ausnahme. Die Erfahrungen in dem Murgebiet (Slowenien) beweisen, dass die in der Schule angeeigneten Rechtschreibkenntnisse die innere Normative der gesprochenen, regionalen Variante nicht übertreffen können. Die Schulen haben also eine wichtige Aufgabe: den Kindern muss in jeder Schulstufe durch das Anheben der Prestige der Muttersprache, durch eine spektakulärere und vor allem effektive Motivation die produktive Anwendung der Rechtschreibkenntnisse beigebracht werden.

Bibliográfia

- ÁGOSTON Mihály 2002: Anyanyelvtudatunk a mostani századfordulón. Nyr. 126. 269—275.
- ANTALNÉ SZABÓ Ágnes 2001: A helyesírás-tanulás motivációja. Nyr. 125. 389—393.
- ANTALNÉ SZABÓ Ágnes 2002: Az íráskultúra ünnepén. Nyr. 126. 382—384.
- BALÁZS Géza, A JÁSZÓ Anna, KOLTÓI Ádám szerk.: Éltető anyanyelvünk. Írások Grétsy László 70. születésnapjára. Budapest: Tinta Könyvkiadó
- BENE Annamária 2003: A felső magánhangzók hosszúsága. Nyr. 127. 36—45.
- BÍRÓ Zoltán 2002: A környezet fogságában. (A nyelvi hátrányos helyzet vizsgálata). In: A.JÁSZÓ Anna, BÓDI Zoltán szerk.: Szociolingvisztikai szöveggyűjtemény. Budapest: Tinta Könyvkiadó. 196—220.
- KIS Ádám 1999: Az akadémiai helyesírási szabályzat és a számítógép. Nyr. 123. 149—169.

- KISS Jenő 2002: A nyelvjárások és az anyanyelvi nevelés. Nyr. 126. 263—269.
- KISS Jenő szerk. 2001: Magyar dialektológia. Budapest: Osiris Kiadó
- KOLLÁTH Anna 2002: Kontaktusjelenség vagy nyelvhelyességi hiba? (Levél arról, hogyan művelni a magyar nyelvet a Muravidéken). In: GADÁNYI Károly, PUSZTAY János szerk.: Közép-Európa: egység és sokszínűség. Szombathely, 161—168.
- PÉNTEK János 2002: A nyelvi környezet és a helyesírás. Nyr. 126. 257—263.
- TÓTH Elizabeta 2002: Helyesírási kérdések a lendvai Kétnyelvű Középiskola diákjai körében. Szakdolgozat. Maribor

О ПАТРИОТИЗМЕ ПУШКИНА

«Он любил свой народ и свое Отечество
– всем сердцем, пылко, органично»¹
(И.А.Ильин)²

1.

Пушкинский патриотизм воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Как и «странность» патриотизма Лермонтова в его «Родине» и досадном «Прощай, немытая Россия...». Александр Сергеевич не дожил до этих творений, но ответил на них за четыре года до их появления в известном письме Чаадаеву. На лермонтовское «не победит ее (любовь к родине) рассудок мой, ни слава, купленная кровью» – Пушкин говорит о войнах Олега и Святослава, восхищается обоими Иванами и Петром Великим, Екатериной II и Александром, напоминая бывшему гусару и участнику войны с Наполеоном, что именно Александр I «привел вас в Париж»³ (X.337). Лермонтовская же «страна рабов, страна господ» у Пушкина в «Путешествии из Москвы в Петербург» (это одновременно и ответ Радищеву) после утверждения «кажется, что нет в мире несчастнее английского работника», бесчеловечное отношение к которому со стороны своих "господ" «есть вовсе не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона» о положении в России говорится следующее: «У нас нет ничего подобного. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен. (...) Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? (...) Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют *un badaud* (ротозей); никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому». (VI.195-196)

Необходимость рассуждений о патриотизме Пушкина вызвана многими причинами. Первая из них заключается в том, что долгое время в нашем национальном поэте и достоянии видели патриота всего человечества (Достоевский), что само по себе имеет место, но не главенствующее. Другая причина - редуцированный вариант первой: после 1917 года

¹ И.А.Ильин. Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры. In: Московский пушкинист IV. М., 1997. С. 401.

² И.А.Ильин прочел в Цюрихе в 1940-х гг. несколько лекций на немецком языке. Лекция о Пушкина на немецком языке не публиковалась. Русский перевод впервые вышел в печати в 1997 году.

³ Пушкинские тексты цитируются по изданию: А.С.Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах. М., 1981. После цитаты в скобках римскими цифрами указывается том, арабскими – страница.

его считали патриотом многонациональной советской России, ссылаясь на пушкинское «и назовет меня всяк сущий в ней язык, // и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой // тунгус, и друг степей калмык» (П.295). Финляндия была отпущена из-под российской опеки еще Лениным; Горбачов с Ельциным порадили самостоятельности и независимости ближайших нам славянских народов... Но если уж был упомянут советский период нашей истории, следует сказать, что в трудную годину Сталин отошел от интернационализма и мудро педалировал в 1943-ем на - именно - русский (и даже не российский) патриотизм, вернув советской армии русские погоны и учредив ордена Кутузова, Суворова, Нахимова. Или вспомните тост того же грузина Сталина после парада Победы – за великий русский народ! Ставка была сделана верно: на русский, а не только на советский патриотизм, приведшие к Победе. Следующая причина, побудившая обратиться к пушкинскому патриотизму: наметившаяся была новая волна русофобии, в частности из-за чеченских событий. Во время первой кампании (1995-96 гг.) армия наша была буквально облита грязью средствами массовой информации, в том числе и отечественными. И как это старо. В свое время Пушкин ответил звонким стихотворением “Клеветникам России” на выступления Лафайета и Могена во Французской палате депутатов, суть которых заключалась в призыве к вооруженному вмешательству в русско-польские военные действия. Нью-йоркская трагедия 11 сентября 2001 года охладила злопыхательства по отношению к русской армии как за рубежом, так и в самой России. Еще раз подтвердилась меткость изречения Александра II о том, что у России всегда было только два союзника - русская армия и русский флот. Еще одна - и далеко не последняя - причина найдена у В.Сквозникова: «Современная политическая мода третирует патриотизм (...) и у поборника общечеловеческих ценностей Пушкина выискивается все, как либо чернящее русское государство (напр. Ю.Лотман), да и вообще русскую жизнь. В крайнем клиническом случае шельмуется и сам Пушкин как певец этой жизни (морально контуженный А.Терц)».⁴ А в связи с этим встает проблема предвзятости некоторых (и числом внушительным) исследователей творчества Пушкина, всякого рода умолчания, подтасовки и т.п. Поэтому близкие мне высказывание о пушкинском патриотизме (и не только нем) будут подкреплены словами самого Пушкина.

Патриотизм Пушкина не “странный” и не особый, он вообще не подвержим определению или сравнению, поскольку является эталоном. Не называть же его из-за этого по-казенному – *образцовым*. Впрочем, попытки определений были. Самые удачные из них, на мой взгляд, принадлежат С.Франку (сознательный патриотизм) и В.Сквозникову (конкретно-исторический патриотизм), на которых и некоторых других кратко оста-

⁴ В.Д.Сквозземков. Пушкин. Историческая мысль поэта. М., 1999. С.178.

новимся ниже. Я назвал бы патриотизм Пушкина – *державным*.. И вот почему. Имея друзей среди декабристов, он не принял участия в их восстании. И не потому, что был в ссылке или, якобы, его держали в неведении. Нет. Пушкин был сторонником не революции (вспомните его слова о русском бунте из «Капитанской дочки»), а - эволюции. Можно сослаться на слова поэта из письма Дельвигу в последние месяцы пребывания в длительной ссылке: «Гонимый шесть лет сряду, замаранный по службе выключкою, сосланный в глухую деревню за две строчки перехваченного письма, (...) никогда я не проповедовал ни возмущений, ни революции – напротив.» (IX.225) А вот строчки из письма Вяземскому (предпоследнего, кстати, письма из ссылки в Михайловском): «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. (...) Если бы я был потребован комиссией, то я бы, конечно, оправдался, но меня оставили в покое, и, кажется, это не к добру.» (IX.233) И все же это оказалось *к добру*: через два месяца долгожданная свобода была получена после аудиенции с недавно коронованным Николаем I, который после довольно длительной беседы с Пушкиным назвал его умнейшим человеком России. Не осталось документальных свидетельств о содержании этого разговора, но судя по тому, какое задание получил вскоре поэт от царя (составление официальной записки «О народном воспитании»), Николай I очевидно отметил и политическое мировоззрение Пушкина, общим фундаментом которого, по словам С.Франка, «было национально-патриотическое умонстроение, оформленное как государственное сознание»⁵. В 1827 году поэт признался А.Вульфу: «Я был в затруднении, когда Николай спросил мое мнение о сем предмете (...), но не надобно же пропускать такого случая, чтоб сделать добро». (VI.399) В начале записки отмечается, что «недостаток *просвещения и нравственности* (курсив мой – В.К.) вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения» (VI.28). Что бы ни говорили о том, что «это поручение имело характер политического экзамена» (VI.399), Пушкин здесь повторил сказанное за семь лет до этого в стихотворении «Деревня», мечтая о «прекрасной Заре» над «отечеством Свободы просвещенной» (I.215). В 1834 году эта мысль развивается следующим образом: «Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... (...) Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уж довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...» (VI.196). Таким образом, размышления Пушкина о просвещении и нравственности проходят через все его художественное и публицистическое творчество.

⁵ С.Л.Франк. Этюды о Пушкине. YMCA-PRESS. Paris, 1987. С. 43.

Несправедливые нарекания современников по поводу якобы панегириков Николаю (стихотворение 1826 года «Стансы») исходят из эпидемии либерализма, охватившего тогдашнюю Россию и выдвинувшего вскоре Белинского, Герцена и Писарева⁶. Но еще за два года до «Стансов» в письме, предположительно адресованному В.Л.Давыдову (июнь 1824) Пушкин высказывается в адрес петербургских либералов: «Когда чтонибудь является общим мнением, то глупость общая вредит ему столь же, сколько общее единодушие ее поддерживает» (IX.143). По словам С.Франка, «мы имеем в этих словах первое нападение поэта на ходячий тип русского либерального общественного мнения – в известном смысле пророческий в отношении позднейшей формации русской радикальной интеллигенции»⁷. Дальнейшая разрушительная работа либералов – вплоть до нынешних «демократов» – общеизвестна. И почему-то упорно забывается, что еще будучи одурманенным вольтерьянством, двадцатилетний вольнодумец Пушкин восклицает во времена Александра I: «Увижу ль о, друзья! народ неугнетенный // И Рабство, падшее по манию царя» (I.215). А крепостное право и было отменено не революцией или восстанием – указом другого императора Александра, названного освободителем. Вот вам и “нет пророка в своем отечестве”. Можно добавить, что царствовавший между ними Николай как это ни странно был противником крепостного права. Остались документы его официальных заявлений по этому поводу, долго умалчиваемые по понятным причинам. Интересно, что слова императора приводятся в книге дореволюционного либерального историка, иданной уже после революции: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло, для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному теперь было бы злом, конечно, еще более гибельным»⁸.

Теперь несколько слов об упомянутом выше определении В.Сквозниковым пушкинского патриотизма: «В душевно (...) уравновешенном современном подходе преобладает (...) тенденция к замалчиванию конкретно-исторического патриотизма Пушкина, несущего на себе «печатъ имперского мышления. Можно этому утверждению патриотизма не радоваться, нельзя только этого отрицать, хотя и в форме обхода и умолчания»⁹. И по сей день нет конца этим «умолчаниям» и «обходам». Приведем здесь еще слова «мыслителя с поющим сердцем»¹⁰, флагмана истин-

⁶ Интересно, что ниспровергавший Пушкина Писарев является «писарем» не только по своей фамилии. А вот Пушкин всегда – пушка.

⁷ С.Л.Франк. Указ. Соч. С. 36.

⁸ М. Полиевктов. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 64.

⁹ В.Д.Сквозников. Указ. Соч. С. 178.

¹⁰ «Иван Ильин: мыслитель с поющим сердцем» – так назвал В.Кузнецов свою вступительную статью к тому избранному произведению философа «Путь к очевидности» из серии «Антология мысли» (М.,1998).

ных патриотов И.А.Ильина, подкрепив их – во избежание «обхода» – высказыванием самого Пушкина:

«Постепенно Пушкин начинал понимать, что государственность – это не искусственно созданный механизм, а медленно развивающийся, и развивающийся изнутри, духовный организм народа, что свобода за ночь не придет; что и интеллигенция должна воспитать себя для истинной свободы; что все новое произрастает только от корней и что истинный прогресс – явление исключительно *консервативное*.»¹¹ А вот слова самого Пушкина из упомянутой уже записки «О народном воспитании»: «Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий.» (VI.28)

2.

А теперь пример того, как «обходится» и выворачивается наизнанку патриотизм Пушкина

В годы, предшествующие двухсотлетию юбилею Александра Сергеевича Пушкина, опубликовано было много чего. А мы вряд ли можем сказать, что стали к нему ближе, прочитав то и это. Потому как самого Пушкина надо ЧИТАТЬ, долго и упорно, и – так, как он вложил все свое в текст и не так, как кто-то видит, если видит.¹² Заучиваемый нами с детских лет он кажется нам знакомым-перезнакомым. У каждого – свой Пушкин, на все случаи жизни. И – один на всех и един на все времена.

¹¹ И.А.Ильин. . Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры. In: Московский пушкинист IV. М., 1997. С. 400-401.

¹² В этом отношении интересна книга В.М.Букатова «Тайнопись бессмыслиц в поэзии Пушкина» (М., 1999), в которой кроме всего прочего говорится о «чтении с толком» и приводятся слова М.О.Гершензона, написанные еще в 20-х годах прошлого века:

«Современный читатель не видит слов, потому что не смотрит на них; мудрая и прекрасная плоть слова ему не нужна, – он на бегу, мельком улавливает тени слов и безотчетно сливает их в некий воздушный смысл, столь же бесплотный, как и слагающие его тени.

Всякую содержательную книгу надо читать медленно, особенно медленно надо читать поэтов, и всего медленнее надо из русских писателей читать Пушкина, потому что его короткие строки наиболее содержательны из всего, что написано по-русски. Эту содержательность их может разглядеть только досужий пешеход, который движется медленно и внимательно смотрит кругом. Его глубокие мысли облицованы такой обманчивой ясностью, его очаровательные детали так уравнены вглядь, меткость его так естественна и непринужденна, что при беглом чтении их и не заметишь.» (С. 30)

Речь пойдет об одной из «Повестей Белкина», точнее – об отрывке из «Метели». «Повести Белкина» были восприняты современниками прохладно. Анекдоты какие-то - пожимали они плечами. К тому же и авторитет Белинский остался ими весьма недоволен: на спад пошел гений, на спад. Впрочем и в наши дни тоже, знаете ли... Вот, например, в одной - четырнадцатилетней давности - хорошей в общем-то книге о белкинском цикле¹³ авторы ее, рассуждая об ёрническом отношении Пушкина к некоторым своим героям, склонным к патетике, делают порою обидные заявления.

В повести «Метель» есть одно место, где показано возвращение русских войск из французского похода. А в нем - шесть восклицательных знаков. В одном абзаце. Война та, как все мы помним названа была Отечественной. Предварительно напомним одно замечание С.Франка: «Уже 13-летним мальчиком Пушкин пережил *сознательно патриотическое возбуждение* (курсив мой – В.К.) 1812 года, и, конечно, еще более сознательно – победоносное возвращение Александра I и русской армии в 1815 году»¹⁴ Так вот в упомянутой книге читаем:

“Воспарив духом вместе с девицей К.И.Т. (это та девица, которая рассказала покойному Ивану Петровичу историю с метелью - В.К.), Белкин вспоминает пору возвращения русских победоносных полков из-за границы(...)” так, что это “(...)было бы, пожалуй, чересчур даже для ломоносовской оды. Главное же, выраженный в них патриотический (но и одновременно верноподданический) восторг имеет весьма отдаленное отношение к сути рассказанной истории.”

И так хочется возразить и, может быть, предпринять попытку коррекции давно устоявшегося и муссируемого по сей день мнения об ироничности по этому поводу Пушкина и осмеивании им возвышенной риторики. (Такое, конечно, случалось и - часто; но - не везде.)

Выведенная за сюжетные рамки повести война не просто фон, но и своеобразный ключ, с помощью которого можно расставить немало точек над *i*. Уже поэтому негоже, по-моему, говорить о каком-либо осмеивании здесь чего-либо. Можно сделать скидку авторам на то, что, мол, время такое было, когда книга издавалась. Но мне кажется, что уже и тогда *верноподданничество* начало терять отрицательную окраску, которая и привнесена была в это слово некогда искусственно. Правда, и весьма искусно тоже. «В русском языке «подданство» и «верность» сливаются в единое слово «верноподанный». Это связь между поданным и государем

¹³ В.Е.Хализев, С.В.Шешунова. Цикл А.С.Пушкина «Повести Белкина». М., 1989. Далее будут приведены цитаты из этой книги.

¹⁴ С.Л.Франк. Указ. Соч. С. 31

закреплялась присягой, при которой «князю целовали крест» и которую выражали словами «присягая, государям души свои дали». Еще в старых договорах, заключававшихся на Руси между народом и князем, нередко помещалось условие – не разлучаться с князем ни в каком случае, но умереть с ним вместе..."¹⁵

Эти два десятка строк из «Метели» должны восприниматься нами несколько иначе. К ним, вообще, стоит еще раз и внимательно приглядеться:

“Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоеванные песни: Vive Henri-Quatre, тирольские вальсы и арии из Жюконда.”

"Нормальные" пока предложения - в духе пушкинской прозы вообще. Короткие и ясные. И грамматически - простые. Затем посложнее и "поцветистее" - два уже сложноподчиненных:

“Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешенные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова.”

Обозначившие некий - пусть патетический - подъем, предложения эти сменяются шестью восклицательными подряд. Именно эти предложения и вызывают у многих, начиная с Виссариона Григорьевича, исследователей усмешку:

“Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество! Как сладки были слезы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него какая была минута!”

Представим на секунду, что речь идет о 1945 годе и Победе в другой - Великой - Отечественной войне. Даже спустя более полувека, вряд ли кто воспринял бы это как иронию. А у Пушкина по сюжетному времени дистанция в с е г о в три года! Да и по времени создания повести - каких-то 15 лет. И если Пушкин осмеивает биение русского сердца при слове *отечество*, это - не Пушкин. И если чувство “любви к государю” - верноподданничество с негативным оттенком, то позвольте напомнить, что Жуковским к тому времени уже был написан текст к русскому гимну. А

¹⁵ И.А.Ильин..Основные предпочтения – 3. В сб.: Быть русским. С.-Пб, 1998. С.241.

начинается он со слов “Боже, царя храни!”. На площади Героев в Будапеште стоят скульптуры всех, наверное, венгерских королей, хотя гимн начинается несколько иначе: “Isten, álld meg a magyar!”

Взгляните, насколько стройно построение этой, якобы, патетической тирады! В первых четырех предложениях *народ* встречает *полки*. Затем в полках показаны отдельно офицеры и солдаты. А после шести (очень даже к месту) восклицаний - новый абзац и снова народ в образе нашей *слабой* половины - три предложения, посвященные русским женщинам:

*“Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура!
И в воздух чепчики бросали.”*

А что же им еще кричать-то? “Отче наш” во всяком случае был бы здесь неуместен. Да и за тот высмеяли бы, поди, тоже... И, наконец, (и - с нового абзаца) риторический вопрос, тоже не дающий многим покоя своей, будто бы, тривиальностью:

“Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценной наградою?...” (V.72)

И если этот вопрос (далее цитирую из той же книги) “вопреки его благим намерениям выглядит фривольно-двусмысленным (особенно смешным после восторженных слов об Александре I)” (конец цитаты), то почему же некрасовские «Русские женщины» (и в кавычках и без оных) не казались смешными и наигранными? Допустим, Чернышевскому.

Так что “выраженный в них патриотический (но и одновременно верноподданический) восторг имеет весьма” прямое отношение “к сути рассказанной истории”. Ну а, если кто обвинит меня в державно-имперских настроениях, отвечу и пушкинскими (а не белкинскими, как считают В.Е.Хализев и С.В.Шешунова)¹⁶ словами тоже: “Полки наши возвращались из-за границы” не после завоевания чужих земель, но полковая музыка “играла завоеванные песни”.

¹⁶ Вопрос «отмежевания» пушкинского от белкинского в цикле стар, но далеко не разрешен. По крайней мере, два места в «Повестях» не вызывают ни у кого споров в отношении того, что никак не могут считаться словами Белкина. Имеется в виду рассуждения о зрителях и описание Дуни, сидящей на ручке кресел, «как наездница на своем английском седле» (V.91) в «Станционном смотрителе». Рассматриваемый фрагмент не менее выпадает из белкинского контекста.

А пущей важности ради можно напомнить слова одного из участников тех давних событий - Ф.Н.Глинку и его «Записки о 1812 годе»¹⁷, начинаются которые такими словами:

Согласится каждый из наших соотечественников, что и малейшая подробность о необычайном времени, проявившемся в нашем Отечестве 1812 года, «должна быть драгоценна сердцу русскому»;

А вот что записано у него от "ИЮЛЯ 11, 1812 Г., ТРИ ЧАСА УТРА":

В достопамятный и бурный 1812 год жил я в переулке Тишине близ Драгомиловского моста. 11 июля на ранней заре утренней разбудил меня внезапный приход хозяйки дома. Едва вышел я к ней, она со слезами вскричала: «Мы пропали! Мы пропали!»

Вспомните как начинается «Метель»? А так и начинается: “В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную...” (курсив мой - В.К.)

А вот еще один фрагмент из окончания «Записок» Ф.Н.Глинки:

Возлагая все на алтарь Отечества тысяча восемьсот двенадцатого года, сыны России и на алтарь провидения возложили целые два столетия событий русского бытописания. Громкие подвиги от 1612 до 1812 года как будто бы смолкли в вековом пространстве. Вызвав из заветной старины имена Минина и Пожарского, мы не выкликивали ни Задунайского, ни Рымникского, ни великопленного князя Таврического. В наш двенадцатый год Россия, подав руку первому двенадцатому году, и среди туч бурного нашествия, взглянув ясным оком на небо, опоясалась мечом или на жизнь за Отечество или на смерть за него.

Информация к размышлению: Ф.Н.Глинка составлял свои «Записки о 1812 годе» уже через пару лет после того, как болдинской осенью 1830 года А.С.Пушкин закончил работу над последней повестью своего цикла.

Надеюсь, что после всего сказанного можно с полной смелостью заявить: нет, не может быть здесь иронии. Как и то, что не жалеет Пушкин героя своего - Владимира - и не плачет над судьбой "маленького человека". И вовсе это не пресловутый "демократизм" белкинского цикла. Не демократизация это, нет. Чересчур просто это было бы для Пушкина, неприязненно относящегося в зрелые годы к демократии и либерализму. Он

¹⁷ Текст «Записок...» цитируется по: http://www.krotov.org/library/g/glinka_1.html

и мудрее, и изящнее самых наизворотливейших критиков своих. Это – сама жизнь, каковую ту нужно суметь увидеть, ощутить и вывести - самостоятельно - мораль.

И, ей Богу, иногда становится почти понятным, почему Пушкин не пускался в объяснения и разъяснения белкинских повестей, буквально разнесенных современной ему критикой. Не метель мудра, не она, а Пушкин мудр, милостивые дамы и господа, Александр Сергеевич; да, метель мудра тоже - пушкинская «Метель».

И в заключение приведу одну строфу незаконченного стихотворения Пушкина, никак ее не прокомментировав: с одной стороны – имея целью уложиться в регламент, с другой – это тот случай, когда комментарии могут быть опущены. Впрочем вместо комментария можно использовать фрагмент письма поэта к Чаадаеву (19 октября 1936 года), с которого начаты были эти заметки.

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

(II.200)

«Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблен, - но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал.»
(X.337)

СКРЫТЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОМИЧЕСКОГО ТЕКСТА

1. Субдискурс в дискурсе

Говоря о «жизненной деятельности» (литературного) анекдота, Ефим Курганов пишет: «Анекдот прежде всего существует, входя в другие жанры, точнее, в тексты, функционирующие по иным жанровым законам. Сам по себе анекдот не нужен и мало интересен. Отъединяясь от больших разветвленных структур, лишаясь контекста, он едва ли не полностью обесмысливается. (...) Анекдоту трудно, сложно и даже, пожалуй, невозможно жить как замкнутому, самодостаточному тексту. (...) И при этом он, в отличие от довольно-таки статичного **текста в тексте**, он необыкновенно динамичен, подвижен, мобилен, являя собой своего рода микрочастицу.» (1997: 7-8).

В общественном дискурсе интеракция между серьезным и комическим способами коммуникации имеет облик одностороннего словесного состязания, в рамках которого анекдот развивает свою оппозиционную точку зрения (ср. Лендваи 2000 (а)). Благодаря своему камуфляжному характеру, «монолог» анекдота присутствует в дискурсе даже тогда, когда его запрещают (Посвежинный 1993, 8). Критическое острие анекдота прикрывается комической маской.

Официально-нормативный дискурс и аномально-комический субдискурс (см. Лендваи 2000 (б), 2001) образуют потоки повествования, противостоящие друг другу в оценке мира. Они вступают в отношение тезиса (утверждения) - антитезиса (опровержения). Официально-нормативный дискурс порождает положительный по содержанию поток высказываний (тезис) по всем каналам масс-медиа, на что аномально-комический субдискурс реагирует потоком анекдотов-опровержений, образующим «эпос XX-го века» (см. Борев 1995, 8). В результате порождаются две версии повествования об одном и том же историческом периоде. Они служат прагматическим фоном анекдотосистемы.

Не обладая самодостаточностью, современный русский фольклорный анекдот ввертывается в общественно-политический дискурс, в силу чего анекдотосистема выступает как **субдискурс в дискурсе**. Преобладая в стандартных ситуациях общения, дискурс (серьезный способ интерпретации мира) служит нуждам основного потока общения, комический же субдискурс, путем высмеивания, ставит целью критику серьезно-реалистического способа. Поток высказываний (супер)дискурса руководствуется общим принципом и постулатами конвенционального общения (см. Грайс 1985):

	Общий принцип кооперации	«Добивайся взаимопонимания с собеседником!»
1.	Постулат информативности	«Сообщай что-то новое!»
2.	Постулат ясности	«Говори ясно, избегай неоднозначности!»
3.	Постулат связности	«Не отклоняйся, не теряй нить!»
4.	Постулат истинности	«Говори правду!»

В противоположность основному дискурсу, текст анекдота строится согласно своеобразным антипостулатам, постулатам комического текста (см. Лендваи 2001):

	Общий принцип девиации	«Нарушай нормы конвенционального общения!»
1.	Постулат эллипсиса	«Говори меньше, чем достаточно!»
2.	Постулат гиперболы	«Применяй приемы преувеличения!»
3.	Постулат амбивалентности	«Говори неоднозначно!»
4.	Постулат контраста	«Соединяй несовместимые скрипты!»
5.	Постулат остранения	«Располагай скрипты рядом, без соприкосновения!»
6.	Постулат пуанты	«Соединяй скрипты неожиданно и быстро!»
7.	Постулат дискредитации	«Высмеивай фрагмент существующего мира!»
8.	Постулат имплицитного финала	«Реализуй комический эффект в виде инференции слушающего!»

Субдискурс анекдота образует открытую систему, которой свойственна “несвязная связность”. Когерентность комического повествования, в частности, обеспечена такими имплицитными средствами как эллипсис, пресуппозиция, аллюзия, импликация. Дискурс налицо в анекдоте в виде фоновых знаний. Закон эллипсиса и закон имплицитного финала предписывают наличие скрытых компонентов юмористического текста.

2. Анекдот как (прецедентный) текст

Скрытые компоненты текста анекдота восходят к его прецедентному характеру. «Мы рассматриваем прецедентный текст как вершину пирамиды. За каждым прецедентным текстом – в корпусе пирамиды – обнаруживается исходный текст или ситуация, описание которой также является собой текст. Вершина пирамиды – свернутый текст, ставший принадлежностью языковой системы. Свернутый (или прецедентный) текст – единица осмысления человеческих жизненных ценностей сквозь призму языка с помощью культурной памяти. Значение такой единицы есть репрезентация какого-либо культурно значимого текста» (Костомаров, Бурвикова 1996, 297). Этот «культурно значимый текст» и составляет невидимую, но наличествующую часть анекдота.

Анекдот-текст состоит из введения, сюжета и развязки. Введение знакомит слушающего с обстановкой, которая имеет место в начале сюжета. Введение выполняет анафорическую и катафорическую функцию. Анафорически оно связывает сюжет с соответствующей серией или циклом анекдотов, через которые он устанавливает связь с дискурсом. В сериальных анекдотах введение сокращается до одного предложения (см. *Армянское радио спрашивают.*). Катафорическая функция введения кроется в том, что оно предвещает о переключении на комическую тональность субдискурса и прогнозирует наступление остроумной концовки.

3. Прагмалингвистические механизмы анекдота

3.1. Механизмы, управляемые говорящим

Непосредственными исполнителями стратегических и тактических целей говорящего служат прагмалингвистические механизмы анекдота – сложные соединения взаимосвязанных языковых средств и процессов, сотрудничающих ради достижения иллокутивных и перлокутивных целей говорящего. Ключевым прагмалингвистическим механизмом анекдота является пуанта (фрагмент комического текста, обеспечивающий семантическое столкновение первого и второго скриптов, приводящий к его остроумной концовке). Для удачного расположения пуанты рассказчик анекдота должен соблюдать закон остранения, согласно которому непосредственно перед пуантой элементы контрастирующих скриптов на короткое время „должны оказаться рядом и одновременно не должны иметь права на взаимный контакт” (Курганов 1997: 37). Компоненты пуанты, под влиянием которых осуществляется переход из первого скрипта во второй, выполняют роль семантического триггера. Как только говорящий „нажал на триггер”, имплицитный контраст, достигший своей кульминации, превращается в эксплицитный, которым и завершается нарративная часть анекдота. Продолжительность восприятия этого про-

цесса исчисляется долями секунды, тем не менее, его можно разделить на фазы растерянности (шока) и „озарения”. Пуанта заводит слушающего в семантический тупик второго скрипта. Вследствие этого слушающий „теряет нить”, что вызывает у него состояние растерянности. Коммуникативная „ариаднина нить” может быть найдена в результате ментальных усилий слушающего, который должен мобилизовать свои прагмалингвистические знания, чтобы найти „общий знаменатель” между двумя скриптами.

3.2. Механизмы, управляемые слушающим

Работу сознания слушающего от фазы растерянности до семантического озарения называем рекурсией. Рекурсия означает, что под влиянием прагмалингвистического контраста, вызванного вторым скриптом, слушающий должен вернуться к началу текста, затем заново и по-новому построить его семантическую интерпретацию. Это требует от слушающего произвести соответствующие прагматические операции (инференция, обобщение, пресуппозиция, импликация, ассоциация). Затем наступает фаза комической радости, которая обычно не имеет вербального проявления. Это – смех, вызванный разрядкой коммуникативного напряжения. Если хороший анекдот адекватно понят, из него можно извлечь мораль. Закон эллипсиса и закон имплицитного финала предписывают наличие скрытых компонентов юмористического текста. Из сказанного следует, что текст анекдота – это лишь «вершина айсберга», эллиптическое же начало и имплицитный финал составляют его подводное основание. Выдвинутое положение доказуемо методом восстановления демонтированного текста (анекдот – демонтированный, искаженный текст).

4. Верификация скрытых компонентов анекдота

Объективации скрытых компонентов эффективно содействует теория ассоциативной грамматики Ю. Н. Караулова, позволяющая объективировать систему аксиологических образов и моделировать оценочный образ мира (1994: 6). Между данными ассоциативного словаря и анекдотосистемы много совпадений. Ценными для изучения вербального юмора оказываются фреймы типовых национально-культурных ситуаций. В ассоциативно-вербальной сети наблюдается яркая актуализация внутренней формы слова. Игра слов проявляется в ассоциатах в самой непосредственной форме. Ассоциативные же пресуппозиции указывают на закономерности аксиологического мышления. Некоторые ассоциативные линии буквально совпадают с фрагментами анекдотосистемы, например: *черный* → *ворон* [закрытый грузовик для арестованных], *советский* → *значит отличный* [формула, которая вдалбливалась в сознание людей], *отец* →

народов [Сталин], *труда* → *ударник* [ударник коммунистического труда], *труду* → *и обороне* [ГТО], *следовать* → *пройдемте* [типичное обращение милиционера к задержанному или гражданину] (см. там же: 200). В процессе создания юмористического эффекта лингвистические и экстралингвистические механизмы переплетаются, образуя необходимый для функционирования анекдота культурный фон, см. (1) и (2):

(1) *Брежнев движется по коридору в Кремле. Навстречу ему старушка: - Узнаете меня, Л. И.? Я - Надежда Константиновна Крупская. - Как же, как же, знаю вас, товарищ Крупская и мужа вашего, товарища Крупского хорошо знаю!* (СПА, 15)

(2) *Хрущев звонит в космос Беляеву и Леонову. - Н. С., вас плохо слышно! - Это потому, что я говорю из автомата!* (СПА, 14)

Над (1) смеется лишь тот, кто знает, что (а) Брежнев и Крупская не были знакомы (анахронизм), (б) во время возникновения данного анекдота (конец 1970 – начало 1980-х гг.) Б. страдал амнезией, (в) мужем Крупской был основоположник советского государства. Критериями адекватного восприятия (2) являются следующие знания: (а) в 1964 году Хрущев был смещен, (б) незадолго до этого был осуществлен запуск и полет космонавтов Беляева и Леонова, (в) Хрущев имел телефонный разговор с космонавтами, находившимися на борту космического корабля.

5. Механизмы перлокутивного воздействия

В порождении и восприятии комического текста ключевую роль выполняют подсознательные механизмы речемыслительного аппарата коммуникантов. Теоретическое и практическое значение раскрытия этих механизмов сводится к тому, что благодаря этому смогут быть устранены препятствия перевода юмористического текста, а также его адекватного восприятия в неподготовленной, в том числе и иностранной аудитории. Невидимые компоненты анекдота верифицируются через посредство пресуппозиций, импликаций, ассоциаций и инференций. Об активном участии скрытых компонентов дискурса в перлокутивном воздействии анекдота ярко свидетельствуют комментарии говорящего, засвидетельствованные в сборниках анекдотов (восстановление скрытого компонента текста «задним числом», как правило, снимает юмористический эффект анекдота; комментарий целесообразно применять в качестве введения).

(3) *Пошатались, повольнили, ни хрена не сделали, еле сели. (По поводу группового космического полета космонавтов Шаталова, Воынова, Хрунова и Елисеева.)* (Авраменко 1991: 47).

(4) *Плакат на здании артиллерийского училища: «Наша цель – коммунизм». (Имело действительно место в Одесском военном артиллерийском училище.)* (Авраменко 1991: 57).

(5) *Армянское радио спаивают:*

– *Почему прекратил свои передачи КВН?*

– *Веселые уехали на БАМ, а находчивые – в Израил. (Телепередача была запрещена в 70-х годах из-за чрезмерно критического остроловия, возобновлена в 1986 году.)* (Авраменко 1991: 58).

Ощупывая» багаж культурного фона слушающего, в своем комментарии рассказчик (составитель сборника) сообщает лишь тот минимум фоновых знаний, который необходим для восприятия остроты анекдота. В приведенных выше примерах (3), (4), (5) адресатом комментариев является молодой русский читатель начала 1990-х годов. Десятилетием позже, предположительно, для такой цели требуется больше информации из «подводного основания айсберга», см. сведения о *Клубе Веселых и Находчивых, Байкало-Амурской магистрали, массовой эмиграции советских евреев в Израиль* и т. п. Подобные анекдоты предполагают предварительное наличие необходимого культурологического багажа (пресуппозиций, ассоциаций, импликаций), позволяющего декодировать скрытое сообщение анекдота с помощью рекурсии и инференционных процедур.

6. Коллизия двух взглядов на мир

В общественном дискурсе имеются два взгляда на мир: официально-нормативная (гласная) и неофициально-аномальная (негласная). Они также составляют скрытые компоненты анекдотов. Например, газеты писали о том, что люди счастливы, они испытывают «глубокое моральное удовлетворение» (любимая официозная фраза 1970-х годов). По этой версии, если спросить любого человека, читает ли он газеты, он бы ответил положительно. (– *Гражданин Иванов, вы читаете газеты? – Конечно, читаю.*) Общественное сознание хранит в себе и «вторую правду о мире» (Бахтин), согласно которой газеты пишут неправду о том, какова жизнь в стране, см. анекдот (6):

(6) – *Рабинович, вы читаете газеты? – Конечно, иначе откуда бы я знал, что у нас счастливая жизнь!*

В квадратных скобках попытаемся эксплицировать пресуппозитивные и инференционные процедуры слушающего в виде внутренней речи, которые имеют место после прослушивания анекдота.

[Официальная пропаганда пишет о счастливой жизни в стране. Люди знают, что это ложь, но об этом никто может говорить. В своем ответе остроумный советский еврей, Рабинович метко указал на фальсификации официальной пропаганды: если о счастливой жизни можно только читать, а не видеть, то она не существует.]

Под влиянием прослушанного анекдота носитель языка и культуры пресуппонирует содержание эллипсиса, и заключает вывод (мораль) анекдота. У эрудированного русиста-иностранца при этом преобладают инференции. Другими словами, у слушающего первого типа анекдот лишь подтверждает уже, быть может, не до конца известную информацию, слушающий же второго типа, в результате инференционных процедур приобретает новую информацию. Рассмотрим развернутый анализ показательного примера (7)

Введение	<i>Генсек подходит к мальчику, на улице жующему бутерброд с икрой.</i> — <i>Где папа?</i> — <i>Он уехал на работу на своей "Тойоте".</i> — <i>А мама?</i>
Имплицитный контраст	— <i>Она на своей "Волге" на рынок ускакала.</i> — <i>А кто дома?</i> — <i>Бабушка, она на компьютере играет.</i> — <i>Вот видишь, это я всем вам такую хорошую жизнь устроил!</i>
Эксплицитный контраст	— <i>Бабуля! Дядя Изя из Америки приехал!</i>
„Немая сцена”	1. растерянность 2. рекурсия 3. инференция 4. мораль
Разрядка	Комическая радость (смех)

В качестве фоновых слов анекдота выступают *генсек* (представитель официальной власти), *икра*, *Тойота*, *Волга* (символы роскоши), *компьютер* (символ роскоши и современного образа жизни), *дядя Изя* (образ богатого еврея, живущего в Америке). Первый, исходный скрипт анекдота (7) мобилизует официальный фрейм: мудрый вождь устраивает народу хорошую жизнь. Второй скрипт, триггером которого является финальное высказывание — *Бабуля! Дядя Изя из Америки приехал!*, оказывается полностью скрытым. Он мобилизуется в сознании слушающего в результате рекурсии и инференционных процессов: не генсек, а богатый еврей, живущий в Америке, устроил хорошую жизнь своим московским родственникам. Мораль (6) и (7) совпадает: Официальная власть – источник лжи.

7. Основание комического айсберга

Итак, текст анекдота (7) вместе со своими восстановленными скрытыми компонентами выглядит примерно так:

Советский Союз. Эпоха «застоя». Генсек ЦК КПСС, Л. И. Брежнев, вопреки правилам личной безопасности, как-то решил погулять по московским улицам. Вот он идет по улице престижного района столицы и, к своему удивлению, видит мальчика, который ест бутерброд икрой. Ничего не сказав о своем удивлении, вызванном тем, что мальчик питается дорогой, дефицитной пищей, он подходит к мальчику и спрашивает: — Где папа? — Он уехал на работу на своей "Тойоте". — А мама? — Она на своей "Волге" на рынок ускакала. — А кто дома? — Бабушка, она на компьютере играет. Генсек поражен тем, что у семьи мальчика есть две машины, престижная «Волга», иномарка «Тойота», кроме того и компьютер. Сделав вывод о том, что Партия, во главе которой стоит он сам, проводит верную политику, благодаря которой благосостояние народа беспрерывно растет, он говорит: — Вот видишь, это я всем вам такую хорошую жизнь устроил! По сведениям мальчика, это дядя Изя, живущий в Америке, им такую хорошую жизнь устроил. Поэтому кричит бабушке: — Бабуля! Дядя Изя из Америки.

Творческая энергия анекдота заключается в перлокуции. Его аномальный характер (см. эллипсис, гипербола, амбивалентность, имплицитность) провоцирует слушающего мобилизовать ментальные ресурсы ради адекватного восприятия скрытого сообщения говорящего. Чтобы достичь требуемой степени гелотологической перцепции, а также продемонстрировать свою ментальную исправность, слушающий в высшей степени заинтересован «в раскодировании загадки». Так, в результате своих индивидуальных усилий, слушающий выполняет серию прагмалингвистических процедур. Ознакомившись в введении анекдота с обстоятельствами первого скрипта, он анафорически, путем лингвистических и экстралингвистических ассоциаций активизирует регистры конвенциональной культуры, см. вводные высказывания типа *Брежнев движется по коридору в Кремле.; Рабинович, вы читаете газеты?; Хрущев звонит в космос Беляеву и Леонову*. Обладая богатой коннотативной нагрузкой, видную роль при этом играют имена собственные типа *Брежнев, Хрущев, Беляев, Леонов, Кремль*. Срабатывают и катафорические ассоциативные связи, восходящие к саркастической тональности, заданной самим комическим способом коммуникации, в котором протекает общение.

Анафорические и катафорические ассоциации служат техникой пресуппозитивной стратегии слушающего. Для того, чтобы представить, например, высказывание *Брежнев движется по коридору в Кремле*, как нечто действительное, слушающий предполагает существование реалий,

названиями которых являются лексемы *Брежнев* и *Кремль*. В то же время катафорически приводятся в состояние коммуникативной готовности серии анекдотов о Брежневе, далее, о вождях, о советской действительности и т. п. Таким образом, в данном речевом акте латентно принимают участие фрагменты реального и виртуального мира, названные нами скрытыми.

Отдельно стоят фрагменты скрытого текста, актуализированные в рамках «немой сцены». Они представляют собой рематическую часть, то есть новизну комического сообщения. Если рекурсия слушающего увенчана успехом, перед ним открывается возможность проделать инференционные процедуры. В анекдотах (1) и (7), например, наблюдается сходство между двумя выводами слушающего, см. (1): «Генсека изменяет память», (7): «Генсек наивен», за которыми может последовать цепочка инференций, вплоть до нецензурного обобщенного осуждения ментальных способностей политических руководителей.

Библиография

- Борев Ю. Краткий курс истории XX века в анекдотах, частушках, байках, мемуарах по чужим воспоминаниям, легендах, преданиях и т. д. Москва: Звонница – МГ, 1995.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. 1985.
- Курганов Е. Анекдот как жанр. Санкт-Петербург: Академический проект, 1997.
- Лендваи Э. Вербальный юмор и языковая аномалия // *Nyelv, aspektus, irodalom*. Сб. научных трудов/ Отв. ред. Z. Györke – Szeged, 2000 (а).
- Лендваи Э. Лексическая амбивалентность и вербальный юмор // *Slavica Quinqueecclesiensia*. Сб. научных трудов/ Отв. ред. Э. Лендваи – Pécs: Pécsi Tudományegyetem, 2000 (б), Вып. VI.
- Лендваи Э. Вербальный юмор в модели „кривого зеркала” // *Русский язык и культура (изучение и преподавание)*. Материалы конференции. – Москва: РУДН, 2000 (г).
- Лендваи Э. Постулаты общения и вербальный юмор // Тезисы докладов и выступлений VI Международной научно-методической конференции „Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания”. – Будапешт, 2001.
- Лендваи Э. Прагмалингвистические механизмы современного русского анекдота. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, ИРЯП, 2001.
- Посвежинный Е. (ред., сост.) Анекдоты. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1993.
- Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. Москва: Языки русской культуры, 1999.

Караулов Ю.Н. и соавт. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 1. Москва: Помовский и партнеры, 1994.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. Москва: ИРЯ РАН, 1999.

Источники

Авраменко Л.И. 10000 анекдотов. Вып. 1. Москва: ДатаСтром, 1991, 47 с.

Советский политический анекдот. (Год, место издания не указаны.) Ass. Spectrum. "O". Tell. 4071/219. K/L. hind.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ ТЕКСТОМ И ИКОНОЙ

Немецкий ученый А.Хансен-Лёве, опираясь на известного американского лингвиста Ч.С.Пирса (Ch.S.Peirce), предложил три типа корреляции между вербальным текстом (Wortkunsttext) и текстом визуальным (Bildkunsttext) (см. Hansen-Löve 1983:291-360). В другом месте он называет эти типы принципами, по которым осуществляется "перевод" вербального текста в визуальный: транспозиция, трансфигурация и проекция. Действие этих принципов он показал на материале искусства русского модерна. Я сохраняю и использую эти три термина, но вкладываю в них несколько другой смысл, корректируя их содержание применительно к иконе и применительно к тем текстам, которые ее порождают и которые порождает она. А.Хансен-Лёве говорит преимущественно об однонаправленном движении: от текста к живописи. Однако, когда мы говорим об иконописи, то следует выделять два типа взаимоотношений между текстом и иконой по их направленности: от текста к иконе и от иконы к тексту. Кроме того я предлагаю выделять четвертый вид взаимосвязи текста и иконы, называя его импозицией. Рассмотрим все четыре принципа, учитывая эту взаимную, а не одностороннюю связь между текстом и иконой.

1. От текста к иконе. Первая форма взаимосвязи – **транспозиция** (die Transposition). Транспозиция – это передача сюжета и фабулы из текста в изображение, от образа словесного к образу визуальному. Тем самым в изображении усиливается нарративный момент, повествовательность и описательность. Если говорить о живописи, а не об иконе, то в результате транспозиции получается своего рода *литературная живопись*, рождается картина на литературную тему с заметно выраженным сюжетом. Такая картина "хочет", чтобы ее читали, она разговаривает со зрителем не только на языке визуального образа, но втягивает его в "чтение" произведения. Сюда же следует отнести и самый простой тип транспозиции: иллюстрации к художественным произведениям.

Что касается иконы, то отношения между текстом и изображением имеют под собой совершенно другую основу. Проведем краткое сравнение.

Живопись берет свои сюжеты из природы, практически из *любой* области жизни человека и из действительности, его окружающей, и лишь иногда из текста. Иконопись берет свои сюжеты *всегда из текста*: из Евангелия, из Ветхого Завета, из житий святых, из богослужебных текстов, из апокрифов, а природа (также как и архитектура) никогда не могут стать самостоятельным предметом изображения.

Живопись может быть ориентирована на любой текст, иконопись только на сакральный, который служит для нее вербальной иконой.¹

Проникновение наррации, своего рода "текстуальности" в живопись, как правило, отрицательно влияет на произведение, в иконописи же изображение просто не мыслится без наличия известного сакрального текста, текст всегда первичен для иконы, а кроме того он освящает изображение.

Следующий принцип взаимодействия – **трансфигурация** (die Transfiguration). Он принципиально отличается от транспозиции. Трансфигурация – это преобразование семантики текста в семантику изображения; говоря по-другому, это передача того же содержания другими средствами, на другом художественном языке. Если транспозиция сосредоточена на проблеме "что": *что* передается от текста к изображению, то трансфигурация – на вопросе "как": *как*, какими средствами можно "перевести" смысл и значение (семантику) текста с одного художественного языка на другой, в данном случае, – с вербального на визуальный.

На материале текста и иконы эта проблема получает следующую интерпретацию. Икона может изображать событие христианской истории, описанное, например, в Евангелии. Такого рода иконы занимают весь праздничный ряд иконостаса. Но икона никогда не может остановиться на уровне транспозиции, ей мало передать собственно историю события, его сюжетно-фабульный аспект, икона призвана выразить внутренний христианский смысл события, его значение для христианства, объяснить и передать его верующему человеку. Земное событие она должна изобразить как небесное, событие, случившееся во времени, призвана изобразить в ракурсе вечности, событие, происшедшее в реальном пространстве, – как сверхпространственное. И здесь икона пытается своими средствами провести трансфигурацию евангельского текста.

Например, для выражения вневременного, вечного характера событий икона избегает последовательной наррации (вообще, в противоположность транспозиции стремится свести наррацию лишь к необходимому минимуму), меняет события местами, пропускает некоторые события, соединяет несколько событий в одном (прием совмещения, суммирования) или наоборот разлагает одно событие на ряд действий (прием развер-

¹ Обращаясь к византийскому богословию даже самого раннего периода, нельзя не обратить внимания, что слово "икона" употребляется богословами в более широком смысле чем тот, который стал привычен в настоящее время. Иконой Божией они называют весь космос, как творение Бога, иконой Христа называют епископа или священника во время богослужения, наконец, иконой называют Евангелие: Евангелие – это словесная икона Христа, как писал еще в VII веке, например, Максим Исповедник (Максим 1993:1,175). Итак, иконы бывают не только визуальные, изобразительные, но и вербальные, словесные.

тывания). Об этом не раз и довольно подробно писал Борис Успенский (см. Успенский 1970:19-24).

Известную независимость сакрального события от времени, его вечный смысл икона стремится передать через особую организацию пространственных отношений. Существует большая исследовательская литература о таком популярном и характерном для иконописи приеме как "обратная перспектива", который играет не просто заметную роль в иконе, но роль определяющую. Обратная перспектива позволяет поместить изображаемое в особый пространственный континуум, как бы двухмерный, который принципиально отличается от видимого физического трехмерного пространства. Тем самым и само событие как бы "выводится" из земного пространства.

К трансфигурации следует отнести и особые краски, характерные для иконописи, их символику, которая является частью иконописного канона, но вместе с тем обладает известной свободой, а потому на конкретной иконе всегда получает новое звучание, и семантику этой символики можно читать, ее можно расшифровывать.

Сюда же следует отнести особые приемы изображения ликов и тела в целом, а также одежды. Трансфигурация в этом случае будет состоять прежде всего в том, чтобы написать не земное живое тело, а новое преображенное, прославленное, *духовное* тело, как его называет апостол Павел, тело, которое настолько очистилось и освятилось, что смогло войти в Царство Небесное. И для этой цели иконописец также использует особые приемы, прежде всего избегая анатомической точности, физиологических и вообще биологических подробностей. Итак, при корреляции текста и иконы трансфигурация не просто один из видов или принципов отношений между ними, но необходимое и обязательное правило, поддерживаемое церковным иконографическим и иконописным канонам.

Третий принцип и форма взаимодействия между иконой и текстом – **проекция** – (die Projektion): это передача от текста изображению концептуальной модели. Модель может быть эксплицитной, т.е. сформулированной в виде дискурса, но также и имплицитной. как это видим, например, в супрематизме, абстракционизме, концептуализме. Принцип проекции помогает осознать еще несколько принципиальных отличий иконописи от живописи.

Живопись не связана с определенным мировоззрением, хотя неизбежно его выражает, иконопись призвана передавать церковное учение и мировоззрение.

Живопись никак не обусловлена особым почитательным к ней отношением, она признает лишь непосредственное зрительское восприятие и эстетическую оценку, икона же немислима без иконопочитания.

Живопись не нуждается в чьем бы то ни было дозволении для своего существования и функционирования, икона – нуждается. Напом-

ним, что в VIII-IX веках иконопись пережила тяжелый период борьбы за само свое существование. Иконоборцы не просто удаляли иконы из храма и физически уничтожали их, но создали своеобразное иконоборческое богословие, которое было подтверждено на соборе 754 года. Саму возможность существования иконы и иконопочитания по разным богословским соображениям отрицают иудаизм, мусульманство, протестантизм. Поэтому икона нуждается в концепции, которая богословски, философски, исторически оправдывает саму *возможность* существования иконы и иконопочитания в Церкви и показывала принципиальные различия между иконой и идолом, между иконопочитанием и идолопоклонством. Эту концепцию мы называем *метаконцепцией*, поскольку в скрытом виде она входит в каждую икону, дает богословское "разрешение" на нее и определяет формы и границы иконопочитания.

Принцип проекции в иконе действует дважды: не только как метаконцепция, но и как концепция, как христианская (собственно православная) мировоззренческая концепция, которая определяет практически все принципы формирования как вербальной, так и визуальной иконы. Итак, проекция, как принцип взаимосвязи между текстом и иконой также входит в саму сущность иконы, иконописи, иконографии и иконопочитания. Это не свободная, не необязательная связь, которой может и не быть, что наблюдается в живописи, но *необходимая и взаимная* связь.

Еще одна форма взаимодействия иконы и текста: это присутствие конкретного текста в иконе и шире – текста в изображении или вербального образа в образе визуальном. Эту форму их взаимодействия мы называем **импозицией** от латинского слова *impositio*, что значит наложение, приложение, придание, возложение. Это наложение текста на икону, на изображение. Здесь можно говорить о нескольких формах взаимодействия текста и иконы.

Первый вид импозиции – надписывание иконы. Как известно, без надписания имени изображенного или названия праздника икона не действительна, перед ней нельзя молиться. Согласно VII Вселенскому собору, надписание, во-первых, устанавливает связь между образом и Первообразом, а во-вторых, устанавливает единство имени и изображения. Вписанное в икону Имя Божие или имя святого есть священная печать, удостоверяющая соответствие изображения имени и изображения изображаемому, а также подтверждающая реальное присутствие второго в первом (см. Деяния 1891:268,269). В данном случае она настолько важна, что делает возможной саму икону.

Второй вид импозиции – конкретный текст в иконе; это именно текст, а не слово. Если в эпоху расцвета иконописания слово понималось как вербальная икона и в сакральное пространство иконы оно входило как важнейшая и неотъемлемая его часть, то в более поздний период слово в иконе начинает выполнять подчиненную, служебную роль "комментатора". Оно становится вербальной декодировкой, расшифровкой невербального

текста. Начиная с эпохи барокко, слово нередко выполняет функцию украшения, орнамента. Текст начинает выполнять несколько разных *служебных* функций по отношению к изображению. Со временем текст в иконе получает функцию, прямо *не зависимую* от изображения, например, кондак или тропарь святому, его краткое житие, написанное в середине иконы вокруг фигуры святого. Эта автономность слова по отношению к иконе порождает возможность вторжения в икону мирского слова (название комитета по цензуре, самого цензора и фабрики-изготовительницы). В этом смысле историю русской иконописи, начиная с XVI века, можно рассматривать как историю некоей "борьбы" слова и текста против иконы, дидактичности против невербальной проповеди, борьбы импозиции против трансфигурации и проекции. Эта борьба протекала на общем фоне секуляризации церковного искусства, его обмирщения.

Схему взаимоотношений между текстом и иконой можно формализовать. Совершенно очевидно, что в любом случае при корреляции текста и иконы (причем, как говорилось, она обязательна, а не свободна и условна) здесь действуют, как правило, все четыре принципа одновременно: $T — (Tп+Tф+Пр+Ип) > И$, где T означает текст, Tп – транспозицию, Tф – трансформацию, Пр – проекцию, Ип – импозицию, а И – иконе.

Рассмотрим действие этих принципов еще раз на примере иконы Преображения Господня (см. Московская 1971:25,48; Новгородская 1981:100-102). Об этом событии рассказывается в трех Евангелиях (Мф. 17:1-13; Мр. 9:2-13; Лк. 9:28-36). Транспозиция в данном случае состоит в том, что иконописец должен изобразить гору Преображения, стоящего на ней Иисуса Христа, рядом с ним написать пророка Илью и Моисея, а под горой – трех избранных апостолов, свидетелей Преображения – Петра, Иакова и Иоанна. Все так, как описано в Евангелии. И здесь заканчивается действие принципа транспозиции.

Трансфигурация будет состоять в том, чтобы перенести на икону смысл и значение этого события. Как это делает иконописец? – Он изображает Христа в мандорле, хотя на других иконах, посвященных земной жизни Христа он изображается без мандорлы.² Мандорла символизирует Царство Небесное. Тем самым иконописец говорит зрителю, что Христос в этом событии приоткрывает для человека Царство Божие. Далее, Христос изображается (в соответствии с Евангелием) в ярко-белых одеждах, которые символизируют явление божественного нетварного света в тварном мире. Апостолы изображены в испуганных позах, они даже упали. Но человек, знающий Евангелие, помнит, что они упали не оттого, что увидели нетварный свет, а оттого, что услышали голос Отца. Таким образом, простершиеся на земле апостолы семантически указывают

² В мандорле Христос изображается на иконе *Воскресения (Сошествие во ад)*, а затем *Вознесения*.

на голос Отца, на присутствие в этом событии первого Лица Пресвятой Троицы. Наконец, надо обратить внимание на фигуру Христа: хотя Он стоит на вершине горы далеко от зрителя, а апостолы находятся у подножия горы, т.е. гораздо ближе к зрителю, однако, Его фигура по своим размерам гораздо больше, чем фигуры апостолов. Это одна из особенностей обратной перспективы: больше по размерам изображается не то, что ближе к художнику, к зрителю, как в прямой перспективе, но то, что семантически важнее, в данном случае Христос.³ Поэтому совершенно верно обратную перспективу иногда называют "семантической перспективой".

Проекция в данном случае следует за трансфигурацией: в Евангелиях говорится, что это был необычный свет, но прямо не говорится о том, что это был нетварный божественный свет. Христианское богословие к IV веку уже единогласно понимало Преображение как явление нетварного божественного света, как одно из проявлений и действий божественной сущности, ведь "Бог есть свет" (1Ин. 1:5). Икона *Преображения* и ее взаимосвязь с текстом стала особенно актуальна через тысячелетие, в середине XIV века, во времена исихастских споров. Григорий Палама еще раз богословски обосновал православное понимание события и нетварную природу фаворского света. Все это относится к области проекции.

Конечно, рядовой верующий человек не мог углубляться в такие тонкости, так что проекция в иконе оставалась открытой только образованным людям. Но простой человек мог косвенно, через трансфигурацию, через семантику иконы мог молитвенно вникать в концепцию иконы. Здесь семантика иконы играла огромную роль. икона писалась по канону, ее композицию легко было найти в иконописных подлинниках (а ранее на древних иконах, освященных традицией, которая играла роль подлинников). Добросовестно копируя древнюю, написанную по канону икону, иконописец переносил в изображение семантику события, т.е. трансфигурация совершалась как бы сама собой.

Импозиция в данном случае, как и на каждой иконе, выражена через надписание иконы: *Преображение Господне*.

Существует еще одна более поздняя иконографическая композиция *Преображения* (Ярославская 1983:25). На ней традиционная схема дополнена двумя эпизодами: слева Христос с учениками поднимаются на гору, справа – спускаются с Фавора. Если обратиться Евангелию, то увидим, что эти две сцены имеют под собой текстуальное обоснование. В

³ Для сравнения можно взять, например, известную картину Рафаэля *Преображение*. Она написана с применением правил прямой перспективы: самые крупные фигуры на ней слева направо – расслабленный на постели, женщина с обнаженным плечом, отец с сыном лунатиком, которые стоят на переднем плане. Фигура же Христа и трех упавших апостолов – заметно меньше, хотя семантически важнее (см. Raffaello 1983:122-123, табл. LXIV).

Евангелиях говорится, что Иисус взял трех апостолов и возвел их на гору "одних", т.е. выделил их из среды других апостолов (Мф. 17:1). Но еще важнее сцена схождения с горы. Именно тогда Христос запретил ученикам рассказывать другим о преображении до Своего воскресения, т.е. прикровенно предсказал им свою смерть и воскресение. Кроме того при схождении с Фавора Христос поведал им, что пророк Илья, который согласно пророчествам должен придти прежде Христа, пришел в образе Иоанна Крестителя, его не узнали и убили (Мф. 17:9-13). Эти два — очень важных сами по себе — эпизода не имеют прямого отношения к концепции иконы, они остаются на уровне семантики, т.е. здесь действует принцип трансфигурации, но не проекции, которая завершает полноту иконы. И именно поэтому, как я полагаю, на большинстве икон, особенно эпохи расцвета иконописи эти две сцены отсутствуют, но на поздних иконах встречаются довольно часто. В таком ключе можно проанализировать и продемонстрировать действие все четырех принципов корреляции между иконой и текстом.

2. От иконы к тексту. Теперь обратимся к другому типу взаимосвязи между иконой и текстом, когда влияние идет от иконы к тексту.

Транспозиция в данном случае это перевод содержания иконы как невербального текста в текст вербальный, это создание словесной иконы, адекватной по своему содержанию иконе визуальной. При транспозиции икона порождает разного рода тексты в зависимости от целей транспозиции. Эти тексты можно свести к нескольким видам:

а) техническое описание иконы: какая доска, форма шпонок, характер и сохранность левкаса, есть ли паволока, особенности красок, сохранность иконы в целом, стилистические особенности письма, принадлежность к иконописной школе, датировка, атрибуция и т.п.;

б) описание сюжета и композиции иконы, особенностей графического и цветового решений, пространственно-временные отношения в иконе, но без перехода в область семантики, что является прерогативой трансфигурации;

в) четвертый вид можно назвать текстом о тексте: в данном случае требуется установить, на основе какого текста (или комбинации нескольких текстов) написана данная икона (Ветхий завет, Новый завет, житие, апокриф и т.д.), а также соответствие сюжета и композиции иконы сакральному тексту, который лежит в ее основе. Икона здесь служит как бы посредником между двумя текстами: сакральным и профанным, описательным, нарративным, транспозиционным.

г) описание личного субъективного эмоционального восприятия иконы; обычно это текст, который посвящен тому, как подействовала на реципиента данная икона, какие чувства и мысли она вызвала в нем; иногда таким текстам придается художественная, поэтическая форма;

Второй принцип – **трансфигурация**. Как уже говорилось, это преобразование семантики изображения в семантику *текста об изображе-*

нии. Поскольку икона пишется по устоявшемуся церковному канону, текст также стремится к каноничности. Фактически именно здесь при трансфигурации речь может идти о преобразовании визуальной иконы в икону вербальную, о создании вербального аналога визуальной иконы.⁴ Наиболее яркий пример трансфигурации – написание богослужебных текстов, посвященных празднику новой чудотворной иконы.

Проекция – это передача от изображения к тексту концептуальной модели изображения. Как говорилось, модель может быть эксплицитной и имплицитной. Конечно, при движении от визуального образа к вербальному часто происходит, если можно так выразиться, "эксплицитация" имплицитной модели, ее дополнение дискурсом. Так, "Черный квадрат на белом фоне" Малевича имплицитно заключает в себе определенную концептуальную невербальную модель, которая должна говорить сама за себя. Однако, художник сопровождает свое произведение текстом, дискурсом, разъясняя концептуальный смысл визуального образа. В таких случаях имплицитность и эксплицитность как бы совпадают, и порой трудно решить каким путем шел автор: от визуального образа к вербальному или от концептуального вербального – к визуальному.

Что касается иконы, то проекция при движении от иконы к тексту проявляется в том, что икона как феномен церковного искусства и феномен церковного почитания порождает все новые концептуальные тексты, которые доказывают духовную ценность иконы, ее принципиальное отличие от идолов, ее богословское значение как неотъемлемой части христианского мировоззрения.

Импозиция в данном случае – это включение в текст иконы, как персонажа, как действующего лица, как предмета, как объекта художественного действия. Икона чаще всего не описана, она только названа по

⁴ Что такое вербальная икона? Вербальная икона должна отвечать трем главным требованиям. Первое: Вербальная икона так же, как и визуальная икона, ставит перед собой задачу изображать первообразы, архетипы вещей, событий и явлений, а не сами эти вещи, события и явления в их феноменологическом или эмпирическом аспекте; во всяком случае икона, как визуальная, так и вербальная претендуют на это и к этому стремятся. При этом вербальная икона, так же как и визуальная, настаивает на том, что в ней *присутствует* первообраз, что она способна *являть* его (на этом основаны представления о чудотворных иконах). Второе: она должна быть вербальной иконой по своим композиционным и структурным особенностям, она должна быть *построена* как образ Первообраза, она должна быть вербальным аналогом визуальной иконы. Третье: вербальная икона часто ориентирована на конкретную визуальную икону. Визуальная икона присутствует в иконе вербальной не только как мировоззренческий и структурно-композиционный принцип, но и в качестве объекта изображения, в качестве "персонажа" и сюжетообразующего фактора.

имени: икона Спасителя, икона Богородицы, икона св. Николая,⁵ но текст построен как ряд действий, совершаемых не столько персонажами, сколько иконой, или же персонажами, но под воздействием иконы. Импозиция характерна для такого жанра древнерусской литературы как сказания о чудотворных иконах. Особенность импозиции состоит также в том, что объектом вербализации становится не собственно икона, а иконопочитание, церковные и народные обычаи, связанные с почитанием икон, которые "вклиниваются" между иконой и текстом. Если же говорить о художественной литературе XIX-XX веков, то она использовала чаще всего именно прием импозиции, гораздо реже трансфигурацию (например, Лесков, Мельников-Печерский) и совсем редко проекцию (Гоголь, Достоевский, Вячеслав Иванов).

Если при корреляции первого типа (от текста к иконе) мы получили формулу $T — (Tп+Tф+Пр+Ип) > И$, то в данном случае (при движении от иконы к тексту) все четыре принципа корреляции могут действовать отдельно друг от друга, и получается четыре формулы: $И — (Tп) > T$, $И — (Tф) > T$, $И — (Пр) > T$, $И — (Ип) > T$. Текст в зависимости от примененного принципа корреляции приобретает особый характер: его характер и содержание определяется теми целями, которые ставит перед собой автор этого текста.

Названные четыре типа корреляции вербальной и визуальной иконы по-разному проявляют себя в разных жанрах литературы, но это уже другая, отдельная тема.

⁵ Иногда икона может быть даже не названа по имени. Приведем один пример. В романе *Подросток* Версиков разбивает икону (см. Достоевский 1958:557-562). Об иконе читатель знает только, что это подарок-завещание Макара Ивановича и что на ней изображены двое святых (причем читатель может только догадываться, что это скорее всего женская и мужская фигуры). Но сцена разбиения иконы от этого не теряет своей остроты и выразительности. Главное здесь состоит в том, что Версиков разбивает святыню, предмет особого почитания.

Литература

- Деяния 1891* – Деяния вселенских соборов. Т. 7. Казань, 1891.
- Достоевский 1958* – Ф.М.Достоевский. Собрание сочинений в десяти томах. М., 1956-1958.
- Максим 1993* – Максим Исповедник, прп. Творения. М., 1993.
- Московская 1971* – Московская школа иконописи. М., 1971.
- Новгородская 1981* – Новгородская икона XII-XVII веков. Л., 1981.
- Успенский 1970* – Б.А.Успенский. К исследованию языка древней живописи. In: Л.Ф.Жегин. Язык живописного произведения. М., 1970.
- Ярославская 1983* – Ярославская иконопись. М., 1983.
- Hansen-Löve 1983* – Aage Hansen-Löve. Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort- und Bildkunst — am Beispiel der russischen Moderne. In: Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 11. Wien, 1983.
- Raffaello 1983* – Raffaello. Festoi eletmuve. Вр., 1983.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОСТОЧНОСЛОВАЦКОГО ДИАЛЕКТА И
СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СЛОВАЦКИХ
ПУБЛИКАЦИЯХ В США
(конец XIX – начало XX вв.)**

В истории языка словацкой письменности хорошо известна “боковая” ветвь его развития, связанная с широким использованием в письменном языке восточнословацких диалектных элементов. Уже давно внимание лингвистов привлекают такого рода книги и периодические издания, опубликованные непосредственно в Словакии (Czambel 1906, Bálent 1944, Király 1953 и др.). Вместе с тем, целый корпус текстов, имеющих отношение к восточнословацкому диалекту и изданных в конце XIX – начале XX вв. в США, до настоящего времени с лингвистической точки зрения специально не изучался. Тем не менее, существует устойчивое мнение, что данные тексты написаны либо на восточнословацком диалекте, либо шарышском или спишском говорах восточнословацкого диалекта, либо на смеси различных говоров этого диалекта. Ср., например, утверждение Э. Паулини: «В конце прошлого века у словаков в Америке выросло национальное самосознание, они стали создавать свои организации и печатать собственные газеты. Так как большая их часть была родом из Восточной Словакии, газеты сначала выходили на восточнословацком диалекте. Это “Американско-Словенские новости” (с 1886 г.), “Словьяк в Америке”¹ (с 1889 г.), “Словенские новости”, “Шлебодны Орел”» (Pauliny 1971, 87-88). В связи с этим представляется чрезвычайно актуальным выяснение языковой структуры данного идиома и определение механизма его возникновения. Актуальность данной темы обусловлена также тем, что многие периодические издания и книги, изданные в интересующий нас период в США, уже безвозвратно утрачены и в настоящее время необходимо изучить хотя бы то, что еще сохранено.

Мы располагаем фактическим материалом, извлеченным из первой словацко-американской книги «Американский переводчик» (Americký Převodčík), изданной в 1887 г. в Питтсбурге, небольшой по объему притчи, содержащейся в народном календаре «Американский словак», также вышедшем в Питтсбурге в 1890 г., и следующих газет: «Католицке Новины» (Katolicke Noviny) за 1889 г. (издавались в г. Хезлтон), «Словак в Америке» (Slovák v Amerike) за 1890 г. (издавались в г. Фениксвилль) и «Словенские Новины» (Slovenske Novini) за 1901 г. (издавались в г. Хезл-

¹ Данная газета никогда не выходила под названием “Словьяк в Америке” (Szlovjak v Amerike); с самого начала она называлась «Словак в Америке» (Slovák v Amerike) (Čulen 1970, 124).

тон). Кроме того, в данной статье мы используем материал из греко-католической газеты «Американский Русский Вестник», издававшейся в конце XIX – начале XX вв. в г. Скрантон на двух языках: русинском варианте русского литературного языка и словацком (по определению самой газеты). Все названные города находятся в штате Пенсильвания.

Даже беглого взгляда на язык названных печатных текстов оказывается достаточным, чтобы установить, что он представляет собой конгломерат элементов восточнословацкого диалекта и словацкого литературного языка, осложненного в «Американском Русском Вестнике» русинским и русским влиянием, причем степень этого влияния в разных статьях разная. При этом восточнословацкие элементы и элементы литературного языка, как правило, не вытесняют друг друга, а функционируют параллельно, хотя какие-то из них могут преобладать.

В качестве примера приведем отражение так называемой восточнословацкой² ассибиляции, т. е. изменения мягких *t'* и *d'* соответственно в *c* и *dz*. Во всех рассмотренных текстах представлены как слова, в огласовке которых ассибиляция отражена, так и без нее, причем часто в одних и тех же корнях или аналогичных грамматических формах. Ср. примеры: *To še v živoce obyčajne³ vypoveda — šicke druhe osoby su podobne ku peršej osobe v jednotnym počte* («Американский переводчик»); *Kedz vidzela muža prichádzac z leša, bežala mu v ústrety a oznámila, že je u nich bývalý jeho Pán — „Pane môj!“ opakoval s plačom, ked' vstúpil do izby, v ktorej šedzel za verch stolom Kristus Pán* («Американский словак»); *zo všetkých knihoch, z ktorých poznac môžeme dzejiny človečenstva, je kniha Mojžiša tá najstarša, najctihodnejšia a najpoučlivejšia — Bez tejto knihy neznali by sme teda ani malulinky mak o pol dejepisu človečenstva, lebo od Adama do narodzeňa Krista Pána uplynulo doteraz 1889 rokoch* («Католицке Новины»); *Rusko vyčeká peršu príležitosť, aby vraha Panicovho jak náleží potrestalo, šmerc majorovu pomscilo — Nedaleko Nevada, Mo. vyskočil vlak z koleji, dva ľudze byly smrtelne a dvacec šedzem češko a lehko, ranene* («Словак в Америке»); *Socialne demokraci všadzi buľi poražene — poňevač prikľad tento budu ai vecej fabrikanti pokračovac* («Словенске Новины»); *Naš krajan Paul Urban v Duryea, Pa. ma krasno zaredzeny saloon, dze zavše mož dostac sviže pivo, vino, paľenku, temper i cigaré — Možno i vam by sa lepsi poščastilo patrioti pravdu na cherbte nosiť, neželi pod diabelsku masku sa skrivať* («Американский Русский Вестник»).

Аналогичная ситуация наблюдается и в отражении многих морфологических форм, различающихся в восточнословацком диалекте и лите-

² Представлена также и в некоторых говорах западнословацкого диалекта, однако в меньшем числе позиций, чем в восточнословацком диалекте (Pauliny 1963, 191-197).

³ В «Американском переводчике» букве *ň*, представленной в литературном языке, соответствует буква *ñ*.

ратурном языке. Так, для первого характерно неразличение форм им. пад. множественного числа адъективалий, согласующихся с одушевленными и неодушевленными существительными, что находится в конфронтации со словацким литературным языком. В изученных же текстах унифицированные формы хотя и преобладают, однако фиксируются и специфицированные. Ср. примеры: *Oňi budu hñed prešvečený, že my sme dobre robotníci* («Американский переводчик»); *Dvojmi starší bracia vyňali hrúzu peneži, které si vyslúžili za tri roky* («Американский словак»);⁴ *Po ukončení schudzi vyvolené boli nasledovné úradníci...; Nekterý vyslanci osobne napadli Tiszu, a spomli, že zakiaľ je Tisza minister predsedom, v krajine nemožno očakávať ničoho dobrého* («Католицке Новины»); *Dvomi čínski mandaríni a dvomi anglické inžinýri prišli... do ruskej to pevnosti (zámku) v Sibírii, polnočno od Číny na samom brehu Cichého Oceánu; nádejné chlapčiské (!) odovzdaní sú ku spoločnosti pre ochranu dzecí; V Scranton, Pa. nejake šikovne chlapi vošli v noci do pivovaru a vžali 7 bečulky žimneho* («Словак в Америке»); *Te narodne (Pittsburgske) humbugare, htori už toľko ukrivdili slovenski ľud, htori ho pripravili o tisíce a tisíce dollaroh, htore aňi Krista Pana na pokoji ňeňehaju a za samovraha ho vihlašuju, oňi žadaju, abi ľud slovenski zatracoval – pravdu!!* («Словенске Новины»); *Veľo špital'ov je bez uhlia a nasledkom toho aj chori nemožu buc tak opatrovani jak to predpisuju špitalne poriadky; Hľa drahé našo bratové, jaké duševné bohatstvo, jaky duševny chasen pochodzi z dobre zaredzenych čitaľňoch* («Американский Русский Вестник»).

Взаимодействие восточнословацкого диалекта и литературного языка, однако, проявляется не только в форме непосредственной конкуренции реально существующих форм. Иногда оно может принимать и осложненный характер. Так, например, в изученных текстах фиксируются как формы род. пад. множественного числа существительных с флексией *-och* независимо от их рода, что отражает ситуацию в западных говорах восточнословацкого диалекта, так и с нулевой флексией и флексией *-í* у существительных женского и среднего рода или с флексией *-ov* у существительных мужского рода⁵, как в словацком литературном языке. Ср. примеры: *Za dávnych časoch žili v jedným valale trojmi bracia, ktorí nemali doma čo robiť, jako še živíc* («Американский словак»); *Tento časopis je jeden z najvekších časopisoch slovenských, ktorý za národ robotnícky bojuje; V Petrohradze vydané sú nové zákony zo strany raženia striberných mincoch; ... zdravotný stav grófa Kálnokyho, ministra zahraničných záležitostí,*

⁴ В «Американском переводчике» нами не были обнаружены специфицированные формы прилагательных, согласующихся с одушевленными существительными, а в «Американском Словаке», напротив, отсутствуют не специфицированные. Впрочем, и обнаруженные формы довольно редки.

⁵ Единичные существительные мужского рода могут также иметь названные формы с нулевой флексией или флексией *-í*.

še dosiaľ nezmenil («Словак в Америке»); V Rokovitz a Biekovicz prišlo o život 9 dzeci, v Zico ušmerceno bolo 13 *osôb*. Vcelku mušelo prisc počas toho orkánu 100 *osoboch* o život; ...lebo ona vyšvetlí nám tvorene všických *vecoch*, calého šveta, neba a žeme, švetla a povetria, *hvezdoch*, dňa a noci, suchej žeme a mora, *dolín* a *verchoch*, *bylinoch* každého druhu, ptáctva, *ryboch* a všických štvornohých *žvirat* («Католицке Новины»); Šľabikovaňe *slovoch* a vlastných *menoch* je potrebné a bezpochybne každý skúšic mohol; Strompl'e viša zo *strechoch* – z *dachoch* («Американский переводчик»); Ošem *hodzin* uderelo na turňi veľkej u *minoritoh*; Mi kupujeme direktne zos *fabrikoh* pre šesc veľke štori za hotove peňeži («Словенске Новины»); Podporovanie *vdovicoh* i *široh* umartych členov; namahas še ku zabezpečeniu našej viery i narodnosci i podporovaniu pokaličenych *bratov*, pozostalych *široh* i *vdovic* («Американский Русский Вестник»). Вместе с тем, нами были обнаружены соответствующие формы с флексией *-ách/-ach*, возникшей, вероятно, в результате “наложения” на восточнословацкую форму признака “не мужского” рода – гласного *á* во флексии, что характерно для литературного языка⁶: *Osobne zámena zastupujú mena tých osobách*, chtoré v reči napredek pridu («Американский переводчик»); *Zo severnih pohraničnih krajinah* še oznamuju žemetraseňe («Словенске Новины»).

Подобное совмещение в одной форме черт восточнословацкого диалекта и литературного языка не является единичным явлением. Так, например, аналогичный характер имеет форма предл. пад. единственного числа адъективалий мужского и среднего рода *-ut*, фиксируемая в тех изученных текстах⁷, в которых обозначается фонологическая долгота. При этом в указанной форме долгота выступает значительно реже, чем в других формах прилагательных с флексиями, возникшими в результате стяжения гласных. Названная форма генетически является восточнословацкой, однако в ней долгота гласного не фиксируется не потому, что в восточнословацком диалекте фонологическая долгота отсутствует в принципе, а потому, что ее нет в соответствующей литературной форме с флексией *-om*. Ср. примеры: *Co vidzime vo XIX-im stolece v Rossiji?*; *rokuju še knihy, které na dobrym mesce... trimaju še*; *a to idze všicko v najkrasšym poriadku*; *A o tym, že jak to treba takomu vyzvaniu zadosc zrobit, pohutorime v buducnym čislu*; *bo ledva že by minulo dňa, abo dvoch, aby še neoznamovalo a dajakym zločinu o dajakej vražde*; *Na Widentskym universitetu všických studentov polovka su - židy*; *už davno ňe čul o ňym, i ňe zna, že na kterym plejzu robi* («Американский Русский Вестник»); *Uhl'e su z binu v železným vože ku koksovým pecom vožene*; *Okrem teho su pomocné*

⁶ Указанная флексия встречается в говорах северного Шариша, однако лишь в формах предл. пад. (Štolc 1994, 118).

⁷ Из рассматриваемых текстов фонологическая долгота практически не обозначается только в газете «Словенске Новины» и довольно слабо отражается в «Американском Русском Вестнике».

slovesa nasledujuce: Have, can (kän), will (vil), must (most), shall (šäl), ought (aut), do (du) mac, može, chce, muši, mac, povinný byc, čiñic, chtore Gem v *pritomnym* a v *polominulým* čase užívané; Néch idu prosto na predek, štaion najdu na *šestym* rochu («Американский переводчик»); Blízko Bystemice (?) v *Hornym* Uhorsku dostala še spoločnosť s medzvedzami do zvady a bitky s jedným potuľakom; polnočno od Číny na *samym* brehu Cichého Oceánu; „junák“ v *pravym* slova smyslu, padnul za obeť darebákovi ministerpredsedovi Stambulovi; V *ohromnym* sprievodu nachádzalo še vecej hudobnyeh (!) kapeloch v *poľskym* národnym kroju; Rehlings, ktorému žena v *malym* paklíčku tiež morfín dala, bol znovu svoju nemocu poscihnutý; a radosť táto rozšírila še dňa 3. t. m. po *celym* štátu; V Boise City, v *hlavnym* mesce štátu Idaho, boly všetky sklepy (štory) pozavirané; V Berlíne očakávajú talianskych officieroch, aby še soznámili s novoscami, ktoré sú zavedené v *nemeckym* vojsku; a tak všecke po spolu sme še pekne zabavjali pri *tým najlepším* poradku («Словак в Америке»); Následkom veľa vody múr, ktorý z nižnej strany zastavoval vodu, še rozťarhnul a hrúza vody v *neslýchanym* množstve a rýchloscu valila še dolu dolinu; Voz kráľovnej, v *kterym* kreme nej šedzela princezna Maria Valeria a hlavný kníže Franc Salvátor, zostal neporušeným; Pravdže podobné je, že zahynulo tam veľo i našich krajanoch, ponevác veľo z nich zamestkané boli v Cambria City, v *sušednym* to mesce Johnstownu... («Католицке Новины»).

Влияние восточнословацкого диалекта на словацкий литературный язык проявляется также в том, что хотя в целом в изученных текстах соблюдаются принципы соединения фонем литературного языка, однако регистрируются и их нарушения. Прежде всего, это относится к случаям появления гласных *á* и *é* в позиции после функционально мягкого согласного, что практически невозможно, за крайне редким исключением, в словацком литературном языке. В последнем указанные долгие гласные подвергаются дифтонгизации. Ср. примеры из словацко-американских публикаций: Příčinou samovrazdy boli *terajšie* podľa časi, nežnalí jak vyžic; Treba nam znač, drahé našo braca, že títo: *Ajrišé*, Němci, Čechy, Poľaky, z barz malou vynimkou, prišli do Ameriky («Американский Русский Вестник»); udávajú, že prevedli predbežné vymeriavanie železničnej dráhy pres Mongolsko a že čínska vláda má *žádosc* vystavic železnicu až na samé ruské hranice; muž, když še z Ameriky nazad prinavrácil, našel doma *cudzého* pangarta («Словак в Америке»); Sám Bowne bol nebezpečne popalený pri zachraňovaní svojej manželky a *najmladšieho* dzecka; *Požár* sposobený bol výbuchom petroolejovej lampy v spodnich *chyžách*, tak že plamene už značne boly rozšírené; Zťamadz pochádza, že pri rozpuknucu tejto tvardej šupiny, kôry lávy, roztopené kamene, rozžiarený gás a popel v nesmírnom množstve pohrobí alebo do povetria vyhadzuje *mescá*⁸ («Католицке Новины»). Примеры

⁸ В словацком литературном языке в конце основы данного слова находится твердый согласный (*mestá*).

обратного свойства, т. е. когда в тексте появляется дифтонг в позиции, в которой в литературном языке представлен собственно долгий гласный, крайне редки: *Zamenuje peniaze a posielal takovie bez meškania prosto do kraju* («Католицке Новины»).

С точки зрения характера взаимодействия восточнословацкого диалекта и словацкого литературного языка представляет интерес такое не кодифицированное сокращение долготы, которая в литературном языке обуславливает ритмическое сокращение. Фиксируемые в словацко-американских текстах примеры показывают, что их создатели не записывают место нахождения долгого гласного в конкретной словоформе, а руководствуются законами, действующими в литературном языке. В связи с этим пропуск долготы, обуславливающей ритмическое сокращение, приводит к тому, что оно, как правило, не реализуется. Появление же неверной долготы, напротив, приводит к ритмическому сокращению. Ср. примеры: *rytam jích aby laskávy* /лит. *laskavý*/ *buli mi ho na moju nižej udanu adresu zaslac* («Американский переводчик»); *S úctou Starý znamý* /лит. *známy*/; *ked ho našli bol mrtvý* /лит. *mrtvy*/; *Vidzice, moj lubý* /лит. *ľúby*/ *švagerku, už Slováci to znajú usporiadať všetko dobre* («Словак в Америке»); „*Chcel by ťi kúsok chleba, syn môj?*“ *pyta ťe chlapčeka, – „je čarný* /лит. *čierny*/, *ale dobrý*“; *Dokial' bol ešte chudobným, jako mu tu kus tvrdého čarného* /лит. *čierneho*/ *chleba chutnal po calodzennej práci* («Католицке Новины»).

Также весьма примечательны случаи, когда формант в словоформе восточнословацкого слова, аналогично соответствующим формантам в литературном языке, приобретает количественную характеристику, отсутствующую в восточнословацком диалекте, например: *Perší* (ср. лит. *prvú*) *Veľky Piknik usporiada „Kossuthova Banda“ v CLIFTON GROWE, v Passaic, N. J., dňa 19. júla 1890*; *Kumpfaldová hutorí* (ср. лит. *vraví*), *že dala dňa 3. aprila Blumbergovi \$ 50 s tým, aby jej kúpil prieplavný lístok (šif kartu) do Nemecka* («Словак в Америке»). Это явление свидетельствует о том, что диалектное слово, оказавшись в контексте рассматриваемого идиома, подчиняется его правилам, восходящим к литературному языку.

В процессе взаимодействия восточнословацкого диалекта со словацким литературным языком, по нашему мнению, в качестве первичного выступает литературный язык. Иными словами, рассматриваемый идиом возник в результате видоизменения последнего путем включения в него диалектных элементов. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что словацкий литературный язык в этом процессе выступает как монолит, тогда как восточнословацкий диалект – в виде некоторого множества говоров, имеющих отличия на разных языковых уровнях. В результате в языковой структуре изучаемого идиома оказываются фонетические элементы и грамматические формы, восходящие к разным говорам восточнословацкого диалекта. В этом плане от других рассматриваемых печатных изданий отличается язык «Американского Русского Вестника», имеющий

ряд особенностей, характерных для восточной группы говоров восточно-словацкого диалекта. При этом они могут быть окказиональными, употребляющимися редко, уступая в частотности другим диалектным формам, представленным во всех рассмотренных текстах. Аналогичное явление характеризует, например, уже рассмотренные формы род. пад. множественного числа существительных женского рода. Так, в «Американском Русском Вестнике» нами была обнаружена форма с распространенной в ужском говоре восточнословацкого диалекта флексией *-ov* (Štolc 1994, 107), хотя обычными в этой газете являются конкурирующие формы с нулевой флексией (либо флексией *-í*) или флексией *-och*. Ср. примеры: *Teraz že v jednej z tunajšych gazetov, čitalisme... — Vobecnymi cielamy čitalňoch, zvičajno su nasledovné...; Zatrímam členov od všelijakých mravných hubjácich zabavoch, od pijatiky; žeby ňe ľem zatrímam še nam od masných stráv, aľi i od pijatiky, – kriklivých zabav i od vsických takých, ktoré porušuju hodnosc Sv. V. Posta.*

Представленные в восточной группе говоров элементы в языке «Американского Русского Вестника», естественно, не обязательно являются лишь окказиональными. Так, например, в формах род. (аналогично и дат.) пад. единственного числа адъективалий мужского и среднего рода в нем преобладают флексии с гласным *-o-*, тогда как в других изученных текстах представлены лишь соответствующие формы с флексиями, содержащими гласный *-e-* и представленными в западных говорах восточнословацкого диалекта. Ср. примеры из «Американского Русского Вестника»: *Koruna rumunského kráľa je z bronzu; a keď o naroda zastalo bez žiadneho probysa, strach aj i podumac! — Zo sameho miesta strajku neprichádzajú žiadne novšie zpravy, ľem to, že strajkeri trimajú še svorne nepohnutelno aj d'alej.*

Конкуренция элементов, восходящих к разным говорам восточно-словацкого диалекта, характерна не только для «Американского Русского Вестника». Так, например, в словацко-американских публикациях были зафиксированы генетически различные рефлексы первоначальных слоговых, причем даже в одних и тех же корнях слов. Ср. примеры: *To su spravodľive remeňe zos živanskeho hribta* («Словенские Новины») – *S plačom lúčil som še potom s mojím perším majstrom a išol som s batôžkom na herbece, s palicu v ruke zkušovac švet* («Католицке Новины»); *Na Hamburgskom parníku „Rugia“ zažala še nedávno na šírom morí (!) bavolna* («Католицке Новины») – *Zprávy z Čardžija, v Turkestanu v Azii, oznamujú, že tam došla mnoho sto mechoch bavelny z Kelifu* («Словак в Америке»); *Teda dľa jeho tvrdenia „Kristus, Spasiteľ šveta“... učinil samovraždu* («Словенские Новины») – *Polnomocenstva a iné uradne ľistiny s konzulským potvardžením* («Американский переводчик») – *President Unii John Mitchel uverejnil dlhšiu proklamáciu, aby v nej podvrátil všetky tote tvardzenia, ktore kapitalisty rozhlasuju o strajkeroch* («Американский Русский Вестник»); *že každý jeden hce bic posilnením pokermom duhovným, abi obdarení bul miloscu Božu*

(«Словенске Новини») – požehnal ho a preto je chlieb požehnaným *pokartom* («Америцкий Словак»); Dvomi lupiči priblížili še k jednej nemeckej panej a v rýchlosti *vyterhli* jej z kešeni bugilár s nenežmi (!) («Словак в Америке») – Na krik ranenej pribehla Bordenová a žúrivca *odtarhla* («Словак в Америке»); a tak mame očakavac od ňeho ešte obširnejši dopis *pulni* smilstva, ošklivosci a ohizdnosci («Словенске Новини») – Fabrika Samuela Dowa, dňa 3. t. m. *úpelne* vyhorela («Словак в Америке») – Nedaleko Meyerstown, Pa. bol najdzený jeden *polný* mech nových šatoch, ktorý tam zlodzeje sebe ukrili («Словак в Америке»); V Clevelandze, O., Evgen Mecardi, byvajuci p. č. 17 na ulici Oregon posvaril še z matkou, rucil še na ňu i prerezal jej *harlo* («Американский Русский Вестник») – Garret rucil še za ňou, dohoňil ju na dvoru, schvacil ju za vlasi, ručil ňou na žem i prerezal jej *horlo* («Американский Русский Вестник»); je to jedna prepasc, jedna bezedná *hlubina*, pred ktoru každý človek cicho stojí («Католицке Новини») – ňevizdac dalej od nosa... ňespatruju tento *hľiboko* položení perfidni plan našeho milosciveho Gospodara («Католицке Новини»).

О примарности словацкого литературного языка по отношению к говорам восточнословацкого диалекта в процессе возникновения специфического словацко-американского идиома свидетельствует также его словарный состав. Поскольку в газетах публиковались статьи самого разного содержания от рекламных объявлений и информации о политической жизни как в Америке, так и в других частях света с особым акцентом на события в Австро-Венгрии, до статей аналитического характера, а в «Американском переводчике» – изложения правил грамматики, то перед авторами текстов возникла проблема терминологии и шире – лексики в целом. Не обладая временем для создания на базе восточнословацких говоров целых пластов словарного состава, отсутствующих в диалектной речи, они обращаются к лексике словацкого литературного языка (а авторы статей в «Американском Русском Вестнике» – также к русскому), заменяя главным образом лишь слова обиходного характера диалектными. Похожая проблема касалась и области орфографии. Некоторые издатели, например газеты «Американско-Словенске Новини» (*Amerikan-szko-Szlovenszke Novini*), обращаются к венгерской орфографии (*Tajták* 1970, 189), однако, как показывает изученная нами притча из народного календаря «Американский словак», изданного редакцией названной газеты, довольно быстро начинают переходить к орфографии словацкого литературного языка. Как правило же, авторы сразу используют словацкую орфографию, хотя и в разной степени последовательности; некоторые из них используют даже буквы *ä* и *ô*. Ср. примеры: *Pristav v BALTIMORE stoji pod kontrolu „Polnocno Nemeckeho Lloyd-“u a dôverňikoch koscelnych podporujucich spolkoch; Našo uhľe su mäke* («Американский переводчик»); *Kto ci to hvaril, že bývalý môj pán je tu?; Najstarší brat stretnul še so svätým Petrom* («Американский словак»); *Medzi ľudom nastal strašný zmätok; V Pleasenton, Neb. byly všicke domy vichricu zburené a 150 osôb je*

bez prístrešia («Словак в Америке»); Chýr ten rozniesol še po tej čiastke mesta, kdze z *vätša* bývajú chudobní, z práce rúk žijúci Slováci, veľmi chytro; Sladkosc anjelského pokarmu uderžovala v ňom sebazaprene a rozbúrila v ňom *vôľu* k boju oproci tomu všickému, со ponúka nám naša prirodzenosc («Католицке Новины»).

Итак, анализ языкового материала, по нашему убеждению, показывает, что язык так называемых восточнословацких публикаций в США является совокупностью литературных и восточнословацких элементов, причем словацкий литературный язык представлял собой базу этого идиома, которая была видоизменена путем приближения к восточнословацкому диалекту. Причиной этого было стремление сделать язык печатных текстов более понятным носителям этого диалекта, не владевшим нормами литературного языка.

Литература

- Báľent B.* Prvý pokus o spisovnú slovenčinu, Turčiansky sv. Martin 1944.
Czambel S. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov, Turčiansky sv. Martin 1906.
Čulen K. Slovenské časopisy v Amerike. Cleveland, Ohio 1970.
Király P. A kelet szlovák nyelvjárás nyomtatott emlékei, Budapest 1953.
Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny, Bratislava 1963.
Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Od začiatkov až po Ľudovíta Štúra. Bratislava 1971.
Štolc J. Slovenská dialektológia, Bratislava 1994.
Tajták L. K začiatkom Amerikánsko-Slovenských Novín. In: Začiatky českej a slovenskej emigrácie do USA, Bratislava 1970, s. 186-196.

Mijo Lončarić (Zagreb)

POMURSKE KAJKAVSKE PJESME IZ 1858.
ZAPISI ĐURE DEŽELIĆA

Godine 1974. objavljena je velika zbirka narodnih hrvatskih kajkavskih pjesama koje je sakupio Vinko Žganec *Pučke popijevke Hrvata iz okolice Velike Kaniže u Mađarskoj (VK)*, koju je za tisak priredio Zvonimir Bartolić. Kako sam skupljač kaže u izvještajima u *Ljetopisu JAZU* (pretiskano u VK. 5-12), pjesme je skupljao 1958., 1961. i 1962. godine. Žganec također navodi da je stotinu godina prije njega – 1858. godine – tamo pjesme skupljao Đuro Deželić. To je postalo šire poznatije 1950. godine, također Žgančevom zaslugom, koji je u svojoj antologijskoj zbirci *Hrvatske narodne pjesme kajkavske (HNPK)* objavio dvanaest od sedamnaest pjesama koje je tamo zapisao Deželić. Kako, dakle, gotovo ni nakon stoljeća i pol još uvijek nisu objavljene sve pjesme koje je zapisao Deželić u Pomurju i kako njegov rad nije dovoljno poznat, koji je i te kako važan kako za hrvatsku književnost, narodnu umjetnost, Hrvate u Mađarskoj općenito, ali i za hrvatski jezik, prikazat ću njegove zapise, prvenstveno s jezičnoga gledišta i donijeti neobjavljene pjesme¹.

Vrlo je vjerojatno i prije Deželića bilo zapisanih pjesama i među pomurskim Hrvatima, samo što se to izričito ne navodi. Kako pokazuje Ivan Zvonar u monografiji *Usmena narodna lirika na tlu Međimurja – motivsko-tematski raspon i jezični izraz*, bilo je zapisa narodne lirike iz Međimurja i prije nego što se to izrijekom kaže. Tako je moglo biti i s pjesmama iz Pomurja, što pretpostavlja i Zvonar, i to već u najstarijoj sačuvanoj zbirci kajkavskih pjesama s kraja 16. stoljeća (1593)². On kaže:

¹ Deželićeva zbirka čuva se u Etnološkom zavodu Hazu, pod signaturom M. H. (=Matica Hrvatska 186), a ima naslov *Hrvatske narodne pjesme puka štokavskoga i kajkavskoga, sakupio I. St. Mirković I-nin*. Zahvaljujem Zavodu i suradnicima na pomoći pri uvidu u rukopis i drugu pomoć. Ovdje bih se zbog toga što je Žgančeva antologija nedovoljno poznata osvrnuo na pseudonim kojim se Deželić poslužio u tom rukopisu. Donijet ću zapravo Žgančevo objašnjenje: "I. St. Mirković je pseudonim Đure Deželića. Mirko je ime njegova oca, zato se po njegovu imenu nazvao Mirković, a tomu je imenu dodao Ivančanin (I-nin) po rodnom mjestu Ivaniću, a St. su početna slova drugog njegova krsnog imena (Đuro Stjepan). Deželić je rođen 15. III. 1838. u Ivaniću, a umro je 28. X. 1907." (HNPK 497)

² Ona se naziva *Mariborska, Mariborskoprekomurska i Prekomurska pjesmarica*. Pjesmarica je nastala prepisivanjem pjesama, rukopisnih pjesmarica, koje su nastale i zapisane i mnogo ranije, jer se u jednoj pjesmi navodi godina 1534.:

*To pesen spravił, leipo je zvršil
Andreas Šajtič vu dobroj voli,
po Kristuševom na sveit rodenjei
jezero pet stou trideset v šrtom.*

"Svaka pažljivija jezična analiza pjesama *Prekomurske pjesmarice I* može dokazati da su one zaista najvećim dijelom pisane jezikom koji je identičan s dvama međimurskim govorima, i to s govorom srednjeg Međimurja i prekomurskih Hrvata iz okolice Velike Kaniže (jedan ogranak međimurskoga stanovništva) – prepoznatljivim po izgovoru "l" i tamo gdje mu po etimologiji nije mjesto (u našem primjeru "vu dobroj v o l i"), i s govorom stanovnika gornjeg Međimurja, neposredno uz granicu prema Sloveniji (primjeri "leipo", "sveit"), kakvim je Stanko Vraz mnogo kasnije zapisao prve međimurske usmene narodne pjesme." (Zvonar 20). Budući da se ne navodi gdje su zapisane rijetke narodne pjesme, odnosno njihovi elementi, u toj zbirci, to bi moglo biti i Pomurje, hrvatsko Prekomurje, bez obzira na to što Zvonarevi jezični argumenti nisu dovoljni za dokazivanje porijekla.

Deželić je kajkavske pjesme numerirao od 1 (počevši na 137. strani), a prije njih ima 150 štokavskih pjesama. Žganec provodi novu numeraciju, tako da nastavlja na 150 štokavskih pjesama, tako da po njegovoj numeraciji prva kajkavska pjesma nosi broj 151 (a po Deželiću 1). Kako su *Pjesme mađarskih Hrvatah* na prvom mjestu, osim dviju), one imaju po Deželiću brojeve 1-17. Dvije pjesme dolaze kasnije, zajedno s još dvije, Deželićevi brojevi 186-187, pod naslovom *Pjesme iz Međumurja*. Prva je (186) *Odlaha srdcu*, kod koje u napomeni Deželić navodi: "(...) a pjesmu ovu i sljedeću pjevao mi je jedan Fityehazanin". Druga je (187) *Fityehaz, dobro moje*, koju je Žganec uvrstio u HNPK, pod naslovom *Fićehaz*. Vjerojatno ih je Deželić zapisao negdje u Međimurju, ali ih je pjevao čovjek iz Pomurja, pa to zapisivač posebno naglašava. Na žalost, nije zapisao kod drugih pjesama gdje su zapisane. Najprije donosim popis pjesama kako ih je rasporedio Deželić, s naslovima koje im je on dao i s prvim stihom pjesme i njegovim rednim brojem. Pjesme donosim u transliteraciji, što se u prvom redu odnosi na njegovo pisanje *đ* sa *gi*, na što se on osvrće i u *Predgovoru*, koji donosim kasnije. (Prenosim i *-h* u nastavku genitiva množine, npr. *Hrvatah*, jer ne znamo sigurno kako je on to izgovarao.)

Pjesme mađarskih Hrvatah

1. Vumirajući junak

Svetel jögenj gori vou te crne gore

2. Teško mladoj bez mladoženje

Ženi se Ivo sinek

Citat je preuzet iz Olge Šojat 1977, koja drukčije čita zapise te preposljednje kitice didaktične pjesme *Cantio de matrimonio*, koju navode ranije također Franjo Fancev i Mihovil Kombol, koji donose ime zapisivača kao *Andreaš Zajčić*. Na temelju toga Zvonar ističe: "Prvi potpisani hrvatski kajkavski pjesnik nije, dakle, Zajčić, nego Šajtić." (Zvonar 1980 : 20)

3. *Soldačija težki kruh*
Ki nezna junačtvo, / naj proba soldačtvo
4. *Ljuba dragomu rubače šila*
Srevodi me, Đuro, do mojega dvora
5. *Kći se daleko vudala*
Ej, lehku noć – lehku noć, al' ne svaku noć
6. *Junak išel k dragoj*
Majka ma ljubljena, bi vam povedal
7. *Junak zešpotan*
Oj kupine, trnine, sve su pole pokrile
8. *Dragi ljubu materi ostavil*
Kitica zelena, rožica rumena
9. *Junak sehne od ljubavi*
Majka ma ljubljena, ja bi vam povedal
10. *Ljubav je za mlade ljude*
Kaj ti mene, draga, gledaš?
11. *Ljubav se ne prodaje*
Moj Đurina krćmu toći
12. *Gde je ljubav, onde je i sunce*
Sunćece ljubljeno, shađaj v jutro rano
13. *Svako stvorenje Boga hvali*
Bože moj ljubljen, zakaj si me stvoril?
14. *Soldat na fr laku*
Majko ma ljubljena, zdaleka sem došel
15. *Ljudi vu dalini*
Ej noćka, temna si mi, i ljuba, dalko si mi
16. *Magdica prosi za stareše*
Magdica zmeće svétli raj
17. *Ni soldata čez Horvata*
Oj Dubica, novi varoš

186. *Odlaha srdcu*
Kaj se vende beli vu tem Paleheđu?
187. *Fićehaz, dobro moje*
Fićehaz, Fićehaz, narođenje moje

Žganec je u svoju antologiju *Hrvatske narodne pjesme kajkavske* uzeo 12 pjesama, dok cijela zbirka ima 19 pjesama (17+2) (broj se odnosi na Žgančevu antologiju): 23. *Fićehaz* (D II, 357), 97. *Potopljeni mladoženja* (D II, 152) 117. *Ljuba ljubomu rubače šila* (D II, 170; MH VII, 48), 126. *Daleko se udala* (D II, 155); 148. *Majka i sinek* (D II, 153); 149. *Vojnik na dopustu* (D II, 164); 165. *Dragi ljubu materi ostavlja* (D II, 158); 172. *Vumirajući junak* (D II, 151);

185. *Ljuba se rasrdila* (D II, 356); 187. *Junak vene od ljubavi* (D II, 159); 188. *Junakj ide k ljubi* (D II, 156); 189. *Udaljena ljuba* (D II, 165).

Tri pjesme koje nije preuzeo kasnije je sam zapisao, u varijantama koje se malo razlikuju od Deželicevih varijanti. To su Deželiceve pjesme broj 7, 12 i 13.

Pjesma koja u VK nosi broj 47, bez naslova je (ni Žganec ni priređivač nije stavljao naslove). Žganec ju je zapisao u Somartonu, a pjevala ju je pjevačica rođena 1902. godine. Kako ima razlika, ovdje ćemo donijeti Deželicevu varijantu. Druga je Deželiceva pjesma br. 12. Žganec je u Keresturu zapisao samo četiri stiha te pjesme. Od Deželiceve pjesme br. 13 Žganec je zapisao u Somartonu četiri stiha. To je kod Deželića dulja pjesma, ali vjerojatno porijeklom iz pisanih pjesmarica, pa je sigurno zato Žganec nije preuzeo.

Navedene pjesme koje Žganec nije donio niti kao Deželiceve zapise u HNPK, a niti ih je on kasnije sam zapisao, barem ne u obliku kao kod Deželića, donosim ovdje, kako bi ipak nakon stoljeća i pol od zapisa ipak bile sve objavljene. Već je Žganec naglasio potrebu objavljivanja Deželiceve zbirke u cjelini, kako zbog književne i jezične vrijednosti, tako i zbog književnopovijesne važnosti.

Veoma je zanimljivo i važno da je Deželić uočavao i fonetsko-fonološke posebnosti kajkavskih govora. U *Predgovoru* je naveo kako ih je zapisivao s obzirom na nekoliko karakterističnih osobina kajkavskih govora. Uz neke pjesme donosi i druga zapažanja o jeziku, pa tako i o pomurskim pjesmama. Iako je Žganec u HNPK citirao taj dio Predgovora, prenijet ću ga i ja ovdje jer danas je to rijetko dostupno.

Deželić kaže:

"Kajkavske pjesme zaslužuju osobitu važnost i smotrenje; jer osim što imamo štokavskih već izobila, a na kajkavskih skoro oskudicu trpimo, vriede one najviše s jezikoslovja i to zato, da se vidi svjedočanstvo kako iz ustih samoga naroda, koliko oni, koji o Kajkavcih i proti Kajkavcem govore i pišu, a poznađu ih samo po golom imenu, – imadu pravo, kad nas Kajkavce pokranjčiti htjedoše. Mi braću Kranjco-štirce od srđca ljubimo i njihove ućenjake štujemo (... ..) ovakova trpka nepraktičnost i samoživost prieči nas k svetom cilju našem - - - k slogi.

U pisanju kajkavskih pjesamah postupah ovako:

1. Pisah svuda mehko *ć*; jer Kajkavac nepozna tvdoga, o tom se je osvjedočio svatko zdravih ušiuh, koj je na to pazio. N.p. *ćlovek, oća, ćaća, maćaha*. Zašto njeke hoće, da prodru s tvrdo *č* u pisanju kajkavštine – neznam.

2. Slove *e*, kad je Štokavcu *ie, je*, pisah potezom na način mađarskoga ovoga sloveca. Tko zna mađarski, znat će, da sam imao pravo, kad sam tako bilježio, jer ga Kajkavac neizgovara ni kao *e* ni kao *i* a ni kao *ie*. Tko zna dakle izreći mađ. *kézi* znat će izgovoriti i kajkavski *déte*. To valja i u dativu ženskoga sklanjanja, gdje sam najvećom opreznosti vrebao: govore – li *i* ili *e*. U doljnjem

Zagorju i u gorah kod Zagreba čuje se čisto: *rieč, diete* itd. ovdje uvijek, ondje redko.

3. *E* pred r-om, gdje se je čulo i pisano je, a gdje ne, ondje sam ga izpušćao. Njeki me nagovarahu, da ga izpuštam, jer da ga je i g. Valjavec u naših pripovjedkah i pjesmah izpuštao, ali ja mislim, kako si narod gdje govori, neka mu bude, jedino moram primietiti, da se i u istom doljnjem Zagorju čuje: *prst, krst, krv*, ali običnije: *perst, kerst, kerv*.

4. Svatko od našinacah zna da je ono, što se je do nedavno govorilo, da svako kajkavsko selo ima osebno narječje, – da je priesna laž, van ako se razrječje sastoji u naglasku, jer naglasak najviše luči izgovor jednoga okoliša od drugoga, a ja ga nigdje nemetah, jer mi se nečini prevažan, a ni izgovaranje *a, o, u-a* nemogoh svudaj posve onako pisati kako se u kojem selu govori. Budu dovljno onim, koji ipak to znati žele, ova dva primjera: kod Prigoracah, Zagoracah i većom stranom kod magjarskih Hrvatah: *a* se izgovara kao kratko *ao* – a *o* kao *ö* n.p. *blastö*; *u* izgovara se kao *ou* n.p. *mouva*; dapače ima selah gdje se izgovara kao *ü* n.p. *idäm kaom ge* (god) *höcu, da* (kad) *mouža neemam*. Nu gdje i kada izgovaraju, to se neda pravilom ustanoviti, zato kad sam slušao, naprezao sam jako sluh, da ovaj smjesni i smiešni izgovor napišem onako kako gdje vele, nu to mi na mnogom mjestu nije pošlo za rukom po volji pa sam nuz ono – jer poslje mienjati nisam se usudio, naše čiste glasove mećao.

5. Što sam kao štokavštini tako i u kajkavštini *dj* pisao samo za znak *dj*, a nikad u znamenovanju od *đ* (Deželić piše *gy*), to će mi svatko zdrava uma i razuma dopustiti, jer da se *dj* u jednom slučaju čita kao *dj*, a u drugom kao *đ*; najveća je nedosljednost, n.p. *djevojka* pak *tvrđa* gen. *tvrđe* ... Ja se poslužih zasada s *gj*, dok iznadete kakvo posebno slovo i za ov glas, kao što *ć* imamo za *tj*, zašto i dan danas njeki čitaju *brat-ja* poput *tielo, tježiti*. – A iznaći bi se moralo pismo, jer je među ova dva *đ*-a upravo onakova razlika u izgovoru kao u oba ova *ć-ć*-a.

A da tko u pjesmah ne bi što urazumjeo, ovdje ondje protumaćih. – Toliko o liku spoljašnjem.

O sakupljanju samom moram iskreno izpovjediti, da ako je tko šta iz šale i zabave radio, da sam ja ove pjesme k`upio, a da mi ne biaše zadaća k`upit ih, može jemstvo dat njihov malen broj (...). – Kao što sam štokavske sam slušao i opisao, tako sam i kajkavske većinom sam, ali nebi ih bio ovalik broj, da me nepomagaše njeki književni priatelji i vrli domorodci (...).

Kajkavština je zastupana skoro iz svakoga kuta naše domovine." (...)

Najprije donosim tri pjesme čije je dijelove kasnije zapisao Žganec. Naslovi su pjesama onakvi kakve im je dao Deželić, a ispred naslova donosi se također njegov redni broj pjesme (u zagradi).

(7.) *Junak zešpotan*

*Oj kupine, trnine sve su pole pokrile,
Samo jednu stezu ne, kud mi šeće junak mlad.*

*Njega pita trnina: "Kam se šećeš junak mlad?"
"Ja se šećem k dévojki, de dévojka sama spi,
De devojka sama spi, bélo lica ka ne skriv^a."*

*Zestal je je dévojku na stezice junak mlad:
"Oj dévojko dušo má, poved' meni (g)de ti spiš."*

*"Aj ti cucek, kurvin tat, al' ti si lebud tko,
Kaj ti hoćeš znati to, ne povem ti nigdar to."*

Likovi *kupine, trnine* napisani su u rukopisu najprije kao *kupinje, trninje*, a onda je *j* precrtano. Vjerojatno je zapisao *kupine, trnine*, kasnije ih je htio "popraviti", misleći da treba biti *kupinje, trninje*, ali ili je odlučio dati onako kako je zapisao ili je shvatio da može biti i *kupine, trnine*, tj. N mn. od *kupina, trnina*, a ne samo zbrine imenice *kupinje, trninj*

U bilješci Deželić navodi: *de = gdje*, a uz *neskriv* dodaje: "*ne skriva, ovdje ono "a" sasvim progutne*".

(12.) *Gd' je ljubav, onde je i sunce*

*Sunćece ljubljeno, shađaj v jutro rano,
Kaj me zeblo ne bou, da vu polje pojdem.
Konje budem tiral, sviralu bum igrat,*

*Ja si tiho sedim, konji mi se pasu.
Dole pod borovjem, vu rosene trave,
v zelene otave, v črlene detelje.*

*Ej sunćece drago, shađaj v jutro rano,
Da me zeblo ne bou, kaj bum vre sam s konji.
Da mi je il bratec ili moja čéća,
lepo bi se igrat, onda bi se vkuril.*

*Ej da mi je moja mila draga ljuba,
Ona bi svétila, ona bi me gréla.
Aj ljuba ljubljena, gda konjar ne boudem,
Poleg tebe nigdar mene zeblo ne bou.*

U bilješci kaže: *vre = več, jurve, vre, i kranjsko že.*
ćeća = sestra u famil.

(13.) Svako stvorenje Boga hvali

*Bože moj ljubljani, zakaj si me stvoril?
Ja s'm tv^e stvorjenje, podrži mi življenje.*

*Stvoril jesi v' vodé malu ribičicu,
Jesi stvoril v šume gizdavu vtičicu,
Jesi stvori v zemlje svakakve črveke.*

*Sve to tebe hvali, diku ti vuznaša,
Koji kak te pozna, onak te i hvali.
Svakomu si nekak dopustil te dičit,
Dej ga, bože, mene da te morem dičit.*

*Svako te stvorjenje hvalit, dičit mora
Zakaj si baš mené, to na volju predal.*

Napomena: Riječ *s'm* naknadno je napisana iznad precrtanoga *sem*.

Slijede četiri pjesme čije slične varijante Žganec nema, također s Deželićevim naslovom (i rednim brojem) pjesme.

(10.) Ljubav je za mlade ljude

*"Kaj ti mene, draga, gledaš?
Kaj se srdce m^e žalostiš?"*

*"Kak te ne bi ja gledala,
Kad te rada jes' imala.
Kak da budem bolj vesela,
Kad ti mene ljubiti ne hoć?"*

*"Ja sem tebe, draga ljubil,
Ljubil jesem, sed'm let,
Dok si bila lépa déva,
Roža lépa, lépi cvét.
Ve si stara i rubava,*

*Ve si budi ga muževa,
Ve je prešlo nam leto dan,
Kak je naša ljubav van."*

U bilješci se navodi *jes' od jes'm = jesam*

(11.) Ljubav se ne prodaje

*Moj Đurina krćmu toći,
od pol noći, do pol noći.*

*Došel je je mladi gospon:
"Dej Đurina, mecelj vina.*

*Popil gospon mecelj vina,
Platil gospon po gospodski
I onda je pozval Đuru,
Prišepnul mu tihu réćku:*

*"Imaš Đuro j`enu ljubü,
Dam ti za njou sto talérov."*

*Đuro poslal svoju ljubü,
Ar su lépi sto talerov.*

*"Idi, ljubao, vearna budi,
Pak mi taki dimo dojdi,
Ar se déte jako plaće,
Ar se sinek jako touži."*

*Naj se plaće kak se hoće,
Naj se tuži kak se hoće,
Niti sem ga ja rodila,
Nit ga budem pestovala.*

*Ki me kupil, on me dobil,
Ki me prodal, on me zgubil.*

*Nésu ljube za prodavu,
Neg su ljube za ljubavu."*

Deželićeve napomene: *mecelj = polić = oko; tako = odmah;
ar = jer = grćkomu ya`r.*

(16.) Magdica prosi za stareše

*Magdica zmeće svétli raj,
Za njoj se šeće Marija.*

*"Kaj ti pak fali, Magdica,
Kaj si tak jako turobna?"*

*Kak si da ne bom turobna,
Se duše idu v svétli raj,
Samo si nejde otček moj".*

*Magdica zmeće svétli raj,
Za noj se šeće Marija.*

*"Kaj ti pak fali, Magdica,
Kaj si tak jako turobna??"*

*Kak si da ne bom turobna,
Se duše idu v svétli raj,
Samo si nejde majka ma."*

*"Mući si, mući, Magdica,
Oće si dojtí majka tva,
Oće si dojtí otček tvoj,
Oće si dojtí ljubi tvoj."*

(17.) Ni soldata čez Hrvata

*Oj Dubica, novi varoš,
Tebe Turćini obkoluje,
Al ti nikaj ne vćinuje,
Kajti v tebe Hrvat stoji,
Mrcine se on ne boji.*

*Oj djevojka, golubica,
Da ti jesi vu taboru,
Ti bi vidla tam Hrvata.
Pušku drži na ramence,
Britku sablju k bedru paše.
Suprot njemu cesar jaše:*

*Vudrite se crljenaci,
Vudrite ga vi Horvati*,
Bote vidli tu mrcinu,
Če jo neste obladali;
Pak se nazaj povrnite,
Svi vu zdravju i veselju.*

*Najvekša je turska muka
Kad ga naša stigne ruka.
Ne husara čez Mađara,
Ni soldata čez Hrvata.
Ar Turčinu težka muka
Gde ga stigne naša rouka."*

*U originalnom zapisu bilo je napisano *Horvat(a)*, dakle s *o*, ali je naknadno to *o* precrtano, tako da ostaje *Hrvat*, osim u tom jednom primjeru, što će biti propust u ispravljanju. Moguće je da je Deželić čuo dvije varijante pjesme, jednu s *Horvat*, drugu s *Hrvat*, pa se kasnije odlučio za hrvatski lik etnika. Možda se odlučio za taj lik, iako je čuo samo mađarski lik *Horvat*.

Najprje bih se osvrnuo na Deželićevo bilježenje srednje kajkavske bezvučne afrikate, koju tradicionalno u hrvatskoj dijalektologiji bilježimo "trorigim" *č* (po međunarodnoj fonetskoj transkripciji se sa *č'*). Štokavci koji imaju par afrikata – "mekano" *ć* i "tvrdo" *č* poistovjećuju kajkavsku srednju afrikatu (ali ne samo kajkavsko jer ga nalazimo i kod štokavaca i čakavaca) sa svojom "tvrdom", stridentnom. To je vjeroajtno zato jer je opreka između *ć* i *č* u stridentnosti, "oštrini", kako je to distiktivno akustičko obilježje nazvano u fonologiji (a moglo se ostati pri staroj terminologiji i govoriti o "tvrdoci" ili "mekoci"), a srednje je *č* stridentno prema *ć*, iako nije takod "tvrdo" kao štokavsko *č*. Neki čakavci koji na mjestu *ć* nemaju afrikatu nego meko *t'* (kao i mađarski jezik), na mjestu *č* također izgovaraju srednje *č*, a ono je stridentno.

Na točku 5., o pisanju *gy* za *đ*, ne treba se osvratati jer je to u međuvremenu riješeno. Međutim za odnos *đ* - *dž* vrijedi isto što i za odnos *ć* - *č*.

Zbog veoma specifičnoga fonološkoga, upravo prozodijsko-vokalskoga razvoja u međimurskim i pomurskim govorima, dugo nisu bile jasne naglasne i samoglasničke osobine. Njihov je sustav utvrđen nakon objavljivanja prve – 1950., a prije objavljivanja druge Žgančeve zbirke – 1974. godine. Sustav, dakle, nije uspio otkriti ni najveći hrvatski dijalektolog Stjepan Ivšić pri istraživanju za svoj fundamentalni rad o kajkavskoj akcentuaciji *Jezič Hrvata kajkavaca* iz 1936. godine. Ivšić je mislio da u Međimurju još postoji opreka po kvantiteti, jer su se njezini rezultati čuvali u vokalizmu. Glavnu prozodijsku

osobitost toga kajkavskoga dijalekta – ukidanje svih prozodijskih obilježja, osim mjesta naglaska, a prefonologizaciju kvantitete samoglasnika u kvalitetu – otkrio je 1957. Pavle Ivić, a kasnije smo potvrdili ja i Blažeka i utvrdili prostiranje. Međutim, to nije bilo poznato priređivaču druge zbirke Bartoliću, kao ni Zvonaru pri pisanju o jeziku međimurskih pjesama u radu objavljenom 1980.

O tome je pisano u više navrata, a ja sam u svojoj klasifikaciji kajkavskih govora i dijalekata, odnosno grananju kajkavštine na dijalekte, izdvojio te govore zbog specifičnih akcentuacijsko-prozodijskih osobina u poseban kajkavski dijalekt – međimurski (Lončarić 1982). Ovdje donosim najkraće osnovna obilježja međimurske akcentuacije i vokalizma. Kao što sam naprijed naveo u međumurskom dijalektu, koji osim Međimurja obuhvaća i hrvatske govore u Pomurju, ukinute su sve prozodijske opreke osim mjesta naglaska, kao u istočnoslavenskim jezicima. Naravno, u međimurskom dijalektu to je mlađa pojava, pa je u vokalizmu sačuvan trag starije opreke po kvantiteti (dugo ~ kratko), odnosno opreka po duljini prefonologizirana je u kvalitetu vokala. To znači da stariji osnovni dugi međimurski samoglasnici imaju jedne, a osnovni kratki samoglasnici druge kontinuate, osim kod samoglasnika *i*, *u*, kod kojih su se izjednačili stariji, osnovni međimurski dugi i kratki *i*, *u*. Na taj način dobiveno je u naglašenom slogu deset vokala, čija fonetika, ostvaraj varira u različitim dijelovima Međimurja i Pomurju³. U Pomurju treba poći, kao i u istočnom Međimurju, od šestočlanoga osnovnog vokalizma: *i*, *Y*, *e*, *a*, *o*, *u*, gdje je zatvoreno *e* od jata i poluglasa, otvoreno *e* od staroga *e* i prednjega nazala (*e* – *e*ⁿ), a *o* je od staroga *o*, stražnjega nazala (*o*ⁿ/*R*) i slogotvornoga *q*⁴. U nenaglašenom slogu, opet, došlo je do smanjenja broja jedinica, tj. tamo imamo samo četiri samoglasnika: izjednačili su se zatvoreno i otvoreno *e*, te *o* i *u*⁵.

Ovdje donosim najčešći vokalizam iz Pomurja, s naznakom razvoja od osnovnoga međimurskoga vokalizma⁶:

³ U krajnjim zapadnom Zagorju utvrdio sam govore, npr. u govoru Plemenščine, da su stariji dugi i kratki *i*, *u* dali također različite nove jedinice, samoglasnike, tj. dugi su dali dvoglase, a kratki monoftonge, tako da je tamo doiven naglašeni vokalizam od 12 jedinica.

⁴ Negdje zapadno od Čakovca *q* (staro slogotvorno *l*, koje se inače bilježi s kružićem ispod, a ovdje ovako iz tehničkih razloga) nije se izjednačilo, s ostala dva samoglasnika, ili samo djelomično, nego s *u*. Na zapadu Međimurja nisu izjednačeni ni jat i poluglas, tj. tamo se jat jednači s otvorenim *e*.

⁵ Zanimljivo je da sličan vokalizam, što je utvrdio već Ivšić, nalazimo u dvama kajkavskim selima kod Šoprona, na jugu Nežiderskoga jezika. Tamo još nije u potpunosti ukinuta opreka po kvantiteti, iako se u većini riječi naglašeni slog može realizirati i dugo i kratko, bez obzira na porijeklo. Taj vokalizam mogao bi predstavljati prethodnu fazu međimurskoga vokalizma, prije potpunoga ukidanja opreke po kvantiteti.

⁶ Znak \checkmark iznad slova za samoglasnik znači stariji kratki vokal, crtica (znak -) iznad slova znači stariji dugi vokal; točka ispod slova za samoglasnik znači zatvoreni izgovor, a zarez ispod slova za samoglasnik otvoreniji samoglasnik.

– naglašeni vokalizam

$\bar{i}, \tilde{i} > i$	$u < \text{—}, \bar{u}$
$l > Y$	$R < \%$
$l > ie$	$uo < \bar{o}$
$\check{s} > e$	$o < \bar{a}$
$TM > \varepsilon$	$a/Y < \check{a}$

– nenaglašeni vokalizam

$\iota / i, /y$	$u / u, / R$
e / ε	a

Prema samoglasniku *i* u naglašenom slogu u nenaglašenom stoji otvoreniji i centralniji glas – *ι* (bilježi se također kao *y*), koji ide u smjeru šva (ä), ali ostaje glas tipa *i*. Deželić ga negdje bilježi sa *ö*. Možda je negdje, u kojem selu (bijo) još centralniji, pravi šva (ä). Prema četiri samoglasnika tipa *e* u naglašenom slogu, u nenaglašenom stoji jedno *e*, koje može biti i otvorenije. Prema *u* i dvama smoglasnicima tipa *o* u naglašenom slogu, u nenaglašenom stoji glas koji je centralnije ili otvoreno *u* ili zatvoreno *o*. Prema otvorenom *o* (od starijega dugoga *a*) i *a* u naglašenom slogu, stoji u nenaglašenom slogu *a*.

Odmah treba naglasiti da u pojedinim riječima umjesto refleksa starijega dugoga samoglasnika nalazimo refleks za kratak osnovni samoglasnik i obratno. To je različito i od mjesta do mjesta.

U pojedinim dijelovima Međimurju imamo i drukčija jednačenja, upravo u nenaglašenom vokalizmu, pa se može govoriti o tri poddijalekta, ali se ovdje neću na tome zadržavati. Govori u mađarskom Pomurju pripadaju "donjem", istočnom poddijalektu.

Fonetski ostvaraji, tj. izgovor, u osnovi fonološki jednakoga vokalizma (tj. deset samoglasničkih jedinica u naglašenom sljogu i četiriju u nenaglašenom slogu) različit je u pojedinim dijelovima međimurskoga dijalekta, pa i između pojedinih govora istoga poddijalekta. Ima razulika i između govora u Pomurju.

Specifičan je razvoj u Serdahelu, gdje je osnovno kratko *a* zatvoreno (nije prešlo u *o* kao dugo), što će biti mađarski utjecaj. Naravno, postavlja se

pitanje zašto nije tako bilo i u drugim mjestima⁷. Mlađi naraštaj izgovara danas tako i u drugim mjestima

Donosim sada još neke napomene uz pojedine pjesme, koje se sada mogu bolje razumijeti.

Bilješka na str. 142. uz pjesmu br. 6. *Junak išel k dragoj*: "Hrvati u Zal- i Somođvarmediji, prosti s kojima se razgovarah, ne govore nikad u ovakovu slučaju čisto "i", "e" ni "o", nego njeku smjesu, koju ja inače nisam znao zabilježiti, tako n. p. baš ovu rieč izrekoše, pa tako ili pjevaju ili govore uvijek zadnje pisane progutnu, zato ću ga pisti kako sam ga gdje zabilježio, čuo (?) da bi samo: *učinil^u, govóril^u*, a često mi se činilo kao: *govorilj, učinilj*.

Kako se iz gore navedena stiha vidi, ovi Hrvati negovore prema nikom u trećoj osobi, nego u drugoj, samo pozivajuć i ponukajuć ove dvie rieči *čuju!* *vidiju!* kažu u 3., ovako n.p. *čuju! jest-li bilj u* a ne "v" *Bojči*. Ovako sam si zabilježio odmah ondje."

U pjesmi br. 6 piše: *ostavitö, itö, bitö, karatö, vučitö* za *ostaviti, iti, biti, karati, vučiti*, ali je kod većine riječi, osim kod *bitö, karatö*, najprije zapisao *e*, a onda ispravio na *ö*. U drugim riječima piše *i* i u nenaglašenom položaju, npr. *bi, si, pripovetku*. Znači da je centraliziran glas na mjestu *i* dobro uočio u finalnom položaju i iza bezvučnoga okluziva. (I ja sam kod jedne rođene Varaždinke prvi put registrirao taj glas u tom položaju, prije nego što sam istraživao govore s tim glasom.)

U pjesmi br. 11 zapisano je *touži, njou* uz *sto, dojdi*, dakle jedanput za dugo *o* zapisan je, sigurno i otpjevan (ili izgovoren?) dvoglasnik, a drugi put monoftong. I danas u u pomurskim govorima dolazi i jedno i drugo za dugo *o*, ali u jednom govoru redovno jedno ili drugo. Nedosljednost u toj pjesmi može biti pjevačeva (kazivačeva), mogla su biti dva-tri pjevača, to može biti zbog melodije ili načina pjevanja. Slično je i u pjesmi 12, gdje uz *bou, boudem* dolazi *bum*, ali ovdje to nije nedosljednost nego različito porijeklo, tj. u oblicima s dvoglasnikom riječ je o naglašenom i dugom slogu, a u obliku *s u* riječ je o nenaglašenom slogu.

U istoj pjesmi zapisano je *ljubao*, znakom za dugosilazni naglasak iznad *ao*, s lukom koji obuhvaća oba slova. U svojoj točki 4. Deželić kaže da se tako izgovora *a* u kajkavskim govorima, međutim u Pomurju je, barem danas, na mjestu starijega dugog *a* obično otvoreno *o*.

Budući da je većina pjesama koje je Deželić zapisao u Pomurju objavljena već prije, objavljivanje nekoliko dosad neobjavljenih pjesama neće imati

⁷ To je zabilježeno i u jednom drugom kajkavskom govoru u Zagorju, u Začretju (a možda će se baći i drugdje), gdje je to samostalan razvoj i ne može biti utjecaj drugoga jezika, dok to u Serdahelu može biti utjecaj mađarskoga jezika.

većega značenja za proučavanje međimursko-pomurskoga ni kajkavskoga, dakle ni hrvatskoga usmenog pjesništva u cjelini. Međutim, drukčije je s razmatranjem jezika njegovih zapisa.

Što nam s dijalektološkoga gledišta govore Deželićevi zapisi pjesama i njegovi komentari jezika pjesama i njegovih zapisa? Na njihovoj osnovi možemo donositi vrlo zanimljive i važne zaključke o govoru Hrvata Pomuraca u Mađarskoj, pa tako i o čitavom međimurskom dijalektu. Može se zaključiti da su neke specifične osobine vokalizma, koje su vrlo specifične za međimurski dijalekt i gotovo ih ne susrećemo nigdje drugdje, bar ne u istoj funkciji, stare, da su postojale već polovicom 19. stoljeća. S obzirom na odnos prozodije i vokalizma, ne može se sa sigurnošću zaključiti da je tada već posve uinuta opreka po kvantiteti. Kao što je navedeno, još u prvoj polovici 20. stoljeća Ivšić uzima da ona postoji kao fonološki relevantna, ali kako što su pokazala kasnija istraživanja, on je u tome pogriješio. U njegovo vrijeme opreka dugo – kratko sigurno više nema fonološku funkciju u međimurskom dijalektu. Za polovicu 19. stoljeća u to ne možemo biti sigurni.

Ovdje se može povući određena paralela s kajkavskim govorom Umoka (i Homoka) i Vedešina (i Hedešin) (mađ. Fertőhomok, Hidegség), na jugu Nežiderskoga jezera, istočno od Koljnofa i Šoprona, o čemu sam već pisao u svojem prilogu o porijeklu navedenih govora u zborniku o tim mjestima. ?? Već je Ivšić upozoravao na sličnosti u vokalizmu između govora tih dvaju sela i međimurskih govora⁸. Napisao sam da je stanje prozodije i vokalizma u tim govorima, posebno u Vedešinu, kao prethodna, najzadnja faza međimursko-pomurskih govora prije potpunoga ukidanja fonološke relevantnosti kvantitete. Houtzagers je dokazao da je u tim govorima kvantiteta još uvijek fonološki relevantna, našao je čak četiri minimalna para riječi || oblika, koji se oponiraju samo po kvantiteti naglašenoga samoglasnika (sloga). Međutim, u velikoj većini riječi i njihovih oblika naglašeni slog može se izgovoriti i dugo i kratko, tj. osnovni kratki samoglasnik i dugo, a osnovni dugi samoglasnik i kratko, što je mene navelo pri prvom kratkom istraživanju na zaključak da je stanje kao u međimurskom dijalektu, tj. da kvantiteta više nije fonološka. U navedenom prilogu upozorio sam i na mogućnost da je znatan dio stanovništva tih dvaju mjesta došao iz Međimurja, i to vjerojatno nakon zrinsko-frankopanske bune, dakle krajem 17. st., kada je Međimurje bilo opustošeno.

To bi značilo da je proces ukidanja fonološke kvantitete u međimursko-pomurskim govorima počeo krajem 17. st., dakle relativno rano, a što je i logično s obzirom na današnje stanje, što je u Međimurju i Pomurju proces došao do kraja, a u Umoku i Vedešinu nije, kao ni u nekim najzapadnijim zagorskim govorima, gornjosutlanskom dijalektu (u pregradskom kraju). U nekim

⁸Kao što sam na to upozorio i u svojem prilogu u navedenom zborniku, autor najopsežnijega djela o tim govorima, koji ih je najdetaljnije istražio, vrstan nizozemski slavist i kroatist Houtzagers u svojoj odličnoj monografiji tim sličnostima nije povestio dovoljno pažnje.

susjednim istočnim slovenskim govorima također je ukinuta fonološka opreka po kvantiteti.

Bila je jasna velika važnost Deželićevih zapisa iz Pomurja za hrvatsku usmenu književnost, a ipak sve pjesme koje je zapisao nisu do sada bile objavljene. Isto tako jasna je važnosti njegovih zapisa iz polovice 19. stoljeća za hrvatsku dijalektologiju, upravo proučavanje kajkavštine, dakle za hrvatski jezik, ali do do sada se nije nitko time pozabavio. Ovdje je dan pregled dijalektne problematike Deželićevih zapisa kao poticaj za šire istraživanje u okviru istraživanja pomurskih govora kao dijela međimurskoga dijalekta.

Literatura

- HNPk = *Hrvatske narodne pjesme kajkavske*. Uredio i komentirao dr. Vinko Žganec. Zagreb 1950.
- VK = Vinko Žganec, *Pučke popijevke Hrvata iz okolice Velike Kaniže*. Priredio prof. Zvonimir Bartolić. Čakovec 1974.
- BARTOLIĆ, Zvonimir: Pomurski Hrvati kroz stoljeća. *A Mura menti Horvátok a századok vonzásában. Murakeresztúr*. 5-10.
- BRABEC, Ivan: Kajkavci u dijaspori. *Hrvatski dijalektološki zbornik* 6 (1982) : 77-84.
- GADÁNYI, Karlo – 1993: Poljoprivredni leksik u govoru pomurskih Hrvata. *Studia Slavica Savariensia* (Szombathely) 4 : 45-56.
- "" 1997: Čuvene izreke kersturskih vojnika. *Bibliotheca croatica Hungariae. Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika* (Pečuh) 2 : 176-179.
- HOUTZAGERS, Peter: *The Kajkavian Dialect of Hidegség and Fertőhomok*. Amsterdam-Atlanta 1999.
- IVIĆ, Pavle: Procesi rasterećenja vokalskog sistema u kajkavskim govorima. *Zbornik za filologiju i lingvistiku Matice srpske* (Novi Sad) 11 : 57-69.
- IVŠIĆ, Stjepan - 1936: Jezik Hrvata kajkavaca. *Ljetopis JAZU* 48 (za g. 1934-35) : 47-88.
- "" 1971: Hrvatska dijaspora u 16. stoljeću i jezik Hrvata Gradišćanaca. Priredio Božidar Finka. *Izabrana djela iz slavenske akcentuacije*. München. 723-798.
- KERECSENYI, Edit: Povijest i kultura pomurskih Hrvata. Budapest 1982.
- LONČARIĆ, Mijo – 1982: Prilog podjeli kajkavskoga narječja (s kartom kajkavskoga narječja). *Hrvatski dijalektološki zbornik* 6 : 237-246.
- "" 1984: Podrijetlo gradišćanskih kajkavaca. *Gradišćanski Hrvati 1533-1983*. Zagreb, 121-132. (Prerađeno pod naslovom "Porijeklo kajkavaca u Umoku i Vedešinu", u tisku u zborniku sa simpozija o Vedešinu i Umoku.)
- "" 1996: *Kajkavsko narječje*. Zagreb.
- "" 1997: Govor pomurskih Hrvata. *A Mura menti Horvátok a századok vonzásában. Murakeresztúr*. 65-74.
- PAVIČIĆ, Stjepan – 1920: O govoru u Slavoniji do turskih ratova i velikih seoba u 16. i 17. stoljeću. *Rad JAZU* 222, 194-269.
- "" 1953: *Podrijetlo naselja i govora u Slavoniji*. Zagreb.
- PETRIĆ, Marija: Strani jezični utjecaji u govoru serdahelskih Hrvata. *A Mura menti Horvátok a századok vonzásában. Murakeresztúr* 1999 : 37-43.

- ŠOJAT, Antun: Prelog. *Fonološki opisi ... govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom*. Sarajevo 1981: 331-336.
- ŠOJAT, Olga: Prekomurska pjesmarica. *Forum* 12 (1973) : 176-213.
- ZVONAR, Ivan, HRANJEC, Stjepan: *Usmena narodna književnost na tlu Međimurja*. Knjiga I. Čakovec 1980.
- ŽGANEC, Vinko, v. *HNPK, VK*

**A MŰFAJI MEGJELÖLÉS BIZONYTALANSÁGAI
(A SZLOVÉN REGÉNY MAGYAR RECEPCIÓJÁNAK
KEZDETEIHEZ)**

Amikor a szlovén irodalom külföldi recepcióját vizsgáljuk, nem elegendő azzal a kétségtelen ténnyel szembesülnünk, hogy a szlovén irodalom történetében a műfaji megjelölés bizonyos megnevezési szokásrendből ered, hiszen a lefordított mű, amennyiben nem rendelkezik önálló szerzői vagy szakmai műfaji megjelöléssel, mindenkor a befogadó irodalom műfaji struktúrájába illeszkedik. A közép-európai irodalmakban a mai szépirodalmi műfaji struktúra alapvetően a XIX. század folyamán alakult ki.¹ Az eposzt mint presztízsertékű műfajt ekkor váltotta fel a regény, amely megszületésének pillanatától elfoglalta a műfaji hierarchia csúcsát, s úgy folytat azóta is uralmi harcot, hogy „saját változatainak egyikét sem hagyja állandósulni”.² A regénynek ez a polip természete alkalmassá tette a műfajt arra, hogy a mai posztmodern irodalomban változatlanul vezető helyet foglaljon el, s betörjön az ún. minimalista prózába is.

Tekintettel arra, hogy a szlovén regény magyar fogadtatásának kezdetéről beszélünk, azt fogjuk megvizsgálni, hogy Ivan Cankar művei pusztán műfaji megjelölésükben követték-e az alkotó eredeti szándékát, miként illeszkedtek a magyar műfaji struktúrába, volt-e bizonytalanság a műfaji megjelölés tekintetében, s végezetül, hogy a műfordításokban érvényesült-e egyáltalán a cankari prózapoétika és regénykoncepció. Ez utóbbi felvetés kapcsán akár azt a kérdést is feltehetjük, fontos-e egyáltalán, hogy a fordításban tükröződjék az alkotó műfaji koncepciója.

A roppant gazdag Cankar-irodalomban számos tanulmány foglalkozik az író prózájával, s ezen belül is a regényekkel.³ A vélemények sokaságából csupán azokat ragadjuk ki, amelyek közelebb visznek bennünket az alkotó szándékainak a megértéséhez. A XIX. és a XX. század impresszionista esztétikája jelentős mértékben megváltoztatta a regényt. Janko Kos azt állítja, hogy Cankar nem írt hosszabb, összefüggő, látványos regényt, mint a nagy európai kortársai. Az 1901 és 1909 közötti időszakban született hosszabb lélegzetű párhuzamos vagy lineáris-ciklikus kompozíciójú regényeinek alapja többnyire

¹ A szlovén próza műfaji szerkezetének kezdetéről ld. Matjaž Kmecl: Začetki slovenskega romana in novele. XXIX. SSJLK. Ljubljana, 1993, 111-120.

² Mihail Bahtyin: Az eposz és a regény (A regény kutatásának metodológiájáról). In Az irodalom elméletei III. Szerk.: Thomka Beáta. Jelenkor, Pécs, 1997, 31.

³ Jómagam is érintettem ezt a kérdést ld. Lukács István: Hazájában idegen, idegenben hazátlan (Ivan Cankar és Bécs). In «Azok a szép(?) napok...» (Tanulmányok a Manarchia irodalmairól). Szerkesztette: Fried István. Szeged, 1996, 90-99.

a hangulat, az érzés volt.⁴ Franc Zadavec a cankari regényparadigma-váltást egyenesen az impresszionista esztétikából vezeti le: „Az impresszionista regényben sem a milió, sem a tér vagy a szociális törvényszerűségek nincsenek befolyással annak szerkezetére, az egyedül az epikus hős hangulatainak a változásaitól függ. A helyzetek nem logikus-kauzális sorrendben követik egymást, s a történet nincs architektonikusan tagolva, sem reliefszerűen, szilárdan felépítve, hanem lágy, laza, egyszóval a szilárd epikus vonalat megtöri a hangulati állapotok vibráló, szaggatott folyama. Az elbeszélő a hős hangulatait követi, ezért mindketten líraiak, illetve a szerző sokat van jelen a műben. Lejegyzí saját esztétikai hangulatait és az esztétikai helyzeteket. Éppen ezért az impresszionista regény stílusában roppant poétikus, „képszerű”, tele fényvel és színekkel kapcsolatos motívumokkal és hatásokkal.”⁵ Zadavec tanulmányában Cankarnak a *Nenapisani roman* (A meg nem írt regény) című 1914-ben írott karcolatáról egyenesen azt tartja, hogy valójában «szlovén elméleti bevezetés az új pszichológiai regénybe..., melynek tartalmi vonatkozásai az impresszionista esztétikához és poétikához tartoznak.»⁶ Világos tehát, hogy rendelkezünk olyan elméletinek mondható szöveggel, amely magától az alkotótól származik, tehát hogyha regényprodukciónját elemezzük, a leghelyesebb az általa elmondottaktól kiindulni. Zadavec végső következtetése az említett írás alapján az, hogy Cankar impresszionista esztétikájának speciális regénye valójában a karcolat. Van ebben persze némi túlzás is. Szempontunkból mégis az a döntő ebben a megállapításban, hogy Cankar az említett reflexív karcolatában a szlovén regényt próbálja meg újradefiniálni, vagyis választ adni arra kérdésre, hogy hol a regény és mi a regény.

A szlovén regény a magyar irodalomba elsőként éppenséggel azzal az Ivan Cankarral lép be, aki a modernista irodalomban radikálisan új felfogást képvisel a műfajjal kapcsolatban: a hősök gyorsan változó hangulati állapotait kívánja megragadni erősen átpoetizált és megújított szlovén nyelven. Regényei cselekménye éppen ezért teljes mértékben alárendelődik e két elvnek, vagyis nem szukcesszív és nem kauzális felépítésűek. Fried István a komparatista szemével, magyar-szlovén összefüggésben találja érdekesnek a XIX. század második felében nemzeti műfajjá alakult szlovén regény átváltozását Cankarnál.⁷ Cankar műveinek magyar recepciónját bemutatva azért kell erre az összefüggésre is tekintettel lennünk, mert a Cankart megelőző időszakban a szlovén irodalom csak esetlegesen, elvétve és különösebb visszhang nélkül volt jelen Magyarországon. A szlovén regény megjelenésével magyar nyelven az

⁴ Janko Kos: Proza Ivana Cankarja. Jis (11) 1968/1, 16-23.

⁵ Franc Zadavec: Impresionizem ter črtica in roman. In Franc Zadavec: Elementi slovenske moderne književnosti. Pomurska založba, Murska Sobota 1980, 79.

⁶ I.m. 79.

⁷ Fried István: A szlovén irodalom történetéről magyar szemmel (Előfeltevések és javaslat). In Szomszéd népek – szomszéd kultúrák. Szerk.: Bokor József, Szíjártó Imre. Maribor-Szombathely, 2001, 19-29

irodalmi szintéren megjelent az műfaj, amely kétségtelenül vezető szerepet játszik napjainkig az irodalom műfaji hierarchiájában.⁸ Magyarán, amíg a szlovén regény - Cankar regényei - nem jelent meg a magyar kulturális közegben, maga a szlovén irodalom sem létezett e kulturális közeg számára. Hogy nem túlzásról van szó, arról az 1937-ben a Nyugat kiadásában megjelent két Cankar-regény, a *Hlapec Jernej in njegova pravica* (Jernej szolgálégyény igazsága) és a *Potepuh Marko in kralj Matjaž* (Mihaszna Marko és Mátyás király), majd pedig az 1940-ben megjelent *Na klanču* (A szegénysoron) című regény korabeli igen lelkesült kritikai fogadtatása tanúskodik.⁹ Érdeemes egy pillanatra elidőznünk a Cankar-művek korabeli fogadtatásánál. A harmincas évektől a magyar irodalomban egyre határozottabban szerveződik az ún. népi írók mozgalma. Az irodalom ismét a valóság, a magyar vidék felé fordul, számos alkotás témája a magyar parasztság nyomorúságos élete lesz. Cankar művei így pontosan beleillettek a magyar irodalmi törekvésekbe. Nem véletlenül, hiszen egyes művei Miran Hladnik szerint közvetlenül is összefüggésbe hozhatók az ún. *kmečka povest*-tel (magyarul talán: népies elbeszélés).¹⁰ Pável Ágoston fordításai révén pedig tendenciózusan lép be a cankari szövegbe az eredetileg ott nem is létező népi tónus.¹¹ Aminek aztán az lesz a következménye, hogy a cankari impresszionista-szimbolista poétika szép lassan feloldódik és felszívódik. A mai magyar olvasó számára éppen ezért Ivan Cankar regényei Pável Ágoston fordításában nyelvi megformáltságuk miatt – talán szentségtörésnek számít, amit mondunk - avittnak, idejét múltnak és korszerűtlennek tűnhetnek. Minden bizonnyal Pável sajátos szempontú válogatásának és fordításának is köszönhetően így fordulhatott elő, hogy egy 1987-ben kiadott magyar nyelvű, a XX. század világirodalomáról szóló könyvecskében Cankar szépirói teljesítményét a *Századvégi új népiesség* fejezetben említi a szerző, vagyis közvetlen összefüggésbe hozza a magyar népi írók mozgalmának szépirodalmi törekvéseivel.¹² Szabolcsi Miklós szándéka bizonyára azt volt, hogy fogódzót kínáljon a magyar olvasó számára a cankari próza lényegének megértésében.

Ivan Cankar magyar irodalomtörténeti «kanonizálása» egyébként sem mentes számos tévedéstől, pontatlanságtól és felszínességtől – többek között

⁸ Az ún. hosszú műfajok presztízserépét a szlovén regény keletkezése és fogalma tisztázása kapcsán (roman-povest) érinti Miran Hladnik: Slovenska zgodovinska povest v 19. stoletju. XXX. SSJLK. Ljubljana 1994, 127.

⁹ Ld. erről részletesen Stojan Vujičić: Revija *Nyugat* in slovenska književnost. In Ujemanja in razhajanja. Študije o slovensko-madžarskih literarnih stikih. Košičev sklad, Budimpešta, 1998, 269-271. ter Urška Gállos: *Hlapec Jernej* v madžarskem prevodu Avgusta Pavla. In Ujemanja in razhajanja. Študije o slovensko-madžarskih literarnih stikih. Košičev sklad, Budimpešta, 1998, 269-271.

¹⁰ Miran Hladnik: *Kmečka povest* danes. In XXVII. SSJLK. Ljubljana, 1991, 138.

¹¹ Ld. erről Gállos Orsolya idézett dolgozatát, továbbá Bokor József: Pável Ágoston egyik Cankar-fordításának néhány nyelvi jellemzője a lexikai transzformációk tükrében. In Corvin Mátyás-konferencia. Maribor 1991, 134-138.

¹² Szabolcsi Miklós: Világirodalom a 20. században. Gondolat, Budapest, 1987, 48-49.

műveinek műfaji besorolása is tarka képet mutat.¹³ Nézzük meg, hogy milyen volt általában a szlovén irodalom, s ezen belül Cankar műveinek fogadtatása Magyarországon!

Magyarországon mindig különös érzékenység nyilvánult meg a szomszédos népek irodalmának a története iránt. Ennek a "vonzódásnak" a gyökerei egészen a Monarchiáig nyúlnak vissza, amikor Magyarország e térségben birodalmi pozíciót foglalt el. Valójában viszonzatlan szerelem volt ez, hiszen hasonló törekvésekről egyik szomszédos nép esetében sem tudunk beszámolni. Magyarország felől tekintve e kitüntetett érdeklődés mögött ott lappang a politikum is: a birodalmi pozíció érvényre jutása a kultúrában is. Trianon után ebben lényeges változás, igazi fordulat következett be. A területeinek jelentős részét elvesztő Magyarország értelmisége kénytelen volt átértékelni nemzete múltját, revízió alá venni térségi szerepét, s számot vetve a politikai realitásokkal szomszédai irányában tudatos kapcsolatépítésbe fogott. Tulajdonképpen ekkortól datálhatjuk a szomszédos népek irodalmának "műközpontú" magyarországi recepcióját is. Hogy példákat is említsek! Az 1935-ben indult *Apolló* című folyóirat beköszöntőjében a szerkesztő Gál István arról ír, hogy eredetileg a *Középeurópa* címet adták az induló folyóiratnak, amelynek "feladata lett volna a magyarság és a környező népek szellemi közeledésének előmozdítása", ám ettől a szándéktól elálltak, mert, ahogy írja: "Hiábavaló és felelőtlen vállalkozás azonban a jelenlegi leverő látványra szorítani érdeklődésünket s ennek alapján jelölni ki teendőnket."¹⁴ Az *Apolló* mégis számos értékes tanulmányt közölt a szomszédos népek kultúrájáról. Aztán itt van Németh László, aki a *Híd a Dráván* című 1940-ben írott esszéjében ekképpen fogalmaz: "Körülbelül hét-nyolc éve, hogy a mi nyugatias magyar műveltségünk egyoldalúságát észrevettem. Ennek az egyoldalúságnak történelmi gyökere van. Buda visszafoglalása s Magyarország állítólagos "felszabadulása" után teljesen megsemmisültek azok a régi olasz-délszláv-magyar-lengyel, sőt cseh és román kapcsolatok, melyek mint egy keleti Golf-áram melegítették a kelet-európai kis népek életét."¹⁵ Németh László érdeklődése nem reked meg az elmélet és az általánosítások szintjén, közelebről is megismerkedik Krležával, Andrićyal, de ismerősként beszél a horvát barokk költészet legjelesebb alkotójáról, Ivan Gundulićról is.¹⁶ Hogy szlovén példát is hozzak, megemlíthetem Ivan Cankar prózájának méltatását a *Nyugat* című folyóirat hasábjain a harmincas években.

¹³ Ld. Erről részletesen Lukács István: A szlovén irodalom magyar irodalomtörténeti megközelítésben. In Szomszéd népek - szomszéd kulturák. Szerk.: Bokor József, Szíjártó Imre. Maribor – Szombathely, 2001, 9-18.

¹⁴ Gál István, A Virtuális Középeurópa. *Apolló*, 1935/1, 80.

¹⁵ Németh László, *Híd a Dráván*. In N. L., Európai utas, Budapest, Magvető és Szépirodalmi Könyvkiadó, 1973, 682.

¹⁶ Németh László, Krleža Adyról, Most, Punte, Silta. In N. L., Európai utas, Budapest, Magvető és Szépirodalmi Könyvkiadó, 1973, 679–681, 689–694.

A második világháború után látszólag folytatódik a harmincas években megkezdett irodalmi és irodalomtörténeti kapcsolatépítés, valójában azonban a kommunista testvériség jegyében határozottan ideológiai alapúvá válik a szomszédaink irodalmi értékeinek magyarországi megjelenítése.

Jelen évtizedünkben látható fordulat következett be a szomszédos népek irodalmának irodalomtörténeti megközelítését illetően: fennmaradt a Monarchia óta létező fokozott érdeklődés, amely újabb és újabb irodalomtörténetek formájában ölt testet (horvát, szerb, lengyel, orosz irodalomtörténetek), de megszabadulni látszik a korábban nagyon is jellegzetes "politikai" felhangoktól, vagyis egyre határozottabban az a meggyőződés kezd teret nyerni, amely szerint a szomszédos népek irodalmának "magyar szempontú" megközelítése szükségszerűen kitágítja a magyar irodalom határait, s semmissé teheti azt az évszázadok óta létező már-már sztereotip képzetet, hogy a magyar irodalom egy magányos képződmény ebben a térségben. Kulcsár Szabó Ernő új szempontú és méltán sokak által dicsért művében, *A magyar irodalom története 1945–1991-ben*¹⁷ határozott önkritikával teszi szóvá a térségi és világirodalmi kitekintés hangsúlyosabb jelenlétét saját művében, s éppen ennek kapcsán mondja a következőket: "...van valami szomorú tapasztalat abban, amikor a német-angol-francia első, a spanyol-skandináv-orosz második, sőt a cseh-lengyel-portugál-délszláv harmadik vonal után a magyar irodalmat rendszerint az albán, a bulgár és a szlovák irodalom szomszédságában tárgyalják a sokszerzős nemzetközi kézikönyvek. Sajnos, ez a megítélésünk éppúgy realitás, mint amennyire mi, magyarok, indokolatlannak véljük."¹⁸

A magyar-szomszédos népek viszonylatban mindig is kitüntetett helyet foglaltak el az ún. déli szláv népek: a horvátok, a szlovénok és a szerbek. Időnként hallunk kritikus felhangokat ideátról, hogy a magyarok mindig is összemosták ezeket a népeket. Természetesen összemosták, de ne feledjük, gyakorta e népek is "összemosták" önmagukat. A XIX. század első felében kialakult illír eszme kezdetben "délszlávokká" homogenizálta őket, majd pedig a XIX. század második felében felbukkant "jugoszlavizmus" eszméje előkészítette a Jugoszláviának nevezett politikai képződmény létrejöttét – előbb annak királyi változatában, majd pedig kommunista öngazgatásos alakjában. Nincs mit csodálkozni hát azon, hogy a magyarok időnként híven követték e népek által deklarált közösségi képződmények megnevezését. Egy évtizeddel a brutalitás és az újbarbárság balkáni tobzódása után immáron tudható, hogy ki kicsoda. Ez az egy évtized nemzeti szempontból elsősorban a horvátok és a szlovénok számára hozott újat és sokat, hiszen államiságuk újbóli megteremtésével testet öltött régi történelmi vágyuk. E két nép politikai és kulturális térségi felértékelődése is ezzel párhuzamosan történt meg, s ennek megfelelően Magyarországon is tu-

¹⁷ Argentum Kiadó, Budapest, 1994.

¹⁸ I. m. 14.

datosodnak a különbségek az olyan rokon hangzású szavak között, mint szlovén, szlávón és szlovák.

De beszéljünk csak az irodalomról és az irodalomtörténetről! Lőkös István *A horvát irodalom története* (1996)¹⁹ és Milosevits Péter *A szerb irodalom története* (1998)²⁰ című műve egyfajta imperatívusként veti fel a szlovén irodalomtörténet legújabb magyarországi megjelenésének aktualitását. Ebben az összefüggésben egy dolog mindenképpen bizonyosnak tűnik: egy leendő szlovén irodalomtörténetnek semmilyen tekintetben sem kell önmagát a fenti kettő által meghatározni, vagy módszertanilag bármilyen tekintetben e kettőhöz igazodnia. A horvát és a szerb irodalomtörténet ebben az összefüggésben csupán olyan szellemtörténeti kontextus, amelyet a közös történelmi múlt rajzol ki máig ható erővel. Természetesen voltak olyan korszakok (pl. a reformáció, a romantika), amikor a szlovén irodalom több szállal is kapcsolódott a szomszédos horvát irodalomhoz. Elég emlékeztetni a stájer Stanko Vrazra, aki szlovén költőként indult, majd pedig szembe kerülve Prešerenrel és az általa képviselt szlovén irodalmi koncepcióval, "átállt" a horvátokhoz. A szlovén irodalom létének kezdeteitől szuverén módon és a szlovén nemzeti értékek mentén fejlődött, így bármilyen külföldi bemutatásában csakis ez a nézőpont érvényesülhet.

A szlovén irodalom történetének magyarországi bemutatásában kezdetben felkért szlovén irodalomtörténészek működtek közre. Az első átfogónak tekinthető irodalomtörténeti szöveg 1891-ben jelent meg *Az Osztrák-Magyar Monarchia írásban és képben* című reprezentatív sorozat *Karinthia és Krajna* című kötetében.²¹ Szerzője Gregor Krek (1840–1905) szlovén irodalomtörténész volt. A magyar fordítás minden bizonnyal német eredeti alapján készülhetett, hiszen ennek létezéséről van információnk.²² Krek áttekintése – a kiadvány természetéből fakadóan: hogy ti. a lehető legátfogóbb képet nyújtsa, szakmailag korrektül, a Monarchia országairól és tartományairól – Prešeren koráig bár vázlatos, ám a legfontosabb irodalomtörténeti korszakokról korrekt képet ad és bemutatja a legfontosabb alkotókat is. Krek irodalomtörténeti látásmódját a kor szellemiségének megfelelően a keresztényi eszmeiségből levezethető egyfajta nemzeti harmonikus látásmód jellemzi. Hogy mire is gondolok konkrétan? Az olyan irodalmilag semmitmondó kijelentésekre, mint amilyenekkel Prešeren *Keresztelő a Szavicánál* (amit mellesleg *a Savica keresztelése*-ként fordított le az ismeretlen fordító) című poémája kapcsán találkozunk: "tisztá művészi szépség", "az egész művön átlengő bájjal találkozunk" stb. Talán komoly hiányszámként vethető fel, hogy a XIX. század második feléről alig volt mondanivalója, s rálátása a korra mellőzi a szigorúan irodalomtörténeti szempontokat.

¹⁹ Tankönyvkiadó, Budapest, 1996.

²⁰ Tankönyvkiadó, Budapest, 1998.

²¹ *Az Osztrák-Magyar Monarchia írásban és képben. Karinthia és Krajna.* Budapest, 1891, 435–454.

²² Slovenska književnost. Cankarjeva založba. Ljubljana, 1996, 235.

Pontosan két évtized múlva a Heinrich Gusztáv szerkesztette *Egyetemes irodalomtörténet* számára Ivan Prijatelj foglalja össze dióhéjban a szlovén irodalom történetét.²³ A kitűnő irodalomtörténésznek mindössze kilenc oldalon sikerült elmondania mindazt – nyilván az elvárásoknak megfelelően –, amit a magyar olvasónak tudnia illene a szlovén irodalomról. Prijatelj a kezdeteket a keleti és a nyugati civilizációhoz való tartozás küzdelmeként mutatja be, s a szlovén kultúra későbbi fejlődését egyértelműen az ez utóbbihoz történő csatlakozás jegyében értelmezi. Minden egyes alkotót pontosan és szakszerűen illeszt bele saját korába, kiemelve azokat a konkrét műveket, amelyek a szlovén irodalom fejlődésének egésze szempontjából paradigmaticusnak tekinthetők. Krekkel szemben pontos és máig érvényes ítéletet mondott a szlovén *moderna*-ról is, megjelölve annak reprezentánsait: Cankart, Župančičot, Murnt és Kettét. Prijatelj írásában, miként korábban a Krekében, egyáltalán nem érvényesül az a szempont, hogy irodalomtörténeti áttekintésük magyar publikum számára készül, vagyis esetleges párhuzamok felvillantásával nem kínálnak irodalmi támogatást a magyar olvasó számára. De nem is kínálhattak, hiszen egyikük sem ismerte a magyar irodalmat. A szlovén *moderna* középponti alakjaként egyértelműen Cankart jelöli meg, de egyetlen művét sem emeli ki, csupán annyit közöl róla, hogy elbeszélő és drámaíró.

Ebből a szempontból mindenképpen érdekesebb volt Pável Ágostonnak sajnós kéziratban maradt dolgozata *A szlovén irodalom vázlatos áttekintése*,²⁴ amely minden eddiginél részletesebb, és bizonyos fejezeteiben határozottan érvényesül a szlovén irodalom történetének magyar szempontú megközelítése. Pável áttekintésének szigorú keretet a szlovén irodalom történetének pontos idő- és szellemtörténeti tagolása ad: 1. a kéziratok emlékek kora, 2. a reformáció kora, 3. a katolikus visszahatás kora, 4. a felvilágosodás kora, 5. a romantizmus kora, 6. a romantikus realizmus kora, 7. a realizmus és naturalizmus kora, végezetül pedig a jelenkor irodalma. Látható, hogy éppenséggel az első és az utolsó irodalomtörténeti korszak – a kéziratok emlékek kora, a jelenkor irodalma – irodalomtörténetileg a legsemmitmondóbb. A kézirat keletkezésének idején a szlovén irodalomban a *moderna*-val valójában már lezárult egy korszak, amelyről ennek megfelelően kellett volna beszélni. Pável elképzelésében a jelenkor, vagyis a két világháború közötti irodalom, egyenes folytatása a Cankar fémjelzte korszaknak. A vázlatos áttekintés egyes fejezetei rövid és lényegre törő korrajzzal indulnak, amelyet az egyes alkotók működésének még kurtább bemutatása követ. Prijatelj 1911-es vázlata rövidebbé ellenére irodalomtörténetileg a Pávelénál mindenképpen szakszerűbb. Pávelnél érezhető egyfajta tendenciózusság: mondjuk ki: katolikus elfogultság (az ellenreformáció irodalma kapcsán számos szerzetes prédikátort mutat be; a jelenkori irodalmat bemutató részben úgyszintén ma már szinte ismeretlen szerzőkről tesz említést). Pável

²³ Egyetemes irodalomtörténet IV. Szerk.: Heinrich Gusztáv. Budapest, Franklin-társulat, 1911, 643–652.

²⁴ Kézirat. Savaria Múzeum. Néprajzi adattár. Szombathely. Sign: K 105, 28 lap.

vázlatos áttekintése tekinthető az első "magyar szempontú" irodalomtörténeti kísérletnek. Természetesen Pável korábbi Mátyás-kutatásainak jelzésértékű beemeléséről van szó e vázlatba. Ettől persze egyfajta aránytalanság keletkezik a kéziratban, hiszen amíg a korábbi fejezetekben tartózkodik attól, hogy konkrét művek elemzésébe bonyolódjon, addig a Cankarról szóló fejezetben ezt megteszi: a Potepuh Marko in kralj Matjaž részletes bemutatásával. De megemlíti Župančičnak a Kralj Matjaž című balladáját, amely a "magyarságot... a legjobban fogja érdekelni". Úgy ítélem meg, hogy Prijatelj vázlata rövidege ellenére irodalomtörténetileg mindenképpen szakszerűbb volt, ám Pável volt az első irodalomtörténész, aki a szlovén irodalomhoz magyar szemmel közelített – mégha ideológiailag elfogultan is. Cankarnak három művét elemzi behatóbban is – bizonyára azért, mert mindhárom megvolt magyar fordításban is: *Na klanču* («regény, amelyben édesanyjának állít monumentális emléket»), *Hlapec Jernej in njegova pravica* («szociális tendenciájú kis regény»), *Potepuh Marko in kralj Matjaž* («regény, amely a szlovén néplélek alaptermészetét boncolgatja»).

Csuka Zoltán magyar műfordító *A jugoszláv népek irodalmának története* című könyve²⁵ sajátos magyarországi lenyomata a konszolidált titói Jugoszláviának. A jugoszláv népek (horvátok, szerbek, szlovénok és macedónok) irodalmainak múltbéli és jelenbéli keretét egy XX. századi történelmi képződmény, Jugoszláviai adja. Ilyen értelemben módszertanilag a könyv maga egy anakronizmus. Annak, hogy a szerb felvilágosodás Zaharije Orfelinje és a szlovén Valentin Vodnik egy fejezetbe kerülnek, az időrendi egybeesésen kívül egyéb logikája nincsen. Természetesen elképzelhető volna egy olyan irodalomtörténet, amely a délszláv vagy illír eszmerendszer nyomvonalán íródna, hiszen ilyen törekvések már a reneszánsz óta kimutathatóak, de nemzeti irodalmak történetét egymásba csúsztatni vagy egymás mellé rendelni belső lényegi – történelmi és esztétikai – kapcsolódás nélkül módszertanilag teljességgel elhibázott vállalkozás. Hacsak nem tipológiai vállalkozásról van szó. Arról pedig itt nincsen szó. Csuka irodalomtörténete tele van számos pontatlan információval, példának okáért művek címének rossz fordításával (V. Vodnik: *Pesmi za brambovce* – Honvéd-dalok helyett Gyermekdalok stb.). Csukának a szlovén irodalomról szóló fejezetei Stanko Janežnak az *Istorija slovenačke književnosti*²⁶ című irodalomtörténete alapján készített kompilációja. Talán így fordulhatott elő, hogy a Cankarról szóló fejezetben meg sem említődnek azok a művek, amelyeket Pável Ágoston fordított, s amelyeknek magyar vonatkozása is van. Arról nem is beszélve, hogy pontatlan és félrevezető információk tömkelegével találkozunk, akár egyetlen mondaton belül: "Néhány év múlva kitör az első világháború... Ekkor írja A szép Vida (Lepa Vida), a Fehér krizantém (Bela krizantema), Milan és Milana (Milan in Milana (sic!)) című regényeit."²⁷ Ezek közül egyik sem regény. A *Lepa Vida* egy dráma, a *Bela krizantema* egy

²⁵ Gondolat Kiadó, Budapest, 1963.

²⁶ Sarajevo, 1959.

²⁷ I. m. 377.

esszéisztikus próza, a *Milan in Milena* pedig a szerző saját műfaji meghatározása szerint *ljubezenska pravljica*, magyarul szerelmes mese, a korabeli kritikusok és a későbbi irodalomtörténészek szerint pedig *povest*, vagyis elbeszélés. Nem vitatom, Csuka "jugoszláv irodalomtörténetének" szlovén fejezetei minden korábbinál többet nyújtottak a magyar olvasó számára, de egy átfogó kritikai elemzés arra a következtetésre jutna, hogy a benne fellelhető dezinformációk – néhányat kiemeltem – elkészerítően rombolóak. Különösen azért, mert olyan embertől származnak, aki elévülhetetlen érdemeket szerzett a horvát, a szerb és a szlovén irodalom magyarországi népszerűsítésében. Sajnos ezektől a hibáktól a lektorok sem (Hadrovics László és Vujicsics D. Sztoján) óvták meg a magyar olvasót.

A szlovén irodalom történetének magyarországi bemutatásában *A szlovén irodalom kistükrének*²⁸ kellett volna fordulatot hoznia. A könyv hiányosságairól Fried István is szól, ám megjelenését önmagában is örömtelinek nevezi.²⁹ Valójában nem is igazi irodalomtörténeti munkáról van szó, hanem rövid kortörténeti bevezetőkkel és írói életrajzokkal illusztrált irodalmi szöveggyűjteményről. A könyv igazi értéke és érdeme, hogy minden korábbinál gazdagabb válogatást közöl magyar nyelven szlovén szépirodalmi szövegekből a legrangosabb magyar fordítóktól. Kicsit előre tekintve azt is mondhatnánk, olyan olvasmánygyűjteményt sikerült létrehozni, amely egy leendő irodalomtörténetben kitűnő forrásul szolgálhat konkrét szépirodalmi szövegek magyar nyelvű illusztrálására. Miután az ismertető szövegeket Stanko Janež írta, a Cankarról szóló fejezetben a bemutatott művek műfaji megjelölése már pontosabb. Csak egyetlen mű műfaji megjelölése pontatlan, a Tujci (Idegenek), amely valójában Cankar első regénypróbálkozása, s itt elbeszélésként szerepel. De ez bizonyára a *povest elbeszélésként* való fordításából ered.

Ennyi volna, ami Magyarországon szlovén irodalomtörténete címén létrejött és megjelent az elmúlt több mint egy évszázadban. Anélkül, hogy elmélyültebb és kritikusabb mérleget vonnánk, jól látható, hogy egy magyar szempontú szlovén irodalomtörténet még mindig várat magára. Ezt sürgetik a napjainkban napvilágot látott szomszédos népek irodalmának története is.

A fentiek alapján világosan látható, hogy Cankar műveinek pontos műfaji besorolása a szlovén irodalomról készült magyar nyelvű irodalomtörténetekben meglehetősen bizonytalan, pontatlan és időnként félrevezető. Vajon honnan ez a bizonytalanság és pontatlanság? Ha ma elővesszük a legkülönbözőbb Cankarról szóló szlovén nyelvű irodalomtörténeti műveket, de akár a legújabb szlovén irodalmi lexikont, meglehetősen tarka kép tárul elénk. A tendencia nagyjából kirajzolódik: a Slodnjak-féle 1934-es *Pregled slovenskega slovstva*

²⁸ Válogatta, a bevezető és az ismertető szövegeket írta, valamint a képanyagot összeállította Stanko Janež. Európa Könyvkiadó, Budapest, 1973.

²⁹ Fried István: A szlovén és a magyar irodalom "találkozásai". In: Hasonlóságok és különbségek. Szerk.: Fried István és Lukács István. Kossics Alapítvány, Budapest, 1998, 49.

című munkában a terjedelmesebb prózai szövegekre a domináló műfaji megjelölés a *povest*, az 1996-ban megjelent szlovén irodalmi lexikonban pedig általában *roman* vagy *povest*.³⁰ Vélekedésünk szerint a pontatlan magyar műfaji megjelölés a pontatlan és bizonytalan szlovén műfaji megjelölésből ered,³¹ pontosabban a *roman* regényként, a *povest* elbeszélésként való fordításából. Tekintettel arra, hogy a magyar műfaji hierarchiában az elbeszélés a közepes epika legalsó szintjén helyezkedik el,³² a regény méretű Cankar-művekre vonatkoztatott *elbeszélés* minősítés mindeképpen degradáló, vagyis a magyar irodalomba fordítás révén bekerült Cankar-regények nem kerültek egyértelműen az őket megillető helyre a műfaji hierarchiában. Éppen ezért recepció szempontból egyáltalában nem közömbös, hogy egy nemzeti irodalomelméletben, amely többé-kevésbé összhangban van az európai standardokkal, milyen az egyes irodalmi műfajok hierarchikus besorolása, továbbá az sem, hogy a nemzeti irodalomelmélet műfaji kategóriái pontosan megfeleltethetőek-e az idegen nyelvű műfaji kategóriákkal. Látszólag jelentéktelen problémáról van szó, ám Cankar regényeinek magyar szépirodalmi recepciója azt látszik alátámasztani, hogy e marginális kérdés éppen a regény általános műfaji egyeduralma miatt fontos recepcióerőt képvisel.

³⁰ Leksikon slovenske književnosti. Cankarjeva založba, Ljubljana 1996.

³¹ Ld. Matjaž Kmecl: Mala literarna teorija. Založba Borec, Ljubljana, 1977. és Janko Kos: Literarna teorija. DZS, Ljubljana, 2001.

³² Ld. Szerdahelyi István: Irodalomelméleti enciklopédia. Eötvös József Könyvkiadó, Budapest, 1995.

«ДВЕНАДЦАТЬ» ИЛИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КНИЖНИКОВ

*Порадуй нас заветными словами,
Чтоб ощущали мы: ты с нами, с нами.
И мы с тобою вместе навсегда,
Ведь нас ведет вперед одна звезда.
Поэт не лжет, но правда, словно крылья,
Поднимает нас от страха и бессилья,
И свет его горит у нас в сердцах.*

Аттила Йожеф, Приветствие Томасу Манну
Перевод Г. Левина

Prolegomena

1. Если Даль в 1881 году говорил достаточно кратко и вразумительно о том, что культура есть „**образование умственное и нравственное**” и если различать по Шпенглеру культуру и цивилизацию (не соглашаясь с теорией о падении и отмирании первой), то следует еще добавить, что понятие «культура» противостоит понятию «природа». Человек побеждает силы природы, преобразовывает ее и вследствие этой деятельности создает культуру, духовные и материальные ценности (ср. *природа — род — родить — родник — порода*). Достигнутый уровень общественного развития — цивилизация — это созданная из неорганизованной массы организация, членами которой являются *civus*, граждане.

В понятии «культура» заключается деятельность *civium*, в эту деятельность входит и литература, т. е. создание литературного произведения. Этот продукт произведен человеком, человеческим **родом**, является его общей собственностью. Поэтому считается тенденция сделать доступной общую мировую культуру, в ней и литературу, для всех народов и наций. Но как? Ведь искусством Бартока, Кодая, Листа, Чайковского, Рахманинова и Стравинского, Мункачи и Вучетича наслаждаются все **образованные** люди. Но не зная венгерского или русского языка, как нам познакомиться с произведениями Петефи, Миксата, Гоголя и Чехова? Изобразительное искусство и музыка гораздо доступнее литературы, которая непознаваема, недоступна, непонятна без знания языка. Вот, в чем огромное значение перевода и переводчика, т. е. „книжника”.

История литературы свидетельствует и о том, что переводная литература всегда обогащает и отечественную культуру. Поэтому „*carmina transferre necesse est*” (Medve, 1994, 1997).

2. Если язык — это система дискретных звуковых знаков, то числа тоже являются известной группой специальных знаков в мифопоэтической системе. Их функция: выражать количественную и качественную оценку действительности. Они являются элементами такого особого числового кода, которые могут описывать мир и человека. Некие числа носят своеобразную семиотику. Если цифра один обозначает полноту, два — бинарную оппозицию, то цифра три открывает числовой ряд и обозначает динамическую совершенность; а четыре — статическую полноту и твердую структуру. Из суммы этих двух чисел создается магическое семь ($3+4=7$) (семеричный счет), а из произведения ($3 \times 4=12$) двенадцать (двенадцатичный счет).

Известно, что в году 12 месяцев, в мифологии 12 ворот открываются в потусторонний мир, Геракл выполняет 12 тяжелых деяний, в Библии 12 племен Израила, 12 пророков, 12 апостолов и не случайно появилась эта цифра в беллетристике (ср. «Двенадцать» Блока, «12» — сборник подкарпатских поэтов), «Двенадцать стульев» и трилогия Миклоша Банфи). Лидеры Европейского Союза, среди них и Пол Леви тоже не случайно выбрали символом нового соединения знамя с двенадцатью звездами, ведь такая „икона” уже *de facto* существует в искусстве: „великое знамение — жена — на главе ее венец из двенадцати звезд” (Откр. 12,1).

Конечно, семантика чисел обозначает и конкретное, сосчитываемое количество предметов. Реальность авмятников двенадцати апостолам на карнизе собора в городе Печ или столько же носовых платков в дюжине очевидные **факты** (Enciklopédia 1988).

В свое время Достоевский писал, что мы завалены **фактами** и не знаем, что с ними делать. Но в своих произведениях писатель нашел метод открытия фактов, путь поиска правды. В наше время — имея в виду уже теорию Гадамера (*Warheit und Methode*) — кажется неизбежным пройти нам эту же самую дорогу, ведь культура — образование умственное и **нравственное** (ср. Залыгин 1977). Пусть говорят факты!

Quaestivues et explicationes

1. В коротком рассказе А. П. Чехова «Студент» семинарист Иван Великопольский, разговаривая с вдовой Василисой в день страстной пятницы „посмотрел кругом на потемки, судорожно встряхнул головой и спросил:

- Небось, была на двенадцати евангелиях?
- Была — ответила Василиса.” (Чехов 1977)
- В венгерском переводе Шаролты Ланьи:
- *Ugye, ismered a tizenkét evangélistát?* (Csehov 1980)

То есть буквально, в дословной ретроверсии: — Небось, ты знаешь двенадцать евангелистов?

Примечания:

а) Сразу же бросается в глаза непростительный промах: „двенадцать евангелистов”. Ведь в европейских культурных кругах общеизвестно, что греческое слово *ευαγγελίστης* — „носитель благовещения” со второго столетия п.р. Х. р. относится к авторам евангелий; их было четыре: Матфей, Марк, Лука и Иоанн.

б) Читая дальше рассказ, уже в следующих строках выясняется, что здесь идет речь действительно об евангелии, т.е. евангельском сказании: „Если помнишь во время тайной вечери Петр сказал Иисусу: с тобой я готов и в темницу, и на смерть...” Таким образом и в логике переводчика выясняется грубая ошибка: чтобы понять дальнейшие слова студента-богослова, обязательно надо знать, что такое евангелие, точнее сказать, евангелия. Но, в противоположность оригинальному тексту, их тоже четыре, а не двенадцать!

Подобная ситуация наблюдается и в переводе романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Предложение: „Не далее как час тому назад кончилась **всенощная**, сопровождаемая чтением двенадцати евангелий...” в переводе Клары Селлеси звучит следующим образом: „*Egy órával azelőtt fejeződött be a **vecsernye**, amelyen felolvasták az **evangélium tizenkét versét.***” Следует отметить, что всенощная (служба) — это не вечерня. Это такое богослужение, которое совершается вечером накануне праздничных дней. Оно состоит из соединения **вечерни с утренней** и 1-м часом и совершается более торжественно и при большом освещении. Это богослужение называется всенощным потому, что в древности оно начиналось поздно вечером и продолжалось всю ночь до рассвета (*egész éjszakai istentisztelet; vigília*).

Что касается перевода предложений: „Порфирий ... *выслушивал евангельское сказание* и отмечал на свече восковыми катышками число прочитанных евангелий” можно согласиться с *выражением* *meghallgatta az evangéliumot*, но никак не соответствует оригиналу венгерский текст: *viaszgyócskával megjelölte a gyertyán a felolvasott bibliai versek számát*. (Салтыков-Щедрин 1948, Szaltikov-Scsedrin 1963).

В упомянутых литературных произведениях речь идет о **двенадцати отрывках** евангелий, которые читаются ночью Страстного четверга, на рассвете Страстной пятницы (ср. всенощное бдение). В данном выражении употребляется *totum pro parte*, как в самой литургии Иоанна Златоуста: „услышим святого евангелия (Гоголь), от Матфея святого евангелия чтение” (и священник читает евангелие). Впрочем, чтение двенадцати евангелий то же самое, что в западной церкви *пассион*, т.е. история страданий Христа (Мень 1991). И переводчик европейского уровня должен об этом иметь сведения.

В известном романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» „бывшие офицеры” и *нэпманы* „организуют” под руководством главного героя „Союз меча и орала”, в венгерском переводе „*A kard és sas szövetség*”

ge”, т.е. в буквальной ретроверсии: Союз меча и орла (Ильф—Петров 1961).

Эта филологическая и политическая безграмотность тоже двусторонняя. Переводчик был „неграмотен” в области общей и европейской христианской культуры. Известная скульптура Е. В. Вучетича «Перекуем мечи на орала» стоит в Нью-Йорке и в Москве. Памятник носит библейское название. Пророки Исаия и Михей пишут о том, что придет золотой век и народы „перекуют мечи на орала и копыи свои — на серпы” (Исаия 2,4; Михей 4,3. Ср. IV. эклогу Вергилия).

Логический промах переводчика состоит в том, что символом офицеров является меч, а символом крестьянства орало (плуг), а не орел.

Наш бывший „земляк”, писатель львовянин, И. Франко в историческом романе «Захар Беркут» пишет: „Среди них был один столетний старец, долгое время пробывший на Афонской горе у греков”. В венгерском переводе *Athén hegyén*, т. е. на Афинской горе. Православные монахи, конечно, как известно, живут не в Афинах, а на Афонах (Rapcsányi 1979).

В романе Достоевского «Преступление и наказание» Соня говорит: „Я и на прошлой неделе была (в церкви) ... Панихиду служила”. В венгерском переводе: *gyászmisét mondattam*. Но панихида (панахида) — это не *gyászmise*. Адекватного религиозного термина в венгерском католическом ритуале нет, но в словаре Митрака (Митрак 1922), под влиянием терминологии церковных обрядов Запада, существует термин *gyászmise*: обедня за упокоение умершего; заупокойная Божественная литургия или на русском языке: служба (Божа) за помершего. В униатской церкви венгры употребляют вокабулу *rapachida*. Следует отметить, что билингвист Е. Балецкий в переводе стихотворения Петефи «Концом сентября» использует этот термин: „Скажи, если раньше сойду я в могилу / От сердца той плач панахиду споет?”

2. Незнание „европейской терминологии” во время советской власти приводило к неприятным ситуациям. В 1960 году в Москве «соцгид» не смог или не смел ответить на вопрос руководителя венгерской делегации педагогов, почему Храм Василия Блаженного называется и церковью Покрова или Покровским Собором. Такой случай повторился через восемь лет с группой венгерских студентов. «Капгид» уже в то время был вооружен и такими «клерикальными» знаниями. Интересен этот факт и потому, что греко-католики венгры употребляют этот термин касательно праздника 1 (14) октября, говоря: *Pokrovát ünnepeltünk*. И они знают и смысл этого праздника. Нужно обратить наше внимание на этот праздник и с исторической точки зрения. Наш первый король Степан Святой перед смертью посвятил императорскую корону, т. е. символ страны и народа покровительнице Деве Марии.

„Горе вам, книжники” и потому, что во время длинной стажировки студенты не пропитались — и, к сожалению, и сегодня не пропитываются

— в надлежащей мере ценностями русской классической культуры. Дополнить знания в этой области с помощью книг почти невозможно. О памятниках Кремля: Благовещенский и Успенский соборы, Спасская и Троицкая башни — даже венгерские эквиваленты не (были) даны в разных «источниках». Перевод *Szpasszkaja torony* просто вздор, не говоря о нужных языковых и историко-религиозных интерпретациях, о „венце вокруг Луны”. В связи с городом, носящим имя Святого Петра (Санкт-Петербург) и самого основателя (Петроград) ни в путеводителях, ни в объемистых историях не встречаются упоминания о том, что „в иезуитском коллегиуме в Петербурге учились дети лучших фамилий, девять выпускников этого коллегиума стали участниками декабрьского восстания” (Литературная Газета 4 декабря 1991; Medve 1992)

Сорок лет (в России 70 лет) марксистско-ленинского воспитания и последние годы царствования ультралиберальной идеологии сделали свое в области мировоззрения будущих носителей культуры. Студенты стоят в полном недоумении перед кальками ученого лингвиста Лайоша Киша: „мы убеждены в том, что венг. *gyümölcsoltó (Boldogasszony)* 'благовещение', *szereztes* 'монах', и *ünnep* 'праздник' являются кальками славянских выражений” (Киш 1973), не говоря о малоизвестной исторической идиоме: священная сугубица (Ср. Medve 1993; Medve-Csizmadia 1998)

3. В советскую эпоху — как известно — царствовала строгая культурная цензура, вследствие которой появлялся тот темный и глубокий вакуум, из которого естественно выходили и показанные досадные промахи, фальсификации и обязательное умолчание неугодных фактов. Таким образом — измеряя духовную жизнь, т. е. „**образование умственное и нравственное**” европейским аршином, несколько поколений остались невежественными.

Комунистическая партия с первого дня своего существования так боялась религиозной идеологии, как черт ладана. Первое антиатеистическое государство в первом своем гимне заявило программу:

Весь мир насилья мы разрушили до основания

А затем мы наш, мы новый мир построим.

В этом новом, запланированном, но — к счастью — никогда не построенном мире не осталось места для христианской, точнее, для не атеистической идеологии.

В то же самое время, когда два одиозных диктатора строили „свой новый мир”, в Венгрии поэт Йозеф Аттила сердечно приветствовал известного и признанного в честной Европе гуманиста, „единственного из белых — европейца”, Томаса Манна, со следующей просьбой: „Порадуй нас *заветными* словами...” Переводчик стихотворения «Приветствие Томасу Манну». В. Левин как-то прекрасно ощущал глубокое знание русского слова «завет» (Ср. новый завет — ветхий завет). Слово образовано от корня 'vetъ', т. е. 'ветвь': его первоначальное значение — прибыть с

символом добрых намерений, с веткой. В ветхом завете пишется: „После потопа Ной выпустил голубя, который возвратился к нему, и вот свежий масличный лист во рту у него” (Бытие, 8,11; по-латыни *ramus olivae* т.е. масличная ветвь). В вербное воскресенье люди „взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: Осанна” (Иоанн, 12. 13).

Т. Манн, это же единственный европеец, истинный книжник, свой большой медитативный «Иосиф и его братья» начинает со следующих слов: „Tief ist der Brunnen der Vergangenheit. Sollte man ihn nicht unergründlich nennen?” (Mann 1974).

По всей вероятности лучше назвать этот колодец **бездонным**, именно в то время, когда идет речь исключительно и единственно о прошлом человечества, точнее, человека, сотворенного „по образцу Божию”. Прошлое человека — в широком смысле этого понятия — нельзя стереть с лица земли, его необходимо изучать.

Теоретически (об этом говорят и лозунги) и при коммунизме все было сделано ради человека (Ср. Человек — это звучит гордо; Молодым — везде у нас дорога; старикам — везде у нас почет), но долгие годы диктатуры и культа личности принесли многомиллионные жертвы. Носитель культуры и науки, участник и венец творения — ЧЕЛОВЕК — в концлагере стал бесценным номером, был убит или расстрелян уже на основе самого подозрения или по воле представителя власти. Так как в наши дни уже исчез фантом и из жизни Средневосточной Европы, возможно и необходимо снова заявить известную истину: без античной и христианской культуры нет европейской культуры, и, конечно, нельзя говорить о культуре восточнославянских народов без учета духовной деятельности православной и униатской церквей. Вместо „разрушения до основания” эту культуру нужно раскрыть, вывести наружу, познакомиться с ней и передать нашим потомкам все, что было создано и построено нашими предками.

III. Corrolaria

История становится серьезной проблемой в то время, когда ее колесница берет курс на крутой поворот, на крутой подъем или оказывается перед обрывом. Мыслящий человек с удивлением осознает, что на глазах у всех создается история. Он убежден и в том, что человек, имеющий свободную волю и ответственность, вмешивается в ход истории, хотя мировая история единый процесс. (Schütz 1934; Tounbee 1940). Таковой она выглядит прежде всего (но не только!) с религиозной точки зрения. Тойнби дает нам замечательно точный образ: по своей глубинной, эсхатологической сути история есть колесница, восходящая вперед, вверх, *ad astra*, колесами которой служат цивилизации, т.е. в нашем толковании культура. Дело представляется таким образом, что цивилизации могут совершать круговые и возвратные движения, а в то же время колес-

ница продолжает свое линейное восхождение. Сила земного порядка не может воспрепятствовать возвратным движениям (гитлеровская Германия и СССР), а только смягчать их негативное действие. Эта сила движения воплощается в универсальном государстве, которое противостоит варварству. Она облегчает сохранение хотя бы некоторых культурных традиций, кумулятивное развитие науки, цивилизации (культуры), техники (Ср. Каграманов 1995).

В ареале Средиземноморья, «прародины культов и культур» универсальным государством была Римская Империя. В ее лоне зародилась и распространилась христианская религия („зерно горчичное“), в начале как гонимая, потом как официально принимаемая, распространяемая и распространенная во всем мире. Уже и поэтому она является уникальным явлением мировой истории (Medve — Újj 1996).

Объединенная Европа, над созданием и строительством которой стали работать лучшие светлые головы и трудятся члены „отборной элиты“, будет не что иное, как новое универсальное государство, хотя бы и в очень „легкой“ разновидности. Целью этой „rei publicae“ является обеспечение стабильности и в частности предотвращение откатов в прошлое и нового варварства. И само это новое универсальное государство некоторыми своими существенными чертами должно напоминать Римскую Империю и „Первый Рим“, граждане которых гордо и сознательно утверждали: *civis Romanus sum!*

Аксиома об античной и христианской культуре известна и неопровержима. О ней писал руководителем СССР уже в 1977 году глубокий мыслитель-европеец Солженицын, говоря, что кроме христианства нет другой такой силы, которая могла бы взять на себя обязанность духовного излечения России. И Европы.

Но относительно России следует взглянуть в лицо реальной обстановки. Россия — это Европа или все-таки Евразия?

„Не будучи Евразией по составу души, Россия является таковою в географическом и ситуационном смысле — сейчас на этот факт приходится обратить особое внимание“ (Каграманов 1995).

Литература

- Гоголь, Н. Размышления о божественной литургии. Сочинения Гоголя, Т. IV. 394-423.
- Зальгин, С. Культура, демократия, тоталитаризм. Новый мир 1997/8
- Ильф, И. — Петров, Е. Двенадцать стульев. М., 1961
- Каграманов, Ю. Империя и ойкумена. Новый мир 1995/1
- Киш, Л. Кальки славянских слов в венгерской лексике. Stud. Slav. Hung. XIX / 1973/
- Медве, З. Carmina transferre necesse est. Теория и практика обучения славянским языкам. Печ, 1994.

- Мень, А. Православное богослужение. М., 1991.
- Митраць, А. Мадьярско-русский словарь. Ужгород, 1922
- Сальтыков-Щедрин, М. Господа Головлевы. М., 1948.
- Чехов, А. Студент. Сочинения. Т. 8. М., 1977.
- Bánffy, Miklós. Erdélyi történet (Megszámláltattál..., 1934; És híjjával találtattál..., 1937; Darabokra szagattattál..., 1940.)
- Csehov. Szakadékbán. Válogatott elbeszélések. Bp., 1980. Mitológiai enciklopédia I. Bp., 1988.
- Mann, Thomas. Joseph und seine Brüder. Aufbau-Verlag, 1974.
- Medve, Z. Visszatérnek Oroszországba a jezsuiták. Vigilia 1992/6
- Medve, Z. „Szigorúan titkos”. Ami a legvaskosabb párttörténetből és Lenin összes műveiből is kimaradt. Tárlatok 1993/4-5.
- Medve, Z. — Újj, A. J. Kagramanov/ Impérium és ökumené. KLIÓ 96/2
- Medve, Z. Переклади, переспіви, промахи. Slavica Tergestina 5, Padova, 1997.
- Medve, Z.— Csizmadia, N. Egy új szellemi impérium tevékenysége avagy gondolkodásunk urai. Tárlatok, 1998/2.
- Rapcsányi, L. Athosz. Bp., 1979.
- Szaltikov-Scsedrin, M. A Galavljov család. Bp., 1963.
- Schütz, A. Isten a történelemben. Bp., 1934
- Toynbee, A. Christianity and Civilization. London, 1940.

O ŽIDANSKIM PREZIMENIMA U MAĐARSKOM GRADIŠĆU

Oblikovanje prezimena, kao najmlađa antroponimijska kategorija, rezultat je sve složenijih administrativno-političkih, socijalnih, ekonomskih i inih prilika.

U prezimenima se odražavaju jezične i izvanjezične (povijesne, zemljopisne, sociolingvističke i dr.) informacije te su odraz prilika i okružja u kojima nastaju.

Ona služe za identifikaciju osoba, dobivaju se rođenjem i nasljeđuju se. Kada su već jednom zapisana u matične knjige i isprave, postaju stalna i nepromjenljiva. Dva su važna poticaja za ustaljivanje prezimena: odluke Tridentuskog sabora iz 16. stoljeća (1546-1563) koje su se odnosile na uvođenje matica (krštenih, vjenčanih i umrlih) i ozakonjenje imensko-prezimenske formule u Jozefinskom patentu iz 18. stoljeća (1780).¹

U vrijeme kada proces formiranja hrvatskog prezimena još nije završen, dakle u 16. stoljeću, događa se velika seoba hrvatskog naroda. Hrvatski narod u egzodusu, nepopisan i neprebrojiv, naseljava i prostore današnjega Gradišća. Područje na kome danas žive gradišćanski Hrvati možemo označiti kao povijesnu zonu jezika u kontaktu, gdje je hrvatski jezik prisutan već nekoliko stotina godina.

Najproširenji dijalekt je čakavski, a njime su govorili Hrvati u Donjoj Austriji, Moravskoj i u Slovačkoj, Hrvati na Hati, Poljanci u sjevernome dijelu Gradišća i Dolinci ili Prekoni u području srednjega Gradišća. U ovu posljednju skupinu, čakavce što nastavaju pojas srednjega dijela pokrajine, spada i hrvatsko selo Hrvatski Židan.

Židan je poslije drugog iseljeničkog vala, nakon obrane Kisega (1532), doživio jako hrvatsko naseljavanje. Zatečeno stanovništvo, zacijelo pretežito mađarsko, bilo je asimilirano. Sukladno tome naselje je promijenilo ime iz "Nagy Sidan" (1651) u "Horvát Sidan" (1697).²

Stoga, jezični spomenici poput hrvatskih prezimena zasigurno čine jedan od najvažnijih segmenata pri istraživanju.

Osim dominirajućeg hrvatskog žiteljstva u Židanu žive i pripadnici drugih nacija. O tome svjedoče registrirani podaci ekscerpirani iz matičnih knjiga rođenih, krštenih, vjenčanih i umrlih pisani latinskim i mađarskim jezikom.

Iz prezimenske svekolikosti registrirane u židanskim maticama od 1763. sačuvana su mnoga prezimena s kraja 16. i iz 17. stoljeća.

¹ Usp. Šimunović, Petar, 1986, 301.

² Usp. Breu, Josip, 1995, 73.

Analiza i opis židanskih prezimena³

Za analizu i opis židanskih prezimena izabrali smo metodu koju većina antroponomastičara svode u četiri osnovne skupine:⁴

1. U prvu skupinu smo ubrojili **prezimana nastala od osobnih imena**.

Bartolić (: Bartol); **Blazović** (: *Blaž* : lat. Blasius); **Cvitković** (< *Cvitko/Cvetko* : Cvjetimir i sl.); **Galović** (< *Gal* : lat. Gallus); **Gregorić** (< *Gregor*: lat. Gregorius); **Karlović** (< Karlo); **Klemen, Kelemen** (< *Kelemen*: mađ. (<lat.) Kelemen); **Konc** (< *Konc*: njem. Konc, Konrad); **Kuzmić** (< Kuzma); **Marković** (< *Marko* : lat. Marcus); **Matković** (< *Matko*: Matija); **Pavetić** (< *Pave* : Pavao); **Ratković** (< *Ratko* : Radoslav i sl.); **Štefanić** (< *Štefan* : Stjepan).

U navedenim primjerima zapaža se dominacija prezimena sufiksalne tvorbe nad prezimenima asufiksalne tvorbe. Prezimana sufiksalne tvorbe najčešće u svojoj strukturi imaju sufiks *-ić* (21), a sufiks *-ović* mnogo manje je zastupljen. Dvokomponentnim sufiksom *-ović* (posvojni element *ov* + oznaka za “malo, mlado”: *-ić*) tvore se prava, a ostalim jednokomponentnim (deminutivno-hipokorističnim sufiksima) neprava patronimska prezimena.⁵ S obzirom na čestotnost sufikasa *-ić* i *-ović* u prezimenskoj tvorbi, stanje u židanskoj antroponimiji slično je kao i u hrvatskoj antroponimiji. U hrvatskom su prezimenskom korpusu takva prezimena vrlo česta.

Zapažamo nadalje da se (prezimenski) sufiks *-ović* najčešće dodaje osobnim imenima izvedenim sufiksom *-ko* (tip Cvitković, Marković, Matković, Ratković). Osobna imena koja smo iščitali iz prezimena većinom su aloglotskog i to latinskog, rjeđe mađarskog, ishodišta ili posredništva. Ona su uglavnom pohrvaćena i prepoznatljiva u svojoj imenskoj funkciji. Njihova je pretežitost pretkaziva činjenicama kao što su npr.: rano prihvaćanje kršćanstva, preporuka crkve da se djeci pri krštenju nadjevaju imena svetaca-zaštitnika, Tridentiskim koncilom i njegovim zaključcima itd.

Čestotnost imena u prezimenskoj postavi svjedoči o njegovoj nekadašnjoj životnosti. Sudeći po židanskim prezimenima od osobnih imena, u doba njihova nastanka čestotnošću su se izdvajala svetačka imena *Blaž, Gregor, Marko, Matko, Pavao, Stjepan* i dr. Primjećujemo da od nekih svetačkih imena prezimenski likovi posve izostaju (npr. od osobnog imena *Josip*).

U židanskim prezimenskim postavkama ugrađena ženska osobna imena nismo zabilježili.

³ Prezimana su zabilježena suvremenom hrvatskom grafijom za razliku od izvornika.

⁴⁴ Usp. npr. Superanskaja, 1981, 15-16; Šimunović, 1985, 21-32; Unbegaun, 1995, 37-168.

⁵ Usp. Šimunović, 1985, 78-79.

Nepostojanost prezimskih potvrda te vrste onemogućuje izvođenje bilo kakvih zaključaka o karakteristikama tih imena, osim što svjedoče o položaju i ulozi žena u vremenu prezimskih tvorbi.

2. U drugu smo skupinu uvrstili **prezimana motivirana zanimanjem.**

Ovu grupu prezentiraju prezima **Carić** (: car); **Čizmazia** (: mađ. (<tur.) csizmazia “čizmar”); **Knezić** (: knez); **Kolarić** (: kolar); **Kralj** (: kralj); **Lesić** (: lesar, drvodjelac); **Lokotar** (: Lokot); **Majer** (: njem. Meier “zakupnik imanja, upravitelj gospodarstva”); **Palatin** (: lat. palatinus “kraljev namjesnik u Ugarskoj”); **Pintar, Pinter, Pintarić** (: njem. (Faß)binder “bačvar”); **Puškar, Pušker, Puškarić** (: puškar); **Sabo** (: mađ. szabó “krojač”); **Šoparić** (: šopar, krovopokrivač šopom, raženom slamom); **Treiber** (: njem. Treiber “gonič”); **Varga** (: mađ. varga “obučar”); **Wagner** (: njem. Wagner “kolar”)

U ovu smo prezimsku skupinu ubrojili sva ona prezimana u čijoj smo postavi prepoznali nazive zanimanja i uopće sva prezimana koja se temelje imenicama koje označavaju vršitelja radnje te prezimana koja su u vezi s oznakom državne ili crkvene hijerarhije.

Od ukupno 14 prezimana ove skupine sufikslnih je 10, a asufikslnih 4. Većinom su tvorena sufiksom *-ić* (tip *Kolarić*) te manjim dijelom sufiksom *-ar, -er* (tip *Lokotar, Pušker*). Prezimana temeljena na zanimanju čuvaju materijalne dokaze o nekadašnjem postojanju pojedinih obrta i djelatnosti uopće. Zajedno s ostalim prezimenima ona su dragocjeni izvori informacija o povijesti jezika i kulturi Hrvata ovoga prostora.

U motivaciji prezimana tipa *Carić, Knezić, Kralj, Palatin* pretpostavlja se činjenica da ona nisu označivala vladara s kraljevskim, carskim ovlastima, već osobu (slugu, kmeta i sl.) u službi kralja, cara itd. Izvanjezični razlozi uzrok su pojavnosti leksema aloglotskog (ponajviše njemačkog i mađarskog) ishodišta i u ovoj prezimskoj skupini. Mnogi od njih i danas su sastavni dio židanskoga govora (*čizmazia, sabo, varga, treiber, vagner*).

3. U treću grupu unijeli smo **prezimana etičkog i etnonimskog podrijetla.**

4. **Brigović** (: *brijeg*); **Brezović** (: *breza, Breza, Brezje*); **Buzetski** (: *Buzet*); **Grueber** (: njem. *Grub(e)* “dolina, jama, rudnik”); **Horvath** (: mađ. (<hrv.) Horvát, Hrvat);⁶ **Magyar** (: Mađar); **Nemeth** (: mađ. Német, Nijemac); **Nyari** (: Nyár, naselje u Mađarskoj); **Olah** (: Oláh, mađ. ime za Rumunja); **Polgar** (: mađ. (<njem.) polgár “građanin”); **Toth** (: mađ. tót/tóth,

⁶ O prezimenu Hrvat vidi Simunović, 1985, 302-313.

Slaven; Slovak; Slovenac; Hrvat kajkavac);⁷ **Vlašić** (: Vlah : Roman, Rumunj, Talijan)⁸

Iz prezimenskog fonda ove skupine 11 je prezimena motivirano nazivom stanovnika nekog mjesta, kraja i sl., odnosno nazivom pripadnika nekog naroda. Pretežiti dio tih prezimena nastao je asufiksalsnom tvorbom, a prepoznatljiv je prezimenski sufiks *-ić* te jedini primjer za sufiks *-ski* u istraženom židanskom prezimenskom korpusu. U ovoj se prezimenskoj skupini zapaža dominacija prezimena s etnonimom nad prezimenima s etnikom u osnovi. Prezimena od naziva stanovnika nekog mjesta koja se temelje na apelativima, sadrže informaciju o mjestu po kojem je dobio prezime (bilo da je ondje živio ili samo bio vlasnik) njihov prvi nositelj. Takva su prezimena primjerice *Brezović*, *Brigović*, *Grueber*. Sudeći po imenima (ponajprije ojkonima) iz prezimena *Buzetski* (buzet), *Njari* (naselje u Mađarskoj) iščitavamo nazive stanovnika nekog mjesta. Prezimena (tip *Nyári*) koja u osnovi imaju mađarski toponim, uglavnom su tvorena dodavanjem mađarskih sufikasa *-i/-y*.

U skupini prezimena etnonimskog postojanja susreću se imena naroda *Horvat*, *Mađar*, *Nemet*, *Olah*, *Polgar*, *Tot* i *Vlašić*. Među njima su i danas najučestalija prezimena Horvat, Vlašić i Tot.

5. Posljednju skupinu čine **prezimena nadimačkog podrijetla.**

Babić (: baka, starica); **Balogh** (: mađ. balog "ljevoruk, ljevak"); **Buranić** (: bura); **Farkaš** (: mađ. farkas "vuk"); **Golubić** (: golub); **Grubić** (: grub); **Kos** (: kos, ptica); **Kropf** (: njem. Kropf "guša"); **Meršić** (: mršav); **Slavuj** (: slavuj, ptica); **Tustić** (: tust, debeo); **Vörös** (: mađ. vörös "crven, rumen").

Na nadimcima se temelji 12 zapisanih židanskih prezimena od kojih su 4 asufiksalsni i 8 sufiksalsnih, tvorenih sufiksom *-ić*.

Prezimena nadimačkog postojanja u našem su radu sva ona prezimena koja nisu motivirana osobnim imenom, nazivom zanimanja, ili nazivom stanovnika nekog mjesta, kraja, odnosno nazivom pripadnika nekog naroda.

S obzirom na apelativno značenje prezimena, ove skupine mogu se dalje dijeliti na manje podskupine:

- a) prezimena nastala od oznaka tjelesnih osoba: *Balog*, *Meršić*, *Tustić*,
- b) prezimena nastala od naziva životinja: *Farkaš*, *Golubić*, *Kos*, *Slavić*,
- c) prezimena za oznaku srodstva: *Babić*,
- d) prezimena od oznaka prirodnih pojava: *Burić*.

⁷ Imenom Tot Mađari su u početku nazivali sve Slavene s kojima su dolazili u doticaj. S vremenom se to ime sužava na slovake, Slovence i Hrvate kajkavce u zagrebačkoj, varaždinskoj i bjelovarskoj županiji. Usp. Skok, 1973, s.v. Slaven.

⁸ O navedenim (etnonimskim) i drugim značenjima (stočar; seljak) koje je tijekom stolecia mogao imati leksem Vlah vidi Skok, 1973, s.v. Vlah.

Nadimak, za razliku od osobnog imena, nadijevaju drugi, okolina, a poticaj im je često bila upravo poneka posebna osobina, mana ili tjelesni nedostatak. Imenovatelji pronalaze individualnu osobinu po kojoj se pojedinac izdvaja u svom okruženju te ga se po njoj može točno i lako identificirati. Stoga su najstarija prezimena bila uglavnom nadimačkog tipa.⁹ Nadimak se dobivao po osobini koja nije svojstvena većini već pojedincu.

Na kraju analize židanskih prezimena, ne možemo a ne ustvrditi da je još podosta pitanja ostalo bez odgovora. Najčešći je razlog tomu nedovoljna istraženost pojedinih dijelova gradišćanskohrvatske povijesti, odnosno nedovoljan broj poznatih dokumenata (među njima i onih s prezimskom građom) koji govore o toj povijesti.

Literatura

- Kálmán, Béla : A nevek világa, Csokonai Kiadó, Debrecen, 1996.
Unbegaun B. O.: Russkie familii, Izdatel'skaja gruppa „Progres”, Moskva, 1995.
Superanskaja, A. V., Suslova, A. V.: Suvremennye russkie familii, Izdatel'stvo „Nauka”, Moskva, 1981.
Skok, Petar: Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I- IV. Zagreb, 1971.-1974.
Šimunović, Petar: Naša prezimena – porijeklo, značenje rasprostranjenost, Nakladni zavod Matice hrvatske, Zagreb, 1985.

⁹ Usp. Šimunović, 1985, 17.

Petar Milošević (Budapest)

**GOVOR O POTONJIM STVARIMA – DVOJEZIČNA POEZIJA ĐUSE
ŠIMARE PUŽAROVA**

Dobiješ za Božić jednu crvenu i jednu plavu loptu: kojom ćeš se igrati? Sigurno i jednom i drugom, danas ovom, sutra onom.

Da li je to slučaj i sa stvaralaštvom književnika iz dvojezične sredine koji manje-više na istom nivou vladaju jednim i drugim jezikom?

Nije tipično. Čak, jedva znam za takav slučaj. U pitanju je, pretpostavljam, inspiracija. Recimo u lirici; ne možeš ponovo odglumiti emociju. Napišeš ljubavne stihove na hrvatskom, zatim želiš da ih napišeš i na mađarskom. Međutim, to više ne mogu biti oni isti stihovi. („Kao li se zvaše ona cura?”)

Zato, dvojezični književnici ne prevode i ne ponavljaju svoja ostvarenja, nego pišu nova i stvaraju dva različita životna opusa, često u različitim paradigmatima; kao Mihály Vitkovics alias Mihajlo Vitković koji je na mađarskom jeziku pisao klasicističku a na srpskom romantičarsku poeziju u duhu narodne.

* * *

Đuso Šimara Pužarov (Martinci, 1949 – Šikloš, 1994), jedan od najmarkantnijih predstavnika novije hrvatske poezije u Mađarskoj koji je premirno u zenitu svoje stvaralačke zrelosti, u pogledu dvojezičnosti spada među malobrojne izuzetke: sva svoja lirska ostvarenja napisao je i na hrvatskom i na mađarskom jeziku¹. A pošto za radenje lirike nije potrebna babica (Muza je nešto drugo), ne znamo koje su verzije prvobitne.

Nije znao valjda ni on. Nemamo njegovih izjava na tu temu, niti iskaza u arspetičnim stihovima. Pitanje ga očito nije uzbuđivalo, nije ga smatrao važnim, jer je svoju dvojezičnost doživljajao, izgleda, kao nešto prirodno.

Ipak, postao je poznat samo kao hrvatski književnik. Stihove mu prvo, krajem 1970-ih godina, objavljuje manjinska emisija mađarskog radija, zatim budimpeštanske Narodne novine i njihov književni prilog Neven, onda časopis Glas (1989–1991), a prisutan je i u raznim antologijama². Najzad, izlaze mu i samostalne zbirke, za života *Stojim pred vama* (Budimpešta, 1989) i *Djeci a ne samo* (Pečuh, 1991), a nakon smrti izbor iz poezije pod naslovom *Još uvijek snivam* (Pečuh, 2001).

¹ Barem do početka 1990-ih godina; sve njegove dotadašnje rukopise imao sam u rukama i pročitao sam ih.

² To su tri antologije novije hrvatske i srpske književnosti u Mađarskoj: *Gde nestaje glas*. Budimpešta, 1984. *Na drugoj obali*. Beograd-Valjevo, 1984. *Naša poezija u dijaspori*. Sarajevo, 1991. (Sve tri antologije sastavio Petar Milošević, treću zajedno sa Slavomirovom Gvozdenovićem i Andijem Novoselom.) Objavljena je i antologija *Más-szóval* (Magyarország horvát és szerb költők magyar nyelven). Pécs, 1988. (Sastavili Stjepan Lukač, Petar Milošević, Nikola Radosav.)

Njegovi mađarski stihovi, koje sam prilikom našeg dugogodišnjeg prijateljstva bezbroj puta viđao u debelom fasciklu iskucane na starinskom pisačem stroju, zasada (nadam se) počivaju u nepoznatoj fioci čekajući svoga izdavača.

* * *

Tajnu primata hrvatske ili mađarske verzije svojih stihova autor nam nije otkrio, a na to pitanje ne možemo dati odgovor ni pomoću analize. Na svu sreću! Naime, to znači da su verzije potpuno ravnopravne i u estetskom pogledu.

Zapravo, Đuso Šimara Pužarov je stvarao *dva ravnopravna originala*, jednako snažna i važna.

Ipak, nakon paralelnog čitanja njegovih hrvatskih i mađarskih stihova, možemo zaključiti da je mađarskim jezikom, *količinski*, vladao bolje nego hrvatskim. Ali samo kvantitativno, prvenstveno u pogledu leksike, dok je *emotivno* bolje „znao” svoj rodni hrvatski jezik, jezik podravinski.³

Kod njega to nije bio lirski egzotizam dijalekta, niti nostalgija prema zavičaju čiji se tonovi gube u nepovrat; nema tu ničeg „sa margine nacionalnog bića” ili „glasova iz rasejanja”. Njegova poezija je govor o potonjim stvarima.

Đuso Šimara Pužarov govori o suštinama, samo o suštinama, a za to mu je potreban suštinski jezik i jezik suština. Elementarni vokabular, elementarni izrazi i elementarne slike građene od njih.

A elementarne elemente govora učio je od majke i oca, i svojih suseljana u rod-nim Martincima.

Zato, ako komparativna analazi pokazuje da su njegovi mađarski stihovi bogatiji i sadrže složenije sintaktičke konstrukcije pa i formulacije i slike, onda su mu hrvatski stihovi elementarniji i jezgrovitiji.

Tako, koristeći ipak i neke lokalizme i jedva primetljive hungarizme, Pužarov je stvarao poeziju kakvu nijedan današnji zagrebački liričar ne bi mogao da piše, dok mu mađarski stihovi tu specifičnost u mađarskom kontekstu nemaju.

* * *

Pogledajmo nekoliko odlomaka u kojima se očituju tipovi razlika između njegovih hrvatskih i mađarskih tekstova.

Bez zuba – töredék: „molitva bez zubi / u plamenu što gori” – „rőt lángokban libegő / fogatlan fohász”; u mađ. uz „plamen” stoji epitet „rőt” (riđi), a dvostih sadrži i aliteracije kojih u hr. nema. Zatim, u hr. piše „gori”, u mađ. pak stoji bogatiji izraz „libegő”, tj. lelujav (plamen). S druge strane, mađ. izraz „nagy-

³ Jezik pripadnika nacionalnih manjina, u različitim nijansama kod raznih zajednica i pojedinaca, ima ipak četiri osnovna tipa: 1. Svoj jezik znaju bolje nego jezik većine; to je bilo tipično za seoske naraštaje rođene prvih decenija 20. v. u Mađarskoj. 2. Dominacija jezika većine, tzv. asimilacija. 3. Ograničeno i nepotpuno zanje oba jezika kao rezultat objektivne jezičke zatvorenosti i/ili hotimičnog zatvaranja. 4. Ravnopravno znanje oba jezika na visokom nivou; do toga se stiže učenjem, usavršavanjem, putovanjem itd.

anyám” znatno je indiferentniji nego hr. „stara-majka”. (Prema mađ. moglo je biti „moje bake”.)

Bez ikoga – magányban: U stihovima „usamljenost / kruni ti glavu” u mađ. stoji „unalom koronázza / fejed”, dakle ne „usamljenost”, nego dosada. Dalje: „na tijelu ti / teškoća / sive noći”, mađ. „testeden / a sivárság / köntöse”, tj. ogrtač pustoši; zatim „bosim nogama / hodaš / po prahu”, mađ. „sárpapucsos lábbal / változtatod / helyed”, tj. krećeš se nogama u papučama od blata; i najzad: „sve dok ti tuga / ne popije oči”, mađ. „szemed / a szürkesség hitvese”, tj. oči su ti supruga sivila. Hrvatski naslov „bez ikoga” bogatiji je od mađ. „magányban” (u samoći), ali u mađ. i teško bi bilo naći adekvatan izraz. (Bukvalno: bárki nélkül.)

Nisi našao – nem taláztat: „tražio si / kraljicu / a našao / kučku”, mađ. „királynőt / kerestél / csak kurvára / leltél”; u hr. nije „kurva” nego „kučka” zato što je to bliže atmosferi i duhu podravinskog govora.

Stojim pred vama – Hogy álljak elétek:

evo stojim pred vama
u bijelom ogrtaču
polomljenih snova u srcu
čekam smrt
sudite mi
ja ću vam oprostiti
ali trebate znati
na treći dan
uskrснуću
zanavijek
u crvenom ogrtaču
što će postati
sama gola vatra
i do lakata će vam
spaliti krvave ruke
koje ionako
ne biste mogli oprati

ím itt állok előttetek
fehér palástban
mit rám szabtatok
sorsom a tiétek
ítélkezzetek
s én megbocsátok
de tudnotok kell
hogy harmadnapra
végérvényesen
feltámadok
vörös palástban
mely maga lesz
az emésztő tűz
s csonkká égeti
majdan
pénzért mosott
kezeitek

Iz hr. teksta izostalo je mađ. „mit rám szabtatok”, tj. što ste mi ga skrojili (ogrtač), a ono „polomljenih snova u srcu” znači znatno manje. Isto tako, hr. teskt gubi izostavljanjem mađ. „sorsom a tiétek”, tj. moja sudbina je vaša (u vašim je rukama), jer ono „čekam smrt” značenjski je siromašniji. Međutim, hr. „sama gola vatra” mnogo je izražajnije slika nego mađ. „emésztő tűz” (vatra koja proždire), dok u slučaju hr. „do lakata će vam spaliti” odnosno mađ. „csonkká égeti” (ostaće samo patrljak) jednako su snažne slike, i jedna i druga odlična u duhu vlastitog jezika.

Najveća razlika nalazi se u savršnoj slici: hr. „krvave ruke / koje ionako / ne biste mogli / oprati” odnosno mađ. „pénzért mosott / kezeitek”, tj. ruke koje ste oprali za novac. Ipak, uprkos bitnim razlikama u bukvalnom značenju, hr. i mađ. stihovi izražavaju istu suštinu, i obe verzije postižu pun estetski efekat.

* * *

Đuso Šimara Pužarov bio je pravi, „rođeni” poet, za njega su i najobičniji poslovi svakodnevice – otići u trafikku i kupiti cigarete – bili pomereni u pravcu doživljaja visokog emotivnog i intelektualnog intenziteta; sve se u njegovom biću, čak i u običnom kafanskom razgovoru, povezivalo sa suštinama, sa dimenzijama sudbine, pravde i istine, života i smrti, dobra i zla, raja, pakla i boga.

A sve to bez fraza i patetičnosti, jer je izviralalo iz njega samoga i njegovog života. Bio je pravi liričar duboko ličnih iskaza.

U takvu ga je poziciju gurnuo život.

Temelje poezije Đuse Pužarova predstavljaju dva usko povezana, tragična događaja: invalidska sudbina zbog paralize i rana smrt majke.

Bogalj i samac, lišen najvoljenijeg bića, Pužarovljev lirski subjekt vidi život samo kao alternativu, a često mu se čini da je njegovo življenje izdaja prema mrtvoj majci, kojoj ima da zahvali što je ostao živ: „mrtvo tijelo / kamen križa / pod njim / djeвица // majka ti / padne / na pamet // jedina / koja bi / vjerovala / da ćeš još / progovoriti” (*pieta*).

Svoj život smatra izdajom prema dragom pokojnicom; ovako piše u dirljivo iskrenim stihovima *sna o majci*:

sanjao si
ove noći
to u b'jelom
majku svoju
kako došla
da zagrlj
glavu tvoju
a onda se
rastopila
od vreline
tvoga t'jela
još ti krikću
one r'ječi
kojima je
tebe 'klela'
vikala je
hladnim glasom
kako staneš
da je varaš
zato ti je
srce tužno

kada ovu
pjesmu stvaraš

U takvim okolnostima, bez majke i boga, sve je uzaludno, pravda pogazena, ljubavnice su neverne, bog ne sluša naše molitve a u njegovo ime mnogi čine zlo, dok mu u kući „na cvijetnom / oltaru / edenska / zmija / leži” (*uskrs*). Lirski subjekt živi u Lilliputu (*lilliput*) kao stranac (*duša u vreći*) ili kao u tamnici: „takav je život / u mističnoj tamnici (*na lancu*) i progonstvu: „kao bolestan / kurjak / vučes se / ka gustoj šumi” (*vučeš se*). Ništa nema smisla, jer „čelom bih / srušio / tamnicu ovu / ali / ne vrijedi / toliko već / znam / jer našao bih / tamnicu novu / ni tada / ne bih / stigao van” (*stijene*). U svemiru bez boga stradaju i anđeli: „ne moli boga / majko / sin ti je vidio / anđele s plavim / glorijama / otrcanim krilima / kako sa štakom / drežde / po smrdljivom / kamenju / starih ulaza” (*ubogi anđeli*), na zemlji vladaju „novopečeni pilati” koji sve drže u svojim „krvavim rukama” (*stojim pred vama*). Istina, lirski subjekt stoji pred njima „u crvenom ogrtaču / što će postati / sama gola vatra / i do lakta će vam / spaliti krvave ruke / koje i onako / ne biste mogli / oprati”.

Pred kraj svoga beskompromisno i nepoštedno proživljenog kratkog života Đuso Šimara Pužarov pisao je stihove u kojima se iskazuje nada u neko transcendentno smirivanje i upotpunjenje bića.

Nažalost, ti stihovi iz zaostavštine poznati su mi zasad samo u mađarskoj verziji (o njima v. gore, na mađarskom), a obrtnuto, sudbina većine njegovih mađarskih rukopisa zasad nije mi poznata. Ali nadam se da će jednom biti prilike da se objavi reprezentativno dvojezično izdanje njegove poezije, koja je zanimljiva i u hrvatskom i u mađarskom pa dakle i u hrvatsko–mađarskom književnom i jezičkom kontekstu.

Виктор Моисеенко
Людмила Моисеенко (Szombathely)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ И ЭТИМОЛОГИИ РУССКИХ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ

Abstract: The article examines problems connected with nominalizations of color and their semantic differentiation. The semantic values inherent in the lexemes „cvet” and „mast” are compared and contrasted. The ambiguity of the lexem „mast” is described, and conclusions are drawn with respect to the poly-modality and integrity of its referential field.

Keywords: *Russian and Old Russian languages; colours – coats – suits in comparison.*

Круг славистических интересов высокоцитимого Юбиляра очень широк. Помимо истории славянской филологии, венгерско-славянских языковых связей, хорватской диалектологии, истории славянских литературных языков, Учёный периодически возвращается и к исследованиям наименований цвета в славянских языках – своему давнему увлечению из времён «лингвистической молодости». В этой связи позволим себе напомнить, что именно ему принадлежит первенство в синхронном описании семантической системы славянских цветоименований на материале нескольких языков: русского, словенского, сербского и хорватского. В настоящей статье мы продолжаем „колористический” диалог с высокоуважаемым Коллегой и Юбиларом.

Проблемы цветоразличения и цветовой номинации, требующие ответа на вопросы: «Что это за цвет?», «Какого это цвета?», «Как назвать этот цвет или оттенок?», «Цвет это или масть?», занимающие важное место в языковой коммуникации, не всегда удаётся решить просто и однозначно. Если попросить группу носителей любого славянского языка, в том числе русского, назвать цвет и/или оттенок конкретного объекта, то ответы будут самые разнообразные. При этом многие из них с точки зрения научного цветоведения окажутся неверными. К единой корректной выраженной словами цветовой оценке в подобной ситуации прийти не всегда просто, т.к. само выражение «иметь цвет или оттенок цвета» несёт сложную смысловую нагрузку, требуя специальной интерпретации. При более детальном рассмотрении оказывается, что проблема заключается как в самой природе цвета, так и в организации естественного языка. Поэтому изучение феномена цвета и вся «цветовая проблематика» в языке, литературе и искусстве, видимо, не скоро исчерпают себя, ибо на уровне мышления окружающая человека вселенная, в том числе и физический мир цвета, опосредованы языковым сознанием, в котором к ограничениям, связанным с восприятием, добавляются также явления, обусловленные

объективными закономерностями языка.¹

Ещё акад. В.В.Виноградов обратил внимание на то, что древнерусскому языку были свойственны “необычные” цветковые прилагательные: *жаркий, крапивный, маковый, осиновый, сливовый, смородиновый* и др. [Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 3-е, М., 1986, с.159]. Этот ряд можно расширить другими экзотическими наименованиями цвета, зафиксированными в письменных памятниках XVI-XVII вв., такими как: *блакитный (облакотный), брусничный, буряковый, небесный, палевый, пепелистый, половый, соломенный, фиалковый* и др. [Абаев В.И. Из истории слов. Русское и украинское лудан. – Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. Изд-во АН СССР, М., 1963, с.116-119].

Цветовая семантика подобных слов не таит в себе ничего необычного. Лишь ограниченное число русских прилагательных, которые унаследованы от древнейшей эпохи: *белый, вороной, чёрный, червонный, жёлтый, зелёный, синий, серый, сивый* и др., несут цветовой смысл (хроматический или ахроматический) непосредственно. Значительное число атрибутов выражают цветовой признак как относительный через эталонные объекты, которые чаще всего образуются от названий растений, цветных металлов, драгоценных камней, других объектов и предметов окружающего мира. Цвет является одним из наиболее эталонных визуальных качеств, поэтому в отдельных случаях затруднительно передать цвет, не используя общепринятых словесных образцов – цветowych эталонов. Существует два способа толкования цветоименований: а) указание типичного, характерного объекта, имеющего данный цвет, б) описание одних имён через другие. Все цвета, как правило, имеют прототипические эталоны, как денотатные, так и неденотатные типа: *чёрный* – “цвета сажи или угля”, *белый* – “цвета мела, молока, снега”, *красный* – “цвета крови” и т.д. При терминологически нейтральной передаче цвета (даже когда лексическое значение определено словарной традицией и языковым сознанием через другие цвета, почти всегда остаётся возможность задать эталон:

¹ Самостоятельный научный интерес представляет изучение цветоименований в плане их *семантических переосмыслений*, в частности, различие людей по “цвету и масти” через употребление субстантивов, которые обозначают цвет и выступают в роли колористических детерминаторов людей. Вот несколько характерных примеров семантических трансформаций в кругу русских цветоименований: а) название фильма режиссёра Вл.Соловьёва “Чужая, белая и рябой”; б) заголовок статьи актёра Евг. Лебедева “Я тоже был пегим” (“пегий” – сын духовного лица – В.М., Л.М.). - “Литературная газета”, 16 февр.1994, №7, с.8; в) перечень российских политических партий из радиочерка Ю.Мориц “Перестроечная элита”: “... оппозиция красная, чёрная, коричневая, голубая, ... задняя, передняя, центровая, в крапинку и в полоску” (“Радио Свобода”, 16 августа 1992 г.).

вишнёвый – “тёмно-красный цвет густого тона” или *вишнёвый* – “цвет спелой вишни” и т.д. Сами же эталоны могут меняться в процессе языковой эволюции, в результате воздействия экстра- и интралингвистических факторов.

Наблюдения показывают, что количественный и качественный состав русских цветowych слов, начиная с древнейшей эпохи, всегда был очень значительным и включал многие десятки, а с дериватами даже сотни наименований. Он не ограничивался перечнем слов, простых и/или сложных, которые принято считать собственно цветоименованиями типа: *красный, тёмно-зелёный, снежно-белый, нежно-лиловый* и т.д. В этом постоянно изменяющемся списке можно обнаружить лексику, “обслуживающую” все стили русского словоупотребления. Наряду со стилистически нейтральными обозначениями цвета, здесь можно встретить и совсем “свежие” цветочные неологизмы, и архаичную лексику, поэтизмы и экзотизмы различной этимологии: *алый, аспидный, багровый (багряный), горчичный, защитный(хаки), золотой, индиго, кармазинный, кубовый, кумачевый, маренго, медный, оливковый, ореховый, радужный, рдяный (рдяной), редрый (рёдрый), свекольный, сивый, синюшинный, смоляной, смуглый, суриковый, табачный, телесный (инкарнатный), терракотовый, угольный, шарлатный, шафрановый, цвет(а) мёда, цвет(а) мокрого асфальта, цвет(а) морской волны, цвет(а) оперения чижа, цвет(а) слоновой кости, червчатый, чермный, электрик* и многие другие.

Рассуждая о цветоименованиях как замкнутой лексико-семантической группе, не следует забывать, что в русском, как и любом другом славянском языке, к ним относятся также и многочисленные названия масти диких и домашних животных и птиц. Это очень древняя, обладающая некоторыми специфическими семантическими характеристиками составная часть системы цветоименований, которая комплексно в славянских языках ещё не исследовалась. Поэтому сосредоточим наши рассуждения именно на описании феномена масти.

В состав масти как особой цветочной лексико-семантической группы входят, в частности, многие оригинальные названия окраски и внешнего покрова диких и домашних животных, среди которых наиболее многочисленными и общеупотребительными в русском языке являются названия масти лошади. В наши дни мы являемся очевидцами тех цивилизационных процессов, которые свели к минимуму роль этого животного в повседневной жизни человека, во многом обесценили её историческую, социальную, культурную и эстетическую сущность. Они же стали причиной того, что из русского языкового обихода уже безвозвратно исчезли и продолжают исчезать многие слова, а с ними понятия и образы, относящиеся к триаде “человек-лошадь-цивилизация”. Не в силах воспрепятствовать этому глобальному процессу, мы всё же обязаны сохранить и закрепить в русском языковом сознании эту бесценную информацию, ко-

торая имеет непосредственное отношение к самобытной истории русского этноса, его древней духовной и бытовой культуре.

Если рассмотреть состав наименований масти лошади в русском языке в ретроспективе, то обнаружится, что он весьма разнообразен и качественно, и количественно. Здесь, например, можно встретить “не совсем обычные”, с точки зрения современного русского словоупотребления, названия мастей лошади типа: *глин(н)астый, голубой, железный, копте-лый, огнен(ный), розовый, плеснивый, скворечий* и др. Хронологически подобные образования являются более поздними по сравнению с таким древнейшим, восходящими к праславянской эпохе массивом общеславянских наименований конской масти, как: *вороной, белый, брон(н)ый, бурый, бусый, гнедой, жёлтый, мухортый, пегий, (про)пелесый, плавый/половый, рудый, русый, серый, сивый, чёрный* и др.

В результате русско-татарских языковых контактов с сер. XIII века система русских цветоименований пополняется также названиями цвета и масти ориентального происхождения: *алый, буланый, игрений, караковый (каракулый, каракулый), карый(карий), каурый, чалый, чубарый* и др. [Ахметьянов Р. Некоторые названия лошади в татарском языке // Сов.тюркология, №2, Баку, 1975, с.69-76].

Кроме этого, на огромных освоенных русскими пространствах Евразии в обиходе издавна были оригинальные местные названия (алтайские, амурские, донские, сибирские, терские, уральские): *бусая, калюная, калтарая, чагравая, чанкирая, халзаная* и др. Большинство этих и других названий к настоящему времени в русской диалектной речи утрачено окончательно [Вербицкий В. Заметки кочевого алтайца. Вестник Рус.Геог. Общ., 1852, ч.24; Карпов А.Б. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками. Сб. ОРЯС, 1910, т.87, №1; Донские дела, кн.1-5, РИБ, т.18, СПб, 1898; т.24, СПб, 1906; т.26, СПб, 1909, т.29, СПб, 1913; т.34, Пг., 1917].

Исследуя др.-рус. письменные памятники XV-XVII веков, нетрудно убедиться, что система древнерусского словопроизводства в этот период (а вероятно и ранее) обладала неограниченными возможностями для образования новых слов, словосочетаний, фразовых конструкций, которые охватывают чрезвычайно широкую собственно цветовую и оттеночную гамму. Показательно, что языковая практика эпохи средневековья в полной мере использовала потенции русского словопроизводства, замечательно сохранившего свой праславянский архетип, о чём свидетельствуют старинные цветоименования. Др.-русские письменные контексты XV-XVII веков демонстрируют немало неожиданного. В них находим оригинальный набор цветowych прилагательных, схожий с современными деривационными моделями. Необычны некоторые сложные наименования, отражающие комбинации цвета и формы наружного покрова животных. Вот некоторые примеры: *(в)иноходець въ голуб` пегъ, конь на степи каракуль, чербчик воронъ да кобыла карая; кобыла коптела грива*

налево, конь брунатный сивый в яблоках, меринъ изсаврасагнетъ, меринъ с`ръ глиннасть, аргомакъ въс`ре буланъ, лошат барсова, кобыла полова, стригунокъ огнень карь, кобылка в голубе п`га, конь изабеловый, кобыла крылата с красниною, буланая с красниною, меринокъ в голубе сивъ, конь в ворон` пегъ, лошат ряба рудожелта, жеребець скворечий пропелесый, кобыла шерстью савраса бура, кобыла в голуб` пестра, бусый конь, иноходець б`лый седой, кобыла розовая или красносера, меринъ пеганой коптелой, искраснабурый конь, аргомакъ саврасой впрожелть, конь ореховый смурый, конь чермный, лошадь редра п`гана, кони рыжди и п`зи и с`р`ни и брони, конь тмокари, кобылка кара грива направо в`слоуха губа мухорта и др.²

Насколько легко и правильно нам удаётся определять значение таких встречающихся в современных литературно-художественных контекстах экзотических цветowych прилагательных, как *дроковый*, *гелиотроповый*, *нанковый*, *ноготковый*, *патиновый*, *фрезовый* и т.д.? В состоянии ли мы также описать характерные особенности *игренивой*, *пелесой*, *саврасой*, *чалой* или *чубарой* масти? У отвечающих на подобные вопросы носителей языка (если только они не являются специалистами в области колористики) формулировка корректных ответов непременно вызовет раздумья и

² Перечисленная др.-русская лексика выбиралась из изданий: Акты социально-культурной истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Изд-во АН СССР, т.1, М.,1952; т.2, М., 1958; т.3, М., 1964; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI вв., ч.1, 2, 3. М., 1951, 1956, 1961; Судебники XV-XVI. М.-Л., 1952; Памятники русского народно-разговорного языка XVII века. М., 1968; Московская бытовая и деловая письменность XVII века. М., 1968; Крестьянские челобитные XVII в. (Из собрания Государственного исторического музея). М., 1993; Вести-куранты. 1600-1639 гг. М., 1972; Вести-куранты.1642-1644 гг. М., 1976; Вести-куранты. 1645-1646, 1648 гг. М., 1980; Вести-куранты 1648-1650 гг. М., 1983; Вести-куранты. 1651-1652 гг. 1654-1656 гг. 1658-1660. М., 1996; Бытовая малорусская обстановка в документах XVII – XVIII ст. – «Киевская старина», т. XIX, 1887; *Бахилина Н.Б.* История цветообозначения в русском языке. М., 1975; *Ващенко Т.Ф.* Лексические данные кабальных записей // Памятники русского языка. Вопросы, исследования и издания. М., 1974; *Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII века. Л., 1974; *Майков В.В.* Книга писцовая по Новгороду Великому, конца XVI в., СПб, 1911; *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. ч.1-я, 1886, с.553-560; *Савваитов П.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенном. СПб, 1896; *The Novgorod Kabala Books of 1614-1616. Text and Commentary by Hagar Sundberg.* Stockholm, 1982; *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам Т.1-3, 2-е изд. М., 1958; Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в десяти томах. Т. I-VI, М.,1967-2000; *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на берёсте (из раскопок 1953-1954 гг.). М., 1958; *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на берёсте (из раскопок 1977-1983 гг.). М.,1986.

затруднения преимущественно потому, что все эти наименования в их языковом сознании и языковой практике слабо закреплены. Попытаемся прояснить эту ситуацию.

Масть и цвет очень близки по своей физической природе и по семантике. **Близки, но не идентичны.** Об этом иногда забывают даже исследователи языковой теории цвета, пишущие, например, о «тигровом» цвете [Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именованья: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // ВЯ, 1994, №6, с.81].³

По нашим представлениям, зрительно в масти животных или птиц воспринимается не только цвет или оттенок цвета, но также определённый рисунок внешнего покрова. *Именно этот компонент в комплексе с цветовым компонентом составляет характерный образ или картину той или иной масти.* Масть животных дополнительно (в отличие, например, от карточной масти) мы способны воспринимать и дифференцировать не только визуально, но и через осязание, т.к. качество, консистенцию, фактуру внешних покровов помимо зрения мы воспринимаем *тактильно*.

В отличие от собственно цвета, который, как известно, наделён *тоном, яркостью, насыщенностью*, масть имеет *двойственную природу*. Дуализм масти заключается в том, что помимо собственно цветовых характеристик, она обладает специфическим рисунком (формой) внешнего покрова животных и птиц: шкуры, кожи, шерсти, волос, пуха, оперения. Рисунок в сочетании с цветом и оттенками цвета несомненно представляет собой комплексное образование. Рисунок (его форма) как компонент масти представляется более расплывчатым и неопределённым, чем компонент цвета как в плане семантики, так и в плане номинации. Когда в контексте (спектральное) значение наименования относительно понятно, не возникает затруднений в определении того, является ли оно цветообозначением или не является. Но в осложнённых рисунком случаях может возникать неопределённость самого этого параметра. По отношению к отдельным видам диких и домашних животных в русском словоупотреблении *пятно, отметина, крапина, подпалина, пезина, полоса, «воротник», «яблоки», «ремень», «шашки»* и т.д. всё же представляют собой не очень однородное целое, т.к. они *не эталонны* в отличие от геометрических фигур и тел или даже по сравнению с характерными негеометрическими объектами, обоз-

³ Внимательный к деталям знаток русских названий масти животных В. Даль чётко их дифференцирует, подчёркивая, в частности, что эпитет *пегий* следует применять преимущественно по отношению к лошадям, о рогатом скоте в том же цветовом значении говорится *пёстрый*, а о собаке – *рябая* [Даль В. Словарь живого великорусского языка, т.3, с.549]. Он акцентирует внимание читателя не случайно, а памятуя об имевшем место и в его время неправильном стилистическом употреблении названий масти в быту и в книжном языке.

начаемыми словами типа *яйцеобразный, иглообразный, серповидный* и т.д.

Масть как и собственно цвет, кроме этих двух обязательных элементов, обладает *освещённостью (яркостью, интенсивностью)*, а также *тактильностью* - ощущением через прикосновение, а иногда и с помощью «зрительной памяти».

В системе русского словопроизводства степень освещённости объекта издревле реализуется без ограничений путём образования композитов с первым компонентом *тёмно-, светло-, ярко-, тускло-, блёкло-, грязно-* и т.д. типа: *тёмно-гнедой, ярко-жёлтый, светло-караковый* и др., а также исконных образований с префиксом *из-/ис-* типа: *иссиня-чёрный, изжёлта-пегий, иссера-бурый* и др.

По цветовой освещённости масть обладает дополнительно *градуальностью*, т.е. способностью делиться на пары: *чёрный/белый, тёмный/светлый, тусклый/яркий* и т.д.

Тактильность как ещё одно дополнительное качество масти представляется в языковом сознании ещё более размытой, чем форма. С помощью кожной перцепции человек способен познавать широкий круг качеств предметов, в том числе фактуру внешних покровов живых существ: гладкость, упругость, мягкость, влажность, «масляничность». Качество живых покровов может характеризоваться такими прилагательными, как: *атласный, бархатный, шёлковый/шелковистый, пергаментный* и др. При сенсорном определении масти наблюдается диффузия зрения и тактильности. Например, такие качества, как *шероховатый, ворсистый, пушистый, щетинистый* достаточно безошибочно определяются на вид, но их можно определить и на ощупь [В.Е.Моисеенко, Из истории цвета и масти животных в русском языке. – Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с.160-186].

В системе русских цветообозначений масть представляет особую группу слов, которая не обладает высокой степенью внутренней организации и с трудом поддаётся упорядочению. Этому препятствует слабая членимость масти по цветовому ряду, а также «размытость» цветовых смыслов - особенно по красно-коричневому ряду – наиболее частотному и характерному для масти лошади и других диких и домашних животных. Возможность систематизации масти сдерживается исторически сложившейся синонимией, обусловленной некритическими заимствованиями из различных языковых источников. В авторитетных русских словарях нередко субъективные дефиниции отдельных мастей, а «разброс» их цветового описания недопустимо велик. Многие толкования явно неудачны, по ним просто не догадаешься, о каком цвете идёт речь. Однако в целом наличие представленных выше компонентов – «определителей» масти позволяет уверенно говорить *о полимодальности и целостности её предметного образа*.

В процессе наблюдений создаётся впечатление, что перечисленные достаточно очевидные дифференцированные характеристики масти дли-

тельное время оказывались вне поля зрения специалистов-лексикографов. Ситуация выглядит так, как будто за последние два века в русском словарном деле представления о семантической природе масти практически не изменились. Ср. в этой связи определения понятия “масть”, представленные в двух российских академических словарях 1-й пол. XIX и 2-й пол. XX века: 1. “Словарь церковнославянского и русского языка”, т.2-й, СПб, 1847, с.290: “МАСТЬ – 1) цвет, краска; 2) в карточной игре: часть колоды, обозначенная особенного цвета пятнами”. 2. “Словарь современного русского литературного языка в 17 томах”, т.6, М.-Л., 1957, с.686-687: “МАСТЬ – 1) цвет шерсти у животных и перьев у птиц; 2) один из 4-х разрядов, на которые делится колода игральных карт по цвету и форме очков”. В обоих академических изданиях представлена исчерпывающая дефиниция карточной масти, в то время как описание масти животных и птиц или отсутствует вовсе или остаётся недостаточным. Причина этого, видимо, не только и даже не столько в “невнимательности” составителей словарных статей в солидных изданиях. Она скорее причина в “скрытности”, “неочевидности” всех формальных и семантических составляющих слов, восходящих к общесл.**mastь*. В отличие от русского языка, в других славянских, а также и неславянских языках, понятия “масть животного” и “карточная масть” чётко дифференцируются, выражаясь разными словами. Ср., например, в англ. языке: 1. *colour (of the hair)* – о животных вообще; *coat* – о лошади; 2. *suit* – карт. (Russian-English Dictionary, New York, 1959, p.348).

Многовековой опыт разведения домашних животных, в том числе лошади, показывает, что генетическое наследование определённой масти может быть многообразным, но оно всегда бывает последовательным. В русской языковой традиции эта биологическая особенность масти не нашла своего строгого словесного отражения записью *в соподчинительном ряду* в соответствии с законом генетики, по которому, в частности, “у рыжих лошадей рождаются только рыжие, у вороных – рыжие и вороные, у гнедых – рыжие, вороные и гнедые и т.д.” [Ковалевская В.Б. Конь и всадник, М., 1977, с.22].

Говоря о лексике наиболее изученных индоевропейских языков, А.Мейе справедливо заметил, что «лишь у меньшинства слов каждого языка есть надёжная индоевропейская этимология» [Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938, с.385]. Это замечание побуждает к исследованию. Рассмотрим два характерных примера, включающие элементы «народного осмысления», пропущенные сквозь призму научной этимологии.

1. С чем прежде всего в русском быденном языковом сознании ассоциируется кличка собаки – дворняжки *Шарика*? Чаще всего с образом-понятием «небольшой, круглый (перекатывающийся) как шар(ик)».

Подтверждение этому находим в литературе: «Какую информацию даёт нам слово Шарик? Мы знаем, что это кличка собаки, и только. Даже тот факт, что это имя «говорящее», ничего не говорит: вряд ли каждый Шарик оправдывает то «основание для сравнения», какое заложил в эту кличку первый человек, окрестивший так своего четвероногого друга за привычку *свёртываться клубком* (курсив наш – В.М., Л.М.)» [Мокиенко В.М. В глубь поговорки. Киев, 1989, с.141].

Так ли это на самом деле? *Круглый ли Шарик?* Слова с корнем *шар-* в современном русском языке имеют три значения. Древнейшее из них, цветное, восходит к праслав. **šagъ-* со значением «пятнистый, пёстрый». И пёс *Шарик* – исконно «пятнистый, пёстрый», а не «круглый». Таким, «подобным шарик», его сделала народная этимология и таким он прочно вошёл в русское быденное языковое сознание.

Ещё в начале XX века происхождение слова *шар* считалось не вполне ясным. В первом русском этимологическом словаре по этому поводу написано: «*Шар* – «круглое со всех сторон тело. Неясно» [Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т.2, М., 1959 (фототип. изд.1910-1914 гг.), с.88]. Фасмер в первом прижизненном издании своего “Этимологического словаря русского языка” представляет и чётко дифференцирует два значения русского *шар*: 1.”Kugel” 2.”Farbe, Fleck” [M.Vasmer, Russisches Etymologisches Wörterbuch. Dritter Band. Heidelberg, 1951, S.374]. Не противоречит этой версии и значение *шар* II в переработанном и дополненном О.Н.Трубачевым русском издании этого словаря, хотя в целом словарная статья *шар* выглядит уже по-иному [Фасмер, т.IV, с.406]. Следует отметить, что этимология слова *шар*, в том числе и в значении *Farbe, Fleck* во всех русских этимологических словарях неудовлетворительна [Черных, Историко-этимологический словарь современного русского языка, т.II, М., 1994, с.402].

Образования, восходящие к праслав. **šagъ-*, в которых сохранён архетип масти, и в наши дни встречаются в большинстве славянских языков и диалектов именно в вышеуказанном или близком к нему значении. Этот факт свидетельствует в пользу наших рассуждений о происхождении русского слова *Шарик*. Ср., например, в южнославянских языках, в частности, в **серб.**: *шаров* – “пегая собака, пёс”; *шарга, шароња* – «пегий вол». Здесь же и *Шарац* – легендарный конь – персонаж сербского фольклора. Аналогичны данные **хорв.** языка: *šarov* – “название пятнистой собаки”, *šarova* – “название пятнистой коровы”, *šarka, šarovača* – “пёстрая, пятнистая змея”(vipera ammodytes) [Rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika, knj. XVII, Zagreb, 1959-1962, s.492]. Л.Мичович сообщает следующие сведения из Восточной Герцеговины: «Псима дају имена *према длаки*: шаров, гаров, бјелов итд.” – “Собакам дают клички *по цвету шерсти*: “пегая, пятнистая”, “чёрная (тёмная)”, “белая” и т.д.” (только о дворовых собаках – В.М, Л.М.) [Мићовић Љ. Живот и обичаји Поповаца – Српски етнографски зборник. Књ.LXV, Београд, 1952, с.27].

Ср. слова с этим корнем и цветовой коннотацией в других славянских языках: **ст.-сл.** *шрѣ* / *шрѣ* – *шрѣ* в ед. знач. «краска» [Старослав. словарь (по рукописям X-XI веков). М., 1994, с.789]; **др.-рус.** *шарь*, *шарота* – «краска», *шарити* – «красить, пестрить», *шарописатель*, *шарьчии*, *шарьница* – «живописец», *шаровный*, *шаротный* – «красочный» [Срезневский И.И. Материалы к словарю др.-рус. языка, т.Ш, стлб.1582]. В “Житиях Сергия Радонежского” агиограф говорит, что он не носил ничего “от суконъ немецких красовидных, цветотворных, или от синеты, или от багрянородных, или от бурявы, или от прочих многообразных различных шаровидных” (“пёстрых, цветных, красочных” - В.М., Л.М.) *цветов*” [“Житие Сергия Радонежского” – Памятники литературы Древней Руси XIV-сер. XV-ого века. М., “Худ. лит.-ра”, 1981, с. 352.]; **рус.** диал. *шара* – (у маляров) “дикая краска, мел с сажей”; новг. *шарило* – «растение румянка, синяк, *Echium vulgare*» [Даль, IV, 569]; **болг.** *шар* – “цвет, краска, мазь”, *шаря* – “пестрю, окрашиваю в разные цвета»; **серб.** *шарен* – “пёстрый, пегий”, *шаренило* – “пестрота”, *шаренити* – “пестрить”, *шареница* – “радужная оболочка глаза”, *шаренчица* – “шегол”, *шаруљаст* – «веснушчатый» и др. [Толстой И.И. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957, с.1075-1076]; **словен.** *šar*, *šara* – «пёстрый, пятнистый; пестрота»; **польск.** *szarak* – „заяц-русак”, *szary* – „серый, тёмный”, *szaro* – „серо, пасмурно, сумеречно”; **укр.** *шарий* – «серый» [Гринченко Б. Словар української мови. Т.4, Київ, 1907, с. 485-486] и «цветная» фамилия *Шарий* (в польск., укр. и словц. не путать со знач. *szar* - „rząd, szereg” и *шар* – “слой”, по происх. из нем. *Schar* с тем же значением [Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, с.494]).⁴

2. Рассмотрим второй случай - кличку собаки *Жучка* (и его “мужской” вариант *Жучок*). Словари русского языка пишут, что “*жучка* обозначает дворовую непородистую собаку, по большей части чёрную (здесь и везде далее в статье подч. нами – В.М., Л.М.). От распространённой клички – собственного имени *Жучка*” [Словарь современного русского литературного языка, т.4, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1955, стлб.197].

Как возникло на русской языковой почве слово *жучка*, отмечаемое у русских поэтов и писателей уже в начале XVIII века? По мнению Н.М.Шанского, «...не прямо на основе существительного *жук*, как можно подумать. Нам кажется, что слово *жучка* представляет собой видоизменение под влиянием слов типа *лайка*, *шавка*, *моська* и т.д. (ср. *сивка* < *сивко*)

⁴ Очевидный интерес представляют трактовки синонимичных в цветовом отношении названий *пёстрого* и *рябого*, начиная от протославянского состояния, представленные в исследовании Х.Андерсена [Андерсен Х. “Взгляд на славянскую прародину: Доисторические изменения в экологии и культуре // ВЯ, 1996, №5, с.65-106; №6, с.31-40]. Оригинальны семантические интерпретации Б.А.Успенского русских глаголов *пегить* (“делать пегим, пятнать”) и *пестрить* [Успенский Б.А. Избранные труды. т.2, М., 1996, с.184].

и слова *жу́чко, жучко́*, входящего в ту же словообразовательную модель, что и *гнедко, сивко, серко*, укр. *Рябко* и т.п.» [*Шанский Н.М.* О некоторых названиях собаки в русском языке // Этимологические исследования по русскому языку. Вып.V., Изд-во МГУ, 1966, с.175-176]. Эти рассуждения известного этимолога, на наш взгляд, вполне убедительны. Этимологию этого слова проясняют дополнительные наблюдения на более широком общеславянском лексическом и семантическом материале.

Ещё проницательный В.Даль впервые заметил, что *жука* и *жучку* объединяет общий для них обоих признак – чёрный цвет: “Вообще жук и производные его дают понятие о жужжании, о жизни и о черноте” [*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, т.1, с.547]. Тот же цветовой признак лежит в основе русского диал. (костр.) *жукола* – “чёрная корова”, или *жучка* - диал. (влад.) – “чернорабочий”, а также в загадке: «Стоит терем, в тереме ящик, в ящике мучка, в мучке жучка?» и в ответе на неё: изба, печь, зола, уголь [*Даль I*, с.546-547]. Ср. и другие примеры из совр. рус. диалектов: *Жучка* – кличка коровы: “Карофку зовут Жучка, ана чёрненькая”; *жучок* – маленький черноволосый мужчина [*Псковский областной словарь. вып.10, Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994, с.280*]. *Жук* – (загадка) “Бела как снег, черна как жук, поворотила в лес [Сорока]”; *жук* – 1. прозвище мужчины: “Ён был чорный, чорный, ево звали Жук. Жук придёт, яму дадим прозвище такое, чорный он был”: 2. кличка быка: “Был бык – Жук, чорный, камлатый”; 3. кличка кота: “Нада яво Жуком назвать, чорный, каг жук” [там же, с.273-274]. Показательно в этой связи и замечание И.И.Срезневского: *ж%къ* – scarabeus; «встречается как прозвище» [*Срезневский И.И.* т.1, стлб. 883].

В общсл. **žiča, *žičelъ* и в однокоренном с ними **žikъ* легко прослеживаются два параллельных, в отдельных случаях взаимно пересекающихся значения: «чёрный, тёмный» и «жук». Следует отметить, что название целого отряда насекомых часто образуется от какого-либо наиболее типичного вида с «эталонным» цветом. Чаще всего это чёрный/тёмный цвет хитинового покрова жука (*ater, niger, anthracinus* или иной близкий к ним).

Ср.в этой связи **др.-рус.** *ж%желица* = *ж Іжелица*, а также *ж%жель, ж%жельный* – все в знач. «жук, жужелица; червь» [*Срезневский И.И.* т.1, стлб.883], а также **рус.** *жужелица* – «общее название жуков подотряда плотоядных» (в говорах также *жу́жель, жу́желка*) [*Черных, I, 306-307*]. В **укр.** языке. *жужелиця=жужель* – «окалина, шлак», наряду с *жук* – «жук» [*Гринченко, I, с.492*]. То же и в **юж.-рус.** диалектах.

В **польск.:** *Żuk* – wół czarny; pies czarnej maści; *Żukola* – nazwa czarnej krowy; *żuków, -owy* – nazwa „czarnego” tytoniu, niegdyś powszechnie używanego [*Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki, Słownik języka polskiego. T. VIII, Warszawa, MCMLIII, s. 25*], а также: *żuk* – chrząszcz (i o wole czarnej

maści) [Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957, s.667]. Есть ещё в польск. *žužel*, *žuželica*, *zuželica* – odpadki węgla [Brückner, s.668] – „угольная зола».

В словен.: *žuželka* – жук, насекомое (Insecta, Hemiptera), на базе этого корнеслова даже название отдельной дисциплины: *žuželkar* – entomolog, *žužkoslovje* – entomologija. В словен. языке наблюдаем парадоксальное смещение/несовпадение цветовой номинации по отношению к реальной окраске объекта в составе сложного наименования - зоол. термина *črni žužek* (*Calendra granaria*), который толкуется как «majhen rdeče rjav hrošč» – „маленький красно-коричневый жук“ [Slovar slovenskega knjižnjega jezika. Drugi ponatis. Izd. SAZU, Ljubljana, 1997, s.1712].

В хорв. *žuk* – в знач. «kukac; scarabeus, ein Insect» (в словарях XVII-XIX вв.), а также: *žuzak* (*žužek*) – “ime nekom kukcu (ceratophynus)” и *žuželica* - “neka štetočina, crv ili insekt” [Rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika. Izd. JAZU, knj. XXIII, Zagreb, 1975-1976, s.496, 532].

В чешс. *žůžel* – „жук“, в ст.-чешс. *žůžela*, *žůžela* – «насекомое», но также и *žuk* – „жук“ [Jungmann J. Česko-německý slovník. D.V, Praha, 1839, s.868]. В словац.: *žůžol* - «уголь», *čierny ako žůžol* - «чёрный как уголь, как смола» [Исаченко А.В. Словацко-русский переводной словарь. Т.2, Братислава, 1957, с.827].

В болг.: *жу̀жел* «нещо прегоряло и почерняло», *жу̀жель*, *жу̀жёр* – «чёрно нечто», *жу̀жлен* – «много черен». Сродно с рус., укр., словаш., пол. Вероятно фигуративно от *жу̀жел* поради тьмния цвят на насекомото» [Български етимологичен речник, Т.1, София1971, с.557]. Можно было бы продолжить примеры.

Опыт показывает, что “нити этимологизации”, образующие настоящую паутину, не всегда удаётся до конца распутать. Однако в некоторых случаях удача может сопутствовать исследователям.

ИЗ СОКРОВИЩНИЦЫ РУССКОЙ РЕЧИ 2.
Народные устойчивые сравнения с названиями животных
СОБАКА

В жизни индоевропейских, как и других народов, собака играет важнейшую роль, поскольку она является одним из древнейших животных, одомашненных человеком: костные остатки ее находят уже в пещерах мезолита. Не случайно ее общеиндоевропейское название, восстанавливаемое в форме $*k^{[h]2}on-/*k^{[h]}un-$, отражают все основные древние диалекты индоевропейцев. Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов отмечают также характерное с древности смешение названий "волка" и "собаки", которое запечатлелось и в различных мифологических традициях, где «волки» могут называться «собаками» и - наоборот (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 2, 589-593). В первой статье о русских народных устойчивых сравнениях с названиями животных (Мокиенко 2001а) эта связь "волка" и "собаки" была имплицитно показана на уровне коннотаций. И действительно, многие современные языки до сих пор отражают представление о родстве этих двух животных уже тем, что и тому и другому приписываются одни и те же переносные значения. Ср., напр., *глядеть (смотреть) [на кого] как волк (волком) - глядеть (смотреть) [на кого] как собака; голодный как волк - голодный как собака, злой как волк - злой как собака, прожорлив как волк - прожорлив как собака* и др. В приводимых ниже материалах такое сходство также будет продемонстрировано.

Вместе с тем с древнейших времен характеристики волка и собаки существенно различаются. Так, уже древнерусские книжники отмечают кардинальное положительное свойство, отличающее собаку от волка - привязанность и верность человеку: "О сабаке: сабака есть зверь к добру помятлива кто ей корми^т и она господина своего обороняет ꙗ самоволно за него умирает ꙗ к послушеству добр` приставетъ а неприятеля своего долгое время помни^т ꙗ проме^ж ꙗн`ми людьми опознавает" (Белова 2001, 236). При всей общности отношения человека к собаке, коннотации ее обозначения, отраженные в разных языках, обнаруживают существенные различия. С одной стороны, эти различия зависимы от роли собаки в домашнем быту человека, с другой - от мифологических представлений в конкретных культурах, с третьей - от коннотативных потенциалов соответствующих языков. Например, даже у близкородственных по языку русских и украинцев комплекс переносных значений и связанной с ними идиоматики обнаруживает немалые различия. Хотя и в русском, и в украинском главными обозначениями этого животного являются слова *пёс* (укр. *пес*) и *собака*, не только их производные и набор идиоматики различны, но различаются даже их грамматические характеристики: второе

слово в украинском мужского рода (Ларіон 4, 1995, 43-44; 286-287). Правда, украинский этимолог называет и такие фразеологизмы, которые относятся к общему культурному наследию двух народов: *собаку з'їсти на чому, собак ганяти, отут собака зарита, собака на сні* и др. (там же, с. 287). При этом два последних выражения являются европеизмами: одно - калька с нем. *Da ist der Hund begraben*, второе - название пьесы Лопе де Вега.

Культурологическая, мифологическая, фольклористическая и лингвистическая литература о "собаке" огромна. В самой объёмистой энциклопедии немецких и европейских суеверий слову *Hund* уделено почти двадцать страниц (HDA, 4, 470-489) и отмечены самые разнообразные "ипостаси" мифологических представлений об этом животном: способность предчувствовать и предсказывать погоду, будущее и т.п.; связь с нечистыми духами и способность оборачиваться в них; защита от нечистой силы, способность отгонять ее; "охранная" функция (напр., охрана подземных сокровищ); связь со смертью и потусторонним миром (отсюда - зловещий собачий вой); целительная функция, в частности, - перенесение болезней на собаку; медицинская магия, в частности - употребление собачьего мяса в народной медицине; принесение собаки в жертву; поверья об опасности от бешеной собаки; зловерная сила, исходящая от взгляда собаки и т.д. Почти все эти суеверия древни и устойчивы, восходят к общей индоевропейской мифологии и во многом исходят из разнообразия пород этого животного и их значения в быту и хозяйстве человека (Кагаров 1913, 228). Они, собственно говоря, неразрывно связаны с общими коннотативными оценками собаки в культуре и языках индоевропейцев, вытекающими из реальных наблюдений за повадками и образом жизни этого животного. При этом положительные представления составляют немалую их долю: привязчивость и верность человеку, бдительность, ум и чуткость и т.д. Высокая оценка собаки индоевропейцами связана, в частности, и с обычаем приносить собак - так же, как и коней, - в жертву богам. Восточные же народы относятся к этому животному исключительно с презрением, названия собаки служат, как правило, крепкими ругательствами.

К сожалению, ни в капитальном двухтомнике "Мифы народов мира" (МНМ), ни в информативном справочнике "Славянская мифология" (СМ) статьи "Собака" нет, что не дает возможности концентрированно сопоставить общеевропейские и собственно славянские представления о собаке. Популярный же справочник о русских суевериях ограничивается лишь набором поверий о собаке, извлеченных в основном из словаря В.И. Даля, напр.: "Собака по снегу валяется - к вьюге", "Собаки играют - к свадьбе", "Не бей собаку: и она была человеком, да обращена в пса за прожорливость" (Грушко, Медведев 1995, 438-440). Ср. подобные поверья и в мифологии других славян, напр., украинцев (Дмитренко 1997, 39-40), у которых собака с древнейших времен является популярным мифологическим персонажем и священным животным (Плачинда 1993, 49).

Среди многочисленных мифологических функций собаки доминантным, пожалуй, является ее "взаимодействие" с нечистой силой. По белорусским поверьям, например, собака распознает присутствие нечистых духов и предупреждает об этом хозяина (Коваль 1995, 137-139). С другой стороны, как увидим ниже, она выступает и как воплощение нечистой силы, что во многом объясняет ее "бранные" коннотации.

В "Словаре мифов и традиций культуры" польского культуролога В.Копалиньского приводятся разнообразные представления о собаке, относящиеся к разным культурным зонам - от древней Месопотамии до современной Славии (Kopaliński 1991, 863-866). Немало в этом справочнике и объяснений собственно польской "кинологической" паремиологии и идиоматики, имеющей аналогии и в других славянских языках: *między psem i wilkiem, na psa urok, pies morski, pies na sianie, pies ogrodnika, pieska śmierć, pies s nim tancował, pod zdechłym psem, czuł się, psie krasnomówstwa, psi go zjadli, psim swędem, psy wieszal na kimś, psy wojny, tu jest pies pogrzebany, wszystko schodzi na psy, zdechły pies; Pies szczeka, a karawana idzie dalej; Kto mnie kocha, ten kocha i mego psa; Twój pies, twój owies; Ze psy w rzęd, z kotki w taniec* и др. Ряды пословиц и поговорок со стержневым компонентом "собака" во всех языках весьма велики и достигают обычно нескольких сот единиц. Так, в известном словаре немецкой паремиологии К.Симрока отобрано именно 100 наиболее известных паремий со словом *Hund* (Somrock 2003, 258-263), а в новейшем собрании украинских пословиц и поговорок М.М. Пазяка - 196 паремий с лексемами *куций, пес, собака, цуцик, щеня, сука* (пп187-197).

Для русского языка, пожалуй, самыми большими коллекциями паремиологии и идиоматики со стержневым словом *собака* являются "Пословицы русского народа" В.И. Даля (ДП), как и его толковый словарь (Д. 1-4) и "Русская мысль и речь" М.И. Михельсона (Михельсон 1894; Михельсон 1902-1903; Мих.). В собрании последнего немало и общих культурологических сведений о таких паремиях, с их проекцией в европейские языки. Так, в словарной статье о выражении *собаку съест на чём* приводятся немецкие, французские, латинские и греческие эквиваленты и ассоциативные параллели (мало, впрочем, проливающие свет на происхождение этого фразеологизма) и дается апелляция к его прямому смыслу на основе факта употребления собачьего мяса, о котором повествует греческий писатель Порфирий (умер 305 г.). Однажды во время жертвоприношения собаки кусок мяса упал с огня на землю. Жрец, подымая с земли кусок, обжег себе пальцы, сунул их в рот и обратил внимание на приятный вкус сока, попавшего ему на язык. По окончании церемонии он съел половину собаки, а другую отнес жене. Вскоре по городу пронесся слух об этом удачном открытии; всякий желал попробовать вкусное блюдо, и собачатина вошла во всеобщее употребление (Михельсон 1903, II, 287).

"Кинологическая" идиоматика русского, как и других европейских языков, несмотря на свою кажущуюся прозрачность, представляет нема-

лые трудности для историков языка и этимологов. В "Словаре русской фразеологии. Историко-этимологический справочник" мы попытались как можно полнее изложить такие противоречивые интерпретации, приводя в необходимых случаях параллели из славянских и неславянских языков к таким оборотам, как *вешать/ навешать собак на кого* «несправедливо обвинять кого-л.», *гонять собак* «бездельничать», как *собак нерезанных* «о множестве народа», *вот где собака зарыта!* «Вот в чем суть дела!», *голодный как собака* «очень проголодался, хочет есть», *лает (воет) как собака на луну* «беспричинно лает», *собака на сене* «о том, кто сам не пользуется чем-л. и не дает другим», *[нужен] как собаке пятая нога* («здрасьте») «совершенно не нужен», *знать кого как пёструю собаку* «о ком-л. широко известном, всем знакомом», *не буди спящую собаку* «не раздражай злого или горячего человека», *собаку съел на чем, в чем* «кто-л. является знатоком чего-л., имеет богатый опыт в чем-л.» (ФМ 1990, 133; Бирих, Мокиенко, Степанова 1998, 536-539).

Историко-этимологическое погружение в идиоматику и паремиологию со стержневым словом *собака* и наблюдение над их функционированием в литературном языке и живой речи обнаруживает главный универсальный семантический парадокс: их коннотативный потенциал (как и экспрессивная окраска самого слова) гораздо более негативен, отрицателен, чем потенциал обозначений не прирученного человеком "предка" собаки - волка. У всех славян слова *собака* и *пёс* используются в качестве сильных ругательств. В русском языке, например, оно употребляется как одно из самых крепких "обзываний" противника в былинах:

Подымался *вор-собака* да злодей Калин-царь
 Да на наш на хорош да на стольне Киев-град
 Он по три года, *собака*, да по три месяца,
 Не доехал он до города до Киева.

Так начинается былина "Камское побоище", в которой так называется татарский "герой" русского фольклора - *Калин-царь*. Характерно, что без такого эпитета это имя в фольклоре и не употребляется, а расшифровка прозрачного в тюркских языках имени *Калин* «жирный, толстый» и «глупый» (Мокиенко 1999, 151-152) придает русскому ругательству *собака* еще более мощный отрицательный заряд. Показательно, что к собственным наименованиям этого животного в "бранном" переосмыслении прибавились затем еще и итальянское по происхождению *каналья*, пришедшее к нам из фр. *canaille* и *ракалия* (из фр. *racaille*), соответствующее устаревшему англ. *rack*, нидерл. *Rakel*, нем. *Räkel* - пёс, собака (Мокиенко 1999, 98-99). Бранными коннотациями наполнены и многие устойчивые сочетания слов *собака* и *пёс*, а также их производных, напр. *собачий*, *псиный*, *пся* и др. (Мокиенко 1995, 74, 85, 98; Мак-Киенго 1997, 155-156, 173, 191). Аналогичные лексемы и выражения в изобилии находим и в других европейских, в частности, и славянских языках - ср., например,

некоторые их бранные и "сексуализированные" реализации в капитальных собраниях польской (Lewinson 1999, 173, 201-202) или чешской (Obrátil 1999, 607, 642) общеники.

В этом мощном "плавильном котле" бранных коннотаций совершенно закономерно родилось самое экспрессивное и постоянно иррадиирующее ругательство - формала *Ě.. твою мать!* Не связанное, на первый взгляд, никак с "собачьими" коннотациями, оно, как убедительно показал Б.А. Успенский в специальной штудии, первоначально опубликованной в Венгрии, восходит именно к мифологическим и скатологическим представлениям славян о собаке. Данное выражение - исходное, генерирующее множество вариантов, трансформ и эвфемизмов с компонентом *мать*. Оно известно и в других регионах Славии, даже там, где "сексуальная" модель ругани вытеснена под влиянием немецкого "экскрементальной" - ср. чеш. диал. *Jebu tvoju mau!* (Obrátil 1999, 527). Оно восходит к праславянскому периоду и имеет, по-видимому, мифологические корни. Первоначально матерная ругань была языческим заговором-заклятьем или заклинанием и отражала представления о совокуплении с землей, а в христианский период исходная идея об оскорблении Матери-Земли переносилась и на Богородицу (Успенский 1983, 43, 54, 64). Обругивание матери врага также "являлось неотъемлемой частью всех языческих ритуалов древних славян", поскольку считалось, что с помощью ругательств можно войти в контакт с нечистой силой, поскольку бесы "понимали только такие слова" (Тот 1997, 342). Как одну из праславянских "преформ" этого ругательства можно реконструировать (на основе сопоставлений с другими языками) формулу **pesъ jeb tvojo matъ*, где *пѣс* - одно из перевоплощений чѣрта, нечистого духа (ср. бранные выражения *сукины дети, сукин сын, чѣртовы дети, чѣртов сын* или с.-х. *Neka ti pas jebe majku!*) (Успенский 1987). Ср. пол. *pies kogo jebal* (Grochowski 1995, 78). Такое этимологическое толкование подтверждается и некоторым просторечным и диалектным материалом - напр., *Мать твою чѣрт!* Попытки передавать это ругательство на другие языки буквально (напр., нем. *Ich habe deine Mutter gefickt!*) опасны излишней "сексуализацией", отсутствующей как у прасл. прототипа, так и в современном употреблении. Многочисленные (пусть и "сексуализированные" позднее в духе народной этимологии) эвфемизмы свидетельствуют о живучести древнего мифологического отождествления собаки и нечистой силы.

Как видим, отрицательный коннотативный потенциал наименования собаки в русском языке преобладает над потенциалом позитивным. "Несправедливость по отношению к собакам отряда псовых очевидна, - замечает автор одного из популярных словарей русской брани Л.А. Арбатский (2000, 281), - в целом собака - это воплощение преданности, а различные недостатки, которые встречаются у собак, - результат одомашнивания". Задача лингвистов и культурологов - не только постоянно подчеркивать эту давно известную истину, но и внимательно регистрировать

конкретные языковые и этнологические факты, ее подтверждающие. Именно в таких фактах, особенно с их точной диалектной локализацией, и могут таиться возможности объективной интерпретации этого феномена. Главное же, лингвистическая паспортизация слов и выражений, связанных с обозначениями и характеристикой "друга человека", поможет более строго разграничить в разных языках генетическое от типологического, своё от чужого, национальное от интернационального.

В области славянской фразеологии, несмотря на достаточную изученность этого анимализма, еще предстоит многое сделать. В частности, народные устойчивые сравнения с лексемами *пёс* и *собака* до сих пор еще не получили ни полного диалектографического, ни полного лексикографического описания. Ниже Читателю предлагается коллекция русского материала из "Большого словаря русских народных сравнений", принципы которого уже давно стали предметом обсуждения (см.: Мокиенко 1993, 2001, 2001а. Отбор материала для этого словаря проводился на базе картотеки, собираемой более 30 лет и насчитывающей свыше 15 тысяч русских сравнений (включая народные, диалектные, сленговые, архаичные и т.п.). Картотека, как кажется, и дает возможность сделать выборку наиболее актуального и яркого по образности материала. Основа картотеки - выписки из художественной литературы, публицистики, выборка из основных словарей русского языка и других самых разных источников, в первую очередь сборников пословиц и поговорок (особенно - собраний В.И.Даля, И.М.Снегирева, И.И.Иллюстрова, М.И.Михельсона, В.П.Аникина, М.А.Булатова, А.М.Жигулева, М.А.Рыбниковой, А.И.Соболева, М.М.Шахнович и др.). Немало в картотеке и собственных записей живой русской речи. При отборе словника для данного Словаря основным критерием являлась не только употребимость оборота в художественной литературе и публицистике, но и его яркая образность и экспрессивность, понятность носителям русского языка и соответствие типичным для устойчивых оборотов структурно-семантическим моделям.

В Словарь вошли как сравнения, встречающиеся у классиков и мастеров русской, советской и современной литературы, так и масса оборотов из современной публицистики, которая сейчас активно воздействует на языковой стандарт. Учитывая тот факт, что сравнительные обороты и в литературном языке чаще всего несут функционально-стилистическую нагрузку разговорности и просторечности, наш словарь можно рассматривать и как словарь русской устной образной речи: книжных оборотов (при всем внимании к ним составителя) в нем немного.

Экспрессивно-стилистическая градуировка сравнений, как и фразеологии и лексики вообще, уходит своими корнями в традиционную группировку образов. Наблюдения за компонентами сравнительных оборотов по вертикали показывают различные закономерности формирования образности для предметных лексем, анимализмов и т.п. Если первые обладают как правило ясной внутренней формой, четкой мотивированно-

стью, то для вторых характерна усложненность и опосредованность ассоциативных признаков, градуированная избирательность коннотаций. Формирование признаковой базы второй группы сравнительных оборотов проходит более сложный путь, чем у оборотов, образованных на базе предметной лексики. С одной стороны, ассоциативные признаки подобных компонентов, - например, анимализмов, выделяются на основе наблюдений человека над внешним видом, жизнью и повадками животных (у этих сравнений обычно внутренняя форма ясна), с другой - чисто эмпирическое восприятие человеком животных осложняется мифологическим переосмыслением этих образов, они испытывают влияние духовной культуры: фольклорных текстов, религиозных представлений и др. (ср. фундаментальное описание всего комплекса таких культурологических коннотаций в книге: Гура 1997). Вследствие этого увеличивается семантический потенциал подобных компонентов, они обрастают дополнительными коннотациями, что часто затемняет их внутреннюю форму.

Именно поэтому кроме толкований переносного значения в словаре - в случае необходимости - приводится и расшифровка образа толкуемого оборота. Нередко такая расшифровка представляет собой более или менее развернутую историко-этимологическую или лингвострановедческую справку. Такого рода исторические, этнографические, мифологические или общекультурологические комментарии даются (по мере возможности) в конце словарной статьи. Цель таких комментариев - отразить по мере возможности национальную специфику образной системы русского языка и русского мировоззрения. Вот почему в какой-то мере Словарь можно рассматривать и как мозаичную картину русского образного мира в его исторической перспективе. Образы описываемых сравнений при этом становятся камешками мозаики, из которых такая картина складывается.

В данном очерке читателю предлагается фрагмент словаря, в котором отражены русские сравнения с компонентами *пёс* и *собака*. После подачи материала будет сделана краткая попытка обобщить коннотативные характеристики "собаки", отраженные этим разнообразным языковым материалом, который, хочется надеяться, окажется полезным и фольклористам, этнографам и культурологам самого широкого профиля.

ПЁС (ПСЕ)

(бегать, бежать, гнаться *за кем*) как борзый пёс. *Неодобр.* Об очень быстро бегущем (обычно - настигая, преследуя кого-л.) человеке.

богат (богатый) как Крёз, а живёт как пёс см. К.

бросаться (кидаться) *на кого* как цепной пёс. *Неодобр.* О человеке, обрушивающемся на кого-л. с руганью, яростными упреками, злобными обвинениями. См. лев, бешеная собака.

быстрый как гончий пёс. *Одобр.* 1. Об очень хорошем, ловком и выносливом бегуне. 2. О ловком и выносливом следопыте, сыщике и т.п.

вильнуть умом, как пёс хвостом. *Народн. Ирон. или презр.* Об изворачивающемся, прибегающем к изощрённым уловкам непостоянном в привязанностях человеке. Жигулев, 219.

ворчать как пёс голодный. *Томск. Неодобр.* О недовольно ворчащем человеке. СРНГ 3, 278.

(выглядеть) как побитый пёс. *Неодобр.* О чьём-л. понуром, подавленном, робком и покорно-боязливым виде. См. кобель, собака.

(есть, набрасываться на еду) как голодный пёс. *Неодобр.* Об изголодавшемся, жадно набрасывающемся на пищу человеке.

Живой пёс лучше мёртвого льва см. Л.

завидливый что пёс, обидливый что бес. *Устар. Народн. Неодобр.* О крайне завистливом и обидчивом человеке. Бусл. 1854, 99.

(злой) как [цепной] пёс. *Неодобр.* Об очень злом, яростно злобном человеке. См. пёс на цепи, кобель, цепной кобель, собака, цепная собака.

(злой) как пёс на цепи. *Неодобр.* То же, что (злой) как цепной пёс.

(идти по следу, гнаться за кем) как гончий пёс. О чьей-л. последовательной, настойчивой и оперативной слежке за кем-л., преследовании кого-л. См. охотничья собака.

как бездомный пёс; как пёс бездомный. *Неодобр.* О не имеющем пристанища, семьи человеке. (М. Горький). СДрГорьк. 1, 23.

как паршивый пёс. *Грубо-прост. бранно.* 1. О грязном, запаршивевшем человеке. 2. То же, что как пёс смрадный.

как пёс. *Неодобр.* Об очень злобном, подлом и мерзком человеке.

как побитый пёс. *Неодобр.* 1. О подавленном, робком, покорном и удручённом чем-л. человеке. 2. О болезненно уставшем, изнурённом непосильной физической работой человеке. См. как побитый; собака, пёс.

как пёс смрадный. *Грубо-прост. Бранно.* О мерзком, гнусном, подлом человеке. См. как паршивый пёс.

как пёс шелудавый. *Пск. Пренебр.* О запаршивевшем, запущенном, грязном человеке. СПП 2001, 110.

как цепной пёс. *Неодобр.* Об очень злом, злобном человеке.

крутить как пёс хвостом. *Ирон. или пренебр.* О заискивающем перед кем-л., ласкающемся к кому-л. человеке. ДП, 660; Д. 2, 203. Ср. виться ужом.

лакать что как пёс. *Презр.* О жадной, неаккуратной, причмокивающей манере пить что-л.

Лежит холостой - как пёс бесхвостой, лежит женатой - как пан богатой. *Посл. Ирон.* О плохой жизни холостяка и хорошей у женатого. ППЗ, 157.

надоесть как пёс. *Презр.* О крайне надоевшем кому-л. человеке. См. собака.

облаять кого как пёс (псе). *Пск. Неодобр.* Обругать, изругать кого-л. без особого повода, попусту. СПП 2001, 110.

оглодчив как пёс. *Народн. Шутл.-ирон.* О человеке, любящем обгладывать кости. < Оглодчив - любящий глотать кости. ДК 2, 1652.

осмердить *кого* как мёртвый пёс. *Фольк. Неодобр.* О человеке, общение с которым неприятно, бросает тень на чью-л. репутацию. < Из народной песни. Д. 2, 700.

ответ как пёс. *Волог. Неодобр.* О чьём-л. бойком, неуважительном ответе на замечание старшего. СРНГ 26, 299.

(предан, верен) как верный пёс. *Одобр.* О сохраняющем кому-л. преданность, верность человеку.

пропасть как пёс (из-за пустых слов). *Неодобр.* О погибшем или потерпевшем полную неудачу человека. ДП, 412.

(служить кому) как верный пёс. *Одобр.* О верно и преданно служащем кому-л. человеку.

Старый холоп - старый пёс: со двора долой, либо под лавку. *Устар. Посл.* О бесчеловечном обращении со старыми слугами. ДП, 138.

сторожить (караулить) *кого, что* как сторожевой пёс. *Одобр.* О чьём-л. бдительном, неусыпном и ответственном надзоре за кем-, чем-л.

сторожить (караулить) *кого, что* как цепной пёс. *Неодобр.* О чьём-л. бдительном, строгом, неусыпном надзоре за кем-л. См. лев, Цербер.

умереть (помереть, околеть. *Прост.* подохнуть. *Грубо-прост.*) как пёс [под забором] (под забором как пёс). *Презр.* О чьей-л. позорной, безвестной смерти без присмотра, пристанища.

худой (тощий) как бездомный пёс. *Пренебр.* О крайне отощавшем, очень худом человеке. См. кобель, бездомная собака.

бить/ избить (колотить/ поколотить) *кого* как пса. *Презр.* Очень сильно избивать кого-л.

выгонять/ выгнать *кого откуда* как [последнего] пса. *Презр.* О человеке, которого грубо, жестоко и с позором выгоняют откуда-л.

множиться как блохи у шелудивого пса см. Б.

кого где как псов. *Брян. Пренебр.* О множестве людей (обычно мужчин, напр., отцов) где-л. Бойцов 1986.

жил собакой, окошел псом см. С.

обращаться с кем как со псом (как с последним псом). *Презр.* О жестоком, грубом, крайне неуважительном обращении с кем-л.

(дать поест кому) как псу. *Грубо-прост.* О презрительном, вынужденном кормлении кого-л. (кто ест алчно и неряшливо).

навязать (навязать) *что кому* как псу на хвост. *Народн. Ирон.* О бесполезном, не подходящем кому-л. украшении. ППЗ, 86.

как псу под хвост. *Грубо-прост. Неодобр.* 1. О чём-л., что истрачено зря, бесполезно или пропало впустую. 2. О напрасных усилиях. ДП, 456. См. коту, кошке, мерину.

что псу под задницу. *Брян. Ирон.* Без всякой пользы, напрасно. Бойцов 1986.

Ср. коту под хвост.

СОБАКА

бранить (ругать) *кого* как собак см. бранить как собаку.

гавкать лучше собак. *Брян. Презр.* О человеке, говорящем что-л. сердито и злобно. Бойцов 1986.

глядеть (смотреть) *на кого* как на собак. *Пск. Неодобр.* О чьем-л. презрительном, неуважительном, высокомерном отношении к каким-л. людям. СПП 2001, 116.

кого где как собак. *Пренебр. или шутл.* То же, что *кого где* как собак нерезанных (недобитых).

кого где как собак невешанных. *Пренебр. или шутл.* То же, что *кого где* как собак нерезанных. Мих., 312.

кого где как собак нерезанных (недобитых); как нерезанных собак. *Разг., Перм. Пренебр. или шутл.* О множестве (обычно банальных, посредственных, малоинтересных кому-л.) людей. Прокошева 1981. < Некоторые лингвисты объясняют слово нерезанный - в значении 'неоскопленный', что якобы подразумевало 'так много, как собак-самцов около самки'. Ср. нерез 'свиной самец, кабан' (не боров). Михельсон 1902, I, 402; Овсянников 1933, 107; КЭФ 1979, № 4, 77. В расшифровку причастия нерезанный как 'некастрированный', однако, не укладываются другие варианты этого сравнения: как собак небитых, как собак недобитых, как собак невешанных. Видимо, эти сравнения — лишь варианты оборота без определения: как собак. На его древность и широкий диапазон распространения указывают факты разных славянских языков. Так, в чешском, словацком и польском языках нет определительных оборотов, но есть краткие: je koňo jako psů; ako psův; jak psów. В пользу активности именно этого оборота говорят и его варианты типа людей меньше, чем собак, который употреблял, например, Н.В. Гоголь. Все эти факты показывают, что вариант как собак нерезанных вторичен. Это - развертывание более известного и древнего сравнения как собак. Нельзя также здесь толковать причастие нерезанный как 'некастрированный'. Нерезанный - это примерно то же, что и невешанный или недобитый, т.е. относится к глаг. *резать* в значении 'убивать чем-л. острым'. Мокиенко 1980, 113; Мокиенко 1989б, 138-140; БМС 1998, 1998, 536-537. Ср. укр. як псів (собак); бел. як (што) [рудих (рыжих, резаных, нялупленых, лупленых)] сабак (субак); х./с. ima kao kusiñ (kusa-tiñ) pasa; нем. wie die Kanninchen (букв. как кроликов). Ср. котят, кроликов, больше, чем людей; как людей; муравьев, мурашей, мурашек, мух, щенков.

петать *кого* как собак. *Кар.* Обращаться с кем-л. очень сурово, жестоко. < Петать *кого* - мучить, причинять физические страдания кому-л. СРГК 4, 490.

побалованы на шалёных собак. *Брян. Неодобр.* О крайне избалованных детях. <Шалёный - бешеный. Бойцов 1986.

(совести у кого) как у собак. *Томск.* Об абсолютно бессовестных людях. СОСВ, 178.

убивать (уничтожать) кого как бешенных собак. *Презр.* О безжалостном и решительном уничтожении опасных и неисправимых врагов, преступников и т.п.

аркаться ровно кошка да собака см. К.

бегать как гончая собака. 1. *Разг. Шутл.* Об очень быстро и долго бегущем человеке, хорошем бегуне. 2. *Пск. Шутл.-ирон.* Об избегавшемся, постоянно занятым какими-л. неотложными делами и хлопотами человеке. СПП 2001, 116.

бегать как собака. *Пск.* 1. О бодром, энергичном, полном сил человеке. 2. То же что бегать как гончая собака. СПП 2001, 116.

бегать (бежать) за кем, чем как собака *Пск. Неодобр.* О быстро, жадно бросающемся вдогонку кому-л. или за чем-л. человеке.

бегать (бежать/ побежать, ходить/ пойти) за кем, чем как собака. *Неодобр.* О человеке или животном, покорно, послушно и преданно следующем за кем-л. СПП 2001, 116. См. собачка, собачонка, хвостик.

бегать от чего как собака от мух. *Пск. Шутл.-ирон.* О пытающемся во всю уклониться от чего-л., избежать чего-л. человеке. СПП 2001, 116.

бегать от работы как собака от мух. *Народн. Ирон.* О человеке, усиленно отлынивающем от работы. Жигулев, 226.

биться как собака. *Брян., Пск. Неодобр.* О человеке, мучительно борющемся за существование, работающем из последних сил для обеспечения жизненного минимума. Бойцов 1986; КПОС; СПП 2001, 116.

брехать как собака. *Неодобр.* 1. *Брян., Томск.* О безумолку и попусту болтающем человеке. СБГ 2, 10; Бойцов 1986; СОСВ, 178. 2. *Брян., Пск.* О бессовестно лгущем человеке. Бойцов 1986; ВФ 10, 131. 3. *Вятск.* Об очень сильно ругающемся, выкрикивающим ругательства человеке. <Формы глагола: брехает, не брэхай. ОСВГ 1, 114. См. также сбрехать как собака.

брехать как собака в Пасху. *Устар. Прост. Неодобр.* Накликать беду. <Связано с приметой, что, если собака во время пасхальной утрени лает на восток, это к пожару, а если на запад - к несчастью. Кузнецова 2001б, 40.

(брехун) как собака. *Томск. Пренебр.* О болтливом, говорящем попусту человеке. СОСВ, 178.

бросаться/ броситься (кидаться/ кинуться) на кого (на всех) как [бешеная] собака. *Неодобр.* О человеке, обрушивающемся на кого-л. с бранью, яростными упреками, обвинениями и т.п. Ср. собаки, пёс, цепной пёс, с цепи сорвался, фурия.

верный (преданный) кому как собака. 1. *Одобр.* О бесконечно верном, жертвенно преданном кому-л. человеке. 2. *Неодобр.* О рабски покорном, безоговорочно послушном кому-л. человеке.

(вести себя) как собака на сене. *Неодобр.* О человеке, не позволяющем другим пользоваться чем-л., в чём сам он не испытывает потребности. < Возможно, образовалось сокращением более развёрнутого сравнения пословичного типа: Как собака на сене [лежит]: [и] сам (сама) не ест, и другим не даёт; [Как] собака на сене лежит, [и] сама не ест и скотине [другим] не даёт. Некоторые интерпретаторы считают ее калькой, возводя к басне Эзопа о собаке, которая рычит на лошадей, не подпуская их к сену, хотя сама сена не ест. БМС 1998,

537.

визжать/ завизжать как собака. *Неодобр.* О чьём-л. резком, злобном или обиженном визге. Ср. поросёнок.

висляться *перед кем* как собака. *Брян. Ирон.* или *пренебр.* Об очень сильно заискивающим перед кем-л. человеке. < Висляться - вилять хвостом. Бойцов 1986.

возвращаться (вернуться) *к кому, куда* как побитая собака. *Презр.* или *пренебр.* О чьём-л. покорном, приниженном и подавленном возвращении к кому-л. Ср. кобель, пёс, побитый.

волочиться *где* як собака. *Острогж. Неодобр.* О постоянно бродящем где-л., расхаживающем без дела человеке. Яковлев 1906, 95.

ворчать как собака. *Неодобр.* О чьём-л. беспокойном, раздражённом, злобном ворчании, ворчливых жалобах.

выть/ завывать как собака. *Неодобр.* 1. *Разг., Брян.* О чьём-л. протяжном, неприятном, зловещем или тоскливом вое. Мих., 315; Бойцов 1986. 2. *Перм.* О громко, навзрыд и длительно плачущем человеке (особенно женщине). Прокошева 1981.

гавкать как собака. см. лаять как собака.

гамкать(гамкнуть как собака. см. лаять как собака.

гнаться *за кем* (идти по чьему следу) как гончая (охотничья) собака. *Неодобр.* О чьей-л. последовательной, настойчивой и оперативной слежке за кем-л., преследовании кого-л. Ср. гончий пёс.

говорить как собака лаять. *Брян. Неодобр.* Об отрывисто и злобно говорящем что-л. человеке. Бойцов 1986.

голоден (голодный) как собака. *Разг., Ниж., Пск.* Об очень голодном, сильно проголодавшемся (готовом съесть много и всё, что угодно) человеке. ППЗ, 122; КПОС; СПП 2001, 116; СРНГ 6, 54. < Сравнения с собакой во многом универсальны для большинства языков. Это и понятно, ибо одомашнивание собак относится еще к каменному веку. Для сравнения с собакой характерна отрицательная оценка: поскольку это животное - страж хозяйства, то оно ассоциируется со злостью (*злой как собака*); собаку держат в конуре и на цепи - жизнь ее трудна (*живет как собака, замерз как собака*); охотничья собака гоняется за зверем - она сильно устает (*устал как собака*) и т. д. Прирученность, полная зависимость от человека, видимо, способствовала таким негативным образным оценкам. ФМ 1990, 133; БМС, 537. Ср. укр. *голдний як собака*; нем. *ist hungrig wie*

ein Wolf. См. проголодаться как собака; сорок тысяч братьев Фридрихов, волк, из голодной губернии, как будто три дня не кормили, зверь, края, как будто месяц не кормили, острова. человеку.

гонять как соба́ка. *Ворон. Неодобр.* О человеке, проводящем время в беготне, суете, хлопотах. (1892 г.). СРНГ 7, 15.

грызться с кем как соба́ка см. браниться как собаки.

гыркать/гыркнуть (гырнуть, гырчать) на кого как собака. *Пск. Неодобр.* О резко, злобно, невежливо говорящем, отвечающем что-л. кому-л. человеку. 1852. СРНГ 7, 253.

гырчать на кого как соба́ка на худую костьку. *Пск. Шутл.-ирон.* О недовольно, раздражённо ворчащем на кого-л. человеке. СПП 2001, 116.

(делать что) как дрессированная соба́ка. *Ирон.* О человеке, послушно и точно выполняющем чьи-л. приказы, прихоти.

(делать что) как соба́ка. *Пск. Неодобр.* О чьих-л. излишне порывистых, необдуманных, грозящих опасностями действиях. СПП 2001, 116.

дрочиться как соба́ка. *Брян. Шутл.* О неотвязно кружащихся, пытаюсь укусить кого-л., насекомых. <Дрочиться. Зд. - кружить вокруг кого-л. Бойцов 1986.

есть (жрать, лопать. *Грубо-прост.*) как соба́ка. *Экспр. Неодобр.* О жадно, грубо, неразборчиво и в большом количестве поглощающем пищу человеке. Ср. акула, волк, кабан, корова, крокодил, свинья.

жаден как соба́ка мяса. *Народн. Устар.* О неодолимо жаждущем и стремящемся к чему-л. человеку. ППЗ, 80. <От жадати чего - страстно хотеть чего-л.

Жадень как соба́ка на сене: сам ня зысь и другим ни дась. *Посл. Смол.* Жадный человек и сам не пользуется чем-л., и другим не даёт. <Жадень - скупец, скряга. ССГ 4, 11. Ср. как собака на сене.

ждать чего что пьяница сткляницу, что соба́ка палицу см. П.

ждать чего что собака палицу. *Народ. Ирон.* Очём-л., чего абсолютно не ждут, не желают. ДП, 54.

живучий (живуч) как [дворовая] соба́ка. Об очень живучем, необычайно выносливом и терпеливом человеке.

жить как кошка с соба́кой см. К.

жить как прибудная соба́ка. *Пренебр.* О живущем где-л. временно, вынужденно, безо всяких прав и на чьём-л. иждивении человеке.

жить как собака. *Неодобр.* О чьей-л. грубой, нецивилизованной и озлобленной жизни. РБС, 481.

жить как соба́ка с кошкой. *Неодобр.* или *ирон.* О постоянной и непримиримой вражде, ссорах, взаимной ненависти двух постоянно общающихся людей (супругов, родственников, конкурентов и т.п.). ДП, 263. Ср. жить как кошка с собакой.

жить как чёрна соба́ка. *Прибайкальск. Неодобр.* О чьей-л. жизни в крайней нужде и полном одиночестве. СРГП 1, 76.

жрать хотеть как (что) соба́ка. *Грубо-прост., Пск.* То же, что голоден как сонака. СПП 2001, 116.

заглядывать куда как соба́ка в кувшин. *Народн. Шутл.* О заглядывающем куда-л. с большим интересом, любопытством человеке. Д. 2, 211; ДП, 574, 673. Ср. пырин.

заглядывать куда как кривая собака в кувшин. *Народн. Шутл.* То же, что заглядывать куда как собака в кувшин. ППЗ, 28.

задаваться как соба́ка. *Брян. Неодобр.* Об очень сильно важничающем, ставящем себя выше других человеке. Бойцов 1986.

замёрзнуть (продрогнуть, застыть) как соба́ка. *Разг., Яросл. Неодобр.* Об очень сильно замёрзшем, продрогшем до костей человеке. СРНГ 1, 211; РБС, 481.

замориться как соба́ка. *Брян., Пск.* То же, что (устать) как соба́ка. <Замориться - утомиться, сильно устать. Бойцов 1986; КПОС; СПП 2001, 116.

звероватый как соба́ка. *Брян. Неодобр.* Об очень злом, злобном человеке. Бойцов 1986.

злой (зол, сердитый, лихой. *Пск*) как соба́ка [*с кем*]. *Разг., Краснояр., Пск. Неодобр.* Об очень злом, яростно злобном, жестоком (в обращении с кем-л.) человеке. СРНГ 13, 187; ВФ 10, 151; КПОС; СПП 2001, 116. < Сравнение известно многим европейским языкам, напр. чеш. *zlý jako [kousavý] pes*. См. собака собакой, пёс, человеке.

(злой, сердитый) как соба́ка на цепи (цепная собака). *Разг., Морд. Неодобр.* То же, что (злой) как собака. СРГМ 1, 48. Ср. кобель, пёс, цепной пёс, цепная собака.

измучиться как соба́ка. См. устать как собака.

искать (выискивать) кого как лягавая собака. *Неодобр.* О подозрительно выискивающим что-л., следящем за кем-л. человеке. Ср. ищейка.

ис[с]китаться будто ди́кая соба́ка. *Печор. Фольк. Неодобр.* О постоянно бродящем, скитающемся человеке. < Ис[с]китаться - долго скитаться, шататься. Употребляется в былинных текстах. СРНГ 12, 215.

ищи́ как соба́ка блох ищет. *Народн. Шутл.* Ищи старательно, тщательно, обращая внимание на каждую мелочь. < "Т. е. перебирай по шерстинке" (примеч. В.И. Даля). ДП, 575.

как ве́рная соба́ка. *Чаще неодобр.* О сервильно преданном кому-л. человеке (напр., старом слуге).

как лягавая соба́ка. *Жарг. Презр.* О милиционере.

как недоби́тая соба́ка. *Кубан. Неодобр. Пренебр.* О притихшем, присмирившем человеке. Чалов 1982, 18. Ср. недобитый пёс.

как побита́я соба́ка. *Неодобр.* О робком, боязливом, покорном человеке.

как соба́ка мух лови́ть. *Народн. Ирон.* О бесцельно слоняющемся, ничего не делающем человеке. ДП, 824.

как соба́ка на месяц ля́ять. *Горьк. Пренебр.* О болтливом, постоянно и впустую говорящем человеке. БС, 39.

как собака на сене [лежит]: [и] сам (сама) не ест, и другим не даёт. *Неодобр.* То же, что (вести себя) как собака на сене. ДП, 111; Мих., 822; Жук., 179-180. < О происхождении см. (вести себя) как собака на сене.

как угорелая собака. *Неодобр.* Об очень быстро, стремительно, хаотично и не раздумывая бегущем куда-л. человеку или животном. Ср. угорелая кошка, угорелый.

как худая собака. *Перм. Неодобр.* Об очень плохом человеке, негодяе. Подюков КД.

как [цепная] собака. *Неодобр.* Об очень злобном, сердитом и агрессивном человеке.

караулить как собака у забора (на заборе). *Прост. Презр.* О человеке, ревностно и жестоко охраняющем то, что ему поручено, вверено.

квокать как злая собака. *Пск. Неодобр.* О много и сильно ворчащем, брюзжащем человеке. Пушк. (1957 г.). < Квокать - зд. ворчать, брюзжать. СРНГ 13, 169; СПП 2001, 116.

кидать на кого как собака см. бросать на кого как собака.

кончить как собака. *Презр.* О человеке, умершем преждевременной и позорной смертью.

(крутиться) как собака в колесе. *Пск. Шутл.-ирон.* О постоянно хлопочащем, суетящемся, чрезмерно занятом человеке. СПП 2001, 116.

кусаться как собака. *Пск.* О больно кусающемся человеке или животном.

лайкий как собака. *Ирк. Неодобр.* О постоянно ругающемся, бранящемся человеке. РАСлОльх., 159; ФСС, 103.

лаять (гавкать, гамкать/ гамкнуть. *Пск.*, гамнуть, гамкнуть, звягать. *Брян.*, облаять кого) как (як. *Брян.*) собака. *Разг. Брян., Пск. Неодобр.* 1. О громко и сильно ругающемся, бранящемся человеке. 2. Об очень злобно, сердито и громко говорящем человеке. ПОС 6, 136; СПП 2001, 116. 3. на кого. Громко и сильно ругать, бранить кого-л. АПЛ-80, 116; ППЗ, 86; Бойцов 1986.

лаять да (и) кусать что собака. *Пск. Неодобр.* Об очень грубо ругающемся, болезненно оскорбляющем кого-л. человеке. КПОС; СПП 2001, 216.

лаять [на кого] как собака из подворотни. *Прост. Презр.* О человеке, нападающем на кого-л. или бранящим кого-л. изподтишка или под чьим-л. надёжным прикрытием.

лаять на кого как цепная собака. *Пск. Неодобр.* О набросившемся на кого-л. со злобной руганью человеку, скандалисте. ПОС 5, 9; СПП 2001, 116.

лаяться (браниться) как собака. *Разг., Ирк. Неодобр.* О грубо, разъярённо, агрессивно и неприлично ругающемся человеке (обычно женщине). РАСлОльх., 159.

лезть как собака. *Пск. Ирон.* О настойчиво, энергично и злобно рвущимся к чему-л. людям или животным.

(ленивый) как собака. *Пск. шутл.-ирон.* Об очень ленивом человеке. СПП 2001, 216

лихой как собака. *Пск.* см. злой как собака.

любить/ полюбить *кого, что* как собака палку. *Разг., Ниж., Пск., Урал. Ирон.* О человеке, абсолютно не любящем, не выносящем кого-, что-л. ДП, 743, 772; Д. 4, 251; Мих., 404; ППЗ, 126; Бир., 27. < Параллели из других (особенно греческого и латыни) языков см.: Тимошенко, 154. Ср. собака редьку, клопа в углу, кот хвостину, как свекровин кулак.

любить/ полюбить *кого, что* как собака редьку. *Народн. Ирон.* То же, что любить *кого, что* как собака палку. < Параллели из других (особенно греческого и латыни) языков см.: Тимошенко, 154; ДП, 772-743; Д. 4, 251; Мих., 404.

набегаться как собака см. устать как собака

набрасываться/ наброситься (накидываться/ накинуться, ринуться/ сринуться. *Пск.*) как собака (*на кого*). *Пск. Неодобр.* О злобно, сердито обрुшивающемся с бранью на кого-л. человеке.

надоело (*мил*о. *Ирон.*) как собаке редька. *Народн. Ирон.* О чём-л. крайне надоевшем кому-л. Ср. горькая редька.

нажраться как собака. *Брян. Презр.* О напившемся до беспамятства человеке. Бойцов 1986.

нализаться как собака. *Пск. Презр.* О напившемся до беспамятства человеке. КПОС; СПП 2001, 216.

нахальный как собака. *Пск. Неодобр.* Об очень наглom, нахальном человеке. СПП 2001, 216.

(оборванный) как собака. *Пск. Неодобр.* Об очень бедно и грязно одетом человеке. КПОС.

(оборваться) как собака. *Пск. Неодобр.* То же, что (оборванный) как собака. СПП 2001, 216.

обрадоваться что собака блину. *Народн. Ирон.* О человеке, испытывающем большую радость от неожиданного получения чего-л. < Ср. в сборнике В.И. Даля пословицу Надолго собаке блин с примеч. "только раз глотнуть". ДП, 676.

огрызаться/ огрызнуться (отбрехиваться/ отбрехнуться) как собака. *Неодобр.* О грубо, злобно и безосновательно (обычно отрывисто и резко) отвечающем, отказывающемся кому-л.; говорящем что-л. неприятное человеке.

околеть как собака. *Прост. 1. Ирк. Пренебр.* Об умершем недостойно, нелюбимом, неуважаемом человеке. (1897 г.). СРНГ 8, 245. 2. *Волог. Неодобр.* О сильно замёрзшем, очоченевшем человеке. СРНГ 23, 136;

отлячить *кого* как собака. *Новг.* Об отругавшем кого-л. человеке. < Отлячить - отругать. НОС 7, 50.

(петь) как собака лаять. *Арх. Ирон.* О чём-л. плохом, визгливом пении. СРНГ 21, 181.

побитый как собака. *Неодобр.* 1. О сильно избитом человеке. 2. О униженно притихшем, присмирившем человеке.

погулять как соба́ка на своре. *Народн. Ирон.* О человеке, находившемся под чьим-л. надсмотром, бывшем в несвободе. < Свора, сворка - завязка, привязь, бечёвка, на которой водят борзых собак (обычно парой). Ср. также ироническую поговорку Пасись коза на привязи. ДП, 833; Д. 4, 155.

подыхать/ подохнуть (умирать/ умереть, помирать/ помереть, околевать/ околеть, подыхать/ подохнуть) как бездомная (бродячая) собака. *Грубо-прост. Презр.* О человеке, бесславно и позорно умирающем в полном забвении, вне дома.

подыхать/ подохнуть (умирать/ умереть) как соба́ка. *Грубо-прост.* О человеке, умирающем недостойно, в унижительных обстоятельствах, одиночестве или полном забвении.

посиветь как соба́ка. *Брян.* О сильно поседевшем человеке. Бойцов 1986.

послушный (покорный) как соба́ка. *Неодобр.* О рабски, безоговорочно и угодливо послушном, покорном человеке или (реже) животном. См. собачка, собачонка.

Правда что цепная собака [: на кого спустят, в того и вцепится]. *Посл. Шутл.-ирон.* Об относительности и зависимости истины. ДП, 202.

преданный как соба́ка см. верный как собака.

приставать/ пристать к кому как соба́ка. *Томск. Неодобр.* О грубо и назойливо досаждающем кому-л. приставаниями человеку. СОСВ, 178.

проголодаться (хотеть/ захотеть) есть как соба́ка. *Неодобр.* Об ощущении крайнего голода, готовности съесть, что угодно. См. голодный как собака.

продрогнуть как соба́ка см. замёрзнуть как собака.

прожорливый (прожорлив) как соба́ка. *Неодобр.* О человеке, чрезвычайно много, жадно, неразборчиво и часто поглощающем любую пищу. Ср. акула, волк, крокодил.

прятаться (хорониться) как соба́ка от мух. *Народн. Ирон.* или *пренебр.* О трусливо скрывающемся от мелких неприятностей человеке. ДП, 207, 577; Д. 2, 362. Ср. прятаться как пава с яйцом.

пьян как соба́ка. *Прост. Презр.* О пьяном до животного состояния человеке. (Ленинград, 1983). < Сравнение известно и другим языкам, напр., чеш. opilэ jako ltmpm. Ср. зюзя, сапожник.

пьяный как соба́ка окаянная. *Пск. Презр.* Об очень пьяном и злобном человеке. КПОС; СПП 2001, 216.

работать (рыть) как соба́ка. *Пск.* Об очень напряжённо, тяжело, из последних сил работающем человеке. СПП 2001, 216.

работать (робить) как соба́ка в лесу. *Перм.* То же, что работать (рыть) как собака. < Сравнение основано на наблюдениях за неумолимыми действиями охотничьей собаки. Прокошева 1981; Подюков КД.

ревнивый как соба́ка. *Ирк. Ирон.* Об очень ревнивом человеке. РойзБалСл. 1972, 335.

рыться в чём как собака в охоратках. *Олон. Ирон.* О человеке, настойчиво и долго копающемся, роющемся в чём-л. < Охоратки - объедки. СРНГ 25, 45.

рычать/ зарычать как собака. *Неодобр.* О чьём-л. злобном, недовольном рычании. Ср. медведь.

сбрехать (збрехать) как собака. *Народн. Неодобр.* О бессовестно солгавшем человеке. ППЗ, 82. См. брехать как собака.

Свекровь на печи что собака на цепи. *Посл. Народн. Неодобр.* Свекрови всегда злы и жестоки к невесткам. ДП, 391.

служить кому как собака. *Чаще Неодобр.* О чьей-л. очень преданной и верной до самоотречения и униженности службе кому-л.

смышлён (смышлен) как собака. *Народн. Устар. Шутл.* О сообразительном человеке. (XVIII в.). ППЗ, 111.

собака собакой. [*с кем*]. *Разг., Пск. Неодобр.* То же, что (злой) как собака. СПП 2001, 116.

сринуться [*на кого*] как собака. *Пск Неодобр.* О бросившемся, накинувшимся на кого-л. человеке. СПП 2001, 116.

стар что собака, а глуп что щенок. *Народн. Ирон.* Об очень старом и глуповатом, впадающем в детство человеке. Д. 4, 655; Мих., 102. Ср. старее поповой собаки; звезда, Мафусаил, чёрт.

стар что собака, а мал что щенок. *Народн. Ирон.* То же, что стар что собака, а глуп что щенок. ДП, 356.

толкаться как собака на кухне. *Народн. Ирон.* О суетливо движущемся, мешая другим, человеке. ДП, 638; Д. 2, 228.

умирать/ умереть как бездомная (бродячая) собака см. подыхать как бездомная собака.

умирать/ умереть) как собака см. подыхать как собака.

усталый (измученный, измотанный) как собака. *Неодобр.* О крайне усталом, измотанном, изнурённом человеке. Ср. выжатый лимон.

устать (измучиться, измотаться, набегаться, пристать. *Пск.*, замориться. *Пск.*) как собака. *Разг., Кар., Пск.* О чьей-л. крайней усталости, изнурённости, истощенности. СРГК 3, 288; КПОС; СПП 2001, 216. Ср. лошадь, чёрт.

ухетаться как собака. *Ряз. (Мещер.). Неодобр.* То же, что устать как собака. < Ухетаться - устать, тяжело наработаться. Сл. Мещ. 1, 99.

фырчать как собака. *Кар.* О злобно рычащем человеке. СРГК 2, 13.

хапать что как собака. *Народн. Неодобр.* О человеке, быстро и жадно хватающем что-л. ППЗ, 115.

ходить (бродить) как собака. *Прибайкальск. Неодобр.* О слоняющемся без дела и цели (обычно по улицам) человеке. СРГП 1, 30.

ходить за кем как собака. См. бегать за кем как собака.

(ходить, тиняться, тыняться) как недобитая собака. *Кубан. Неодобр.* То же, что ходить (бродить) как собака. Чалов 1982, 18. < Ср. укр. тинятися - бродить без дела, ходить из угла в угол. Ср. (ходить) как недобитый.

(ходить) как побитая собака. *Разг., Кубан. Презр. или пренебр.* 1. О жалком, забитом, униженно и удрученно ходящем, ведущем себя человеке. 2. О человеке, испытывающем чувство стыда, неловкость за совершенный неприглядный поступок. Чалов 1982, 20. < Ср. нем. herumlaufen wie ein gerügelter Hund. Ср. собачонка; воду возили, кобель, пёс, побитый, пришибленный.

ходить за кем как собака. См. бегать за кем как собака.

хорониться как собака от мух. См. прятаться как собака от мух.

худой (тощий) как бездомная собака. *Неодобр.* О крайне отощавшем, очень худом человеке. Ср. кобель, бездомный пёс.

цепляться (хватать за что) как (як) собака. *Брян.* Об очень крепко цепляющемся за что-л. растении. Бойцов 1986.

что собака не лакала. *Пск. Неодобр.* Чего только в жизни не было (о чьих-л. лишениях, трудностях). КПОС.

чуткий как собака. *Ирк.* О хорошо слышащем человеке. РойзБалСл. 1972, 339.

(шить) как собака на палку. *Сиб. Пренебр.* О чьём-л. плохом, небрежном шитье. ФСС, 184.

заживать/ зажить (зарастать/ зарости, затянуться обычно в 3-м л. ед.ч. наст.вр.) на ком как на собаке. *Прост., Брян., Кубан. Шутл.-ирон.* О быстро, легко, само по себе, без особого лечения заживающих на ком-л. ранах, повреждениях. Бойцов 1986; Чалов 1982, 18.

зажило как на собаке присохло. *Перм. Насмешл.* О человеке, чрезмерно быстро забывшем перенесённую им неприятность или горе. Александров 1895, 206.

засохнуть (присохнуть обычно в 3-м л. ед.ч. наст.вр.) на ком как на собаке. *Прост., Волгоград., Кубан. Шутл.* То же, что заживать на ком как на собаке. ДП, 297, 399; Глухов 1987; Чалов 1982, 18. Ср. присохнуть на ком как на собаки.

как собаке блин. *Шутл.-ирон.* 1. кому чего. *Прост.* Очень мало, недостаточно чего-л. (обычно о еде). Гвоздарев 1988, 146. 2. кому что. *Прост.* То же, что нужно (нужен) кому [что] как собаке пятая нога. 3. *Новг.* Ненадолго. НОС 4, 8.

кому как собаке лет. *Перм. Шутл.-ирон.* Об очень старом, зажившимся человеке. Прокошева 1981.

что как собаке на упадь. *Перм. Неодобр.* О чём-л. израсходованном, расстраченном зря, безрассудно. < Упадья - падаль, труп животного. МФС, 105.

надоело (надоесть, мило) что кому как собаке редька. *Народн. Ирон.* О чём-л, крайне надоевшем, опротивевшем кому-л. Мих., 459. См. тошней, чем собаке редька; редька.

нужно (нужен) кому [что] как собаке второй (пятый) хвост. *Прост. Ирон.* То же, что нужно (нужен) кому [что] как собаке пятая нога. (Ленинград 1984).

нужно (нужен) кому [что] как собаке [сбоку. Сиб. (боковой)] карман (карманчик). *Нов. Жарг., Сиб. Ирон.* То же, что нужно (нужен) кому [что] как собаке пятая нога. (Ленинград, 1985); ФСС, 91.

нужно (нужен) кому [что] как собаке "здрaсте". *Прост. Ирон.* То же, что нужно (нужен) кому [что] как собаке пятая нога. БМС 1998, 537.

нужно (нужен) кому [что] как собаке палка. *Прост. Ирон.* То же, что нужно кому [что] как собаке пятая нога.

нужно (нужен) кому [что] как собаке пятая лапа. *Жарг. Ирон.* То же, что нужно кому [что] как собаке пятая нога. (Ленинград, 1986).

нужно (нужен) кому [что] как собаке пятая нога. *Прост., Пск., Урал. Ирон.* О ком-, чём-л. абсолютно ненужном, бесполезном для кого-л. КПОС; СПП 2001, 116; Бир., 61. <В основе оборота лежит совмещение несовместимых понятий. Гвоздарев 1977, 64; БМС 1998, 537. См. нужно кому как собаке палка, нужно кому как собаке пятая лапа; бульдогу лифчик, зайцу барабан, пятое колесо телеге, мёртвому припарка, попу гармонь, рыбке зонтик, прошлогодний снег, спица в колеснице, щучке зонтик.

относиться к кому как к собаке. *Пренебр. или презр.* О крайне неуважительном, грубом и жестоком отношении к кому-л.

(постелить постель) как собаке. *Пск. Неодобр.* О небрежно застеленной для кого-л. (обычно - неуважаемого, презираемого) постели. СПП 2001, 216.

сдаться кому как собаке пятая нога. *Прост. Редко.* То же, что нужно кому как собаке пятая нога.

Скряге деньги что собаке сено. *Посл. Ирон.* О бесполезности денег для скупого человека. ДП, 111.

тошней кому что чем собаке редька. *Народн. Ирон.* О чём-л. крайне опротивевшем кому-л. Мих., 404. См. надоело кому что как собаке редька.

кому что (хватает) как собаке блин. *Новг. Неодобр.* О чём-л., чего хватает кому-л. ненадолго, на очень короткое время. НОС 10, 107.

швырнуть (бросить) что кому как собаке кость. *Неодобр.* 1. О чём-л., брошенном кому-л. с презрением, пренебрежением, оскорбительно и злобно (под давлением, по принуждению с чьей-л. стороны). 2. О чьей-л. вынужденной подачке, неохотной уступке кому-л.

аркаться как собаки. *Перм. Неодобр.* То же, что браниться как собаки. <Аркаться 1. Лаять. 2. Рузаться, браниться, ссориться. (1856). СРНГ 1, 276.

(бежать) как собаки на упадь. *Сиб.* О хищно и алчно сбегаящихся на что-л. людях. < Упадь - падаль. ФСС, ?

(бежать, нестись) словно (будто, точно) собаки гонятся за кем. Об испуганно и стремительно бегущем куда-л. человеке. Ср. волки, гнаться.

Без жены что без кошки, а без мужа, что без собаки см. К.

биться как собаки. *Брян. Неодобр.* То же, что браниться как собаки. Бойцов 1986.

браниться (ругаться, лаяться) как собаки. *Пск., Томск. Неодобр.* О сердито, злобно, не выбирая выражений бранящихся людях. КПОС; СПП 2001, 216; СОСВ, 178. Ср. аркаться как собаки, биться как собаки, варькаться как собаки, гамкаться как собаки, гарчеть как собаки, драться как собаки, тьякаться как собаки.

бросаться/ броситься (кидаться/ кинуться) *на кого* как [бешеные] собаки. *Неодобр.* О людях, дружно и злобно обрушивающихся на кого-л. с бранью, яростными упреками, обвинениями и т.п. См. бросаться *на кого* как собака; пёс, цепной пёс, с цепи сорвался, фурия.

варькаться как собаки. *Пск. Неодобр.* 1. То же, что браниться как собаки. 2. О злобно сплетничающих о ком-л. людях. < Варькаться - 1. Лаять. 2. Ругаться. 3. Сплетничать. ВРСФ 13, 79.

вид у *кого* как у побитой собаки. *Неодобр.* О чьём-л. покорном, присмирённом и униженно подавленном виде.

виться как у собаки хвост. *Новг. Неодобр.* Становиться плохим, болтаться. НОС 1, 128.

волосы [жёсткие] у *кого* как у собаки. *Неодобр.* О чьих-л. очень жёстких волосах.

выше серой собаки. *Перм. Неодобр.* Об очень злом, постоянно злобствующем человеке. Подюков КД.

гамкаться как собаки. *Сиб. Неодобр.* Постоянно ссориться, ругаться. < Гамкаться - лаять, гавкать. Федоров 1980, 169. Ср. браниться как собаки.

гарчеть как собаки. *Брян. Неодобр.* То же, что браниться как собаки. < Гарчеть - лаять. Бойцов 1986.

Голодный волк сильнее сытой собаки. *Посл.* Голод прибавляет силы и злости. ДП, 805.

грызться (ссориться) что [твои] собаки. *Народн. Презр.* О злобно ссорящихся, резко спорящих, грубо бранящихся, враждующих друг с другом людях.

долгов у *кого* как у собаки репяхов см. Р.

(должностей у *кого*) как у собаки хат см. Х.

драться/ подражаться как собаки. *Неодобр.* О свирепо и жестоко дерущихся людях. Ср. бешеный, волки.

драться/ подражаться (грызться/ погрызться) [*из-за чего*] как собаки за кость. *Разг., Томск. Презр.* О людях, яростно, жестоко дерущихся, ссорящихся или бранящихся из-за чего-л. СОСВ, 178.

жизнь у *кого* как у собаки. *Неодобр. Разг.* 1. О чьей-л. очень плохой, трудной, недостойной человека жизни. 2. *Пск.* О чьей-л. полной лишений, бедствий жизни. СПП 2001, 216.

жить как собаки. *Разг., Орл. Презр.* О постоянно ссорящихся, ругающихся друг с другом людях (часто супругах). Арсентьев КД 2, 64.

жить як собаки (сабаки) у корытцы (карытцы). *Смол. Шутл.* О чьей-л. сытной, обеспеченной жизни. Добр., 115.

житьё у кого как у поповой собаки. *Народн. Ирон.* Об очень плохой, трудной и крайне бедной и голодной жизни.

житьё у кого хуже поповой собаки. *Народн. Неодобр.* О чьей-л. невыносимо тяжелой, полной бед и лишений жизни. ДП, 148; Мих., 823.

идти/ пойти как собаки худые. *Пск. Неодобр.* О покорно, медленно и понуро идущих людях. СПП 2001, 216.

как собаки. *Неодобр.* То же, что что [твои] собаки.

как (як) собаки грызут [кого, что, где]. *Брян., Пск. Неодобр.* О ощущении сильной боли. Бойцов 1986; КПОС; СПП 2001, 216.

как (як) собаки жуют [кого, что, где]. *Смол. Неодобр.* Об ощущении боли, ломоты в теле, костях. СРНГ 9, 96.

как у собаки прирвано. *Кар. Неодобр.* О чьей-л. оборванной, заплатанной одежде. < Прирванный - порванный. СРГК 1, 279.

кидаться/ кинуться на кого как [бешеные] собаки см. бросаться на кого как [бешеные] собаки.

кидаться/ кинуться на кого как собаки на упадь. *Перм. Неодобр.* О людях, алчно бросающихся на что-л. <Упадь - падаль. Подюков КД, 60.

кусаться как собаки. *Брян. Неодобр.* О сильных, раздражающих укусах насекомых. Бойцов 1986.

лаяться как собаки. см. браниться как собаки.

лезть как собаки см. лезть как собака.

мёрзнуть как у собаки в зубах. *Кар.* О сильно замёрзших, околоченных руках или ногах. СРГК 3, 224.

нёгти длинные у кого как у собаки. *Лит. ССР. Неодобр.* О чьих-л. длинных и некрасивых ногтях. < Нёгти - ногти. СРНГ 21, 6.

нюх у кого как у собаки. *Одобр. Шутл.* 1. О чьём-л. очень хорошем, тонком обонянии. 2. О чьём-л. исключительно развитом чутье, наблюдательности (при изменениях ситуации, новых веяниях и т.п.), умении предвидеть исход событий и обратить их результат в свою пользу.

(пить) как зарезаны собаки. *Перм. Неодобр.* О сильно пьющих людях, пьяницах. Прокошева 1981.

работать как собаки. *Томск. Неодобр.* Об очень тяжело, с надрывом работающих людях. СОСВ, 178.

расхватать что как собаки см. хватать что как собаки

резать и колоть как собаки. *Сиб. Неодобр.* О сильно, бескомпромиссно ссорящихся людях. ФСС, 166.

ругаться как лихие собаки. *Пск. Неодобр.* То же что браниться как собаки. СПП 2001, 216.

сбежаться как собаки на махан. *Дон. Неодобр.* О сбежавшихся с надеждой на поживу людях. Глухов 1987. < Махан. Дон. - 1. Мясо только что зарезанной лошади. 2. Не совсем свежее мясо. 3. Мясо павшего животного, падаль.

(стать) как у собаки. *Томск. Неодобр.* О ставших злыми, недружелюбными от тяжёлой, безрадостной жизни людей. СОСВ, 178.

старее (старе, старше) поповой (поповской) собаки. *Горьк., Ирк., Ниж., Новг., Перм., Омск., Ср.-обск. Пренебр.* или *ирон.* Об очень старом, отжившем свой срок человеке. ДП, 356; ППЗ; ВФ 6, 79; РАСлОльх., 192; Орел 1972, 249; Подюков КД. < На этом же образе построено и ивановск. выражение некомпаративного типа ровесник поповой собаке 'об очень старом человеке'. ВФРЯ 1981, 47. Ср. старше поповой кобылы.

тявкать как собаки. *Томск. Неодобр.* То же, что браниться как собаки. СОСВ, 178.

характер у *кого* как у [цепной] собаки. *Неодобр.* О чьём-л. злобном, жестоком и грубом характере.

хватать/ расхватать как собаки что. *Пск. Неодобр.* О жадно и злобно, не соблюдая очереди раскупающих что-л. людях. СПП 2001, 216.

хоть собаки (собаками) гложи (ешь) *кого*. *Перм. Неодобр.* Выражение полного безразличия к кому-, чему-л. Подюков КД.

хоть собаки тащи *кого*. *Народн. Неодобр.* То же, что хоть собаки гложи *кого*. ДП, 486.

хуже собаки. *Разг., Неодобр.* 1. *Презр.* О низком, подлом, жестоком и неблагодарном человеке. 2. *Кар.* О злом, скандальном человеке. СРГК 1, 327.

кто для кого чище собаки. *Кар.* О злой, постоянно бранящейся женщине. СРГК 4, 330.

что [твои] собаки. *Прост. Неодобр.* О постоянно ссорящихся, ругающихся друг с другом людях. Мих., 999.

язык у *кого* вьётся как у собаки хвост. *Новг.* Кто-л. говорит много и попусту. НОС 1, 128.

язык у *кого* довит як у собаки хвост. *Смол. Неодобр.* О злобном на язык человеке. Добр., 135. < Довит - ядовит?

жил собакой, окодел псом. *Народн. Презр.* О человеке, который недостойно жил и недостойно умер. Мих., 823.

(дружны) как кошка с собакой см. К.

жить как кошка с собакой см. К.

лад (лады) у *кого* как у кошки с собакой см. К.

обращаться (обходиться) с кем как с собакой (хуже, чем с собакой). *Неодобр.* О чьём-л. крайне грубом, жестоком и незаботливом обращении с кем-л. Ср. прислугой.

смотреть [на *кого*] серой собакой. *Перм. Неодобр.* О чьём-л. недовольном, сердитом, злом взгляде. Подюков КД.

бить/ побить (избивать/ избить, лупцевать/ излупцевать. *Ряз., отвалтузить. Курск.*) *кого* как собаку. *Разг., Томск. Неодобр.* О жестоком, безжалостном телесном наказании, порке, побоях кого-л. СОСВ, 178; Сл. Мещ. 1, 154; СРНГ 24, 145. Ср. сидорову козу, ломовую лошадь.

бранить (ругать) *кого* как собаку (собак). *Пск.* Об очень сильной и грубой брани, обрушиваемой на кого-л. СПП 2001, 216.

вздёрнуть (повесить) *кого* как собаку. *Презр.* О наказании повешением какого-л. презираемого, ненавистного человека.

выгонять/ выгнать *кого откуда* как собаку. *Презр.* О решительном, безжалостном выдворении, изгнании кого-л. откуда-л.

гонять *кого* как собаку. *Неодобр.* О человеке, которого постоянно заставляют работать, двигаться, не дают ни минуты отдыха.

драть *кого* как собаку. *Яросл. Неодобр.* О чувстве сильной тошноты, рвоте. Кругликова 1987; ЯОС 5, 13.

забить *кого* как собаку. *Кубан.* О смертельных побоях, жестоком избиении кого-л. СКГ.

забросить *кого* как собаку в яму. *Брян. Презр.* О небрежном и неуважительном захоронении, погребении кого-л. Бойцов 1986.

загнать *кого* как собаку в колесо. *Башк. Неодобр.* О человеке, которого оставили одного выполнять тяжёлую работу. СРГБ 1, 134.

затянуть *кого [во что]* как собаку в колесо. *Перм. Неодобр.* О человеке, которого затянуло что-л. непотребное, пагубное (напр., пьянство). Прокошева 1981.

застрелить *кого* как собаку см. прикончить *кого* как собаку.

знать *кого* как пёструю (рябую) собаку. *Устар. Прост. Ирон.* О хорошо всем известном (обычно - со всеми недостатками) человеке. Ср. облупленного. < Калька с нем. *j-n wie ein buntes (scheckiges) Hund kennen.* ДП, 489, 851; Д. 4, 251; ДК 4, 333; Мих., 270; Михельсон 1994, 1, 348.

знать *кого* как попову собаку. *Устар. Прост. Ирон.* То же, что знать *кого* как пёструю собаку. ДП, 489.

знать *кого* как свою собаку. *Брян. Ирон.* То же, что знать *кого* как пёструю собаку. Бойцов 1986.

кричать на *кого* как на собаку. *Пск. Неодобр.* О человеке, на которого постоянно грубо кричат, понукают, обругивают. СПП 2001, 216.

обругивать/ обругать *кого* как бездомную собаку. *Неодобр.* О человеке, которого грубо (часто несправедливо) обругали, унизительно оскорбили.

повесить *кого* как собаку см. вздёрнуть *кого* как собаку.

прибить *кого* как собаку
 □ см. прикончить *кого* как собаку.

придушить *кого* как собаку см. прикончить *кого* как собаку.

прикончить (прибить, застрелить, пристрелить, пришить, придушить) *кого* как собаку. *Презр.* О чьей-л. жестокой, безжалостной, беспощадной расправе с кем-л., убийстве кого-л.

пристрелить *кого* как собаку см. прикончить *кого* как собаку.

Приходит как турок, живёт как боярин, лягает его как собаку см. Т.

пришить *кого* как собаку см. прикончить *кого* как собаку.

с собаку. *Прост. Ирон.* О крупном, грубого сложения человеке.

смотреть *на кого* как на собаку. *Пренебр.* или *презр.* О чьём-л. крайне неуважительном, презрительном и враждебном отношении к кому-л. спать как собаку съевши. *Пск. Шутл.* Об очень крепком, долгом и безмятежном сне. СПП 2001, 216.

стебать/ застебать *кого* как собаку. *Пск. Угрож.* Угроза очень сильно наказать, побить, отстегать ремнём кого-л.

хоть (хуть) ты на собаку лей. *Смол. Неодобр.* Об очень плохом, невкусном кушанье. Добр., 77.

присохнуть *на ком* как на собаке. *Острогж. Шутл.* То же, что засохнуть *на ком* как на собаке. Яковлев 1906, 101.

СОБАЧИЙ

холодный как собачий нос см. Н.

чист как собачий зуб см. З.

житьё *у кого* хуже собачьего. *Прост. Неодобр.* То же, что жизнь *у кого* хуже собачьей. Мих., 823.

жизнь *у кого* хуже собачьей. *Неодобр.* О чьей-л. крайне плохой, полной лишений и бедствий жизни. См. житьё хуже собачьего.

из кого кто как из собачьего хвоста сито см. Сито.

бrehать собачьей губой см. Г.

как на собачьей шкуре см. Ш.

пристать (привязаться, прицепиться, прилипнуть) *к кому* как репей [к собачьему хвосту] см. Р.

убогий как дулька собачья см. Д.

СОБАЧКА

бегать *за кем* как собачка (собачкой) см. ходить *за кем* как собачка.

лежать как собачка дрожать. *Ум.-ласк. Смол. Фольк.* О дрожащем от холода человеке. (1890). СРНГ 21, 335.

лечь як собачка. *Ум.-ласк. Брян. Шутл.* О неприхотливо приютившемся где-л. на ночь человеке. Бойцов 1986.

(маленький) как собачка. *Ум.-пренебр.* О маленького роста, тщедушном человеке.

послушный (покорный) как собачка. *Ум.-ласк.* или *уничиж. Пренебр.* О рабски, угодливо и безоговорочно послушном, покорном человеке или животном. См. собачонка.

прыгать/ запрыгать *перед кем* как собачка (собачкой) на задних лапках. *Ум.-уничиж. Ирон.* или *пренебр.* О человеке, угодливо и оживлённо суетящемся вокруг кого-л. (обычно - имеющего положение, богатство, власть).

служить *кому* (выслуживаться *перед кем*) как собачка. *Ум.-уничиж. Неодобр.* О человеке, преданно и сервильно выслуживающемся перед кем-л.

услужливый (угодливый) как собачка. *Ум.-ласк. или уничиж. Пренебр.* Об услужливом, сервильном человеке.
ходить (бегать) за кем как собачка (собачкой). *Ум.-уничиж. Неодобр.* То же, что бегать за кем как собака. Ср. собачонка, хвостик.
играть с кем как с собачкой. *Ум.-пренебр.* О несерьёзном, легкомысленно игривом обращении с кем-л.
прыгать/ запрыгать перед кем собачкой на задних лапках см. прыгать перед кем как собачка на задних лапках
ходить (бегать) за кем собачкой см. бегать за кем как собачка

СОБАЧОНКА

бегать за кем как собачонка (собачонкой) см. ходить за кем как собачонка
бежать как собачонка за кем. *Пск. Ум. Шутл.-ирон.* О послушно, смиренно следующих за кем-л. детях или зверёнышах. СПП 2001, 216.
послушный (покорный) как собачонка. *Ум.-ласк. или уничиж.* То же, что послушный как собачка.
свернуться точно собачонка. *Ум.-ласк. или уничиж. Шутл.* Об округло и уютно свернувшись (во время сна) ребёнке. Ср. калачиком, кренделем.
(ходить) как побитая собачонка. *Ум.-уничиж. Презр. или пренебр.* То же, что ходить как побитая собака.
ходить (бегать) за кем как собачонка (собачонкой). *Ум.-уничиж.* То же, что ходить за кем как собачка.
ходить (бегать) за кем собачонкой см. ходить за кем как собачонка.

СУМГАЙ

замёрзнуть как сумгай. *Пенз. Офен. или жарг.* Об очень замёрзшем, продрогшем от холода человеке. < Сумгай - собака. В.Д. Бондалетов (сообщ. в 1975 г.).

КОБЕЛЬ

отлпать кого как кобелёв (кобельёв). *Пск.* Очень сильно изругать кого-л. (людей, совершивших проступок). КПОС; СПП 2001, 2001, 99.
Бреши кобелём: продавать поведём. *Острогж. Ирон.* Приговорка очень злобному, бранящемуся человеку. Яковлев 1906, 94.
Деверья впереди что борзые кобели; свекрова на печи что сука на цепи. *Народн. Вульг. Ирон.* О крестьянской семье, где царят постоянные споры, раздоры между роднёй. ДП, 392.
как кобели. *Кар. Неодобр.* О здоровых, крепких, но не работающих мужчинах-пенсионерах. СРГК 4, 8.
брехать как кобель хвостом махает. *Ворон. Презр.* О злобно болтающем что-л. человеке. Ройз.ХазСл. 1972, 292.

(голоден) как кобель. *Пск.* О чѣм-л. ощущении сильного голода. КПОС; СПИ 2001, 99.

как бездомный кобель. *Народн. Неодобр.* О жалком, удрученном, оставшемся без пристанища и крова человеке.

как кобель. *Прост. Неодобр.* О похотливом, блудливом, напористом в обращении с женщинами человеке.

как кобель борзой. *Волгогр. Неодобр.* Об очень злом, сердитом, несдержанном человеке. Глухов 1987.

как кобель на цепи. *Народн. Неодобр.* О злобном, легко поддающемся приступам ярости человеке. Ср. пёс, собака, цепной кобель.

как побитый кобель. *Народн. Неодобр.* Об униженном, покорном, удрученном, подавленном человеке. Ср. побитый пёс, побитая собака.

как цепной кобель. *Народн. Неодобр.* То же, что как кобель на цепи. Ср. как цепной пёс, цепная собака.

наестся как Антипкин кобель. *Хоперск. Ирон.* Об очень сытно, жадно наевшемся человеке. (сообщ. А.П. Переседов в 1976 г.).

отляять кого как кобельёв см. кобельёв.

присохнуть на ком, у кого как на кобелю. *Брян.* О быстро заживающей у кого-л. ране, порезе. Бойцов 1986.

бить (прать) кого как кобеля. *Пск.* О нанесении сильных побоев кому-л. СПИ 2001, 99.

гонять кого как кобеля. *Пск.* О человеке, которого постоянно заставляют куда-л. быстро ходить, посылают по всяким делам. КПОС; СПИ 2001, 99.

СУКА

болтать языком как сука хвостом. *Пск. Вульг. Грубо.* О много, попусту и беспардонно болтающем человеке.

вертеть хвостом как сука. *Вульг. Грубо.* О прямолинейно кокетничающей, напрашивающейся на половую связь женщине. ППЗ, 86.

Деверья впереди, что борзые кобели; свекровь на печи, что сука на цепи. см. К.

налетать/ налететь как сука на кого. *Пск. Вульг. Грубо.* О злобно, сердито набрасываемся на кого-л. человеке.

Свекровь на печи, что сука на цепи. *Народн. Вульг. Ирон.* О злой, придирчивой и жестокой свекрови. ДП, 392.

тощий как сука гонская. *Пск. Ирон.* или *неодобр.* Об очень худых, истощенных животных. <Гонский - гончий.

глодаться (грызться) как суки. *Пск. Неодобр.* О сердито, злобно, грубо ругающихся женщинах.

СУКИН * пьян как сукин сын см. Сын.

умориться (измотаться) как сукин сын см. Сын.

СУЧКА

бегать как сучка. *Острогож. Презр.* или *бранно.* О ведущей себя похотливо, распушено женщине. Яковлев 1906, 95.

брехать (брешить - 3 л.ед. ч.) как попова сучка. *Кубан. Пренебр.* О чьей-л. беспардонной, гнусной лжи. Чалов 1982, 21.

выть как сучка на яру. *Волгоград. Презр.* О сильно, с надрывом, в голос плачущем человеке. Глухов 1987.

Душка - не сучка: не вышлешь вон, когда Бог не возьмёт. *Ум. Посл. Устар. Шутл.* Человек не волен распоряжаться своей жизнью. ДП, 304.

Обозревая предложенный материал, можно заметить, что несмотря на многообразие конкретных сравнений со словом "собака", большинство из них группируются в семантически сконцентрированные модели и отражают групповые коннотативные оценки соответствующего животного в русском языковом сознании. Попробуем в самом общем виде определить семантические доминанты описанные сравнений.

I. ДЕЙСТВИЯ.

A. Субъект действия.

1. Быстро двигаться (особенно - гнаться за кем-л., преследовать кого-л.).
2. Быстро, энергично, бодро действовать.
3. Бдительно сторожить, стеречь, охранять кого-, что-л.
4. Преданно, верно служить кому-л.
5. Послушно, покорно, преданно ходить за кем-л.
6. Ходить без дела, праздно слоняться.
7. Избегать кого-, чего-л.
8. Прячаться от мелких неприятностей.
9. Изворачиваться, быть непостоянным.
10. Заискивать, ластиться к кому-л.
11. Надоедать кому-л., настойчиво приставать к кому-л.
12. Бесследно исчезать, пропадать.
13. Погибать; бесславно, непочётно умирать.
14. Жадно есть или набрасываться на еду или что-л.
15. Суетиться (радостно) при виде пищи.
16. Пить много, напиваться допьяна.
17. Злобно, враждебно смотреть на кого-л.
18. Выть, петь неприятным голосом.
19. Ворчать, говорить что-л. сердито, злобно; рычать.
20. Огрызаться, отругиваться.
21. Обрушиваться на кого-л. с бранью, ругаться.
22. Злобно бросаться на кого-л.
23. Браниться, ругаться.
24. Драться, задирается.

25. Врать, говорить неправду.
26. Злословить, сплетничать.
27. Говорить пустое, болтать.
28. Накликать беду.
29. Потерпеть неудачу.
30. Работать с надрывом, много и тяжело.
31. Работать недобросовестно, небрежно.

Б. Объект действия.

32. Хорошо знать кого-л.
33. Относиться к кому-л. с неуважением, презрением.
34. Давать кому-л. есть или пить с пренебрежением, презрением.
35. Выгонять, гонять кого-л.
36. Обращаться с кем-л. грубо, жестоко сурово.
37. Обращаться с кем-л. крайне неуважительно, с презрением.
38. Хоронить кого-л. с неуважением, презрением.
39. Смотреть на кого-л. с неуважением, презрением.
40. Избивать, бить кого-л.
41. Убивать, уничтожать кого-л.; вешать, расстреливать и т.п. кого-л.
42. Бранить, ругать кого-л.
43. Тошнить.

II. СОСТОЯНИЕ.

44. Жить в постоянной нужде, бедности.
45. Жить недостойно, неудобно, испытывая неудобства.
46. Жить в голоде, бескормице.
47. Жить в постоянных ссорах, распрях.
48. Умереть, околоть (обычно безвестно, покорно, без почестей).
49. Быть голодным, изголодавшимся.
50. Быть усталым, крайне изнурённым.
51. Замерзнуть, озябнуть.
52. Быть очень пьяным.
53. Ощущать сильную боль.
54. Крепко, безмятежно или бесчувственно спать.

III. ВНЕШНИЙ ВИД.

55. Грязный, испачканный, неряшливый.
57. Оборванный, плохо и грязно одетый.
58. С длинными, некрасивыми и грязными ногтями
59. Вонючий, издающий неприятный запах.
60. Иметь забитый, подавленный или покорный вид.
61. Иметь пристыженный или виноватый вид.

- 62. Крупного, грубого сложения.
- 63. Худой, крайне тощий.
- 63. Седой, седовласый, поседевший.
- 64. Старый.
- 65. Лохматый, непричёсанный; жёстковолосый.

IV. КАЧЕСТВА.

- 66. Злой, злобный, бесчеловечный.
- 67. Жестокий.
- 68. Скандальный, сварливый.
- 69. Обидчивый.
- 70. Ревнивый.
- 69. Голодный, всегда жаждущий пищи, ненасытный.
- 70. Завистливый.
- 71. Сервильный, подобострастный, услужливый.
- 72. Льстивый, заискивающий.
- 73. Покорный.
- 74. Подлый, гнусный, мерзкий.
- 75. Бросающий тень на чью-л. репутацию.
- 76. Неуважительный.
- 77. Болтливый, говорящий пустое.
- 78. Лживый.
- 79. Избалованный, капризный.
- 80. Сумасшедший, безумный.
- 81. Неимущий, обездоленный.
- 82. Неприхотливый, не избалованный.
- 83. Быстро переносящий болезни, легко выздоравливающий.
- 84. Смышлёный, умный, проницательный.
- 85. Имеющий нюх, чутьё, чуткий.
- 86. Имеющий хороший слух.

IV. РАЗНОЕ.

- 87. Множество (народу, неуважаемых людей).
- 88. Безразличие.
- 89. Невкусная пища.
- 90. Напрасные усилия или бесполезные траты.

Как видим, набор конкретных коннотативных реализаций слова *собака* как компонента русских народных сравнений в целом негативен. В этом таится некоторый парадокс и противоречие между общей положительной индо-европейской символикой "собаки", нашедшей, как мы виде-

ли, свое отражение с древнейших времен в мифологии, и доминирующим языковым негативизмом этого символа. Примерно такая же ситуация наблюдается и в лексической и фразеологической "кинологической метафоре" русского и других славянских языков (Стернин 1979; Мокиенко 1999, 98-99; Складаревская 1993, 61; Spagińska-Pruszk 2003, 239-240).

Ознакомившись с предложенными мною для этого сборника материалами, Читатель вправе спросить меня: а какое отношение этот анималистический "сюжет" имеет к значительному Юбилею и к высокочтимому Юбиляру?

Не скрою: импульсом к выбору "кинологического" сюжета послужили у меня два совершенно различных, но абсолютно фразеологических момента. Во-первых, известно, сколь универсальны многие фразеологизмы и паремии с компонентом "собака" во многих европейских языках, но при этом до обидного мало сделано для сопоставления славянского и венгерского материала этого рода. А ведь как показывает даже предлагаемое "этнодное" описание этой темы, здесь и славистов, и финноугроведов ждет немало находок. Словацкое выражение *vujst' na psí tridsiatok* «разориться, обнищать», например, на лингвистическую поверку оказывается именно хунгаризмом - калькой с венг. *ebek harmincadjára kerül (kerülni, jut, van)*. Буквально расшифровываясь как "попасть на собачью тридцатку", оно некогда обозначало тридцатую часть цены товара, которую платили в качестве таможенного налога на бывших (с XIII в.) границах Венгерского королевства. Учет венгеро-славянского взаимодействия помогает точнее представить исходную семантику этого древнего "собачьего" оборота: прил. *psí* в словацком выражении обозначает не получателя пошлины, а - того, кто ее платит. Такая этимологическая диагностика много лет назад была рождена дискуссией с А.В. Исаченко, интерпретировавшим словацкое выражение как кальку с нем. *auf den Hund kommen* (Мокиенко 1979, 115-122; Мокиенко 1989, 183). Поскольку с тех пор я усиленно собирал фразеологический материал о "собаке" именно благодаря интересу к венгерскому обороту, то уже это побуждало меня посвятить соответствующий сюжет венгерскому Ученому, давно снискавшему уважение своими исследованиями по славянской диалектологии и общей славистике. Посвятить Ему этот сюжет с надеждой, что русский фразеологический материал будет кем-л. из венгерских исследователей просеян сквозь сито сопоставления. Любопытно, сколько типологически общего, интернационального обнаружится при этом, и сколько окажется уникального, национально специфического.

Вторая же причина - откровенно признаюсь - вытекает из первой. Поскольку выражение *ebek harmincadjára kerül* так, увы, и осталось единственной венгерской идиомой, которую я за это время освоил, я по-фразеологически, от противного (как *Ни пуха, ни пера!*) хочу пожелать нашему Юбиляру: "Никогда не приходите на собачью тридцатку (*nikdy nie vushádzat' na psí tridsiatok*), а оставаться таким же тридцатилетним учёным,

как в день Юбилея, и еще многая лета обогащать нашу славистику новыми идеями и нетленными открытиями, на которых он уже *съел* не одну собаку.

Литература

- АПЛ-80: Актуальные проблемы лексикологии. - Новосибирск, 1980.
- АОС: АОС 1-8: Архангельский областной словарь. Вып. 1-8 / Под ред. О.Г. Гецов. М.: изд-во МГУ, 1980-1993.
- Арбатский 2000: Арбатский Л.А. Толковый словарь русской брани. 2-е изд., переработ. и дополн. - М.: ООО изд-во Яуза, 2000. - 448 с.
- Арсентьев КД: Арсентьев 1986: Арсентьев Д.З. Фразеология одного орловского говора в системном аспекте (на материале говора дер. Каменка Знаменского р-на Орловской обл.). Орел, 1986. Канд. дисс... филол. наук. - 217с.
- БАС: Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1-17. (Большой академический словарь). М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1948-1965.
- Белова 1999: Белова О.В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символов. - М.: Индрик, 1999. - 320 с.
- Бир.: Бирюков В.П. Крылатые слова на Урале // Собрал и составил В.П.Бирюков. Свердловск, 1960. - 117 с.
- Бирх, Мокиенко, Степанова 1998: Бирх А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. - Под ред. проф. В.М. Мокиенко. - СПб.: изд-во СПбГУ - Фолио-Пресс, 1998. - 704 с.
- Бойцов 1986: Бойцов С.А. Устойчивые сравнения в брянских говорах. Канд. дисс... филол. наук. Л., 1986.
- Брагина 1995: Брагина А.А. Мир животных в мире слов: Книга для внеклассного чтения. - М.: Московский лицей, 1995. - 253 с.
- БС: Ботина Л.Г., Санжарова В.П. Диалектная фразеология села Нижний Ландех Пестяковского района Ивановской области (материалы к фразеологическому словарю) // Вопросы фразеологии русского языка. Самарканд, 1981. - С. 39-49.
- Бул. 1854: Буслаев 1854: Буслаев Ф.П. Русские пословицы и поговорки // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1854. Кн. 2. - С. 1-176.
- ВРСФ 13: Вопросы русской и славянской фразеологии. - Самарканд, 1978.
- ВФ 6: Вопросы фразеологии, вып. 6. Восточнославянская фразеология и фразеография. Самарканд, 1972.
- ВФ 10: Вопросы фразеологии, вып. 10. Самарканд, 1976.
- ВФ 12: Вопросы фразеологии, вып. 12. Самарканд, 1977.
- ВФРЯ 1981: Вопросы фразеологии русского языка. (Сборник научных трудов). - Самарканд, 1981. - 105 с.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. С предисловием Р.О.Якобсона. Тбилиси: ТГУ, 1984.Т. 1. - 428 с.; т. II. - 1328 с.
- Гвоздарев 1977: Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Ростов-на-Дону, 1977. - 184 с.

- Гвоздарев 1988: Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии. М.: Просвещение, 1988. - 192 с.
- Глухов 1987: Глухов В.М. Материалы для фразеологического словаря народных говоров волгоградской области. 1987. (машинопись).
- Грушко, Медведев 1995: Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Сост. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Нижний Новгород: "Русский купец" и "Братья славяне", 1995. - 559 с.
- Гура 1997: Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. - М.: "Индрик", 1997. - 912 с.
- Д.: Д. 1-4: Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. 3-е изд. Тт. 1-4. М.: 1955.
- ДК 1-4: Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. Изд. 3-е, исправленное и значительное дополненное. Под ред. И.А.Бодуэна-де-Куртенэ. Тт. 1-4. М., 1903-1909; 4-е исправленное и значительно дополненное издание под ред. И.А.Бодуэна де Куртенэ. Тт. 1-4. СПб.-М., 1912-1914. Перепечатка: М.: "Прогресс", 1995.
- Дмитренко 1997: Дмитренко М.К. Народні повір'я. - Київ: Бібліотека часопису "Народознавство", 1997. - 67 с.
- Добр.: Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник: Пословицы. Ч. 3. СПб., 1894. - 168 с.
- ДП: Даль В.И. Пословицы русского народа. М.; "Художественная литература", 1957. - 992 с.
- ДС: Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А.Оссовецкого. - М., 1969. -612с.
- Жиг. 1969: Жигулев А.М. Русские пословицы и поговорки. М., 1969. - 448 с.
- Жук-66; Жук-91: Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Сов. энциклопедия, 1966. - 535 с.; 2-е и 3-е изд. (стереотип.) М. 1967; 4-е изд., испр. и доп. М.: "Русский язык", 1991. - 534 с.
- Ивашко 1999: Ивашко Л.А. Фразеологическая оценка физического здоровья в народной речи // ARS PHILOLOGICA. Festschrift für Baldur Panzer zum 65. Geburtstag (hrsg. v. Karsten Grünberg und Wilfried Potthoff). Frankfurt am Main-Berlin-Bern-New York-Paris-Wien: Peter Lang-Verlag, 1999. - S. 407-410.
- Ивченко 1994: Івченко Анатолій. Українська фразеологія. Етимологічні етюди // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Нова серія. Том. 3. Харків: Око, 1994. - С. 117-126.
- Ивченко 1996: Івченко А.О. Українська народна фразеологія: ареали, етимологія. - Харків: Око, 1996. - 158 с.
- Лларіон 1979-1994: Лларіон Митрополит (проф. Іван Огієнко). Етимологічно-семантичний словник української мови. За ред. Юрія Мулика-Луцика та Магдалини Ласло-Куцок. - Т. 1-4. - Вінніпег, Канада, 1979-1994.
- Кагаров 1913: Кагаров Евг. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. - СПб.: Сенатская типография, 1913. - 327 с.
- Казакова 1983: Казакова Т.Е. Глаголы-синонимы в диалектной лексической системе (на материале говора дер. Красный Яр Уватского района Тюменской области). - Л., 1983.

- КГОС: Картотека "Областного словаря говоров Горьковской области". Хранится на кафедре русского языка филологического фак-та Горьковского (Нижегородского) гос. ун-верситета.
- ККС: Картотека СРГК.
- Коваль 1995а: Коваль У.І. Народныя уяўленні, павер'і і прыкметы. Даведнік на ўсходнеславянскай міфалогіі. Гомель: Беларускае Агенцтва навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. - 180 с.
- Коваль 1998: Коваль В.И. Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение. Гомель: Гомельск. ун-т им. Ф. Скорины, 1998. - 213 с.
- Козырев 1912: Козырев Н. Семь сказок и одна легенда Псковской губернии "Живая старина", 1912. - Вып. II-IV. - С. 297-308.
- КПОС: Картотека ПОС (Псковский областной словарь с историческими данными. Основан Б.А.Лариным. Вып. 1-14. Л.-СПб: изд-во ЛГУ-СПбГУ, 1967-1999.
- Кругликова 1987: Кругликова Л.Е. Материалы по фразеологии ярославских говоров. Присланы Л.Е. Кругликовой автору в феврале 1987 г. (в карточках).
- Кузнецова 2001: Кузнецова И.В. Отражение культурно значимых реалий в славянских устойчивых сравнениях. Чебоксары: изд-во Чебоксарского гос. ун-та (рукопись), 2001.
- Кузнецова 2001б: Кузнецова И.В. Вокруг Пасхи//Материалы XXX межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 5. Секция фразеологии. 1-17 марта 2001 г. СПб, 2001. С. 36-41.
- КЭФ: Шанский Н.М., Зимин В.И, Филиппов А.В. Краткий этимологический словарь русской фразеологии // Русский язык в школе. 1979. - N 1. - С. 44-51; N 2. - С. 52-59; N 3. - С. 67-77; N 4. - С. 76-86; N 5. - С. 84-94; N 6. - С. 57-69; 1980. - N 1. - С. 68-77; N 2. - С. 63-71.
- КЭФ-Доп., 1981: Шанский Н.М., Зимин В.И, Филиппов А.В. Краткий этимологический словарь русской фразеологии (Дополнение) // Русский язык в школе. 1981. - N 4. - С. 61-72.
- Мак-Киенго 1997: Мак-Киенго, Уоллер. Словарь русской брани. - Калининград, 1997. - 261 с. (УМК).
- Михельсон 1894: Михельсон М.И. Меткие и ходячие слова. Сборник русских и иностранных пословиц, изречений и выражений. СПб, 1894. - 690 с.
- Михельсон 1896: Михельсон М.И. Меткие и ходячие слова. Сборник русских и иностранных пословиц, изречений и выражений. СПб, 1896. - 690 с. [репринт М., 1994].
- Михельсон 1902-1903: Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб. - Т. 1, 1902. - 779 с. Т. 2, 1903. - 580+250 с.
- Мих. 1994, 1, 2: Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Предисловие и комментарии В.М.Мокиенко. - М.: "Русские словари", 1994. - Т. 1 - 779 с. Т. 2. - 580+250 с.
- Мих.: Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Посмертное издание. СПб., 1912. - 1046 с.

- МНМ: Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. Т. 1-2. М., 1987, 1988.
- Мокиенко 1980 - Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа. 1980. 207 с.
- Мокиенко 1989б - Мокиенко В. М. Заведенные часы и нерезанные собаки // РР. 1989. № 2. С. 135-140.
- Мокиенко 1993: Мокиенко В.М. О словаре русских народных сравнений // Вопросы теории и истории языка. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Б.А. Ларина. СПб: СПбУ, 1993. - С. 173-178.
- Мокиенко 1995 - Мокиенко В.М. Словарь русской бранной лексики (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями). А-А - ЯЯ. Mit einem Nachwort von Soia A.Koester-Thoma. - Berlin: Dieter LENZ Verlag, 1995. - XXV+151 с.
- Мокиенко 1999: Мокиенко В.М. В глубь поговорки. 3-е изд. - СПб.: ИД "МиМ", "Паритет", 1999. - 221 с.
- Мокиенко 2001: Мокиенко В.М. О большом словаре русских сравнений // Фразеологизм: семантика и форма. Сборник статей, посвященных юбилею проф. Валентины Андреевны Лебединской. - Курган: Курганский гос. ун-т, 2001. - С. 77-84.
- Мокиенко 2001а: Мокиенко В.М. Из сокровищницы русской речи (народные устойчивые сравнения с названиями животных) // Мир русского слова, 2001. - № 4. - С. 40-46.
- Море 2002: Море слабых не любит. Материал из "Интернета" (14.04.2003).
- МФС: Прокошева К.Н. Материалы для фразеологического словаря говоров северного Прикамья. Пермь: Перм. ПИ, 1972. - 114 с.
- Назарова 1985: Назарова Н.В. Устойчивые сравнения в русских народных говорах Карелии. Дипломная работа, машинопись. - Л., 1985. -67 с.
- НОС: Новгородский областной словарь. - Сост. В.П.Строгова, А.В.Клевцова, Л.Д. Петрова и др. - Отв. ред. В.П.Строгова. Вып. 1-13. - Новгород, 1991-2000.
- Овсянников 1933 - Литературная речь: Толковый словарь современной общелитературной фразеологии/Сост. В. З. Овсянников. М., 1933. 362 с.
- Орел 1972: Орел М.В. Диалектная фразеология среднеобских старожильческих говоров (материалы для словаря) // Вопросы фразеологии. - Вып. VI. Самарканд: изд-во СамГУ, 1972.
- ОСВГ: Областной словарь вятских говоров. - Вып. 1. Киров, 1996. - 141 с.
- Пал.: Палевская М.Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVII века. Кишинев: "Штиинца", 1980. - 366 с.
- Плачинда 1993: Плачинда С.П. Словник давньоукраїнської міфології. - Київ: Укр. письменник, 1993. - 63 с.
- Подюков 1982: Подюков И.А. Экспрессивно-стилистическая характеристика диалектных фразеологических единиц (на материале говоров Северного Прикамья). Канд. дисс.... филол. наук. Л., 1982. -176 с.
- ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными. Основан Б.А. Лариным. Вып. 1-14. Л.-СПб: изд-во ЛГУ-СПбГУ, 1967-1999.
- ППЗ: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII-XX веков / Издание подготовили М.Я.Мельц, В.В.Митрофанова, Г.Г.Шаповалова. М.-Л., 1961. - 289 с.

- ППЗК 2000: Пословицы, поговорки и загадки Кубани. Составители: Л.Б. Мартыненко, И.В. Уварова. Под ред. Л.А. Степанова. - Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002. - 167 с.
- Прокошева 1981: Прокошева К.Н. Материалы для фразеологического словаря говоров северного Прикамья. Пермь. (Материалы в карточках, присланные В.М. Мокиенко в 1981).
- Прокошева 1986: Дополнения к "Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья" (МФС). Машинопись, 1986.
- РАСлОльх.: Ройзензон Л.И., Андреева Л.А. Словарь русской диалектной фразеологии Ольхонского района Иркутской области. - Вопросы фразеологии. - Вып. 6. Самарканд, 1972. - С. 114-204.
- РБС: Русско-белорусский словарь. Т. 1-2. Минск, 1982. - 648 с.; 634 с.
- РойзБалСл. 1972: Ройзензон Л.И., Балясников А.В. Словарь диалектной фразеологии деревни Коты Оёкского района Иркутской области // Вопросы фразеологии. - Вып. 6. - Самарканд, 1972. - С. 325-241.
- Сб.Ром.: Рукописный сборник "Древних русских пословиц", опубликованный Е.Р.Романовым // Зап. Сев.-Зап. отделения Русского географического общества. Кн. 1. Вильна, 1910; кн. 2. Вильна, 1912.
- СБГ: Словарь брянских говоров. Вып. 1-5. Л., 1976-1988.
- СВГ: Словарь вологодских говоров. Т. 1-6. Вологда, 1983-1993. (А-Палица).
- СДГ: Словарь русских донских говоров. Тт. 1-3. Ростов-на-Дону, 1976.
- СКГ: Словарь кубанских говоров: Рукопись хранится в Кубан. ун-те, кафедра русского языка.
- Скляревская 1993: Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.
- Сл.Мещ. 1: Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. Т. 1. А-Н. - Воронеж, 1983. - 274 с.
- СМ 1995: Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Научные редакторы: В.Я. Петрухин, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая. - М.: "Эллис Лак", 1995. - 416 с.
- СОСВ: Словарь образных слов и выражений народного говора. Под ред. О.И. Блиновой, - Томск: изд-во НТЛ, 1997. - 208 с.
- СОГ: Словарь орловских говоров /Ред. Т.В. Бахвалова. Вып. 1-12. Орёл, -2001.
- СПП 2001: Словарь псковских пословиц и поговорок. Составители В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Научный редактор Л.А. Ивашко. 13 000 единиц. - СПб.: "Норинт", 2001. - 176 с.
- СРГА 1-4: Словарь русских говоров Алтая. Тт. 1-4. Под ред. И.А. Воробьевой, А.И. Ивановой. - Барнаул: изд-во Алтайского гос. ун-та, 1993-1998.
- СРГБ: Словарь русских говоров Башкирии. Под ред. З.П. Здобновой. - Вып. 1-2. - Уфа: Гилем, 1997-2000.
- СРГК: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Главный редактор А.С.Герд. Вып. 1-4. СПб.: изд-во СПбГУ, 1994-1999.
- СРГМ: Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Т. 1-6. Саранск: изд-во Мордовского ун-та, 1978-2001.
- СРГП: Словарь русских говоров Прибайкалья. Вып. 1-4. - Иркутск, 1986-1989.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Вып. 1-34. Л.-СПб, 1965-2000.
- ССГ: Словарь смоленских говоров. Вып. 1-9. Отв. ред. А.И.Иванова. Смоленск: СГПИ, 1974-2000.

- Стернин 1979: Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.
- Тимофеев 1961: Тимофеев Б.Н. Правильно ли мы говорим? Л., 1961. - 191 с.
- Тимофеев 1963: Тимофеев Б.Н. Правильно ли мы говорим? 2-е изд. Л., 1963. - 331 с.
- Тимошенко 1897: Тимошенко И.Е. Литературные первоисточники и прототипы трёхсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897. - 172 с.
- УМК: Мак-Киенго, Уоллер. Словарь русской брани. - Калининград, 1997. - 261 с.
- Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья первая). - *Studia Slavica Hungarica*. XXIX, Budapest, 1983. - С. 33-69.
- Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья вторая). - *Studia Slavica Hungarica*. XXXIII/1-4, Budapest, 1987. - С. 37-76.
- Успенский 1988: Успенский Б.А. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (семантика русского мата в историческом освещении) // *Semiotics and the History of Culture. In Honor of Jurij Lotman. Studies in Russian*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1988. - P. 197-302.
- Федоров 1980: Федоров А.И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск, 1980. - 192 с.
- ФМ 1990: Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. Лингво-страноведческий словарь. Под ред. Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова. М.: "Русский язык", 1990. - 222 с.
- ФМ 1999: Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Школьный фразеологический словарь. - М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. - 384 с.
- ФСС: Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Сост. Л.Г.Панин, Л.В.Петропавловская, А.И.Постнова, А.И.Федоров. Под ред. А.И.Федорова. Новосибирск: "Наука", 1983. - 232 с.
- Чалов 1982: Чалов В.П. Материалы к словарю устойчивых сравнений кубанских народных говоров. Рукопись. - Краснодар, 1982.
- Шулежкова 2001: Шулежкова С.Г. Рассказы Сергеевны, записанные с ее слов в 1960-1970-е годы / Вступ. ст. у ред. С.Г. Шулежковой. - Магнитогорск: МаГУ, 2001- 28 с.
- Шулежкова 2002: Шулежкова С.Г.: Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: "Азбуковник", 2002. - 288 с.
- Яковлев 1906: Яковлев Г. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слободе Сагунах Острогожского уезда // *Живая старина*, 1905. - Вып. 1-2. - С. 89-104; вып. 2-4. 1906. - С. 166-184.
- ЯОС: Ярославский областной словарь. - Тт. 1-8. - Ярославль, 1981-1989.
- Grochowski 1995: Grochowski M. *Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów*. Warszawa: PWN, 1995.
- HDA: *Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens*. - Hg. von E. Hoffmann-Krayer und Bächtold-Stäubli. - 10 Bde. - Berlin, 1927-1942 (Nachdruck: Berlin, 1987).
- Kopaliński 1991: Kopaliński Władysław. (red). *Słownik mitów i tradycji kultury*. Wyd. 4. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1991. - 1360 s.

- Lewinson 1999: Lewinson Jacek. Słownik seksualizmów polskich. - Warszawa: "Książka i Wiedza", 1999. - 354 s.
- Obrátil 1999: Obrátil K.J. Kryptadia. Přísěvky ke studiu pohlavního života našeho lidu. III. (Slovník). (reprint soukromého tisku z let 1938-1939 (sv. 12-15). - Praha: Paseka, 1999. - 453 s.
- Simrok 2003: Simrock Karl. Die deutschen Sprichwörter. - Einleitung von Wolfgang Mieder. - Düsseldorf: Patmos Verlag GmbH, Albatros Verlag, 2003. - 631 S.
- Spagińska-Pruszk 2003: Spagińska-Pruszk Agnieszka. Intelkt we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwackiej. Gdańsk: wydawnictwo uniwersytetu Gdańskiego, 2003. - 303 s.

Источники из "Интернета"

http://forum.novgorod.ru/20021125/posts/90/thred_90.shtm

<http://polnolunie.baikal.ru/zemskov/zlobnaya.htm> (14.04.2003)

EGY LENDVA-VIDÉKI SZÓKÉSZLETI ANYAG EREDET SZERINTI
VIZSGÁLATA*

1. Eredetkategoriók a Lendva-vidéki szókészlet anyag egészében

Az itt következőkben a Lendva-vidéken gyűjtött szókészleti anyagomat (l. Molnár Z. M.: Nyelvföldrajzi–szociolingvisztikai vizsgálatok a magyar nyelvterület nyugati régióiban. Szh., 1999. 133–60) vizsgálom meg az eredetkategoriók szempontjából. Hasonlóra – muravidéki korpuszra alapozva – már korábban is vállalkoztam (Molnár Z. M.: Adalékok a magyar–délszláv nyelvi kapcsolatok kérdésköréhez. = Varga József–Molnár Zoltán szerk.: Corvin Mátyás-konferencia. Maribor, 1991. 161–4; uő: A szlovén–magyar nyelvi kapcsolatok kérdésköréhez. = Gadányi Károly szerk.: Nemzetközi Szlavisztikai Napok IV. Szh., 1991. 199–202), de forrásanyagul akkor a TESz. lehetett segítségemre. Ezúttal az EWUng. kötetekre támaszkodom, hiszen ezek a közben történt etimológiai kutatások nyomán korszerűbb eredeztetéseket adnak. Például az *orgona* (virág) latin jövevényszó helyett jelentéskülönüléssel létrejött belső fejleménynek vehető, vagy a *gyerek* újabban ismeretlen helyett bizonytalan (talán török) eredetűnek, az *uram*, a *rideg* viszont bizonytalan helyett vitatott eredetűnek számít.

Mindezek figyelembevételével 1203 lexémaelőfordulást tanulmányoztam át. Ez alapján a következő szóhasználati statisztika birtokába jutottam:

Eredetkategorória	A szóelőfordulás száma	Százalék (%)
Ósi eredetű szó	41	3,40
Belső keletkezésű szó	897	74,56
– származék	491	40,81
– összetétel	338	28,09
– egyéb	68	5,65
Jövevényszó	194	16,12
– iráni	4	0,33
– török	9	0,74
– német	95	7,89
– latin	2	0,16
– olasz	1	0,08
– szláv	72	5,98

* Ezen írással tisztelgek 60. születésnapja alkalmából Gadányi Károly előtt, aki több helyütt is foglalkozott a szóeredeztetés, a nyelvi kölcsönzés kérdéskörével (l. pl. The Evolution of Vocabulary in Literary slovenian. Academia Press, Melbourne, 1996. 136–41).

– vándorszó	2	0,16
– nemzetközi	9	0,74
Tisztázatlan	71	5,90
– bizonytalan	14	1,16
– vitatott	26	2,16
– ismeretlen	31	2,57
Összesen	1203	100 %

A táblázat tanulságait szűrjük le úgy, hogy összevetjük a szóban forgó, kérdőfüzet alapján nyert lexikális anyag szóelőfordulási mutatóit azon korpuszával, amelyet Horváth László dolgozott fel mai elbeszélések alapján (Etimológiai kategóriák arányai mai elbeszélésekben. MNy. XCVI [2000] 3: 317). Két eredetkategoria-csoport esetében nagyjából hasonló az adatok: a belső keletkezésű szavak részesedése nálam 74,56, Horváth Lászlónál 72,27; a tisztázatlan eredetűeké itt 5,90 %, ott 6,90 %. A másik két csoportot illetően viszont nagyfokú különbség jelentkezik a két vizsgálat adatai között: míg ősi eredetű szó nálam mindössze 3,40 %-ban, addig Horváth László anyagában 15,27 %-ban mutatható ki; jövevényszó ellenben nálam 16,12 %-ban, Horváth Lászlónál csak 5,56 %-ban fordul elő.

2. Eredetkategoróriák a Lendva-vidéki szókészleteti anyag nyelvföldrajzi rétegeiben

A Lendva-vidéki szókészleteti korpusz három településen: Hosszúfaluban, Csenteben és Felsőlakosban gyűjtött anyagból állt össze. Az egyes falvaknak három-három adatközlőjétől nyert anyagban a következőképpen mutatkozik az eredetkategoróriák statisztikai megoszlása:

Eredetkategorória	A szóelőfordulás száma és százaléka kutatópontonként		
	Hosszúfalu	Csente	Felsőlakos
Ősi eredetű szó	11 2,88 %	12 2,94 %	18 4,33 %
Belső keletkezésű szó	294 77,16 %	300 73,71 %	303 73,01 %
– származék	162 42,51 %	164 40,29 %	165 39,75 %
– összetétel	110 28,87 %	116 28,50 %	112 26,98
– egyéb	22 5,77 %	20 4,91 %	26 6,26 %

Jövevényszó	60 15,74 %	65 15,97 %	69 16,62 %
– iráni	1 0,26 %	2 0,49 %	1 0,24 %
– török	3 0,78 %	3 0,73 %	3 0,72 %
– német	30 7,87 %	34 8,35 %	31 7,46 %
– latin	1 0,26 %	0 0 %	1 0,24 %
– olasz	0 0 %	0 0 %	1 0,24 %
– szláv	22 5,77 %	23 5,65 %	27 6,50 %
– vándorszó	0 0 %	0 0 %	2 0,48 %
– nemzetközi	3 0,78 %	3 0,73 %	3 0,72 %
Tisztázatlan	16 4,19 %	30 7,37 %	25 6,02 %
– bizonytalan	4 1,04 %	6 1,47 %	4 0,96 %
– vitatott	4 1,04 %	12 2,94 %	10 2,40 %
– ismeretlen	8 2,09 %	12 2,94 %	11 2,65 %
Összesen	381 100 %	407 100 %	415 100 %

Az ősi eredetű szavak előfordulása Hosszúfalutól (2,88 %) Csenteden át (2,94 %) Felsőlakosig haladva (4,33 %) fokozatosan növekszik. A belső keletkezésű szavak terén viszont ugyanilyen irányban mozogva fokozatos csökkenést tapasztalunk (Hosszúfalú: 77,16 %, Csente: 73,71 %, Felsőlakos: 73,01 %) főként a származékoknak és az összetételeknek köszönhetően. A jövevényszókat illetően megint fokozatosan növekvő tendencia jelentkezik (Hosszúfalú: 15,74 %, Csente: 15,97 %, Felsőlakos: 16,62 %). A tisztázatlan eredetű szavak esetében Csente neve mellett van a legnagyobb szám (7,37 %), utána Felsőlakos (6,02 %), majd Hosszúfalú (4,19 %) következik.

Állítsuk párhuzamba a szóban forgó falvak adatainak az előbb említett, viszonylag szabályos eltérését a települések földrajzi jellemzőivel! Hosszúfalú hetési, Felsőlakos szlovéniai göcseji, Csente pedig köztük levő, átmeneti településnek számít (vö. Molnár Z. M.: elsőként i. m. 90–1). Feltűnő a megfeleltethetőség az adott nyelvi fokozatosság és a földrajzi vonulat között.

3. Eredetkategóriák a Lendva-vidéki szókészleti anyag szociolingvisztikai (nemzedékbeli) rétegeiben

A kilenc Lendva-vidéki adatközlő közül három-három idős, középkorú és fiatal, hét nő és kettő férfi. Mivel ez utóbbi, azaz a nembeli megoszlás nagyon aránytalan, ezért szociolingvisztikailag csak az életkor szerinti képet vizsgálom meg:

Eredetkategória	A szóelőfordulás száma és százaléka nemzedékenként		
	Idős	Középkorú	Fiatal
Ósi eredetű szó	9 2,60 %	16 4,09 %	16 3,43 %
Belső keletkezésű szó	265 76,58 %	284 72,63 %	348 74,67 %
– származék	143 41,32 %	152 38,87 %	196 42,06 %
– összetétel	104 30,05 %	112 28,64 %	122 26,18 %
– egyéb	18 5,20 %	20 5,11 %	30 6,43 %
Jövevénytörzs	56 16,18 %	66 16,87 %	72 15,45 %
– iráni	1 0,28 %	2 0,51 %	1 0,21 %
– török	3 0,86 %	3 0,76 %	3 0,64 %
– német	28 8,09 %	38 9,71 %	29 6,22 %
– latin	0 0 %	0 0 %	2 0,42 %
– olasz	0 0 %	1 0,25 %	0 0 %
– szláv	20 5,78 %	19 4,85 %	33 7,08 %
– vándorszó	1 0,28 %	0 0 %	1 0,21 %
– nemzetközi	3 0,86 %	3 0,76 %	3 0,64 %
Tisztázatlan	16 4,62 %	25 6,39 %	30 6,43 %
– bizonytalan	4 1,15 %	6 1,53 %	4 0,85 %

– vitatott	4 1,15 %	10 2,55 %	12 2,57 %
– ismeretlen	8 2,31 %	9 2,30 %	14 3,00 %
Összesen	346 100 %	391 100 %	466 100 %

Eszerint ősi eredetű lexémát (pl. *hány, héj, száj* stb.) legtöbbit a középkorúak adták; őket előbb a fiatalok, majd az idősök követik. A belső keletkezésű (származék, összetett és egyéb módon alkotott) szavak (pl. *szakasztó, monyas; selyemtök, ajtószárfa; sanda* stb.) terén viszont az idősök állnak az élen, megelőzve a fiatalokat, majd a középkorúakat. A jövevényszók (az iráni eredetű *asszony*, a török *csalán*, a német *himpér*, a latin *skót*, a szláv *szelence*, a nemzetközi *kompót* stb.) körében ismét a középkorúak vezetnek az idősök, majd a fiatalok előtt. A tisztázatlan eredetű lexémák (például a bizonytalan származású *gyerek*, a vitatott eredetű *mama*, az ismeretlen forrású *sonkoly* stb.) csoportjában az ifjabb korosztály jut vezető szerephez, a középkorúakat és az idős nemzedéket előzve meg.

Ha azt nézzük meg, hogy a viszonylag terjedelmesebb jövevényszórétegeken belül milyen a megoszlás, akkor a következőt tapasztaljuk: míg a német eredetű adatok körében az éltebbek, vagyis a középkorúak (9,71 %) és az idősök (8,09 %) vezetnek a fiatalok (6,22 %) előtt, addig a szláv származású anyagokon belül az ifjabb korosztály áll az élen (7,08 %-kal), utána az idős (5,78 %) és a középső (4,85 %) nemzedék következik. Az idősöket inkább a német eredetű, nyelvjárási elemekhez (*himpér, vánkös, silinga* stb.), a fiatalok viszont a szláv származású köznyelvi megfelelőkhez (*málna, párna, kosár* stb.) fordultak elsődlegesen válaszaikban. Ugyanakkor az is szembevetendő, hogy főleg azok a lexémák jelentkeznek az adatközlők mindegyikénél (*szelence, kánya* stb.), amelyek a magyar nyelvterületnek inkább a déli (délnyugati) szláv nyelvekkel érintkező pontjain gyakoribbak (vö. a MNyA. megfelelő lapjaival). Ehhez a kapcsolatrendszerhez bizonyára a magyar–szlovén nyelvi érintkezésnek is lehet némi köze történeti és mai vonatkozásban egyaránt (l. Molnár Z. M.: A szlovén–magyar nyelvi kapcsolatok kérdésköréhez. I. h. 201–2).

Megerősíti ezt a megállapítást az, hogyha visszautalunk a Horváth László vizsgálataival a dolgozatom elején történt összevetésre. Bár eltérő műfajú korpuszokról van szó, mégis figyelemre méltó az a tény, hogy a magyarországi anyagban kevesebb a jövevényelem, mint a nyelvhatáron gyűjtöttben. Az eredetkategóriák és a nyelvföldrajzi szempont közös alkalmazása is hasonló tanulságot hordoz: a határ menti település (Hosszúfalu) kevesebb jövevényszót mutat föl, mint a távolabb levő falu (Felsőlakos). A szociolingvisztikai vonatkozások árnyaltságát pedig éppen az előbbieken láthattuk. Mindez az eredet szerinti vizsgálat és a nyelvföldrajzi, valamint szociolingvisztikai leírás társításának hasznosíthatóságát is igazolja.

A KARANTÁNOK MEGTÉRÉSE

A Közép-Kelet-európai országok számára a 21. század egyik legfontosabb kérdése az európai integráció. Szükségképpen felvetődik a történelmi visszatekintést kérdése. Vajon új szándékról van-e szó, vagy mélyen gyökerező előzményei vannak ennek a szándéknak. Napjaink történetkutatásában a nemzetállamok kutatása helyett egyre inkább a regionális kutatás került előtérbe. Különösen nagy jelentőségű ez olyan nép esetében, amely, mint a szlovén, évszázadokon keresztül különböző államok keretei között élt. A szlovének példája azt is igazolja, hogy saját állami keretektől függetlenül is megőrizhető a nyelvi, nemzeti, kulturális identitás.

A régiókban élők esetében izgalmas lehet az is, hogy beszélhetünk-e az egy időben történő államalapításokról? Talán fontosabb kérdés lehet azonban a térségen belül állandósult szállásterület. A 9-10. században a honfoglaló magyarok későbbi szomszédai már ott éltek állandó szállásterületükön. Így az Alpok keleti lejtőin németajkúak (a mai Stájerország) és szlávok (karantánok vagy szlovének) A többi szomszédal együtt nagyjából a 10. századra szerveződtek meg a fejedelmi központok, melyek a rokon törzseket egységes állam keretei közé szervezték. Az állam, mint territoriális szervezet egységbe fogja a területén élőket és ebben az államszervezésben a keresztény egyháznak fontos szerepe volt. Már a nagy egyházszakadás előtt is világosan érzékelhető volt a Róma központú nyugati és a Bizánc központú keleti kereszténység különbözősége, mely a Közép-Kelet európai területen élők térítésében is meghatározó szerepet kapott.

Fontos kérdés a nyugat-európai civilizáció peremén élő kis népek összehasonlító elemzése, hiszen a Frank Birodalom keleti határán élő népek története számos közös vonást mutat. Nagy jelentősége van a koraközépkori történetiségük alakulásában a kereszténység, a nyugati kereszténység felvételének. Míg bizonyos egységes vonásokat mutatnak a nyugati missziós tevékenység elfogadásában, de az önállóan szervezett államiság kérdésében már eltérések mutatkoznak. Így a karantán szlávok bár nem önálló államba szerveződnek, de etnikai, nyelvi, kulturális identitásukat a modernkori állam megszervezéséig megőrizték. A frank birodalom keleti területeiből szerveződő Német-Római Birodalomba épülnek be. Ott találjuk a szlovéneket is a 10-11. századi közép-kelet-európai keresztény népek között. Nem csupán egy egységes hitvilágról, hanem új közös szemléletről, a társadalmi és az emberi érintkezés új, azonos kódokat ismerő kultúrköréről van szó.

A nyugati civilizáció peremén élő népeket a kereszténység, még akkor is, ha nem került sor önálló állam megszervezésére meghatározott, törvények által szabályozott rendbe fogták össze. Mindez biztonságot, az új értékrend szerinti fejlődési lehetőségeket rejti magában, megakadályozta az adott etnikum szétesését. A közép-kelet-európai régió népei, köztük a szlovének a

kereszténység egysége hit és egyházszerzetével összeépült a római-germán településszerkezeti rendszerrel és részévé vált az európai kultúrkörnek. Az új szerkezetű középkori állam keretei között még több évtizedig együtt élnek a pogány – keresztény, a nomadizáló – letelepült életformák. Az a térség, amelyben a karantánok is éltek a 9-10. században a kultúrák, etnikumok találkozásának a színtere volt, ez a találkozás termékenyítőleg hatott a peremvidékek európai integrációjához. Ezek az előzmények nem mellőzhetők, amikor hosszú idő után 1992-ben a szlovének önálló nemzetállamot alakíthattak ki, mindannak tudatában, hogy ezt az Európai Unió szervezetén belül élik tovább. Hozzá kell tenni, hogy ezek a keretek felülírják a nemzetállami kereteket, és a történetírást is új utakra, a nemzetállam- szempontú elvető történetíráásra serkenti. Az új megközelítés a regionális szemlélet lehet, mely a mai politikai helyzetben is példával szolgálhat.¹

A déli szlávok legnyugatibb területein élő szlovének északi- északkeleti irányból érkeztek a Keleti-Alpok vidékére a 6. század második felében, az avar hódítás következtében²

Az ókori Carantanum³ környékén telepedtek le azok a szláv ajkú elemek, akiket a források az első szláv államként a krni vár központjával a karantán fejedelemségként említenek. Ez a terület a mai osztrák Karintia és a stájeri Dráva-vidék. A szlovén történelmi hagyomány kiemeli, hogy a szlávok karantán fejedelemség a 7. század közepétől mintegy száz évig független volt. A fejedelemség választás szlovén nyelven hagyományos szertartással történt: a kötrónra ültetett fejedelemség kérdéseket tettek fel, s a válaszok alapján döntötték el alkalmasságát. Karantánia tehát az első szlovénlakta terület.⁴ A szlovén szakirodalom erről a 7. századi önálló államról nem tesz említést.⁵ A legújabb magyar nyelvű szakirodalom pedig így fogalmaz, a szlovéneknél a középkor folyamán önálló államszervezésre nem került sor.⁶ (Munkámban a karantánok, a szlovének, a vendek kifejezéseket, a különböző források alapján, szinonimaként használom.)

A karantánok egy ideig az avarok függőségében éltek, majd Samo államszervező kísérletek függetlenné váltak, ebből a korból való első fejedel-

¹ Glatz Ferenc: Regionális Történetiszemlélet Közép-Kelet-Európában. Magyarok és szomszédok az államalapítás korában. *História*, 2001. 5-6. sz.3-4.

² Bíró László: Déli szlovákok két egyház között. *História*, 1999. 9-10. sz. 32.

³ Šašel, Jaroslav: The Towns, settlements and topography of the Northern Adriatic, Eastern Alpine and Western Balkan regions. In: Šašel, Jaroslav: *Opera Selecta*. Ljubljana, 1992. 588.

⁴ Mocivnik, Ida: Kis népek virradata. Napút. <http://www.inaplo.hu/na/200009/03.html>

⁵ Grafenauer, Bogo: Alpski Slovani v novi domovini prva desetletja po naselitvi. In: *Zgodovina Slovencev*. Ljubljana, 1979. 107-109.

⁶ Angi János–Barta János–Bárány Attila–Orosz István–Papp Imre–Pósán László: Európa az érett és a kései középkorban. (11-15. század) Debrecen, 2001. Horvátok és szlovének 342-344.

mük (knez) Valuk.⁷ Fredegar krónikájában olvashatunk azokról a harcokról, melyeknek eredményeként felszámolják az avar uralmat.⁸ A felkelés II. Clotar uralmának 40. évére, tehát 624-re eshetett. „Midőn a vendek hadseregükkel a hunokra támadtak, Samo,⁹ a kereskedő..., velük együtt vonult hadba, és akkora hasznukra volt a hunok ellenében, hogy az csoda volt: az ellenfelek közül igen nagy sokaságot mészárolt le a vendek kardja. A vendek látván Samo hasznos segítségét, őt választották királlyá maguk fölé, amely tisztségében 35 esztendőig uralkodott szerencsésen.”¹⁰

Érdekes és vitatott kérdés Samo származása. A középkori latin nyelvű krónika szerint Samo frank kereskedő volt, más források¹¹ viszont Samot szlávként említik. Anélkül, hogy állást foglalnánk Samo származását illetően, elgondolandó Fredegar megjegyzése, hogy Samo pogány fejedelemeként harcolt a keresztény frank Dagoberttel,¹² és a pogányokra jellemző többnejűségben élt.¹³

A karantán szlávok a 7 században Samo államának déli részét alkották, ezután bajor, majd ismét avar fennhatóság alá kerültek. A 8. század végére már betagozódtak Nagy Károly birodalmába, és ekkor került sor a kereszténység felvételére, ezt követően a német befolyás erősödött.¹⁴ Az északi területen élő karantánok a salzburgi, a déliek az aquileiai püspökséghez kerültek. Nagy Károly unokái, Német Lajos és a Lothár között a Dráva lett a határvonal, így Karantánia északi területei német-bajor, déli területei itáliai fennhatóság alá kerültek. Német Lajos a megmaradt Pannónia területén négy grófságot szervezett, és átszervezte az egyházmegyéket: a korábbi Pannonia superior (az egykori Avaria a Rába – Rápca vonalig terjedő keleti határral) Passau egyházfelügyeletéhez került, a másik a Rábától délkeletre a salzburgi egyházmegyében maradt.¹⁵ Ezt a felosztást rögzítette a karantánok megtérésének legfontosabb forrása a: *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*,¹⁶ mely ezt az egyházi felosztást Kis Pippin és Nagy Károly visszavonhatatlan intézkedéseként tüntette fel.

⁷ Grafenauer, Bogo: *Samova »država« in država karantanskih Slovencev*. In: *Zgodovina Slovencev Ljubljana*, 1979. 112.

⁸ Fredegar V 48 (Glossar A 1212). In: Szádeczky-Kardoss Samu: *Az avar történelem forrásai 557-806-ig*. Budapest, 1998. 81. §. 173. /Magyar Őstörténeti Könyvtár 12.

⁹ Samora vonatkozó legalaposabb áttekintés: Pohl, W.: *Die Awaren*. München, 1988. 256-261, 429-431.

¹⁰ Fredegar V 48 (Glossar A I 212) In: Szádeczky im. 81.§. 173.

¹¹ *Conversio Bagoariorum et Carantanorum* 4; *Gesta Dagoberti regis Francorum* 27; *Excerpta de Karentanis* 2.

¹² Fredegar IV 68. Szádeczky im.

¹³ Vö. Szádeczky im. 174.

¹⁴ Kováts Zoltán: *Egyetemes történet 476-1492*. Budapest, 1988. 54.

¹⁵ Bóna István: *A népvándorlaskor és a korai középkor története Magyarországon*. In: Pach Zsigmond Pál (szerk.): *Magyarország története I*. Budapest, 1994. 350.

¹⁶ A továbbiakban: *Conversio*.

A 9. század 20-as éveiben a bolgárok elől számos szláv töredéknép menekült a Dél-Dunántúl vidékére, ahol a Karolingok a frankbarát, Nyitráról menekült Pribinát bízták meg a szlávok kormányzásával A 9. század 2. felében a források ezt a területet: Carantaniaként, regnum Carantanorumként említik.¹⁷

A regio szervezeti változtatásai nem függetleníthetők a nagypolitikától, Karlmann, mint az Oriens-prefectusa¹⁸ fellázadt apja, Német Lajos ellen, meghódította az Innig húzódo területet, és magát Carantania királyának nevezette. Természetesen szó sincs arról, hogy Carantánia azonos lenne a Pannóniának nevezett tartománnyal.¹⁹

A 9. században tehát a karantánok frank fennhatóság alá kerültek Ez két szempontból is fontos volt: ekkor kerültek közvetlen kapcsolatba a nyugattal, másrészt kiteljesedett a kereszténység nagy hatású térító tevékenysége. A frank uralom ellen 869-ben az alsó-pannoniai fejedelem Kocel a morva Rasztiszlávval és Szvatoplukkal fellázadt, két önálló állam keletkezett: a morvák állama és a szlovének alsó-pannoniai állama. Ez az állam magába foglalta a Magyarország nyugati részét és a mai Stájer nagy részét. Kocel igyekezett magát a salzburgi egyháztól függetleníteni, kereste az ortodox kereszténységgel a kapcsolatot. Kocelt árulónak nyilvánították. A 9. század végi magyar honfoglalás elvágta a szlovénokat a többi szláv néptől. A terület és a rajta élők a német-római császár felügyelete alá kerültek.²⁰

Az avarok legyőzése után a 9. században jött létre az ún. nagymorva állam, a szlovákok, a csehek és a szlovének ebben az államalakulatban vélik felfedezni a mai államuk előzményét.²¹

A magyarok honfoglalása előtt a salzburgi érsek és a passauai püspök voltak a Pannónia területén élő morvák térítői²²

Már a Merovingok korában a bajor hercegség a frank királyság részévé vált. Az itt élők kereszténnyé lettek, területükön hat püspökséget szerveztek, melyek közé tartozott Regensburg, Passau és Salzburg is. Ezek a püspökségek váltak a szlávok felé induló missziós tevékenységek központjaivá. A bajor hercegség a Felső-Duna völgyét foglalta magába, határai északon a cseh hegyek, délen Bolzano és Brenner jelentette a határt. A bajor hercegség a frank királyságon belül jelentős önállósággal rendelkezett. 748-ban Pippin unokája, Tassilo lett a herceg, miután feleségül vette Desiderius longobárd király lányát, Liutbergát, nyilvánvalóvá vált, hogy Tassilo szembefordult Pipin longobárd-ellenes politikájával. Jelentős hatalomra tett szert, amikor a hercegséghez csa-

¹⁷ Uo.

¹⁸ Regensburg központtal szervezte meg Nagy Károly, mely a Dunántúl feletti frank-bajor uralom szervezete volt

¹⁹ Az ehhez kapcsolódó félreértelmezésekhez Bóna im.351.

²⁰ Mocivnik, Ida: Kis népek virradata. Napút. <http://www.inaplo.hu/na/200009/03.html>

²¹ Niederhauser Emil: A nyugati szlovákok 1000 körül. História, 1999. 9-10. 37.

²² Kosztolnyik Zoltán: Róma és a területi egyház küzdelme a Közép-Duna-medencében a 9. század folyamán Aetas, 1997. 2-3. sz. 212-221.

tolta a szláv lakosságú Karinthiát. Hercegsége központja Regensburg lett. Az önálló politikát követő Tassilo szembekerült Nagy Károllyal és 787-ben Wormsban összecsapás nélkül átadta hercegségét, majd kolostorba zárták. Nagy Károly ezután sógorára, Geroldra bízta a bajor területeket, a Bajor Mark, a bajor örgrófság az avarok elleni harc védőbástyája lett.²³

A keleti szomszédok, az avarok elleni háború Einhard szerint még súlyosabb volt, mint a szászok elleni. „Hogy hány csatát vívtak, mennyi vért ontottak, bizonyítja az, hogy Pannónia teljesen elnéptelenedett, azt a helyet pedig, ahol a kagán palotája volt, annyira feldúlták, hogy nyoma sem látszik ott emberi településnek.”²⁴ Maga Károly is részt vett a harcokban, Győr mellett megverték az avarokat, de a frank seregben dúló járvány miatt vissza kellett fordulniuk. A másik frank sereget Pippin vezette, az avarok megölték vezetőjüket, a kánt, Erich friauli és Woynimir szláv hercegek, mint Nagy Károly hú alattvalói feldúlták az avarok területét és óriási mennyiségű kincset küldtek a frank királynak. A határgrófság területét megnövelték, a Dunáig terjedő területek elfoglalták, Pannonia északi része bajor felügyelet, míg a déli rész a friauli örgróffennhatósága alá került. A hittérítés északon a passzauai, délen salzburgi érsek feladata lett.

A karantánok megtérésével kapcsolatos legfőbb forrásunk: a *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*.²⁵

A salzburgi vitairat 870 és 879 körül íródott.²⁶

A szerző bajor személyére a forrás 5. fejezetéből lehet következtetni: „Quod ille rennuit orta seditione, quod carmula dicimus.” („Ezt ő elutasította, miután lázadás tört ki, amit mi camulanak mondunk.”) A valószínűleg szláv camula szó lázadást jelent, ami Modestus²⁷ halálának idejére 763-ra tehető. A camula szó a szerző bajor voltára utal,²⁸ sőt a címzett és az író esetében konkrét személyekre is következtetni enged. A mű címzettje Német Lajos, írója pedig az

²³ Sz. Jónás Ilona: A középkor nagy császárai. A világtörténelem nagy alakjai. Budapest, 1993. 15-16.; Epperlein, Siegfried: Nagy Károly. Budapest, 1982. 61-65.

²⁴ Einhard, Vita Caroli Magni 13. In.: Sz. Jónás Ilona (szerk.): Európa és Közel-Kelet IV-XV. század. Egyetemes történeti szöveggyűjtemény, középkor 1/2.. Budapest, 1978².458.

²⁵ Nótári Tamás: *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*. Aetas, 2000. 3. sz. 93-111. A régi fordítás in: Györffy György (szerk.): A magyarok elődeiről és a honfoglalásról. Budapest, 1963. 200. és köv.

²⁶ A mű keletkezési idejéről (870, 871, 879) több elképzelési van. Vö. *Conversio*. Aetas, 2000. 3. Sz. 93-94.

²⁷ Térítő püspök, aki templomokat szentelt a karantánok földjén.

²⁸ Vö. *Lex Baiwariorum* II.3. (ed. Von Schwind, Ernst: *Monumenta Germaniae Historica Veröffentlichungen: Leges. Leges nationum Germanicarum* 5, 2, 1997² 294.; Puntschart, Paul: *Camula*. Zeitschrift des Historischen Vereins für Steiermark 26. 1931. 9ff.; Schidt-Wiegand, Ruth: *Stammesrecht und Volkssprache in karolingischer Zeit. Nationes*, 1. 1978. 174.)

az Adalwinus érsek lehetett, akit az előző püspök Liuprammus nevelt, majd annak halála után, 860-ban „Miklós pápa tisztelte meg a palliummal.”²⁹

A *Conversio* határozott céllal készült mű, azt kívánta igazolni, hogy a karantánok vidéke már a Karolingok rendelkezései következtében a salzburgi egyház joghatóságához tartozik. A térség keresztény egyházmegyei megszervezése a pápai udvar és a keleti frankok között némi konfliktushoz vezetett. A szlávok lakta területek feletti felügyeletre a pápa tartott igény, kivételt jelentett a karantánok vidéke, ahol az egyházfelügyeleti jogot a frank uralkodó gyakorolta.³⁰ A frank királyi udvar által szervezett területi egyházak irányítása azt jelentette, hogy a frank uralkodó nevezte ki a főpapokat. Így a 9. századra a pápai kúria kezéből szinte kicsúszott az Alpoktól északra lévő területek valláspolitikai irányítása. A pápai politika igyekezett szűkíteni a frank befolyást, különösen az „új Illés”-ként tisztelt I. Miklós (858-867) pápa kívánta növelni Róma egyházkormányzati hatalmát a területi egyházak autonómiájának rovására.³¹ Ugyanakkor a pannón és a karantán területen tevékenykedő chorepiscoposok (vándorpüspök) Rómától kérték, a salzburgi érsekkel szemben, az önálló (Róma felügyelete alatti) püspökség felállítását.³² A *Conversio* megírásának háttérben egy másik mozzanat is meghúzódott, hogy felhívja a figyelmet Metód missziós tevékenységének veszélyeire. .

Az egyházipolitikai vetélkedések a színtere a morva fejedelemség lett, Rsztiszlávot fejedelem, hogy megőrizze függetlenségét Bizánchoz fordult, s olyan tanítókat kért III. Mihálytól, akik a keresztény szlávok nyelvén magyarázzák a vallás tanításait és az önálló püspökség megteremtésével a morva egyház függetlenítheti magát.³³ A misszionáriusok működését egyébként Róma is támogatta.³⁴ Borisz, a bolgár fejedelem Bizánc és Róma között őrlődött. Végül azonban békét kötött Bizánccal és felvette az ortodox kereszténységet, de viszonylagos önállóságot kért a bolgár egyháznak, miután ezt Phótiosz pátriárka (820-891) visszautasította, I. Miklós pápától kért térítőket a bolgár fejedelem.³⁵ I. Miklós szeretett volna kiegyezni a bizánci patriarkával. Ekkor érkezett a pápához a bizánci térítők pannóniai útjának a híre, akik hajlandóak voltak a római egyház helyi szervezetének megalakulását támogatni., a pápa Konstantint és

²⁹ *Conversio Bagoariorum et Carantorum* 9. In: Wolfram, Herwig: *Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weissbuch der salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantänien und Pannonien*. Graz, 1979. 49-50.

³⁰ Kosztolnyik Zoltán: Róma és a területi egyház küzdelme a Közép-Duna-medencében a 9. század folyamán. *Aetas*, 1997. 2-3.sz. 212.

³¹ Heussi, Karl: *Az egyháztörténet kézikönyve*. Budapest, 2000. 174.§ 44.g.

³² Kosztolnyik im. 114.

³³ H. Tóth Imre: *Cirill-Konstantin és Metód élete, működése*. (Bevezetés a szláv kultúrtörténetbe.) Szeged, 1991. 81.

³⁴ Így szeretne volna a bolgár egyház feletti fennhatóságát biztosítani. Vö. Heussi im. 179.§ 46.g.

³⁵ H. Tóth i.m. 104. Vö: Levél Mikhaél bulgár fejedelemhez. 17-19.fejezet: a VII. egyetemes zsinatról. In: *A bizánci irodalom kistükre*. Budapest, 1974. 660-663.

Metódot meghívta Rómába. A látogatásra 867/868 telén került sor, amikor II. Adorján pápa volt hivatalban. A szent Kelemen ereklyéit és Raszisztzláv levelét hozó hittérítőket a pápa ünnepélyesen fogadta.³⁶ A találkozó közvetlen célja kettős volt: a szláv liturgia pápai engedélyezése és a római pápa felügyelete alatt szervezendő pannon egyháztartomány. A bizánci politikában váratlan fordulat következett be, III. Mihály merénylet áldozata lett, az új császár I. Baszileosz eltávolította a görög misszionáriusokat támogató Phótioszt, ez a 868-ban Rómában tartózkodó Konstantint és Metódot megdöbbsentette, és szinte reménytelennek tűnt a hazatérésük. Megvalósítható lehetőségként a pannóniai szláv egyház megteremtése látszott. Konstantinosz azonban megbetegedett, és hamarosan meghalt. II. Adorján elfogadta az ószláv liturgikus nyelvet, Metódot Sirmium érsekévé nevezte ki. A pápa Metódo érseki kinevezésével súlyos feszültséget teremtett a birodalmi egyházon belül.³⁷ Sirmium a bolgár fejedelmhez tartozott, így Metód nem Sirmiumba, hanem Kocel székhelyére Mosaburgba (Zalavár) ment.

A szlovén írásbeliség szempontjából nagy jelentősége volt annak, hogy Cirill és Metód az itt élő szlávok körében terjesztette az óbolgár liturgiát. Az egyik legrégebbi szlovén nyelvemlék, a *II. freisingi-töredék*ben óbolgár elemek találhatók.³⁸

A *Convesio* a bizánci térítők tevékenységét negatívan állítja be, azt a vádat fogalmazta meg, hogy: "...egy bizonyos Metód nevű görög újonnan feltalált szláv betűkkel a latin nyelvet, a római tanítást és a hiteles latin betűket filozófus módra háttérbe szorította, és így azoknak a misézését, evangéliumhirdetését és egyházi szolgálatát, akik mindezt latinul látták el, részben az egész nép szemében értéktelenebbnek láttatta."³⁹ Metódot a nyugati keresztény tanítás megszokott gyakorlatát veszélyeztető filozófusként, tehát világi személyként állítja be az irat, pedig Metódot Rómában püspökké szentelték és II. Adorján pápa engedélyezte a szláv nyelvű liturgia használatát.⁴⁰

Sikeres lehetett Metód működése, mert a salzburgi érsekség a kánonjogra hivatkozva eljárást indított ellene. A támadást arra alapozták, hogy Pannóniában egyetlen pap sem tartózkodhat három hónapnál hosszabb ideig püspöki engedély nélkül, tehát Metód kóbor pap. Ermanrich passauai püspök a salzburgi érsek egyetértésével Metódot, Regensburgban bíróság elé állította és

³⁶ H. Tóth im. 109.; Kosztoľnyik im. 216.

³⁷ Az 5-6. században alapított sirmiumi érsekséget először a hunok, majd az avarok pusztították, a pápa nem újította fel az érsekség működését, azt az aquileiai és a salzburgi érsek szerezte meg. Vö. Váczy Péter: Magyarország kereszténysége a honfoglalás korában. Emlékkönyv Szent István halálának kilencszázadik évfordulójára. Budapest, 1938. 219.

³⁸ H. Tóth im. 117.

³⁹ *Conversio*. 12. In: Nótári im. 109.

⁴⁰ Vö. Jaffé, Ph.: *Regesta pontificum Romanorum*. Graz, 1956. II. 2924.

ítélet nélkül kolostorba zárták⁴¹ Amikor a pápai trónra VIII. János került és tudomására jutott Metód sorsa, megparancsolta Metód kiszabadítását és súlyos büntetéseket helyezett kilátásba fogva tartóinak (Ermanrich passauai és Anno freisingi püspök), ha nem tesznek eleget parancsának.⁴²

A Conversionak a Metóddal foglalkozó része, melyet feltehetőleg a Mosaburgból elmenekült Riphald adhatott elő a szerzőnk,⁴³ bár rendkívül értékes, mégis csak mellékes lehetett a szerző szándékát illetően. A munka fő célja a salzburgi érsekség jogainak elismertetése, felidézve a karantán szlávok megkeresztelkedését. A forrás 4.-5. fejezete foglalkozik a karantánok megtérése, I. Dagobert frank uralkodóhoz (623-639) kapcsolja a térítés kezdetét, amikor a karantán szlávok körében lázadásra került sor. A *Conversio* szerzője a *Gesta Dagoberti I. regis Francorum*ot használhatta, mert ez a munka is Samoról, mint szláv fejedelemtől beszél. Karantániát szláv államként, Samot szlávként említi.⁴⁴ A szöveg szerint a konfliktus oka az volt, hogy Samo a frank kereskedőket megölette és „a királyi pénzt elraboltatta.”⁴⁵ Samo megerősített államát I. Dagobert fel akarta számolni. A karantánok fejedelmeként említett Samot, mint lázadót a *Conversio* szerint sikerült levernire,⁴⁶ s a karantánok, a szöveg szerint, ekkor váltak a frank király alattvalóivá.⁴⁷

A karantánok és a kereszténység történetében a következő mozzanat: a hunok támadása, akik ugyancsak „súlyosan szorongatták” őket. Vezérük (hercegük): Boruth a bajorok segítségét kérte, akik „sietve, kiverték a hunokat, biztosították a karantánokat, és a királyok szolgálatának rendelték alá őket s hasonló szomszédaikat is.”⁴⁸ Boruth 740 és 750 között lehetett a karantánok fejedelme.⁴⁹ Az eset nem feltétlenül hiteles, ahhoz a szándékhoz kapcsolódik, hogy a salzburgi érsekség egyházi iurisdictionját a Karantániától keletre lévő területekre is elismertessék.⁵⁰ A bajorok túszként magukkal vitték Boruth fiát, Cacatiust, és Boruth fivérének fiát, Ceitmart. Miután ezek a szláv ifjak keresztény nevelésben részesültek, fejedelmeként tértek vissza övéikhez. Cacatius a szlávok kérésére és a frankok parancsára hagyta el a bajor udvart és tért haza. Cacatius mindössze 750-752 között gyakorolhatta helyi hatalmát, mert meg-

⁴¹ Metód élete IX. In: Pannóniai legendák. Cirill és Metód szláv apostolok élete. Bratislava/Budapest, 1978. 96-97. Jaffé, im. II. 2943-44.

⁴² H. Tóth im. 124. Kosztolnyik, 216 skk.

⁴³ H. Tóth im. 118.

⁴⁴ Nótári im. 100. 62.lj

⁴⁵ *Conversio* 4.⁴⁵ Samo szláv eredete ellentmond Fredegar krónikájának, ebben a forrásban Samo a frank király megbízottjaként, mint kereskedő járt a szlávoknál, majd azok fejedelme lett. Vö. Fredegar 4.68. Nótári im. 62.lj.

⁴⁶ Ellentétben Fredegarral, akinél I. Dagobert nem tudta felszámolni Samo államát.

⁴⁷ A frankok és a longobárdok által megtámadott szláv államot Karantániával azonosítja.

⁴⁸ *Conversio* 4.

⁴⁹ Nótári im. 66.lj.

⁵⁰ Szádeczky im. 267.

halt. Hogy mi okozta a halálát, nem tudni, és nincs is okunk arra gondolni, hogy politikai szándékkal hozzuk kapcsolatba. Inkább a frank királyságon belül élők helyzete változhatott meg, mert az új fejedelem a szlávok kérésére és a frank király, Pippin engedélyével gyakorolhatta hatalmát. Cheitmár (752-769) mellett állt Maioranus presbiter, hogy a fejedelem keresztényi kötelességteljesítését biztosítsa. A frank király, Kis Pipin erős kézzel törekedett keresztény birodalma kiépítésére, igyekezett a helyi hatalmakat gyengíteni a központi hatalom javára. Így tétette le a bajor herceggel, Tassilóval is a személyes alattvalói hűségesküket, mely a bajor hercegséget, mint a frank király adományát ismerte el, évente meghatározott adóval és katonasággal tartoztak.⁵¹ Cheitmar teljesítette keresztényi kötelességét, míg élt arcát a monostor felé fordította és a salzburgi főpapi széknél szolgált.⁵² A *Conversio* a korábbi jó kapcsolatot és hűséget fontosnak tartotta kiemelni, a következő fejezetben viszont a forrás éppen azt hangsúlyozta, hogy Cheitmar Virgilius püspököt⁵³ kéri látogatásra, hogy keresztény népét erősítse meg hitükben, ami a korábbi megállapítással nem cseng egybe, vagyis hűség helyett, inkább a hűtlenségnek vagyunk tanúi.

A *Conversioban* említett *camula* (lázadás) előzményét kell sejtenuünk abban, hogy nem maga a püspök ment Karantániába, hanem Modestust küldte maga helyett vándorpüspökökkel és diakónusokkal. A Karantániába érkezett *missio* azonnal templomokat emelt, elsőként azt a templomot, melyet a *11. ecclesia Sanctae Mariae ad Carantanam*-ként említenek az oklevelek.⁵⁴ A további részletekből arra következtethetünk, hogy Modestus tevékenysége idején rendben ment a térítő tevékenység, mert halála után Virgilius a kérést, hogy jöjjön el személyesen a karantánokhoz, kétszer is elutasította. Maga helyett papokat küldött, de a Karantániában kitört lázadást nem tudták lecsendesíteni. Joggal tételezhetjük fel, hogy Chetimar fejedelem és a bajor papok támogatta térítés nem ment zökkenőmentesen, Chetimar halála után pedig több évig tartó pogánylázáadásra került sor. A lázadás összefügghetett a karantán dinasztiaavál-tással, pontosabb a Boruth- család kihalásával, mely a kereszténység erős básztyája volt.⁵⁵ III. Tassilo, akit Nagy Konstantinhoz hasonlítanak a korabeli források, győzelmet aratott a pogány karantánok felett, s győzelmét Nagy Károly százszok felett aratott győzelméhez mérték.⁵⁶

A lázadás leverése után új dinasztia kerülhetett hatalomra. 763-tól három pogánylázáadás robbanhatott ki a karantánok- lakta területen, az első Modestus halála után, a második 765-ben, majd a harmadik a Boruth ház kiha-

⁵¹ Angi–Bárány–Orosz–Papp–Pósán im. 250-251.

⁵² *Conversio* 4.

⁵³ 746-784 között salzburgi püspök, tevékenységéhez lásd. Wolfram im 64-70.

⁵⁴ Nótári im. 70.lj

⁵⁵ Wolfram im. 94.

⁵⁶ Wolfram, Herwig: *Das Fürstentum Tassilos III. Herzogs der Bayern. Mitteilungen der Gesellschaft für Salzburger Landeskunde*, 108. 1968. 157 skk.

lása, illetve Cheitmar halálát követően. 772 után 6 missziós csoport 12 évig tartó tevékenységre utal a forrás.⁵⁷

A salzburgi irat történeti áttekintésében Alsó-Pannónia (Ez nem teljesen azonos a Hadrianus- kori Pannonia Inferiorral) 4. századi eseményeit eleveníti fel, utalva arra, hogy a területet hunok, gótok, gepidák foglalták el, majd a hunok kiűzése után, „...hogyan kezdtek a szlávok betelepülni, és hogyan csatlakozott Pannonia azon része a salzburgi egyházmegyéhez.”⁵⁸

Az események bemutatásának következő lépése, amikor (796-ban) Nagy Károly Erich gróf segítségével, a hunokat elűzve, megszerezte a terület feletti hatalmat. Ezt követően érkezett Károly fia, Pipin Rinchbe (Ring), ahol a salzburgiak püspökére, Arnra bízta Pannonia Inferiornak a Balaton körüli részét a Rába túlsóoldalán a Dráváig, A Dráva menti területeket, ameddig a Dunába torkollik, hogy az ott élő hunok és szlávok között a kereszténységet terjessze. Az egyházi felügyelet megerősítésére a forrás szerint Nagy Károly 803-as salzburgi látogatása alkalmával került sor. A megjelölt terület túl nagyra látszik és feltételezhető, hogy csak a Rábától nyugatra lévő részeket jelenhette Nagy Károly korában.⁵⁹ A Virgilius által korábban megkezdett térítést Arn folytatta a karantán vidéken és Pannonia Inferiorban, ahol papokat szentelt. A keresztény hit terjedése kapcsán egy Ingó nevű személyt (fejedelmet) említ ki. Ingó személyével kapcsolatban több kérdés is felmerült, így többek között, hogy kivel azonosítható (Voinimir, Unguimeri), vagy ennél is érdekesebb annak az eldöntése, hogy karantán fejedelemtől, vagy klerikusról van-e szó.⁶⁰

Arn tevékenysége bizonyos belső ellentétekre hívja fel a figyelmet. III. Leo pápától 798 áprilisában kapta még az érseki hatalmat, de Nagy Károly, hiába küldött hazatérőben levelet azzal a felhívással, hogy siessen a szlávokhoz, csak hazatérése után és akkor is csak császári utasításra teljesítette Arn a parancsot. Császári parancsra templomokat szentelt, papokat nevezett ki, hirdette az ígét, majd hamarosan hazatért. Ezt követően maga helyett a püspökké szentelt Theodorichet állította. A keresztény misszió (mind az érseké, mind a püspöké) tehát nem a pápától, hanem a császártól kapta a megbízatást, hangsúlyozva, hogy az egyházszervezet ezen a területen Salzburg felügyelete alatt áll. 821-ben az új salzburgi érsek Adalrammus,⁶¹ Ottót rendelte püspöknek a szláv karantánok fölé.

A Liuprammus után következő érsekváltás már a mű megírásának idejébe visz bennünket, név szerint Adalwinushoz, aki a karantánok püspökének,

⁵⁷ Wolfram, Herwig: Salzburg, Bayern, Österreich. Die Conversio Bagoariorum et Carantanorum und die Quellen ihrer Zeit. Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichte. Ergänzungsband 31. 1995. 96.

⁵⁸ Conversio, 6

⁵⁹ Szádeczky im. 293, 304.

⁶⁰ Wolfram, im. 97 Szerinte. Ingó fejedelemtől való értelmezése fordítási hibára vezethető vissza, ezt igazolni látszik egy másik forráshely hiánya, a 12-13. században keletkezett Excerptum de Karentanis ugyanis nem említi Ingó fejedelm nevét

⁶¹ Aki Jenő pápától kapta a palliumot.

Osbalduknak a halála után, 864-től látta el a karantán területek püspöki teendőit. Itt megszakad a salzburgi püspökök felsorolása, ami ugyancsak azt a véleményt látszik igazolni hogy a művet Adalwinus írta. A következő mondatban használt egyes szám első személyű megfogalmazás pedig további érveken szolgál az azonosítást illetően.

A *Conversio* felsorolja a világi hatalmakat is. Azon a területen, ahol a hunok elűzése után szláv és bajor népek telepedtek meg a császár a keleti területek védelmére örgrófkot (Goteramms, Werinharius, Albricus, Gotafridus, Geroldus) nevezett ki, nekik alárendelve éltek a helyi fejedelmek (Priwizlauga, Cemicas, Ztoimar, Etdgar.). A helyi vezetők, Etdgar kivételével, szláv nevet viselő karantán fejedelmek lehettek.⁶²Egy idő után a karantán területek bajor grófok (Helmwinus, Albgarius, Pabo) fennhatósága alá kerültek, az új örgróf Ratbodus lett. Hozzá ment Pribina, az előzőtt morva fejedelem, akit valószínűleg 833-ban Regensburgban bemutatott Lajos királynak.⁶³ Pribina a salzburgi érsekséghez tartozó udvarban felvette a kereszténységet.⁶⁴ A munka a továbbiakban a Pribina idején épített templomokat sorolja fel, melyeket a salzburgi püspökök szenteltek fel. Pribina tehát hűségesen szolgálta a világi és az egyházi hatalmat.

A karantánok megtérését tárgyaló irat itt befejeződik. Bizonyos, hogy a 9. századra a karantán szlávok követték a nyugati kereszténységet: Részeivé váltak annak az Európának, amelyet egészen a 17. század végéig a *Christianitas* (kereszténység) és az *Occidens* (Nyugat) fogalmával azonosítottak.⁶⁵

A közép-kelet-európai népek középkori keresztény egységén belül fel kell tárni azok sokféleségét. A regionális kutatások vezethetnek ezen a területen biztosabb ismeretekhez. Szakítani kell a hagyományos történetiszemlélettel, melynek gyökerei a 18. századra nyúlnak vissza. A felvilágosodás-kori idilli kép a szlávokról: a „jó vadember” képe, mely a vad, harcias germánokkal szemben, a jámbor, békés, földművelő szlávokat mutatja, Herder történetfilozófijában, majd a romantikus, pozitivisták történetírásában megerősítést kapott. Tulajdonképpen a 19. századi szláv történeti iskola⁶⁶ is azt az alapelvet követte, hogy a germántól teljesen eltérő szláv törvények és intézmények eredendően egységesek és közösek.

Ezzel a hagyományos szemlélettel szakított Reinhard Weinskus⁶⁷, aki azt hangsúlyozta, hogy a középkori Európa társadalmi-politikai felosztása nem azonos

⁶² Azonosításuk nem végezhető el bitonsággal.

⁶³ *Conversio* 10. Német Lajos 830-833 között volt bajor király. Vö. Wolfram, H. Erwig : *Intitulatio II. Lateinische Herrscher- und Fürstentitel im neunten und zehnten Jahrhundert. Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Ergänzungsband, 24, 1973. 105.*

⁶⁴ A Pribina hűbértokára vonatkozó rész valószínű későbbi betoldás.

⁶⁵ Katus László: *Respublica Christiana. Rubicon, 1997. 5-6. 15.*

⁶⁶ Megalapítója W.A. Maciejowski lengyel jogtörténész volt. (*Historia prawodawstw slowianskich. 4.voll. Warszawa-Leipzig, 1832-1835*)

⁶⁷ Wenkus, R.: *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden des frühmittelalterlichen Gentes. Köln-Wien, 1961.*

az etnikai tagozódással. A születő Európa, a kialakuló európaiság nemcsak az antik, a keresztény és a germán kultúrából épül fel, figyelembe kell venni más népek, többek között a szláv népek hatását. A hatások együttes vizsgálatára helyezte a hangsúlyt a nagyobb európai régiók kutatása esetében, így az Alpoktól északra elterülő régióban a germán, a kelta, a szláv, és a balti népek együttélését látta, és az ebből adódó kapcsolatokra hívta fel a figyelmet.⁶⁸ Bár Wenskus szakított a korábbi romantikus szemlélettel, de nem számolt a belső distinkciókkal, ezt Walter Schlesinger tette meg.⁶⁹ Schlesinger tipológiáját a karintiai régióra is alkalmazhatjuk, hangsúlyozva, hogy a térség fejlődésében a germánok mellett a szláv karantánoknak fontos szerepük volt. A mai szlovén történeti kutatásokban egyre határozottabban fogalmazódik meg Karantániának, mint az első szlovén államiságnak az igazolása. A nemzeti múlt kutatása kezd felébredni abból a Csipkerózsika állomból, melyet a Habsburg uralom, majd az I. világháború után létrejött Jugoszlávia kényszerített a szlovénekre. A források, az írott emlékek felkutatásában jelentős lépésnek számít, hogy a bajorokkal tárgyalásokat kezdtek a legkorábbi szlovén nyelvemlék a *brižinski spomeniki* (freisingi töredék) Szlovéniába szállításáról.⁷⁰ Tiszteletben tartva a történeti forráskutatás szerepét, a 20. század végén megszületett önálló szlovén állam is az európai uniós tagsággal a régió sokszínű kultúráinak európai egységét igazolja.

⁶⁸ Uő.: Probleme der germanisch-deutschen Verfassungs- und Sozialgeschichte im Lichte der Ethnosoziologie. In: Historische Forschungen für Walter Schlesinger. Hrsg. H. Beumann. Köln, 1974. 19-20.

⁶⁹ Vö. Schlesinger, W.: West und Ost in der deutschen Verfassungsgeschichte. In: Schlesinger: Beiträge zur deutschen Geschichte des Mittelalters. II. Göttingen, 1963. 233-253.

⁷⁰ Vinco Jarc, O slovenski državnosti. http://users.volja.net/cigi8/slovenija/Zgodovina/body_zgodovina.html.

О ФУНКЦИЯХ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА «БЫТИ» В ПСКОВСКОЙ 3-Й ЛЕТОПИСИ ПО СТРОЕВСКОМУ СПИСКУ

Неполный текст Строевского списка Псковской 3-й летописи был опубликован во 2-м выпуске «Псковских летописей» под редакцией А. Н. Насонова в 1955 году. Недостающее начало печаталось по Архивскому 2-му списку. Строевский список - оригинал летописного свода игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия.¹ Памятник содержит 239 нумерованных листов. Первое известие было зафиксировано в Строевском списке летописи в 1217г.: «и Н мцы биша[ся]» (л. 1), а последнее в 1556 г.: «а стояще с часъ» (л. 214. об.)

Наше внимание сосредоточено на изучении глагольной системы данного памятника, в том числе на формах и функциях глагола **быти**. В силу своей многофункциональности глагол **быти** позволяет сформировать общее представление о функционировании глагольной системы в тексте этого памятника.

Ранее мы уже анализировали данные памятника с точки зрения форм **быти**.² Значения, функции форм и происходившие изменения рассматривались лишь в той степени, в какой это было необходимо для выявления разнообразия его форм. Описывались глагольные категории лица, числа, времени и склонения.

В данной работе мы ставим перед собой цель - рассмотреть формы настоящего времени глагола **быти** с точки зрения их функционирования в тексте летописи, поскольку рассмотрение всех глагольных форм выходит за рамки нашей задачи.

Глагол **быти** в языке памятника выполнял тройную функцию, являясь 1. вспомогательным глаголом при образовании некоторых аналитических форм времени и склонения, 2. полужнаменательным глаголом или связкой, и 3. знаменательным или полнозначным глаголом.

По утверждению, исследователей «...в формах глагола **быти** летописи сохраняют следы двух значений: 1) *esse* “быть” и 2) *fięi* “становиться”...»³

1. **Быти** как вспомогательный глагол

Формы настоящего времени от основы **es-* в составе аналитической формы перфекта первоначально выступали показателем лица, числа а

¹ Псковские летописи. Вып. 2, под ред. А.Н. Насонова, М., 1955, с. 1-6.

² Márcziné Nyíri Márta. Глагол **быти** в Псковской 3-й летописи по Строевскому списку, *Studia Slavica Savariensia*, Szombathely, 2002. с. 441-450.

³ А. К. Кошелёв. Состояние видовой дифференциации в древнерусском языке XI-XIV вв. АКД, М., 1956, с. 15.

также отнесённости результата действия к моменту речи. Г. А. Хабургаев утверждает, что "Анализ нелитературных текстов XI-XIV вв. показывает, что формы *есмь*, *еси* (и т. д.) выступают исключительно как показатели лица (а не времени) оказываясь синтаксическими синонимами личных местоимений ... Именно этим объясняется их регулярное употребление в определённо-личных предложениях, начиная с самых ранних бытовых и юридических текстов..."⁴ При этом, за исключением устойчивого употребления в начале юридических актов, местоимение отсутствует. Об утрате глагольности вспомогательным глаголом свидетельствует и постановка отрицания при причастии на -л.⁵

Теперь мы обращаемся к самым характерным примерам из текста летописи:

1 л. ед. ч.

"... а толко **есми** в него одинъ день и **был**, ..." (л.142)⁶

"...; **слышалъ есмь** моужество ваше во вс%ох странах;..." (л. 5 об.)

"... им **есми** ходити на вас **не вел%оль**;..." (л.112)

2 л. ед. ч.

"... как **еси** самъ господинъ, сего **быль** дому свят и Троици и прежний твоя братья, ..." (л.122 об.)

"... инд%о соб%о княжишь, а Псков повергъ, то оуже **еси** самъ **лишилъ** Пскова;..." (л.114 об.)

1 л. мн. ч.

"... , а про то **есм** оу великого князя и по три дни на очех не **были** посолства правити про князя Володимера Ондр евича, ..." (л. 101)

"...; и тое писано, что **хот%оли есме** слати к тоб%о своему государю бити челом,..." (л. 110)

"... а **мы есмы** тыя грамоты, государь, по твоему словоу **послали** от себ%о." (л.184 об.)

"...; а преже сего какъ **быль** князь великой в Новегород%о, ино о томъ на него не жаловалися, **блюглися есмо** болша оуспалки на себ%о;..."(л.176)

"... а ркучи такъ своя братья стареишеи: се вамъ воды и земля владычня и вси оброky по старине, а что **есми** по два л%ота с тои земли хл%объ **имали** и воды **ловили**, а темъ кормили князя великого силу,..." (л.114 об.)

2 л. мн. ч.

"... а что есми по два л%ота с тои земли хл%объ имали и воды ловили, а темъ кормили князя великого силу, зане же **есте** на Немеч намъ **не помогали**..." (л.114 об.)

"...; **ходили есте** к Кольваню и сребро взясте,..." (л.1 об.)

⁴ Г. А. Хабургаев, Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке, Вести Моск. Ун-та. Сер. Филология, №4 - 1978, с.43.

⁵ Там же, с. 43-44.

⁶ Орфогр. особен. цит. по оригин.

“...; аще тако **здумали есте**, то и мы противу вас со святою богородицею.”

(л.11 об.)

3 л. дв. ч.

“...помози вама богъ и святаа троица, оже **еста оустерегла** рат || великоу;...” (л. 5)

По свидетельству данных памятника в перфекте не обнаружены формы 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. глагола **быти**, зато очень частотны формы перфекта как от глагола **быти**, так и от других глаголов без вспомогательного глагола. В таких примерах на лицо и число указывает в 3 л. ед. и мн. ч. подлежащее, выраженное именем существительным. Число также выражается причастием на -л, утратившим к этому времени родовое различие во мн. ч. :

“... , а воеводоу в них **быль посадникъ** новгородскеи Фома Андр евичь.” (л. 163 об.)

“ А тогды **зима была** добр снежна.”(л. 216 об.)

“... , а с Черемисою с лоуговою после воины **было** много, и одол ша.”

(л. 215)

“... ; а **были посадники** в великого князя до Рожества христова;...”

(л.194 об.)

Все рассмотренные до сих пор данные представляли собой образования в изъявительном наклонении. Однако в языке летописи встречаются конструкции с условным значением, которые историки языка, как правило относят к сослагательному наклонению. В древнерусском языке для образования этой формы употреблялись спрягаемые формы аориста **быти** и причастие на -л. В языке памятника бывшие спрягаемые формы аориста **быти** при образовании сослагательного наклонения практически утрачены, превращены в неизменяемую модальную частицу **бы**, а показателем лица не в 3-м л. употреблены функциональные синонимы личных местоимений **еси** и **есте**.⁷ При этом в большинстве случаев, параллельно встречается и личное местоимение **вы**.

“ И по том посадники псковский и весь Псковъ бише емоу челомъ, **чтобы еси** , господинъ, **пожаловаль**, дал **бы еси** нам от князя великого и от себ нам стника;...”(л. 96)

“...; а кого ни к вам о своих д лехъ прислю, и **вы бы есте** мене **слоушали**, а емоу в **рили**,...”(л. 171)

“ А все то господь насъ милуя, образъ намъ даа покаания, **чтобы есте** от т хъ **оудаялися** злых истинным покаянием;...”(л. 138)

2. **Быти** как полужнаменательный глагол в функции глагольной части составного сказуемого

⁷ Г. А. Хабургаев. Ук. раб. с. 46.

В функции именной части составного сказуемого формы наст. вр. от основы *es- глагол-связка выражала лицо, число, а также отнесённость признака к моменту речи. Для этого типа сказуемого были характерны те же процессы, которым подвергались формы настоящего времени при образовании перфекта. В летописи засвидетельствованы в 3. л. как формы со связкой (**есть**), так и без неё.

В функции именной части составного сказуемого употребляется

а/ причастие:

1 л. ед. ч.

“... а яз к вамъ **есмь отпоушенъ** великим княземъ, воеводою приехал, а оуже **есмь приехалъ** здесь;...” (л. 141)

3 л. ед. ч.

“... ниже оубо повел ваем себ или друоз мъ или слово преложити, яже **есть писано**, или строкоу преступити;...” (л. 138)

“...: **не в%одо**мо ны **есть** или град взм%омъ или главы своя положим;”(л. 161)

“**Свершена** церковь святыи Духъ в Ыглини монастыри.” (л. 201 об.)

“...; а оуже стена древеная **поставлена** около Полонища и Бродей.”

(л. 202 об.)

1 л. мн. ч.

“И повел ша им бити челомъ господиноу и государю ... о жаловании и о печаловании своеа отчине моужеи псковичъ доброволных людеи, что **есм приобижени** от поганых Немець...” (л. 94 об.)

2 л. мн. ч.

“аже вы **есте приехавъ** ко Псковоу...” (л.163 об.)

Особенностью древнерусского языка является возможность употребления краткой формы действительного причастия в роли именной части составного сказуемого.

3 л. мн. ч.

“...; таже и княгиня его и сынъ его преставилися, и **положени** оу святаго Иоана на Завеличьи.” (л. 201 об.)

б/краткая форма прилагательного:

1 л. ед. ч.

“пригналь Богдан от великого князя, пов%остуя тако: что князь великой и своим сыном **рад есмь** стояти и боронити дом святыа Троицы...”(л. 159)

“...: **рад есми** отчиноу свою оустроение держати, аже ми положите прежних князей великих грамоты послинья.” (л.166 об.)

в/имя существительное:

3 л. ед. ч.

“...: то **есть дело велико**,...” (л. 110 об.)

“...; а город огнемъ съжгоша и церковь и люди, моужеи и женъ и малых д тки **н сть числа**, ... “(л. 198)

В третьем лице единственного числа кроме формы **есть** обнаруживаются варианты с отрицанием(**н сть**).

3 **Быти** как знаменательный глагол в функции сказуемого

Глагол **быти** по своей семантике обозначает: *быть, бывать, являться, существовать, происходить, случиться, находиться, иметься*. В этой роли формы наст. вр **быти** в памятнике употребляется крайне редко.

“ Воистину бо **се есть**:...” (л. 161)

“...; пять бо цареи минуло, а **шестыи есть**, но не оу бе пришель:... ”(л. 204)

“...: пять бо царевъ минуло, а **шестои есть**, но не оубо бе пришло,...” (л. 211)

“ И новгородци всего того не брега и что **есть** перемирья, и съединяшася съ Немци...” (л. 114)

Рассмотрение функций форм настоящего времени глагола **быти** в памятнике позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, обращает на себя внимание, что в роли вспомогательного глагола формы настоящего времени глагола быти в 3-м л. ед. и мн. ч. в языке летописи не встречаются. Во-вторых, судя по предшествующим данным всего памятника, широко употребительны формы перфекта без вспомогательного глагола. В-третьих, в 3-м л. ед. и мн. ч. обнаружены формы со связкой и без связки. Эти три факта, по-видимому, являются свидетельством того, что перед нами «уходящие» глагольные формы в русском письменном языке рассматриваемого периода.

PRIDIGE V KNJIŽNI PREKMURŠČINI

O tej bogoslužno-leposlovnih govorni knjižni besedilni vrsti v strokovni literaturi, ki prvenstveno upošteva in obravnava natisnjene knjige prekmurskega slovstva od začetkov do konca njegovega "uradnega" obstajanja (od l. 1715 – 1919)¹ doslej ni bilo zaslediti podatkov. Medtem ko je kar izjemna raziskovalna pozornost izkazana starim, rokopisnim pesmaricam (katoliško-protestantskim?), njihovi prepisovalni kontinuiteti, tujejezičnim predlogam, tudi vsebinskim jezikovnim vplivom ter povezavami s tovrstnimi kajkavskimi besedili², pa pridige, ki so pravzaprav vse od pokristjanjevanja bistveni sestavni del verskega oznanjevanja v narodnem jeziku, kot da niso obstajale. Ali pa se zdi to, vsakokratno govorno na novo ustvarjalno naravnano vsebinsko in besedilno jezikovno oblikovano sporočilo za javnost, versko skupnost, nekaj samo po sebi umevnega, nekaj, kar je del duhovniškega opravila, o katerem ne razmišljamo. Vendar je pridiga najstarejši vzorec kulture govora in je skozi vso zgodovino versko-vzgojno in jezikovno ustvarjalno delovala na široke ljudske množice, ki jih je nenavadnost izražanja prevzemala.³

Pri pridigi gre za sprotno govorno aktualizirano namembnostno, oznanjevalno sporočilo, vsebinsko običajno vezano na določen evangeljski oz. sveto-pisemski odlomek, z izpostavljenostjo značilno mislijo ali izrekom, ki je ubesedena v strukturirani besedilni zgradbi (makrostruktura, ki se členi na uvod, jedro in zaključek), jezikovno-sistemska (mikrostruktura besedila) pa je tudi po zakonitostih retorike stilno bolj ali manj zaznamovana.

Molitev, cerkvena ali nabožna pesem, zlasti pridiga, ki govorijo o skrivnostni vzvišenosti onostranstva, so izraz prošnje, zahvaljevanja, slavljenja Boga, tudi kesanja, zato nikjer in nikoli ne morejo biti ubesedene v vsakdanjem pogovornem jeziku, četudi dani prostor nima priznanega knjižnega jezika. Že sama vzvišenost božje besede zahteva, da se podaja v lepi jezikovni obliki, tako se je že A. M. Slomšek izrazil o bogoslužnem jeziku nasploh.⁴ Jezik obrednih besedil je nevsakdanji, je namembnosten, zato ubesedovalno vzvišen,

¹ Vilko Novak, *Izbor prekmurskega slovstva*. Ljubljana 1976; Ivan Škafar, *Bibliografija prekmurskih tiskov od 1715 do 1919* (SAZU – Bibliotheca 6), Ljubljana 1978.

² Več razprav V. Novaka, tudi A. Jembriha, predvsem pa razprava *Prekmurske rokopisne pesmarice od 16. do 18. stoletja*. Obdobja 9, Obdobje baroka v SJLK, FF Ljubljana 1989, 109–119.

³ Z vidika sodobne teorije sporočanja, teorije besedila oz. besediloslovja, je ta jezikovno izbrano ubesedovana besedilna vrsta glede na sporočanje vlogo v knjižnem (in sodobnem) jezikovnem razvoju gotovo vredna upoštevanja. Žal v sodobni teoretično-praktični priročnik Fr. Žagarja, *Od pripovedi do eseja in govora* (Založba Vija, Ljubljana 2002), še ni vključena.

⁴ O tem M. Orožen, *Teoretični in praktični jezikovni nazori Slomška*. V: *Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana 1996, 103–119.

ritmiziran. Ta zakonitost velja za vsa verstva, tudi že poganska, velja pa tudi za krščanstvo.⁵

Seveda velja tudi za bogoslužni jezik panonsko-slovenskega prostora, ne glede na neizpričanost ali izpričanost te vrste govornih knjižno oblikovanih besedil v zgodovinskem preobraževalnem jezikovnem razvoju.⁶

Iz zgodovine pridigarstva vemo,⁷ da je bil prav panonsko-slovenski (panonsko-moravski) jezikovni prostor v 9. stoletju, v času misijonskega delovanja svetih bratov, zlasti Metoda, kar v izobilju deležen teh duhovnih dobrin. Iz medievistike je znano, da se je zlasti v letih 867–874 po zaslugi kneza Koclja v Blatogradu (Zálávar) uspešno razvijalo bogoslužje vključno z liturgijo v "staroslovenskem" jeziku, na tleh današnje madžarske države.⁸ Iz zgodovine misijonske dejavnosti solunskih bratov vemo, tako naglaša že A. Medved, da sta seboj iz Bizanca prinesla "v slovenski jezik prevedene evangelijske odlomke ter odlomke apostolskih pisem (perikope) za nedelje in praznike, prevedla sta psalter, več molitev, ki rabijo pri službi božji, vso mašno liturgijo, molitve pri sv. krstu, obredu, večerji. Vse te prevode – knjige je l. 867–8 ob prvem potovanju svetih bratov v Rim na zagovor, papež Hadrijan II. odobril, jih položil na oltar sv. Petra ter dovolil, da se je v Rimu tri dni v cerkvi sv. Petra, sv. Pavla in sv. Andreja opravljala božja služba v "slovenskem jeziku" (str. 32).

Oznanjevalno (kateheza, pridiga, liturgija) in ustvarjalno prevajalsko (prevod celotne Biblije, cerkvenega pravnega kodeksa), s tem tudi prosvetiteljsko delo sv. Metoda in njegovih učencev, se je po vrnitvi iz Rima v območju obsežne Metodove Panonsko-moravske nadškofije (sv. Andronika) še preko dvajset let, do Kocljeve oz. Metodove smrti (874, 885) zelo uspešno nadaljevalo. Žal je bilo spričo znanih neugodnih zgodovinskih okoliščin v slovanskem

⁵ O tem delo *Religiozni obredi, običaji i simboli* (s poljanskog jezika prevela Biserka Rajčić). Radnička štampa Beograd 1980. Predvsem poglavji: Vitold Tiloh, *Bliski istok*, 215–260; Judaizam, 261–281; Juzef Keler, *Religiozni običaji, obredi i simboli u Hrščanstvu*, 323–377.

⁶ Znano dejstvo, da so Madžari prevzeli del slovenskih obrednih terminov, in tudi novejšo ugotovitve madžarskih (cerkvenih) zgodovinarjev pričajo, da prvotno slovansko bogoslužje na tleh nove panonske madžarske države ni bilo brez sledi zatrto. Tudi dosežena ubesedovalna raven prekmurskega nabožnega slovstva v 18. stoletju (protestantskega in katoliškega) brez predhodne (ustne) tradicije ni razumljiva.

⁷ Glej dr. A. Medved, *Zgodovina cerkvenega govorništva*. Voditelj v bogoslovnih vedah, Maribor (v letih 1899, 1900, 1905, 1906). Za obravnavo dane vsebine posebej pomemben letnik IX (1906) z obsežno razpravo *Zgodovina slovenskega cerkvenega govorništva* (I. Staroslovenska doba, 26–43, 163–168; Reformacijska doba, 106–185; III. Protireformacijska doba, 264–286, 394–408).

⁸ Žal slovenisti ne poznamo novejših dognanj madžarske medievistike. Zelo potreben je prevod knjige madžarskega strokovnjaka za starocerkvenoslovanščino: M. Thót Imbre, *Cirill-Konstantin és Metod élete működése / Življenje in delo Cirila – Konstantina in Metoda* (Uvod v slovansko kulturno zgodovino). V spomin Istvánu Kniezsi. Druga predelana izdaja. Szeged 1991.

rimsko-katoliškem predelu (Morava, Slovaška, Češka, Hrvaška, Slovenija) skoraj v celoti "izbrisano", vendar so posredni sadovi teh prizadevanj ostali. V območju nekdanje Metodove nadškofije se je ohranila, celo razvila, prvotna obredna terminologija, pa tudi slogovna izoblikovanost v molitvenih in pridiznih obrazcih in biblijskih prevodih. Spomnimo samo na visoko raven zvrstno razvitega (knjižnega) jezika na Češkem in na Moravi že v predhusitskem obdobju, na najstarejši češki prevod Biblije med Slovani (konec 14. stoletja), kar vse se je uspešno razvijalo na bogatih temeljih moravske "staroslovenske" redakcije.⁹

Kakšni sledovi pa so ostali v nekdanjem panonsko-slovenskem jezikovnem prostoru? Poleg obredne terminologije, seveda po glasoslovno-oblikoslovno besedotvornih zakonih jezikovnega razvoja v času in prostoru deloma preobrazene (spasitelj → spasič, krstitelj → krstič, synci → sinki, mēka → moka, itd.), se je ohranila "pridiga o grehu in pokori" (II. Brižinski spomenik), ki je po ugotovitvah Fr. Grivca¹⁰ govorniška stvaritev nadškofa Metoda, njegov ustvarjalni prevod latinske predloge s prvimi Cirilove teološke naravnosti (pradedne časti!) in vzhodne cerkve (dela usmiljenja!), in slogovno-stilno zaznamovano jezikovno ubeseditvijo (besedni red, leva stava prilastka, deležijsko izražanje, stilne figure: božja slava, božji stol, slzno telo, itd.).¹¹ V najstarejšem panonskem starocerkvenoslovanskem spomeniku, Clozovem glagolitu pa se nahaja anonimna pridiga, za katero grška predloga ni bila najdena. Ta pridiga "Božje slovo vladikam" je dokazano Metodova,¹² vezana na tedanje družbene razmere v njegovi panonsko-moravski nadškofiji.

Sveta brata sta bila blesteča oznanjevalca vere, goreča pridigarja, govornika. V novi slovanski misijonski prostor sta iz grščine "prenesla" pridige slovečega grškega očeta sv. Janeza Zlatousta, v tem duhu pa gotovo vzgajala svoje (tudi panonske) učence; med njimi je bil uspešen pridigar zlasti sv. Kliment Ohridski. Vrsta pridig, prepisov, med temi tudi pet homilij (velikega tedna) iz Clozovega glagolita je bilo odkritih v mlajših ohranjenih stesl. kodeksih (Supraseljski

⁹ Glej o tem M. Kopecký, J. Hošna, *Výber ze starší české literatury*. Fakulta Filozofická, Praha 1984 – in drugo ustrežno tovrstno bohemistično strokovno literaturo.

¹⁰ Glej: Sv. Ciril in Metod v *Spodnji Panoniji*. GMD XX, Ljubljana 1939; *Slovansko bogoslužje v Panoniji*. GMD XXII, Ljubljana 1941; *Zarja stare slovenske književnosti: Frizinski spomeniki v zarji sv. Cirila in Metoda*. Ljubljana 1942; *O cerkvenoslovanskih prvinah v II. Frizinškem spomeniku*, SR II (1949), 126–137. Glede II. BS se torej z Isačenkom, ki je spomenik raziskoval predvsem jezikovno-stilistično, Grivec tudi teološko, širše kulturološko, pravzaprav ujemata. Ta spomenik je bil lahko v rabi prav tako na Slovaškem kot v Panoniji, saj sta bili obe ti deželi v Metodovi nadškofiji.

¹¹ O tem dr. J. Pogačnik, *Kompositorische und Stilistische Besonderheiten der Freisinger Denkmäler*; Edvard Hercigonja, *Elemente der syntaktisch-stilistischen Struktur der Adhoratio ad poenitentiam in der Beziehung zur altkirchenslawischen literarischen Tradition*. Obe razpravi v: *Freisinger Denkmäler / Brižinski spomeniki / Monumenta Freisingensia*. Dr. Dr. R. Trofenik, München 1968.

¹² Glej Janez Zor, *Anonimna ali Metodova Homilija v Clozovem glagolitu*. V: *Acta Ecclesiastica Sloveniae* 7, Ljubljana 1985, 255–288.

iz 11. in Uspenski iz 12. stoletja, Mihanovičev iz 13.), ki po jezikovnih značilnostih kažejo na njihov zgodnji panonsko-moravski izvor. Prvotni vzorci pridig (homilij), tako sklepa A. Medved,¹³ so se pri bogoslužju iz leta v leto ponavljali, se seveda tudi govorno-jezikovno preobrazali, aktualizirali ter ob osnovnih molitvenih obrazcih kot so: očenaš, vera, splošna spoved, ob petih psalmih v "staroslovenskem" jeziku, v ljudski tradiciji po svojih značilnih slogovno-jezikovnih prvinah zasidrali. Med temi značilnostmi so: pogosta leva stava prilastka, deležijsko izražanje, blagglasno oblikovani, ritmizirani besedni red, ustaljene imenske in glagolske terminološke zveze (gn^{vi} božji, božji stol, sodnji den, cesarstviye božje, život večni, vekl večni, itd.), vse te značilnosti pa zasledimo tudi v bogoslužnem jeziku prekmurske knjige (v evangelijskih prevodih, molitvenikih – in tudi v vzorcih natisnjenih pridig iz srede 19. stoletja). Od kod so? V osrednjem slovenskem tipu knjižnega jezika jih ni.

Kljub ukinitvi slovanskega bogoslužja v Panoniji, kljub dolgotrajnim vojnim stiskam, begu, preseljevanju prvotnega slovenskega prebivalstva konec 9. stoletja, je nek "praspomin" na to misijonsko obdobje v novi madžarski državi moral ostati, saj vse do naše sodobnosti Slovenci v Porabju in tudi še v Prekmurju v očenašu molijo po "staroslovenskem" načinu: "sveti se ime tvoje", vsi drugi Slovenci pa imamo sintagmo: "posvečeno bodi tvoje ime", česar ne gre pripisovati zgolj zgodnji pripadnosti tega ozemlja zagrebški škofiji (osnovana l. 1094), ki pa je vsaj v obredni terminologiji sprejemala prehodno (panonsko) tradicijo. Tudi prvi zagrebški škof Duh je prišel iz Češke, kjer je bil v tem času spomin na staroslovensko bogoslužje še tvoren, da ne govorimo o glagoljaštvu v severni Dalmaciji, na Kvarnerskem otočju in v Istri.

Kakor koli že, dejstvo je, da je v slovenskem panonskem prostoru osnovna Ciril-metodovska obredna terminologija ostala, potrjena je izjemna nagljenost do cerkvenega, nabožnega petja (ohranjenih je preko 100 rokopisnih pesmaric) in kot kažejo nedavna "odkritja", tudi govorniško slogovno, stilno oblikovani vzorci oznanjevanja – cerkvena pridiga, in to katoliška, od protestantizma dalje pa tudi protestantska.

Tudi ta "podvojitev" korpusa obrednih besedil, protestantskih in katoliških (prevod NT, katekizmov, biblijskih zgodb, lekcionarja, molitvenika, pesmaric in še pridig), potrjena v tiskani obliki od srede 18. stoletja, je zelo "sporočilna". Najstarejši podatek o pridigah v "ogrski slovenščini" je v razpravi A. Medveda (Zgodovina slovenskega cerkvenega govorništva. III. Protireformacijska doba; VBV, 1906, 408). Avtor omenja pisane pridige *Jakoba Sabarja, župnika v Črensovcu ob Muri*, pod naslovom "Križev pot". Nedavno "odkriti" viri iz srede 19. stoletja, namreč po tri tiskane katoliške in protestantske pridige pa pričajo, da je bila jezikovno-stilno ubesedena po splošno veljavnih teoloških in retoričnih izhodiščih, načelih, katoliške in protestantske cerkve v danem času in prostoru.

¹³ Glej opombo 7, I. Staroslovenska doba – tipološki prikaz "staroslovenskih" bogoslužnih besedil.

Kot v celotnem prekmurskem prevodnem in izvirnejšem korpusu verskih besedil, zlasti protestantskih, je panonsko-slovenski prostor oblikoval ob kajkavskih tiskanih besedilih svojo jezikovno različico, in to velja tudi za pridige. A. Medved sicer navaja kajkavske tiskane pridige, znane v tem prostoru. Tako rabo Vramčeve *Postile* (Varaždin 1586), *Zercalo Mariansko* J. Habledića (Gradec 1661), pridige o štirih poslednjih rečeh (*Historie z kratkim duhovnem razgovorom od poslednih Dugovanji* 1735) krapinskega "plebanoša" Štefana Fučka.¹⁴ Tiskano knjigo pridig na isto temo pa so premogli celo gradiščanski Hrvatje (E. M. Kragel, *Četvero-verstni duhovni perstan*, Šopron 1763),¹⁵ le prekmurski in porabski slovenski duhovniki za tako knjižno delo niso imeli mecenov. Kot kažejo natisnjene ohranjene pridige, so bili med njimi zelo dobri cerkveni govorniki. Vsekakor je zgovorno dejstvo, da kajkavske pridige v 18. in 19. stoletju v svoj jezikovni prostor niso prenesli, pač pa so jo v sombotelski škofiji (prvotno so pripadali škofiji Győr, ki je bila osnovana oz. je delovala že l. 1038)¹⁶ samostojno oblikovali v "ogrski slovenščini". Rokopisi katoliških pridig v "ogrski slovenščini" so se gotovo še pomnožili po opustitvi kajkavskega obrednega knjižnega jezika (1848), so se pa pridige jezikovno že zgledovale po osrednjeslovenskem. Protestantska bogoslužna jezikovna tradicija, tudi besedila pridige, so ostajala obema "prestižnima središčema" (Zagreb, Ljubljana) zaprta. Tudi protestantska pridižna besedila so bila ustvarjena skladno s knjižno jezikovno normo Küzmičevega "Nouvega Zákona" (1771), prevedena po madžarskih ali nemških protestantskih zgledih. Zato razlike med vsebinsko naravnostjo, besedilno strukturo ter jezikovno slogovno in stilno ubeseditvijo prekmurske katoliške in protestantske pridige.

O njih bo zdaj tekla beseda.

Ob analizi Ciril-metodovskih prispevkov S. Škrabca, izhajali so v Cvetju iz vrtov sv. Frančiška (v letih 1880–1887) v okviru priprav na obhajanje tisočletnice smrti sv. Metoda, posebno pozornost vzbujajo njegovo poročilo o

¹⁴ Vsa kajkavska zgodovinska jezikovna problematika zajeta v delu Alojza Jembriha, *Na izvorima hrvatske kajkavske književne riječi*. Založba Zrinski Čakovec 1997. Razprave i građa povijesti hrvatskoga jezika i književnosti z dokazano zvrstno členitvijo kajkavskega knjižnega jezika in tipološko oznako kajkavskih rokopisnih in tiskanih virov do konca njegovega obstoja (1848) oziroma njegove jezikovnostilistične prisotnosti v sedanjosti.

¹⁵ Vsebinska, slogovna in stilno-jezikovna oznaka pridig: Andrea Sapunar, *Iz gradišćansko-hrvatske književnosti. Prikaz djela E. M. Kragela Csetvero-versztni duhovni persztan* (1763). A burgenlandi horvát irodalomról. E. M. Kragel: Csetvero-versztni persztan (1763) munkájának bemutatása. V: *Croato-Hungarica. Uz 900 godina hrvatsko-mađarskih povijesnih veza. A horvát-magyar történelmi kapcsolatok 900 éve alkalomából*. Zagreb / Záhreb 2002, 291–303.

¹⁶ Tako je razvidno iz zemljevida madžarskih škofij oz. najstarejše nadškofije Esztergom (osnovana l. 1000) ob koncu vladavine sv. Štefana. V: *A thousand years of Christianity in Hungary*. (Hungariae Christianae Millenium). Published by the Hungarian Catholic Episcopal Conference. Budapest, 2001, str. 31.

zahvalnem romanju Slovanov (okrog 1500 duhovnikov) v Rim ob priliki razglasitve vesoljnega cerkvenega praznika svetih bratov Cirila in Metoda, ki je od l. 1880 dalje 5. julij.

V poročilu (S. Škrabec, Slovenski romarji v Rimu, Jezikoslovni spisi 4, 88–90) je med drugim predvsem z vidika udeležnosti latinskega oz. "staroslovenskega" bogoslužnega jezika pri božji službi, in slovanskih jezikov pri pridigi, natančno opisan tudi bogoslužni potek tega štiridnevnega slavja. Tretji dan je bogoslužje potekalo takole: "veliko staroslovensko sveto mašo je daroval bolgarski škof *Nil Izvorov*, pridigal pa je v *ogrski slovenščini msn. Slotta, duhovnik "ostrigomske" škofije* (Estergom). Kakšno presenečenje!¹⁷ Še ob koncu 19. stol. je v najstarejši madžarski nadškofiji deloval duhovnik, morda porabski ali prekmurski Slovenec, ki je znal pridigati v "ogrski slovenščini"! V Rim je nedvomno poromal in tam pridigal s soglasjem svojih cerkvenih predstavnikov. To pa pomeni, da je bila v jubilejnem Metodovem letu v cerkvi na Madžarskem "ogrski slovenščini" izkazana kontinuiteta obstoja in posredno priznana povezava z 22-letno misijonsko dejavnostjo sv. Metoda v Panonsko-moravski nadškofiji, kamor je bil, kot znano, vključen tudi del sodobnega slovenskega jezikovnega prostora (Slovenske Gorice do Maribora, Prlekija, Prekmurje in Porabje).¹⁸

To pa ni vse. Ob zaključku slovesnosti znamenite tisočletnice smrti sv. Metoda je v Ljubljani izšel *Zbornik cerkvenih govorov na slavo ss. Cirilu in Metodu* (ur. Anton Žlogar, Ljubljana 1886). Zbornik prinaša štirideset slavnostnih pridig, ki z različnih zornih kotov, predvsem pa ekumenskega, na aktualen način osvetljujejo pomembne zasluge svetih bratov za Slovence ter ju slavijo. Prav imeniten izbor slovenske cerkvene retorike 19. stoletja; za njen zgleden razvoj ima izjemne zasluge predvsem blaženi A. M. Slomšek,¹⁹ sam odličen teoretik-mentor in pridigar.

V zborniku sta objavljeni tudi dve pridigi v "ogrski slovenščini". Pridigo št. XX, *Parezeza na čest svetij slovenskoj apoštolov Cirila i Metoda*, je prispeval neimenovani "*Plebánoš na Vogrskom*", morda prav msn. Slotta, ki je pridigoval v Rimu. V vsebinskem pogledu se osredinja na življenjepisni prikaz

¹⁷ Zelo dragoceni bi bili zgodovinski arhivski podatki o njem, in morda tudi o drugih slovanskih duhovnikih ostrogomske nadškofije, kamor sta bili v zgodnji dobi krščanstva vključeni tudi škofiji Győr (po l. 1038) in Zagreb (ustanovljena l. 1094), seveda tudi Nitra na Slovaškem.

¹⁸ V nadškofijo Esztergom je bila v času Metodovega slavja (1885) vključena tudi škofija Nitra na Slovaškem, kjer se je v 19. stoletju podobno kot pri drugih Slovanih, zlasti (Panonskih) Slovencih, češčenje svetih bratov izjemno poživilo. O tem M. Orožen, *S. Škrabec ob tisočletnici svetega Cirila in Metoda*. Simpozij Škrabčevi dnevi (10.–12. oktober 2002, Nova Gorica) – v tisku.

¹⁹ Glej *Vaje iz cerkvene zgovornosti*. Drobčinice 1862; M. Orožen, *Evangeljsko sporočilo in sodobnost v pridigah blaženega škofa Antona Martina Slomška* (1800–1862). V: *Krestánska literatura a masmedia* (Zbornik razprav). Pillicsaba. Katolícka universita Pétera Pazmanyá. Filozofická fakultá, Ustav slavistyki, 2000, 136–151.

in potek njune misijonske dejavnosti, povzemajoč okrožnico papeža Leona XIII. in morda tudi knjigo J. Bilyja (Zgodovina ss. apostolov solunskih Cirila in Metoda; prevedel J. Majcinger, Maribor 1863). V govoru je dodan še podatek iz madžarskih zgodovinskih virov, ki sicer v poljudnih slovenskih spisih o solunskih bratih ni naveden, posredno pa osvetljuje odnos Madžarov do dejavnosti sv. Metoda. Takole pravi:

"Za nás vogrskse slovene je posebno ešče znánja vredno, ka sta se na prošnjo vogrskoga prednjega voja ete i svéti Metod pri spodnjoi Düni sréčali. Vogri so teda v sosedstvi Kozarov stanüvali, i od Metoda so pri etij dosta dobra zvedili. Najšli so se toti, ki so Metoda opominali, naj se ne podá vu tak veliko pogibelnost. Ali on pun vüpanja v Bogi stopi pred vogrskoga voja, ki svetomi starci i dühovniki vélikomi nájvekše poštenjé skáže, njega obimle, drage dáre njemi ponüdi, i z etimi rečmi ga odpüsti: "Spomeni se z méne, poštüvani oča! vu tvojj svétij molitvaj." (str. 119)²⁰. Pridigo št. XXIX, *Pareneza na čest svetij apoštolov Cirila i Metoda*, pa je prispeval Jožef Borovnjak, tedanji župnik na Cankovi in dekan soboške dekanije. Govor je po skladenjski jezikovni ubeseditvi, sopomenkah, že bližji osrednjemu slovenskemu knjižnemu jeziku danega časa (interpolacije osrednjih skladenjskih vzorcev, prvin), avtor pa ga je zaključil z značilnim namigom, ki ponazarja vzdušje slovenske prekmurske duhovščine (in ljudstva) ob teh slovesnostih: "Iz stare Panonie – Kocelove dežele prekmurski Slovenec na Vogrskom. Jožef Borovnjak župnik.

Začenja pa slovesno takole:

"Prelübi krščeniki! Prav veseli glas moram vam oznaniti. Z zlatimi črkami zapisano bode se svetilo v zgodovini sv. cerkve za vse slovenske narode zapisano leto 1885. Jezero lejt je minolo, odkar so naši preočaki, stari Slovenci svetlost sv. vere Jezušove od Boga zadobili. To je bio zaistino zlati čas, srečno vreme za vse slovenske narode, šteri so tisti čas v kmici neverstva, neznaboštva i poganstva spali – v nevarnosti vremenitno i vekivečnoga pogüblenja."

Nekateri naslednji odlomki govora so bolj "prekmurski":

"Sv. brata Ciril i Metod sta se narodila vu Soluni, to mesto je dnes na türskom, tam so slovenski i grčki govorili. Oča se je zvao Leo, bio je plemeniti mož pri Casari vu visokoj slüžbi. – Ciril se je narodo lejta 827, imenüvali so ga Konštantina, – kak je vu Klošter stopo, dobo je ime Ciril. Metod, starejši brat se je edno leto prvo naródo. Obadva sta se lepo včila, postala sta redovnika (meniha) i dühovnika. Za volo visoke znanosti Ciril je dobo ime modrijaš, ino je bio poslan od Theodore v zemlo Saracenov, gde je s svojo modrostjo i vučenostjo neprijatle Jezušove vere premagao. Neprijatli so njemi dali piti čemér, pa mo je ne škodilo" (str. 173).

²⁰ Besedilo je skoraj dobesedno povzeto po *Panonski legendi*. Z izvirnim madžarskim besedilom v *Pannóniai Legendák. Cirilés Metód szláv Apostolok élete* (pogl. XVI). Madach: Europa, ga je preverila g. Gallos Orsolya, lektorica za madžarski jezik (Filozofska fakulteta Ljubljana). Oskrbela mi je tudi vrsto strokovnih podatkov; za prijazno naklonjenost se ji iskreno zahvaljujem.

Primerno je kar na tem mestu dodati še značilno mnenje poročevalca (ocenjevalca) Zbornika (LZ 1886, –a–, 94–98), ki se ob teh pridigah ganljivo izrazi:

"Slovenskemu dijalektologu bosta dobro došli dve pridigi v prekmurski slovenščini; vsak rodoljub jih mora radostno pozdravljati. Ti zvoki se mi zdé kakor poslednja tožba jeka ónih blaženih staroslovenskih glasov, ki so gospodovali pred tisoč leti po stari Kocljevi Panoniji ter prihajali sv. Cirilu in Metodu iz posvečenih ust." (str. 443–444).

To mnenje o prekmurskem dialektu oz. dialektalnem prekmurskem slovstvu, se je vleklo vse v našo sodobnost. Do spoznanj o zvrstno oblikovanem knjižnem jezikovnem razvoju tudi v tem slovenskem jezikovnem prostoru.²¹

To pozno "odkritje" pridig v "ogrski slovenščini" dopolnjujemo še z novjšimi podatki na to temo. Oskrbel jih je M. Jesenšek (PF Maribor), za kar se mu z veseljem zahvaljujem.

Zdaj vemo, da so v knjižni prekmurščini obstajale katoliške in protestantske pridige. Oboje so ohranjene prvenstveno v rokopisih, zato še niso mogle biti predmet besediloslovne, slogovne in stilno-jezikovne analize. Evangeličanski koledar za leto 1992 pod naslovom *Stari prekmurski teksti* (str. 94–98) prinaša odlomke treh (od osmih) rokopisnih protestantskih pridig. V evangeličanskem koledaru za l. 1995 pa je Theodor Hari pod naslovom *Antiquitates transmuranae (Starožitnosti Prekmurja)* predstavil, stilno označil in ponatisnil *Trplanovo protestantsko "pogrebno pridigo"*, natisnjeno v Kösegu leta 1850. Kot vse kaže, je to doslej najstarejša najdena tiskana pridiga. Iz leta 1884 je še v Kesthelyju natisnjena protestantska pridiga *Rudolfa Cipota "na sztotni szpoumenek nastávlanya Püczonszkoga Szpraviscsa czérkvenoga"*, in leta 1888 že v Soboti (Muraszombat) natisnjena istega pisca *"Predga na dén Reformátzie"* s krajšim zgodovinskim opisom *püconske evangeličanske občine*. Katoliški Marijin list iz l. 1905 pa prinaša katoliško pridigo za *Tretjo nedelo vu poszti* (str. 69–73).

Na podlagi besediloslovne in jezikovno-stilne analize teh šestih tiskanih pridižnih vzorcev je mogoče reči naslednje:

Protestantska in katoliška pridiga se razlikujeta po osnovni vsebinski naravnosti, besedilni zgradbi in jezikovno(sistemska)-stilistični ubeseditvi – z znanimi glasoslovno-oblikoslovnimi normativnimi pisnimi značilnostmi. Protestantska pridiga je skladno z njeno prvenstveno bogoslužno vlogo besedilno daljša, grajena razlagalno (kot protestantske postile sploh). Osnovno miselno jedro (svetopisemski navedek) stopnjevalno variira skozi vse besedilo in se različno aktualizira. Jezikovno skladišče se vzgleduje ob jeziku biblijskih prevodov

²¹ Glej M. Orožen, *Prekmurski knjižni jezik; Vprašanja prekmurskega knjižnega jezika ob osrednjeslovenskem in kajkavskem*. V: Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (od Brižinskih spomenikov do Kopitarja). Filozofska fakulteta Ljubljana 1996, 356–373; *Košič in njegov čas*. Zbornik razprav o Jožefu Košiču. Košičev sklad, Budimpešta 1994.

(Novega testameta, psalmov), ki so dnevno predmet branja. Zato tudi veliko parafraz biblijskih odlomkov. Jasno izstopa razlika v jeziku navedkov, kjer je zelo pogosta leva stava prilastkov (tudi zaimkov), deležijsko izražanje, tipične nominalne zveze. V razlagalnem besedilu je teh značilnosti manj, vendar pa je ves besedni red (členitev po aktualnosti) podrejen zvočni blagoglasnosti sporočila. Besedišče je bogato, sopomensko, s tipično protestantskimi terminološkimi zvezami (vrela pobožnost, britki joč, huda reč, slejdnji boj, nedužen žitek, seri vlasje, podati desno = desnico, najlepša dika), novotvorjenkami, prispodobami, na kar je trenutno le opozorjeno.

Trplanova "*Predga pri szprévodi*" je očitno zgled v obdobju baroka tako popularnih "*laudatio funebris*", ki v slovenski pridigarski tradiciji niso znane.²² Ta pa kaže na ustaljenost govornega vzorca, ki sestoji iz dveh delov: predstavnega in poslovilnega. V predstavnem delu je pokojnik, njegovo versko, družinsko, občinsko življenje ovrednoteno v luči uvodnega odlomka iz Knjig Modrósti 4, 7, 8, 9, 14 in Jeremijeve žalostinke: "Te pravičen, či bar rano merjé, mir ma ...".

"Konec je radosti srca našega, veseljé naše se je na plačnost obrnoló. Doli je spádnóla korona gláve naše; zato je tužno srce naše, i obkmičane óči naše!" (str. 3).

V poslovilnem delu pa se pokojnik z usti pastorja poslavlja od žene, otrok, bratov, sester, bratrancev, sestričen, boter in botrov, prijateljev, sosedov in verske občine; ob tem se nizajo ustaljeni vljudnostni nagovori (Tuvárišica moja draga, siná mojiva lublena, priátelje moji dobri, poštena občina, itd.). Čustveno nabito besedilo ponazarja globoko žalost, ki spominja po preneseni rabi besedja na žalostinke.

Katoliška pridiga je krajša – je le poglobljeno dopolnilo evangeljskega odlomka, z osredinjenostjo na določeno misel, izpostavljeno v uvodu, razvito in aktualizirano v vsebinskem jedru, povzeto v zaključku. Kot je že bilo opozorjeno, se katoliška pridiga tega časa skladijsko približuje osrednjemu tipu knjižnega jezika, čeprav še ohranja bistvene glasoslovno-oblikovne, terminološke in leksične značilnosti svojega prostora.²³ Tako je ubesedena tudi pridiga *Tretja nedela vu posti*, ki je v vseh pogledih prava govorniška mojstrovina (ključna je zveza "neimi duh", ki je izhodišče in nadgradnja sporočila).

Ta prva opažanja seveda zahtevajo nadaljnjo podrobno besediloslovno, jezikovno in stilistično analizo. Ta bo omogočena, ko bo dostopen ves obsežen korpus katoliških prekmurskih rokopisnih pridig. Po podatkih g. škofa Jožefa

²² O tem tipu pridige glej J. Hrabák, *Poetyka* (poglavje *Řečnictví*, 280–282). Praha 1973.

Razumljivo. Slovenci nismo imeli veliko tako uglednih rojakov kot narodi s starim plemstvom (npr. Francozi, Poljaki, Madžari, Čehi), da bi se tovrstne pridige uveljavile.

²³ O teh vprašanjih glej Andreja Legan Rvnikar, *Diferencialni razvoj obredne terminologije v pokrajinskih knjižnih različicah 18. stoletja in začetka 19. stoletja*. V: Zora 18, *Med dialektologijo in zgodovino Slovenskega jezika*. Maribor 2002, 354–366.

Smeja jih je v župnih arhivih (Murska Sobota, Turnišče, Tišina) in v Pokrajinski študijski knjižnici Murska Sobota preko tisoč. Med temi so pridige Ivana Slepca, Jožefa Isakoviča, Franca Ivanocija. Morda so med temi tudi rokopisne pridige Jakoba Sabarja, ki jih omenja že l. 1906 dr. A. Medved.

Ob teh podatkih se zastavlja več vprašanj, predvsem pa vprašanje njihovega časovnega izvora. Lahko da so nastajale ob starejših rokopisih in gre za podobno pisno tradicijo kot pri rokopisnih pesmaricah. Obe knjižni vrsti te bogoslužne leposlovno jezikovne zvrsti pa sta dovolj zgovoren dokaz za obstoj visoke ubesedovalne ravni knjižne prekmurščine.

СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ ЦВЕТ ШВЕДСКОГО ХЛЕБА БУКВЕ «Э» ?

Проблема синестезии обсуждалась много раз. В европейской философской традиции она намечена еще Платоном. В его диалоге «Кратил» читаем: «Если имя будет подобно вещи, то необходимо, чтобы буквы алфавита, из которых будут составлены первые имена, были подобны вещам. Можно ли было бы составить картину, подобную действительности, если бы не существовали краски, по природе сходные с тем, чему подражает искусство живописи, и из которых составляются произведения живописи?» (Кратил 434 а)

В русской литературе XX века тема поставлена в книгах «О духовном в искусстве» В. Кандинского и «Глоссолалия» А. Белого. О научности этих работ речь пойдет ниже. Теперь скажем только то, что в упомянутых произведениях сделана энергетическая и символическая (метафизическая) интерпретация цвета.

Но есть и другая постановка проблемы. Она продемонстрирована в мемуарной книге Набоков «Другие берега». В ней автор описывает русский алфавит следующим образом: «Черно-белую группу составляют: густое, без галльского глянца, А; довольно ровное по сравнению с рваным R - P; крепкое каучуковое Г; Ж, отличающееся от французского J, как горький шоколад от молочного; темно-коричневое, отполированное Я. В белесовой группе буквы Л, Н, О, Х, Э представляют, в этом порядке, довольно бледную диету из вермишели, смоленской каши, миндального молока, сухой булки и шведского хлеба. Группу мутных промежуточных оттенков образуют клистирное Ч, пушисто-сизое Ш и такое же, но с прожелтью, Ш.»

Дальше следуют остальные части спектра. Прочитую только состав красной группы. В нее входят: «Вишнево-кирпичное Б (гуще чем V), розово-фланелевое М и розово-телесное (чуть желтее, чем V) В» (Набоков 1990: 464).

Игровой план набоковских определений очевиден. На каком основании буква Э ассоциируется с шведским хлебом, а Х с сухой булкой, неясно. Набоков не дает никакой мотивировки своих цвето-звуковых сопоставлений. Видимо, для него синестезия является проблемой использования языка.

Витгенштейн придерживается той же позиции. Он начинает свою критику метафизической интерпретации цвета вопросом: «Как я узнаю, что это красное?» (Витгенштейн 1994: 201). В обыденной жизни мы не задаем себе такие вопросы. Мы только указываем на наличие чего-то красного, так как уверены, что бытийный модус простых вещей нам известен.

Что я имею в виду когда утверждаю: «Это красное»? Один из возможных ответов такой: «При звуке имени «красное» в моем уме

возникает определенное представление названного.» Но можно сказать и так: «Я вижу, что это красное, и знаю: «Этот цвет называется «красным». Но что обозначает слово «это»? Оно употребляется в разных значениях: как связка и как знак равенства. Является ли пропозиция «Это красное» высказыванием о предмете, который обозначается словом «красное», или это объяснение предмета. И еще один вопрос. Могу ли описать красное, если не знаю, что данный цвет называется «красным»?

Если в моем уме возникает определенный образ, как им пользуюсь? Так, как применяются правила, образцы или иным способом? В связи с этим возникает еще и следующий вопрос: «Насколько мое представление о красном соответствует представлениям других?» Значит, надо искать критерий тождества двух представлений. «Когда реч идет о каком-то другом – пишет Витгенштейн, - для меня таким критерием выступает то, что он говорит и делает. Если же это касается меня самого, то у меня таких критериев вообще нет»

(Витгенштейн 1994: 200). Но есть и еще одна сложность: «Как об эталоне метра в Париже нельзя сказать ни того, что его длина 1 метр, ни того, что его длина не 1 метр, так и об образце определенного цвета нет смысла говорить ни что этот образец имеет данный цвет, ни что он его не имеет» (Витгенштейн 1994: 103).

Выходит, «применение образца» ничего нам не дает. И все же мы по-прежнему склонны думать, что придерживаемся определенного правила. А если пользуемся определенным правилом, однако какой характер имеет это правило. Предположим, вычисляем по формуле $2x + 1$. Возникает вопрос: «Делаем ли мы каждый раз одно и то же, выполняя требования формулы?» А как обстоит дело с нюансами красного, когда обозначаем их словом «красное». По Витгенштейну, в обоих случаях бессмысленно спрашивать: «Всегда ли делаем нечто одинаковое?» «Употребление слова «правило» - пишет он - переплетено с употреблением слова «то же самое» (Витгенштейн 1994: 168). Их связь несводима ни к чему.

На вопрос «Как я знаю, что это красное?» есть только один ответ: «Я знаю язык, на котором делаю это суждение». Именование кажется какой-то необычной связью слова с объектом, а на самом деле является остенсивным определением (*ostensive Definition*). В этой языковой игре то, что называется представлением или образцом, является «парадигмой, нечто с помощью чего осуществляются сравнения» (Витгенштейн 1994: 104). И еще одна цитата: «Правильным или неправильным является то, что люди говорят; и согласие людей относится к языку. Это – согласие не мнений, а формы жизни (*Lebensformen*)» (Витгенштейн 1994: 168).

Позиция Витгенштейна, правильно истолкованная, заключается не в том, что все суждения о цвете ложны, а лишь в том, что цвет является интенциональным объектом. Следовательно, звуко-цветовые ассоциации обоснованны настолько, насколько основательно предложение «X » есть

красное». Оно истинно для подходящего «к». Но об этом подходящем «к» мы не можем сказать, что оно «существует».

Цветовые ассоциации - это дискретные единицы сознания, неподдающиеся предельному представлению. Они не имеют никакого другого измерения, помимо собственного содержания. Соотносительность этих представлений с предметными референциями манифестируется в языке и именно в нем содержится все, «что произошло в действительности».

Очень интересный аргумент против метафизического толкования цвета дает Рабле в 56 главе четвертой книги «Пантагрюэля». Здесь автор упоминает Антифана, уподобившего учение Платона словам, которые были где-то произнесены лютой зимой, тут же застыли и замерзли на морозе, и так их никто не услышал. Рабле развертывает метафору Антифана следующим образом: «И тут он (Пантагрюэль) бросил на палубу полные пригоршни замерзших слов, похожих на разноцветные драже (*Lous nous jecta sus le tillac plenes mains de parolles gelées, et sembloient dragée, perlér de diverses couleurs.*) Слова эти, красные, зеленые, голубые, желтые и золотистые, отогревались у нас на ладонях и таяли, как снег, и мы их подлинно слышали, но не понимали, оттого что это был язык тарабарский (*languaige barbare*), за исключением одного довольно крупного слова, которое, едва лишь брат Жан отогрел его на ладонях, издало звук, подобный тому, какой издают ненадрезанные каштаны, когда они лопаются на огне, и все мы вздрогнули от испуга. «- Когда-то это был выстрел из фальконе-та» - заметил брат Жан».

И дальше: «Как бы то ни было, Пантагрюэль бросил на палубу еще три-четыре пригоршни. И тут я увидел слова колкие (*parolles bien picquantes*), слова окровавленные (*parolles sanglantes*), которые, как пояснил лоцман, иной раз возвращаются туда, откуда исходят, то есть в перерезанное горло, слова, наводящие ужас, и другие, не весьма приятные с виду; как же скоро они оттаяли, то мы услышали: «Гт-гин-гш-гш, гис-тик-бей-кроши, бредеден, бредедак, фпр, фпрр, фпррр, бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу, тракк, тракк, трр, тррр, трррр, тррррр, трррррр, трррррр, он-он-он, он-он, у-у-у-он, готман-гот» и еще какие-то тарабарские слова (*et ne scau quelz autres motz*)...» (Рабле 1981 : 407 - 408)

По Рабле синестезия относится целиком к области зауми. Она является с понятийной точки зрения манифестацией ничто. Цветовой алфавит Набокова – это тоже «драже», точно такой же монстр, как «бредеден, бредедак» Рабле или «We-ol; wol-woln; soln-saln-seln, chlin-nz-zk; ktz; w-zwt» Андрея Белого, в чьей книге «Глоссолалия» читаем: «Звуки могут быть качеством: щелочки (l, m, n), соли (взрывные) и кислоты (h, s); звуки могут расти и цвести, быть животными: беспозвоночными (w), или рыбами (m), или птицами (f), или - змеями (ph); звуки - краски: красны (kr), желты (gl), зелены (ln), сини (t), фиолетовы (m и im) или пурпурны (u); можем мы добывать из них кармин (chr)» (Белый 1994: 67).

Эти умозрительные построения А. Белого «соответствуют действительности» настолько, насколько дадаистская машина К. Швитерса является «основательным творением» технической мысли. О своем произведении Швитерс пишет: «Машина так своеобразно сконструированна из колес, валов, прокатки трупов (Walzen mit Kadavern), азотной кислотой и Merz¹, что после выставки ты уже не в своем уме» (Швитерс 1921: 16).

Утверждать, что определенные цвето-звуковые ассоциации «основательны», было бы явной бессмыслицей. Любой смысл обусловлен ситуацией. Он проявляется только в употреблении языка. Каждое цветовое определение является «само собой разумеющимся», так как всегда можем представить себе «соответствующую ему ситуацию».

У Набокова есть замечательный рассказ «Знаки и символы» («Sings and Symbols», сборник «Dozen», 1958). В нем писатель говорит о сверхчувствительном мальчике, страдающей «манией упоминаний (referential mania)». Больной воображает, будто все, что происходит вокруг, содержит скрытые намеки на его существование. Поэтому родители выбирают для него на день рождения самый невинный подарок – баночки фруктовых желе.

Здесь внимание обращается на потенциальный контекст (смысл) произведения, в котором автор является пленником языка. Но поскольку очертания этой «метафизической реальности» (форма символа, тотальность текста) творится субъектом, писатель обладает еще и способностью пребывать в режиме игры. С одной стороны, в тексте все - шифр, с другой - развлечение, «корзина с желтыми, зелеными баночками».

Рассказ Набокова внушает, что в художественном произведении существуют совершенно «обоснованные» элементы, которые однако не могут быть «оправданы» из каких-то более простых посылок. Такой «неполнотой» отличаются, конечно, и цвето-звуковые ассоциации.

Опираясь на Витгенштейна («Объекты бесцветны» - «Logisch-philosophische Abhandlung», 2.0232), концептуализм приходит к мысли, что искусство - это игра, в которой художники пользуются только цветом той пустоты, которая и есть «ничто» как настоящая разница между объектами. Илья Кабаков пишет: «Существуют единственно мухи, тонущие в молоко, черные буквы на белом листе». Задача концептуалиста показать «фактуру как таковую», материальность бумаги, т.е. то, что останется после упразднения² «поверхности» (Кабаков 1991: 97). Это и есть последний шаг в истории деконструкции метафизического толкования цвета.

В литературе проект, о котором говорит Илья Кабаков, воплощен В. Гнедовым в «Поэме конца», где нет ни одной строчки. Знаменитое творение Гнедова - это «белоснежно чистый лист бумаги» (Чуковский 1969:

¹ Сокращение от слова KoMERZbank.

² В смысле Destruktion Хайдеггера и Abbau Фрейда.

233). На сюжетном уровне идея реализована в романе Жоржа Перека «Жизнь. Руководство пользователя» («La Vie. Modus d'emploi»).

У Кабакова мухи – символ этой бытийной пустоты. Образ отсылает нас к Гоголю, у которого в «Мертвых душах» упоминание о господах в черных фраках, сияющих вокруг напудренных дам, ведет к сравнению их с роем мух, которые «обсыпают куски сахара». Для Набокова этот образ – пример самоценности искусства, а литература – мир, рожденный из ничто и уходящий в ничто. Поэтому Набоков пишет, по-моему, иронично: «Бумага – главное средство общения черта» (Набоков 1996: 91).

В «Дневнике» Витгенштейна есть одно загадочное предложение: «Белое – разновидность черного (Weiß ist auch eine Art Schwarz)» (Витгенштейн 1999: 70). Это утверждение можно интерпретировать в контексте витгенштейновского толкования «поверхности» и «глубины». С другой стороны, оно становится понятным в связи с вопросом Ван Гога: «Могли ли нарисовать белую стену чисто белой?».

Кандинский пишет: «Только художнику-натуралисту этот вопрос кажется революционным». Так в свое время «революционным и безумным казался переход коричневых тонов в синие (излюбленный пример «зеленого неба и синей травы»)» (Кандинский 1992: 71).

Кандинский прав. В искусстве все есть уподобление и различие. Точно так же обстоит дело и с цветовым алфавитом Набокова. Синестезия как инверсия признаков (звука и цвета) является эмблемой чистого различения.

Литература

Белый, А. 1994 Глоссология. Томск.

Витгенштейн, Л. 1999 Wittgenstein, L. Denkbewegungen. Tagebücher. Frankfurt am Main.

Витгенштейн, Л. 1994 Философские работы (Часть 1). Москва.

Кабаков, И. 1991 Kabakov, I./ Groys, B. Die Kunst des Fliehens. München.

Кандинский, В. 1992 О духовном в искусстве. Москва

Кратил Платон. Кратил. В: Античные теории языка и стиля. СПб., 1994.

Набоков, В. 1990 Собрание сочинений. Москва. Т. 1.

Набоков, В. 1996 Лекции о русской литературе. Москва.

Рабле, Ф. 1981 Гаргантюа и Пантагрюэль. Москва.

Чуковский, К. 1969 Собрание сочинений. Москва. Т. 6.

Швитерс, К. 1965 Schwitters, K. Anna Blume und ich. Die gesammelten «Anna-Blume»-Texte. Zürich

УПОТРЕБЛЕНИЕ СУПИНА В СИНАЙСКОМ ПАТЕРИКЕ*

1. Введение

Синайский патерик (Син. 551) возник в конце XI в. на восточно-славянской территории. Сохранившаяся рукопись списана со старославянского оригинала. Она хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Рукопись состоит из 184 пергаменных листов. Листы 1–2, 183–184 имеют лишь записи и рисунки более позднего времени. Текст написан уставом в один столбец. Листы 21v–22v написаны косым уставом. Памятник представляет собой славянский перевод произведения Иоанна Мосха (около 538–619), но листы 163–182 не соответствуют греческому оригиналу, это дополнения славянского переводчика (ЖУКОВСКАЯ – ТИХОМИРОВ – ШЕЛАМАНОВА 1984: 68–69). Памятник был издан В.С. Гольшенко и В.Ф. Дубровиной в 1967 г. в Москве. В данной статье анализ проводится по этому изданию. Кроме датировки концом XI в. известна и датировка XI–XII веками (ГОЛЬШЕНКО – ДУБРОВИНА 1967: 5; СЕЛИЩЕВ 1951: 87; ФРОЛОВА 1972: 4). Кроме основного почерка в памятнике различается еще как минимум 7 других почерков (ГОЛЬШЕНКО – ДУБРОВИНА 1967: 22–23). Листов, написанных другим почерком, на этот раз не будем касаться в силу того, что все интересующие нас примеры находятся в основном почерке.

При анализе употребления супина для выражения цели действия при глаголах движения, нашей главной целью является ответ на следующий вопрос: в каких случаях и насколько часто супин заменяется инфинитивом в Синайском патерике. Изучая исчезающую категорию супина, мы постараемся выяснить также и то, в какой степени начало отмирания супина, наблюдающееся в изучаемом памятнике, можно отнести к старославянскому протографу, и в какой мере оно может характеризовать язык основного писца Синайского патерика.

2. Выражение цели действия с помощью супина после глаголов движения

Примеры, показывающие употребление супина, сгруппированы по следующему принципу: является ли подлежащее глагола движения тождественным логическому подлежащему действия, выраженного супином. Где это необходимо, там указан и более широкий контекст приводимого примера. Нами обнаружены следующие примеры употребления супина:

а) Подлежащее глагола движения тождественно логическому подлежащему действия, выраженного супином: (idu) vid\ t= (tebe): 46v.15. (idAwe paqu p'wenicA |) proda/t=: 75.4, (v=zide

star'c' ...| rukod\lani/ svolgo) proda/t=: 81.20. (v=zide ar'hidi/k= iu|li/n=) poklonit= sA: 102.18, (idoh= v= rim=) poklonit= | sA (grobom=): 105v.20 – 106.1. (pride dŕca per's\nyni) kr'stit= sA: 4v.6–7. (lgda xe hotAwe kamo iti. ili ...| ...|... ili v= sinaiskDF gorD |) molit= sA: 126.1 (буква = переправлена из буквы i). (idoh=) myt= sA: 133.10. (s=hodA) pit= (vody): 7v.6, (idu|q[na r\ku vody) pit=: 69v.17. (v=stahom=) s=pat=: 133.16. (v=nide n\ v= kyi grad=) c\lit= | sA: 153v.3–4. (idoh= bl6|z' lgo) c\lovat= (lgo): 62.3. (v=zidoh= ...|... v= sŕyi grad=) c\lovat= (sŕgo krŕsta.): 72.17 (буква = переправлена из буквы '), (lgda xe hotAwe kamo iti. ili ...| ... ili v= iŕm=) c\lovat= (sŕgo krŕsta. | i ;'st'nyh= m\st=): 125v.19. (i prebysta oŕa ne imD|qa kako izlaziti.) po;ret= (seb\ vody.): 85v.10, (lgda xe hoxawe) po;ret= (seb\ vody.): 116v.10. (priw'd=wa) priAt= (dŕ[lA): 164v.11.

б) Подлежащее глагола движения не является тождественным логическому подлежащему действия, выраженного супином: (ow'l'c' ... pusti | samo v= manastyr' n\kogo m'niha unowu) kr'stit= sA: 96v.17.

Супин, как видно из вышеуказанных примеров, употреблялся после глаголов движения для выражения цели действия или для сокращения придаточного предложения цели. Тут важно отметить, что в древнерусских памятниках употребление супина встречается и после глаголов, не обозначающих движение. По наблюдению А.А. Потебни, после глаголов ро/ti (и этимологически родственных с ним глаголов), zvati (и родственных с ним глаголов), pristraivati s/, prositi (и родственных с ним глаголов) тоже мог употребляться супин (БОРКОВСКИЙ 1949: 335, примеч. 9). Кроме того, А. А. Потебня различает среди глаголов, употребляющихся перед супином, глаголы, обозначающие пространственное движение, а также глаголы со значением душевного движения, но этот последний термин еще не разработан даже по мнению самого ученого (БОРКОВСКИЙ 1949: 335, примеч. 9).

Что касается старославянских кодексов, то и в них очень редко можно наблюдать такие конструкции, в которых перед супином стоит не глагол движения, напр. в Супрасльской рукописи (XI в.): lgda li ho|wtet= s=kryt= (283.22–23), episkup= bo uxe postav'ln= | nyn/ pop= ne moxet= byt= (287.23, в этом последнем случае супин

образован даже из вспомогательного глагола) (MEYER 1944: 277; ЗАИМОВ, КАПАЛДО 1983: 27, 35)¹.

В изучаемом памятнике супин вообще употребляется после личных форм глаголов, но в трех случаях встречается и после причастий, а один раз и после инфинитива. В этих примерах причастия или инфинитив и супин образовывали придаточное предложение.

Когда супин был образован из переходного глагола, прямое дополнение после супина, за единственным исключением (dŕw[]A: 164v. 11), поставлено в родительном падеже. По этому поводу следует отметить, что в старославянских рукописях прямое дополнение супина изредка стоит и в винительном падеже, напр. в Супрасльской рукописи (XI в.): *pride ... s=past= pogyb=we]* (МИРЧЕВ 2000: 116), в Клоцовом сборнике (список XI в. с кодекса конца IX – начала X в.): *Богъ сына posъla ... sŕŕteje podъ zakonotъ iskuritъ* (MEYER 1944: 288).

3. Выражение цели действия при помощи инфинитива после глаголов движения

Заслуживает внимания тот факт, что среди примеров, указанных в предыдущем пункте, в одном случае буква = суффикса супина переправлена из буквы *i* (*molit= sA: 126.1*), а в другом случае буква = переправлена из *'* (*c\lovat= (sŕgo krŕsta.): 72.17*). Если бы писец не исправил этих первоначальных букв, то в обоих случаях после глагола движения получился бы инфинитив (правда во втором случае, он имел бы новую флексию *-t'* вместо окончания *-ti*). На основе этих двух исправлений, конечно, можно предположить, что первоначальные буквы появились путем случайной описки, но ведь они могли отразить как язык протографа, так и грамматический строй родного языка писца. И в последнем случае эти два примера могли бы доказать, что в языке писца вытеснение супина инфинитивом уже началось.

Однако, важнее тот факт, что в изучаемом нами памятнике встречаются такие примеры, в которых супин действительно заменяется инфинитивом. Мы приведем только примеры, в которых инфинитив стоит после глаголов движения, так как именно в этих случаях можно с большой долей вероятности предположить, что в протографе на месте инфинитива встречался супин. Обнаруженные нами примеры распадаются на две группы:

а) Подлежащее глагола движения тождественно логическому подлежащему действия, выраженного инфинитивом: (*idy ...!...*)

¹ Примеры Карла Х.Мейера ради большей точности указаны нами по изданию Супрасльской рукописи (ЗАИМОВ, КАПАЛДО 1983: 27, 35) в силу того, что К.Х. Мейер передавал свои примеры латиницей.

s=vr'witi (slux'bu): 163.5. (v=stav=wi) iti (na pris\|qeni] MhodAqaago star'ca): 171v.9, (prihoxawe) v=niti (v= sHy gro|b=): 34.12, (ustr'mi | sA) v=niti: 34v.5, (pride paky) v=niti: 34v.18. (prido|h=) poka/ti sA: 162v.15. (pride ...) pokloniti sA (vBkrnsni[hā bā nawe|go): 34.11. (ide v= eriho.) s=kon';ati (po|hoti svo]A): 9.10. (b\|xaahu i) v=|kusiti: 178.7–8. (v=nide) polo|xiti (v= kov';eg= uz=la togo): 170.15–16. (i ne doide v= manastyr') v=l\sti: 164v.16. (pridet' | n\k'to k= nam=) ispivati (vina): 112.19. (pride brat= storon'nik= ...|...) v=prostiti (star'ca): 14v.1–2. (sA Dvrativ= ...) ustupiti sA: 126v.17. (da lAgu) s=pati: 69v.15. (v=sta noqi slux'bu) s=tvoriti: 106v.12. (pridoh=) s=tvoriti (teb\ | ut\hu): 159.2. (pridoh=) bġgohval'stvovati (vas=): 103v.2–3, (prido|h= ... i) bġgohval'stvi|ti: 162v.15–16. (ide ...) pri;Astiti sA: 18.20. (v'sA sDqa/ v= kl\|ti tvo]i priw'li |sm=) v=zAti: 159.14–15.

б) Подлежащее глагола движения не является тождественным логическому подлежащему действия, выраженного инфинитивом: (pos=la i) prinesti (prosfory): 13v.17 (прямое дополнение инфинитива вероятнее всего находится в вин. падеже мн. ч., чем в род. падеже ед. ч., о чем может свидетельствовать первая строка следующего листа: *ty xe profory poloxiwa* (14.1), где словоформа *ty* может представлять собою лишь вин. падеж мн. ч. указательного местоимения *ta*). (pustit' vama razum= svoi.) prosv\|titi (vama | um=): 78v.5.

4. Итоги и выводы

В связи с наличием или заменой категории супина в языке Синайского патерика можно констатировать, что в то время супин еще не был вытеснен инфинитивом, так как в изучаемом памятнике о его употреблении свидетельствуют 19 примеров. Кроме этих данных, наши выводы подтверждаются и тем, что в древнерусских рукописях, в том числе и в грамотах, употребление супина наблюдается вплоть до XIV в. (СОКОЛОВА 1962: 235), и только начиная с XV в. он был вытеснен окончательно инфинитивом (ЛОМТЕВ 1956: 71). Согласно мнению некоторых ученых, даже грамоты XV в. еще не подтверждают окончательного исчезновения категории супина (БОРКОВСКИЙ 1949: 336–337).

Хотя супин, по всей вероятности, являлся еще живой грамматической категорией языка писца, можно со всей определенностью утверждать, что процесс его исчезновения уже начался. Об этом свидетельствует 23 примера, в которых супин заменен инфинитивом. А это значит, что после глаголов движения (для выражения цели действия или для

сокращения придаточного предложения цели) уже чаще употребляется инфинитив, чем супин. Наше предположение подтверждается и тем, что в двух случаях прямое дополнение инфинитива находится в род. падеже, а род. падеж в данных случаях не может восприниматься, как род. падеж части или глагольное управление. Таким образом, эти два примера явно указывают на то, что в протографе в данных местах вместо инфинитива еще стоял супин: (ide v= eriho.) s=kon' ;ati (po|hoti svo]A): 9.10. (v=nide) polo|xiti (v= kov' ;eg= uz=la togo): 170.15–16. К первому примеру можно добавить еще один, в котором при глаголе s=kon' ;ati мы наблюдали употребление вин. падежа, а это может свидетельствовать о том, что данный глагол управляет не родительным, а винительным падежом: (hotA) pohot' mo[s=kon' ;ati: 11.19 – 11v.1. Если примеры замены супина инфинитивом могут лишь опосредствованно доказывать, что в языке писца уже началось исчезновение супина (учитывая, что и в старославянских рукописях зарегистрированы замены супина инфинитивом, см. ниже), тогда два вышеуказанных примера с прямым дополнением в род. падеже уже непосредственно указывают на начавшийся в языке писца процесс отмирания категории супина.

Следует отметить, что супин мог заменяться не только инфинитивом, но и придаточным предложением цели. Но данной проблемы мы не можем касаться в силу того, что для этого нужно было бы иметь два варианта одного и того же текста, возникших в разное время. Другим путем устранения супина являлось употребление частицы *da* и формы настоящего времени глагола, напр.: (ido|h= v= am'molnikiD.) da pr\budu (tu): 86v.4. (da sego radi]sm' priw'l=.) da pla:|sA (gr\h= | svoih=): 99.10. Это явление характерно в первую очередь для среднеболгарских памятников, где по сравнению с подходящими старославянскими текстами часто можно обнаружить замены супина конструкцией *da* + форма настоящего времени глагола (МИРЧЕВ 1978: 234).

Если просмотреть древнерусские памятники, то окажется, что при довольно хорошей сохранности супина, вместе с тем уже довольно рано наблюдается и замена супина инфинитивом, напр. в Остромировом евангелии (1056–1057 гг.): pos=la priz=vati (КУЗНЕЦОВ 1953: 282); в Архангельском евангелии (1092 г.) супин еще часто употребляется, но и здесь встречаются примеры вытеснения супина инфинитивом (СОКОЛОВА 1930: 129); в Музейном евангелии (XII–XIII в.) наряду с заменой супина инфинитивом еще довольно часто встречается собственно супин (9 раз) (Х. ТОТ 1965: 265).

Что касается старославянских рукописей, то уже в древнейших памятниках наблюдается употребление инфинитива вместо супина, но это явление распространилось главным образом в более поздних кодексах

(ВАЙАН 1952: 384). Если сопоставить древнейшие старославянские памятники, то получается довольно заметная диспропорция между примерами правильного употребления супина и примерами замены супина инфинитивом. Карл Х. Мейер выявил следующее соотношение супина и инфинитива в четырех кодексах: в Ассемановом евангелии (конец X в. – начало XI в.) супин употреблен 16 раз, а замена супина инфинитивом встречается 8 раз; в Мариинском евангелии (конец X в.) супин зарегистрирован 16 раз, а инфинитив вместо него наблюдается 12 раз; в Зографском евангелии (конец X в.) наряду с 7 супинами стоит 18 инфинитивов; в Саввиной книге (XI в.) супин фигурирует 11 раз, а инфинитив на его месте появляется 9 раз (MEYER 1944: 276). Найденные нами 23 примера вытеснения супина инфинитивом могут указывать не только на язык писца, возможно, их следовало бы возвести и к протографу, учитывая тот факт, что в изучаемом памятнике отношение супина и инфинитива, стоящего вместо супина 19 к 23.

Однако, принимая во внимание те два случая замены супина инфинитивом, после которых прямое дополнение стоит в род. падеже (см. выше), можно предположить, что кроме этих двух примеров по крайней мере еще несколько случаев происходят не из протографа, но отражают живой язык переписчика.

Примечание

*Написание настоящей работы стало возможным благодаря поддержке Государственного научного исследовательского фонда (ОТКА; регистрационный номер: D/34574).

Литература

- ВАЙАН А. Руководство по старославянскому языку. Москва, 1952.
БОРКОВСКИЙ В. И. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949.
ГОЛЬШЕНКО В. С., ДУБРОВИНА В. Ф. Синайский патерик. Москва, 1967.
ЖУКОВСКАЯ Л. П. (отв. ред.), ТИХОМИРОВ Н. Б., ШЕЛАМАНОВА Н. Б. (редколлегия). Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв. Москва, 1984.
ЗАИМОВ Йордан, КАПАЛДО Марио. Супрасълски или Ретков сборник 2. София, 1983.
КУЗНЕЦОВ П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Москва, 1953.
ЛОМТЕВ Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. Москва, 1956.
МИРЧЕВ Кирил. Историческа граматика на българския език. София, 1978.
МИРЧЕВ Кирил. Старобългарски език. В. Търново, 2000.
СЕЛИЩЕВ А. М. Старославянский язык. Часть I. Москва, 1951.

- СОКОЛОВА М. А. К истории русского языка в XI веке. (Рукопись московской Библиотеки им. Ленина, № 1666). // Известия по русскому языку и словесности. т. III. Ленинград, 1930. 75–135.
- СОКОЛОВА М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Ленинград, 1962.
- ФРОЛОВА И. А. Предложение в древнеславянском тексте (на материале Синайского патерика). (Автореферат.) Арзамас, 1972.
- X. TOT Имре. Музейное евангелие. // Studia Slavica Hungarica XI. Budapest, 1965.
- MEYER Karl H. Altkirchenslavische Studien II. Das Supinum eine syntaktische Untersuchung. // Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft. 18. Jahr, Heft 3. Halle (Saale) 1944.

VRLO KRATKA HRVATSKA JEZIČNA POVIJEST

Hrvatska jezična povijest svakako pripada među najkompleksnije u Europi. Slavni hrvatski slavist Vatroslav Jagić jednom je prilikom zapisao kako je ta povijest vrlo inspirativna i zanimljiva za znanstvenike, ali nesretna za narod. Te su se njegove riječi nažalost mnogo puta kroz povijest obistinile, a i nedavna ratna zbivanja u Hrvatskoj i Bosni i Hercegovini također su, bar jednim dijelom, posljedica nesreće o kojoj je govorio Jagić.

Tako kompleksnu i po mnogim osobitostima netipičnu jezičnu povijest nije lako zaokružiti u jednom izlaganju, koje bi uz to moralo biti i popularnog karaktera.¹ Stoga ću se ovom prilikom ograničiti samo na one osobitosti te povijesti za koje mi se čini da su bitne i bez kojih tu povijest ne bi bilo moguće razumjeti.

Prvo što je bitno i što je u cijelosti obilježilo početke hrvatske pismenosti i kulture jest fenomen glagoljaštva. Riječ je zapravo o tome da su Hrvati jedini katolički narod u Europi kojemu se najranija pismenost zasnivala na jeziku koji nije bio latinski, nego staroslavenski. Bio je to jezik što su ga za potrebe širenja kršćanstva među Slavenima kodificirali grčki vjeroučitelji Ćiril i Metod. Oni su svoju misionarsku djelatnost započeli u Moravskoj u 9. stoljeću, ali su se njihovi učenici, dijelom i pod optužbom da su krivovjerci jer propovijedaju na jeziku koji Crkva nije odobrila za uporabu u liturgiji, morali povući na jug te su svoju djelatnost najviše proširili u današnjoj Hrvatskoj te u Makedoniji i Bugarskoj.

Prva djela te najranije hrvatske pismenosti potječu iz 11. stoljeća i pisana su glagoljicom, pismom što ga je po uzoru na jedan tip grčkoga alfabeta oblikovao Ćiril i koje je u Hrvata, u početku i kao jedino pismo, bilo u upotrebi nekoliko stoljeća.

Područja na kojima je djelatnost tzv. popova glagoljaša bila najživlja jesu Istra i Kvarner, osobito otok Krk na kojemu je pronađena većina najstarijih hrvatskih glagoljskih spomenika i koji zbog toga često nazivaju kolijevkom glagoljice. Među tim najstarijim spomenicima osobito je vrijedna i zanimljiva čuvena *Bašćanska ploča*, kamena ploča s tekstem jedne samostanske darovnice, nastala oko 1100. godine u Jurandvoru kraj Baške na otoku Krku.

Za hrvatsku jezičnu povijest, ali i za cjelokupnu hrvatsku kulturu posebno je važna činjenica što su se nakon misala, brevijara, lekcionara i ostalih liturgijskih spisa vrlo rano počela javljati i raznolika svjetovna djela (pravni i sudski spisi, raznovrsne darovnice i ugovori te napokon i djela putopisnog odnosno beletrističkog karaktera). Osim toga, vrlo je važna i činjenica što su u ta djela već potkraj 11. stoljeća počeli prodirati elementi narodnog jezika, prije

¹ Riječ je o izlaganju što sam ga 1995. godine održao na Visokoj pedagoškoj školi u Linzu (Austrija). Ovaj je prilog nešto proširena verzija toga izlaganja.

svoga čakavskoga narječja. Na toj će bogatoj tradiciji kasnije izrasti i vrijedna hrvatska književnost 16. i 17. stoljeća, ponajprije ona koja pripada epohi renesanse i baroka i koja kvalitativno ne zaostaje za književnošću tada najrazvijenijih europskih naroda. Misli se u prvom redu na komediografa Marina Držića (npr. na komediju *Dundo Maroje*), epskog pjesnika Ivana Gundulića (npr. ep *Osman*) te na lirika Ivana Bunića Vučića (npr. *Pjesni razlike* ili *Plandovanja*).

Da se doista radi o živoj i bogatoj tradiciji pisane riječi, potvrđuje neizravno i podatak da će Hrvati među prvim narodima u Europi tiskati i knjige na svom materinskom jeziku odnosno na jeziku koji je bio mješavina materinskoga i staroslavenskoga (općeslavenskoga). Prva takva knjiga bio je prvotisak *Misala po zakonu rimskoga dvora* iz 1483. godine (to je prvi europski misal koji nije bio tiskan latinicom i koji nije bio na latinskom jeziku). Nije stoga čudno što Hrvati od svih slavenskih naroda, izuzevši Čehe, imaju najviše inkunabula (tj. knjiga tiskanih prije 1500. godine).

Druga važna osobitost hrvatske jezične povijesti, a i povijesti uopće – regionalizam – u vezi je sa žalosnom činjenicom da je Hrvatska gotovo kroz čitavu svoju povijest bila dijeljena i komadana od raznih susjednih i nesusjednih država – od Italije, Venecije, Austrije, Mađarske i Turske sve do Napoleone Francuske. Samostalna i cjelovita ona nije bila gotovo punih devet stoljeća, sve od 1102. do 1991. Za jezičnu povijest to je naravno bilo presudno i zbog toga što su pojedini vladari nametali i jezike svojih država, a onemogućavali uporabu hrvatskoga, i zbog toga što je rascjepkanost hrvatskoga prostora imala za posljedicu izrazitu teritorijalnu raslojenost samoga hrvatskoga jezika. Koliki su bili razmjeri stranoga utjecaja i regionalizacije, pokazuju i činjenice da se u Hrvatskome saboru hrvatski progovorilo tek u 19. stoljeću te da je cjelovita standardizacija toga jezika provedena tek krajem toga stoljeća.

Jedna od bizarnih posljedica spomenute regionalizacije jest činjenica da se starija hrvatska pismenost i književnost razvijala, jednim dijelom i paralelno, čak na četirima manje ili više različitim idiomima: na staroslavenskom, čakavskom, štokavskom i kajkavskom.

Za razliku od staroslavenskog jezika, koji se nešto duže zadržao samo u liturgijskim knjigama i obredima, čakavsko, štokavsko i kajkavsko narječje i danas su hrvatska (“organskoidiomska”) stvarnost. Čakavski se govori na jadranskoj obali i otocima, kajkavski u sjeverozapadnom dijelu (uglavnom oko Zagreba), a štokavski u najvećem dijelu unutrašnjosti te u cijeloj Bosni i Hercegovini.

Najstarija književnost bila je čakavska, i ona se izravno nastavlja na glagoljašku tradiciju. Glavni je njezin predstavnik Splitsanin Marko Marulić (1450-1524), hrvatski humanist koji je pisao na hrvatskom (čakavskom) i na latinskom jeziku. Najpoznatiji je po epovima *Judita* (na hrvatskom) i *Davidias*, tj. *Davidijada* (na latinskom jeziku). Razdoblje najrazvijenije kajkavske književnosti vezano je za 17. i 18. stoljeće, a štokavska književnost bila je najbogatija i najvrednija u Dubrovniku.

Tijekom 17. stoljeća štokavsko narječje počinje sve više potiskivati čakavsko. To se događalo iz više razloga. Prvi je bio veliki ugled što ga je već u to doba uživala dubrovačka književnost, a drugi djelatnost franjevaca Bosne Srebrene (*Bosnae Argentinae*), čija je provincija do 1735. godine obuhvaćala ne samo današnju Bosnu i Hercegovinu nego i veći dio Slavonije i Dalmacije te dijelove Mađarske, Rumunjske i Bugarske. Franjevci Bosne Srebrene forsirali su štokavsko narječje ponajviše zbog hrvatskoga življa u Bosni, kojemu je čakavsko narječje ipak bilo posve strano. Napokon, jedan od važnih razloga prodora štokavskoga bila je i velika migracija štokavaca iz turskih zemalja. To su bili glavni razlozi što će već prva gramatika Pažanina Bartola Kašića iz 1604. godine s naslovom *Institutionum linguae illyricae libri duo*, koji je inače bio čakavac, biti svjesno štokavizirana. Prevlast štokavskoga narječja nastavlja se kroz cijelo 18. stoljeće da bi nakon ilirskoga pokreta, što je započeo tridesetih godina 19. stoljeća, taj idiom bio i definitivno standardiziran kao književni (standardni) jezik Hrvata.

Donekle slična bila je i situacija s hrvatskim pismima. Kao što je naime hrvatska jezična povijest obilježena tronarječnošću tako je obilježena i tropismenošću. Prvo hrvatsko pismo, kao što je rečeno, bila je glagoljica. Ona je prevladavala do konca 12. stoljeća, a tada se uz nju javlja i ćirilica, posebno u srednjoj i južnoj Dalmaciji (npr. područje Poljica, otok Brač i sl.) te u Bosni i Hercegovini. Na širenje ćirilice najviše su utjecali spomenuti bosanski franjevci, koji su dugo odolijevali prodoru latinice smatrajući da je ona manje prikladna za pisanje na hrvatskome jeziku. Treba posebno napomenuti da ta ćirilica nije bila ista kao današnja, tzv. srpska ćirilica. Bio je to poseban tip tzv. zapadne ćirilice koji se najčešće naziva bosančicom ili bosanicom.

Latinica se u Hrvata javlja relativno kasno, a do potpune njezine prevlasti dolazi tek sredinom 18. stoljeća. Glavni razlozi tome zaostajanju bili su bez sumnje u vezi s činjenicom da je latinica bila najmanje prilagođena fonološkom sustavu hrvatskoga jezika te s već spomenutim regionalizmom. Naime, u južnoj Hrvatskoj latinička se grafija razvijala najviše pod utjecajem talijanskoga jezika, a u sjevernoj Hrvatskoj i Slavoniji najviše pod utjecajem mađarskoga, dijelom i njemačkoga jezika odnosno njihovih grafija. Osim toga, bilo je i različitih kombinacija tih prevladavajućih grafijskih uzusa. Neki grafemi, a posebno *č*, *ć*, *š*, *dž*, *đ* i *ž*, pisali su se i na desetak različitih načina. Definitivna reforma latiničke grafije provedena je tek u 19. stoljeću uvođenjem dijakritičkih znakova, preuzetih u prvom redu iz češkoga slovopisa, i otad je latinica praktično jedino hrvatsko pismo.

Sljedeći fenomen koji će bitno obilježiti i još više zakomplicirati hrvatsku jezičnu povijest novijega doba, negdje od tridesetih godina 19. stoljeća pa sve do naših dana, jest odnos hrvatskoga u srpskoga jezika.

Da bi se taj izrazito netipični i standardološki vrlo zanimljivi odnos mogao koliko-toliko razumjeti, potrebno je prije svega reći nešto i o povijesti srpskoga standardnog jezika. Najvažnija je pritom činjenica da je ta povijest bila bitno različita od hrvatske. Naime, cjelokupna srpska pismenost i kultura

sve do sredine 19. stoljeća vezana je za tzv. crkvenoslavenski odnosno rusko-crkvenoslavenski odnosno srpskokrkvenoslavenski jezik. Bio je to ponešto umjetan spoj staroslavenskoga, srpskoga, a povremeno, u manjoj ili u većoj mjeri, i ruskoga jezika. Takav se jezik u pravoslavnoj liturgiji zadržao sve do danas. Bila je dakle riječ o izrazito “knjiškom” jeziku. Poznavali su ga samo učeniji ljudi, dok je običnom puku bio uglavnom posve nedostupan. Tek u 19. stoljeću, pojavom Vuka Stefanovića Karadžića i njegove jezično-pravopisne reforme, dolazi kod Srba do prave jezično-pravopisne i grafijske revolucije. Tada po prvi put tzv. prostonarodni jezik postaje jezikom knjige i po prvi put se kod Srba počinje raditi na njegovoj standardizaciji. Kod Hrvata se, s druge strane, nije u 19. stoljeću dogodila nikakva revolucija. Oni i danas, uglavnom bez ikakvih poteškoća, čitaju npr. tekstove dubrovačkih pisaca nastale u 16. stoljeću. Štoviše, za normativistički proces u Hrvata moglo bi se reći da počinje negdje s rječnikom Fausta Vrančića *Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum latinae, italicae, germanicae, dalmaticae et ungaricae* iz 1595. godine i spomenutom Kašićevom gramatikom iz 1604. godine.

Prema tome, revolucionarna jezično-pravopisna reforma kod Srba, koja je uključivala i potpunu promjenu idioma kao osnovice za standardizaciju, poklapa se vremenski sa završnom etapom u standardizaciji štokavskoga narječja kod Hrvata. Dogodilo se međutim da su se u tim dvama po mnogo čemu različitim procesima mnoge stvari poklopile. Štoviše, i na jednoj i na drugoj strani za osnovicu standardnoga jezika ne samo da je odabrano isto narječje nego (bar u početku) i isti dijalekt, tj. istočnohercegovačka štokavština. Međutim, već u prvim nastojanjima da se “braća” ujedine u jeziku javljaju se i prve ozbiljnije trzavice, a inicira ih sam V. S. Karadžić ratobornim člankom *Srbi svi i svuda*, u kojem se tvrdi ništa manje nego to da su svi štokavci Srbi (štokavce Hrvate nazivao je Karadžić našom braćom - što je zapravo značilo Srbima - rimskoga zakona), a da su Hrvati samo čakavci (za kajkavce se tvrdilo da su Slovenci). Taj Karadžićev članak na neki je način sve do danas ostao svojevrsnom poveljom agresivnog srpskog nacionalizma. Naime, na tezi o svim štokavcima kao Srbima u velikoj se mjeri zasnivao i posljednji srpski pokušaj prodora na zapad jer se granice velike Srbije, proklamirane u ratu 1991-1995 (koje bi bile na liniji Karlobag, Karlovac, Virovitica), uvelike poklapaju s granicama štokavštine.

Međutim, unatoč povremenim osporavanjima, a zahvaljujući dobu romantike, panslavizma i zaljubljenosti u sve što je narodno, upravo Karadžićeva koncepcija jezične reforme dobiva sve više pristaša, i to baš među Hrvatima. Krajem 19. i na početku 20. stoljeća djeluje u Zagrebu skupina jezikoslovaca (npr. Tomo Maretić, Ivan Broz, Franjo Iveković i drugi) koji zagovaraju dosljedno pridržavanje Karadžićeve koncepcije jezika i pravopisa. Prvotna ilirska koncepcija, prema kojoj je jezičnim zajedništvom trebalo obuhvatiti sve Južne Slavene, uključujući Slovence i Bugare, doživjela je tada definitivni poraz. Ali, unatoč trudu vukovaca do potpunog jezičnog ujedinjenja Srba i Hrvata nije zapravo nikada došlo, a po svoj prilici nije ni moglo doći. Srpska i hrvatska

jezična povijest previše su različite da bi takvo što bilo prirodno. Već su se, između ostalog, bile učvrstile različite tradicije u onome što bismo mogli nazvati procesima standardizacije. Tako su npr. Hrvati internacionalni leksik preuzimali preko latinskog ili preko njemačkoga, a Srbi preko ruskoga ili preko novogrčkoga (za koje ih je posebno vezala pravoslavna tradicija).

Međutim, unatoč svemu tome potpuna jezična unitarizacija uskoro postaje dijelom srpskog političkog programa. Ona je više ili manje aktualna od stvaranja stare Jugoslavije 1918. pa sve do 1991. godine. Ta politika nastoji jezik učiniti što jedinstvenijim, i to gotovo isključivo na račun Hrvata i njihovih jezičnih posebnosti. Sve što je tipično hrvatsko proglašava se dijalektalnim, lokalnim, arhaičnim, regionalnim i sl.

Žestoka reakcija na starojugoslavensku unitarizaciju (koja je bila tako jaka da se službeni jezik u staroj Jugoslaviji jedno vrijeme nazivao srpskohrvatskoslovenačkim) uslijedila je za vrijeme Nezavisne Države Hrvatske kad je uveden i tzv. korijenski pravopis i kad se, dijelom i svjesno, radilo na tome da se jezik Hrvata učini što različitijim od jezika Srba. U tu svrhu uvodile su se i prilično brojne novokovanice, već zaboravljene ili prije neupotrebljavane riječi (naročito u vojno i paravojno nazivlje, npr. *rojnik*, *logornik*, *stožernik*; *samovoz*, *munjovoz*, *krugoval* i sl.).

Naravno, ni protureakcija iza 1945. godine nije bila ni manje žestoka ni manje radikalna. Uglavnom opravdana osuda ustaške jezične politike spretno se iskorištava da bi se “ustaškima” proglasile i one riječi koje Hrvati stoljećima upotrebljavaju kao najobičnije. S druge strane, nitko nikada, ni na hrvatskoj ni na srpskoj strani, nije govorio ni o kakvim “četničkim” riječima iako Srbi također imaju velik broj specifičnosti koje su Hrvatima uvijek bile strane (npr. *ovaplotiti*, *prenebregavati*, *prevashodan*, *sem*, *vaspitanje* i sl.). U takvoj se unitarizaciji išlo čak dotle da su u javnim medijima usred Zagreba pravljene kojekakvi popisi zabranjenih riječi koje novinari ili nisu smjeli upotrebljavati ili su ih morali upotrebljavati ravnomjerno s onima koje su kod Srba bile običnije ili jedino obične. Takve su npr. riječi *tisuća* (prema *hiljada*), *tjedan* (prema *sedmica* ili *nedjelja*), *tijek* (prema *tok*), *siječanj* (prema *januar*), *časnik* (prema *oficir*) itd.

Spomenuta unitaristička nastojanja i formalno su sankcionirana najprije Novosadskim dogovorom, a onda (1960. godine) i Novosadskim pravopisom (prije toga vrijedili su različiti pravopisi, kod Hrvata Boranićev, a kod Srba Belićevo), u kojemu je, između ostaloga, bila ujednačena i ortografska terminologija (npr. umjesto *točke* i *zareza*, kako je bilo u Hrvata, odnosno *tačke* i *zape-te*, kako je bilo u Srba, propisano je za sve *tačka* i *zarez*!).

Nakon sedam godina uslijedila je prilično oštra reakcija s hrvatske strane, i to ne toliko na sam Novosadski pravopis koliko na način(e) njegova primjenjivanja u praksi. Naime, godine 1967. brojna skupina hrvatskih jezikoslovaca, književnika i drugih intelektualaca, među kojima čak i Miroslav Krleža (koga su mnogi smatrali “režimskim” piscem), potpisala je *Deklaraciju o nazivu i položaju hrvatskoga književnog jezika* u kojoj nedvosmisleno osuđuju jezičnu

unitarizaciju i zahtijevaju poštovanje hrvatskih jezičnih posebnosti. Uslijedila je, naravno, žestoka politička kampanja u kojoj su potpisnici *Deklaracije* proglašeni gotovo državnim neprijateljima i doživjeli brojne neugodnosti, od šikaniranja do izbacivanja s posla.

Nakon događaja oko *Deklaracije* dolazi opet do novog vala unitarizacije koji, nakratko prekinut za vrijeme tzv. hrvatskoga proljeća 1971. godine, traje zapravo sve do rata 1991-1995. Neposredno prije rata vođene su npr. brojne polemike o nazivu jezika u Ustavu Hrvatske jer je prijedlog ustavne formulacije sadržavao i naziv *hrvatski književni jezik*, koji je Srbima (posebno Srbima u Hrvatskoj) bio posve neprihvatljiv. Srpska je strana Hrvatima trajno osporavala pravo da svoj jezik nazivaju svojim nacionalnim imenom. Poznati srpski lingvist Pavle Ivić napisao je u to vrijeme kako doduše priznaje da su Hrvati u velikoj većini skloni svoj jezik nazivati svojim nacionalnim imenom, ali da oni naprosto nemaju na to pravo?! Naravno, uporno i agresivno insistiranje na jezičnom "bratstvu i jedinstvu" izazivalo je kod Hrvata povremena odlaženja i u drugu krajnost, što se povremeno događalo i u zadnjem desetljeću. Među takve krajnosti spadaju npr. svjesna ili prikrivena nastojanja da se hrvatski jezik učini što različitijim od srpskoga. Osobno smatram da su takva nastojanja ne samo nepotrebna nego da mogu biti i duboko štetna ponajprije za sam hrvatski jezik i njegovu standardizaciju. Ona su, štoviše, bar jednim dijelom u sukobu i s činjenicama, a jedna je od činjenica (svidjela se ona komu ili ne) da hrvatski i srpski jezik nisu različiti jezici u genetskom smislu, u smislu jezika kao (gramatičkoga) sustava. Ne razlikuju se npr. u sastavu padeža, gramatičkih kategorija, zamjenica, veznika i sl. Tu su činjenicu doduše Srbi stalnim prenaplašavanjem često zloupotrebjavali, ali treba reći da je time nisu učinili manje činjenicom. S druge strane, ne kulturološkoj razini, na razini jezika kao standarda riječ je bez ikakve sumnje o različitim idiomima (posebno kad je riječ o području leksika i/ili terminologije), a tu su opet činjenicu Srbi (misli se u prvom redu na srpske jezikoslovce) svjesno zaobilazili i razlike minimalizirali, dok su je Hrvati, kao što je rečeno, povremeno i prenaplašavali.

To bi u najkraćim, možda i u najkraćim mogućim crtama bio historijat jezika kojim su govorili i govore Hrvati. On je, kao što se moglo vidjeti, vrlo usko povezan s hrvatskom poviješću, pa i s cjelokupnom sudbinom Hrvata i u prošlosti i u sadašnjosti. Sve su velike mijene u povijesti Hrvata bile na neki način povezane i s njihovim jezikom sve od dolaska iza Karpata do naših dana. Slično je uostalom i s drugim narodima, posebice malim. Za male je narode jezik jedna od najvažnijih sastavnica njihova identiteta, pa na određeni način i njihove opstojnosti. Zato su oni u pravilu na sve što se događa s njihovim jezikom nerijetko do te mjere osjetljivi da to netko može doživljavati čak i kao rezultat agresivnog nacionalizma. Međutim, kad se bolje upozna povijest tih naroda, o tome se sudi blaže jer je činjenica da su se mnogi od njih održali baš zahvaljujući spomenutoj osjetljivosti, pa i agresivnosti. Ni Hrvati se u tome ne razlikuju bitno od drugih malih naroda, samo što je njihova jezična povijest ipak umnogome netipična, a u ponečemu i posve samosvojna.

Literatura

- Banac, Ivo: *Hrvatsko jezično pitanje*, prev. I. Matković, Zagreb, 1991.
- Damjanović, Stjepan: *Slovo iskona. Staroslavenska / starohrvatska čitanka*, Matica hrvatska, Zagreb, MMII.
- Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika. Građa za povijest Deklaracije* (pripremila J. Hekman), Matica hrvatska, Zagreb, ³1997.
- Hercigonja, E. *Tropismena i trojezična kultura hrvatskoga srednjovjekovlja*, Matica hrvatska, Zagreb, 1994.
- Jonke, Ljudevit: *Književni jezik u teoriji i praksi*, Znanje, Zagreb, ²1965.
- Katičić, Radoslav: *Nešto napomena o postanku složenoga suvremenog jezičnog standarda hrvatskoga ili srpskoga*, u: R. Katičić: *Novi jezikoslovni ogleđi*, Školska knjiga, Zagreb, 1986, str. 90-138.
- Kombol, Mihovil: *Povijest hrvatske književnosti do narodnog preporoda*, Matica hrvatska, Zagreb, ²1961.
- Moguš, Milan: *Povijesni pregled hrvatskoga književnog jezika*, u: S. Babić i dr.: *Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika. Nacrt za gramatiku*, HAZU – Globus, Zagreb, 1991, str. 15-60.
- Samardžija, Marko: *Hrvatski jezik u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj*, Hrvatska sveučilišna naklada, Zagreb, 1993.
- Vince, Zlatko: *Putovima hrvatskoga književnog jezika*, Zagreb, 1978, ²1990, ³2003.
- Vončina, Josip: *Jezičnopovijesne rasprave*, Liber, Zagreb, 1979.

KÖZÉP-EURÓPA: A KOMPOZÍTUMOS NYELVEK ÖVEZETE

Közép-Európa az Alpok-Adria régiótól a Baltikumig húzódó övezet (PUSZTAY 2003). Nyelviileg tarka képet mutat, hiszen a flektáló típust reprezentáló indoeurópai nyelvcsalád különböző ágait képviselő nyelvek mellett az agglutináló uráli nyelvcsalád egymástól távoli nyelvei – az észt, a lív és a magyar – is megtalálhatók benne. Az évezredek egymás mellett élés, s az ennek következtében végbement hatások eredményeképpen jelentős homogenizálódás figyelhető meg az övezet nyelveiben. A közép-európai homogenizálódás mind a szóképzésben, a frazeológiában, mind pedig a morfoszintakszisban, a morfológiában és a szintaxisban jelentkezik; vö. az igekötőrendszer kialakulását az övezet valamennyi nyelvében, a képzősorozatok lehetőségét, a helyjelölésben megfigyelhető analógiákat, a nyelvfejlés, terminológia-alkotás módjában tapasztalható azonos eljárásokat (összefoglalóan ld. PUSZTAY 2003).

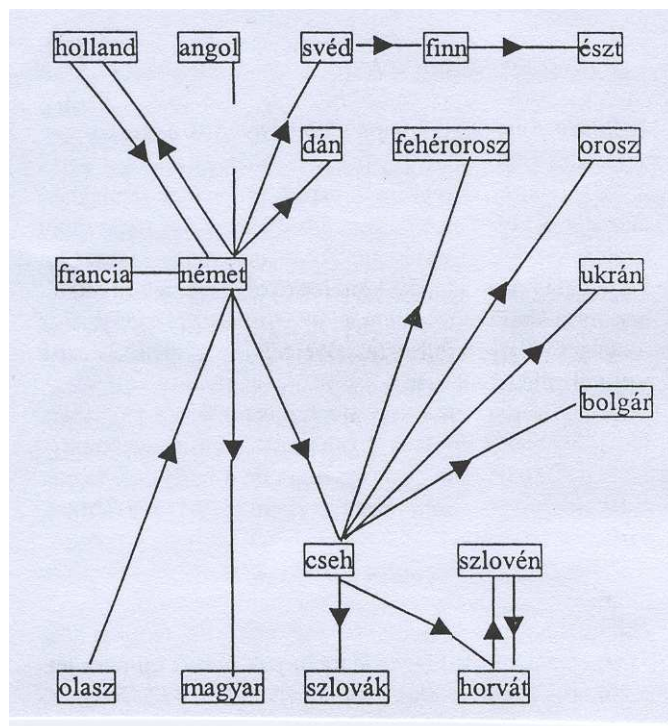
Mindez a homogenizálódás főként a német nyelvnek köszönhető. Hatása nem csupán konkrét nyelvi elemek átvételében nyilvánul meg, hanem az azonos gondolkodásban is – egészen a nyelvfejlés elveinek kialakítását és azok megvalósítását illetően.

Josef DOBROVSKÝ cseh nyelvreformer már 1779-ben, ill. 1780-ban felhívta a figyelmet a német nyelvnek a csehre kifejtett erős hatására.¹ Ha ez a hatás így folytatódik, hamarosan nem csehül, hanem cseh szavakkal németül fognak írni, figyelmeztetett (DOBROVSKÝ 1780, 100).

A magyar nyelvben megváltozott az új szavak alkotásának módja. Míg a 13. században mindössze 4%-uk volt szóösszetétel, a 20. század második felében már 35%, s ezek zöme idegen – többnyire német mintára létrehozott – tükörfordítás (calque) (BENKŐ 1972, 209).

THOMAS a nyelvi purizmus európai elterjedésében is kiemelkedő szerepet tulajdonít a németnek (THOMAS 1991, 200). Mindehhez még azt kell hozzátenni, hogy az észt nem csupán a finnből, hanem – s még nagyobb mértékben – a németből is merített. Hasonlóképpen az általa nem tárgyalt lett is.

¹ "Zudem sind die meisten neuerfundenen Wörter nach der deutschen Etymologie ängstlich geschmiedet, gerade, als wären die deutschen Zusammensetzungen zu Muster vorgestellt" (DOBROVSKÝ 1779, 331). Hasonlóképpen zsörtölődik egy évvel később: "Wer hat es zum Gesetze gemacht, dass es die Böhmen den Deutschen in ihren Zusammensetzungen der Wörter nachmachen sollen?" (DOBROVSKÝ 1780, 94).

A szlovén irodalmi nyelv fejlődésében nagy szerepet játszott a többi szláv nyelv is, elsősorban a cseh és a horvát (GADÁNYI 1996). Ugyanakkor érdemes figyelni azokra a példákra, főként kompozitumokra s némely igekötős származékokra, amelyekben a modellnyelvként szolgáló cseh és/vagy horvát nyelvben meglévő összetett szavak megegyeznek pl. magyar és mindenekelőtt német megfelelőikkel. Abból indulok ki, hogy amennyiben egy szlovén összetett szónak a német megfelelően kívül csak horvát és/vagy cseh pontos megfelelője van, az a kompozitum közvetlen vagy közvetett német hatásra jött létre.²

A következő példasort GADÁNYI Károly említett monográfiájának appendixe alapján állítottam össze. (A példák előtti szám a szónak az appendixben elfoglalt helyére utal.)

64. *človeko/ljubje* 'ember/szeretet', vö. horvát *čověko/ ljubje*, valamint német *Menschen/liebe* (i.m. 241);

95. *drevo/delec* 'fa/munkás', vö. cseh *dřevo/dělnik*, valamint német *Holz/arbeiter* (i.m. 245);

² Közvetett hatásról akkor beszélünk, ha pl. a szlovén szó cseh és/vagy horvát mintára jött létre, de az átadó vagy mintaként szolgáló szláv nyelvben az adott kompozitum német hatásra keletkezett. Az adott vizsgálat szempontjából ez lényegtelen körülmény.

143. *jeziko/znanstvo* 'nyelv/tudomány', vö. horvát *jeziko/znanstvo*, valamint német *Sprach/kunde*, ill. *Sprach/wissenschaft* (i.m. 249);
431. *pred/soba* 'elő/szoba', vö. horvát *pred/soba*, valamint német *Vor/zimmer* (i.m. 276);
466. *prirodo/znanstvo* 'természet/ismeret', vö. cseh *přírodo/sloví*, valamint német *Natur/kunde* (i.m. 279);
495. *proti/dokaz* 'ellen/bizonyíték, ellen/érv', vö. cseh *proti/důkaz*, valamint német *Gegen/beweis* (i.m. 282);
498. *proti/slovje* 'ellent/mondás', vö. horvát *proti/ slovje*, valamint német *Wider/spruch* (i.m. 228);
515. *rastlino/pis* 'növény/leírás', vö. cseh *rostlino/pis*, valamint német *Pflanzen/beschreibung* (i.m. 284);
540. *roko/pis* 'kéz/írat', vö. horvát *ruko/pis*, valamint német *Hand/schrift* (i.m. 286);
545. *samo/glas* 'magán/hangzó', vö. cseh *samo/hláska*, ill. szlovén *samo/glasnik*, vö. horvát *samo/glasnik*, valamint német *Selbst/laut* (i.m. 286);
573. *slono/kosten* 'elefánt/csont-', vö. cseh *slono/kostní*, valamint német *elfen/beinern* (i.m. 289);
618. *sredo/gorje* 'közép/hegység', vö. cseh *středo/hoři*, valamint német *Mittel/gebirge* (i.m. 293);
637. *straž/mešter* 'őr/mester' (ld. arch. strázsa/mester), vö. cseh *stráž/mistr*, valamint német *Wacht/meister* (i.m. 295);
652. *svetlo/tisk* 'fény/nyomat', vö. cseh *světlo/tisk*, valamint német *Licht/druck* (i.m. 296);
721. *veliko/mesten* 'nagy/városi', vö. cseh *velko/městský*, valamint német *groß/städtisch* (i.m. 302);
722. *vero/dostojen* 'hitelt érdemlő, szavahihető', vö. horvát *vjero/dostojan*, valamint német *glaub/würdig* (i.m. 302);
723. *veselo/igra* 'víg/játék', vö. cseh *veselá hra*, valamint német *Lust/spiel* (i.m. 302);
762. *v/tisk ~ v/tisek* 'be/nyomás', vö. cseh *vý/tisk*, horvát *u/tisak*, valamint német *Ein/druck* (i.m. 306);
763. *v/tok* 'be/folyás', vö. horvát *u/tok*, valamint német *Ein/fluß* (i.m. 306);
764. *v/vod* 'be/vezetés', vö. cseh *ú/vod*, valamint német *Ein/leitung* (i.m. 306).

Az azonos gondolkodásmód jellegzetes bizonyítéka az összetett szavak azonos képzési módja. Az eljárás valószínű előfeltétele egy domináns nyelv megléte, amely példaként szolgál az adott régió többi nyelve számára. A borostyánkőút-övezetben ez a meghatározó nyelv a német, a finn esetében többnyire a svéd. A germán hatásnak köszönhetőek az olyan magyar–finn egybeesések, mint *tej/fog ~ maito/hammas* – vö. német *Milch/zahn*, *bölcsesség/fog ~ viisauden/hammas* – vö. német *Weisheits/zahn* stb. Az ilyen és hasonló köl-

sönfordítások gyakran ún. europizmusok (HAKULINEN 1968, 392). PAULEY (1980) több mint 300 kizárólag főnévi tükörfordítást gyűjtött össze a finnből, az észtből és a magyarból.

A lettben az összetett szavak változatos módon képezhetők. Az összetétel névszói első tagja állhat – a hímnemű genusmutatót nélkülöző – nominatívuszban vagy genitívuszban.

Az összetett főnevek első elemei különböző szófajokhoz tartozó szavak lehetnek, pl.

főnév: *galva* 'fej, fő' (*galvas* 'GenSg') + *pilsēta* > *gal-vas/pilsēta* 'főváros';
melléknév: *vec(s)* 'öreg' + *tēvs* 'apa' > *vec/tēvs* 'nagyapó';
számnév: *pirm-* 'első' + *diena* 'nap' > *pirm/diena* 'hétfő';
névmás: *paša-* 'saját' + *portrets* 'arckép, portré' > *paš/portrets* 'önarckép'; *viņū* 'az övék' + *pasaule* 'világ' > *viņ/pasaule* 'túlvilág';
ige: *dzīvot* 'élni' + *griba* 'akarás' > *dzīvot/griba* 'élni-akarás' (NĪTIŅA 1998, 74-75).

Az összetett melléknevek első eleme:

melléknév: *kurls* 'süket' + *mēms* 'néma' > *kurl/mēms* 'süketnéma';
főnév: *miers* 'béke' + *mīlīgs* 'kedves, puha, édes' > *mier/mīlīgs* 'békeszerető';
számnév: *seši* 'hat' + *gadīgs* 'éves' > *sešgadīgs* 'hatéves';
névmás: *pats* 'önmaga' (*paša* 'GenSg') + *kritisks* 'kritikus' > *paš/kritisks* 'önkritikus' (NĪTIŅA 1998, 84-85).

Az észtben az összetett szót alkotják nominatívuszi alakok (*raud* 'vas' + *tee* 'út' = *raud/tee* 'vasút'). Az első tag gyakran áll valamely függő esetben, pl. genitívuszban (*tānav-a/kingad* 'utcai cipők'), inesszívuszban (*teatri-s/küimine* 'színházi látogatás'), allatívuszban (*maa-le/sõit* 'vidéki utazás') stb. (EKG 411-412).

A térség szláv nyelveit illetően ld. a fentebb idézett példákat.

Irodalom

- BENKŐ, Loránd (1972): *The lexical stock of Hungarian*. – In: BENKŐ, Loránd – IMRE, Samu (1972): *The Hungarian language*. Mouton, The Hague & Paris
- DOBROVSKÝ, Josef (1779): *Böhmische Litteratur auf das Jahr 1779*. Praha
- DOBROVSKÝ, Josef (1780): *Böhmische und Mährische Litteratur auf das Jahr 1780*. Praha
- EKG I: EREL, Mati – KASIK, Reet – METSLANG, Helle – RAJANDI, Henno – ROSS, Kristiina – SAARI, Henn – TAEL, Kaja – VARE, Silvi (1995): *Eesti keele grammatika I. Morfoloogia. Sõnamoodustus*. Tallinn
- GADÁNYI, Károly (1996): *The evolution of vocabulary in literary Slovenian*. Melbourne, Academia Press
- HAKULINEN, Lauri (1968³): *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. Helsinki

- NITŪA, Daina (1998): *Könyv a lett nyelvről*. Folia Bal-tica 1, Szombathely
- PAULEY, Douglas Ronald (1980): *German Loan Trans-lations in Estonian, Finnish and Hungarian*. Phil. Diss. Indiana University
- PUSZTAY János (2003): *Közép-Európa: nyelvi konvergenciáj. Fejezetek a nyelvi egységesülés vizsgálatához*. – Dissertationes Savarienses 30, Szombathely
- THOMAS, George (1991): *Linguistic purism*. London

Antonio Donato Sciacovelli (Szombathely)

PAROLE E PIETRE:
IL MITO DI SISIFO, TRA VITA E LETTERATURA, IN *FIASCO*, DI
IMRE KERTÉSZ

Il romanzo *A kudarc* è stato pubblicato in Ungheria nel 1988¹, e si suole considerarlo come il secondo della cosiddetta *trilogia*, che comprende *Sorstalanság* (1975) e *Kaddis a meg nem született gyermekért* (1990)²: questi ultimi mesi, a partire dall'ottobre del 2002, quando si è diffusa la notizia dell'attribuzione del premio Nobel per la letteratura allo scrittore budapestino, hanno visto l'attenzione del pubblico e dei critici letterari concentrarsi soprattutto sulla prima delle tre opere, che viene addirittura considerata da molti il vero capolavoro di Kertész (v. la sintesi di Szirák in 2003:104), mentre molto meno si sente parlare del resto della sua produzione letteraria, in special modo di questo secondo romanzo che rappresenta sicuramente un momento di maggiore maturità poetica dello scrittore, anche per la complessità dei temi che affronta.

Lo stesso Kertész, nella scheda apparsa nella prima edizione del romanzo, sottolinea che *deve una spiegazione a quanti scopriranno che il romanzo che si nasconde nel romanzo in questione, è Essere senza destino. Essi hanno ragione, ma non devono dimenticare di trovarsi di fronte ad un romanziere, che ha reso il suo romanzo protagonista del proprio romanzo: è diverso, dunque, quel romanzo qui imprigionato fra le mura*³ *di questo romanzo, rispetto a quello che il lettore ha conosciuto quando esso era libero di librarsi.* (in Teslár 2002:151) In questa maniera, oltre a presentare uno degli aspetti più interessanti della sua opera, è a dire la presenza di un protagonista che altro non è che un romanzo da lui precedentemente scritto, l'autore ci introduce in un motivo sorprendentemente ripetitivo (nel romanzo), quello dell'imprigionamento entro delle mura, e di conseguenza della materialità del muro, della pietra come elemento basilare per la lettura "ciclica" dello scritto. Come ha sottolineato – non lapalissianamente – Gábor Vaderna nella sua analisi, nel romanzo che si intitola *A kudarc* ed è apparso nel 1988, possiamo leggere un romanzo intitolato *A kudarc* (2002:137): l'azione comincia infatti con il protagonista, il Vecchio, che

¹ Undici anni dopo ne è apparsa la traduzione tedesca, per i tipi della berlinese Rowohlt, mentre in Italia il romanzo verrà pubblicato nel corso del 2003 dalla Feltrinelli.

² Il primo romanzo di Kertész è stato pubblicato nel 1999 in traduzione italiana – dal tedesco – dalla Feltrinelli, mentre il terzo ed ultimo della trilogia, anche se tradotto da Mariarosaria Sciglitano, non è stato ancora edito.

³ Il grassetto è mio (A.D.S.)

...stava in piedi davanti al secrétaire. Pensava. Era mattina (relativamente presto, potevano essere le dieci). A quell'ora il vecchio era solito mettersi a pensare.

Ne aveva di problemi e di pensieri, il vecchio, aveva dunque di che pensare.

Ma non pensava, il vecchio, a quello a cui avrebbe dovuto pensare.

Né possiamo sapere precisamente a cosa pensasse. Che stesse pensando, si vedeva chiaramente, ma i suoi pensieri non trasparivano. È anche possibile che non stesse affatto pensando. Ma era mattina (relativamente presto, potevano essere le dieci), ed era sua abitudine, a quell'ora, pensare. Il vecchio era talmente incallito nel pensare, che in quei momenti era capace di destare l'impressione di star pensando, anche quando non pensava, sebbene potesse darsi l'eventualità che egli stesso immaginasse di star pensando. Questa è la verità, non c'è nulla da nascondere.⁴ (5)

Questo incipit potrebbe indicare al lettore quale potrà essere il *modus scribendi* che ci condurrà fino alla fine del libro: invece ci sbagliamo, perché stiamo semplicemente entrando nel momento della “creazione” del libro, anche se in effetti “è già iniziato”!

L'autore, dunque, dirige subito lo sguardo del lettore sull'unico possibile – in quel momento – rivale (e lo intendiamo in senso etimologico!) del protagonista, il secrétaire, e di lì agli altri elementi del mobilio della stanza in cui il Vecchio si trova:

Non possiamo evitare di accennare, a questo punto, al secrétaire.

Secrétaire che era il diretto successore di quella libreria ad angolo le cui due propaggini occupavano l'angolo sudoccidentale della stanza che con il lato che dava sulla strada si volgeva a occidente, per essere precisi dal margine meridionale della finestra posta in direzione sud-nord, fino all'angolo, nonché dal cassettono posto sotto il muro che correva in direzione est-ovest, anche qui spingendosi fino all'angolo, verso ovest, accanto ad un oggetto della parete lungo circa 120 centimetri, l'utilità del quale oggetto nessuno aveva potuto mai chiarire, e che veniva ricoperto (quasi pudicamente) da un foglio di compensato (accessorio integrante della libreria) ad esso incollato (e con un'incollatura vistosamente di pessima qualità), se non fino al soffitto, almeno per tutta la lunghezza – due metri abbondanti, cioè – della libreria.

Una volta che ci siamo spinti in questi particolari, non possiamo tacere il fatto che la libreria sinora citata era stata realizzata dal vano portabiancheria di due divanetti preesistenti, sulla base dell'ingegnosa trovata di un falegname operante nei paraggi, mentre un tappezziere di paraggi più distanti aveva creato, dalla tappezzeria di quegli stessi

⁴ Le traduzioni dei brani citati da *A kudarc* sono a cura dell'autore del presente saggio: i riferimenti tra parentesi, essendo la traduzione ancora inedita, si intendono alle pagine della edizione ungherese (Kertész Imre, *A kudarc*, Magvető, Budapest, 2000)

divanetti, due moderni sofà che, seppure adorni di nuova tappezzeria, fanno ancora adesso mostra di sé negli angoli occidentale ed orientale della parete settentrionale della stanza. (5-6)

Superfluo appare sottolineare come la precisione maniacale dei dettagli, che non ci lascia per tutta questa prima parte, voglia negare la convenzione descrittiva del realismo narrativo, proprio alterando le proporzioni discorsive della narrazione stessa (v. Szirák 2003:107): tralasciando per un momento l'icasticità di questa ironia che in parte era già presente nel primo romanzo di Kertész – ed a cui si accennerà proprio in questo romanzo –, vorremmo richiamare l'attenzione sulla citazione maniacale degli elementi architettonici, anzi diremmo meglio edilizi, dell'ambiente entro cui vive – e scrive – il Vecchio. Si tratta soprattutto di angoli, di sporgenze, di rientranze, di muri e di vani di porte, che oltre a delimitare uno spazio preciso, costituiscono l'alveo in cui si inseriscono i mobili che pure hanno una funzione primaria nella narrazione: tali elementi conferiscono all'ambiente un particolare "clima", arrivando persino a condizionare l'incedere in esso di chi vi abita:

L'ingresso, sito sulla direttrice est-ovest (dalla porta d'ingresso) e che grazie ad una porta dai vetri di cattedrale divisa in due al centro da un'assicciola smaltata (per essere più precisi, evitando questa porta sempre aperta – a causa della mancanza d'aria dell'ingresso) portava fino alla stanza-soggiorno, e sul lato meridionale al cucinino, era delimitato dalle porte che si aprivano sul bagno in direzione ovest rispetto al cucinino, mentre la superficie di muro ancora libera verso occidente, per circa 80 cm. di lunghezza, dava spazio ad un attaccapanni da ingresso (con portacappelli).

La parete settentrionale dell'ingresso era ricoperta per tutta la sua lunghezza, da una porta all'altra, da una piacevole tenda di materiale cartonato, dietro la quale una ingegnosa struttura di attaccapanni e mensole cercava di far dimenticare i due guardaroba (...)

E così siamo arrivati alla porta dai vetri di cattedrale divisa in due al centro da un'assicciola smaltata, attraverso la quale porta (per essere più precisi, evitando questa porta sempre aperta – a causa della mancanza d'aria dell'ingresso) possiamo entrare nella stanza-soggiorno. (9-10)

Si era già fumato la prima sigaretta (andando avanti e dietro tra la finestra che si apriva ad ovest e la porta d'ingresso chiusa ad est) (camminando appena un po' sul fianco nella strettoia formata dalla piacevole tenda di materiale cartonato che ricopriva il muro settentrionale dell'ingresso, e dalla porta aperta del bagno) (porta che, si deve sapere, era sempre aperta, per via della ventilazione, essendo il bagno anche meno ventilato dell'ingresso privo di ventilazione). (15)

Dopo alcune pagine di fitta e reiterata descrizione di tutto quanto il Vecchio incontra con lo sguardo muovendosi per il minuscolo appartamento in cui vive

con sua moglie, finalmente veniamo iniziati alle vere ragioni per le quali il Vecchio stava, in quel momento, pensando:

Ebbene sì: già da tempo avrebbe dovuto mettersi a scrivere un libro – questa è la verità, non c'è nulla da nascondere.

Il vecchio, infatti, scriveva libri.

Era questa la sua professione.

Anzi – per essere più precisi – era andata così, che questa era diventata la sua professione (in quanto altra professione non aveva).

Aveva già scritto diversi libri, prima di tutto il primo: a quel libro (in quanto allora scrivere libri non era ancora la sua professione, ed il libro l'aveva scritto soltanto, per così dire, per un proprio capriccio personale) ci aveva lavorato per un decennio buono, dopo di che solo tra circostanze quanto mai difficili – e dopo altri due anni di attesa – il manoscritto era stato dato alle stampe; per il secondo libro erano bastati quattro anni; per gli altri poi (in quanto allora scrivere libri era già la sua professione, anzi – per essere più precisi – era andata così, che questa era diventata la sua professione) (in quanto altra professione non aveva) aveva impiegato soltanto il tempo strettamente necessario a compilarli, essenzialmente a seconda del loro spessore – perché (visto che ormai era andata così, che questa era diventata la sua professione) doveva fare di tutto per produrre libri possibilmente nutriti, per il proprio interesse, in quanto che l'onorario pagato per un libro voluminoso era più voluminoso di quello pagato per un libro più sottile, per cui – in quanto più esile – anche l'onorario è più esile (a seconda dell'esilità) (e indipendentemente dal contenuto) (ai sensi del decreto sulle condizioni contrattuali dell'editoria e sui diritti d'autore, n. 1 del 20/III/1970, decreto del ministro degli affari culturali – di comune accordo con il ministro delle finanze, con il ministro del lavoro, con il presidente dell'Ente Nazionale Materiali e Prezzi, e con il Consiglio Nazionale dei Sindacati).

E non è che il vecchio bruciasse dalla voglia di scrivere un altro libro.

Piuttosto, era già da un pezzo che non usciva un suo nuovo libro.

E se le cose continuavano ad andare così, lo avrebbero dimenticato ben presto.

Cosa che – in se stessa – ad ogni modo non dava affatto fastidio al vecchio.

Ma – e proprio qui casca l'asino – da un determinato punto di vista avrebbe dovuto comunque dargli fastidio.

Ancora pochi anni, e avrebbe raggiunto il limite d'età necessario per diventare uno scrittore in pensione (uno scrittore, dunque, che con le sue opere aveva meritato di non dover più scrivere libri) (anche se avrebbe comunque potuto farlo, in seguito, se ne avesse avuto voglia).

Dunque, era questo lo scopo vero e proprio della sua attività letteraria – se si esimeva da ogni genere di nebuloso riferimento, per richiamarsi alla solidità, alla tangibilità.

Per non dover dunque più scrivere libri, avrebbe dovuto scriverne ancora qualcuno.

Possibilmente quanti più possibile.

Se infatti non aveva perso di vista il fine vero e proprio della sua attività letteraria (quello cioè di poter diventare uno scrittore in pensione, uno scrittore, dunque, che con le sue opere aveva meritato di non dover più scrivere libri), doveva temere che il fatto che il suo nome stesse cadendo nell'oblio, avrebbe potuto influire in misura della caduta nell'oblio – dunque in misura negativa – sugli elementi determinanti per la pensione (elementi riguardo ai quali non disponeva di informazioni precise, è vero, ma in qualche modo il suo ragionamento – forse non privo di logica – era che essendo l'onorario maggiore per un libro più voluminoso, allora ad un numero maggiore di libri sarebbe corrisposta una pensione maggiore) (il che, certo – come abbiamo già ricordato – in mancanza di informazioni precise era soltanto supposizione del vecchio, anche se tale supposizione non era forse del tutto illogica). (17-18)

Oltre alle considerazioni naturalmente fatte e da farsi sull'ironia di queste dichiarazioni, e su quanto possano rivelarsi fatidiche per un autore cui (quattordici anni dopo l'apparizione di questo libro) è stato attribuito addirittura il premio Nobel, ci sembra importante ricordare che proprio in queste frasi riconosciamo – per la prima volta nel romanzo – il senso della condanna al gesto inutile e ripetitivo, caratteristica del mito di Sisifo: *Per non dover dunque più scrivere libri, avrebbe dovuto scriverne ancora qualcuno*. La rappresentazione mitologica viene privata, è vero, della dimensione dell'immortalità, della ripetizione all'infinito, ma riappare di lì a poco, appena entriamo nel mondo “nascosto” – nel secrétaire! – dello scrittore, popolato di carte, appunti, abbozzi, ma soprattutto di un raccoglitore, di una cartella grigia contenente delle “carte” particolarmente importanti:

Su questa cartella grigia, a mo' di fermacarte, un'altrettanto grigia – sebbene di un grigio più scuro – pietra giaceva (o si ergeva) (o tondeggiava) (a seconda del lato da cui guardiamo), dunque una pietra di forma irregolare, riguardo alla quale non possiamo dir nulla di rassicurante (come, per esempio, che si trattasse un parallelepipedo poliedrico) (nulla, dunque, che riesca in maniera tanto propizia a conciliare lo spirito umano con gli oggetti – senza che li comprenda davvero –, qualora essi corrispondano almeno ad una sua costruzione familiare, e sono per tanto ritenuti sistematizzati) essendo che questa pietra, con le punte, gli angoli, le creste, le bombature, le striature, le fratture, le sporgenze, le ammaccature, ancora presenti o già consunte, era tanto irregolare, quanto può esserlo soltanto una pietra, di cui non si può mai sapere, se sia un pezzo distaccatosi da una pietra più grande oppure, al contrario, il pezzo che rimane di una pietra più grande, pietra più grande che però – come la roccia per il monte – certamente è stata parte di una pietra ancora più grande (ma infine ogni pietra ci spinge immediatamente a delle riflessioni sulla storia antica) (e questo non è il nostro fine) (sebbene sia difficile resistere) (soprattutto se abbiamo a che fare con una pietra, che) (in direzione di origini, fini, densità e unità)

(finali o piuttosto originali) (spinge la nostra immaginazione fallimentare, a che infine ritorniamo all'impotente) (ma almeno della dignità apparente del sapere investita) (nostra insipienza, come per altro, anche riguardo a questa pietra, di cui non si può sapere, se sia un pezzo distaccatosi da una pietra più grande, o al contrario, il pezzo che rimane di una pietra più grande). (22-23)

La pietra, che sta sopra il raccoglitore come per impedire – con la sua materialità cieca e grigia – che il materiale mnemonico in esso contenuto possa disperdersi, richiama subito alla mente l'immagine della lapide, del sasso che si pone sulla sepoltura per ricordare l'estinto⁵, anche se il turbinio di frasi che ad essa sono dedicate, vuole avvicinarla agli altri oggetti descritti sinora nel romanzo (le pareti, i mobili, etc.), se questa pietra non tornasse alla fine del romanzo:

Ha trasformato in un oggetto la propria persona, il suo testardo segreto l'ha diluito facendolo divenire una generalità, la sua realtà indicibile l'ha fatta evaporare in gesti. L'unico romanzo possibile per lui sarà un libro tra i libri, che condividerà la stessa sorte degli altri libri, aspettando che su esso cada lo sguardo del raro acquirente. La sua vita diventerà quella di uno scrittore, che scrive, scrive i suoi libri, fino a che non deruba completamente se stesso e non si purifica diventando un nudo scheletro, liberandosi dai fronzoli superflui: dalla vita. Sisifo – dice il racconto – dobbiamo immaginarcelo felice. Certo. Ma anche lui è minacciato dalla misericordia. Sisifo – e l'arbeitdienst – sono eterni, è vero; ma la roccia non è immortale. Attraverso un cammino aspro, in tanti ruzzolamenti, prima o poi si consuma, e Sisifo un bel giorno si scopre a fischiettare distratto ed a scalciare davanti a sé, nella polvere, niente più che un sassetto grigio.

*E cosa ne può fare? Chiaramente si piega, se lo mette in tasca, se lo porta a casa – dato che è suo. Nelle sue ore vuote – ed ora lo aspettano soltanto ore vuote – lo tira fuori ogni tanto. **Mettersi a far finta** di farlo ruzzolare su, verso l'alto delle vette, sarebbe ridicolo: ma con i suoi occhi vecchi velati dalla cataratta, può osservarlo, come se anche adesso ne considerasse il peso, e la presa. Ci avvolge sopra le dita tremanti ed insensibili, e sicuramente lo impugna ancora nel momento dell'ultimo, estremo slancio – quando senza vita cade dalla sedia posta di fronte al secrétaire. (401)*

Nel momento in cui il cerchio si chiude, la pietra è diventata un innocuo sassolino, che però conserva in sé qualcosa del masso spinto su da Sisifo: il cerchio si chiude su tutta una serie di *fallimenti* che pure vengono illuminati dalla scrittura, che coinvolge in qualche maniera tutti i personaggi dell'opera, e l'opera stessa, intesa come attività, se la madre del Vecchio, partendo da una sua particolare concezione della carriera letteraria (v. a proposito VADERNA 2002:139,

⁵ Sappiamo quanto sia peculiare della cultura ebraica il rito di deporre delle piccole pietre sui monumenti funebri.

n.3) infierisce sul figlio (*Cadi sempre più in basso: prima scrivevi commedie, poi un romanzo, e adesso sei ridotto alle traduzioni* (107)), assimilando il movimento figurato della “carriera” a quello della discesa di Sisifo dietro la pietra rotolante, ed insieme associando i diversi generi ad una diversa “categoria di rendimento economico”, in sincronia con la banalizzazione del realismo descrittivo riconosciuto in precedenza, e con la presenza del “pettegolezza” che occupa gran parte delle conversazioni tra il Vecchio e sua moglie, anche lei, nella “cornice”, figura depositaria del tramite dello scrittore con il mondo esterno ed insieme contraltare pratico alla volontà di chiudersi in casa a scrivere di suo marito: il suo mestiere, legato al commercio ed al contatto con la gente, si contrappone in maniera stridente all’idea di non scrivere per gli altri, all’abitudine di non incontrare gli altri, e proprio nel sogno che la donna ci racconta, le due tendenze opposte si scontrano o – addirittura – si conciliano, pur nella mostruosità di quanto viene descritto:

– *Insomma, l’essenziale è che lavoravo in un immenso complesso, nel settore della ristorazione: sei piani e muri di mattoni rossi, come – aspetta... come un carcere. Ma certo. Da ogni piano veniva una musica a tutto volume, soprattutto musica tzigana. Io lavoravo sulla terrazza dell’attico. Il locale era pieno come un uovo. Portavo piatti di porcellana pesantissima, e sui vassoi dodici bottiglie di birra. La cucina stava al pianterreno: da lì dovevamo portare su tutto, e personale quasi non ce n’era. Eravamo nei guai, la gente dai tavoli gridava e ordinava; i posacenere pieni di mozziconi, dalle tovaglie piene di macchie di grasso colavano sul pavimento gli avanzi delle bevande. C’era una luce strana, rossa, come talvolta quella dei tramonti estivi. Correvo da un cliente all’altro, sudavo come una fontana, ma nel frattempo sentivo di non condividere più nulla con tutto questo.*

– *La signora Boda tintinnava accanto a me, portava addosso un costume popolare ungherese. Aveva un gilet rosso, la crestina in testa, una gonna tricolore sulle natiche immense. Portava un piatto enorme, che quasi ci stramazza sotto. “E d’inverno, nelle tempeste di neve, come fate?” – mi ha chiesto ansimante. “Questi sono affari vostri, ormai” – le ho detto. E solo allora ho visto che la crestina era scesa quasi fin sulle orecchie, ed il sudore che scendeva a fiumi, lavando il belletto, le rigava di nero e rosso il volto. Mi sono messa a ridere, ma tanto da dovermi sedere e poggiare il vassoio a terra. Mi sono slacciata anche le scarpe – indossavo le mie solite scarpe alte allacciate, quelle da lavoro –, perché qualcosa mi dava fastidio ad un piede. Era una moneta da dieci fiorini: in quella grande confusione doveva essermi finita chissà come nella scarpa. Al che uno si è messo a gridare, rivolto a me: “Le faccio vedere io cosa significa l’ordine, segnerò il suo comportamento nel libro dei reclami!” Sapevo che si trattava del vicecomandante, solo non sapevo di quale comandante fosse il vice. E gli ho detto: “Mi fa un piacere, signore: io ho già la mia condanna a morte!” – e gli ho fatto vedere la sentenza. La prende, la legge, ma durante la lettura gli occhi quasi gli escono fuori dalle orbite. “Così è diverso!” – dice poi. D’un tratto balza*

in piedi, sbatte i tacchi, e fa come se volesse salutare, ma si limita a fare un cenno con la mano. E mi fa anche l'occhiolino, ma in qualche modo con tristezza.

– Al che, da non so dove, spunta fuori la nuova direttrice in capo, la bionda. La faccia bianca come la cera, la sigaretta affacciata dall'angolo della bocca, si mette a sibilarmi nell'orecchio: "Non puoi andartene! Non ho personale, questo giorno devi scioppartelo tutto tu!" Sentivo persino la puzza di grappa di ciliegie che le usciva di bocca; come nella realtà. E le dico: "Anche tu puoi farmi lo stesso piacere: io sono libera, ormai, ecco qua la sentenza!" Mi son tolta il grembiule, e gliel'ho scagliato ai piedi, con tutte le monete che tintinnavano nella tasca. Sapevo che così sarebbe finita la musica. Non mi ero mai sentita tanto leggera, in vita mia. Mi sono avvicinata alla ringhiera. Ho visto una folla sterminata accalcarsi di sotto: tutti volevano entrare, mangiare e bere, e sciamavano anche da lontano, in file lunghe e nere, come le formiche. Stava facendo scuro. Sotto i miei piedi l'intero edificio formicolava e brulicava, come un alveare. La musica andava, si mangiava e beveva, alcuni si erano ubriacati e canticchiavano allegramente. Il personale correva all'impazzata tra i clienti: rapidissimi i camerieri posavano cibo e bevande, e giù di corsa per le scale, nella cucina invisibile. Di lì continuava a sgorgare il mangiare, e la cosa più strana era che sapevo non c'era personale in cucina, e che la cosa sarebbe durata solo fino a quando i capi avrebbero potuto riscaldare le eccedenze.

– Non riesco a raccontartelo come vorrei...

– Parecchi dettagli non me li ricordo nemmeno...

– Mi devo preparare: stai a vedere che faccio pure tardi...

– A dire il vero è stato un brutto sogno, ma non tanto brutto quanto il risveglio – terminò di dire (a conclusione) la moglie del vecchio. (123-125)

La condanna a morte, la monetina nella scarpa – immagine moderna ed insolita, assurda e paradossale – del *sassolino nella scarpa*, la similitudine con la prigione – che ritornerà alla fine del romanzo – sono tutti riferimenti alla traslazione della condanna sisifea, che acquista ora la sua dimensione di infinitudine nella turbinante descrizione della folla che mangia e beve, dei camerieri che non si fermano mai – e vanno su e giù di corsa per le scale! – e del cibo e delle bevande che *sgorgano*, dunque vengono emessi da una sorgente miracolosa, come del resto tutte le energie coinvolte in questo sogno di dinamismo inarrestabile ed inumano, che potremmo addirittura interpretare come una prefigurazione della situazione attuale dell'umanità, condannata a morte eppure sempre impegnata a consumare e far consumare, nella prigione "ambientale" che giorno dopo giorno si costruisce, e che sempre più viene asservita esclusivamente a due scopi, la nutrizione ed il divertimento. Eppure, nel riferimento alla moneta nella scarpa ed alla condanna a morte che esiste parallelamente a questo movimento incessante che si verifica nel ristorante-prigione, troviamo il momento della svolta, quello in cui il Vecchio, subito dopo aver ascoltato il sogno (*non tanto*

brutto quanto il risveglio), si decide a cominciare la scrittura del romanzo intitolato *A kudarc*.

Il romanzo è articolato in otto capitoli, dato che quello che figura come nono capitolo, in realtà non è altro che il punto di unione del ciclo che racchiude, partendo dalla “cornice”, i capitoli della narrazione vera e propria: in ognuno di essi assistiamo a delle “fasi”, a delle “stazioni” dell’avventura di un uomo, Köves, il cui nome è direttamente legato al concetto di *pietra*⁶, e si riallaccia chiaramente al personaggio di György Köves, l’adolescente protagonista di *Essere senza destino*. Questo romanzo si concludeva raccontando gli incontri del giovane, appena tornato a Budapest dopo la fine della guerra, con un giornalista e con i vicini di un tempo, i signori Steiner e Fleishmann: preso in contropiede dall’entusiasmo del giornalista e dalla rassegna “armata” dei due vecchi, il giovane “invecchiato” dalle esperienze dei campi di concentramento e di un malessere fisico prolungato, si trincerava dietro un odio di cui non esisteva traccia nelle pagine precedenti, l’odio puro e semplice, di fronte al quale non è ragionevole argomentare. L’alternativa che György Köves propone è la possibilità di raccontare della *felicità dei campi di concentramento*: non è soltanto la sconvolgente provocazione del narratore a colpire il lettore, ma quella *sensazione di straniamento* che proviene dall’accostamento dei termini, a rendere davvero problematico l’atteggiamento del protagonista-narratore-autore: di fronte all’abolizione del momento patetico del ritorno a casa, dell’incontro commovente con i sopravvissuti, il lettore si sente spiazzato, né riesce a trovare una spiegazione a questa conclusione “insolita”. Nel corso del capitolo che costituisce la “cornice” del secondo romanzo di Kertész, incontriamo il giudizio preliminare della “critica letteraria”, ovvero la lettera che il Vecchio riceve dall’editore a cui aveva proposto il suo manoscritto, con la quale gli vengono comunicate le ragioni per cui il suo romanzo non verrà pubblicato:

“I lettori della nostra casa editrice hanno letto il Suo manoscritto, e in base al loro parere concorde, non approviamo la pubblicazione del Suo romanzo.

Riteniamo che la composizione artistica della materia derivante dalla Sua esperienza, non sia riuscita, nonostante il tema sia terribile e impressionante. Che il romanzo non diventi, per il lettore, una esperienza impressionante, è dovuto in primo luogo alle reazioni del protagonista che sono a dir poco strane. Riteniamo comunque comprensibile che il

⁶ Köves corrisponde nell’ungherese all’aggettivo denominale proveniente da *kő* (pietra). Nel corso del romanzo, Köves incontra Sziklai (corrispondente nell’ungherese all’aggettivo denominale proveniente da *szikla* (roccia)) e Berg (che in tedesco significa *monte, montagna*): la simbologia dei nomi si richiama, oltre che ad una evidente aderenza all’elemento siliceo, ad una progressione di dimensioni (pietra-roccia-montagna) e ad una illustrazione onomastica della punizione sisifea (la pietra che viene fatta rotolare sul fianco di una montagna).

protagonista, adolescente, non riesca a comprendere subito cosa stia succedendo intorno a lui (le chiamate all'arbeitdienst, l'obbligo di portare la stella gialla, etc.), ma non riusciamo a spiegarci perché, arrivando al campo di concentramento, ritenga »sospetta« la rasatura a zero dei prigionieri. Le frasi di cattivo gusto continuano: »neanche i loro volti sembravano ispirare fiducia: orecchie a sventola, nasi sporgenti, occhi incavati, dalle luci minuscole e furbesche. Da ogni punto di vista sembravano comunque degli ebrei.«

Poco credibile anche che la visione dei forni crematori suscitò in lui »la sensazione di una sorta di scherzo goliardico«, »di certe beffe«, poiché sa di essere in un campo di sterminio, e che già il fatto che sia un ebreo è sufficiente perché lo uccidano. Il suo comportamento, le sue assurde annotazioni, disgustano e offendono il lettore, che con rabbia legge anche la fine del romanzo, visto che il comportamento fino ad allora tenuto dal protagonista non giustifica l'emissione di un giudizio morale, della individuazione delle responsabilità (per esempio, i rimproveri fatti alla famiglia ebraica che abita nella loro casa). E dobbiamo accennare anche allo stile. Le Sue frasi sono espresse per lo più maldestramente, con grande fatica, e purtroppo sono frequenti le espressioni del tipo »... per lo più insomma davvero...«; »molto naturalmente, e un attimino oltre a ciò...«

*Per questo Le restituimo il manoscritto.
Distinti saluti.» (64-65)*

Il rifiuto della casa editrice di pubblicare il manoscritto è però anche il segno di una particolare condizione, che si pone a suggello della continuità dei due romanzi, e che Kertész ricorda nelle pagine del suo *Giornale di bordo*⁷:

Chi riesce ad uscire letterariamente vincitore dalla materia relativa ai campi di concentramento, ovvero riesce ad "avere successo", certamente imbrogliando e mentendo: è così che devi scrivere il tuo romanzo. (Kertész 2002:33)

Il fatto di essere "uscito vincitore" è l'elemento di *straniamento* con cui comincia la narrazione di *Fiasco*, un ritorno che è allo stesso tempo allontanamento, esilio, ma – in fondo – non significa alcuno spostamento geografico:

⁷ *Gályanapló*, ovvero *giornale di galera*, è una raccolta – non sistematica – di annotazioni autobiografiche che vanno dal 1961 all'estate del 1991: trent'anni di storia interiore dell'autore, che cominciano con la decisione di dare inizio alla scrittura del primo romanzo e si spingono fino al *cambiamento di regime* ed ai primissimi anni del *nuovo corso politico* dell'Ungheria. Il titolo gioca indubbiamente sul fatto che il compilatore del giornale possa essere sia il capitano della galera, che uno dei galeotti, condannato a trent'anni di remi: continui sono i riferimenti alla sensazione di prigionia, di reclusione, che caratterizza quegli anni, parallelamente alle annotazioni entusiaste che descrivono il *mestiere di scrittore* di Kertész.

Quando Köves tornò in sé, gli fischiavano le orecchie; probabilmente si era addormentato, quasi lasciandosi sfuggire il momento straordinario, in cui erano discesi nella notte terrestre dalle altezze luminose degli astri. Ai margini dell'orizzonte che vacillava senza sosta tra i giri dell'apparecchio, si vedevano delle lucine disperse; poteva sembrare addirittura una caravana vacillante di navi sull'oceano oscuro. Ma sotto di loro c'era la terraferma; questa città mostrava di sé, dunque, un'immagine tanto miserabile? A Köves venne in mente la sua patria, quell'altra città – Budapest – che aveva lasciato. E sebbene volasse già da sedici ore, ora per la prima volta venne raggiunto, come per una sorta di lieve ebbrezza, dalla certezza della lontananza, che lo separava dall'ansa familiare del Danubio, dai ponti costellati di grappoli di lampioni, dalle vette di Buda e dalla corona di luci del Centro. Anche qui aveva notato un nastro che splendeva pallido in basso: quello di un fiume; sopra il quale aveva visto una curva appena illuminata – verosimilmente quella dei ponti del fiume; e scendendo aveva ormai potuto notare che su di un lato del fiume la città si estendeva su di un piano, mentre sull'altro gli insediamenti erano in una zona di monti e colline. (131)

Appena sceso dall'aereo, il protagonista viene guidato da “una luce”, di cui non conosce la sorgente, e che lo acceca: quella luce lo consegna ai *doganieri*⁸, che – trattenendo i suoi effetti personali ed i documenti veri e propri – ripristinano quello stato di perdita di una identità civile, già realizzatosi nel romanzo precedente. Nonostante sia evidente che tra i due eventi esiste un lasso di tempo di alcuni anni, in realtà lo svolgersi di essi è legato ad un continuum, che riflette la “sorte” dell'autore stesso:

Ultimamente mi trovo spesso a riflettere sul fatto che l'Olocausto sia riuscito a raggiungere le sue vittime non soltanto al tempo dei campi di concentramento, ma persino decine di anni più tardi. Sembra quasi che la liberazione dei lager non abbia fatto altro che procrastinare una condanna che gli stessi condannati a morte avrebbero poi eseguita su se stessi: si sono suicidati Paul Celan, Tadeusz Borowski, Jean Améry, anzi addirittura Primo Levi, che pure si era opposto al determinato radicalismo esistenziale di Améry. Se qualche volta mi capita di mettere a confronto queste sorti, che sotto diversi aspetti sono indicative, con la mia, devo pensare (...) che io sono riuscito a sopravvivere agli ultimi decenni grazie a quella “società” che dopo Auschwitz testimoniò, in-

⁸ Nel testo ungherese, la parola *vámos* (doganiere) ha una chiara assonanza con *ávós* (membro della polizia politica ungherese, la famigerata *ÁVÓ*, di cui troviamo una traccia nel capitolo “cornice” del romanzo, sotto forma di un sigillo conservato su di un pezzo di armadio, ed anche nel ricordo delle peripezie poliziesche della moglie del Vecchio. Più in là lo stesso Kertész ricorderà quanto questo termine abbia anche un riferimento biblico al *publicanus*, e quanto racchiuda non il senso, ma il mondo stesso dei due termini di riferimento (Kertész 2002:219)

quadrata nell'immagine del cosiddetto "stalinismo", che non ci sarebbe stato posto per libertà, liberazione, grandi catarsi, e così via, cioè per tutto ciò di cui, in lande ben più fortunate, intellettuali, pensatori, filosofi, non soltanto avevano parlato, ma in cui evidentemente credevano addirittura; questo mi garantì che la mia vita da schiavo sarebbe continuata, escludendo qualsiasi possibilità di errore. Chiaramente è questa la ragione per cui io non sono stato raggiunto da quell'ondata devastante di delusione che, nel caso di altri uomini che hanno avuto esperienze simili alla mia, ma che sono vissuti in società più libere, ha prima cominciato a scuotersi in flutti agitati davanti ai loro piedi che si ritiravano di fronte alla marea, poi – nonostante i passi si facessero sempre più veloci – li ha sommersi del tutto. (Kertész 2001:85-86)

Questa "società dello stalinismo" occupa le pagine del romanzo con la sua atmosfera di indicibile grigiore umano: calato nella nuova realtà in cui è privo di identità, Köves guarda il mondo da una prospettiva unica, quella di chi è "nuovo", "straniero", "diverso", e viene però dal mondo minacciato, umiliato, come nel caso del licenziamento che apre il terzo capitolo:

Köves si affrettò a raggiungere il tram – di lì a poco sarebbero state le dodici, forse era già in ritardo rispetto alle "ore di ufficio" ricordate nella lettera: la fermata la trovò subito, anche se non precisamente lì dove l'aveva cercata, quello che un tempo era il marciapiede spartitraffico, ora era soltanto un ammasso di grigi cubetti di pietra buttati l'uno sull'altro, da dove proveniva il martellare tintinnante di operai addetti alla pavimentazione delle strade, dai pigri movimenti, ad un ritmo che si interrompeva di volta in volta – forse li avevano fatti schizzare via le bombe? oppure erano stati usati per costruire delle barricate ed adesso li stavano rimettendo a posto? o stavano semplicemente ampliando la strada carrabile? – Köves non poteva saperlo. Il tram – un mezzo logoro, che portava su ognuna delle sue tre carrozze il marchio di tre diverse epoche, come se le avessero estratte, in fretta e furia, in mancanza di meglio, dall'oscurità polverosa di ogni genere di colori che possono avere le carrozze dei tram – si fece attendere parecchio, intorno a Köves si era raccolta una folla considerevole, sul marciapiede; e per giunta Köves, che pensò di dover far passare una donna dalla corporatura pesante, carica di sporte e fagotti di ogni tipo, e in seguito – sicuramente per sua grande sorpresa – non si oppose alla spinta decisa di un gomito, per poi rinunciare ad opporsi ad una sfrontata spinta accompagnata da una imprecazione, Köves si ritrovò a terra: non gli era mancata la forza, ma piuttosto la volontà, forse più precisamente l'impulso necessario alla volontà, la partecipazione necessaria a quella indigenza, da cui si originavano azioni e che lo aiutò a salire sul tram seguente, tra ogni genere di difficoltà, attraverso gambe, gomiti e volontà a lui opposte.

Giunto al portone del palazzo della stampa, dovette confrontarsi con ulteriori difficoltà: il piantone – un doganiere con la pistola nella

fondina – non voleva in nessun modo farlo entrare, senza il lasciapassare necessario – e Köves non avrebbe certo potuto dire di esserne stupito, nel profondo del suo animo si era aspettato un ostacolo del genere, ma aveva pensato a qualcosa ancora di là da venire, nella semplicioneria che gli veniva dal buonumore forse si immaginava già davanti allo sportello dei pagamenti – che gli venne rilasciato nella guardiola posta a pochi passi da lì. E fu lì che emerse tutta l'inesperienza di Köves per quanto riguardava la propria situazione, e non di certo per questioni secondarie; non seppe dare una risposta chiara e diretta a nessuna delle domande rivoltegli dal portiere: non seppe dire né da dove venisse, né chi cercasse, ma propriamente neanche chi fosse egli stesso. (182-184)

Ad ogni suo movimento, Köves incontra macerie, palazzi sventrati e marciapiedi ridotti ad ammassi di cubetti grigi, che nella loro irriconoscibilità testimoniano una somiglianza con la sua perdita di identità: sono cumuli di pietre che ricordano qualcosa, qualcuno, un modo di vivere che non è più attuale, a cui Köves era abituato e che adesso non riesce a ritrovare – neanche nei comportamenti della gente. Persino l'amore non si realizza che dopo una lunga corsa tra orridi caseggiati appena costruiti, eppure già gravidi di un'atmosfera di distruzione:

Presero poi un tram sferragliante, che li portò ancora più fuori, da qualche parte scesero e la ragazza guidò Köves nel mezzo del fitto di palazzi di nuova costruzione, che tuttavia – forse a causa delle assi che erano rimaste in giro, dei mucchi di materiale o delle fosse non ancora riempite – nel bagliore incerto dei lampioni radi, sembravano già delle rovine; entrarono in un portone, salirono le scale buie, la ragazza, tastando con la chiave aprì una porta, in anticamera fece cenno a Köves di far silenzio, cosa che lui – sebbene non ne conoscesse il preciso motivo – accettò in maniera tanto naturale, come se non si potesse giungere, lì dove adesso si stavano dirigendo con la ragazza, se non furtivamente. Infine scivolarono in una stanzetta laterale, la ragazza accese un lume dal paralume rosa, e lo sguardo di Köves velocemente si spinse su tutti quegli oggetti che completavano quasi quella stanza nella sua perfezione: lo specchio rotto, l'armadio scassato, i centrini all'uncinetto, il cagnolino di gomma con la lingua sporgente sotto il lume, il filo steso pudicamente nell'angolo buio della stanza, su cui erano stesi un paio di calze ed un po' di biancheria, i fiori finti che si ramificavano fuori dal vaso sbreccato, la sedia, il tavolo e soprattutto il letto sicuramente cigolante, a molle, ma abbastanza ampio; gli schiaffeggiò il naso un odore di miseria, di pulizia, l'odore di un profumo da quattro soldi e dell'avventura, sebbene si fosse fatto avanti in lui il sospetto che tra tutti gli altri odori duraturi quello fosse l'unico volatile. (261-262)

Il protagonista tenta, infatti, di costruire dei rapporti personali che immediatamente lasciano intravedere tutta la loro precarietà, la loro fragilità: la vera condanna è quella di costruire intorno a sé un "ambito umano" che di volta in volta

crolla, e che bisogna affrettarsi a ricostruire in qualche modo, anche se non se ne è convinti fino in fondo. Unica certezza è la pietra grigia, che fa capolino da ogni luogo, e che *sta* lì, sopra le carte, a simboleggiare non soltanto l'inesorabilità, ma addirittura la necessità della condanna: Sisifo era stato condannato al suo supplizio per aver "tradito" Giove, ma anche per essere sfuggito alla morte (Tanato) ingannandola con un'astuzia che irrideva il culto dei morti ed il rapporto tra i due mondi, quello terreno e l'Ade (Mitologia 1986:278-279). Anche Köves, come Sisifo, è riuscito a ritornare da un mondo "altro", e riceve la condanna del continuo affannarsi dietro il sasso grigio, ormai ridotto ad un sassolino, della propria esistenza, non senza dimenticare la figurazione estrema della possibilità di questa condanna, di cui aveva parlato ancora nella "cornice":

Proprio in quei giorni avevo letto il racconto della morte di 340 ebrei olandesi nella cava di pietre di Mauthausen. Quando il trasporto era arrivato, il vicecomandante Ernstberger aveva spiegato allo scritturale Glas, prigioniero politico, che l'ordine era di non farli vivere più di sei settimane. Glas si era messo a protestare: lo avevano punito con trenta bastonate, poi sostituito con un delinquente comune. Il giorno dopo gli ebrei olandesi vennero condotti nella cava di pietra. Invece di usare i 148 scalini di pietra che portavano in fondo alla miniera, dovevano scendere utilizzando gli sbarramenti di pietra del cunicolo. Giù, in fondo alla cava, ponevano loro sulle spalle una tavola, su cui appoggiavano delle lastre di pietra di spropositate dimensioni, che dovevano trasportare, questa volta sui 148 scalini di pietra, ma a passo di corsa, fuori dalla cava. Le lastre di pietra già all'altezza dei primi scalini cadevano dalle tavole, rompendo le gambe di quelli che lavoravano dietro i trasportatori. Ogni incidente era sanzionato da pene corporali. Già il primo giorno molti degli ebrei olandesi preferirono scagliarsi giù per l'abisso della cava. Più avanti da 9 a 12 uomini, mano nella mano, si buttavano insieme giù per il precipizio. Gli impiegati civili della cava presentarono un esposto alle SS: i brandelli di carne e cervello che rimanevano attaccati alla roccia – lamentavano – »offrivano uno spettacolo terribile«. Un gruppo di lavoratori ripulì le pietre con un forte getto d'acqua: da quel momento vigilarono dei prigionieri con incarichi interni, e i trasgressori vennero puniti con una repressione esemplare. Si può dire che la voglia di morire veniva punita con la morte. E chi tra loro non voleva morire, venne ucciso anche lui. Invece di sei, li fecero fuori in tre settimane appena. (53-54)

Il romanzo non lascia trasparire alcun messaggio di speranza: intorno a Köves i "compagni di viaggio" vengono travolti dagli eventi, e persino Berg, *alter ego* dell'autore ripreso nel momento in cui sta scrivendo il "romanzo della pietà", perde la scintilla dell'intelligenza, la complessa problematicità che aveva attratto Köves nel suo approccio all'uomo che nessuno voleva avvicinare. Alla fine dell'ottavo capitolo, si affaccia quella che potrebbe essere una svolta, mentre il protagonista sembra essere rientrato nella "normalità" della vita di tutti i

giorni, del lavoro, dell'impegno giornalistico:

A dire il vero, non si erano ancora spenti i passi che avevano provocato l'agitazione stordita di Köves simile ad uno stato febbrile, che si aprì la porta e lo convocarono; Köves entrò e si comportò come se Köves fosse lui – quel giornalista non interessato se non a perché i treni arrivavano in ritardo; guardò dei grafici, ascoltò delle spiegazioni, e chissà, forse lui stesso pose delle domande; annuì, sorrise, strinse delle mani, si congedò, e tutto questo non l'aveva per nulla imbarazzato, ma addirittura nemmeno toccato, come se non fosse successo a lui – per essere più precisi, come se fosse successo solo a lui, visto che – si rese conto nei momenti in cui scendeva le scale e usciva sulla strada – proprio da quel punto di vista gli era capitata una svolta irrevocabile: tutto ciò che è successo e succede, è successo e succede a lui, e nulla può succedergli senza la coscienza tagliente di questa presenza. Sebbene fosse ancora vivo, ecco, ormai aveva quasi vissuto la sua vita, e questa vita Köves una volta l'aveva guardata da lontano, e nella forma di una storia terminata, compiuta, circolare, così che anche lui si era stupito della propria estraneità. E se era una speranza ciò che quella vista aveva provocato in lui, la cosa poteva riguardare soltanto questa storia, Köves però sperava che se anche lui era irrimediabile, la sua storia poteva ancora essere salvata. Come aveva potuto pensare di nascondersi, di liberarsi del peso della sua esistenza, come un animale randagio dalle catene? No, no, è così che deve vivere da questo momento, con lo sguardo fisso su questa esistenza, ed a lungo, fisso, con meraviglia e dubbio, guardare e continuare a guardare, fino a che non vi scorge qualcosa, che quasi non fa aprte più di questa vita; qualcosa che è legato alle sensazioni, ristretto all'essenziale, indiscutibile e compiuto, come le catastrofi, qualcosa, che pian piano si distacca da questa vita, come un cristallo di ghiaccio, che chiunque può prendere in mano per osservarne le forme definitive, e che come una meravigliosa formazione della natura, passa ad un'altra mano perché l'osservi...

Così percorreva le strade Köves, quando fermandosi, quando di nuovo affrettandosi, senza meta, nonostante probabilmente i suoi scopi li avesse prefissati; certo, si era accorto che ogni tanto si imbatteva in ostacoli, che doveva aggirare uomini, gruppi di uomini, erano tanti per strada, e relativamente tanto era il chiasso, Köves vide anche un corteo – questa volta reale –, e tra le file, sui cartelli che si alzavano in alto, le stesse parole, "Vogliamo vivere!" – e Köves sentì di sfuggita una approvazione serena e divertita, al vederle, come approvava anche che il sole splendesse, se la sua occupazione solitaria non gli consentiva di rivolgergli un'attenzione particolarmente grande. Probabilmente doveva essere tardi, sebbene la sera fosse ancora chiara, quando svoltò per la strada dove abitava, e gli era sembrato di sentir gridare anche il suo nome, tra le altre grida, ma trasalì soltanto quando qualcuno gli afferrò il braccio: era Sziklai – come seppa, era appena passato da lui, da Köves, e gli aveva anche lasciato un biglietto dalla "padrona di casa", dopo di che aveva atteso lì ancora un po', passeggiando avanti e dietro

per strada, ed ora aveva deciso di non aspettare più, quando lo aveva scorto:

– Vecchio mio – aveva gridato, e sembrava straordinariamente eccitato, la sua faccia dura dalla sfumatura oleosa, con i tratti acuti che vi erano incisi, poteva essere anche una statua lignea –, datti da fare e preparati, subito, stanotte veniamo a prenderti con l'autocarro!

– Quale autocarro? – aveva chiesto stordito Köves, come se non fosse molto sicuro che parlassero con lui e tenessero il suo braccio, e che quello che tenevano per un braccio, fosse davvero identico a lui. Infine, in pena, arrabbiato e ridendo nervosamente della meraviglia di Köves, Sziklai fu costretto a spiegare cosa fosse successo: tutta la città era sottosopra, il corpo dei vigili del fuoco si era sciolto, i soldati erano tornati a casa, i Mari del sud aveva chiuso, a quanto pare nessuno stava di guardia al confine, ed alcuni – come anche lui, Sziklai –, che da lunghissimi anni aspettavano, coscienti o meno, solo l'occasione di poter scappare da quella città che negava ogni speranza, da quella vita che smentiva ogni speranza, adesso “si erano uniti”, si erano procurati un autocarro, con il quale partire protetti dal velo della notte, ed avrebbero portato con loro anche Köves.

– Dove? – chiese senza comprendere Köves, e Sziklai nervoso si fermò, dato che nel frattempo era già ripartito, quasi correndo, e Köves, pur non sapendo dove andasse, si era meccanicamente affiancato a lui per strada:

– Ma non fa lo stesso? – si innervosì. – In qualunque posto!... – riprese a camminare. – All'estero – aggiunse, e nelle orecchie di Köves quella parola sembrava aver fatto suonare campane a festa, improvvisamente. (393-396)

L'allusione è – evidentissima –, all'atmosfera della rivoluzione del 1956⁹, ai nuovi entusiasmi, alla possibilità di poter andar via, di lasciare una città *che nega ogni speranza*: pure, Köves rinuncia alla fuga, si avvia verso casa, *come chi non ha nessuna urgenza di arrivare, dato che presente ogni dolore ed ogni vergogna del futuro*, sicuro, quindi, che la propria condanna non sia finita, anzi che debba continuare, eterna.

Bibliografia

Kertész 2000 - Kertész Imre, *A kudarc*, Magvető, Budapest

Kertész 2001 - Kertész Imre, *A száműzött nyelv*, Magvető, Budapest

Kertész 2002 - Kertész Imre, *Gályanapló*, Magvető, Budapest

Mitologia 1986 -Michael Grant – John Hazel, *Dizionario della mitologia classica* (traduzione di Katia Bagnoli), Milano

Szirák 2003 - Szirák Péter, *Kertész Imre*, Kalligramm, Pozsony

⁹ Di cui Kertész parlerà nel suo racconto *Az angol lobogó* (Il vessillo inglese), apparso nel 1991.

- Teslár 2002 - Teslár Ákos, "Élni és (újra)írni. *Morál és poétika A kudarcban*" in Scheibner Tamás – Szűcs Zoltán Gábor, *Az értelmezés szükségessége. Tanulmányok Kertész Imréről*, L'Harmattan, Budapest, 151-166
- Vaderna 2002 - Vaderna Gábor, "A lehetséges egyetlen regény. *Kertész Imre: A kudarc*" in Scheibner Tamás – Szűcs Zoltán Gábor, *Az értelmezés szükségessége. Tanulmányok Kertész Imréről*, L'Harmattan, Budapest, 137-149

SAMOSTALNIŠKE TVORJENKE ODLOMKA SIBILINE KNJIGE S
KONCA 19. STOLETJA

0 Uvod

Sibilske knjige so Rimljani skrbno hranili in na zahtevo senata iskali v njih nasvete, kadar je bila država v hudi stiski, ker naj bi v teh knjigah bila razodeta rimska prihodnost.

Tudi v Porabju so radi brali te knjige. Leta 1884 je na Gornjem Seniku nastal prevod Sibiline knjige iz nemščine v slovenščino. Potem pa so te knjige začeli prepisovati.

Prepisovalec porabskega rokopisa je uporabljal madžarski črkopis. Za prepis so značilne prepisovalske interference, segmentacija besed je po slišanju, skupaj je zapisano po več besed, *npr.: tonedopishti, najme, kasze, teda, povszekrajaj, tédasze, szkralovcsine, kabi, zvárásá, daje, dasze, poprávoj itd.* Besedišče rokopisa izvira z območja verske cerkvene rabe, prepis je pisna podoba ritualiziranega besedila: *Boug, Krisztus, Messiás, je okrszto, Szveti Filip, korono blajzsensztvá, Kálvárszki brejg ipd.* Prevod je nastal v porabskem gornjeseniškem narečju, ki tudi v tem času vsebuje sposojenke iz nemščine in po nemškem vplivu napravljene besedne zveze (*cajt, mántrali, glihicsni, ober nji, gori szpizsano, doli pokleknola, doli szpadnola itn.*) ter veliko prevzetih besed iz madžarsščine (*oroszláne, láncov, zvárásá, sereg, mesterszki, pejnez, országa, tanács, bategov, amicsija itd.*).

Samoglasniški sestav vsebuje razen vokalov i, u, e (é), o, a (á) še ü in alafon ö (*tüdi, Düha, vküper, csüdni, vüpanye, küga, lüdi; vörjejo, vöre, vötrov, vörniva, nevörni itn.*) ter dvoglasnika ej/ei (to je refleks za dolgi jat, *npr. zvezda/zvezda, tejlo, brejg, szvejt, szlejpi, cejlomi itn.*) in ou (to je refleks za dolgi etimološki o in za dolgi nosni o (*pomoucs, moucsi, noucs, tou, nouve, mouzsov, nouroj, Boug, szkousz ipd.*)). Samoglasniški r se zapisuje na različne načine, in sicer večinoma kot r (*strtoj, krv, prvlé, trpo, szmrti, prva, krvave, trpijo, drzso, zsrjavim, szrcé*), v posameznih besedah tudi kot er ali ar (*npr.:szerce, terpejla, redecte, poverné, zserjavo, oberne, szarce, szkarbi, szarditoszti, zdárzsávali itn.*).

V soglasniškem sestavu je večinoma ohranjen palatalni nj, ki je zapisan z madžarskim dvočrkjem ny: *napalavanye, nyemi, nyegovo, proroküvanye, dugovanya, nyou, csinénye, vu ribnyeki, naslednje itd.*, ponekod pa je palatalni nj izgubil mehkost in dal trdi n: *knige, vsagdenésni, zs nihovim*. Palatalnost pri l se je izgubila: *zemla, kralicza, králi, vouli, bojazlivo, pozdravleno, odküpitela, pela, posle, bole, zatogavolo ipd.*, v redkih izjemah pa je lj ohranjen: *vu veselji, neprijateljé, zadovoljénye*. Končni –m večinoma ostaja (*vu tom, z varasom, tisztom, potom, szvojim pravim imenom, drüгим ocsakom ipd.*), premena v –n je redka (*z mesiáson, z Egyiptomon, szeden, szan*). Ustnično-zobni v ostaja zapisan v vseh položajih: *vu vreimeni, nyegovo, vsze, zvelikim, nad szebov, cer-*

kev, mejszecov itd., izjemoma pa se v premenjuje v nezveneči pripornik *f*: *od poganof, fszej, fkraj, fcsaszik, imenof*. Zvočnik *v* se pojavlja tudi kot proteza: *do vüih/do vüij, navuk, vüipanye, vüijec, vucsenike itn*. Velarni pripornik *h* v posameznih leksemih izginja (*vala, raniti, raszt*); v končnici *-ah* v mestniku množine za vse tri spole pa preide v *-j* (*kralaj, szvetkaj, mejsztaj, oknaj, knjigaj, szobotaj, petkaj itn.*). Zvočnik *j* je zapisan kot *j* ali *dj*, narečni *dj* pa kot *gy*: *drevje, djanye, narodjenyi, lidje, angyel, gyente, kotrigye, vusgyé*. Značilna je ohranjena opozicija zvenečnost : nezvenečnost (*npr.: brejg, Boug/Bog, cerkev, krizs, caszarov, pejnaz/pejnez, nyegov grob, nad szebov itd.*), le v posameznih oblikah se pojavljajo nezveneči nezvočniki namesto zvenečih (večinoma kot variante, *npr. szkousz/szkouz, fsze/vsze, jasz/jaz, imenof, fszakomi, rat, fkraj, rasztrgajo ipd.*), prav tako tudi zveneči nezvočniki namesto nezvenečih, *npr. tag gucsala, krateg, hizso, zatog, zsitég, gde itd.*

Z besedotvornega stališča se besede rokopisa delijo na netvorjene in tvorjene. Tvorjenke so tolikih vrst in podobnih značilnosti kot v slovenskem knjižnem jeziku. Rokopis vsebuje po besednovrstni pripadnosti samostalniške, pridevniške, glagolske in prislovne tvorjenke (*npr.: pastér, narodjenje, lepota, poštenje, sodba, obütel; pitani, vekši, boži, miroven, očinski, decinski, krvavi; kralüvati, odstopiti, gorivzeti, dolistopiti, menkšati, ogrizavati, ošpotavati; jö-üü, potom, pošteno, zaistino, bojazljivo, zatogavolo ipd.*).

Podstavna motiviranost je podobna kot v slovenskem knjižnem jeziku, in sicer so samostalniki iz glagolske, pridevniške, samostalniške, prislovne podstave; pridevniki iz glagolov, pridevnikov, samostalnikov, prislovov itn. (*npr.: pro-rok, tihoüa, kamenje, sreüda; popisani, globši, poutni, vsagdanešni itn.*).

V glavnem so zastopane vse besedotvorne vrste (izpeljanka, zloženka, sestavljenka, sklop – *pokornost, dobroüiniteo, navarnost, kajkoli*) in potrjujejo vse, v slovenskem knjižnem jeziku znane, besedotvorne pomene (*npr. vršilec dejanja, vršilnik dejanja, dejanje, rezultat dejanja, mesto dejanja itd.*).

Iz izpisanega gradiva sem za podrobno predstavitev izbrala samostalniške tvorjenke, ki sem jih razvrstila na podlagi treh kriterijev: 1. podstavna motiviranost; 2. pripadnost tvorjenke k besedotvorni vrsti; 3. besedotvorni pomen tvorjenke.

1 Samostalniki iz glagola

1.1 Samostalniške izpeljanke iz glagola

Izpeljanke iz glagolskih podstav potrjujejo vse znane besedotvorne pomene. Najveüje število tvorjenk se pojavlja ob pomenu dejanja in rezultata dejanja.

1.1.1 Vršilec dejanja (tisti_z, ki pase > pas-tér)

-ø	<i>prorok;</i>
-a	<i>sluga;</i>
-ec	<i>sodec;</i>
-élec	<i>poželélec;</i>

-(a)vec	<i>lažavec;</i>
-ač	<i>pisač;</i>
-ič	<i>živič;</i>
-itel/-iteo	<i>ravnitel, učitel / učiteo;</i>
-nik	<i>potnik;</i>
-enik	<i>vučenik;</i>
-ar	<i>predgar;</i>
-er	<i>paver;</i>
-tér	<i>pastér.</i>

Vsa obrazila so moškega spola, za vsako priponsko obrazilo najdemo v gradivu po en primer, razen izpeljank na –itel/–iteo, ki sta zastopana z dvema primeroma in sta narečni ustreznici za knjižni –itelj. Posebnost je obrazilo –ec pri *sodec*, kjer v knjižni slovenščini obstaja –nik (*sodnik*). Narečno sta obarvani obrazili –élec in –tér za knjižni –(i)vec in –tir. Potrjeno je tudi obrazilo –enik, ki je v Slovenski slovnici 2000 označeno kot starinsko, s primerom *vučenik* 'učenec' (tisti, ki se vuči). Tvorjenka *paver* je sposojenka iz nemščine.

1.1.2 Vršilnik dejanja (*tisti* → *ki dene* > *den - ilo*)

-ø	<i>zakon, kinč;</i>
-tel/teo	<i>obütel/obüteo;</i>
-a	<i>vaga;</i>
-ünta	<i>trobünta;</i>
-ilo	<i>denilo.</i>

Tvorjenk z besedotvornim pomenom vršilnik dejanja je zelo malo, zastopani pa so vsi trije spoli.

1.1.3 Dejanje (*to, da se slüži* > *slüž - ba*)

-ø	<i>boj, trob, pogled, pobejg, ples, stra(j), glad, pomor;</i>
-tek	<i>žitek;</i>
-a	<i>pravda, pokora/pokoura;</i>
-ba	<i>slüžba;</i>
-nja	<i>prošnja;</i>
-ø	<i>laž, pomoč/pomouč;</i>
-azen	<i>bojazen;</i>
-ezen	<i>lübezen;</i>
-nje	<i>znanje, djanje;</i>
-anje	<i>vüpanje, čakanje, spoznanje, obladanje, pobogšanje, prelejanje, zidanje, pokapanje, spominanje, pokanje, strejlanje, grmanje, vojüvanje, gledanje, ladanje, zmejšanje, proroküvanje, potiüvanje, povejdanje, bliskanje, zburkanje, zveličanje, prebivanje, kralüvanje, jajckanje, kričanje;</i>

-enje	<i>življenje, videnje, skvarjenje, prelomljenje, mišle(j)nje, šümlenje, narodjenje, stvarjenje, trpljenje, marjenje, (f)čin(j)enje, smilenje, povrnjenje;</i>
-o	<i>delo.</i>

Samostalniških izpeljank iz glagolske podstave je po številu tvorjenk in obrazil največ za pomen dejanja, najbolj tvorno obrazilo je **-anje**, poleg tega pa še **-enje** in **-ø**.

1.1.4 Rezultat dejanja (*to, kar se dobi > dobi -ček*)

-ø	<i>lon, rod, greh, glas, pokop, kvar, šenk, odgovor, tal/tao, pouv, znoj, račun, plamen, spomin, zakon, najem;</i>
-ek	<i>strošek;</i>
-ček	<i>dobiček;</i>
-iš	<i>stališ;</i>
-ov	<i>aldov;</i>
-je(mn.)	<i>čemerje;</i>
-a	<i>moka, dika, vala, čüda, toča, vöra, rana;</i>
-ba	<i>sodba, zgodba;</i>
-ča	<i>dača;</i>
-(l)anca	<i>treskanca, grmlanca;</i>
-enca	<i>grmenca;</i>
-ø	<i>zapoved/zapovid, re(j)č;</i>
-sem	<i>pesem;</i>
-t	<i>povejst, oblast;</i>
-(i)tev	<i>molitev;</i>
-anje	<i>dugovanje;</i>
-(e)nje	<i>imenje, znamenje, včenje/fčenje;</i>
-tje	<i>poprijetje;</i>
-mo	<i>pismo.</i>

Najpogostejša izpeljava je z obrazilom -ø, ostala obrazila so večinoma zastopana samo z enim oz. dvema primeroma.

1.1.5 Mesto dejanja (*tam, kjer se gleda > glad -alo*)

-ø	<i>grob, ograd, dvor, shod, zahod;</i>
-nja	<i>skrinja;</i>
-tina	<i>vretina, pečina/pečéna;</i>
-alo	<i>gladalo.</i>

Tvorjenka pečina/pečena bi lahko bila tudi uvrščena med izsamostalniške izpeljanke z istim pomenom (pomen mesta) in obrazilom.

1.1.6 Snov (*to, s čimer se maže > maz – ivo*)

- a *farba;*
- ivo *mazivo.*

1.1.7 Čas dejanja (*tedaj, ko se postimo > post - \emptyset*)

- \emptyset *post;*
- ec *konec;*
- tek *začetek;*
- a *meša, nedela.*

Vse tri pomenske skupine so zastopane z zelo majhnim številom izpeljank.

1.2 Samostalniške zloženke iz glagola

V rokopisu je samo osem samostalniških zloženek z glagolsko sestavino v podstavi, pomensko pa so omejene na vršilca dejanja in na dejanje.

1.2.1 Vršilec dejanja (*tisti, ki dobro čini/stori > dobr – o – čini - teo*)

- teo *dobročiniteo.*

1.2.2 Dejanje (*to, da se ide/gre v nebo > vneb – o – id – enje*)

- \emptyset *blagoslov/blagoslov;*
- enje *goriidenje, naprejidenje, vneboidenje, notrijemanje, naprejpovejdanje, vözvezanje.*

Tvorjenka *vneboidenje* je zloženka s predložnozvezno podstavo. Za zloženke *goriidenje, naprejidenje, notrijemanje, naprejpovejdanje, vözvezanje* je značilno, da se v besedotvorni podstavi zloženek v funkciji prislovnega določila pojavi prislov prostora.

2 Samostalniki iz pridevniških besed

2.1 Samostalniške izpeljanke iz pridevniških besed

Izpridevniške samostalniške izpeljanke obsegajo skoraj vse besedotvorne pomene, to so nosilec lastnosti, nosilnik lastnosti, lastnost oz. stanje, kjer je zajeta tudi konkretizirana lastnost, mesto in čas. Največ tvorjenk je pri pomenski skupini lastnost oz. stanje in konkretizirana lastnost, po številu so na drugem mestu tvorjenke z besedotvornim pomenom nosilec lastnosti.

2.1.1 Nosilec lastnosti (*tisti, ki je kriv > kriv – ec*)

- ec *bogatec, starec, mrtvec, dovec, krivec;*
- enec *mladenec;*
- inec *tühinec;*

- ič** živič;
- i** fundani, mladi, pravi, meštarski, bičani, preminoči, zvučeni, vidouči, rodjeni, Joševi, naprejpostavljeni, skriti, bližnji, odebrani, krivični, pravični, veliki, nevolni, mili, živi, mrtvi, fsaki/vsaki;
- ik** diihovnik, podložnik, navuščenik, krškenik/krštjenik/krstčenik;
- aš** velikaš, primaš;
- iš** stariš;
- i (mn.)** edni, siromaki, ništarni;

- a** ženska;
- ica** službenica.

Na prvem mestu so po pogostosti konverzne tvorjenke na **-i**, pri katerih je kot posebnost tvorba iz deležnika (*vidouči, preminoči*), poleg tega pa se konverzna izpeljava pojavlja tudi ob vrstnih podstavah (*meštarski*) ter tovrstne izpeljanke so oblikovane tudi iz sestavljenih (*nevolen*) in zloženih podstav (*naprejpostavljen*). Na drugo mesto se po številu uvrščajo tvorjenke z obrazilom **-ik** ob pridevniški podstavi na **-en** in izpeljanke na **-ec**.

2.1.2 Nosilnik lastnosti (*tisti, ki je kriv > kriv - ica*)

- ø** bateg/beteg;
- ica/-ca** zmejšanca, pravica, krivica;
- ina** vnoužina, istina, stotina;
- o** zlato, srebro.

Samostalniških tvorjenk za nosilnik lastnosti je premalo, najrodnejši obrazili sta **-ica** in **-ina**. Tvorjenka *bateg/beteg* je madžarska sposojenka, ki je nastala s konverzno izpeljavo; na podoben način sta nastali tudi tvorjenki *zlato, srebro*.

2.1.3 Lastnost in konkretizirana lastnost (*to, da je zmožno > zmožn - ost*)

- a** žmečava/žmečeva;
- oča** tihoča, nečistoča/načistoča;
- ošča** milošča;
- ija** modrija, amičija, lagovija/lagoja;
- ina** dragočina, mirovčina, slobolščina;
- ota** lepota;
- ost** svetost, pokornost, odurnost, silnost, rodnost, poniznost, trdnost, trdokarnost, širikost, bogapozabljivost, pravičnost, navarnost, nevernost, blodnost/bloudnost, nedužnost, pozabljivost, grdost, gizdost, zmožnost, modrost, visikost, vre(j)dnost, svetlost, navoščenost/navoškenost, srditost, čednost, skopost;
- je** zadovoljenje, veselje, poštenje;

-stvo *bogastvo, blajženstvo, trojstvo, svedočanstvo.*

Izpeljava z obrazilom **-ost** je izredno produktivna, kar je značilno tudi za knjižni jezik. Tovrstne izpeljanke so oblikovane tudi iz sestavljenih pridevniških podstav (*nedužen, navaren*) in zloženih podstav (*bogapozabliv*). Značilna je izpeljanka *žmečava*, ki je nastala iz modificiranega pridevnika (v smislu večalnosti) *žmečaven*.

2.1.4 Mesto (*tam, kjer je temno > temn - ica*)

-ica *temnica, ovčarnica/ofčarnica;*

-ina *pustina, globočina, sveklina.*

Tovrstnih izpeljank je malo. Zastopani sta samo dve priponski obrazili. Tvorjenka *ovčarnica/ofčarnica* bi lahko bila z enako verjetnostjo uvrščena med izsamostalniške izpeljanke s pomenom mesta in z obrazilom **-nica**.

2.1.5 Čas (*tedaj, ko je sveto > svet - ek*)

-ek *svetek, petek.*

V izpisanem gradivu sta zastopana samo dva primera za pomen časa.

3 Samostalniške tvorjenke iz samostalnika

Samostalniške tvorjenke so lahko nemodifikacijske in modifikacijske.

3.1 Samostalniške nemodifikacijske izpeljanke iz samostalnika

Nemodifikacijske tvorjenke iz samostalniških podstav obsegajo štiri besedotvorne pomene (opravkar, opravilnik, lastnost oz. stanje, kjer je zajeta tudi popredmetena lastnost in mesto), pomen časa in snovi v besedilu nista zastopana. Največji obseg izpeljave lahko ugotovimo za pomen lastnosti oz. stanja.

3.1.1 Opravkar

Izmed štirih podskupin so v rokopisu zastopane, sicer z zelo majhnim številom, izpeljank tri pomenske skupine.

3.1.1.1 Tisti, ki ima opravka s čim

(*tisti, ki opravlja/dela foringo > foring - aš*)

-a *kotriga;*

-nik *bojnik;*

-aš *foringaš.*

3.1.1.2 Tisti, ki prebiva kje (*Törk - ø*)

-ø *Törk, Tatar.*

3.1.1.3 Tisti, ki je nosilec lastnosti (*poglav - ar*)

-ar *poglavar.*

3.1.2 Opravilnik (*predmet, ki ima s čim opraviti: evangeli - um*)

-um *evangelium.*

3.1.3 Lastnost oz. stanje in popredmetena lastnost

(*to, da je povezano s touvani > touvan -stvo*)

-ija *meštija;*

-(n)ost *bojaznost, ljubeznost, pogibelnost, povodnost;*

-enje *pokolenje;*

-stvo *poganstvo, robstvo, gospostvo, kraljestvo, touvanstvo, casarstvo, divojstvo;*

-tvo *tržtvo.*

V pomenski skupini lastnost in popredmetena lastnost oz. stanje prevladujejo tvorjenke na **-stvo**. Na drugem mestu so pa po pogostosti tvorjenke na **-ost**, ki so lahko z enako mero verjetnosti uvrščene med modifikacijske samostalniške tvorjenke s pomenom stopnjevitosti.

3.1.4 Mesto (*tam, kjer so ribe > rib - njek*)

-njek *ribnjek;*

-om *paradižom;*

.oš *kouroš;*

-uš *tronuš;*

-nica *ovčarnica, vesnica;*

-ija *borovija, poštija;*

-ina *pečina;*

-ovčina *kralovčina;*

-ovina *domovina.*

3.2 Modifikacijske samostalniške tvorjenke

Zajemajo dva tipa tvorbe: modifikacijsko izpeljavo in sestavljanje.

3.2.1 Modifikacijske izpeljanke

Gradivo potrjuje štiri pomenske skupine modifikacijskih izpeljank, in sicer feminative, skupna imena, izpeljanke s pomenom manjšalnosti in stopnjevitosti.

3.2.1.1 Feminativi

-ica *kralica, službenica, dovica, devica;*

- ka** *divojka;*
- kinja** *židovkinja.*

3.2.1.2 Skupna imena

- a** *deca;*
- ina** *mučofčina;*
- vina** *jejstvina, pitvina;*
- ska** *vojska;*
- je** *kamenje, korenje, cvetje, drevje, silje, gošnje/goške;*
- ovje** *dolovje, vetrovje, bregovje, bogovje, židovje, kralovje;*
- stvo** *lüstvo, robstvo.*

3.2.1.3 Manjšalno

- ec** *stolec;*
- ica** *düšica, hižica.*

3.2.1.4 Stopnjevito

- ak** *očak;*
- in** *gospodin;*
- ne** *gospodne;*
- čina** *potrebčina.*

3.2.2 Sestavljenke

V gradivu se samostalniške sestavljenke pojavljajo s štirimi predponskimi obrazili.

- anti-** *antikristuš;*
- ark-** *arkangeo;*
- ne-/na-** *nesreča, neprijatelj/naprijatelj, nevola/navola, nevoštjenost/ navoščenost, nevernost, nedužnost, nečistoča/načistoča, navarnost;*
- ni-** *nikaj, niške.*

4 Samostalniške izpeljanke iz prislova

Izpeljanke iz prislovnih podstav zastopata samo dve tvorjenki in izražata dva besedotvorna pomena, in sicer predmet ali stvar, ki pove to, kar izraža prislov v podstavi ter čas.

4.1 Predmet ali stvar, ki pove to, kar izraža prislov v podstavi

- ja** *večerja.*

4.2 Čas

- a** *srejda.*

V svojem prispevku sem obdelala le samostalniške tvorjenke odlomka Sibiline knjige, vendar se v rokopisu nahajajo v velikem številu tudi pridevniške, glagolske in prislovne tvorjenke, ki bi jih bilo prav tako zanimivo obdelati. Na ta način bi lahko podrobneje spoznali pisno obliko jezika, ki so ga porabski Slovenci uporabljali v 19. stoletju.

Literatura

- Stramljič-Breznik, I. (1999) Besedotvorne značilnosti narečja ob primeru beltinskega prekmurskega slovarja. In: Logarjev zbornik. Maribor. 160 – 179.
- Stramljič-Breznik, I. (1995) Izpridevniške glagolske izpeljanke. In: Studia Slavica Savariensia 1-2. Szombathely. 52-69.
- Stramljič-Breznik, I. (1994) Tvorjenke v Košičevem Zobriszani Szloven i Szlovenka. In: Košič in njegov čas. Budimpešta. 136-170.
- Toporišič, J. (2000) Slovenska slovnica. Maribor. Založba Obzorja.
- Vidovič-Muha, A. (1992) A szó szintaktikai szerkezete. In: Studia Slavica Savariensia. Szombathely. 38-44.
- Vidovič-Muha, A. (1985) Primeri tvorbenih vzorcev glagola. In: Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana. 47 –61.
- Vidovič-Muha, A. (1988) Slovensko skladenjsko besedotvorje ob primerih zložen. Ljubljana.
- Zorko, Z. (1994) Oblikoslovna analiza besedila Zobriszani Szloven i Szlovenka med Mürov i Rábov. In: Košič in njegov čas. Budimpešta. 128-135.
- Zorko, Z. (1989) Prekmursko narečje v Porabju na Madžarskem. In: Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana. 23-35.

CROATIAN STANDARD LANGUAGE IN THE 1990s

0. The end of a century is a great opportunity for general reviews. Such was the practice at the end of the 19th century and it would certainly have been the practice at the end of the 20th century had it not finished turbulently. The end of the last century in Europe was characterized by the revolutionary social events in all Slavic countries which, in turn, (among other things) affected their languages either directly or indirectly. Thus, the linguistic changes in the 1990s capture our attention to a great extent.

Here we intend to outline briefly the most significant changes in the Croatian (standard) language which happened at the time. They were either initiated at the time in question or the new sociolinguistic circumstances enabled them to take their full swing in the 1990s. We have focused only on changes (or their explicit intimations) in the Croatian lexis, in prosody, as well as indications of dilemmas (and difficulties) occurring in the Croatian orthography or its related areas.

It will certainly be interesting to observe the future course of these changes and permanent fruit they will eventually bear.

1. The enactment of the Constitution of the Republic of Croatia was undoubtedly the most momentous step in the establishment of a new social position of the Croatian language. Paragraph 1 of the article 12 of the fundamental law of the Croatian state stipulates: "In the Republic of Croatia the Croatian language and the Latin script shall be officially used." This clause about the official language in the Republic of Croatia and its name eliminated all other names from the public use. These other names mostly originate from the 19th century and partly emerge from the constitutions of the first and second Yugoslavia: *srpsko-hrvatsko-slovenački* and *srpskohrvatskoslovenački* in the Constitution of the Kingdom of Yugoslavia, *srpskohrvatski*, *hrvatskosrpski*, "*srpskohrvatski odnosno* (i.e.) *hrvatskosrpski*" and *hrvatski ili* (or) *srpski* in the constitutions of the National Federal (Socialist Federal) Republic of Yugoslavia and National/Socialist Republic of Croatia.

Simultaneously all controversies and debates about the unfavourable socio-political status of the Croatian language, about Croatian (language) nationalism and separatism, which were continually encouraged by the ruling Communist Party until the spring of 1990, ceased to exist.

2. Within the framework of the language policy, which particularly after the First World War struggled to establish language microstandards (please call to mind the example of the Czechoslovak language!), for a long time the Slavic studies did not pay any attention to the differences between the Croatian and Serbian language, especially between the Croatian and Serbian standard language. It was not before the 1930s that the Serbian linguist R. Bošković (1935) attempted to demonstrate this issue on the lexical and lexical-semantic level,

but his treatise remained unfinished apparently owing to some reasons beyond the scope of linguistics. It was on the eve of the Second World War that Croatian linguists commenced to write openly about this subject. Besides treatises, two lists of Croatian-Serbian differences were published (Benešić, 1937, pp. 233-278 and Guberina-Krstić, 1940). Since in the second Yugoslavia the subject was either completely ignored or deliberately depreciated as politically unacceptable, the change in sociopolitical circumstances at the beginning of the 1990s inspired a series of papers, treatises and books, written mostly by linguistically unreliable authors, and only sporadically by Croatian linguists. Owing to the fact that the criteria for a clear lexical demarcation line between Croatian and Serbian mostly relied on language sentiment or arbitrary assessment of individual authors and only to a smaller extent on linguistic arguments, then published "dictionaries of distinctions" abound in data of a restricted value, but also indisputable exaggerations and contradictions.

3. The third momentous process in the 1990s was a revival of words which, on account of extralinguistic reasons, had been systematically repressed into Croatian passive lexis as they interfered with the official language policy after 1918. By means of various papers in technical and other publications in which many Croatian words were pronounced dialectal, provincial or even barbarous (Pranjković, 1997) and direct political proclamations and prohibitions (Jonke, 1971, pp. 292-3), the language policy in two Yugoslavias considerably affected the active lexis of the Croatian standard language. The lexical revival process was reflected in the general (use) lexis such as: *glede, izvješće, nazočan, nazočnost, ozračje, postaja, sveza, tijek*) and to a much greater extent, in terminology, notably:

a) economic and legal terminology, for instance: *domovnica, (kazneni) zakon, ovrha, skrbnik, tvrtka*;

b) music terminology, for instance: *glazba, glazbenik, skladatelj, skladati, skladba*;

c) military terminology which was established at the end of the 19th century and was out of use from 1918 to 1941 and from 1945 to 1990, for instance: *bitnica, bojna, bojničnik, časnik, ophodnja, opskrbništvo, pješništvo, prijavak, satnija, satnik, stožer, vojarn(ic)a* and

d) computer terminology (Samardžija, 1999a).

4. The major portion of the lexical changes in the Croatian language in the 1990s resulted from an awakened puristic activity which is of a long and rich tradition in the Croatian studies. The range of the puristic activity is most articulately illustrated by the fact that between 1990 and 2000 there were 20-odd linguistic current usage books published (including reprints of two older books of the same sort). On average it would make two books per annum! The impact of this activity is most evident in internationalisms and anglicisms (angloamericanisms).

a) Puristic works in the Croatian linguistic practice in the 1990s affected a considerable reorientation from internationalisms to their Croatian equivalents,

so that today we can more frequently hear, for instance: *brzjav* instead of *telegram*, *dužnosnik* instead of *funkcionar*, *gospodarstvo* instead of *ekonomija*, *ozračje* instead of *atmosfera* (in the sense of "atmosphere, Stimmung"), *povjerenstvo* instead of *komisija*, *sustav* instead of *system*, *uljudba* instead of *civilizacija*.

b) Although Croatian and English came into direct contact on the threshold of the 1950s (up to that time anglicisms were adopted through German, for instance *šport*, *štrajk*), after the reorientation of the Yugoslav politics and discontinuation of all relationships with the Soviet Union and countries of the East Bloc, anglicisms did not pose serious problems up to the 1980s. Nevertheless, they had been subjects of puristic papers, as well as thoroughly described (Filipović, 1990). In 1990s the attention was mostly drawn to computer terminology (Mihaljević, 1993). Despite the fact that anglicisms were substituted by their Croatian equivalents only through individual endeavours, we can say that the Croatian equivalents were completely accepted for a series of anglicisms, such as *doigravanje* for *play-off*, *pisač* for *printer*, *računalo* for *computer*, *zaleđe* for *offside*. We have to admit that one of the linguistic experts had a few unsuccessful examples which were, due to their inappropriate and comic nature, preserved for posterity (for instance *mamutnjak* for *jumbo jet*, *velezgodinjak* for *jackpot*). It only confirms that in the future the issue of finding Croatian equivalents for anglicisms should be taken proportionally and with more professional (sociolinguistic) caution, constantly having in mind the plausibility of communicative appropriateness of certain solutions.

5. Besides the lexis, which is by its nature socially most diverse part of any language, in the 1990s there was an observation or at least indication of some changes in other layers of the Croatian standard language. Definitely it is of an utmost importance to pose a question of (re)organization of the Croatian prosodic norm which, ever since the end of the 19th century, has relied on new štokavian idioms with four accents (two falling and rising stresses respectively). The first Croatian grammarian who described and prescribed it wholly was Tomo Maretić (1899). The rules he established then are basically valid today in the codified prosodic norm of the Croatian standard language, regardless of their insignificant (more stylistic than substantial) changes in the Croatian grammar books of the 20th century. These regulations postulate:

- a) monosyllabic stressed words can only have falling stresses,
- b) disyllabic stressed words can have all stresses, but only on the first syllable,
- c) trisyllabic and polysyllabic stressed words can only have rising stresses on internal syllables and,
- d) last syllable of a stressed word cannot have any stress.

The circumstances in the practical prosodic norm of the Croatian standard language are somewhat different from the circumstances in the codified norm, first and foremost in the presence of falling stresses beyond the first syllable, i.e. on the inner and final syllable, which is partially determined by the conditions in čakavian, kajkavian and some (old)štokavian idioms, and partially

results from the impact of the prosodic conditions in foreign languages (loan-words). This suffices for the proposal to resolve the present normative conflict in such a way that the prescribed codified prosodic norm of the Croatian standard language changes in order to approach the one in use, or even to accept the present state in the normative usage as a new codified norm, and allow such stresses as, for instance: *fonêm, televîzija, vojnîk* instead of the present *fônem, telèvizija, vòjnik*. Presently this proposal is far from being accepted as it does not prescribe rules for a new norm and relies on the key argument – the condition in Croatian urban idioms, primarily that of Zagreb.

6. It is necessary here to dedicate a few words to the ortographic norm of the Croatian standard language. Ever since the first official ortographic book of the Croatian language was published at the end of the 19th century (Broz, 1892) the dilemma about the conception of the Croatian ortography has persisted: should it be morphonological (etymological), or phonological (phonetic)? The politics has constantly insisted upon keeping Croatian and Serbian ortography similar. Twice Croatian and Serbian were ortographically unified (1928 and 1954/60). There was a separate sociolinguistic episode between 1943 and 1945. It all led to an extremely long series of seventeen (17) ortographic handbooks which pushes the Croatian language to the fore, not only among the Slavic languages. Most of the handbooks were phonologically evisaged but as the difference between the two ortographic conceptions is transparent on the level of definition and typical examples, and to a much smaller and nearly insignificant extent in many concrete solutions, the Croatian linguistic and cultural public has recently discussed the justifiable (and desirable) extent of phonologicality of the Croatian ortography. It has resulted in the fact that today the Croatian ortographic norm is determined by *two ortographic books of the same, phonological conception* (Babić-Finka-Moguš, 2000 and Anić-Silić, 2001). How long will this unnatural and in the long run harmful duality last and whether and when it will be (consensually) overcome, is difficult to say right now. This duality might stimulate a serious and accountable conversation about the issue who in the Republic of Croatia is *linguistically recognized* to standardize and codify the written (and spoken) realization of the Croatian standard language in public and official usage.

8. Changes in the Croatian language in the 1990s were based on works which reflected how in the distant and recent past the politics directly affected some of the processes in the Croatian standard language (Moguš, 1993), especially between 1945 and 1990 (Babić, 1990, Selak, 1992).

Among the works published in the 1990s with obvious normative pretentions we certainly need to mention *Hrvatski jezični savjetnik* (Barić et al., 1999), the most comprehensive work in the series of Croatian purist works in the 1990s and the first volume of the three-volume grammar of the Croatian language published by the Croatian Academy of Arts and Science (Babić et al., 1991).

A considerable portion of the changes in the lexis of the Croatian standard language in the 1990s found its place in the lexicographic works published in

the Republic of Croatia in those years, primarily in two monolingual dictionaries of Croatian, one of which was published at the beginning of the 1990s (Anić, 1991), and the other at the end of the 1990s (Rječnik, 2000).

We can find useful data for our topic in a new dictionary of loan-words in Croatian (Anić-Goldstein, 1999), dictionary of new loan-words, new coin-words and new words, mostly collected from Croatian contemporary media sources (Brozović-Rončević et al., 1996), as well as a new edition of the dictionary of the Croatian jargon (Sabljak, 2001).

Finally, it is possible to find an outline of changes in the Croatian language between 1945 and 1995 in a book produced within the framework of the international scientific project *Najnowsze dzieje języków słowiańskich* (Lončarić, 1998).

9. Let us just mention here that in the 1990s other norms of the Croatian language (phonological, morphological, syntactic) have experienced insignificant changes or have remained unaltered which draws us to the conclusion that the political upheaval in 1990 terminated numerous negative processes in Croatian and enabled new processes (in lexis, prosody, orthography) which we can with good reason consider specificum of the 1990s, although at the moment their real extent cannot be fully grasped, let alone objectively evaluated.

References:

- Anić, V. (1991). *Rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb. Second edition (1994), Zagreb. Third edition (1998), Zagreb.
- Anić, V. and I. Goldstein (1999). *Rječnik stranih riječi*. Zagreb.
- Anić, V. and J. Silić (2001): *Pravopis hrvatskoga jezika*. Fourth edition. Zagreb.
- Babić, S. (1990). *Hrvatski jezik u političkom vrtlogu*. Zagreb.
- Babić, S., D. Brozović, M. Moguš, S. Pavešić, I. Škarić and S. Težak (1991). *Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika. Nacrti za gramatiku*. Zagreb.
- Babić, S., B. Finka and M. Moguš (2001). *Hrvatski pravopis*. Fifth revised edition. Zagreb.
- Barić, E., L. Hudeček, N. Koharović, M. Lončarić, M. Lukenda, M. Mamić, M. Mihaljević, Lj. Šarić, V. Švačko, L. Vukojević, V. Zečević and M. Žagar (1999). *Hrvatski jezični savjetnik*. Zagreb.
- Benešić, J. (1937). *Gramatyka języka chorwackiego czyli serbskiego*. Warszawa-Zagreb.
- Bošković, R. (1935). O leksičkoj i stilskoj diferencijaciji srpskoga i hrvatskoga književnoga jezika. *Naš jezik*, III, pp. 277-282.
- Brozović-Rončević, D., A. Gluhak, V. Muhvić-Dimanovski, L. and B. Sočanac (1996). *Rječnik novih riječi. Mali vodič kroz nove riječi i pojmove u hrvatskim glasilima*. Zagreb.
- Filipović, R. (1990). *Anglicizmi u hrvatskom ili srpskom jeziku: porijeklo, razvoj, značenje*. Zagreb.

- Guberina, P. and K. Krstić (1949). *Razlike između hrvatskoga i srpskoga književnog jezika*. Zagreb (Reprint: 1977, Mainz).
- Jonke, Lj. (1971). *Hrvatski književni jezik 19. i 20. stoljeća*. Zagreb.
- Lončarić, M., ed. (1998): *Hrvatski jezik*. Opole.
- Maretić, T. (1899). *Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*. Zagreb.
- Mihaljević, M. (1993). *Hrvatsko računalno nazivlje*. Zagreb.
- Moguš, M. (1993). *Povijest hrvatskoga književnog jezika*. Zagreb. Translations: (1995). *History of Croatian Literary Language*. Zagreb and (2001). *Geschichte der kroatischen Literatursprache*. Zagreb.
- Pranjković, I. (1997). Hrvatski standardni jezik u staroj Jugoslaviji. *Croatica*, XXVII, 45-46, pp. 147-155.
- (2000). *Rječnik hrvatskoga jezika*. Editor-in-chief: Šonje, J., Zagreb.
- Sabljak, T. (2001). *Rječnik hrvatskoga žargona*. Zagreb.
- Samardžija, M. (1999a). Dvojbe oko internacionalizacije leksika na primjeru hrvatskoga glazbenog i računalnog nazivlja. In the book Bosák, J. (ed.): *Internacionalizácia v súčasných slovanských jazikoch: za a proti*. Bratislava, pp 67-74.
- Selak, A., ed. (1992). *Taj hrvatski*. Zagreb.

MAGYAR–DÉLI SZLÁV REGIONÁLIS KAPCSOLATOK –
ETNOLINGVISZTIKAI MEGKÖZELÍTÉSBEN

Az élőnyelvi dialektológiai kutatásokban az általam használt **etnolingvisztikai** minősítő jelző nem a Sapir–Whorf-féle nézeteket idézi, hanem csupán olyan szemléletre céloz, amelynek alapján a „nyelvészeti néprajz” megnevezés talán helyesebb lenne. Ez a törekvés/aspektus a nyelvet, illetőleg változatait használó-hordozó **embercsoportokra/etnikumra** nagyobb mértékben fordítja figyelmét; elmélyült érdeklődést tanúsít a beszélő-közösség történelmi-társadalmi-kulturális viszonyai iránt. Ugyanakkor nem hagyja figyelmen kívül magát a **nyelvi régiót**, amely nem csupán földrajzi keretül szolgál a kutatás tárgyát tekintve, hanem egyben sokoldalú **kontextus** is. A **régió** mint etnikai-nyelvi-kulturális-gazdasági egység a rejtett összefüggésekhez nélkülözhetetlenül fontos támpontokat nyújt.

Az etnolingvisztikai vizsgálódás mindig régióból mint természetes egységből indul ki. Olyan táji alakulatokról van szó, amelyekben a **beszélőcsoport**, a **nyelvi helyzet** és a **kultúra** tartós kapcsolata fennáll(ott). Ennélfogva a történelmi-néprajzi-nyelvi „egységek” a kutatásban kiemelt szerepet kapnak. Már itt megjegyzem, hogy az **egység** megnevezést rugalmasan kell értelmeznünk, nem lehet sem a társadalom, sem a nyelv és kultúra részlegeiben abszolutizálnunk. Az említett kategóriákban inkább a (tartós) összetartozást jelenti, ám bizonyos fokú mobilitást is tudomásul kell vennünk. Egyébként az etnolingvisztikai kutatás élénken érdeklődik a népcsoportok mozgása/mozgatása iránt a régiókban.

Az **etnolingvisztikai kutatások** a mából indulnak ki, szinte akaratlanul is jelentős szinkrón nyelvi anyag birtokába jutnak – és így igen hasznosak a leíró kutatások számára is –, de valójában **retrospektív szemléletűek**, és ennélfogva a **múltat** kutatják: nyelvet, nyelvi körülményeket, etnikumot, kultúrát. A szóban forgó kutatási törekvésekben kézzelfoghatóan mutatkozik meg a nyelv és beszélő-csoport sokrétű kapcsolata, amelyben a nyelvi változás energiái rejteznek. Az írott emlékek/források szerepét, jelentőségét, valamint módszeres elemzését nem kívánom megkérdőjelezni.

Ám a régió nyelvének, a **népnyelvnek vertikális feltárása**, elemzése nem szorulhat tartósan háttérbe! Ugyanakkor világosan kell látnunk, hogy a népnyelvnek etnolingvisztikai kutatása anyagiakban, időben egyaránt költséges vállalkozás, hiszen **összehangolt háttérkutatásokat** igényel; ennélfogva szükség van nép- és település-történeti, néprajzi, demográfiai, gazdaságföldrajzi stb. feltárásokra, összefogott információkra. Így juthatnánk el az **eszményi célhoz**, egy olyan szervezett, komplex kutatáshoz, amely a legszélesebb értelemben **embertudomány**.

A körvonalazott kutatási irányzat arra törekszik, hogy a nyelvi jelenségeket az emberi kultúra gazdag szövedékében mutassa be. A jövevényszók,

kölcsönszók halmazából, sőt tömegéből készülhet szótár – fontos is, hogy készüljön –, de nem szabad figyelmen kívül hagynunk, hogy azok a szóképzési elemek időben, térben valamilyen etnikai-társadalmi-műveltségi viszonyok között váltak szociális használatúvá, gyökereztek meg az átvevő beszélőcsoport nyelvében, kultúrájában. – A téma itt van előttünk! Tudománytörténeti szempontból legalábbis kedvező a helyzet az alapozáshoz, tervezéshez, szervezéshez.

A magyar **dialektológia** megújításra és megújulásra vár!

Noha elismeréssel tekintek az 1945 utáni „**atlaszdialektológiánkra**”, mégis meg kell mondanom, hogy immár több mint harminc éve dialektológiánk az útkeresés, bizonytalankodás jeleit mutatja. Nem tud kilépni a hangtani-morfonológiai alapú, atlasz-szemléletű „**nyelvjárások**” fogalmának bővös köréből. – Minthogy ez az irányzat elutasította a népnyelv teljes vertikumának kutatását, ennél fogva a nyelvi régió értelmezését sem képes vállalni. Így meg lehetőségen szubjektív alapon „születnek” a **magyar nyelvjárások** aszerint, hogy hány hangtani jelenséget, esetleg hangtani részrendszert tekintünk egy „nyelvjárás”-nak, illetőleg egy „nyelvjárástípus”-nak (vö. Imre: MMNyjR. 329 kk.), újabban egyesek a hangtani „nyelvjárások/nyelvjárástípusok” nagyobb egységét „nyelvjárási rigó”-nak nevezik (vö. Kiss: Magyar Dialektológia 262 kk.). – Fejtegetéséből talán világossá vált, hogy a régió fogalma a népnyelv fogalma nélkül nem képzelhető el.

Ha a részletekbe belemennénk, tisztáznunk kellene például a vizsgálódásaink látószögébe került tájegységek, régiók – Délnyugat–Nyugat–Északnyugat–Dunántúl – népének társadalmi struktúráját. Jelen esetben ezt a kérdést leegyszerűsítve, általában falusi (paraszti) lakosságot föltételezünk, noha ma is differenciáltabb a társadalmi kép, ám korábban is az volt.

Az etnolingvisztikai kutatások esetében a módszertani stratégiák a **nagyrégiókat** részesítik előnyben, különösen történeti aspektusból. – Több jel arra mutat, hogy a magyar nyelvterület délnyugati térségében – a történelmi Zala vármegye és közvetlen szomszédsága esetében – **egy nagyrégiót kell feltennünk**, amelyet tartósan, évszázadokig gazdasági-társadalmi-kulturális egységnek tekinthetünk, noha etnikailag több nyelvű volt. – Peremterületeken efféle etnikai-nyelvi állapotok éppen nem mennek ritkaságszámba. – Egyfelől **szlovén/vend–magyar**, másfelől **horvát–magyar** tartós kapcsolatok működtek, sőt ma is működnek e tájegységben. Több összefüggés arra utal, hogy a magyar–szlovén/vend kontaktus jóval korábban kezdődött, és kezdeti szakaszában „intenzívebb” volt. – Itt nem kívánom a kérdést bonyolítani, de mégis meg kell jegyezni, hogy a térség **horvát–szlovén** tartós kapcsolatot is hordoz. Sőt: a térség nyelvi kultúrájára – különböző arányban – a **bajor-osztrák** is rányomta bélyegét.

Tehát a magyar nyelvterület délnyugati nagyrégiója markánsan **multikulturális kapcsolatok** hordozója. Ez a helyzet egyfelől „kincsesbányája” lehetne az etnolingvisztikai kutatásoknak, másfelől ez a bonyolult – már-már kaotikus – kapcsolatrendszer megnehezíti az összefüggések tisztázását. –

Nem titkoljuk, hogy bizonyos vitás kérdések, megoldatlan problémák a szóban forgó helyzettel szorosan összefüggenek.

A fent körülírt régióban nagy valószínűséggel több irányú – és részlegesen talán többszörös? – asszimiláció zajlott le. – Helyi népiségtörténeti kutatások igen értékes munkát végezhetnének ebben a kérdésben. A kontaktus és interferencia szövevénye elmélyült kutatásra vár. A regionális szemléletű etnolingvisztikai kutatási módszernek előnye, hogy a történeti folyamatok elemzésében, vizsgálatában – a **régió adta kontextust** felhasználva – időbeli rétegeket „áshat ki” a „szinkronia” sokféleségéből. Ehhez a népiségtörténeti–gazdasági–művelődési stb. háttérinformációk segítséget nyújtanak. „Áruló jelek” egy régebbi nyelvállapotra vonatkozóan mindig fellelhetőek.

A szóban forgó nagyrégióban – mint ismeretes – egy sereg toldalék-morfémában máig nincs meg az „alapvető” hangrendi illeszkedés: **HOZ:** *firho, viszho, tüszho, kertho, székho, utho, szóho, falho, hászho* stb.; **NÁL:** *firná, vizná, tüzná, kertná* stb.; **VEL:** *vizze, tüzze, kézze ~ kezze, kapáje ~ kapáve, bussze* stb.; **UK ~ JUK, ÜK:** *kezik, bőrik, házik, lovik* stb. – Történetileg lényegében ide is kapcsolódik a dél-dunántúli archaizmus: *látí, tudi, mondi; látík, tudík, mondik*. – A délnyugat-dunántúli régióban él még a *tudnájik, mondanájik* archaikus tárgyias igealak feltételes módban, többes szám 3. személyben.

A fenti morfológiai archaizmusok azt bizonyítják, hogy a szóban forgó nagyrégióban valamikor/régen a **palatális labiális fonémák hiányoztak**, s így az *e – ě – i (?é)* fonémásor egyaránt „összefért” a magas és mély hangrendű morféimakkal. Törmorfémában is előfordulnak még palatális illabiális régiességek: *tiker, nyig, izen* (vö. Gönczi: Göcsej, 493). – Hasonló archaizmusok Nyugat-Dunántúl konzervatívabb régióiban még fellelhetőek. Beke Kemenesaljáról közli: *tikër, nyig, mëgnyigëz* (lovat), *fírísz, innep, físzfa, míhe* (műhely), *irëm, irmës* (Beke: NyF. 8), hasonló állapotot jelez Pápa környékéről is a szerző (vö. Beke: NyF. 17. 9).

Mindmáig nincs tisztázva, hogyan lett *ü-ző, ö-ző* a délnyugati nagyrégió magyar nyelvváltozata/változatai. A kérdés megnyugtató tisztázásához még további kutatások szükségesek. Annyit viszont megkockáztatnék, hogy a **szlovén/vend palatális labiálisokat** nem lehet közvetlenül a szóban forgó nagyrégió magyar nyelvi változatainak hatásával magyarázni, szemben a tudományos közleménnyel. Mintha ez a felfogás tükröződnék Erzsébet, Embersics dolgozatában (vö. Nemzetközi Szlavisztikai Napok III. 1988. 170–1).

Nyelvjárásgyűjtés – ma inkább úgy mondanám: népnyelvkutatás – céljából 1976 őszén volt alkalmam először a Muravidék (Szlovénia) magyar falvaiban járni, és a magyar–szlovén nyelvi kapcsolatokra felfigyelni. Ekkor tudatosult bennem, hogy a nyugati magyar régiók, területi változatok dialektológiai témái között a nyelvi kapcsolatok, kontaktus- és interferencia-kutatásának kiemelt helye van. Arról is egyre jobban meggyőződtem, hogy a magyar dialektológiának a hangtani-morfológiai szintnél nem szabad megrekednie, bármennyire látványosak a hangtani izoglosszák, a fonológiai részrendszerek.

Ám a beszélő-közösséget nem lehet kihagyni a nyelvi kutatásokból, amint már fent ezekre az összefüggésekre utaltam.

A dialektológia alapján véve **területérdekű!** – Idők folyamán különböző belső és külső okokból egy-egy régió népessége részlegesen vagy teljesen megváltoztat(hat)ja – gyakran meg is változtatta – lakóhelyét. Nem ritka jelenség, hogy más – esetleg több – régióból származó, azonos vagy idegen nyelvű csoportok egy-egy (nagy)régióba betelepülnek. – Amennyiben a népiségtörténettel nem foglalkozunk, nem tudjuk megfejteni a korábbi időszak történéseit. Az **etnolingvisztikai** aspektusú **dialektológia** komplex szemléleténél/módszer-tanánál fogva hivatott regionális nyelvjárástörténeti kutatásokra is.

A történelmi Magyarország nyugati sávja – különösen a 16–18. században – délről északi, északnyugati irányban valóságos „felvonulási terület” volt. A lakosság a török veszély elől menekült. Különböző **horvát népcsoportok** a korábbi lakhelyükről húzódtak állandóan északabbra. A jelzett időszakban igen jelentős számban horvát ajkúakat telepítettek le birtokaikra Vas, Sopron, Moson vármegyékbe a Batthyányak, Erdődyek, Eszterházyak. – Ám a délnyugati magyar régiókban a magyarság a szlovén/vend lakossággal talán már István királytól kezdve szorosabb kapcsolatba került. – Számos szláv település a tatárjárást követő évtizedekben, évszázadban keletkezett.

Különösen a 16–17. század a déli régiókban élő magyarság jelentős részének is az eredeti lakhelyükről való menekülést nyújtotta osztályrészül. A magyar migráció nyilván sok délnyugati területi nyelvi elemet „széthintett” az említett mozgástérben. – Legszebb nyelvöldrajzi képét talán éppen az *l*-ezés izoglosszája mutatja. – De nyilván számítani kell arra is, hogy a 18–19. században az „alsóbb néprétegek” egy jelentős része a nagybirtokokon szétszóródva – a szélrózsa minden irányába – terjesztette a markáns nyelvjárási jelenségeket. – A szórványos *ü*-zés, *ö*-zés, valamint az *explozív ty/gy*-zés hasonlóan terjedhetek, mint például a nyugati, északnyugati régiókba települt horvát etnikumoktól származó jövevényszók, kölcsönszók.

Így például a *rénye* (1788. szb.-h. Kaj) izoglosszája (vö. Nyatl. 401.) Sopron, Győr megye területe és Veszprém megye északnyugati pontjai. Az átvétel valóságos ideje sem lehet korábbi a 18. századnál. Nagyjából a fent említett régióban található **ételnevek**: *prósza* (1772.), 'köleslepény, kukoricalisztból készült pogácsa'; *gánca* ~ *gánica* (1792.) 'pirított lisztből készült étel', *porozinkó* 'smarni'. ? *szalados* (1793) 'csiramálé' stb. (A lexikai adatoknak a magyar írásbeliségben való első (ismert) előfordulása tekintetében mindig a TESz. adataira hivatkozom.) – Ezek az ételnevek már egy szorosabb népi együttélés emlékei lehetnek. Az uradalmakban, ahol közös konyha volt a családok számára, a nők egymástól eltanulták az ételek készítését megnevezésükkel együtt.

Míg a kb. 18. századi telepes **horvátoktól származó átvételek**, kölcsönzések az északnyugati régióban találhatóak, addig a korábbi időszakból eredő déli szláv szóképzleti elemek olykor azt az utat tették meg, amelyet például lényegében az *l*-ezés is megjárta, azaz a **déli→északi migráció** régióit. A

Magyar Nyelvjárások Atlasza 121. lapján a *szelence*² 'orgonavirág, orgonafa/bokor' izoglosszája arra utal, hogy szavunk a délnyugati régióból terjedt el. A szó nyelv földrajzi képe megerősíti a TESz. véleményét: „valószínűleg szlovén eredetű” (i. m. 3: 708).

A **déli szláv jövevényszók felgyűjtése** – különösen Dunántúlon, adott esetben a nyugati magyar régiókban – még ma is sok hiányt jelez. A szókészleti anyag etimológiai feldolgozása még hézagosabb, noha a magyar nyelvtudományban a szlavisztikának igen régtől kitüntetett helye van. – A kérdést méltányosan szemlélve mégis megállapíthatjuk, hogy a tájszótárak, a MNyJA., a különböző kistalaszok, a megyei földrajzi neves kötetek – sőt, még a szombathelyi élőnyelvi nyelv földrajzi gyűjtések is – tetemes nyelvi anyagot hordoznak. Noha a módszeres etnolingvisztikai kutatások csak kezdeti szakaszukban tartanak, mégis számos összefüggés, sejtés, asszociáció merül fel a nyelvi anyag alapján, amely egy tágabb **nyelvészeti néprajz** irányába mutat.

Feltűnően sok vízrajzi névvel találkozunk a földrajzi nevek között. Századokkal ezelőtt a felszíni vizek, mocsarak nagyon elhatalmasodtak. Az éghajlat/időjárás sokkal csapadékosabb volt. A szókészleti anyagban a folyószabályozás, az árvízvédelem munkálatainak is nyoma van (*gát, ösztörű ~ észterő*). A földrajzi nevek alapján megállapítható, hogy sok volt a (vízi)malom, zsilip, gyakori foglalkozás volt a (vízi)molnáré. – A *fazekas* mellett sok volt a *göloncsér*. – A 18–19. században – különösen az uradalmakban! – egyre közelebb kerülnek a horvát és magyar etnikumok a nyugati–északnyugati régióban. A magyar régiók szókészletét bővítik avagy frissítik a déli szláv elemek.

Az etnolingvisztikai kutatások szempontjából még ma is gyümölcsöző lenne olyan munkatérképet készítenünk, amelyen a meghatározó nagybirtokok majorjait, gazdasági központjait feltüntetnénk kutatópontok kijelölése céljából. A hajdani majorok, puszták ma már sok esetben önálló települések, esetleg egykori lakói valamelyik közeli településre kerültek be, rendszerint egy külön településrészt alkotva.

Magyar, valamint horvát, szlovén részről hasznos lenne **nyelvi kapcsolatainkat** kölcsönösen kutatnunk, hiszen tudnunk és látnunk kell, hogy **multikulturális területen élünk**. Mérheterlenül sok szál fűzi össze múltunkat, történelmünket, kultúránkat. Itt, Szombathelyen szubjektíve is és objektíve is megvan a lehetősége annak, hogy a szóban forgó néprajzi szemléletű kontaktuskutatásokat „intézményesítsük”, hiszen részünkről a kezdeményezés már régen elindult. Ehhez kívánok a jövőt illetően minden csatlakozó félnek jó munkát és sok sikert!

СЕМАНТИЧЕСКАЯ НАПОЛНЯЕМОСТЬ МЕТАФОРЫ
"ПУТЬ К ГОРНЕМУ СВЕТУ"
(На материале русской поэзии XIX века)

В русской поэзии как воспреемнице лучших традиций мировой духовной культуры выделяется корпус текстов, объединяющихся общим заглавием "Путь к горнему Свету". Ближайшим поэтическим образцом для медитаций на эту тему послужил новозаветный сюжет "Преображение Господа Иисуса Христа", где, в частности, сказано: "...и взяв Петра, Иоанна и Иакова, *взошёл* Он на гору помолиться" (Лк. 9:28); "когда же он говорил это, явилось облако и осенило их; и устрашились, когда *вошли* в облако" (Лк. 9:34;¹ курсив наш – О.С.). Обращает на себя внимание тот факт, что движение человека к Свету запечатлено в Евангелии сначала как путь "внешний" (восемь дней апостолы шли с Христом на гору Елеонскую), а затем как путь внутренний (их осенило облако), то есть рассказ о Преображении ведется в двух планах – образно-поэтическом и символично-метафизическом. С этой точки зрения было бы интересно взглянуть, что представляют собою художественные тексты, повествующие о пути к горнему Свету.

I. Прежде всего сам Свет воспринимается как пространство, в одних случаях безграничное или ограниченное: порог, царство, море, жилище, обитель, мир (примеры 1 – 7), в других – неопределённое, означенное указательным местоимением "там" (примеры 8 – 10):

1. Он стал близ горнего Совета,
*У прага истины и света*² (Глинка Ф.Н.)
2. <...> из пыльного мира темных гробов
*Проникнул он в царство небесного света*³ (Жуковский В.А.)
3. Лети, но в горнем море света <...>
*О младших братьях не забудь!*⁴ (Хомяков А.С.)
4. Да воспарит душа бессмертна <...>
*К жилищу Света Невечерня!*⁵ (Ленкевич Ф.И.)
5. Из тьмы в обитель света
*Мечтал подвинуть род людской.*⁶ (Огарев Н.П.)

¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке // М., Российское Библейское общество, 1997.

² Глинка Ф.Н. Иов. Свободное подражание Священной Книге Иова // Сочинения: В трех томах. М., 1869-1872, т.3. (Здесь и далее выделено мной – О.С.)

³ Жуковский В.А. Наль и Дамянти. Индейская повесть // Стихотворения 1797-1851 гг. Л., Сов.писатель, 1956. Б.п. Б.с.

⁴ Хомяков А.С. Орёл // Стихотворения и драмы. Л., Сов.писатель, 1969. Б.п. Б.с.

⁵ Ленкевич Ф.И. Феодицея // Поэты-радищевцы. Л., Сов.писатель, 1979. Б.п. Б.с.

6. Вступаем в царство света <...>⁷ (Майков А.Н.)
 7. Перенесён я в дивный, чистый мир
 Гармонии и света! <...>⁸ (Языков Н.М.)
 8. Он там, где Свет Неизреченный⁹ (Кюхельбекер В.К.)
 9. Где я? Святое чадо света! вижу
 Тебя я там, куда мой падший дух
 Не досягнёт уже¹⁰ (Пушкин А.С.)
 10. Там, – за синей далью, – взоры
 Вдруг встречали Крест и Свет!¹¹ (Глинка Ф.Н.)

II. У Глинки Ф.Н. изображение Света метафорически представлено как движущаяся субстанция, он "бежит", "летит", "приходит":

11. Отколь бежит мне в душу свет?¹²
 12. И пыль, и дым, и демоны, чернеясь,
 Боролися с летевишим в бездну светом¹³
 13. Не приходил ожидаемый к нам свет!¹⁴ (Глинка Ф.Н.)

III. Свет – это некая притягательная сила, влечение к которой ощущается человеком как движение:

14. Его зовет и манит вечный свет¹⁵ (Кюхельбекер В.К.)
 15. Без страху я теперь оставлю мир земной –
 И лучший вижу свет теперь перед собой¹⁶ (Мерзляков А.Ф.)

IV. Осознанное влечение к свету есть уже начало движения к нем. Оно выражается в словах "стремленье", "ищет", "порывы к...", "мечтал":

16. И снова в томном сердце воскресает
 Стремленье в оный таинственный свет¹⁷ (Жуковский В.А.)
 17. <...> Тот, кто ищет свет, <...>

⁶ Огарев Н.П. Crescendo // Стихотворения и поэмы. Л., Сов.писатель, 1956. Б.п. Б.с.

⁷ Майков А.Н. Мать и дочь // Избранные произведения. Л., Сов.писатель, 1977. Б.п. Б.с.

⁸ Языков Н.М. Жар-птица. Драматическая сказка // Стихотворения и поэмы. Л., Сов. писатель, 1988. Б.п. Б.с.

⁹ Кюхельбекер В.К. Ижорский. Мистерия // Избранные произведения: В двух томах. М.-Л., Сов.писатель, 1967. Б.п. Б.с. Том 2.

¹⁰ Пушкин А.С. Пир во время чумы // Полн.собр.соч.: В 17-ти тт. М., Воскресенье, 1994, т.7. Драматические произведения.

¹¹ Глинка Ф.Н. Таинственная капля. Народное предание // Там же, т.2, кн. 1, 2.

¹² Глинка Ф.Н. Голос души // Там же, т.1.

¹³ Глинка Ф.Н. Таинственная капля... // Там же, т.2, кн. 1, 2.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кюхельбекер В.К. Агасвер. Поэма в отрывках // Избран.произведения: В двух тт. М.-Л., Сов.писатель, 1967. Б.п. Б.с. Том 2. Поэмы.

¹⁶ Мерзляков А.Ф. Письмо Вертера к Шарлотте // Стихотворения. Л., Сов.писатель, 1958. Б.п. Б.с.

¹⁷ Жуковский В.А. Двенадцать спящих дев. Старинная повесть в двух балладах. Вступление // Стихотворения 1797-1851 гг. Л., Сов.писатель, 1956. Б.п. Б.с.

- Над тем у ада власти нет¹⁸ (Толстой А.К.)
18. <...> *К свету* <...>
Высокие *порывы* видим мы¹⁹ (Бенедиктов В.Г.)
19. Из тьмы *в обитель света*
Мечтал подвигнуть род людской²⁰ (Огарев Н.П.)
- V.** О Христе как Свете – Путеводителе повествует чаще других Ф.Н.Глинка (ср. с утверждением Иисуса Христа: *Аз есмь Путь, Истина и Жизнь* – Ин. 14:5):
20. О, будь же Ты для заблужденных
И Вождь, и *Путеводный Свет!*²¹
21. *Веди* ж меня из сей темницы,
*Во Свой Незаходимый Свет!*²²
- Подобно нити Ариадны, выводящей из лабиринта, свет сам символизирует путь:
22. *Не ходим света* мы *путями*²³ (Державин Г.Р.)
- И движение к свету воспринимается человеком как путь:
23. <...> ведь наперснику судеб
Не даром достаётся *путь к свету*²⁴ (Кюхельбекер В.К.)
- Зачастую на этом пути свет выступает как источник освещения дороги:
24. И его смиренный *путь*
*Светом райским золотится*²⁵ (Бенедиктов В.Г.)
25. *Свет разливая* на наши сердца,
Путь озаряет к селеньям Отца²⁶ (Ободовский П.Г.)
- VI.** Переход из свет в мир и обратно ощущается то как кратковременный, мгновенный, то как долгий и трудный:
26. *Переселился ты в иной, безвестный свет*²⁷ (Апухтин А.Н.)
27. Но, *возвратясь* в земной туман
*Из чудных тех разливов света*²⁸ (Глинка Ф.Н.)

¹⁸ Толстой А.К. Дон Жуан // Полн.собр.стихотворений: В 2-х тт. Л., Сов.писатель, 1984. Б.п. Б.с. Том 1.

¹⁹ Бенедиктов В.Г. Альфред Мейснер. Жижка (Главы из поэмы) // Стихотворения. Л., Сов.писатель, 1983. Б.п. Б.с.

²⁰ Огарев Н.П. Там же.

²¹ Глинка Ф.Н. Жажда покоя // Сочинения: В трех тт. М., 1869-1872. Т.1. Опыты священной поэзии.

²² Глинка Ф.Н. Молитва души // Там же.

²³ Державин Г.Р. Фелица // Стихотворения. Л., Сов.писатель, 1957. Б.п. Б.с.

²⁴ Кюхельбекер В.К. Кассандра. Поэма // Там же, т.1.

²⁵ Бенедиктов В.Г. Буря и тишь // Там же.

²⁶ Ободовский П.Г. Утро // Поэты 1820-1830-х годов: В двух тт. Л., Сов.писатель, 1972. Б.п. Б.с. Том 1.

²⁷ Апухтин А.Н. Памяти Нептуна // Полн.собр.стихотворений. Л., Сов.писатель, 1991. Б.п. Б.с.

28. <...> Из пыльного мира тёмных гробов
*Проникнул он в царство небесного света*²⁹ (Жуковский В.А.)

29. Из ночи таинственной храмов своих
Все они *вышли на свет в этот миг*³⁰ (Аксаков К.С.)

VII. Многообразно представлен само движение на пути к свету:

а) это может быть исход, паломничество:

30. Меж тем как мы из жизненного мрака <...>
*Вступаем в царство света...*³¹ (Майков А.Н.)

31. И мертвая из гроба встанет
И *выйдет в свет* Твоих лучей!³² (Хомяков А.С.)

32. И, свергнув бранный свой покров,
*Прешла во Свет непреходящий*³³ (Каменев Г.П.)

б) чаще других путь к свету обозначается через метафору "полет":

33. О бесконечный Дух! Дай силы мне, *дай крылья*
*Взлететь в Твой горный свет!*³⁴ (Бенедиктов В.Г.)

34. И к свету горному направил свой *полет*³⁵ (Полежаев А.И.)

35. И, к вечности *летя, на свет* другой *взираю*³⁶ (Мерзляков А.Ф.)

36. *Свет дивный* взоры ослепил <...>
Душой я к небу *возлетел*³⁷ (Шевырёв С.П.)

в) реже дорога к свету рисуется как воспарение, вознесение, течение:

37. *Да воспарит* душа бессмертна <...>
*К жилищу Света Невечерня!*³⁸ (Ленкевич Ф.И.)

38. <...> к Вечному *облако света*
Их вознесло <...>³⁹ (Жуковский В.А.)

39. *Да притечем* и мы *ко свету*⁴⁰ (Пушкин А.С.)

²⁸ Глинка Ф.Н. Молись, душа // Там же. Том 1.

²⁹ Жуковский В.А. Наль и Дамянти // Там же.

³⁰ Аксаков К.С. Из "Фауста" <Отрывок из первого действия> // Поэты кружка Станкевича. М.-Л., Сов.писатель, 1964. Б.п. Б.с.

³¹ Майков А.Н. Мать и дочь // Там же.

³² Хомяков А.С. Воскрешение Лазаря // Там же.

³³ Каменев Г.П. К П.С.Л.Р. // Поэты начала века. Л., Сов.писатель, 1961. Б.п. М.с.

³⁴ Бенедиктов В.Г. Боги Греции // Там же.

³⁵ Полежаев А.И. Человек. К Байрону (Перевод из Ламартина) // Стихотворения и поэмы. Л., Сов.писатель, 1987. Б.п. Б.с.

³⁶ Мерзляков А.Ф. Письмо Вертера к Шарлотте // Там же.

³⁷ Шевырёв С.П. Сила духа // Поэты 1820-1830-х годов: В двух тт. Л., Сов.писатель, 1972. Б.п. Б.с. Том 2.

³⁸ Ленкевич Ф.И. Феодицея // Там же.

³⁹ Жуковский В.А. Аббадона // Сочинения: В трех томах. М., Худож.лит., 1980, т.2.

⁴⁰ Пушкин А.С. Подражания Корану // Там же, том 2, кн.1.

VIII. Достижение света, пребывание в нём воспринимается как сияние, растворение в свете, исполненность им, озарение и преобразование в луч света, то есть путешествие, но уже в другом качестве: как нечто невесомое, невидимое, способное предстать пред Богом:

40. *Сияя горним светом* <...>

Взлечу на Геликон⁴¹ (Пушкин А.С.)

41. *Теряюся совсем в Неизреченном Свете*⁴² (Карамзин Н.М.)

42. Тогда мы, *светом озаряся,*

Пойдем, поклонимся Творцу⁴³ (Карамзин Н.М.)

43. И здесь, впервые *полон света,*

Исходит он, *как новый луч*⁴⁴ (Бенедиктов В.Г.)

Повествуя о движении к горнему Свету, русские поэты, конечно же, отдавали себе отчет в том, что путь к Свету – акт многотрудный, требующий всецелого подвижнического посвящения себя умному деланию. Совершается оно во имя обретения Божией благодати, слияния с теми энергиями, которые принято называть Божественными и которые дают человеку полноту пребывания в Боге, делая его бессмертным. Сопоставим художественные тексты с тем, как об этом пишет поэт-подвижник прп. Симеон Новый Богослов, удостоившийся неложно видения Божественного Света:

... Соединятся с Богом те,
Кто в покаянии живут,
Кто, очищая дом души,
И удаляясь от других,
Ведут монашескую жизнь, <...>
Их келья – небо, а они –
Как солнце, ибо в них живет
Незаходимый Божий свет,
Что *просвещает* всех людей,
Грядущих в мир, что *светит* всем
Рожденным свыше от Него.⁴⁵

Очень важным условием, предшествующим условиям слиянию с Божественными энергиями, по мнению прп.Симеона Нового Богослова, является акт покаяния, очищения от греховного начала, удаления от мира в затвор, то есть монашеский образ жизни, повествование о котором отсутствует в художественных текстах. Поэты, в отличие от богословов-

⁴¹ Пушкин А.С. Городок (К * * *) // Там же, т.1.

⁴² Карамзин Н.М. Из юных нимф её дочь Тамеса, Лодона... // Полн.собр. стихотворений. М.-Л., Сов.писатель, 1966. Б.п. Б.с.

⁴³ Карамзин Н.М. Господину Дмитриеву на болезнь его // Там же.

⁴⁴ Бенедиктов В.Г. Прости!.. // Там же.

⁴⁵ Симеон Новый Богослов, прп. Прииди, Свет Истинный. Избранные гимны // СПб., Алетея, 2000. С.93.

гимнографов, начинают рассказ о Свете, минуя ступени духовной лестницы, тогда как для духовного труженика это единственно возможный путь.

Один из своих "Божественных гимнов", в котором повествуется о горнем Свете, прп. Симеон Новый Богослов назвал "Алфавит в двуступенных, побуждающий и наставляющий *на путь* к совершенству жизни того, кто недавно *удалился* от мира". В нем, в частности, использована лексика, семантически объединенная вокруг ядра "путь": "удаляйся", "избегай", "не встречайся", "приди" и другая, например:

...Считай себя *странником*, нищим, слугою –
И станешь велик, если это исполнишь. <...>
Очистившись сердцем, умом просветившись <...>,
Божественный свет ты сподобишься видеть...⁴⁶

Иногда этот свет сам является неожиданно:

О, что за вещь, сокрытая
Для всякой тварной сущности?
И что за свет в уме моем
Ни для кого не видимый? <...>⁴⁷

Метафизическому переходу в свет предшествует состояние, называемое св.Дионисием Ареопагитом "божественный мрак"⁴⁸ (вариант: "темный воздух", "стена", "море"):

...Кто *перешёл* тот *темный воздух*,
Который назван был *стеною*
Царём Давидом, а Отцами
Наименован "*морем жизни*",
Кто в *пристань* тихую *ступает*,
Тот блага вечные находит...⁴⁹

Как высшая награда для праведника – приближение к нему Самого Христа:

... К тем, кто видят, *приходит*
Он как свет среди света,
В светозарном сияньи все Его созерцают.⁵⁰

⁴⁶ Там же. С.60.

⁴⁷ Там же. С.78.

⁴⁸ Обращаясь к епископу Ефесскому Тимофею, Дионисий Ареопагит пишет: "...изо всех сил устремись к соединению с Тем, Кто выше всякой сущности и познания. Неудержимым и абсолютным из себя и из всего исступлением, всё оставивший и от всего освободившийся, ты безусловно будешь возведен к пресущественному сиянию *божественной тьмы*" (курсив наш – О.С.) // Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии. – В кн.: Мистическое богословие Восточной церкви. М., 2001. С.573.

⁴⁹ Там же. С.86.

⁵⁰ Там же. С.71.

Самое большее, на что уповает просветившийся, – это пребывание в Боге после смерти:

...Хотя Господь живет в святых,
Но и святые также в Нём
Живут и *движутся* всегда:
Ходя во свете Божества,
Ступают, словно по земле,
Как небожителей чины.⁵¹

Святоотеческая практика "умного делания" утверждает, что встречей с Божественным Светом не оканчивается путь подвижника. Напротив, восхождение по лестнице небесной бесконечно, поскольку духу не может быть поставлен предел. "Ходить во свете" – это не только "пребывать в Нем", но и "быть восхищенным" выше, то есть "быть преображаемым" в самой бесконечности. Поэт не есть духовный подвижник в строгом, церковном смысле слова, но, преумножая данный ему от Бога творческий талант, тоже идет к Богу и ведёт за собою своего читателя, создавая образы Света, в одних случаях близко следуя текстам библейской и церковной поэзии, в других – симфонически сочетаясь с ними, в третьих – исходя из них и вдохновляясь ими.

⁵¹ Там же. С.94.

НАЦИОНАЛНА СУМАТРА МОТИВ СЕНТАНДРЕЈЕ У ДЕЛУ МИЛОША ЦРЊАНСКОГ

Сентандреја у делу Милоша Црњанског не заузима централно место: аутор "Сеоба" ретко помиње овај живописни градић на обали Дунава, који је током историје израстао у монументално знамење свих српских сеоба, одлазака из отаџбине, ишчезнућа у страниј средини, али и бивше славе и величине. У овом раду сам, ипак, покушао да покажем како је Сентандреја као вишеслојни симбол јасно и детаљно уобличена у прози Црњанског. Она се, сједне стране, јавља као симбол сеоба и нестајања, затим као симбол националног поноса, некадашње материјалне и духовне раскоши, и на крају, као типичан и доследно уобличен суматраистички мотив, симбол жуђеног, далеког уточишта у којој се песникове душа смирује.

Сентандреја као симбол сеоба, нестајања

Сентандреја као симбол сеоба и нестајања појављује се у прози Црњанског већ 1919. године, у лирски интонираном дневничком запису "Три крста". Писац већ у другом пасусу првог дела текста, који носи поднаслов "Сент Андерја", речима "смрт, због које сам дошао" јасно одређује основни тон својих размишљања. "Дунав ће мој, Дунав ће мој све обухватити сјајним појасом и однети, однети, однети", предсказује Црњански песничким, пророчким тоном неизбежну судбину града и додаје: "Остаће на небу румени брег и празне цркве над водом."

Слична осећања Црњански формулише у тексту "Мртва Сентандреја" насталом 1923. године, упоређујући славну прошлост и суморну садашњост града:

Узалуд се залази под улице у мале крчме, веселости туда више нема. Узалуд се траже стари мајстори, не чује се више псовка ћурчије, ни сребрна мамуза чизмара.

...

Од свега тога града, у ком су се преписивале књиге, ковали крстови, у еснафима, општинама, корпорацијама, што су за своје иконе задевале печате и повластице, где је први пут отворена учитељска школа, прво српско књижевно друштво, ја сам нашао само седам празних цркава, што гледају у воду пуну пролећа.

"Нека нико не тражи тамо, на северу, друго до наша гробља", сумира своје суморне утиске Црњански.

У лирском роману "Дневник о Чарнојевићу" мотив сеоба и мотив ишчезнућа у старој средини, стапају се у један јединствени симбол нестанка, а истовремено се и литерарно дорађују. Бег главног лика од љубавнице на крају романа и његов одлазак у Сентандреју, као да је митски опис Сеоба, одбацивања љубави, топлине, сигурности, и одласка у туђину, у непознат крај, у нестанак, ишчезнуће. Помало инферналне околности одласка - бекства како сам аутор каже - појачавају тај утисак:

Побегао сам од ње у зору. Моји војници ме зачуђено гледаху а ја одох лађи. Неиспаване и барусаве жене, склањале су ми децу с пута као да бежах нечастиви. После су пролазила крај нас брда, шуме и виногради. Ја волим да се селим.

Трауме сеоба, странствовања, расипања снаге нација и његовог нестанка, око којих се врти цео живот Милоша Црњанског, и које су, у исти мах, у самом средишту српске историје, у "Дневнику о Чарнојевићу" се литерарно транспонују у опис "мртвог града", Сентандреје, која на тај начин прераста у универзални симбол поменутих мотива:

Кад смо стигли, видео сам градић, где ми се родила мајка. Он беше пун цркава, на којима ћуте звона. Тај градић је гробница мојих дедова. Био сам сентименталан. Стадосмо пред неким баштама. Прошао сам крај малих кућица, опкољених вртovima, у стрме улице и завиривао сам. Понегде сам видео шарену Косовску вечеру, а понегде сам видео ћилимове, које толико волим. Питао сам неког да ли познаје господина Јашу Игњатовића, али ме старац погледа и рече тихо, мађарски, да га не познаје. Смрт се крије у вртovima. Свуд ме дочекаше вртovi. Цркве су биле празне и хладне, кашљао сам у њима. Цркве су биле празне и мрачне, а прозори прашни и мутни као моје очи.

Опис града као "горбнице дедова" главног лика, Рајића - који је у роману отелотворење судбине читавог народа - може дакле да се схвати као метафора, где је Сентандреја оличење српске судбине, те је њеним умирањем сахрањен део славне српске прошлости, један од најсветлијих периода историје овог нација.

2. Сентандреја као симбол некадашње величине

Сентандреја, с друге стране - као што смо то на почетку напоменули - за Црњанског није само симбол нестанка, ишчезнућа, смрти, него и знамење некадашње славе, снаге и вере у опстанак у тешким временима. Она је доказ виталности народа који је, стигавши у страну средину као

избеглички пук, створио прелепи град, пун материјалног и духовног богатства, сачувавши своју веру, културу, понос, једном речју - идентитет.

У свом тексту који носи наслов "Текелијанум", - описујући значај чувене Задужбине Саве Текелије - Црњански указује на потребу очувања трагова српског присуства на овим северним просторима:

Колики је међутим тужни значај те задужбине за она наша стара насеља око Пеште, која лагано изумиру, доказују многи примери. Видео сам сељанке, које су долазиле из околних села, у Текелијанум, па су од ђака сузно и кришом односиле мале православне календаре да знају кад им је светац!

Сва околина Пеште има и сад наших старих, празних, напуштених цркава. Све мале, лепе варошице у брдима имају и сад још кућа, у којима се недавно говорило српски. Неће остати више од два-три села. Дуж целог Дунава наша су гробља, сахрањено богатство. Ни владичански дворови, ни библиотеке неће бити спасени. Не кажемо да би сав тај крај требало употребити за дипломатску борбу против Мађарске и велику мистификацију с мањинама пред Европом, али треба тамо да сачувамо своје задужбине, торњеве и звона и понос своје прошлости, иако је несретна.

Сентандреја као понос српске прошлости, свест о њеном судбоносном значају који траје упркос нестанку оних који су је створили, појављује се код Црњанског и у већ поменутом запису "Мртва Сентандреја". Говорећи о неопходности историјске свести за очување идентитета и опстанак народа, Црњански у првом пасусу овог текста бележи следеће мисли:

Невидљиве су и огромне моћи наших напуштених цркава. Оне са севера, са река Будимске дијецезе, а друге с југа, из Пећке патријаршије, грле ову земљу и ето, дуж Дунава, воћке крећу, пупе и цветају. Београд и живот наш, више него од оног, што сад у нашим новинама дречи, зависи од тих цркава, прошлости, времена, смрти.

Црњански, дакле, и овде помиње смрт, али не више као завршетак свега, потпуни прекид и ишчезнуће, него као закључење једног процеса, који не уништава створене вредности, него их, напротив, конзервира, оплемењује, чини их савршеним и вечним, и претвара их у чврсте темеље, у знамења без којих је немогуће замислити даљи духовни развој нација.

Ова свест о неопходности очувања историјских знамења, каменова међаша и крајпуташа, и значају сећања на некадашњу живост и величину сада мртвог града, провејава - премда у помало ироничном контексту - и у роману "Дневник о Чарнојевићу", где главни лик, након цитираног описа мртвог града и празних српских цркава, помињући околности свог доласка у Сентандреју, каже: "Звона су звонила, јер сам ја удесио да

стигнем кад звона звоне. А ја сам учен човек, знам, да се све лепо мора наместити." Иронија је очигледна, али је у њој приметна и извесна доза сентименталности. Звона која звоне, могу да се схвате и као помен мртвом граду, али и као доказ његовог живота и након смрти, односно као изражена жеља Рајића да све то тако "удеси", "намести", јер му је илузија некадашњег сјаја и величине, након претрпљеног ужаса рата, смрти, разарања, насушна потреба.

Посета Рајића сентандрејској старици, бившој љубавници свог оца, такође може да се схвати у том симболичном контексту.

Дочекала ме је једна старица, у жутој свили, под једним грдним Светим Јованом. Она је поруменела и причала ми о оцу. У њој беше више љубави него у мени, а ја сам све мислио, да нико на свету не може волети као ја. Она ми је дуго причала о оцу. Каже да сасвим личим на њега. Причала је и питала о свету. И најпоследње ми рече да се ништа није изменило. Била је у седамдесетим годинама и поруменела је, кад јој споменух слику њену, коју су нашли у оца мога.

Опис је недвосмислено симболичан. Сентандрејска старица, као персонификација Сентандреје, и Рајићев отац као метафора бивше, иселеничке Србије која је своју некадашњу љубав одбацила, али, истовремено, сачувала њену слику из младих дана, може да се схвати као језгровит али сликовит опис једног, судбоносног дела српске историје, који започиње Великом сеобом а завршава се оптацијом након завршетка Првог светског рата. Чување фотографије напуштене љубавнице, као да је опција коју нам писац предлаже: потомци Чарнојевићевог пука - као да нам поручује Црњански - морају сачувати успомену некадашње Сентандреје, бујне, пуне живота, смеха, младости, и након њеног напуштања, чак и након њене смрти, јер је то, уједно, успомена на њихову младост, доба невиности једног нација.

Сентандреја као суматраистички мотив

Милош Црњански, знамо то врло добро, није само прозаиста, писац поетске хронике српске националне судбине, него и песник-суматраиста, занесењак, заљубљеник далеких, егзотичних предела, како стварних тако и створених снагом његове уобразиље. Сеобе, дакле, за песника нису искључиво трагична него, напротив, често и прижељкивана судбина. Није случајно што Рајић у већ цитираном одломку "Дневника о Чарнојевићу" каже како он воли да се сели. Тај осећај, као најдубљи порив сваког истинског песника, Црњански у једном интервјуу описује овако:

Наши људи су ишли на све стране, зато што су морали да иду, што су били ратови, што је било турско доба. Не зато што су то тражили. А

песник је, у мојим очима, баш тај који се сели. Он се сели с уживањем.

Петар Рајић, главни лик романа "Дневник о Чарнојевићу", не може, дакле, да се схвати искључиво као оличење српске судбине. Његова судбина и његов карактер су судбина и карактер песника. Тај младић испуњен тугом, повратник из рата, вечити избеглица, опхрван бесмислом живота, машта о далеким пределима у којима би, макар у својој уобразиљи, да пронађе толико жуђени душевни мир.

У сну му се јавља његов пријатељ суматраиста - кога можемо да схватимо и као пишчево жуђено "ја" - буди у њему суматраистичку чежњу, причајући му о својој "златној прошлости". Ређају се нестварни, бајковити призори: црвене биљке на Цејлону, плава вода око Борнеа, Суматра, где "живе румене неке јеле, пуне какадуа лепих", а све уз искрену, бодлеровску веру у повезаност свега постојећег.

Касније, лежећи већ будан у војној болници, главни јунак машта о повратку на руски фронт, пролаку кроз руску војску и одласку на Новају Земљу, "где је лед зелен, а вода плава, под ледом, снег румен". "Тамо бих", каже он, "од силних боја занесен, загледао се и заборавио све."

На крају "Дневника о Чарнојевићу", сасвим неочекивано, овим суматраистичким мотивима, далеким, егзотичним пределима, прикључује се - Сентандреја. Без икаквог ранијег наговештаја, привидно без нарочите везе са датим контекстом (прича о љубавници Пољакињи) Рајић нас одједном обавештава: "Спремам се да посетим градић Светог Андреје, где су ми дедови живели."

Поменућа неповезаност је, заиста, само привидна: жудња Рајића за Сентандрејом повезана с мотивом бекства, жеље за одласком, напуштањем сигурног али "истрошеног" живота, у очигледној је вези са малочас описаном жудњом главног јунака за далеким егзотичним пределима, са његовим сновима да на обалама Индијског океана или међу врховима Урала пронађе смирење.

На самом почетку више пута цитираног текста "Мртва Сентандреја" Црњански описује "најсевернији српски град", крајњу тачку српских сеоба сасвим у суматраистичком духу, као далеки, егзотични предео, за којим песникова душа чезне:

Сент-Андреја мени звучи као име далеке насеобине крај шума и острва, утицај њеног изумирања обасјава наше крајеве као плима и осека, пустом и хладном, али силном месечином.

У овој једној јединој реченици, Милош Црњански као да је сажео све аспекте својих размишљања о Сентандреји: она се ту појављује и као симбол изумирања, нестанка, и као неугасла светлост која нас и данас обасјава, и као суматраистички, песнички предео, митско острво. Помињање "пусте и хладне, али силне месечине", сасвим је у духу суматраиз-

ма. У "Објашњењу Суматре", говорећи о Месецу, Црњански примећује: "Он је свуд исти, јер је мртавац." Месец као симбол смрти, али и као извор неисцрпне светлости, у лирици Милоша Црњанског заузима централно место, сусрећемо га у бројним песмама. Рефрен песме "Гротеска", је посебно занимљив. У њему, наиме, Црњански на горе описани начин спаја суматраистичку визију с мотивима националне судбине:

Зидајте храм
 бео ко манастир.
Нек шеће у њему Месец сам
 и плаче ноћ и мир.

Мотив цркве у којој царује самоћа, а Месец по њему лелуја попут мртаваца, у светлу горе наведеног одломка у којем се Сентандреја описује као напуштена црква из које исијава "силна месечина", јасно показује суштинску повезаност две крајње тачке стваралаштва Милоша Црњанског, оседнутост националном судбином и лелујаве суматраистичке визије, а истовремено потврђује да Сентандреја као вишезначни симбол повезује поменуте крајности. Она се ставља у исту, митску раван с далеким, никад виђеним пределима, створеним пишчевом уобразиљом. И Сентандреја је крајња тачка до које човек може да допре, као Новаја Земља или Суматра, или још тачније, место до којег се допире само маштом, која је песникова једина ставрност. Суматра као уточиште које је удаљено у простору и Сентандреја - она бивша, жива, богата и сјајна Сентандреја - као уточиште које је удаљено у времену могу да се досегну само песничком имагинацијом.

Сентандреја се, дакле, у делу Милоша Црњанског може схватити и као спиритуални предео, "национална Суматра", недосањани сан једног читавог народа о бољем, лепшем, узвишенијем животу. "Проблем" са Сентандрејом је, једино тај, што она није удаљена и у простору, па је песник суочен с њеним садашњим стањем, са Игњатовићевом "лепом руином, изгорелим вулканом". Контраст између бивше, жуђене, и садашње, мртве Сентандреје одређује амбивалентан однос Црњанског према том граду, у којем се, на песнички плодотворан начин мешају осећања трагичности, поноса и жудње.

МАЂАРСКИ ПОСРЕДНИК ИЗМЕЂУ ПИШЧЕВИЋА И ЦРЊАНСКОГ

Навршило се већ више од два века како је Симеон Пишчевић, један од најзанимљивијих српских писаца 18. века, око 1784. године, далеко од домовине, негде у Новом Миргороду или неком другом месту Србима насељене области Украјине, радио на завршној редакцији својих мемоара. Сто година касније, 1884, дело је издано у Москви на рускословенском језику, како их је сам аутор припремио за штампу. Било је потребно још осамдесетак година да ово остварење наше књижевности коначно стигне и до "једнонационалног читаоца" коме је, у првом реду, и било намењено. Излазило је најпре у наставцима, у преводу на савремени српски језик, 1961-1963. у *Зборнику Матице српске за књижевност и језик*, а 1963. је исти превод штампан у облику књиге у издању Српске књижевне задруге. Тада се уместо подужег оригиналног одомаћио данас употребљаван наслов *Мемоари*.

Све су то добро познати подаци, а од то доба је објављено и више вредних студија о животу и делу Симеона Пишчевића. Далеко је, међутим, мање познато да су Пишчевићева сећања једном већ прешла сличан пут од излажења у наставцима до укоричене књиге, само шездесетак година раније, и не на српском већ на мађарском језику.

Преводилац Имре Хусар је мађарском издању дао следећи наслов: *Piscevic's orosz tábornok vándorlásai és kalandjai. Saját elbeszélése. A szláv eredeti után közli Huszár Imre*. У дословном преводу то би гласило: *Сеобе и авантуре руског генерала Пишчевића. Сопствена приповест. По словенском оригиналу преноси Имре Хусар*.

Имре Хусар с разлогом не наводи себе као преводиоца него каже да "по словенском оригиналу преноси". Његов превод је, наиме, вршен на начин какав су такозвана "популарна" издања у то време захтевала, тј. уз извесно скраћивање, па и сажимање, са изостављањем појединих делова, пре свега описа за које се очигледно сматрало да би отежали читање за ширу публику којој је издање у наставцима у популарном илустрованом недељном листу било намењено. Преводилац је у таквим случајевима често повезивао текст својим речима или препричао садржину изостављених страница, како читалац не би осећао да на одређеном месту нешто недостаје. Примера ради, кад Пишчевић у детаље описује пријем код кремминстерског опата, Имре Хусар се задовољава да преведе неколико почетних реченица па додаје: "Било би предугачко описати сву ону помпу коју смо у трпезарији, и касније у библиотеци као и у врту видели...". А Пишчевић том ентеријеру, као и парку, водоскоцима, рибањацима итд. посвећује најлепше странице барокне дескрипције.

Превод је најпре излазио у литерарном прилогу илустрованог недељника *Vasárnapi Újság (Vasárnap Újság Regénytára)* године 1902. Први наставак је објављен у броју 1902/27. на странама 106-7, а последњи у броју 1902/47, стр. 182-4. Карактер листа је захтевао илустрације којих има уз сваки наставак. То су пре свега портрети владара, војсковођа и других истакнутих личности које Пишчевић у тексту спомиње. У белешци уз први наставак преводилац наводи како није у питању интегрални превод него само "обилни изводи" из дела за које иначе има много лепих, похвалних речи. На истом месту обавештава читаоце како су мемоари писани на "славо-сербском", и да се сад први пут појављују на неком страном језику.

Ова белешка се не понавља две године касније када је исти превод изашао у облику књиге, под истим насловом, са нешто мање илустрација. Издавач је Франклин (Franklin Társulat, Budapest) а година 1904. По овом издању је лако уочити и сразмере скраћивања. Књига је, наиме, штампана на 325 страна малог формата (осмина) док српско издање СКЗ-а износи 531 страну већег формата (четвртина).

Преводилац је уз прво издање написао сасвим кратак поговор који је без измене пренесен у књигу. У њему се износе најосновнији подаци о аутору и његовом делу, што је у своје време било веома упутно за мађарску публику, без обзира на неке ситније нетачности које, очигледно, и сам преводилац дугује неком тадашњем извору.

Наведени подаци о мађарском преводу и његова два издања нису излишни јер имам утисак да се о томе прилично мало зна. Мађарски превод спомиње додуше и Милорад Павић у својој студији о Пишчевићу, али му посвећује свега неколико речи унутар једне реченице, дословно овако: "... дело је преведено на мађарски...", док се планираним, али никада оствареним немачким преводом, тачније предлогом за превођење бави далеко више. У библиографским подацима уз друго српско издање (Нови Сад, 1972) нема ни помена о мађарском преводу, чак се изричито тврди како је српски читалац *Мемоаре* могао "... пре првог српског издања од 1961. године читати само на руском". Превиђа се, при том, онај део војвођанских Срба који су, попут Милоша Црњанског, добро владали мађарским језиком, а до мађарског издања могли да дођу далеко лакше него до руског.

Име Милоша Црњанског, наравно, није споменуто на овом месту случајно. Улога Пишчевићевих *Мемоара* у настанку *Сеоба* добро је позната. Ја ћу овде покушати да расветлим, или барем да изнесем једну прилично убедљиву хипотезу, када је и како могао доћи Црњански у додир са Пишчевићевим делом.

Милош Црњански је гимназију учио у Темишвару код пијариста – истог реда фратара-професора који два века раније Пишчевића, као православца, нису примили у своју сегединску школу. Но од то доба се много тога променило и православље Црњанског више није била препрека за

уписивање у њихову гимназију где је и матурирао 1912. године, и из мађарског језика испит зрелости положио оценом – одличан. Ако овоме још додамо да се Црњански у пијаристичку гимназију уписао 1904. то јест исте године када је мађарски превод Пишчевићевих *Мемоара* изашао укоричен, претпоставка да се Црњански са Пишчевићем први пут срео управо у Хусаровом преводу, сама се намеће. До књиге је у темишварским књижарама лако могао доћи, мађарски је добро знао, а дело свог „једнонационалног” писца мора да га је заинтересовало. Много касније, 3. јануара 1929. он у једном писму Васи Стајићу, који му је много помагао подацима и документима о породици Пишчевића, између осталог, каже како је при писању *Сеоба* „употребио” мемоаре „ђенерала Пишчевића” па онда у загради додаје: „руско издање у Москви”. Ово је већ само по себи посредан доказ да је знао и за неко друго издање, иначе не би нагласио да се користио руским. У следећој реченици истог писма овако наставља: „Имате једно популарно (...) код Атенеума”. Знао је, према томе, и то да је мађарско издање „популарно”, то јест скраћено, из чега се може закључити да га је имао у рукама и, свакако, читао. Зашто би он који је, како сам тврди у једном интервјуу (Радован Поповић, *Живот Милоша Црњанског*. Просвета, Београд, 1980. стр. 245) ”рано научио мађарски”, до овог податка дошао посредно, из друге руке, и од кога? Греша једино у погледу издавача што после толико година и није изненађујуће. Уместо ”Франклина” где је књига у ствари изашла, он пише ”Атенеум”, а то су у то време биле две највеће, водеће издавачке куће у Будимпешти па их је у сећању једноставно заменио.

После овога се намеће питање да ли је Црњански при писању *Сеоба* заиста користио руско издање Пишчевићевог дела као извор, како сам тврди, или можда мађарско, само то из неких разлога прећуткује. Мој одговор је на ово питање недвосмислен и иде у прилог искрености Црњанског. У првом реду, већ нам и сам језик *Сеоба* сугерише да је аутор пред собом имао оригинално рускословенско издање Пишчевићевог дела које му је много помогло у ”словенизацији”, како сам каже, језика свог романа. Још је значајније, међутим, што чак и летимично поређење *Сеоба* са интегралним текстом Пишчевићевих *Мемоара* с једне, и са Хусаровим ”популарним” мађарским издањем с друге стране очито доказује да се Црњански служио целовитим, а не скраћеним текстом. У *Сеобама*, наиме, има неколико таквих обрађених детаља из Пишчевића којих код Хусара нема или се преносе веома скраћено.

После овде изложених чињеница и претпоставки поставља се питање како је и којим путем Милош Црњански дошао до Пишчевићевог дела које је за српску књижевност тада било углавном непознато, и да ли у том погледу дугује нешто мађарском преводу *Мемоара*. Ја бих укратко рекао: дугује му познанство. И пошто се у том скраћеном облику упознао са својим изузетним и занимљивим ”једнонационалним” претходником, почео је да трага за њим. Пронашао га је најпре у ”великом руском лекси-

кону” о чему сам пише у чланку *Записи ђенерала Пишчевића у Политици* маја 1924. године. Касније је набавио и оригинално руско издање и при писању *Сеоба* се већ користио овим.

Заслуга мађарског превода Пишчевићевих *Мемоара* ипак остаје голема за српску књижевност јер је тај превод повезао два наша велика писца, једног из 18. и једног из 20. века. А то је ипак изузетан случај и, свакако, необична улога једног превода. Из овог посредовања, повезивања, из овог познанства се касније, огромним трудом и још већим надахнућем Милоша Црњанског родио један од најлепших и најзначајнијих романа српске књижевности – *Сеобе*.

Резиме:

Мађарски посредник између Пишчевића и Црњанског

Мемоари Симеона Пишчевића су први пут штампани сто година после настанка, а потребно је било да прође још осамдесетак година да се преведу на савремени српски језик.

Мало је познато да је Пишчевићево дело после првог издања у Москви 1884. већ 1902. преведено на мађарски језик, штампано у наставцима у илустрованом недељном листу, а 1904. и у облику књиге. Овај превод, иначе скраћен за такозвано популарно издање, одиграо је занимљиву улогу посредника између два српска писца, једног из 18. и другог из 20. века. Наиме, по свему судећи, Милош Црњански се са Пишчевићевим делом најпре упознао у том мађарском популарном издању, оно му је пробудило интересовање за судбину својих и Пишчевићевих сународника средином 18. века, за њихову сеобу у Русију и за њихов живот у новим крајевима. После, током писања *Сеоба*, Црњански се користио оригиналним руским издањем, како и сам тврди, али заслуга мађарског превода остаје ипак важна, занимљива и необична у настанку *Сеоба* Милоша Црњанског.

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ С
КОМПОНЕНТОМ «ВОДА»**

(Проблема эквивалентности и аналогичности)

Проблема эквивалентности фразеологических единиц различных языков является одним из труднейших вопросов переводческой деятельности. Она осложняется еще и тем обстоятельством, что у составителей двуязычных фразеологических словарей нет единства мнений относительно терминов **эквивалентность** и **аналогичность** (адекватность) и методов применения их в переводческой деятельности.

В нижеследующем изложении делается попытка осветить вопрос об использовании вышеуказанных двух методов при сравнительно-сопоставительном анализе фразеологизмов русского и украинского языков со словом-компонентом *вода*. Выбор фразеологизмов со словом-компонентом *вода* объясняется двумя причинами: 1) слово *вода* имеется во всех славянских (включая также и украинский) языках (ср. Фасмер, 1964-1973.), 2) фразеологизмы со словом-компонентом *вода* относятся к группе тех фразеологических единиц, которые имеются в русском и украинском языках в преобладающем количестве.

Под термином **эквивалентность** следует понимать полное совпадение двух языковых единиц – в данном случае фразеологизмов двух языков – по содержанию, по внутреннему образу и по стилистической характеристике.

Например, эквивалентом русского фразеологизма *без году неделя* (= 1. Совсем немного времени, совсем недавно: быть, жить где-л. или делать что-л. 2. кто. Совсем недавно стал кем-л. по профессии, положению.) является украинский фразеологизм *без году неділя* и его варианты *без году тиждень*, *без року тиждень* (= 1. Дуже мало, короткий відрізок часу. 2. Зовсім недавно.). Оба они имеют два значения и в обоих значениях являются эквивалентами.

Не возникает сомнения в отношении определения эквивалентности также у следующих двух фразеологизмов: *белый свет* (= Окружающий мир, земля со всем следующим на ней: жизнь во всех ее проявлениях.) имеет своим эквивалентом украинский фразеологизм *білий світ* (= Все навколишнє – предмети явища природи, соціальне середовище тощо.).

Однако имеются случаи, когда русский фразеологизм не имеет своего украинского эквивалента. В таких случаях следует прибегать к методу **аналогичности**, согласно которому подбирается аналогичное – сходное, подобное – словосочетание, основное содержание и стилистиче-

ская характеристика которого совпадает с русским фразеологизмом; в этом случае внутренний образ не тождественен.

Например, русский фразеологизм *андроны едут* (= 1. Ерунда, чепуха, вздор, полная бессмыслица. 2. Неизвестно еще, будет так или нет, удастся ли, осуществится ли.) в украинском языке не имеет своего эквивалента; его аналогом может быть *химині кури* или же *мотрині яйця* (= Дурница, дурниці.) к 1-му значению. Ко 2-му значению может подходить *бабка надвоє ворожила* или же *казала Настя, як удасться* (= Не відомо, чи здійсниться бажане.).

Подобное явление наблюдается у русского фразеологизма – моносемантического – *турусы на колёсах* (= Бессмыслица, вздор, враньё.), аналогом которого будет украинский фразеологизм *сон рябої кобили* (= Таке, що й купи не держаться.).

Можно утверждать, что эквивалентность характерна для тех фразеологизмов в обоих языках, которые имеют общее происхождение, то есть генетически восходят к Библии и к греческой мифологии; сюда же могут быть отнесены заимствования из других языков. Собственно русские фразеологизмы, как, напр., *андроны едут* и *турусы на колёсах* могут иметь лишь аналоги – преимущественно также фразеологизмы. (См. и ср.: Молотков, 1967; Солейник, Сидоренко, 1978; Удовиченко, 1984).

В рамках эквивалентности могут быть различены два типа: а) абсолютные эквиваленты, у которых, кроме перечисленных ниже признаков, должно присутствовать полное совпадение лексем и грамматических форм; б) относительные эквиваленты, у которых имеются лексические или грамматические различия. (Ср: Татар, 1987; 1997.).

Русские и украинские фразеологизмы со словом-компонентом *вода* могут иметь:

а) абсолютные эквиваленты

буря в стакане воды

(= Спор, шум, волнение и т. п. Из-за пустяков по ничтожному поводу.)

в ложке воды утопить, кого

(= По любому незначительному поводу, по пустякам причинить большую неприятность кому-л.)

в огонь и в воду /идти, пойти/, за кого, за что, за кем

(= /Идти, пойти/ на все, на любые самоотверженные поступки, не

буря в склянці води

(= Сперечатися, шуміти, лементувати із-за дрібниці, незначного приводу.)

в ложці води втопити, кого

(= Поставити кого-небудь в дуже крутне становище: виказом, зрадою тощо; мати намір, намагатися зробити кому-небудь прикрість.)

у вогонь і воду /йти, піти/, з ким, за ким

(= Скрізь, не вагаючись; будь-куди.)

раздумывая, жертвуя всем.)
вилами по воде писано
(= Неизвестно еще, будет так или нет, удастся ли, осуществится ли.)
водой не разольёшь, кого
(= Неразлучны.)
воды не замутит
(= Очень скромн, тих, кроток.)

возить воду, на ком
(= Взваливать на кого-л, тяжелую, непосильную работу, обременять работой кого-л.)
выводить /вывести/ на чистую воду, кого, что
(= 1. Разоблачать. О темных делах, махинациях или лицах, причастных к ним. 2. Уличать в чем-л.)
выходить /выйти/ сухим из воды
(= Избегать заслуженного наказания; оставаться незапятнанным, неskomпрометированным, безнаказанным.)
и концы в воду
(= Не осталось /или чтобы не осталось/ никаких следов, улик чего-л.)

/как/ в воду глядел /смотрел/
(= /Будто/ знал заранее.

/как/ в воду канул
(= Бесследно исчез, пропал. О ком-л. или о чем-л.)
/как/ в воду опущенный
(= Подавленный чем-л., угнетенный, удрученный.)
/как/ воды в рот набрал
(= /Будто/ онемел, лишился дара речи.)

как две капли воды
(= Совершенно, очень сильно похож /схож/.)

вилами по воді писано
(= Про щось мало ймовірно, таке, що може й не здійснитися.)
водою не розіллеш, кого
(= Завжди разом.)
води не каламутить /не замутит/, кому
(= Про надто скромну, доброзичливу людину.)
возити воду, на кому, ким
(= Звалити, спихнути важку, надсильну роботу на кого-небудь.)
выводити /вывести/ на чисту воду, кого
(= Викрити кого-небудь у підступних, нечесных діях.)
виходити /вийти/ сухим з /із/ води
(= Спритно уникнути покарання, нарікань тощо.)

і кінці в /у/ воду
(= Ніяких слідів /злочину, вчинку/ не залишилося; утаїти що-небудь.)

/як/ у воду дивися
(= Беспомиково, точно визначити, передбачивши що-небудь.)

/як/ в воду канув
(= Зникнув; де-небудь подітвся.)
/як/ у воду опущений
(= Засмучений, пригнічений, розгублений.)
/як/ води в рот набрав
(= /Ніби/ онімів, втратив дар мови.)

як дві краплі води
(= Подібний, дуже схожий.)

как рыба в воде

(= Свободно, непринужденно, хорошо /чувствовать себя где-л.)

как с гуся вода

(= 1. кому. Нипочем, безразлично; не производит никакого впечатления, никак не действует на кого-л.; ничего не делается кому-л. 2. с кого. Легко, быстро, бесследно исчезает, забывается что-л. кем-л.)

лить воду на мельницу, кого, чью

(= Косвенно помогать, содействовать своим поведением, своими действиями кому-л. /обычно противной другой стороне/.)

ловить рыбу в мутной воде

(= Извлекать выгоду из чьих-л. затруднений, корыстно пользоваться какими-л. неурядицами, беспорядками, неясностью обстановки.)

/много/ воды утекло

(= Много прошло времени, произошло перемен.)

мутить воду, кому

(= 1. Умышленно запутывать какое-л. дело, вносить неразбериху во что-л. 2. Вносить смуту, раздор в отношения между кем-л.)

набрать в рот воды

(= Хранить упорное молчание, ничего не говорить.)

носить воду решетом

(= Делать что-л. заведомо впустую, без результата.)

пройти сквозь огонь и воду /и медные трубы/

(= Испытать, перенести в жизни многое, побывать в различных

як риба в воді

(= Дуже добре, вільно, невимушено.)

як з гуся /гуски/ вода

(= Нищо не впливає.)

лити воду на мли, чий

(= Висловлювати думку, докази не чію-небудь користь.)

ловити рибу мутній воді

(= Використовує чію-небудь труднощі, неясність ситуації, мати особисті вигоди.)

/багато/ води утекло

(= Прошло багато часу, відбулися великі зміни.)

мутити /каламутити/ воду

(= 1. Вносити замішання; навмисне заплутувати що-небудь просте, звичайне, переслідуючи особисту мету. 2. Чим. Навмисне щось ускладнювати, заплутувати, сіяти розбрат.)

набрати в рот води

(= Мовчати, не відгукуватися що-небудь, не давати про себе знати.)

носити воду решетом

(= Займатись якою-небудь некорисною працею; даремно тратити сили.)

пройти крізь вогонь і воду /і мідні труби/

(= Зазнати багато випробувань у житті, загартуватися; прожити

трудных положениях, переделках.)

седьмая вода на киселе /десятая вода на киселе/

(= Очень дальний родственник.)

темна вода во облацех

(= Непонятно, неясно.)

тише воды ниже травы

(= 1. Робкий, скромный, незаметный.
2. Робко, скромно, незаметно.)

толочь воду в ступе

(= Заниматься чем-л. бесполезным, попусту тратить время.)

хоть в воду

(= /Что/ впору топиться, покончить с собой. О крайне безвыходном положении.)

чистой /чистейшей/ воды

(= Самый настоящий, истинный, доподлинный.)

життя сновнене різними
пригодами.)

сьома вода на кисілі /десята вода на кисілі/

(= Дуже даоєка рідня.)

темна вода во облацех

(= Незрозуміло.)

тихше води, нижче трави

(= Бути непомітним,
несміливим, скромним.)

товкти воду в /у/ ступі

(= Займатись якою-небудь
некорисною працею; даремно
тратити сили.)

хоч в /у/ воду

(= Настільки тяжко, що й смерті
не страшно; скрутнo, сутужно.)

чистої води

(= Самый настоящий.)

б) относительные эквиваленты

перебиваться с хлеба на квас

(= Жить очень бедно, терпеть нужду,
лишения.)

сидеть на хлебе и на воде

(= Жить впроголодь.)

как в воду канул

(= Бесследно исчез, пропал.)

перебиватися з хліба на воду

(= Жити дуже бідно, мати
мізерні заробітки; перемагати
нестатки.)

хліб та вода /от вся їда/

(= Жити дуже відно.)

як у воду впасти /мов в воду

упасти/

(= Зникнути, де-небудь,
подітися.)

Необходимо отметить, что найдено еще четыре русских фразеологизма со словом-компонентом *вода*, эквиваленты которых не зафиксированы в двуязычных фразеологических словарях украинского языка (указанных в конце данного анализа):

окатить /облить/ холодной водой,
кого

садиться /сесть/ на хлеб и на воду

облити холодною водою, кого

сідати на хліб і на воду

сажать на хлеб и на воду, кого
сидеть на хлебе и на воде

сажати на хліб і на воду
сидіти на хлібе і на воде

Однако, на основании имеющихся в нашем распоряжении данных, не удалось выяснить: русский фразеологизм *чающие движения воды* (= Ожидающие, жаждущие какого-л. улучшения, каких-л. благ.) имеет ли украинский эквивалент или аналог? Вопрос этот является интересным с той точки зрения, что этот фразеологизм по своему происхождению является библейским, а библейские, как правило, имеются во всех славянских (и во многих других) языках, поэтому трудно представить, что он не включен ни в двуязычный, ни в толковый фразеологический словарь украинского языка. (Или же это является оплошностью моих исследований?)

По сравнению с фразеологизмами-эквивалентами, число аналогичных фразеологизмов гораздо меньше.

Ниже приведем те украинские фразеологизмы со словом-компонентом *вода*, которые имеют свои аналоги в русском языке:

варити воду, з кого
(= Знушатися з кого-небудь,
вередувати, коверзувати.)

водою бризкати, на кого
(= Зачіпати кого-небудь словами,
натяками.)

збігло за водою, що
(= Непомітно і безповоротно
зникло щось; минув певний час.)

ні за холодну воду
/не вратися, не взятися/
(= Нічого не зробити.)

хоч води напийся
/хоч з лица води пий/
(= Вродливий, обдарований
чарівністю та красою.)
хоч з мосту та у воду
(= Про надзвичайно скрутне
становище; про стан відчаю.)
як із води /іти, рости/

выжимать /выжать/ соки /сок/, из
кого

(= Жестоко эксплуатировать,
всячески притеснять, доводить до
крайней степени нужды.)

бросать камешки в огород, чей
(= Намекать на кого-л. в
разговоре, в письме, отзываясь о
нем неодобрительно, насмешливо,
иронически.)

в воду канул; кануло в вечность,
кто, что

(= бесследно исчез, пропал;
исчезло навсегда, минуло.)

палец о палец не ударить
(= Совершенно, совсем ничего не
сделать, обычно для достижения
какой-л. цели.)

не оторвать глаз, от кого, от чего
(= Не мочь, не в силах, нельзя
перестать смотреть на кого-л. или
на что-л.)

хоть в воду
(= Что впору утопиться,
покончить с собой.)

как на дрожжах

(= Дуже швидко.)

як камінь у воду

(= Безслідно зникнути, пропасти.)

як риба з водою

(= Завжди разом.)

(= Очень быстро /расти,
вырастать, подниматься/.)

как в воду канул

(= Бесследно исчез, пропал.)

водой не разольешь, кого

(= Неразлучны.)

Разумеется, в настоящем анализе нет возможности дать перечень всех вариантов тех или иных фразеологизмов или же их синонимов, так как у некоторых имеется весьма широкий диапазон вариантности и синонимии. Для наглядности достаточно сослаться на украинский фразеологизм *як риба з водою*, у которого имеются следующие синонимы и варианты: *хоч водою разливай, кого; не розлий вода; водою не розлити, кого; водою не розіллєш, кого*.

На основании имеющихся в нашем распоряжении словарных данных не удалось выяснить, имеют ли украинские фразеологизмы *із лиця води не пити, хоч з лиця воду мий* свои эквиваленты или аналоги в русском языке.

Однако, даже при беглом пересмотре можно констатировать тот факт, что подавляющее большинство фразеологизмов, анализированных выше, имеет общеславянское – преимущественно восточнославянское – происхождение, следовательно, в обоих языках должны быть эквиваленты или аналоги, пропорционально 3:1 в пользу первых, что является вполне естественным. Таким образом, никак не оправдан тот основной тезис, согласно которому близкородственные языки обладают общими словесными комплексами, носящими одинаковые семантические признаки, ибо в таком случае могли бы существовать только эквиваленты, а здесь, как это видно, имеются также и аналоги.

Необходимо отметить, что наблюдается досадное противоречие в фразеологических словарях украинского языка: в двуязычном фразеологическом словаре украинского языка (1978) приводится фразеологизм *облити холодною водою*, а в одноязычном двухтомнике (1984) его нет, и, наоборот, фразеологизмы *із лиця води не пити* и *хоч з лиця воду мий* зарегистрированы в двухтомнике, но их нет в одностомном фразеологическом словаре и т. п.

В заключение хочется выразить надежду, что вышепредставленный материал в некоторой степени будет полезным как для специалистов, так и для неспециалистов, занимающихся изучением интерлингвальной эквивалентности и аналогичности фразеологических единиц.

Литература

- Молотков А.И. (Под ред.) Фразеологический словарь русского языка. Около 400 словарных статей. М., 1967.
- Солейник И.С., Сидоренко М.М. Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь. Киев, 1978.
- Татар Б. Эквивалентность в двуязычной фразеологии. «Фразеологизм и его лексикографическая разработка». Минск, 1987.
- Татар Б. Az orosz és a magyar frazeológiai egységek ekvivalenciájának kérdése. „Magyar Nyelv”, №. 1. Budapest, 1998.
- Удовиченко Г.М. Фразеологічний словник української мови. Тт. 1–2.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1–4. (Перевод с немецкого О.В. Трубачева.) М., 1964–1973.

СВИНЦОВАЯ ПЕЧАТЬ ГЕОРГИЯ МОНАХА И БОЛГАРСКОГО СИНКЕЛА

Свинцовая печать монаха Георгия и болгарского синкела известна в двух экземплярах.

Первый экземпляр был опубликован Т. Герасимовым в 1934 г. Настоящее время эта печать находится в Софии. Второй экземпляр был найден археологами в 1953 г. в Преславе в «Селище» недалеко от гроба Мостича. Этот экземпляр хранится в преславском музее. В дальнейшем мы говорим об этой печати.

Печать была отлита свинцом. Ее диагональ равна 23 мм. Высота букв достигает 3 мм.

Первая печать была датирована Т. Герасимовым IX/ым веком. Второй экземпляр печати датируется издателями древнеболгарских надписей X-ым веком, однако она относится В. Ивановой к четвертой четверти XI в. след 870 г., после того как на цариградском соборе представитель болгарского князя Бориса-Михаила, боярик Петр заявил, что Болгария присоединяется к византийской церкви.

Вера Иванова, имея в виду сравнительно ранний период употребления печати, установила, что печать Георгия монаха, болгарского синкела настоящее время является старейшим, известным памятником, написанным славянским письмом. Датировка печати, предложенная¹ В. Ивановой принята и известным археологом Т. Тотевым – с той оговоркой – что надпись на печати Георгия является старейшим **эпиграфским** памятником с славянским письмом.²

Датировка печати Георгия монаха и синкела болгарского основана исследователями на данных палеографии, истории, истории болгарской церкви и на некоторых соображениях относительно личности Георгия монаха, синкела болгарского. Из этих источников мы коротко остановимся только на данных палеографии и истории болгарской церкви. Соображение о личности Георгия Монаха будут учтены нами позднее. Лучшим внутренним источником для отнесения печати к определенному времени служит палеографическое доказательство. В. Иванова останавливается при этом на своеобразном начертании буквы â. „Подчеркнутая” буква â является характерной для памятников с середины или со второй половины IX в и встречается в X в.³ Характер письма, именно употреб-

¹ Ст. Станчев, В. Иванова, М. Балан – П. Боев. Надписът на чъртубиля Мостич. София, 1955, 84.

² Т. Тотев. Преслав. София, 1969, 146.

³ Ст. Станчев, В. Иванова, М. Боев. Ук. соч. 85.

ление капитальных букв, тоже является доказательством архаичности печати и надписи.

Данные истории болгарской церкви, присоединяющейся к византийской весной 870 г. подтверждают раннюю датировку печати, т.е. отнесение ее к четвертой четверти IX в.⁴ Высказывание В. Ивановой о датировке ПГ служат для нас ориентировкой при наших дальнейших наблюдениях, хотя они нуждаются и в определенных дополнениях, коррекциях. В специальной литературе подчеркивается, что ПГ сделаны на одной и той же матрице. Буквы сравнительно хорошо читаются. Однако ì, â, ñ на лицевой стороне и à на оборотной не поддаются – на нашем снимке – чтению, что особенно важно в случае буквы â имея в виду хронологическую примету начертания â.

На лицевой стороне печати кругом находится следующая надпись: † ãè ìîîzè ðîáîó. В средней части лицевой стороне изображен крест. С нижнего края вертикальной оси креста отходят в сторону разветвления растительного орнамента.

На оборотной стороне печати читается следующий текст: âãwðâiu| ÷ðüüüö| è ñvíâæü| áëüâðüñ[ñêüü]. В надписи употребляются следующие буквы: à (1x) á (2x) ? (1x) â [4x] â [3x] ç [1x] ì [1x] è [3x] ë [2x] ï [2x] í [2x] î [4x] ï [1x] ð [4x] ñ [1x] ò [1x] îó [1x] u [2x] w [1x] ö [1x] ÷ [1x] ú [1x] ü [3x] þ [1x] v [1x]. Надпись состоит из выше перечисленных 27 букв, из которых îó является диграфом.

Текст наведен кириллицей. Буквы представляют собой капитальное письмо, которое употребляется не только на надписях, но на печатах и монетах.⁵ Этот тип являет все черты веяного, спокойного, широкого, безхитростного, праздничного, авторитетного письма. Квадратный, капистальный устав – по В. Ивановой – находится под непосредственным влиянием греческого капитального письма.⁶ Характерной чертой кирилловского капитального письма является сокращенное написание букв т.е. их нижняя часть не спускается под строку, а верхняя не повышается над строкой; даже некоторые буквы целиком укладываются в две линейки. Буквы следуют на разномерных расстояниях. Буквы v, ð, è пишутся в строке. Квадратное капитальное письмо является лучшим выражением древнего маюскула.⁷ Палеографические особенности букв можно охарактеризовать в следующих.

à К сожалению буква à на снимке невидна хорошо. Буква похожа на è, верхняя ее часть на высоте верхнего уровня строки отрезана. Составляющие букву, наклонные друг к другу линии, соединены горизон-

⁴ Ст. Станчев, В. Иванова, М. Боев. Ук. соч. 84–85.

⁵ Ст. Станчев, В. Иванова, М. Балан-Боев. Ук. соч. 84.

⁶ Ст. Станчев, В. Иванова, М. Балан-Боев. Ук. соч. 85.

⁷ О.А. Добиаш-Рождественская, История письма в средние века. Москва, 1987, 58., 59.

тальной внутренней черточкой. Начертание à – как на это указано В. Ивановой – в капитальном варианте письма похоже на букву #, однако в X в. буква à была подвержена влиянию минускульного à.⁸ В ПГ à имеет весьма архаическое начертание.

â Начертание буквы â имеет сходные черты с буквой â в памятниках середины или второй половины IX в. Однако в X в. этот вариант уже не встречается.⁹ Подчеркнутая снизу буква â является несомненным архаизмом кирилловского письма. К сожалению на нашем снимке буква â невидна точно.

z Средняя главная линия не спускается под строчку. Буква z пишется сходно с Z, потому, что нижняя черта не поворачивается вниз.

ÿ Является широкой буквой. Язычек пишется по середине овала, составляющего букву.

Гласный [i] передается буквами I и è. У буквы è перекладина соединяется к первому стержню чуть-чуть ниже его середины. Буква I пишется перед гласным [u].

ê Правая сторона соединяется с левой.

ï Буква имеет округленную середину, которая не спускается под строку.

í Поперечная линия проходит между двумя вертикалами. Она соединяется к правому стержню немного выше его нижней части.

î Представляет правильно оформленный симметричный кружок.

ï Помещается в строке и главная ее линия не спускается вниз. „ð в строке” встречается в большинстве древнейших надписей: в надписи Мостича, в Самуиловской, Темницкой надписях, в надписи Павла Хартофилакса в Круглой церкви.

и Пишется в строке. Верхняя ее часть не выходит из строки. Буква наведена с целью экономии места в конце строки.

w Буква имеет правильную, симметрическую форму. w пишется с высокой серединой, что является архаичной приметой буквы. Боковые линии такие же длинные, как средняя. Они прямые без наклона.

ö Буква пишется в строке. Ее хвостик тоже находится в строке и не спускается вниз. Такой вариант буквы известен и из надписи Мостича, из надписи в Мурфатларе (X в.).

÷ Буква имеет правильную, закругленную, глубокую чашу. Ее верхние и нижние части симметричны. Обе части чаши одинаковы. Буква ÷ с глубокой чашей известна из надписи в Мурфатларе (№ 5).

ú, ù Стержень букв прямой и не возвышается над строкой. Петля широкая и сравнительно невысока. Она касается стержня выше его середины.

⁸ Ст. Станчев, В. Иванова, М. Балан-Боев. Ук. соч. 85.

⁹ Ст. Станчев, В. Иванова, М. Балан-Боев. Ук. соч. 85.

р Левая и правая часть буквы соединяется посередине горизонтальной черточкой.

v [ижица] Правая часть буквы не опускается под строку. Буква помещается в строке. Она соответствует греческой букве υ. Ижица в ПГ передает гласный [i]. Буква v без хвостика в строке проявляется в юго-славянской кириллице в XIV в.¹⁰ Однако, как наш пример показывает, этот вариант буквы известен уже древнейшим кирилловским надписям. Графические особенности ПГ особых замечаний не вызывают. Бросается в глаза навык автора надписи, согласно которому для обозначение одного и того же гласного употребление им иногда две буквы.

Гласный [o] передается буквами í и w: ïïîzè, òâîâîó (1a) ãâwðâiu 1б. Для передачи гласного [i] служат буквы í, i и v: ïïîzè 1a, и 1б, ãâîðâiu 1б. Гласный [u] изображен буквами u, и íó [диграф]: òâîâîó 1a, ðîâîó 1a, ãâwðâèu 1б, ñvîéâèu 1б (в греческом заимствовании).

Буква ö сочетается с р, что свидетельствует о мягкости аффрикаты [с']: ÷ðïüöр 1б. Для передачи слогаобразующего [•]. Прилагательное áèüââðïñè[ùè], образованное от этнонима áèüââðèú, который восходит к др. тюрскому *bulγar* „человек смешанного происхождения” на ПГ пишется с буквой ú после ё между согласными.¹¹ Буквы, передающие этимологические редуцированные передаются правильно.

Наконец обращаем внимание читателя, что в диграмме íó [u] второй элемент, соответствующий букве ó из-за своеобразного правила не передать нижние части [хвостики] букв пропущена писцом.

Фонетические черты ПГ можно охарактеризовать в следующих:

1. Редуцированные гласные в слабой позиции сохраняются. Они не меняются гласными полного образования [o, e] и не выпадают. ü пишется -üö-, -üñè-: ÷ðïüöр 1б, áèüââðïñè 1б. Словообразующий плавный сохраняется в корне ÷ðïü- [-ðïüüöр] 1б. О характере плавного в корне áèüâ- мы можем сказать следующее.

В древнеболгарских источниках корень этнонима ‘áúèââðèí’ обычно передается сочетанием áèüââð-: áèüââðïñè[ñú] ср. Битолск. надпись: áèüââðñú, áèüââðñú там же, áèüââðèí Рилск. грамота 1378. В современном болгарском литературном языке этот этноним употребляется в форме: áúèââð-ñèè, áúèââðèí. Однако, в диалектах встречается вариант с -èú: áèüââðâ. На ПГ прилагательное áèüââðïñè-ùè передается в архаической форме.

Относительно формы áèüâ- скажем следующие. Др. тюрский этноним *bulγar* превращается в протоболгарском в **bülgar* (-inъ с кратким гласным ú.)¹²

¹⁰ Е.Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Москва, 1979, 210.

¹¹ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. т. I. М., 1984, 187.

¹² Болгарски етимологичен речник. Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. т. I. 1971, 99.

пишется буква *ā* без особого знака *āīāāēū, āīāāēà, āīāāēī*.¹⁷ Таким же орфографическим приемом передается буква *ŷ* на ПГ. Отсутствие специального знака и употребление буквы *ā* перед гласным [e] дает основание предположить произношение мягкого взрывного согласного [gʹ].¹⁸ В данном случае наличие [gʹ] в речи писца Хиляндарских листков и писца ПГ является общей чертой этих памятников.

В греческом заимствовании *ñvíêâëú <◆◆◆ŷ&ℓ●●□×* буква *ê* передает взрывной глухой согласный, который произносится мягко. Как в имени *āāwđāīè*. Буква *ā* тоже выражает мягкий согласный. Греческим согласным *ŷ□ &* в речи писца ПГ соответствуют мягкие согласные [gʹ], [kʹ].

5. В форме д. п. ед. существительного *āāwāīè* употребление буквы *u* вм. *ř* может свидетельствовать об отсутствии [j], т.е. написание *i u* указывает на потерю [j] перед [u].¹⁹ Однако не исключено другое объяснение постановки букв *i u* [ю], согласно которому не было графических средств для употребления сочетания [ju], если для обозначения гласного [u] писец прибегал к букве *u* в конце слова. Здесь отметим, что употребление буквы *w* в имени *āāwđāīè* было вызвано влиянием греческого написания слова *ŷℓ◆◆□ŷ□×* в котором гласный [oʃ] был долгим, передаваемым буквой *w*.

6. В морфологическом отношении ПГ не выделяется чем-то особенным. Можно остановиться на форме д. п. ед. ч. имени Георгий: *āāwđāīu*, где употребляется флексия *u* (=ю?) и отсутствует вариант *-îâè*, который так часто встречается у имен, обозначающих лицо. Если реконструкция д. п. ед. ч. м. р. полного прилагательного *āēūāāđūñê[ûè]* правильна, то можем констатировать, что полные прилагательные имеют в речи гравьора ПГ стяженную форму.

Рассмотрев палеографические, графические и некоторые фонетические особенности ПГ можем подвести итоги нашим наблюдениям.

1. С языковой точки зрения текст ПГ представляет собой образец болгарского литературного и административного языка, который после собора 894 выполнял эти функции вместо греческого. На этом соборе было принято решение употреблять во всех сферах жизни древнеболгарский язык. „Продуктом” этого решения появился текст надписи ПГ, который является древнейшим примером закрепления древнеболгарского языка в своих новых функциях. Несмотря на краткость текста, можем установить **упорядоченность** нового официального языка.

2. Одновременно текст надписи ПГ еще сохраняет следы византийского письма надписей, которое объясняет капитальный тип письма. Графика указывает с одной стороны на влияние греческого письма, с дру-

¹⁷ С.М. Кульбаким. Хиляндарские листки. СПб., 1900, 25.

¹⁸ Н. ВанъВейк. Ук. соч. 71.

¹⁹ Ст. Станчев, В. Иванова, М. Балан-Боев. Ук. соч. 86.

гой стороны свидетельствует о некоторых фазах развития первоначальной кириллицы [буква #]. В фонетическом отношении графика ПГ хорошо передает некоторые, архаические черты речи писца [•, редуцированные], причем намекает и на новые тенденции развития фонетики [dz' > z']. Убедительны данные фонетики ПГ о приспособлении греческих взрывных согласных ϣ ϣ̣ ϣ̅ к древнеболгарской фонетической системе. **Данные ПГ являются достоверными информацией не только о речи писца, но и об административном языке конца IX в.**

Наконец осталось нам задача говорить о лице Георгия монаха, синкела болгарского. По нашему мнению Георгий монах действительно был высоким церковным деятелем конца IX в. Он был близким, доверенным человеком болгарского патриарха, или епископа. Мы не считаем удачным отождествить его Георгием, архиепископом, или каким-то болгарским епископом. Для нас Георгий был действительно синкелом болгарским. Возможно, что он был приближенным человеком, советником преславского епископа Константина Преславского. Данные ПГ позволяют такую рабочую гипотезу.

Рассмотрев наши данные о функциях и должностях синкела (◁♦❖ϣ&ℳ●□✕) мы знаем, что синкел обыкновенно мог быть пресвитером или монахом живущим при патриархе (епископе?) как его сотрудник в управлении и как свидетель его непорочной жизни.²⁰ Синкелы выполняли высокую функцию и имели большое значение. Получив титул протосинкела они стали кандидатами на патриаршество. Протосинкел в X в. или раньше выбирались на патриаршество.

Монах Георгий был только синкелом, сотрудником болгарского патриарха. Исторические данные не подтверждают предположение о том, что позднее он стал действительно патриархом болгарской церкви. Георгий болгарский архиепископ известен нам из папской буллы от 16 апреля 878 г., т.е. он жил раньше, чем Георгий синкел и вряд ли возможно отождествить друг с другом этих двух настоятелей болгарской церкви. Что касается истории болгарского патриархата, следует обратить внимание на то, что первым болгарским патриархом был Дамиян, после того как Византия признала автокефалию Болгарской церкви (927).²¹

Эти данные не позволяют предположить, что Георгий синкел действительно был помощником – не существующего еще при его жизни – болгарского патриарха.

Скорее всего можно предположить рабочей гипотезой, что Георгий синкел (непротосинкел) был сотрудником одного из преславских

²⁰ Полный православный богословский энциклопедический словарь. II. М., 1913, 2068. Н.-G. Beck. Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1977, 68.–69.

²¹ Т. Събов. Самостояйна народностна църква в средновековна България. София, 1987, 1987, 261.

епископов. В этом отношении мы имеем в виду Константина Преславского, приближенного князя Симеона. Как синкел Константина он сотрудничал с епископом и выдавал разные распоряжения, подтверждая их своей печатью. В бурных периодах истории Преслава эти грамоты, буллы уничтожились. Уцелели только свинцовые печати, сохраняющие память о Георгием синкеле, выдающемся церковном деятеле Болгарской церкви в конце IX в.

ОБЩЕСТВЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

Благодаря развитию спутниковой и кабельной технологий во многих районах Венгрии круглосуточно транслируются передачи Общественного российского телевидения (ОРТ — «Первый канал»), предоставляя преподавателям русского языка и их учащимся ценный источник материалов для развития навыков в изучаемом языке, для знакомства с особенностями современной российской жизни и для поднятия интереса к делу обучения русскому языку вообще. Среди передач ОРТ, которые преподаватель может успешно использовать на занятиях по русскому языку, выделяются информационные программы, телевизионные игры, детские передачи, художественные фильмы, телесериалы, ток-шоу, реклама и другие. Каждая из них может способствовать развитию навыков понимания устной речи, расширению и укреплению словарного запаса и ознакомлению с российской действительностью. Работа в аудитории с такими передачами (разумеется, заранее записанными на видеоплёнку) также помогает учащимся увереннее ориентироваться в одном из русскоязычных средств массовой информации, благодаря чему в дальнейшем они смогут самостоятельно использовать его для совершенствования знания русского языка. В свете этих педагогических целей в данной статье четыре передачи ОРТ — информационная программа «Время», телевизионная игра «Кто хочет стать миллионером?», музыкальная программа «Реальная музыка» и детский юмористический тележурнал «Ералаш» — рассматриваются с точки зрения содержания и возможностей для использования на занятиях по русскому языку.

1. «Время»¹: Как известно, «Время» является одной из самых старых и популярных информационных программ российского телевидения, сообщая каждый вечер, за исключением воскресенья,² об «основных событиях дня» и других новостях из России и зарубежья. Хотя ценность репортажей и телесюжетов «Времени» в изучении русского языка и российской современности бесспорна, удачная работа с таким материалом требует от преподавателя особых усилий в подготовке, так как по разным причинам — лексическая насыщенность, опора на общий адресату и адресанту запас фоновой информации, относительно высокий темп речи

¹ Немного более подробный отчёт о методических соображениях, описанных в этом разделе, можно найти в статье автора «Сюжеты из программ теленовостей на уроках русского языка» (в печати).

² Программа передач ОРТ еженедельно появляется на сайте <http://www.firstchannel.tv/teleweek.php>.

русских дикторов и корреспондентов — в понимании языка репортажей и телесюжетов заключается одна из самых сложных задач для изучающих русский язык. Для того, чтобы помочь учащимся справиться с этой задачей, преподавателю приходится уделять пристальное внимание и составлению заданий, и поиску подходящего материала.

Наиболее эффективные задания к репортажам и телесюжетам, как и к практически любому виду видеозаписи, формулируются таким образом, чтобы они способствовали пониманию сути данного материала и, что может быть ещё важнее, убеждали студентов в том, что они могут черпать информацию из русскоязычного телевидения, без того, чтобы понимать всё, что говорится. Удачно сформулированное задание помогает преодолеть психологический барьер, часто возникающий у студентов при встрече с аутентичной речью на изучаемом языке и приводящий к своего рода умственному параличу, вследствие которого они не могут участвовать в коммуникативных актах на изучаемом языке и таким образом лишаются возможности использовать живую речь для дальнейшего развития своей коммуникативной компетенции. По вышеназванным причинам, относящимся к речевой и текстовой специфике телесюжетов и репортажей, в работе с таким материалом преодоление этого барьера особенно актуально. Для того, чтобы как можно успешнее справляться с этой задачей, в заданиях к репортажам и телесюжетам желательно требовать понимания только части информации, дающейся в них. Разумеется, количество понимаемой информации, на которое рассчитывается задание, как и сложность задания вообще, должны зависеть от уровня данной группы учащихся.

Для начальных групп, например, просмотр можно сопроводить заданием, состоящим из ряда предложений, правдивость которых студенты должны оценить. В немного более сложном виде работы, подходящем для начальных групп или для начально-средних групп, предлагается ряд вопросов, на которые учащиеся выбирают правильный ответ из четырёх возможных. Такие задания (в немного более сложном виде по содержанию) можно использовать и в работе со средними группами. На этом уровне также уместны задания, сформулированные с целью укрепления уже пройденной лексики или грамматики. Можно дать учащимся текст телесюжета или репортажа с пропусками вместо единиц тематической лексики (например, из сферы образования, если материал относится к этой теме) или грамматических единиц (например, предлогов). При просмотре учащиеся заполняют пропуски. На среднем уровне телесюжеты могут способствовать и дальнейшему развитию словарного запаса учащихся. Так, например, в задании на словосочетания они получают три списка: список эквивалентов некоторых двухкомпонентных словосочетаний, употребляемых в телесюжете, на родном языке учащихся, список первых компонентов словосочетаний и список вторых компонентов словосочетаний. Перед просмотром учащиеся составляют словосочетания

в соответствии с эквивалентами на родном языке, а при просмотре они проверяют свои ответы. При работе с продвинутыми группами, где, как правило, учащиеся способны понимать большую часть информации, передаваемой в телесюжетах и репортажах, можно использовать разные возможности для их разработки. Полезны и вышеописанные задания, адаптированные с точки зрения сложности. Кроме того, можно дать учащимся традиционный ряд вопросов по телесюжету или репортажу, «хитрость» которого заключается в том, что ответы в сюжете даются только на часть из них. При просмотре учащиеся решают, на какие из вопросов имеются ответы. Потом, при повторном просмотре они могут ответить на выбранные ими вопросы. В другом задании для работы с продвинутыми группами учащиеся получают полный текст телесюжета или репортажа, в котором несколько слов заменено синонимами. Пока учащиеся слушают и смотрят телематериал, они подчёркивают те слова, которые они НЕ слышат. После проверки работы преподаватель спрашивает, какие слова употреблялись вместо подчёркнутых.

Кроме составления подходящих заданий, преподавателю следует уделять особое внимание поиску материала, понимание которого не требует от учащихся знания слишком большого количества фоновой информации. С этой точки зрения самые подходящие телесюжеты и репортажи делятся на две категории. Первая из них — это телематериалы о недавно произошедших событиях, с которыми учащиеся предположительно уже знакомы путём средств массовой информации на родном языке. В этот раздел входят широкоизвестные российские новости и, если имеются, новости из родной страны учащихся. Вторую категорию составляют телесюжеты и репортажи меньшей актуальности и злободневности, имеющие более развлекательный характер. В большинстве случаев такие телематериалы появляются в конце передачи. Среди них часто попадаются телесюжеты, содержание которых относится к той или иной лексико-разговорной теме, обычно разрабатываемой при обучении русскому языку. В коллекции телесюжетов автора имеются, например, сюжеты об участии Бориса и Наины Ельциных во встрече выпускников Уральского политехнического института (тема «образование»), о выступлении молодых музыкальных артистов в Париже под спонсорством Владимира Спивакова («искусство»), о девяностолетнем жителе Саратова, занимающемся йогой («здоровье»), о группе студентов-волонтёров, работающих в Эрмитаже во время трёхсотлетия Санкт-Петербурга («туризм», «достопримечательности России»), и многие другие.

Хотя немало времени уделяется поиску подходящего материала, как правило, один и тот же телесюжет можно использовать на разных этапах обучения, так как преподаватель может подготовить к нему разные задания, отличающиеся по степени сложности. Стоит отметить, что телематериалы из «Времени» также можно использовать в качестве стимула для разговорной практики или для развития навыков письма.

2. «Кто хочет стать миллионером?»: В отличие от «Времени», телевизионную игру «Кто хочет стать миллионером?» (в дальнейшем «Миллионер») можно плодотворно использовать без особой подготовительной работы со стороны преподавателя. Появляющаяся на экране два или три раза в неделю (чаще всего в выходные дни днём или вечером), по форме игра известна многим венгерским учащимся по здешней версии (Legyen ön is milliomos): участники выбирают правильный из четверёх возможных ответов на вопросы из разных областей знаний. В ходе игры вопросы становятся всё сложнее, и суммы денег, выигранных за правильный ответ, также увеличиваются.

Опыт автора показывает, что учащиеся на всех уровнях получают удовольствие при просмотре «Миллионера». Даже учащиеся на начальном этапе в большинстве случаев понимают относительно простую информацию, сообщаемую об участниках в начале раунда (о месте жительства, о профессии, о том, кто в аудитории «болеет» за них). А если они не понимают сути большинства вопросов, повторение в азарте игры чисел, обозначающих выигрыш, способствует укреплению этой важной части русской лексики.

На более продвинутых этапах учащиеся могут активнее «участвовать» в игре, отвечая на вопросы до участников. Одно из преимуществ «Миллионера» заключается в том, что вопросы и варианты ответов появляются на экране в печатной форме. Если поток речи оказывается слишком быстрым для понимания, преподаватель может остановить игру в момент, когда показывают вопросы и ответы, тем самым предоставляя студентам больше времени для их чтения и обдумывания. Стоит отметить, что довольно часто бывают раунды, в которых при незнакомой лексике или недоученной грамматике большинство вопросов и ответов всё-таки понятны по контексту. Следовательно, учащиеся сами могут «играть», одновременно знакомясь в непринуждённой обстановке с новым языковым материалом. Таким образом они начинают осознанно или неосознанно его усваивать.

3. «Реальная музыка»: Своего рода музыкальный тележурнал, «Реальная музыка», передаваемая по крайней мере раз в неделю в разное время, состоит из репортажей о современной музыке и клипов наиболее популярных российских рок-групп и солистов. На занятиях по русскому языку видеозаписи последних можно использовать в качестве передышки после более напряжённой работы — студенты могут расслабиться в процессе знакомства с творчеством звёзд современной российской музыкой. Как и с телематериалами из «Времени», бывают клипы, в которых тема песни совпадает с одной из стержневых лексико-разговорных тем в обучении русскому языку — такими являются, например, «На острие атаки» группы «Дискоoteca авария» (тема «искусство»), «Осень» группы «7Б» («образование»), «Аргентина-Ямайка: 5-0» группы «Чайф» («спорт»),

«Мечта» Валерия Меладзе («профессии»). Показ клипа может предшествовать или сопутствовать разработке данной темы, либо завершать её.

Такие клипы также могут использоваться для более целенаправленной работы над грамматикой или лексикой. На продвинутых этапах можно дать слова отдельных строк песен в неправильном порядке, чтобы учащиеся восстановили подлинный порядок, а потом проверили свои решения при просмотре/ прослушивании клипа. Поскольку тексты песен, как правило, богаты ключевыми фразами из сферы разговорной речи, можно дать учащимся полный текст песни вместе с отдельными фразами, употребляемыми в ней, на родном языке учащихся. Перед просмотром клипа учащиеся должны найти в тексте русские эквиваленты данных фраз.

Вышеописанные методологические приёмы предполагают наличие текста данной песни. Бывает, что самому преподавателю приходится расшифровывать текст со слуха, но, к счастью, тексты многих песен находятся в интернете на сайтах, посвящённых разным артистам российского рока. Большинство из таких сайтов можно найти через сайт www.rubl.ru.

4. «Ералаш»: Появляющийся два-три раза в неделю в разное время, детский юмористический тележурнал «Ералаш», адресованный «мальчишкам и девчонкам, а также их родителям», состоит из нескольких короткометражных (около трёх минут) фильмов, содержание которых относится в основном к интересам и проблемам школьников всех возрастов. Поскольку для фильмов «Ералаша» характерны относительно несложный язык и яркий юмор, опирающийся столько же на визуальные, сколько и на языковые элементы, они не требуют особой подготовки со стороны преподавателя. Их можно использовать, подобно клипам, в качестве передышки, а также как развлекательный момент в разработке таких тем, щедро представленных в «Ералаше», как образование, еда, спорт, отдых и мода.

Преподаватели, которые воспользуются русскоязычным телематериалами на своих занятиях, скоро убедятся в том, что, кроме значительного вклада в развитие языковых и страноведческих знаний учащихся, работа с ними весьма украшает учебный процесс в целом. Помимо вышеописанных передач и связанной с ними методики несомненно существует масса других возможностей для использования ОРТ и прочих российских телеканалов в преподавании русского языка. Будем надеяться, что ОРТ продолжит своё вещание на территории Венгрии, тем самым поддерживая и поощряя в этой стране изучение и преподавание русского языка.

Marija Turk (Rijeka)

TIPOVI KALKOVA U HRVATSKOME I DRUGIM SLAVENSKIM JEZICIMA

Prema engleskome predlošku

Većina je slavenskih jezika zbog specifičnih sociopolitičkih prilika do kraja osamdesetih godina XX. stoljeća bila izvan izravnijeg utjecaja engleskoga jezika. Hrvatski je bio u drugom položaju: posuđivanje anglizama kontinuirano traje od početka pedesetih godina XX. stoljeća, a posredno još i mnogo ranije. Pojmovi koji su nastali na engleskome govornom području u nešto više od jednog desetljeća ulaze u slavenske jezike kao posuđenice i kao kalkovi. Polazeći od izabраниh primjera engleskih termina kalkiranih u hrvatskome jeziku, u članku se utvrđuje kako se ti termini odražavaju u slavenskim jezicima: u slovenskome, češkome, poljskome i ruskome jeziku. Analiza pokazuje da u nekim jezicima postoje odgovarajući kalkovi, u nekima postoje samo posuđenice, a kalk izostaje, postoje primjeri paralelne uporabe posuđenice i kalka, te varijantna kalkova unutar istoga jezika. Utvrđene su sličnosti i razlike u spomenutim jezicima u tvorbi doslovnih, semantičkih i djelomičnih kalkova, te polukalkova.

Ključne riječi: *kalk, engleski, hrvatski, slovenski, češki, poljski, ruski*

Posuđivanje anglizama u hrvatskome jeziku neprekidno traje od početka pedesetih godina XX. stoljeća, a posredno još i mnogo ranije. Slično se odnosi i na slovenski jezik, ali se zbog izrazitije purističke orijentacije engleski utjecaj u njemu očituje više u kalkovima nego u posuđenicama. Većina je drugih slavenskih jezika zbog sociopolitičkih prilika do kraja osamdesetih godina XX. stoljeća bila izvan izravnijeg utjecaja engleskog jezika (Samarđžija, 1998: 236). Pojmovi koji su nastali na engleskome govornom području u slavenske su jezike zbog specifične društvenopolitičke konstelacije ulazili kalkiranjem. Na primjeru se kalkova pokazuje da je raniji utjecaj engleskog jezika na kalkiranje u nekim slavenskim jezicima bio izravan, u drugima neizravan: engleska složenica *skyscraper* vjerno je preslikana u hrvatskom *neboder* i ruskom *небоскрѣб*, slovenski nazivi *nebotičnik* i poljski *drapacz chmur* djelomično odstupaju u transferu tvrobenih jedinica. Češki *mrakodrap* i srpski *oblakoder* tvorbena i unutarsemantički podudarni su s njemačkim kalkom *Wolkenkratzer*, što podupire pretpostavku o njemačkoj posredničkoj ulozi u potonjim jezicima. Njemačku posredničku ulogu potvrđuje mnoštvo primjera: engl. *free-thinker* > njem. *Freidenker* > hrv. *slobodoumnik*, češ. *volnomyšlenkář*, slovač. *voľnomyšlienkar*, polj. *wolnomyśliciel*, rus. *вольнодумец*; engl. *colour-blind* > njem. *farbenblind* > hrv. *slijep za boje*, slov. *barvoslepi*, češ. *barvoslepý*, slovač. *farboslepý*, polj. *ślepy na barwy*. Engleski je kao svjetski

diplomatski jezik na slavenske jezike utjecao prije svega u kalkiranju političkog nazivlja, npr. **cold war** > hrv. *hladni rat*, slov. *hladna vojna*, češ. *studená válka*, polj. *zimna wojna*, rus. *холодная война*; **developing country** > hrv. *zemlja u razvoju*, slov. *država v razvoju*, češ. *rozvojová země* polj. *państwo/kraj w okresie*, rus. *развивающиеся страны*; **iron curtain** > hrv. *željezna zavjesa*, slov. *železna zavesa*, češ. *železná opona*, polj. *żelazna kurtyna*, rus. *железный занавес*; **peaceful coexistence** > hrv. *miroljubiva koegzistencija*, slov. *miroljubna koeksistenca*, češ. *mírové soužití*, polj. *pokojuwe współistnienie*, rus. *мирное сосуществование*. Osim u političkom nazivlju raniji se utjecaj engleskoga jezika očitovao u kalkovima koji su imenovali događaje ili pojave koje su zbog svoje neobičnosti izazvali zanimanje u cijelome svijetu, npr. **flying saucer** > hrv. *leteći tanjur*, slov. *leteči krožnik*, češ. *letající talíř*, polj. *latający talerz*, rus. *летающая тарелка*.

Početkom devedesetih godina protekloga stoljeća promjenom sociolingvističkih prilika slavenske je jezike zahvatila globalna pojava ingresije anglizama i otvorila nedoumice oko njihova statusa (Philipson, 1992). Posljedica toga je da se u slavenskim jezicima može utvrditi u pojedinom jeziku postojanje anglizma koji nije transferiran u kalk ili paralelna uporaba anglizma i kalka, te inačice kalkova koje pokazuju da se jedno od ponuđenih rješenja nije etabliralo kao općeprihvaćeni naziv.

1. Podudarni tipovi kalkova u slavenskim jezicima

1. 1. *Doslovni i semantički kalkovi*

Doslovni su kalkovi leksičke jedinice u kojima se vjerno preslikava strani tvorbeni model, po načelu član za član, i prenosi cjelovito značenje:

cable television > hrv. *kabelska televizija*, slov. *kabelska televizija*, češ. *kabelová televize*, rus. *кабельное телевидение*¹;

health-food > hrv. *zdrava hrana*, slov. *zdrava prehrana*, *zdrava hrana*, češ. *zdravá strava*, polj. *zdrowe pożywienie*, rus. *здоровая пища*;

silent majority, hrv. *šutljiva većina*, slov. *tiha večina*, češ. *mlčící většina*, polj. *milcząca większość*, rus. *молчаливое большинство*;

self-service > hrv. *samoposluživanje*, slov. *samopostrežba*, češ. *samoobsluha*, polj. *samoobsługa*, rus. *самообслуживание* itd.

Kod semantičkih se kalkova pod utjecajem stranog jezika postojećoj riječi pridružuje novo, obično preneseno značenje. Svi se semantički kalkovi po svojoj naravi mogu svrstati u širu kategoriju doslovnih kalkova (Muhvić-Dimanovski, 1992: 158).

Leksem kojem se u kalkiranju, odnosno semantičkom posuđivanju pridružuje novo značenje može biti (1) idioglotem ili (2) aloglotem, obično internacionalizam, adaptiran u tome jeziku:

(1) Utvrđeni su primjeri semantičkog kalka kojemu je izraz idioglotem u svima ovom analizom zahvaćenim jezicima:

¹ Usp. djelomični kalk u poljskome: *telewizja kablowa*.

*mouse*² > hrv. *miš*, slov. *miška*, češ. *myš*, polj. *mysz*, rus. *мышь*;

*cake*³ > hrv. *kolač*, slov. *kolač*, češ. *koláč*, rus. *пирог*,

(2) Za semantički kalk koji se ostvaruje na aloglotemu također su potvrđeni primjeri u svim promatranim jezicima:

*chanal*⁴ > hrv. *kanal*, slov. *kanal*, češ. *kanál*, polj. *kanał*, rus. *канал*;

*strategy*⁵ > hrv. *strategija*, slov. *strategija*, češ. *strategie*, polj. *strategia*, rus. *стратегия*; *virus*⁶ > hrv. *virus*, slov. *virus*, češ. *vir*, polj. *wirus*, rus. *вирус*;

1. 2. Djelomični kalkovi

Djelomični kalkovi ne reproduciraju tvorbeni model u potpunosti: jedan se tvorbeni element prenosi vjerno, a drugi slobodno. Otklon uvjetovan tvorbenom strukturom jezika u kojem se kalkira može biti u vrsti tvorbenih jedinica ili u njihovu redosljedju. Pritom se prenosi opće značenje, ali ne i sva pojedinačna značenja. Semantički je dakle odnos modela i kalka: sememska podudarnost i otklon u dijelu sema.

brain-washing > hrv. *pranje mozga*, slov. *pranje možgov*, češ. *vymývání mozku*, polj. *pranie mózgu*, rus. *промывание мозгов*

family planning > hrv. *planiranje obitelji*, slov. *načitovanje družine*, češ. *plánování rodiny*, polj. *planowanie rodziny*, rus. *планирование семьи* itd.

1. 3. Polukalkovi

Polukalkovi su leksičke jedinice u kojima se jedan dio složenoga stranojezičnog predložka preuzima u izvornom obliku,⁷ a drugi se dio najčešće doslovno prevodi. Riječ je o kalku koji mnogi autori ne izdvajaju iz šire skupine hibridnih složenica:

global village > hrv. *globalno selo*,⁸ slov. *globalna vas*, češ. *globální vesnice*, polj. *globalna wioska*, rus. *глобальная деревня*;

charter-flight > hrv. *čarter-let*, češ. *charterový let*, polj. *lot czarterowy*, rus. *чартерный рейс*.

² Značenje: 'dio kompjutorske opreme'.

³ Značenje: 'cjelina koju treba podijeliti', npr. *devizni kolač*. Prema raspoloživ podacima taj semantički kalk zasad nije potvrđen u poljskome jeziku.

⁴ Novo se značenje realizira u radijskom i televizijskom žargonu.

⁵ Kalk se ne odnosi na prvotnu uporabu u vojnom smislu, nego kao razvojni plan, npr. *strategija razvoja*.

⁶ U informatici: 'program koji se može samostalno umnožavati i pri tome izvoditi sporedne radnje koje mogu biti štetne'.

⁷ Izvorni je oblik u načelu fonološki, morfološki i redovito ortografski adaptiran, ali prepoznatljiv kao stranojezični lik.

⁸ U hrvatskom se jeziku engleski predložak osim polukalka ostvaruje i kao djelomični kalk: *veliko selo*.

2. Različiti tipovi kalkova prema istome predlošku u slavenskim jezicima

2. 1. *Djelomični semantički kalkovi*

U slavenskim se jezicima strani model može reproducirati djelomičnim kalkom i to tako da se unutar jednih ostvaruje jedan, unutar drugih drugi tvorebni model:

developing country > (1) hrv. *zemlja u razvoju*, slov. *država v razvoju*, polj. *państwo w okresie*; (2) češ. *rozvojová země*, rus. *развивающиеся страны*.

Isti se predložak kao semantički kalk ostvaruje u nekim jezicima na (a) idioglotemu, u drugima na (b) aloglotemu ili u pojedinom jeziku semantički kalkovi funkcioniraju na (c) idioglotemu i aloglotemu: :

package⁹ > (a) češ. *balík*; (b) hrv. *paket*, polj. *pakiet*, rus. *пакет*; (c) slov. *paket/sveženj*

generation¹⁰ > (a) rus. *поколение*, (b) hrv. *generacija*, slov. *generacija*, polj. *generacja*; (c) češ. *generace*, řada

to control¹¹ > (b) hrv. *kontrolirati*, polj. *kontrolować*, rus. *контролировать*; (c) slov. *kontrolirati*, *nadzirati* itd.

2. 2. *Doslovni, djelomični i polukalkovi*

Prema istome predlošku u slavenskim se jezicima ostvaruju različiti tipovi kalkova, u jednim doslovni, u drugima djelomični ili polukalkovi. Potvrđeni su i primjeri u kojima se i unutar istog jezika ostvaruju različiti tipovi, što rezultira varijantama:

web-page/web-site – hrv. *web stranica*, slov. *spletna stran*, *web stran*, češ. *webová stránka* /*internetová stránka*, polj. *strona internetowa*, rus. *компьютерная страничка*

quality of life, hrv. *kvalieta života*, slov. *kakovost življenja*, *kvaliteta življenja*, polj. *jakość życia*, rus. *качество жизни*

sandwich-men > hrv. *ljudi sendviči*, češ. *nosič reklam*, polj. *człowiek-reklama*, rus. *человек-бутерброд* itd.

2. 3. *Kalkovi i posuđenice*

Iako je u većine slavenskih jezika kroz povijest bila izražena tendencija da se za zadovoljavanje leksičkih potreba za imenovanjem novih pojmova aktiviraju latentne mogućnosti stvaranjem kalkova, a ne pasivnim preuzimanjem gotovih stranih rješenja, odnos je prema posuđenicama različit od jezika do jezika i od razdoblja do razdoblja (Sesar, 1996 i Turk 1996). Postojanje posuđenice ili kalka, odnosno naporedna uporaba posuđenice (često još neadaptirane) i kalka u kojem jeziku odražava općenito odnos pojedinog jezika prema posuđenicama

⁹ Značenje: 'skupina, kombinacija ili slijed povezanih dijelova koji mogu biti prihvaćeni ili odbijeni kao pojedinačne jedinice', npr. *paket zakona*.

¹⁰ Značenje: 'stupanj tehnološkoga razvoja', npr. *nova generacija kompjutera*.

¹¹ Značenje: 'imati moć, vlast nad čime', npr. *kontrolirati područje*.

ma, ali i stanje u kojem su se zatekli jezici u globalnom naletu anglizama i nedoumica oko njihova statusa: adaptacije ili pronalaženja zamjene:

computer > hrv. *kompjutor, računalo*, slov. *računalnik*, češ. *počítač*, polj. *komputer*, rus. *компьютер*;

fast food > hrv. *brza hrana, fast food*, slov. *fast food, hitra prehrana, hitra hrana*, češ. *rychlé občerstvení*, polj. *szybkie dania, fast foody*, rus. *выстрая пицца, фаст фуд*

air bag, hrv. *zračni jastuk*, slov. *zračna/varnosna blazina, zračni/varnosni meh*, češ. *airbag*, polj. *poduszka powietrzna*, rus. *воздушная подушка*,

U slovenskom je jeziku unutar analiziranog korpusa zamjetna tendencija da se složeni predložak reproducira posuđenicom koja je jedna od sastavnica složenice, dok se u drugim promatrenim slavenskim jezicima složeni predložak prenosi nekim tipom kalka, obično polukalkom: **sandwich-men** > slov. *sendvič* (usp. hrv. *ljudi sendviči*); **charter-flight** > slov. *čarter (-ja)* (usp. hrv. *čarter-let*, češ. *charterový let*, polj. *lot czarterowy*, rus. *чартерный рейс*).

2. 4. **Prisutnost/odsutnost kalkova**

Prikazani kalkovi pokazuju podudarnosti i razlike u reprodukciji engleskih predložaka. Međutim dio promatranog korpusa pokazuje da je u nekim jezicima stvoren kalk, a u drugima zasad nije potvrđen, ili u tim jezicima funkcionira izraz koji se ne može dovesti u vezu s engleskim predloškom. Tako poljski izraz *pletwonurek* ('ronilac') obavlja jednaku funkciju kao kalkovi: hrv. *čovjek-žaba*, slov. *človek žaba*, češ. *žabí muž*, rus. *человек-лягушка, люди лягушки* nastali prema engl. **frogman**. Jednako se odnosi i na polj. *czasopismo brukowe* naspram doslovnih kalkova u drugim jezicima: engl. **yellow pages** > hrv. *žute stranice*, slov. *rumene strani*, češ. *žluté stránky* itd. Vjerojatno bi analiza na većem korpusu dodatno potvrdila ovu pojavu.

2. 5. **Inačice kalkova**

Kad je riječ o novim pojmovima, u načelu se na planu izraza nude različita rješenja. Mnogi primjeri kalkova u slavenskim jezicima nastali prema engleskom predlošku pokazuju da se u govornoj praksi u konkurentnim rješenjima nije nametnulo jedno od ponuđenih rješenja, što ima za posljedicu inačice. Inačice su obično leksičke, rjeđe morfološke:

brain drain > hrv. *odljev/ bijeg mozgova*, polj. *odpływ fachowców/mózgów*

global village > hrv. *globalno/veliko selo*

air bag > slov. *zračna/varnosna blazina, zračni meh /varnosni meh*

web-page > slov. *spletna stran, web stran*, češ. *webová stránka /internetová stránka*

frogman > rus. *человек-лягушка, люди лягушки* itd.

3. **Umjesto zaključka**

Ovaj članak predstavlja skroman prilog poznavanju kalkova nastalih u slavenskim jezicima prema engleskome predlošku. Iako postoje inicijalna istra-

živanja o toj problematici, sustavnija istraživanja otežava činjenica da su većina tih kalkova neologizmi i da nisu rječnički zabilježeni. Uzimajući u obzir tu činjenicu istraživanje provedeno za potrebe ovoga rada polazi od odabranih primjera kalkova u hrvatskome jeziku i provjeri kod izvornih govornika slovenskog, češkog, poljskog i ruskog jezika o postojanju odgovarajućih izraza u tim jezicima. Komparativnim i kontrastivnim pristupom kalkovima u više slavenskih jezika nastalim prema istome, engleskome, modelu otkrivaju se kalkovi podudarne strukture, što je posljedica tvorbene sličnosti među srodnim jezicima i kalkovi različite strukture koji odražavaju tvorbene posebnosti pojedinih jezika. Sustavnija istraživanja unutar svakog od jezika, a potom i unutarslavenska komparativna istraživanja dala bi potpuniju sliku. Takav cilj, dakako, nadmašuje mogućnosti jednoga istraživača i jednoga članka.

Literatura

- Filipović, R. (1986): *Teorija jezika u kontaktu*. Uvod u lingvistiku jezičnih dodira. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti i Školska knjiga, Zagreb.
- Muhvić-Dimanovski, V. (1992). Prevedenice – jedan oblik neologizama. *Rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti*, knjiga 446, Zagreb, 93-205.
- Philipson, R. (1992): *Linguistic Imperialism*. Oxford University Press, Oxford.
- Salzmann, Z. (1991): "Anglicisms in Modern Literary Czech". *The English Element in European Languages*. Vol 4, Institute of Linguistics, Zagreb, 122-164.
- Samardžija, M. (1998): "Kako (p)opisati nove riječi" *Radovi Zavoda za slavensku filologiju*, 32, Zagreb, 235-236.
- Sesar, D. 1996. *Putovima slavenskih književnih jezika. Pregled standardizacije češkoga i drugih slavenskih jezika*. Zavod za lingvistiku Filozofskog fakulteta u Zagrebu, Zagreb.
- Turk, M. (1996). Jezični purizam. *Fluminensia*, 1-2. Rijeka, 63-79.
- Turk, M. (1997). Modeli kalkiranja u slavenskim jezicima određeni povijesnim kontaktom. *Prvi hrvatski slavistički kongres. Zbornik radova I*. Zagreb, 381-392.
- Ward, D. (1986): "English contribution to Russian". *English in Contact With Other Languages*, Akadémiai Kiadó, Budapest, 307-331.

CALQUES IN CROATIAN AND OTHER SLAVIC LANGUAGES BASED ON THE ENGLISH MODEL (Summary)

Due to specific sociopolitical circumstances, up to the end of the eighties of the XX century, the majority of Slavic languages were outside the scope of more direct influence of the English language. Croatia was in a different position: borrowing Anglicisms has continued from the beginning of the fifties of the XX century and, indirectly, began much earlier. Terms developing in the English speaking area over a little more than a decade enter the Slavic languages as

loan-words and as calques. Beginning with selected examples of English terms which have been calqued in the Croatian language, the article establishes how these terms are reflected in Slavic languages: in Slovenian, Czech, Polish and the Russian language. An analysis shows that in some languages there are corresponding calques, in some there are only loan-words and calques are missing, there are examples of parallel use of loan-words and calques as well as variants of calques within the same language. Similarity and differences have been established in the languages mentioned in the formation of loan translations, loan-meanings and loan renditions as well as partial substitutions or loan blends.

Key words: calque, Croatian, English, Czech, Slovenian, Polish, Russian

PUTEVIMA HRVATASKE GLAGOLJICE

Upoznamo li glagoljicu otkrit ćemo da ona nije samo skup znakova. Možemo joj pristupiti na bezbroj načina i pri tome otkriti svu njenu ljepotu i sav njen značaj bilo da se govori o jezicnoj znanosti, teološkoj simbolici, o njenoj likovnosti ili o njenom glazbenom izričaju.

Na hrvatskom prostoru glagoljica se pojavila u prvom razdoblju Ćirilove i Metodijeve misije. Za razliku od ostalih naroda koji su rabili glagoljicu i napustili je najkasnije do kraja 12.stoljeca, Hrvati su glagoljičko pismo njegovali i sačuvali do danas. Unatoč prostornom sužavanju, glagoljica je prisutna, ona živi tisućljetni život, a Hrvati se prema njoj odnose na način kako ona to i zaslužuje: uče glagoljicu i pišu o njoj, proučavaju je i njeguju na različite načine, priznavajući joj tako njenu posebnost i značenje u povijesti hrvatske kulture.

U nastojanju da bar djelomično odgovorimo na pitanja gdje i kako danas Hrvati uče, proučavaju i njeguju glagoljicu, ispitivanje smo usmjerili na prostor nekadašnjih središta glagoljice, odnosno na školske i visokoškolske ustanove, institucije koje proučavaju i čuvaju glagoljaško blago i projekte koji promoviraju glagoljicu.

GLAGOLJICA I ŠKOLA

Smatramo potrebnim ovdje odgovoriti na pitanje: Kako se učila glagoljica?

Za period kasnog srednjeg vijeka nemamo pouzdanih podataka. Tek po nekim ostacima možemo pretpostaviti da su postojala glagoljaška središta u Vinodolskom, Rijeci, Vrbniku, Roču i Beramu. Pouzdaniji podaci odnose se na samostane gdje su žakni učili po rukopisnim početnicama (koje nisu sačuvane) te po tiskanim početnicama.

Prva hrvatska tiskana početnica Andrije Toressanija iz 1527. godine tiskana je u Veneciji glagoljskim slovima, a 1530. tiskana je početnica, Psaltir, Šimuna Kožičića Benje. Treća početnica, Pokusni listovi, potekla je iz radionice hrvatskih protestanata i uveliko se oslanja na prethodna dva izdanja. Osim Pokusnih listova protestanti su izdali glagoljske i ćirilске Table za dicu koje su bile namjenjene ponajprije za učenike, a tek onda za žakne, buduće popove glagoljaše.

Danas je učenje o glagoljici uvršteno u obvezatan program hrvatskog jezika i književnosti i povijesti osnovnih i srednjih škola u Hrvatskoj.

U osnovnim školama nastavnim planom i programom iz hrvatskog jezika i književnosti predviđeno je u nižim razredima upoznavanje s pismom na razini obavijesti, a u višim razredima učenici se upoznaju s pismom, njegovim značenjem i određenim tekstovima (npr. s tekstom Baščanske ploče). O glagoljici i njenom značenju kroz povijest, o povijesnim spomenicima, učenici saznaju kroz program nastave povijesti.

U srednjim školama nastavne jedinice vezane uz glagoljicu također su dio obvezatnog programa hrvatskog jezika i književnosti, kako gimnazija tako i strukovnih škola. Naglasak je na upoznavanju s pismom i tekstovima srednjovjekovne književnosti kroz nastavni predmet hrvatskog jezika i književnosti, a povijesne odrednice glagoljaškog vremena učenici srednjih škola detaljnije upoznaju kroz nastavni program povijesti.

Metode rada kao i broj sati ovise o motiviranosti predmetnog učitelja.

Uz obvezatan program u osnovnim i srednjim školama zanimljivost čine slobodne aktivnosti i izborni programi. U ovakvim skupinama, polazeći od interdisciplinarnosti i integracije u suvremenom didaktičko – metodičkom pristupu, uspostavlja se međupredmetna povezanost. Skupine povezuju hrvatski jezik i književnost s predmetima povijest, likovna i glazbena kultura.

Ovakav rad vrlo uspješno se provodi u nekoliko osnovnih i srednjih škola u Rijeci, te u osnovnoj školi u Roču. Svoje radove objavljuju u školskim novinama, izdaju zbornike ili stripove.

Nemali je broj škola u Istri i Hrvatskom primorju koje kroz slobodne aktivnosti okupljaju mlade zaljubljenike u glagoljicu, a sve s istim ciljem: očuvati i njegovati hrvatsku glagoljicu.

Dva su fakulteta na kojima se sluša kolegij Općestarslavenski književni jezik.

Na Odsjeku za hrvatski jezik i književnost Filozofskog fakulteta u Rijeci kolegij se sluša na prvoj godini kroz dva sata predavanja i jedan sat seminara tjedno. Kolegij obuhvaća povijest glagoljice, pisma (uglatu i oblu glagoljicu i ćirilicu), čitanje i prevođenje tekstova.

Na Teološkom fakultetu kolegij se, sa sličnim programom, održava jedanput tjedno kroz dva semestra druge godine studija.

OSTALE INSTITUCIJE

U Hrvatskoj postoji niz institucija koje se bave proučavanjem, očuvanjem i promocijom glagoljaške tradicije (Staroslavenski zavod, Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti i dr.).

Na području ispitivanja također je nekoliko institucija koje svojim radom doprinose očuvanju tradicije. Sveučilišna knjižnica u Rijeci od 1968. godine ima stalni postav izložbe „Glagoljica”. Prikaz je to razvoja glagoljice, glagoljske pismenosti i baštine kroz povijest u sjeverojadranskim krajevima. Hrvatski državni arhiv u Rijeci čuva brojne glagoljske rukopise i isprave.

MUZEJI I SPOMENICI

Vrijednu i bogatu zbirku o glagoljici posjeduju Gradski muzej u Senju, Muzej u Novom Vinodolskom te Povijesni muzej u Rijeci.

Posebnosti čine spomenici :

- Crkva Sv. Lucije u Jurandvoru gdje je pronađena Baščanska ploča. U tijeku je obnova prostora uz crkvu; zgrada u kojoj su živjeli benediktinci kao i cijeli kompleks imat će muzejsku namjenu.
- Aleja glagoljaša je spomen-obilježje koje pokazuje put glagolizma od Ćirila i Metoda do danas. Proteže se od Roča do Huma, duga je sedam kilometara i sastoji se od jedanaest spomen-obilježja. Proći Alejom glagoljaša znači upoznati se bar djelomično s načinom života glagoljaša koji su od 11. stoljeća održavali kulturu, pismenost i društvenu djelatnost tog dijela Hrvatske.

CRKVA

Hrvatski su glagoljaši, kako bi sačuvali svoje pismo, za njenog tvorca proglasili sv. Jeronima. Na taj je način glagoljica, ograničena samo na Hrvate, ostala sveto

pismo. Hrvatski su redovnici u glagoljici vidjeli svetu baštinu i takav odnos prema glagoljici i slavenskom bogoslužju uveliko je pomogao njihovom očuvanju. Crkva je sačuvala crkvenoslavenski jezik u liturgiji. I danas se u nekim mjestima otoka Krka održava takva liturgija u svakodnevnim molitvama, u crkvenim pjesmama te u liturgijama za svečane prigode. Liturgija na crkvenostoslavenskom jeziku održava se za svečane prigode i u senjskoj katedrali.

DRUŠTVA

Jedno od vrlo uspješnih društava na području ispitivanja svakako je društvo Prijatelji glagoljske baštine Rijeka. Osnovano je s namjerom da se popularizira literatura o glagoljici i hrvatskoj glagoljskoj baštini. Kako bi ostvarili jedan od svojih zadataka, organiziraju tečajeve te nastoje promicati uporabu glagoljice u suvremenim uvjetima življenja i komuniciranja.

LJETNJE ŠKOLE

Najstarija i najpoznatija je Mala glagoljaška akademija „Juri Žakan” u Roču. Ona je domaćin učenicima osnovnih škola iz cijele Hrvatske koji kroz različite radionice stječu znanja o glagoljici.

Grad Krk organizira tzv. ljetnju školu glagoljice koju posjećuju stariji učenici i studenti. Najmlađa i vrlo zanimljiva je Škola glagoljice u Korniću, starom naselju na otoku .

PROJEKTI

Projektima se dokazuje bezgraničnost pristupa glagoljici. Navest ćemo samo neke :

- Učenici glagoljaši Osnovne škole „Nikola Tesla” iz Rijeke u suradnji s Odsjekom za likovnu umjetnost Filozofskog fakulteta izdali su fanzin na glagoljici „Novi kvadrati”.
- VELI MRGAR višegodišnji je projekt studenata Odsjeka za likovnu umjetnost Filozofskog fakulteta u Rijeci. Godišnji susreti (izložbe) održavaju se na prostoru Velog Mrgara iznad Jurandvora.
- Treća međunarodna izložba EXLIBRIS 2001. pod nazivom Stara pisma bila je posvećena 900. obljetnici Bašćanske ploče i 470. obljetnici rada riječke glagoljaške tiskare Šimuna Kožičića Benje.

Glagoljica je motivacija mnogim likovnim umjetnicima, u primjenjenoj grafici je prisutna već gotovo jedno stoljeće. Na ekslibrisima je nalazimo od početka 20. stoljeća. Glagoljska se slova koriste i u suvremenom dizajnu. Glagoljica je prisutna i u glazbi. Na prostoru glagoljice i slavenskog bogoslužja razvio se poseban oblik pjevanja; oblik osebujnog pučkog crkvenog pjevanja u liturgijskim obredima. Pjevalo se u kleričkoj zajednici, a u tome

je sudjelovao puk koji je u tradiciju bizantskog crkvenog pjevanja i gregorijanskog korala unosio elemente narodnog melosa.

Iako nije ostvaren na području ispitivanja, smatramo potrebnim napomenuti izdavanje CD.

„Sakralna glazba na staroslavenske tekstove” Krste Odaka, a kojim se nastoji sačuvati tradicija glagoljaškog pjevanja.

ZAKLJUČAK

Kratkim obuhvatom podataka nastojali smo, bar djelomično, dati prikaz o pozornost koja se u Hrvatskoj pridaje glagoljaškoj tradiciji kao važnom dijelu povijesti hrvatske kulture.

Hrvati stoljećima pronose svoju glagoljašku tradiciju i ustraju na tom putu čuvajući na različite načine to neprocjenjivo blago hrvatske kulture.

Literatura

J. Bratulić, Leksikon hrvatske glagoljice, Minevra, Zagreb, 1995.

D. Žubrinić, Hrvatska glagoljica, HKD sv. Jeronima, Zagreb, 1996.

M. Bolonić, Otok Krk, kolijevka glagoljice, Zagreb, 1980.

Udžbenici iz hrvatskog jezika i književnosti za osnovnu školu, gimnaziju i srednje strukovne škole.

Izvedbeni programi iz hrvatskog jezika i književnosti za osnovnu školu, gimnaziju i srednje strukovne škole.

Nastavni programi kolegija Općeslavenski književni jezik Filozofskog i Teološkog fakulteta u Rijeci.

Zbornik EXLIBRIS 2001., Rijeka, 2002.

A KILENC KÉRDŐPONT MAGYARORSZÁGI DÉLSZLÁV NÉPEK NYELVÉN

Az úrbéri rendelet megjelenését követően királyi biztosok ellenőrzése és irányítása alatt megkezdődött az úrbérrendezés, melynek keretében a vármegyei tisztikarból úrbéri összeíró bizottságokat hoztak létre, hogy a regulációhoz szükséges előmunkálatokat elvégezzék. A rendezési munkára kijelölt királyi biztosok első teendője az volt, hogy összeállították az illető megye községeinek és mezővárosainak névsorát, többek között feltüntetve azt, hogy milyen nyelvet használnak az illető település lakói, vagy azoknak többsége. Ezt beküldték a **Helytartótanácsnak**, annak pedig időben gondoskodnia kellett a formanyomtatványok /a kilenc kérdés, nyomtatott urbárium, nyomtatott úrbéri tabellák/ megfelelő nyelven és mennyiségben történő elkészítéséről. Így azok Magyarország legtöbb népének és nemzetiségének nyelvén megjelentek¹.

Ezen előzetes összeírások során a parasztok eskü² alatt vallottak az általuk használt föld mennyiségéről, minőségéről, a határukban károsító tényezőkről stb. E bevallásokat a központilag előre elkészített és nyomtatásban a megyékhez megküldött kilenc kérdésre válaszolva tették meg³. A megyébe kiszálló biztosok a Helytartótanáctól nyomtatásban magyar, német és szlovák nyelven kapták meg az ún. kilenc kérdőpontot. A hazai délszláv népek nyelvire e három nyelv valamelyikétől fordították le a kérdőpontokat.

A magyar helyesírással készült dokumentumok nyelvi elemzése önálló dolgozatba kívánkozik.

A kilenc kérdés magyar nyelven így hangzik:

I. Vagyon-é mostanság urbarioma ezen helységnek? ha vagyon minémü az? mennyi időtül fogva hoztattott bé?

II. Ha urbarioma nincsen a' jobbágyi kötelességet teszik-é contractus szerént, mind a' jobbágyok, mind a' zsellérek? mennyi ideje már annak, hogy ezen bévett szokás kezdődött? avagy contractusra lépett ezen helység a földes urasággal? Nem de nem ezen mostani urbariom, avagy contractusnak tétele előtt is voltak mások, és ha voltak? minémüek, és mikor kezdődött ezen mostani szokásban lévő kötelességnek praestatioja?

III. Ahol urbariomok, vagy contractusok nincsenek, mibül álló a'

¹ Erről részletesebben ld. **Udvari István**: A Mária Terézia-féle úrbérrendezés forrásai magyarországi délszláv népek nyelvén I. Nyomtatványok. Dimensiones Culturales et Urbariales Regni Hungariae 2. Nyíregyháza, 2003.

² A paraszti eskü szövegét ezideig egyik hazai délszláv nép nyelvén sem sikerült fellelnünk.

³ A nyomtatott kilenc kérdőpont magyar, szlovák fakszimiléit ld. **Udvari István**: A Mária Terézia-féle úrbérrendezés szlovák nyelvű dokumentumai. Vasvári Pál Társaság Füzetei 4. Nyíregyháza 1991. 33-34.

jobbágságnak és zselléreknek adózása és kötelessége, a' ki mostanság szokásban vagyon? mikor és mi módon hozattatott bé azon kötelesség és adózás?

IV. Minémő haszon vételei vannak ezen helységnek és határjának? avagy ellenben minémü károk szokták közönségesen érni őtet és határját?

V. Hány és minémü hold szántó földje és rétje vagyon egy egész ház-helyes gazdának, és hány posonyi mérőt vetthet egyik egyik hold szántó földjében? Nem de nem a' rétjein sarjút is kaszállhat-é?

VI. Minémü és hány napi munkát vitt egy egy gazda eddig végben, és hány vonyó marhával? és a' midőn a' robottra mentek, és vissza jöttek, beszámllátott-e azon járás-kelesnek ideje is a' napi számhoz?

VII. Adnak-é az itt való lakosok az földes uraságnak kilencedet? Ha adnak minémü termésből és javakból adgyák azt? S mennyi időtül fogva? És vagyon-é a' kilencedbéli adózás ezen Nemes Vármegyében más földes uraságnál is bevett szokásban? Ezen kívül más adózás fejében mit szokott ekkoráig egy-egy jobbágy adni esztendőnként az uraságnak, jelesül pedig olyatin akár kész pénzből, akár más egyébből adatott adózás és ajándék miből álló volt?

VIII. Hány pusztta hely vagyon ezen helységben? Mennyi időtül fogva? Mi okból pusztultak el? És azon helyeket appertinentiajával együtt kik birják?

IX. Ezen helységnek lakosai örökös jobbágyok-é, vagy nem?

A fenti kilenc kérdés ismétlődött minden községben, ezért nem kell csodálkoznunk, hogy az egymást követő vallomásokban sztereotip ismétlődésekkel találkozunk. Az ismétlődések számát növeli, hogy a IV. kérdéssel, az egyes települések haszonvételeivel és káraival kapcsolatban újabb, a megkérdezendő haszonvételeket és károkat számba vevő nyomtatvány állt az előzetes felmérést és összeírást végző biztosok rendelkezésére. Minden esetben megkérdezték:

1. Hány nyomásban művelik szántóföldjeiket az adott település lakói? Milyen őszi- és tavaszi veteményeket vetnek? Hány ökörrrel szántanak? Trágyázzák-é földjeiket, és milyen időközönként?
2. Rétjeik milyen minőségűek? Sarjút kaszállnak-é? A szénájuk alkalmas-e szarvasmarha tartásra?
3. Hová járnak vásárra? Milyen távolságra vannak a vásártartó mezővárosok a településtől? Ott könnyen eladhatják-é termékeiket, és beszerezhetik-e a maguknak szükséges dolgokat? Kell-e vámot, hídpénzt fizetniük a vásárba menet és jövet?
4. Szénakaszálás előtt kell-e más községek határán legelőt bérelniük? Elegendő-e legelőjük az ígás és heverő marhák legeltetésére, juhok tartására?
5. Van-e állataik itatásához jó és közelben lévő itatóvizük?
6. Határukban van-e olyan erdő, amelyikből kielégítik saját tűzi- és épületfa szükségletüket? Szabadon vagy a földesúr engedélyével hordhatnak-e fát? Van-e saját erdeje a község úrbéreseinek?
7. Van-e szőlőhegy a faluban? Azt csak a község lakói birtokolják-é, avagy extráneusok, külső lakosok is, akik pénzért műveltetik szőlőiket?

8. Makk terem-e erdejükben? Van-e a község erdejében makkoltatási lehetőségük? A földesúri erdőben makkoltathatnak-e? És ha igen, milyen feltételek mellett?
9. Adnak-é egyházi tizedet? Mit tudnak a tizedről, püspöki- vagy királyi dézsmáról?
10. Vannak-e gyümölcsöseik, zöldséges-, káposztás- vagy egyéb kertjeik? Komlót gyűjthetnek-e a falu határában? A kertek a falu határában, vagy bent a faluban található-e?
11. Nádvágási lehetőségük van-e? Ezt külön is meg kellett kérdezni azokban a falvakban, ahol erdőhasználati joguk nem volt a jobbágyoknak.
12. Sószállítással vagy egyéb fuvarozással kereshetnek-e pénzt?
13. Szomszédságukban manufaktúra, "fábrica" található-e?
14. Közelükben van-e hajózható folyó? Kereskednek-e a folyókon áruszállítással, avagy uszályokon, hajókon vállálnak-e pénzért munkát?
15. A település közelében vannak-e olyan szőlőhegyek, ahová eljárhatnak pénzért dolgozni?
16. A mész- és szénégetés lehetőségével élhetnek-é?
17. A közösségnek vannak-e sajátos haszonvételei: vásártartási jogból származó bevételek; italkimérésből származó haszon; közösségi szántó vagy rét; közösségi szőlő. És ha ez utóbbiak vannak, milyen nagyságúak?
18. Van-e kender- és lenáztatásra lehetőségük?
19. Van-e malom a helységben, vagy közelükben?

Az említett haszonvételek mellett minden esetben meg kellett kérdezniük az úrbérrendező biztosoknak a falvak lakóit az alábbi **károkról**:

1. A szántófölddel kapcsolatban: van-e elegendő; köves-e; árvíz, belvíz, hegyekről lezúduló vizek rongálják-e; állatok, vadak kárt tesznek-e a vetésekben; nincs-e akadálya a trágyázásnak; egyéb károk: külön hangsúlyozni kellett, ha nem volt a határ nyomásokra osztva, és ha a föld annyira terméketlen volt, hogy még zabot és pohánkát sem termett.
2. Kevés vagy egyáltalán nincs rét, terméketlen, sásas szénát kaszálnak rajta. Ha rendszeresen előnti az árvíz.
3. Nincs vásározási lehetőségük, vagy nagyon messze vannak a vásártartó helyek, vagy azok rossz úton közelíthetők meg, avagy magas vámot, híd-pénzt kellett fizetniük vásárba menet a falu lakóinak.
4. Legelőjük kicsi, vagy egyáltalán nincs, és bérelni kénytelenek, vagy pedig marhák legeltetésére alkalmatlanok.
5. Fa, nád nincs, vagy csak nagyon korlátozott mennyiségben.
6. Nincs pénzkereseti lehetőségük, vagy csak ritka alkalommal, avagy nagyon messze lévő helységeken.

7. A faluban vagy közelében nincs malom, vagy csak nagyon nehezen közelíthető meg⁴.

A továbbiakban betűhív átírásban néhány bácskai település kilenc kérdőpontját tesszük közzé.⁵

Bács vármegye

Despotszentiván

Primo. Imade li zaszada kakva szpainszka uredba /:urbarium:/ zaradi daczie iliti dusnoszti podajnicke? I od kojega vrimenta.

Secundo. Gdi pak zaszad nikakve uredbe neimade megy podlosnikom i spaiom, dohodki goszpodarszki zaktivaju li sze po pogodbi, iliti contractu, ili po obicsaju primlyenu? Od kojega pak vrimenta primlyen jeszt? Nisz li prija szadasnye pogodbe i uregyenya, druga uregyenya bila? I kakva, i kada jeszt szadasnyi obicsaj [d]usnoszti pocseo.

Tertio. Gdi niti uregyenya niti sze pogodbe nahode, iziszkavanya szpainszka po szadasnyemu obicsaju u cemu sztoje? I kada pak i kakvim nacsinom jeszu posztala.

Qvarto. Koja i kakva szvako oszobito miszto dobro fajdiszovanya, i kava pak pomankanya imade.

Qvinto. Koliko i kakve oratye, i koszatye zemlye jedan podlosnik czile sessie imade? Koliko pak szvako oszobito oranya jutro posunszki mirova szimena primlya? Na livada mose li sze otava kosziti.

Sexto. Kako szvaki podlosnik i koliko dana, i sz kolikom tegletyom marvom doszad kulukovao jeszte, igyenye pak na kuluk, i povratyanye jel u kuluk primlyeno.

Septimo. Je li devetak doszada bio, i od kojega vrimenta pocset, i od kakvi vriszta davan jeszt. Je li pak devetak i u osztali ove varmegye szpainluczi. Sto szu jos podlosniczi u drugoj sztvari goszpodinu iliti szpajj priko godine davali? A najvlasztito goszpodar zemalyszki davanya, darova, ili u gotovu novczu, ili naravszki u sztvari kakva jeszt zaktivao.

Octavo. Koliko imade u ovome szelu puszti sessia, iliti podlosniczki miszta, krosz koi uzrok, i ko takva miszta uxiva.

Nono. Zsitelyi jeszu li szlobodna odlaza, ili szu vicsnyi podlosniczi.

Kiszács

1-mo Imade li zaszada kakva szpainszka uredba /:Urbarium:/ zaradi daczie, illiti dusnoszti podajnicke i od kojega vrimenta?

⁴A latin nyelvű dokumentum lelőhelye: Zemplén vármegyei Levéltár. Sátoraljaújhely /A továbbiakban ZVlt/. Loc. 105. Nro. 667.

⁵Forrásaink a Magyar Országos Levéltár Filmtárában vármegyénkénti és falvankénti ábécésorrendben kutathatók.

2-o Gdi pak zaszada nikakve uredbe nejmade medju podlosnikom y szpajom dohodki goszpodarszki zaktivaju li sze po pogodbi illiti contractu, illi po obicsaju primlyenu, od kojega pak vrimenta primljen jest ovaj obicsaj nisu li prie szadasne pogodbe i uregyena druga uregyena bila i kakva, i kade jest szadasni obicsaj dusnoszti potsev?

3-o Gdi niti uregyena /:Urbarium:/ niti sze pogodbe nahode izizkivanya szpainszka po szadasnyemu obicsaju u csemu sztoje? J kada pak i kakvim nacsinom postale jeszu?

4-to Koja i kakva szvako oszobito mesto dobro fajdiszovanya i kakva pak pomanykanya imade?

5-o Koliko y kakve oratye, i koszetye zemlye jedan podlosnik czele sessie imade? Koliko pak szvako oszobito oranya jutro posunszki Mirova semena prima, na livada otava moxe li sze kosziti?

6-o. Kako szvaki podlosnik, i koliko dana i z kolikom tegletyom marvom dosad kulukovao jeszt? Igyene pak na kuluk y povratyene jeli u kuluk primlyano?

7-o. Je li devetak doszad bio, i od kojega vremena pocset, i od kakvoj vrszta davan jest? jeli pak devetak i ustali ove varmegye spailuczi? Sto szu jos podlosniki u drugoi sztvvari goszpodinu illiti szpahy priko godine davali, a navlasztito goszpodar zemalszki sztvarih darova illi u gotovu novczu illi u naravszki stvarih kakova jest zaktivao?

8-o. Koliko imade u ovomu szellu pustih sessia illiti podlosniczki mista, kroz koi uzrok y kto takva mista uxiva?

9-o. Xiteli jeszu li szlobodni odlaziti ili szu vecsny podlosniczy?

Kulpin

Primo. Imade li zaszada kakva szpainszka uredba /:Urbarium:/ zaradi dacie iliti dusnoszti podajniczke? i od kojega vrimenta.

Secundo. Gdi zaszad nikakve uredbe ne imade meg y podlosnikom, i szpaiom, dohodki goszpodarszki zaktivaju li sze po pogodbi iliti contractu, illi po obicsaju primlyenu od kojega pak vrimenta primlyen jeszt? Niszu li prie szadasnye pogodbe, i uregyenya druga uregyenya bila? I kakva, i kada jeszt szadasnyi obicsaj [d]usnoszti pocseo.

Tertio. Gdi niti uregyenya niti sze pogodbe nahode izizskavanya szpainszka po szadasnyemu obicsaju u csemu sztoje? I kada pak i kakim nacsinom jeszu posztala?

Quarto. Koja i kakve szvako, oszobito miszto dobro fajdiszovanya i kakva pak pomanykanya imade?

Quinto. Koliko i kakve oratye i koszatye zemlye jedan podlosnik czile sessie imade? Koliko pak szvako oszobito oranya jutro posunszki mirova szimenta primlya? Na livada moxe li sze otava kosziti.

Sexto. Kako szvaki podlosnik i koliko dana, i sz kolikom teglatyom marvom doszad kulukovao jeszt, igyenyne pak na kuluk i povratyanye jel u kuluk primlyeno.

Septimo. Je li devetak doszada bio, i od kojega vrimenta pocsev, i od kakvi vriszta davan jeszt? Je li pak devetak in osztali ove varmegye szpainszki. Sto szu jos podlosniczi u drugoj sztvari goszpodinu illiti szpay priko godine davali? A najvlasztito goszpodar zemalyszki davanya, darova ili u gotovu novczu, ili u naravszki sztvari, kakva jeszt zaktivao.

Octavo. Koliko imade u ovome szelu pusztii sessia illiti podlosniczki miszta, kroz koi uzrok, i ko takva miszta usziva.

Nono. Zsitelyi jeszu li szlobodna odlaza, ili szu vicsnyi podlosniczi.

Piros

I. Imade li zasada kakva spaiska uredba /:urbarium:/ zaradi datie illiti duznosti podainicske, y od kojega vremena?

II. Gdi pak zasade nikakve uredbe neimade medju podloznikom y spajom dohodki goszpodarski zaktevali usse po pogodbi illiti contractu, illi po obicsaju primljenu, od kojega pak vrimenta primljen jest, nissu li prie sadasne pogodbe, j uregyenya druga uregyenya bila, j kakva, j kade jest sadasni obicsai duznosti pocseo?

III. Gdi niti uregyenya /:urbaria:/ niti sse pogodbe nahode izizkivanya spainska po sadasnyemu obicsaju u csemu stoje? Y kada pak j kakvim nacsinom postale jessu?

IV. Koja a kakva svako osobito mesto dobro faidissavanya, i kakva pak umalyenya imade.

V. Koliko y kakove oratye, y kossetye zemlye jedan podloznik czele sessie jmade? Koliko pak svako ossobito oranya jutro pozunski merova semena prima? Na livada j na otava moze lli sse kossiti?

VI. Kako svaki podloznik j koliko dana y z kolikom tegletyom marvom dosad kulikovao jest? Igyenye pak na kuluk y povratyenyje jeli u kuluk primlyano?

VII. Je li devetak doszad bio, i od kojega vremena pocset, i od kakovi verszta davan jest? Je li pak devetak y ustali ove varmegye spajluczi? Sto su josh podlosniki u drugoi stvari goszpodinu illiti szpahy priko godine davali, a navlasztito goszpodar zemalyszky sztvarih darova illi u gotovu novczu y u naravsky stvarih kakova jest zaktivao.

VIII. Koliko imade u ovomu szellu pusztih sessia illiti podlozniczki miszta kroz koj uzrok? Y tko takva miszta uxiva?

IX. Xiteli jeszu li szlobodni oblazity, illi szu vecsny podloxniczy?

Sztapár

I. Imade li zaszada kakva szpainszka uredba /:Urbarium:/ zaradi daczie, illiti duznoszti podajniczke, i od kojega vrimenta?

II. Gdi pak zaszada nikakve uredbe neimade megyu podloznikom i szpajom dohodkj goszpodarszki zaktivaju li sze po pogodbi, illiti contractu, illi po obicsaju primlyenu, od kojega pak vrimenta primlyen jeszt, nissu li prie

szadasnye pogodbe i uregyenya druga uregyenya bila? I kakva, i kada jeszt szadasnyi obitsai pocseo?

III. Gdi niti uregyenya /:urbaria:/ niti sze pogodbe nahode iziszkavanya szpainszka po szadasnyemu obitsaju, u csemu stoje? I kada pak, i kakvim nacsinom posztale jeszu?

IV. Koja i kakva pako osobito miszto dobrofajdiszovanya, i kakva pak pomanykanya imade?

V. Koliko i kakve oratye i koszatye zemlye jedan podlosnik czile sessie imade? Koliko pak szvako osobito oranya jutro posunszkj mirova szimena primlye? Na livada mozse li sze i otava koszit?

VI. Kako szvaki podlosnik i koliko dana i sz koliko tegletyom marvom doszad kulukovao jeszt? Igyenye pak na kuluk i povratyanye jeli u kuluk primlyano.

VII. Jeli devetak doszada bio, i od kojega vrimena pocset, i od kakovi verszta davan jeszt? Jeli pak devetak i u osztali ove varmegye szpailuczi? Sto szu joss podlosniki u drugoi sztvari goszpodinu illiti szpahij priko godine daval i navlasztito goszpodar zemelyszkj davana, darove illi u gotovu novczu i u naravszki sztvari kakva jeszt zaktivao?

VIII. Koliko imade u ovomu szelu puszti sessia, illiti podlosnitski miszta, kroz koi uzrok? I tko takva miszta uzsiva?

IX. Zsiteli jeszu li szlobodna odlaza? Ili szu vicsny podlozniczi?

Vas vármegye

Csernec

Ub pervim. Kaksi urbarium jeszte, pa csi gyeszte kak dugu jeszte?

Ub drugim. Gde pa nikaksega urbariuma nega, jeli sze dacse davaju polek contractusa, ali pa pu kaksoj navadi, kak dugu je tom, jel ie pred temtoga druga bila navada.

Ub tretjem. Gde nikaksega urbaria nega, tan kakse dacse szou, gda, pa kagda je taksa dacsu nuter prisla.

Ub strtim. Kaksi haszek ali kvár ima eta vész.

Ub pétim. Kuliko kmet czeloga szeliscsa zemlé, i na keliko keblor imá i travnike kakse? Jeli sze mora otava kosziti?

Ub sesztim. Kaksu, pa keliku dni szaksi kmet goszpocsinu szlúsi z kolikimi presnimi sivincsetmi, pa pout jeli sze v goszpocsino zracsunala?

Ub szedmim. Jeli je deveti nadavana, ali nej, pa gyeli drügi imenyi davaju. Zvün toga vszako leto káksu davaju. Zvün toga vszako leto káksu dacsu szu pavri du széga mau davali, jeli szu tu dacsu v pejnezi ali vu naturi davali?

Ub oszmim. Keliko jeszte v etoj vészi püszni széliscs, pa kak dugu za kaksega zroka pa sto dersi?

Ub devetim. Jeli szu kmeti urücsni ali nej?

Nemcsoc

Ob pervim. Ako i kakova urbaria vezda jeszu i od kakovoga vreimena ona szu vpelana.

Ob drugim. Ge pak nikakova urbaria dovezda neszu bila, dacse kmecke od pavroff jeli sze terjau poleg dokoncsanya illiti contrassa, ali pak polek nutre vzeta navade, ali pak pogoenye jeli... sze pricsela, i nuter vzeta? Ako neszu pred vezdasnyem ali urbariem druga bila i kakova i gda sze jeszte vezdasnye navade dusnost pricsela.

Ob tretyim. Kde sze nikakova urbaria i pogoenye ne nahajaju, po zemelskom goszponu od kmeta polek navade priemlenye, dacse vu kom stojo? Gda i z kakovim talom takve szu nuter vpelane?

Ob sztertym. Kakove prihodne haszne i skodlivozti ima mesto jedno po jednom?

Ob petim. Kuliko i kakove orane zemle i travnike kmet czeiloga szelischcha ima i na koliko posonszki kabloff? I ako sze na oni travniki otava kosziti ?

Ob sestim. Kakvo kmet jeden po jednom i kuliko dani goszpocsine i s kolikimi sivinczmi do vezdai jeszte szlusil; nadale priidenye i odhajánye jeli sze jeszte kmetom vu gozpcosinu zracsunalo? Ali nei.

Ob szednim. Ako devetina dovezda i od kakovoga dugovanya jeszte dana? I ako jeszte ove devetine daenye vu drugi ovoga varmegyeva vu gozpostvi vu navado zveta? Vzún toga kakovo dacsu jessu paffri zemelskomu goszponu do ovoga vreimena czerez lettú davali? I po imenom ona dacsá i daruvanye po zemelskom goszponu od kmetoff ali vu gotovi noffceff, ali vu naturalski dugovanyki ztergana po imenom vu kom stoju.

Ob oszmim. Kuliko jeszte vu mesztu jednom po jednom pusztki szeliszcz, od kakovoga vreimena, za kakovoga vreimena, za kakovoga zroka i ona sto osiva.

Ob devetim. Ako szu kmeti szlobodnoga odhajanya, ali öröczni, ali dusnostyom zvezani.

Zala vármegye

Bogdánovec

I. Ima li ovo szellu zavezda urbariuma, ako ima, kakov je on, y od koi-ega vremena prichet je?

II. Ako obchina urbariuma nema kmecko dusnoszt jeli polegh contracta kmeti y selari zversavaju? Kuliku je tomu vremena da sze je ta navada prichela, ali contractus z goszpodom zemelszkom je sze vuchinil. Jeli pred ovim vezdasnyim urbariumum ali contractussu drugi bil y gda sze je ove vezdasnye szlusbe navada prichela?

III. Gde urbariuma ali contractussa nega kakva je szlusba pri kmeti y selari dusnoszt, koja je vezdaj vu navadi gda y kakova szlusba i dusnoszt prichela sze je?

IV. Kakvo haszen ima szellu ovo y hatar ali szuprotivnim nachinom kakvoga kvara na hataru szvojem szpoznava.

V. Kuliku y kakve zemlye tulikaisse szinokose kmet czeloga szelischa ima ter kuliku posonszki drevenyek na jedno mekoto poszeja se, jeli tulikai na szinokosai kosziti sze ottava more.

VI. Kakvu goszpochinu y kuliku dni kak tulikasse sz kulikom marhum voznom vszaki kmet dusen je bil goszpochinu dati? Nadalye jeli na goszpochinu tam y nazad iduch idenye kmetom vu goszpochinu v rachun vzeto je.

VII. Jeli devetina dovezdai od koiega vremena y od kakvoga sitka davalala sze je? Jeli takvu devetinu y pri drugi dominiumi vu ovi varmegyi davati navadno je bilo ali ni? Kai tulikaisse kmeti zvun navadne dache ali prikasz z gotovemi penezi ali vu sitku goszpodi zemelszki davati dusni jeszu bili.

VIII. Kuliku vu ovom szellu pusztih gruntov nahagya sze od koiega vremena, zbhogh kakvoga zroka y gdo ove grunte lada?

IX. Jeli kmeti szlobodnoga odhajanya ali vekovechni jeszu?

Gorichica

I. Ima li vezda ovo meszto urbariuma, akoga ima, kakov je ov? Ter koje vreme je vpelyan?

II. Ako urbariuma nema, jeli sztanovniki ovoga meszta kmecku dusnoszt zversavaju polegh contractussa, kakti kmeti, ali kakti selyari? Kuliko je vremena thomu kak je ova navada prichela? ali kak je contract meszto ovo napravilo z dominiomom zemelszkem, neli szu pred ovim veszdasznym urbariomom, ali contractusem bili y drugi, ter ako szu bili? Kakvi szu, ter gda szu sze pricheli ovi veszdasny navadni podanki.

III. Kade urbariuma, ali contractussa nemaju, vu chem sztoje kmeckzi y selyarszki podanki y obligatia, koja je vezda y dovezda navada, gda y kak sze nuter vpelyala tha obligatia y podanki.

IV. Kakovu haszen ima ovoga meszta kattar? Ali szuprotivnem nachinom kakve kvare terpeti ter podnasati naivisse mora ovo meszto vu szvojem kottaru.

V. Kuliko y kakove mekotte oranah zemely y szinokos jeden czeli gaszda illiti nagornyak ter kuliko posonszkih dervenek na jednu mekottu orane poszejati more? Ne li y otava na szinokossah gaiti y kosziti more sze?

VI. Kakve ter kuliko tesakov je dal jeden gaszda illiti nagornyak iz kulikom marhom, ter gda szu na goszpochinu isli y domov dosli jeli sze dohagyanya y odhagyanya vreme vu rachun goszpochine dneva onoga vzelo?

VII. Jeli ovoga meszta sztanovniki zemelszkomu goszpodinu devetinu davaju? Ako davaju, iz kakvoga prirogyenya y imetka tho devetinu davaju ter od kuliko vremena? y jeli devetine davanye vu ovi szlavne varmegyi pri drugi zemelszki goszpodi navadno je? Zvun thoga vu ime drugih podankov kaj je navaden bil jeden podlosnik uszako letto goszpodinu zemelszkomu dati, navlasztito pako takvo davanye jeli je vu penezi, aki vu chem drugom y kakvom navadno bilo?

VIII. Kuliko je pusztih gruntov vu ovom meszto? Od kuliko vremena, iz kakvoga zroka opuszteli jeszu, ter takve grunte sz prisztojalischi szkupa gdo lada?

IX. Ovoga meszta sztanovniki jeli szu vekovecsni podlosniki ali ne?

Zebanec

I. Ima li ovo szelo zavezda urbariuma, ako ima kakov je on, y od kojega vremena prichet je on?

II. Ako obchina urbariuma nema kmetszku dusnoszt jeli polegh contracta kmeti y selari zversavaju. Kuliko je thomu vremena y gda sze je tha navada prichela? Ali contractus z goszpodum zemelszkum je sze vuchinil? Neli pred ovim vezdasnim urbariumom, ali contractussem drugi bil y gda sze je ove vezdasnye szlusbe navada pricsela?

III. Gde urbariuma, ali contractussa nega, kakva je szlusba pri kmetih y selarih? Ter dusnoszt koja je vezda vu navadi, gda y kak ova szlusba, y dusnoszt prichela sze je.

IV. Kakvu haszen ima szelo ovo, y hatar ali szuprotivnem nachinom kakvoga kvara na hataru szvojem zpoznavava?

V. Kuliko y kakve zemle tulikaise szenokose kmet czeloga szelischa ima? ter kuliko posonszkih dervenek na jednu mekotu poszeja sze? Jeli tulikai na szenokossai otava kosziti sze more.

VI. Kakvu goszpochinu y kuliko dnevvov kak tulikaisse z kulikum marhum voznum vszaki kmet dusen je bil goszpochinu dati? Na dalye jeli na goszpochinu tam y nazad iduch hodenye kmetom vu goszpochinu v rachun vzeto je?

VII. Jeli devetina dovezda od kojega vremena, y od kakvoga sitka davalva sze je? Jeli takvu devetinu y pri drugi dominiumi vu ovi szl(a)vni varmegyij davati navadno je bilo? Ali ne? Kai tulikajsse kmeti zvun navadne dache ali prikaza z gotovemi penezi ali sitku goszpodi zemelszki davati dusni jeszu?

VIII. Kuliko vu ovom szelu pusztih gruntov nahaja sze? Od kojega vremena zbog kakvoga zroka y gdo ove grunte lada?

IX. Jeli kmeti szlobodnoga odhajanya ali vekovechni jeszu?

JEZIK I PRAVOPIS KAO NAJBITNIJA TAČKA NAŠEG POSTOJANJA

Danas ljudi, iako to ne želimo da priznamo, ne pišu pravilno, pravopisna pravila ne smatraju obavezom, nego skupom mogućnosti iz kojih korisnik samovoljno odlučuje o stepenu pridržavanja pravopisnih zakona. Ovo stanje se može primetiti i u samoj jezičkoj matici, a svakako je još prisutnije u dijaspori. Analiza upotrebnog jezika i pravopisa u dijaspori je stoga od izuzetnog značaja za izučavanje srpskog jezika uopšte. Zašto je to zanimljivo? Jezik koji upotrebljava manjinska narodnostna zajednica van granica matice zemlje može samo delimično da se smatra živim, tvorbenim jezikom. Jezik administracije, kulturnih ili političkih debata, naučnih istraživanja, značajnih literarnih ostvarenja nije jezik manjine, nego zvanični jezik zemlje u kojoj manjina živi. Naravno da u svim ovim oblastima upotrebljava se i manjinski jezik, ali srazmerno malo. Znači, većina jezičkih izraza vezanih za pomenuta područja ne živi aktivno u jeziku manjine pa stoga ni u srpskom jeziku na teritoriji Mađarske. Drugim rečima razvoj i bogaćenje jezika ne odvija se istim tempom kao u matici. S druge strane ova usporenost dovela je do okamenjenosti jezika koji bogatstvo svog rečničkog fonda obezbeđuje čuvanjem starih, patiniranih izraza i oblika. Tako ova dva fenomena, veoma spor razvoj i čuvanje starih oblika, pored toga što su slika stanja u jeziku, ujedno su i područje za dalja proučavanja.

Kao jedan od pobornika za očuvanje nacionalnog identiteta i jezika, smatram nedovoljno akcentovanim potrebu negovanja pravilnog korišćenja jezika i rad na njegovom bogaćenju. Danas se u Mađarskoj oko više centara neguje srpska reč, i nadajmo se da će tako za dugo i ostati. Ali svakako treba ispitati da li se raspoloživa sredstva i mogućnosti koriste na najbolji način. Srpstvo je već više vekova deo mađarske tradicije, života i istorije te međusobni uticaji dva jezika su mnogobrojni i dugotrajni. Polazivši od toga da je reč ona snaga koju ne mogu da obuzdaju niti životne okolnosti, niti političke granice, smatram da je rad na usavršavanju jezika, a time i razvoj kulture pa i istorije najznačajnija tačka u očuvanju srpstva u Mađarskoj. Često se čuje da je Srba sve manje i manje, te da sve slabije i slabije govore maternji jezik. Ova informacija ni u kom slučaju ne mora da nas začudi. Ako pogledamo samo stanje školstva u Mađarskoj, a i sam školski aparat, te i druge društvene i privredne odnose, uvidećemo da su uslovi za očuvanje jezika tanani. Nadalje, stav da je najdelotvornija borba za očuvanje jezika i nacionalnog identiteta isključivo folklor za mene je neprihvatljiv. Siguran sam da naučni rad, razvoj pisane i govorne reči kroz književna i pozorišna ostvarenja, kao i stvaranje bližih i neposrednih kontakata sa jezičkom maticom daleko su delotvorniji. Negovanje narodnih igara i običaja u ponašanju i odevanju zaista su divna slika proteklih vremena koja svakako ne smeju da budu zaboravljena, ali su nedovoljna za afirmaciju čovekovih potreba na pragu dvadeset i prvog veka. Jedini fenomen

koji se razvija uporedo sa potrebama jednog naroda je njegov jezik. Zato je naša velika odgovornost u sagledavanju istorije našeg jezika, mogućnosti njegovog daljeg razvoja i tvrdoglavo zahtevanje poštovanja jezičkih i pravopisnih zakona. Na taj način razlike pa i udaljenost između matice zemlje i dijaspore mogu da se smanje pa možda i u potpunosti uklone.

Danas u Mađarskoj, globalno govoreći, među srpskim življem postoje dve grupe koje karakterišu različite društvene, ekonomske, ali i govorne osobine. Naravno, za nas su zanimljive samo ove poslednje razlike. Jednu grupu čine Srbi rođeni u Mađarskoj. Koreni im potiču sa mađarske teritorije, u najvećem broju dobro govore mađarski, ali ne govore dovoljno pravilno srpski, govore srpski, ali ga ne koriste pravilno. Nadalje, nisu u bliskoj ekonomskoj, političkoj ili kulturnoj vezi sa maticom, čak se može reći da postepeno gube tu vezu. Druga grupa se sastoji od ljudi koji su poslednjih deset do petnaest godina, iz različitih razloga i sa različitim namerama, došli i naselili se u Mađarskoj. Srpski govore pravilno, mađarski govore malo i često loše, nisu u bliskoj vezi sa mađarskim Srbima a još manje su u kontaktu sa Mađarima. U emotivnoj su, kulturnoj, katkad i ekonomskoj vezi sa maticom.

Pored ove dve veće grupe postoje i manje, za ovaj moj rad neznčajne grupe – na primer, grupa trgovaca koja je zbog ekonomske krize prešla granicu, nastavila svoj posao u Mađarskoj i koja će se najverovatnije vratiti u maticu čim se ekonomske prilike poprave. O ovoj i sličnim grupama koje se u svom radu više koriste engleskim ili nekim drugim svetskim jezikom zbog ograničenog prostora, a i njihove nebitnosti za jezički razvoj ne želim i nemam potrebe da govorim.

Prve dve grupe, koje su i predmet ovog rada možemo smatrati mađarskim Srpstvom. Prva grupa se pre više vekova, a druga tokom poslednjih godina nastanila na mađarskoj teritoriji, postavši time ravnopravni član i deo kulture i istorije Mađarske.

Proces mađarizacije se dugotrajno i sigurno odvijao na ovim terenima već vekovima i verovatno je baš sada za ovih deset-petnaest godina nekako zaustavljen ili bar usporen. Ovim se ukazala još jedna nova šansa da se jezik zaštiti od stranog uticaja, da se obnove njegove idejno-filozofske postavke, da se odstrane nepravilnosti i da se time srpska reč i misao ponovo postave na zdrave osnove koje će svakako podsticati stvaranje i na maternjem jeziku, a ujedno će biti i kreativna snaga za stvaranje i delovanje i na mađarskom jeziku.

Za dalji rad pre svega je potrebno konstatovati sadašnje stanje, prikupiti podatke o svim vrstama nepravilnosti, pokušati ustanoviti njihove korene, tojest pod kakvim su uticajem nastale, i na kraju izraditi platformu po kojoj će se nepravilnosti ukloniti, ili bolje reći, uklanjati iz jezika.

Već sam pomenuo koliko su velike jezičke razlike između dve najveće grupe Srba u Mađarskoj. Vrlo često te razlike dovode do ograničenog razumevanja među ljudima, a postoji i određena surevnjivost pa čak i ismevanje jednih ili drugih, već prema okolnostima u kojima se nalaze. Sigurno da je prvi korak

u standardizaciji srpskog jezika u Mađarskoj zblizavanje suprotstavljenih jezičkih grupa.

Da bi slikovito prikazao i potkrepio svoje stavove o stanju jezika najveću par interesantnih primera o jezičkim razlikama među grupama.

Prva, iako možda ne i najznačajnija razlika je pismo. Srbi, nedavno doseljeni iz Srbije, svakako poznavaju oba pisma, i ćirilicu i latinicu, međutim, u svakodnevnoj prepisci na srpskom jeziku koristiće isključivo ćirilicu. Naravno pri korišćenju nekog od stranih jezika prirodno će koristiti latinicu. Na drugoj strani situacija je malo složenija. Često se može videti da Srbi poreklom iz Mađarske (doseljeni tokom prethodnih vekova) dobro čitaju i pišu i latinicom i ćirilicom, ipak kako u korišćenju nekog od stranih jezika tako i u korišćenju srpskog jezika koristiće latinicu.

Druga važna karakteristika, odnosno razlika između gore navedene dve grupe je zapravo izgovor. Naravno, kad je reč o izgovoru, očekivanja su nam uvek velika, a stvarnost je određena blizinom i snagom drugog jezika, stepenom korišćenja, kao i intonacijskim sličnostima i razlikama između dva jezika. Da Srbi u Mađarskoj pevuje kada govore srpski, nije ni najveći problem, niti se nešto više može učiniti na tom planu. Međutim, po mom mišljenju, postoji mnogo bitnija problem. A to je izgovor pojedinih srpskih glasova. Artikulacija je na žalost, jedan je od ogromnih problema mađarskih Srba. Kao jedan od najlepših primera možemo navesti reč *kralj*, koju veoma često, pod uticajem mađarske reči *király*, mađarski Srbi izgovaraju sa glasom «j» *kraj*. To možda ne bi ni bio neki veći problem, da u srpskom jeziku ne postoji ista reč (za mađarske čitaoc: *kraj-vége*). Iz konteksta se smisao može ali i ne mora razumeti i tada dolazi do problema. Ovakvi i slični problemi su vrlo česti u razgovoru dve navedene grupe. Slično ovom primeru mađarski Srbi loše izgovaraju i glasove *nj, č, ć, š, đ, dž, r, o, e*. To su daleko mekše varijante nego srpski izgovor tih glasova. Glas „nj” pri recimo izgovoru *konj*, glas „č” recimo pri izgovoru reči *kočija*, glas „ć” recimo pri izgovoru reči *kuća*, glas „š” recimo pri izgovoru reči *lakrdijaš* (zbog postojanje skoro identičnog glasa u mađarskom ova greška je ređa), glas „đ” recimo pri izgovoru reči *đak*, glas „dž” recimo pri izgovoru reči *džak*, glas „r” recimo pri izgovoru reči *krv*, gde se ne oseća palatalnost u izgovoru, glas „o” recimo pri izgovoru reči *stomak, sto*, glas „e” recimo pri izgovoru reči *mleko i meko*. Ove i slične greške nastaju iz vrlo jednostavnog razloga, a to je diferencija glasovnog sistema između srpskog i mađarskog jezika. Izgovor glasova *lj* i *nj* je dinamičniji i čistiji u srpskom jeziku, visinski redosled ostalih glasova se može prikazati i na sledeći način: *č-cs-ć-ty-j*, odnosno *dž-dzs-đ-gy*. Znači jedan Mađar (u ovom slučaju i Srbin iz Mađarske) da bi izgovorio glas *č* mora za nijansu dublje u usnoj duplji da formira glas, što se samo dugotrajnim vežbanjem i samokontrolom može postići. To je zapravo problem i sa svim ostalim glasovima, znači nepravilno, odnosno nedovoljno tačno tvorenje glasova.

Sledeći problem veoma interesantan za jezička iztraživanja svakako je odnos srpskih predloga i mađarskih sufikslnih tvorevina (toldalék). Smatram

da ovaj problem nastaje zbog nepravilne upotrebe gramatičkih pravila, odnosno nedovoljnog stepena poznavanja srpskog jezika. Jedan od interesantnijih primera je prevod sufiksa «-ban, -ben» i «-ba, -be» u srpsko «u». Greška se najčešće javlja pri pogrešnoj upotrebi padeža. *Ja sam u bioskop, ja idem u bioskopu.* Kod prvog primera (-ban, -ben) označava se mesto gde se nalazimo: *ja sam sada u bioskopu* gde treba da se koristi predlog «u» uz imenicu u lokativu, dok se kod drugog primera označava pravac, odnosno cilj kretanja: *ja sada idem u bioskop* i treba da se koristi predlog «u» uz imenicu u akuzativu. Ovi i slični primeri su vrlo česti.

Sledeća zanimljivost, koju smatram da je potrebno naglasiti, je preterana upotreba određenih vrsta reči, a među njima karakterističan je prilog «*već*». Po mojim procenama, ako se u lingvistici može našaliti sa nekime, odnosno nečime, onda je to reč «*već*», koja je u mojim ušima simbol mađarskih Srba. Poslušajmo sledeće primere: *Dođi već* (gyere már), *ovde već* (ide már), *već ćeš doći?* (már jössz/jönni fogsz), *šta će biti već?* (mi lesz már?) i dr. Kod ovih primera je reč o direktnom prevodu sa mađarskog jezika, ne vodeći računa o usaglašavanju sa srpskim jezikom. Naravno, u Srbiji su ovakvi primeri vrlo, vrlo retki.

Sledeća, vrlo opasna tačka je različita jezička slika sveta (világnyelvi képe; Banczerowski, 2002.), odnosno semantičke razlike, odstupanja, pravila. Ovde je zapravo reč o tome da zbog nedovoljnog znanja jezika, korisnik jezika (u ovom slučaju mađarski Srbin) nije u stanju da razume u potpunosti filozofiju svog maternjeg jezika. U sledećim primerima moguće je sagledati semantičke razlike među navedenim izrazima. Srbin poreklom iz matice kada se vrati od frizera kaže sledeće: *ošišao sam se / bio sam na šišanju*, Srbin poreklom iz Mađarske će reći sledeće: *ošišali su me / bio sam na šišanju*. Drugo rešenje mađarskog Srbina ne iziskuje objašnjenje pošto je identično sa rešenjem Srbina iz matice, međutim, problem je sa prvim primerom? U srpskom jeziku, doista nije sasvim jasno ko koga šiša, da li frizer mušteriju ili mušterija frizera, međutim u jezičnoj upotrebi ovaj oblik je ostao i postao zvaničan. U mađarskom jeziku postoji primer: *levágottam a hajam*, što znači da sam ja zapravo ošišan od strane frizera. Mađarski jezik, kao i neki drugi naprimer engleski, dozvoljava taj oblik i zato mađarski Srbin prevodi tu rečenicu na srpski. Međutim, u matičnom srpskom taj oblik ima drugo značenje, tojest vezuje se za jednu drugu situaciju: *ošišali su me*, što znači da su me prevarili, da sam skupo platio, da su me pobedili i slično. Znači, neadekvatnim korišćenjem, odnosno nedovoljnim poznavanjem jezika, upadamo u još dublje vode nerazumevanja, ili u neprijatne situacije da budemo ismejani.

Na kraju naveo bih još jednu zanimljivu karakteristiku govora Srba iz Mađarske. Nedovoljno poznavanje srpskog jezika ili možda nedovoljna brzina pri izboru reči, tojest potreba za brzim izražavanjem, dovodi do mešanja dva jezika. Vrlo često, kada nemamo dovoljno vremena da razmislimo koju reč trebamo da koristimo, a znamo da sagovornik razume i jedan drugi jezik, dozvoljavamo sebi da se bar za trenutak prebacimo na drugi jezik, koristeći pri tome reči, izraze,

a katkad i cele rečenice drugoga jezika. To dovodi do mešanja ne samo reči i izraza nego i cele filozofije jezika, kada se hvatamo druge gramatike, pratimo pravila semantike drugoga jezika. Karakteristični primeri su sledeći: *Kada su valostašok?* (választások), *Došao sam hozo* (haza), *Radim u unkormanjzotu* (önkormányzat). Posle dužeg vremena ovaj način korišćenja jednog jezika nam je prirodan, te ni ne primećujemo do koje mere kvarimo i jedan i drugi jezik. Na ovaj način brzim reagovanjem mi stvarno otklanjamo trenutne jezičke barijere ali posmatrano na duže staze ova brzopotezna rešenja siromaše i jedan i drugi jezik.

Sve ove gore navedene a i druge slične karakteristike srpskog jezika na teritoriji Mađarske veoma su zabrinjavajuće, jer Srbi poreklom iz matice, prinuđeni novonastalim okolnostima, odstupaju od pravila svog maternjeg jezika. Slobodno rečeno polako ga zaboravljaju, gube brzinu i raznovrsnost izraza u komunikaciji. Ovaj proces je dugotrajan, a njegovi pravi efekti možda će se videti tek za desetak godina, ipak valja istaći da je ova tendencija zastrašujuća. Srbi, pak poreklom iz Mađarske, ni ne znajući dovoljno svoj materinji jezik ovakvom upotrebom još se više udaljavaju od jezičkih normi savremenog srpskog jezika. Ovim se rasep između ove dve velike grupe korisnika još više širi i izlaz iz zatvorenog kruga u prvi mah je nevidljiv. Međutim, smatram da određenom reorganizacijom školskog sistema, dinamičnijim nastupom i naglašavanjem potrebe za stručnijim, mislenijim i efikasnijim radom na učenju jezika, a kroz jezik i na učenju istorije, kulture i ostalih oblasti ljudskog života, srpska reč ima veliku šansu da se još vekovima čuje na teritoriji Mađarske. Put ka cilju vodi samo kroz zajednički rad i razumevanje, podsticanje svih oblika stvaralaštva, korišćenje jezika, podsticanje i ohrabivanje kako mladih naraštaja tako i zrelih stvaralaca da se bore za razvijanje i bogaćenje jezika. U tim teškim i maglovitim pokušajima jedina vodilja može da bude jezik i odlika da se bezkompromisno poštuju njegovi standardi.

ХАРАКТЕРНІ РИСИ СУЧАСНОГО БОСНІЙСЬКОГО СТАНДАРТУ

Лінгвістична оцінка мовної ситуації південнослов'янського регіону, куди за традицією зараховували болгарську, сербсько-хорватську, словенську мови, а після Другої світової війни також македонську, наприкінці ХХ ст. суттєво змінилася. Припинила існування сербсько-хорватська мова, якою як офіційною користувалися чотири етноси – серби, хорвати, мусульмани-босняки та чорногорці. Усі вони донедавна проживали в одній державі – Югославії, яка сьогодні розділена на самостійні держави – Сербію і Чорногорію – з офіційною сербською мовою, Хорватію – з хорватською мовою, Боснію і Герцеговину – з офіційними сербською, хорватською і боснійською мовами, а також Македонію – з македонською мовою і Словенію – зі словенською мовою.

Сербсько-хорватська мова базувалася на штокавській системі діалектів. Як літературна мова чотирьох етносів вона існувала у двох різновидах: західному (загребському) та східному (белградському). На статус окремого різновиду претендувала й мова боснійсько-герцеговинського регіону, однак це питання було вирішене лише з утворенням незалежної держави – Боснії та Герцеговини. Боснійську мову було визнано рівноправною з хорватською та сербською прийнятим в Дейтоні (США) документом, підписаним керівниками Югославії (тепер Сербія і Чорногорія), Хорватії та Боснії й Герцеговини, а також представниками США та Європейського Союзу (1995)¹.

Отож, у колишній сербсько-хорватській мові були наявні літературномовні різновиди, кожен з яких мав свої характерні риси. Зокрема, боснійсько-герцеговинська реалізація мала свою специфіку в тому, що характеризувалась і сербськими, і хорватськими впливами (зумовленими історичним розвитком мови регіону, національним складом його населення, специфікою прийняття норми Вука Караджича та ін.). Це виражалось насамперед у тому, що:

у Боснії та Герцеговині паралельно використовувалися дублети із сербської й хорватської версій на зразок синонімічних пар: *sprȁt* : *kȁt*, *fȁbrika* : *tvȍrnica*, *vȁzduh* : *zrȁk*, *srȁtan* : *srȁćan*, *fȁdbȁl* : *nȁgomȅt*, *ȁtisak* : *dȍjam* та ін.;

вживалися вирази чи слова, які обиралися методом селекції: то з хорватської (*špinȁt*, *sjȁme*), то із сербської лексики (*kȁ*, *pȍzorište*, *univerzitet*, *bȁću* (форма 1-ї особи однини: буду), *kȁšika*);

¹ Останніми роками вирішується питання про надання статусу офіційної чорногорській мові на терені Чорногорії. На сьогодні ця мова ще не отримала цього статусу, але мовознавці вже активно працюють над її стандартизацією.

існувала низка перехідних явищ, okazіональних, близьких часом до одного, а іноді – до другого варіанту, які й досі не зайняли стабільної позиції в боснійсько-герцеговинській реалізації².

Як бачимо, з одного боку, боснійсько-герцеговинській реалізації була притаманна еластичність щодо опозиційних хорватських та сербських дублетів, які втрачали в ній характер опозиції і фактично зазнавали нейтралізації. З другого боку, мовній реалізації цього регіону були притаманні свої особливі риси, з якими власне й були пов'язані мовознавчі дискусії кінця 60– початку 70-х років і до наших днів щодо визнання окремого боснійсько-герцеговинського варіанту³, тепер – окремого стандарту.

Мовні явища цього різновиду трактувалися певний час як регіональні чи діалектні. Лише після виділення боснійської в окрему соціолінгвістичну категорію як мови мусульман-босняків ці особливі явища стали належністю боснійської норми. У сучасних шкільних підручниках боснійської мови, які містять нові правописні правила, в довідниках, читанках, граматиках колишні регіональні мовні явища стали нормативними. Зважаючи на це помітними є зміни в словотворенні, слововживанні, використанні певних синтаксичних конструкцій та моделей у різних стилях мовлення, особливо освічених босняків. Отже, регіональне за колишнім сербсько-хорватським стандартом стало літературним за сучасним боснійським, бо тривалий час активно використовувалося в розмовній практиці регіону⁴. Однак й на цей час спільні риси з сербською й хорватською нормами становлять значну частину мовного матеріалу боснійського стандарту. Як нова соціолінгвістична категорія він використовує те спільне, що пов'язує його з сербським і хорватським стандартами на рівні мовної системи, і селекціонує з неї факти, специфічні лише для нього. Розподіляючи у свій спосіб варіації, які допускає штокавська система діалектів, боснійський стандарт спирається на звичні для регіону мовні традиції. Узявши це до уваги, намагатимемося, по-перше, коротко з'ясувати на різних мовних рівнях факти, притаманні лише боснійському стандарту. По-друге, зіставимо, де це можливо, мовні явища, подібні з хорватською та сербською мовами і водночас характерні для сучасної боснійської норми, оскільки вони створюють для неї проблему варіантності з метою визначення особливостей використання таких явищ власне в мові мусульман-босняків.

² *Janković S.* Varijantna razučenost srpskohrvatskog standardnog jezika i bosanskohercegovački standardnojezički izraz // *Fukcionisanje jezika u višenacionalnim zemljama.* Sarajevo, 1990. S.23.

³ Це було пов'язано з отриманням мусульманським населенням Югославії статусу нації.

⁴ *Halilović S.* Pravopis bosanskoga jezika. Sarajevo, 1996; *Halilović S.* Gnjjezdo lije-pih riječi. Pravilno – nepravilno u bosanskome jeziku. Sarajevo, 1996.

Першою особливістю боснійського стандарту, порівняно з сербським та хорватським, вважаємо те, що в ньому рівноправно офіційно функціонують два алфавіти: латиниця й кирилиця⁵. Однак його визначальною рисою називають вживання турцизмів (а також арабізмів і персизмів, які потрапили в боснійську через посередництво турецької). Турцизми (їх ще називають орієнталізмами) усталились у вживанні серед носіїв мови регіону з часів турецького панування (з кінця XV ст.). Деякі з них, зокрема: *čizma, duhān, džep, čarapa, kàlup, čèkić, pàriče, pīmk, tīp, šècer, limūn, kāt* та інші – і сьогодні не мають лексичних відповідників у хорватській та сербській мовах⁶. Усі зазначені мови засвоїли також турцизми, пов'язані з проникненням на терени їх поширення східної кухні (*baklava, čevap, kajgana, lokum, bóza, bèstilj* та ін.). Однак боснійська мова має набагато більше запозичень з турецької, більше того, самі босняки визнають їх “оригінальною особливістю своєї мови”⁷ порівняно з іншими мовами слов'янського світу.

Турцизми, що функціонують у боснійському стандарті, можна поділити на три різновиди. Перший становлять слова, котрі на сьогодні не мають інших відповідників (наведені запозичення з турецької, які стали належністю сербського та хорватського стандартів, у боснійському теж вживаються (перелік таких слів в боснійському стандарті значно більший). До цієї групи належать **назви металів**, наприклад: *bakar, čelik, гостподарські назви*, наприклад: *ibrik, džizva, dugum, sinija, tepsija* та ін., **назви фруктів**, наприклад: *senàbija, zerdèlija, dūd, jeribasma, fīstuk fīnduk* та ін., **назви одягу та взуття**, наприклад: *ćurak, jèlek, šèlvāre, fīs, fīsèklje, fīrendža* та ін., **назви музичних інструментів**, наприклад: *sāz, dīf, šārgija* тощо. До другого різновиду належать **турцизми, яким можна знайти заміну**, але вона не буде цілком рівноцінною й адекватною. Ось кілька прикладів таких пар слів: *jòrgan – pokrīvāč, čāršija – tīg, bārut – eksplòzīv, jīfka–kīra* тощо⁸. До третього різновиду

⁵ Halilović S. Pravopis bosanskoga jezika... S.15–16.

⁶ Д.Брозович заперечує існуючу серед деяких хорватських мовознавців думку про орієнталізми в хорватській мові як наслідок сербського впливу, стверджуючи, що ці запозичення є складовою частиною хорватського “мовного потенціалу” не лише завдяки боснійсько-герцеговинським письменникам хорватського походження, а й завдяки письменникам Славонії, Ліки, Далмації. Боснійсько-герцеговинські орієнталізми, на думку вченого, відрізняються від сербських набагато більше, ніж про це думають нефахівці. Сербські орієнталізми, як вважає Д.Брозович, справді не можна прийняти ні в звуковій формі, ні за значенням. Як лінгвіст і діалектолог, він стверджує, що кількість і частота орієнталізмів у хорватських говорах Боснії й Герцеговини більша, ніж у сербських (див.: Brozović D. Odnos hrvatskoga i bosanskoga odbosno bošnjačkoga jezika // Jezik. 1999. Br. S.15).

⁷ Halilović S. Bosanski jezik. Sarajevo, 1988. S. 40.

⁸ Обмежимося лише деякими прикладами, повний їх перелік містять словники: Isaković A. Rječnik bosanskoga jezika...; Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jezi-

зачисляються *турцизми, пов'язані з релігійним життям мусульман, назви привітань та мусульманських релігійних звичаїв*, а також *мусульманські імена: bismilla, Allah, bajram, salam alejk, mašallah, farz, Alija, Akif, Azra*. І.Смаїлович зазначає, що таких мусульманських імен є близько 3 тис.⁹

За тематикою запозичена з турецької лексика охоплює головно релігійне життя й звичаї мусульман-босняків, імена, державний устрій, адміністрацію, побут (назви одягу, взуття, прикрас, посуду та інших побутових речей), харчування (назви страв, напоїв, овочів, фруктів), садівництво (назви рослин); торговельну діяльність (назви грошових одиниць та понять, пов'язаних з грошима); будівництво (назви будівель і понять, пов'язаних з будівництвом), військову галузь (назви, пов'язані зі зброєю й військовим обмундируванням), топоніми, конярство (назви коней і кінської зброї), музику та розваги (назви музичних інструментів, музики та танців)¹⁰.

Ми з'ясували, що турцизми активно вживалися в боснійсько-герцеговинській реалізації сербсько-хорватської мови впродовж попередніх років у різних функціональних стилях мовлення, що засвідчують матеріали періодичних видань, які виходили в СР Боснії і Герцеговині. Мабуть, і тоді, і раніше це була настільки поширена особливість усного та писемного мовлення регіону, що вона залишилася, незважаючи на всі спроби уніфікувати відмінні мовні факти в межах єдиного сербсько-хорватського стандарту. Наприклад, у сараєвських газетах 80-х років ми виявили, що турцизми використовували журналісти в статтях і репортажах. Їх ми згрупували за тематикою:

а) сільське господарство: *beričetna (ž□tva), bášta, izbeharale (v□ćke), kàlemljēnje (v□ća), nađubrávānje, dùnumi (z□mlje), □mbār, ergèla* та ін.;

б) військові теми та полювання: *arsēnāl, bárut, karàula, karāvān, tábor, kùršum, t□ne, s□ćma, nišān, fitīlj, fišèklija, járak, jàruga, j□rīš, čùtura, ć□bād, (zaižimānje) būsija, (pronàlažēnje stāzā i) b□gāzā* та ін.;

в) стан у промисловості, будівництві, господарстві, економіці та ін.: *cifra, tàrifnīk, verēsija, àlāt i alàtnica, bōr, bōraks, kallaj, bàkar, čèlik, t□č, ćilimara i ćilimi, èkser, čàmovina, kr□č, kàtran, n□imār i dùnder, ortàkluk, a màкож (plítak) dž□p, javàšluk, ćorsòkāk* та ін.;

г) спорт: *š□h, matírati, š□h-m□t, majstòrluk, kàjak, kàrija* у лижному спорті, у футболі (*ùdarac) ðònom, (ùdarac) dùšmanskī* тощо;

ku. Sarajevo, 1973. Див. також далі приклади використання туризмів у боснійській пресі.

⁹Smailović I. Muslimanska imena orijentalnog porijekla. Sarajevo, 1977.

¹⁰ Усі ці тематичні групи представлено в словнику турцизмів А.Шкалича (*Škalić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku... S.23*). Зрозуміло, зазначені слова використовувалися насамперед боснійськими мусульманами.

д) судова практика: *h□pšēnje (kriminalācā), hapšenīci, (lèžati u) hāpsu, pòhapsiti, hapsāndžija* та ін.;

е) історія й література, де турцизми використовувалися насамперед для того, щоб показати орієнтальні традиції і надати мовленню певного колориту, наприклад: *čāršija, čaršilija, mahàla, sòkāk, mināreti, du-ćáni, ćepēnci, ádeti, sèvdah, srma, kàdija, bègluk, pašàluk* та ін.¹¹

Дослідники народно-розмовної мови Боснії та діалектологи підкреслюють ще таку особливість мови регіону: фонд загальноновживаної, особливо загальнослов'янської лексики, періодів до і після османського завоювання, на їхню думку, майже не змінився. Як приклад цього вони, серед іншого, наводять назви домашніх тварин: *ovca, krava, koza, konj* (лише для назви *konj* з'явився відповідник *at*)¹². Крім цього, зазначають, що в боснійсько-герцеговинській реалізації боснійці, незалежно від національної чи конфесійної належності, особливо там, де проживало змішане населення, упродовж усього періоду розвитку мови вживали турцизми, наприклад: *galāma, kùsur, méze, bàkšiš, sárma, komšiluk, ćèif, berìcet, búb-reg, kîćma, ć□lavōst, kàšika, st□ze i b□gāze, sèvdah, mùhtadž, m□ftadžija* та багато ін.¹³. Зрозуміло, що мусульмани-босняки зберегли їх більшою мірою в активному вживанні до сьогодні. На цей час кількість турцизмів у мовному стандарті мусульман-босняків становить понад 10 тис. одиниць¹⁴.

Менш відома особливість мови Боснії та Герцеговини, особливо народної, порівняно, наприклад, із сербською – романізмами¹⁵. Значного поширення вони набули в регіонах, що межують із Далмацією, а також у Герцеговині, де вживається багато романізмів, очевидно, під впливом італійського венеціанського діалекту, кількість яких інколи переважає турцизми¹⁶. Це об'єднує в регіоні боснійські та хорватські говірки. Часто вживані серед них, зокрема, *adūstati/adūstirati* (італ. *aggiustare*) – “гарно вдягатися”, *havizati* (італ. *avvizare*) – “усвідомити, зрозуміти”, *kastigati* – “карати”, *bàstati* – “бути достатнім”.

Окремі пари слів на рівні лексики, що існують в сербській і хорватській мовах як варіанти, в боснійській мові семантично диференціюються у словосполученнях. Обидві лексеми характерні для мовної практики босняків відповідно до ситуації слововживання: *čistòta (st□la) – čistòća (□licē), □trka (t□ka s cìljem) – t□ka (□opće), òkolica (geograf.) – òkolina*

¹¹ Про використання турцизмів у різних функціональних сферах див. у Х.Вайновича (*Vajnović H. O turcizmima u srpskohrvatskom jeziku sa sociolingvističkog stavovišta // Književni jezik. 1986. Br.2. S.141–147.*

¹² *Granić A. Bosanski jezik - mit ili stvarnost? // Zbornik referata sa Osnivačke skupštine Matice Bošnjaka. Wupertal, 1993. S.35. Halilović S. Bosanski jezik... S.41.*

¹³ *Granić A. Bosanski jezik - mit ili stvarnost?... S.35.*

¹⁴ Там само. С.34; *Halilović S. Bosanski jezik... S.40.*

¹⁵ *Granić A. Bosanski jezik - mit ili stvarnost?... S.36.*

¹⁶ Словник А.Ісаковича містить також романську лексику.

(sociol.), *jèzičkī* (lingv.) – *jèzičnī* (anatom.), *mètālskī* (râdnīk) – *mètālnī* (č□vao), *hrīšćanin* (pravoslāvac) – *k□ščanin* (kàtolik) та ін. Із цими значеннями вони стали ознакою норми¹⁷.

Взагалі такі та інші варіанти своїм “переплетенням у вживанні значною мірою нав’язують боснійській мові й саму модель норми”¹⁸. Наприклад, зміна *l* на *o* в кінці складу чи слова у сучасному стандарті лише в деяких випадках є послідовною (у дієприкметнику на –*l*, у деяких похідних від дієслів, наприклад: *štediónica*, у наз. в. іменників з випадним –*a*, наприклад: *kòtao*, *mīsao*). В інших ситуаціях простежуються дублети: *stóca* і *stólca* від *stòlac*, *ândeo* і *ândel*, *kócić* і *kólcić* тощо (в таких випадках у сербській та хорватській мовах варіанти не передбачаються).

Проте в цій моделі, на нашу думку, існують випадки, коли питання вибору варіантів завдає проблем навіть носіям мови і викликає необхідність утвердження чіткої норми. Серед таких пар – дублети, які різняться лише синонімічними словотворчими моделями або мають незначні звукові відмінності, наприклад: □*pćī* : □*pštī*, *takóder* : *takóde*, *prijénos* : *prénos*; *afirmírati* : *afirmisati* та ін. На феномен таких варіантів у боснійській реалізації вчені вже попередньо звертали увагу¹⁹, однак жодному дублету з пари переваги не надавали, зважаючи на лабільність сербсько-хорватської норми і з уваги на урядові нормативні документи, що стосувалися мовного толерування. Однак після того, як боснійська мова успадкувала таку норму, в ній повинні були з’явитися певні зміни. Курс на дотримання традицій уживання, невластивих для регіону, який змінив попередню політику вільної циркуляції мовних засобів, усього за десятиріччя відобразився на слововживанні. Це засвідчує зіставлення результатів анкетування вчителів-словесників середніх шкіл м.Сараєво, проведене наприкінці 80-х років Інститутом вивчення мови, з фактами аналізу сучасної боснійської преси, виконаним працівниками цього ж Інституту. Більшість учителів (за національною належністю босняків) наприкінці 80–х стверджувала, що для них вибір для використання слів з дублетних пар несуттєвий. Однак серед форм з протиставленням *št/ć* (□*pštī*/□*pćī*) семеро з десяти учителів відповіли, що для них більш типовою є форма на *št*, хоча й друга не є чимось нетиповим. Аналогічні випадки більшої частоти вживання форм сербського зразка простежувались щодо інших варіантів у парах слів.

Взагалі саме у співвідношенні *ć/št* у сучасних літературних формах слів – це до сьогодні не до кінця з’ясований факт боснійської норми.

¹⁷Вживаючись у мовній практиці сербів і хорватів, ці пари часто служать для диференціації їхніх мовних стандартів. Порівн. серб. *jezički* і хорв. *jezični* зі значенням “мовний” (*Brodnjak V. Rječnik razlika između hrvatskoga i srpskoga jezika...*).

¹⁸ Čedić I. Jedna karakteristična crta bosanskog jezika // Simpozij o bosanskom jeziku... S.117.

¹⁹ Rječnik terminoloških višestrukosti. Sarajevo, 1979.

Донедавна в Боснії і Герцеговині переважав церковнослов'янський рефлекс $t+j=\dot{s}t$, властивий сербському стандарту. Для розмовної мови, згідно зі звуковими законами, характерний рефлекс $t+j=\acute{c}$ ²⁰. Про це переконливо свідчить факт частоти вживання окремих лексем і час їхньої появи в мові. У словнику боснійської мови зазначено, що слово $\square p\acute{c}ina$ вперше зафіксовано 1635 р., а $\square p\acute{s}tina$ – лише 1935²¹. Правописний словник і далі рекомендує вживати обидва дублети²².

Аналіз мови боснійськомовних газет і журналів кінця 90-х років²³, проведений ученими, виявив, що простежується зміна в дистрибуції дублетних форм, у тому числі із $\dot{s}t/\acute{c}$. За частотою почали переважати форми хорватського зразка. Наприклад, у газеті “Oslobođenje” від 3 серпня 1998 р. нами зафіксовано шість випадків використання форми $\square p\acute{c}i$, чотири – $\square p\acute{c}inski$, серед інших форм за хорватським зразком: *takóđer* – сім разів, *podúzēti* – три, *demokrácija* – сім, *komentírati* – сім, *funkcionírati* – вісім, *organizírati* – сім, *tisuća* – сім; форми за сербським зразком менш частотні і трапляються рідше: $\square op\acute{s}te$ – чотири, *kontròlisati* – шість (інших слів з суфіксом – *isati* немає), *hiljada* – чотири, *takóđe* – чотири. А ось у журналі “Liljan” (1996, №136) використовуються здебільшого форми хорватського зразка, а форм з $\dot{s}t$ взагалі немає, серед слів сербського зразка – лише три форми: *hiljada* вживається тричі, $\square brana$, *zadátak* – п'ять разів. Подібна картина, на думку І.Чедича, простежується й у мові адміністрації. Зокрема, в газетах “Офіційна газета” (“Službeni list”) та “Офіційний кур'єр” (“Službeni kurjer”) вживаються здебільшого форми хорватського зразка. Наприклад, в “Офіційній газеті” (1998, №1), *líce* – 7 разів, *osoba* – 36 (друга форма – хорватський зразок); *pláta* – 7, *pláca* – 8; *preduzéce* – 6, *poduzéce* – 9; а також лише форми з формантом \acute{c} : $\square p\acute{c}i$, $\square p\acute{c}ina$ ²⁴. Водночас наведена вибірка даних свідчить про те, що поряд з тенденцією до повернення в обіг давніших форм, боснійській нормі надалі притаманні варіанти вживання окремих одиниць, а також простежуються певні зміни в частоті використання окремих варіантних лексем: серед фонетичних дублетів, зокрема, перевагу мають форми хорватського зразка. Збільшилася і частота використання дієслів на *-irati*, порівняно з формами на *-isati*²⁵. Однак існування в періодиці дублетів засвідчує, що паралельне існування двох норм на цих теренах ще не припинилося. На нашу думку, це суттєве питання, пов'язане з нормуванням боснійської лексики і словотвору, потребує вирішення, що можливе лише шляхом

²⁰ Maretić T. Gramatika. Zagreb, 1974. S.102.

²¹ Isaković A. Rječnik bosanskoga jezika. Sarajevo, 1995.

²² Halilović S. Pravopis bosanskoga jezika... S.381,383.

²³ Аналіз було проведено на мовному матеріалі журналів: “Dan”, “Liljan”, “Preporod”, газет: “Oslobođenje”, “Večernje novine”, “Dnevni avaz”.

²⁴ Čedić I. Jedna karakteristična crta bosanskog jezika... S.118–119.

²⁵ Там само. С.120.

детального аналізу частоти вживання дублетних форм з урахуванням у цьому випадку соціолінгвістичних чинників, і лише після цього й на підставі цього – запровадження чіткої норми²⁶.

Боснійському стандарту притаманний ієкавський рефлекс давнього звука “ě”, традиційний для мови цього регіону²⁷. Тепер він поширився і на колись нелітературні форми: *ògrjev, prijédlog, grj□ška, grjehòta, sprječávati, strjèlica*, у них ще недавно використовувався екавський рефлекс, бо ієкавський вважався там ненормативним²⁸. Однак у цих словах як нормативні й надалі співіснують форми з екавським рефлексом. За правописом 1996 р., правильними у вживанні є форми: *srjedina* і *sredina*, *vrj□mena* і *vr□mena*, *grj□šnik* і *gr□šnik*. Автор видання мотивує це неоднаковістю вимови слів носіями боснійської мови, що пов’язане з неоднорідністю зазначеного рефлексу в народних боснійських говірках²⁹.

Серед визначальних фонетичних особливостей боснійського стандарту передовсім звернемо увагу на використання звука *h*. Зазначимо, що в Боснії та Герцеговині цей звук упродовж усієї історії розвитку мови використовувався боснійськими мусульманськими письменниками, а також хорватськими авторами з цих регіонів (наприклад, боснійським францисканцем М.Дивковичем), доробок яких справедливо відносять до скарбниці боснійської мови. Деякі вчені-мовознавці стверджували, що вживання цього звука пов’язане з впливом турецької мови³⁰. Інші це заперечували, висуваючи аргумент, що турецька мова цього звука взагалі не має (порівн. *hàvaz* - з турец. *avaz*, з перс. *avaz*; *hàlat* - з турец. *alat*, з араб. *alat*)³¹. Найвірогіднішою є теза про те, що вживання цього звука було характерним для мови регіону ще з передосманських часів³². Її також підтверджують спостереження вчених за функціонуванням цього звука в

²⁶ Певні спроби деякою мірою унормувати дублети простежуються в посібнику С.Халиловича “Правильно–неправильно в боснійській мові”. Однак там під грифом “правильно” здебільшого наводяться слова з *h* як сьгоднішні нормативні відповідники до колишніх нормативних з *v* і *j*, боснійські турцизми, що замінили колишні турцизми сербського зразка (*munara* замість *minaret*) та ієкавізми замість колишніх екавізмів (*Halilović S. Gnjiježdo lijepih riječi. Pravilno – nepravilno u basanskome jeziku...*).

²⁷ Крім ієкавиці, в Боснії та Герцеговині впродовж історії надзвичайно поширеною була й ікавиця. Однак вона не стала належністю стандарту, хоча притаманна деяким народним говорам.

²⁸ *Halilović S. Pravopis bosanskoga jezika... S.125.*

²⁹ Там само.

³⁰ *Ivić P. Govor bosanskohercegovačkih katolika i Muslimana jekavaca // Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Novi Sad, 1956. S.139.*

³¹ *Smailović I. Fonetske osobine u jeziku hasana Kikića // Jezik Hasana Kikića. Banja Luka, 1979. S.72.*

³² *Granić A. Bosanski jezik - mit ili stvarnost?.. S.34–35.*

Чорногорії³³ та Хорватії³⁴. Однак у мові мусульман-босняків звук *h* на даний час уживається і в багатьох таких формах, де хорвати чи чорногорці його не використовують: порівн. хорв., черног.: *l□k, m□k, poláko, màleno* і босн.: *l□hak, m□hak, poláhko, màlehno*, а також: *udòvac-hudòvac, l□pta i hl□pta* тощо. Сьогодні звук *h* у боснійській мові набув ще більшого поширення з огляду на часте вживання слів із цим звуком у Корані, особливо в бісміллі, якою починається кожен його розділ. Зрозуміло, вживання звука *h* у цих позиціях кодифіковано в боснійському правописі³⁵.

Для боснійської норми характерне вживання і так званого „секундарного” звука *h*, тобто такого, який етимологічно не зумовлений, наприклад: *hàstal, h□ra, hòrma, s□hat-kúla, sèvdah*³⁶.

За боснійською нормою грецьке чи латинське *χ* (“хі”) передається на письмі за допомогою *h*, що характерніше для передачі цього звука за цією нормою в словах грецького походження, зокрема *hèmiĵa, hirùrgiĵa, hrònika, hronològĵiĵa* (такі форми прийняті у сербській нормі). Однак, за нормою, в деяких словах грецького походження перевага надається *k*, наприклад: *kolera, kameleon*³⁷ (форми з *k* характерні для хорватської норми). Все ж тепер і раніше форми з *h* були звичнішими (про це свідчить порівняння частоти їхнього вживання із формами з початковим *k*)³⁸.

У передачі слів з грецької та латинської мов боснійська норма справді виступає такою, де нейтралізуються варіанти³⁹. Тут співіснують три можливості: 1) **використовуються дублети** за сербським та хорватським зразками: іменники на *ti/ci* прийняті як два варіанти норми: *tehnokarácĵiĵa /tehnokràtĵiĵa*; 2) **перевага** в процесі передачі надається **формам сербського зразка**: *K□par, okèān, k□ntaur* (так само в сербській нормі); 3) **вживаються форми, прийняті за хорватським зразком**: *b* у словах грецького походження залишається: *barbarĵam, sìmbòl, labìrint, B□bilòn* (як і в хорватській нормі).

Особливою рисою боснійської фонетики, порівняно з обома зазначеними стандартами, є подвоєння приголосних переважно в турцизмах. Серед них можуть бути загальні назви, а також власні імена: *Allah, Abdul-*

³³ Rečnik iz celokupna dela Petra 11 Petrovića Njegoša. Beograd, 1981.

³⁴ Gabrić-Bagarić D. Fonetske i morfološke osobiine jezika Hanibala Lucića // Radovi Instituta za jezik i književnost. Odjeljenje za jezik. Knj.8. Sarajevo, 1976. S.90.

³⁵ Halilović S. Pravopis bosanskoga jezika... S.121. На території Боснії і Герцеговини зафіксовано народні мусульманські говірки, для яких вживання цього звука нехарактерне. Це, наприклад, райони Джебніце (Герцеговина), села в околиці Кріяби поблизу Олова тощо.

³⁶ Там само.

³⁷ Halilović S. Pravopis bosanskoga jezika... S.140.

³⁸ Там само. С.140, а також: Maretić T. Gramatika...

³⁹ Це може проілюструвати матеріал з підрозділу правопису “Написання слів із грецької та латинської мови” (див.: Halilović S. Pravopis bosanskoga jezika... S.140–141).

lah, ummet, džennet, džehennem, Muhammed тощо. Приголосні, які подвоюються: *-dd-* (*Džemaluddin*), *-dždž-* (*zul-hidždže*), *-ll-* (*billahi*), *-mm-* (*tejemtum*), *-nn-* (*sunnet*), *-rr-* (*muderris*), *-ss-* (*mufessir*), *-vv-* (*ševval*), *-zz-* (*muez-zin*)⁴⁰. Певну аналогію до цього фонетичного явища, що відображається на письмі, можна простежити в деяких словах, утворених і на власному мовному ґрунті, характерних і для колишньої сербсько-хорватської норми: *najjasniji, osammjesečni, h□perradikālan, nuzzārada, posttūrkī* тощо. За сучасним правописом, подвоєння в турцизмах обов'язково передається на письмі (попередній правопис не узаконював такого принципу написання⁴¹).

Існують деякі інші особливості написання ісламських термінів та релігійних слів. Для їх передачі на письмі застосовуються спеціальні літери й знаки, що не є належністю боснійського алфавіту: “w” (турец. “labijal waw”): *lewħa, mewlud, sewab, tewba, tewhid*; “ ’ ” (турец. “hemze” позначає горловий редукований): *kira’et, Kur’an, mu’min*; “ ‘ ” (турец. “ajñ”, що означає гострий горловий редукований): *džema’at, mu’džiza, ni’met, ruku*⁴².

Щодо написання іншомовних власних імен та назв боснійська норма подібна до хорватської. Крім деяких усталених у мові слів, де використовується транскрипція (*Češka, Italija, Rumunija*), зберігається оригінальне написання: *Ludwig van Beethoven, Jean-Paul Sartre, Chile*⁴³.

Розглянемо морфологічні особливості вживання, насамперед, дієслів. Протягом тривалого часу для боснійської мови характерним було використання інфінітива без кінцевого голосного *-i*, а дієслова з суфіксом *-irati*, порівняно з формами, що мають суфікси *-isati, -ovati* (*rezervirati, simbolizirati, negirati*). У ній також вживалися і вживаються форми майбутнього часу (футурума I), що пишуться окремо: *m□slit ću, ráditi ću*⁴⁴.

Тепер у мові співіснують дві дієслівні конструкції для складеного дієслівного присудка: інфінітивна та конструкція *da*+теперішній час (хорватська і сербська)⁴⁵. Цікавий погляд щодо їх уживання висловив учений С.Куленович, який вважає ці конструкції в мові рівноправними стосовно норми, однак різними за значенням. Порівнявши їх у реченнях *Ne mògu da spāvāt* і *Ne mògu spāvati*, він дійшов висновку, що вживання інфінітива пов'язане з ситуаціями, коли причиною дії є вищі сили, необхідність, а

⁴⁰ Там само. С.136.

⁴¹ Йдеться про правопис сербсько-хорватської літературної мови.

⁴² Halilović S. Pravopis bosanskoga jezika... S.146.

⁴³ Там само. С. 143.

⁴⁴ Зрештою, ці форми властиві для народних пісень, а також для деяких інших говірок штокавського діалекту. Див. про це: *Maretić T. Gramatika...*

⁴⁵ Конструкція з *da*+теперішній час прийшла до боснійської мови з сербської, а до неї – з говірок, де відсутній інфінітив. Боснійські говірки, які базувалися на західній штокавиці, до таких говірок не належали. Отже, конструкція *da* + теперішній час для боснійської мови неавтохтонна.

конструкція *da*+теперішній час використовується тоді, коли дія зумовлена намірами і бажаннями самої дійової особи⁴⁶.

З іменникових форм привертає увагу відмінювання імен чоловічого роду типу *Jóvo, Ívo* за зразком іменників жіночого роду на *-a*: *Jóvo, Jó-vě...*, *Ívo, Ívĕ...*. Попередня сербсько-хорватська норма узаконювала відмінювання таких слів передовсім за зразком іменників середнього роду⁴⁷. Присвійним прикметникам, утвореним від цих імен, властиві форми *Jóvin, Ívin*⁴⁸ (подібно до хорватського стандарту).

У родовому відмінку множини іменників жіночого та чоловічого роду в розмовній мові надають перевагу формам *nòga, pòst, rúka, slúga* над формами, які попередньо вважалися літературними: *nògu, pòstijũ, rúku, slúgu* та ін. Характерним є також частіше вживання коротких форм для всієї парадигми множини в іменниках чоловічого роду: *súdi, vrâzi, šòvi, dròmi*, які співіснують з нормативними *sòdovi, vrògovi* та ін. Можливо, в майбутньому й вони стануть нормою.

Серед суфіксів, що беруть участь у творенні прикметникових форм, найбільш уживаним є *-iji*: *Vòžijĩ, djĕčijĩ, čovjĕčijĩ* (як у сербській нормі), хоча суфікс *-ji* теж вважається нормативним⁴⁹.

Наведені риси, що стали належністю боснійської норми, можна згрупувати так. **Першу** групу становлять характерні для неї мовні явища, ближчі до сербського стандарту. Це – фонологічний правопис, перевага в уживанні *h*, а не *k* у словах грецького походження (хоча трапляються й форми за хорватським зразком), а також прикметників із суфіксом *-iji* та ін. До **другої** групи належать особливості, котрі є ближчими до хорватського мовного стандарту. Це, наприклад, ієкавський рефлекс *ĕ*, вживання *ć* як наслідку йотації, частіше вживання дієслів з суфіксом *-irati*, відмінювання іменників на зразок *Ívo - Ívĕ* за парадигмою жіночого роду, написання форм майбутнього часу: *rádit ću, glòdat ću* та ін. **Третьою** групу утворюють особливості, властиві лише боснійській мові: значно більший відсоток вживання турцизмів та елементів інших східних мов у словах слов'янського походження, а також слов'янських елементів – у туризмах (*hvaldžija, ámidžić, brzádžija, bròvadžija*), подвоєння приголосних у турцизмах, особливі форми родового відмінка множини іменників чоловічого і жіночого роду на *-a*, вживання інфінітивних форм без кінцевого голосного не лише у формах майбутнього часу, співіснування для форм складеного дієслівного присудка конструкцій з інфінітивом, з *da*+теперішній час та диференціація їхнього значення, різна дистрибуція лексики у словосполученнях (*jezički - jezični*) тощо. Однак перша і друга з наведе-

⁴⁶ Kulenović S. O dakavcina i infinitivcima // Izabrana djela. Knj.7. Sarajevo,1983. S.171.

⁴⁷ Peco A. Jezik naš svagdašnji. Sarajevo,1969. S.115.

⁴⁸ Порівн. східногерцогов. тип, наприклад: *Ivov, Jovov*.

⁴⁹ Halilović S. Pravopis bosanskoga jezika... S.206.

них груп мають винятки. Наприклад, хоча за частотою переважає рефлекс йотації з *ć*, правописом визнаються нормативними і форми з *št* та інші. Отже, дублети теж можна віднести до специфічних фактів боснійської норми.

Мовні факти, вибрані нами для аналізу, стосуються сучасного стану боснійської норми. Факти розмовної мови ми використали спорадично, щоб пояснити причини того чи іншого нормативного явища. Наведений матеріал дає підстави для висновку, що на цей час стандартизація боснійської мови ще остаточно не завершена, насамперед, зважаючи на значну кількість дублетних форм, значний відсоток яких не можна вважати такими, що збагачують мову. Тож лінгвістам ще тривалий час доведеться працювати над вирішенням проблеми її варіантності. Сам факт визнання мови як соціолінгвістичної категорії не вирішує мовних проблем, пов'язаних зі стандартизацією, а лише дає змогу лінгвістам працювати над ними відкрито. Як буде далі розвиватись боснійська мова, значною мірою залежить і від самих мусульман-босняків, для яких ця мова є інструментом їхньої культури й цивілізації.

EIN VORGÄNGER DER EUROPÄISCHEN MONETARISCHEN UNION

Die Verbreitung von Batzen in Mitteleuropa

Vom Mittelalter bis zur Neuzeit waren verschiedene Münzen in Europa in Gebrauch, die sich durch den Handel in zahlreichen Ländern verbreiteten. Sie lassen sich in linguistischer Hinsicht in zwei Gruppen teilen: a) Münzen, die in anderen Ländern nachgemacht und geprägt wurden und deren Namen auch von den nachgemachten Münzen entlehnt wurden; b) Münzen, die sich ohne Nachahmung in fremden Ländern ausbreiteten. Zur ersten Gruppe gehört z.B. das it. *fiorino*, das als Muster für eine in Frankreich und in Ungarn geprägte Goldmünze galt (LarousseEt: 311; TESz 1:953; Hadrovics 1965:99-100). In der zweiten Gruppe befinden sich Wörter wie it. *ducato* > frz. *ducat*, mhd. *Dukat*, ung. *dukát* (LaorusseEt:248; Öhmann 1974:367; TESz 1:685), venez. *zechin*, mhd. *zesîn*, kroat. *cekin*, ung. veraltet *cikény* (Öhmann 1974:248; ERHSJ 1:255; Hadrovics 1965:95-96), u.s.w.

In diesem Artikel werden die Verbreitung einer Scheidemünze in Mitteleuropa beschrieben, als auch einige Etyma präzisiert und die Wege der Entlehnungen besser verdeutlicht.

Es handelt sich um *Batzen* und seine Nebenform *Bätzen/betzen*. Das Wort in der ursprünglichen Bedeutung 'Klumpen' geht wahrscheinlich über **back[e]zen/backezzen* auf *backen* zurück und wurde schon 1495 in Salzburg bezeugt (DudenEt:66; FEW 15/1:82; KlugeEt:85). Als Name einer Scheidemünzesorte wurde es auf die in Bern 1497 geprägte Münze übertragen (FEW 15/1-82). Die Münze, zuerst in der Form *Rollbatzen* '4-Kreuzer-Stücke' war in Deutschland seit dem Ende des 15. Jahrh. in Gebrauch. Die ganzen Batzen wurden bis 1535, die Halb-Batzen bis ins 19. Jahrh. geprägt (Brockhaus 1952:654).

Das Geldstück wurde in der Schweiz bis zur Einführung des Frankens (1850) als Scheidemünze gebraucht (DRG 2:274). So ist es verständlich, dass *Batzen* auch in den romanischen Sprachen der Schweiz verwurzelt ist, vgl. neuch. *batch*, *bêch*, frb. *bëtsä*; Waadt, Walis *bats*, Châten. *bâche*, Pt-Noir *bâš*; Übertragungen: *bats* 'weißes Brot langer Form', Waadt. *batz* 'neugeborener Junge', *demi-batz* 'Mädchen', Gros V. *batze* 'Anus'; Ableitungen: neuch. *bats-er* 'zahlen', *bâcher* (FEW 15/1:82); rätorom. *baz* '1. Batzen, 2. Geld' (seit dem 19. Jahrh.); Zusammensetzungen: *bazlatg* 'kleinste Maßeinheit für die Milch', surselv. *chajabat* 'Geldscheißer' (DRG 2:274; HWR 1:101).

Das Wort verbreitete sich auch in anderen romanischen Sprachen außerhalb der Schweiz. So wurde es auch vom Französischen entlehnt, wo es seit der mittelfranzösischen Periode belegt ist: *bats*, *batz* (FEW 15/1:82).

Die berndeutsche Nebenform *bätzen/betzen*, die in Anlehnung an *betz* 'bär' (das Wappentier Berns, das auf der Münze abgebildet war) entstand, war

das Etymon des Italoromanischen (mit diesem Begriff benenne ich die italienische Literatursprache und alle in Italien gesprochenen romanischen Mundarten): it. *bezzo* (belegt vor 1556) 'venezianische Münze im Wert von einhalb Sol-do [Schilling]' (DELIN:208), venez. *bezzo* 'Kupfermünze im Wert eines venezianischen Soldo,' Pl. *bezzi* 'Geld' (DDV:78). Auf Grund seiner Bedeutung ist das it. Wort eine Entlehnung aus dem Venezianischen, wie auch die Beispiele in anderen romanischen Dialekten Nordostitaliens, Istriens und Dalmatiens beweisen: chiogg. *bèss* 'venezianische Münze im Wert von einem Soldo; Geld' (VDCh:51), veron. *bèss* 'centesimo' (PDVI:28), vic., pad. *bezz*, rover. *bèz* (EV:15), triest. *bezo* (GDDT:69851), bis. *bez* (VFDB:46), capod. *bèso* (meistens in Pl.), (DSFEDC:18), Buie *besi* Pl. (VG:87), fium. *bezi* Pl. (DDF:33), veneto-dalm. *bezo* 'Geld' (VDVD:25); istroromanische Mundarten: Bale/Valle *bèsi* Pl. (DDVI:22), Vodnjan/Dignano *bèzzi* 'Geld' (VDI:17); friaul. *bêz*, *bêc* 'alte venez. Münze im Wert eines Halbsoldo' (NP:53). Die Anwesenheit dieser Wörter weist darauf hin, dass sie durch die venezianische Mundart verbreitet wurden. Venedig hatte gute Handelsbeziehungen mit süddeutschen Städten, und zur Republik gehörten seit der Mitte des 15. Jahrh. Veneto, ein Teil von Friaul, Istrien, Dalmatien und die adriatischen Inseln.

Es ist nicht überraschend, dass *bezi* auch vom Kroatischen entlehnt wurde als *beći* Pl. 'Geld', davon *beč* Sg. Das Wort ist in Dalmatien, in Kvarner und in Istrien bezeugt (Bošković-Stulli 1959:87; ERHSJ 1:130; Hyrkkänen 1973: § 120; RjČGR:29). Bei der Anpassung des Wortes ans kroatische phonomorphologische System wurde der Konsonant /ts/ durch /tʃ/ ersetzt. Das Phänomen braucht eine Erklärung, weil das Phonem /ts/ üblich ist in intervokalischer Stellung im Kroatischen, vgl. *oci* Pl. Nom. 'Väter', *jezici* Pl. Nom. 'Sprachen', *klobuci* P. Nom. 'Hüte', us.w. Während die Ersetzung von Skok nicht erklärt wird (ERHSJ 1:130), ist die Haltung Hyrkkänens unsicher: „... so kann man es [beč] zunächst für einen Venezianismus halten, da *bezzo* eine damalige venezianische Währungseinheit war. Das [tʃ] wird dadurch nicht erklärt. Lautliche Parallelismen gibt es wohl in einigen it. Mdaa. (vgl. pis. *biccio*), es ist aber zu gewagt, aus solch spärlichen Beispielen eine Schlussfolgerung zu ziehen.“ (Hyrkkänen 1973:593).

Das Phänomen lässt sich durch eine hyperkorrekte Phonemersetzung erklären, die stark mit dem Einfluss des Venezianischen und des Italienischen verbunden ist. Es ist schon erwähnt worden, dass ein großer Teil Istriens und Dalmatiens zur Venezianischen Republik gehörte. Aus diesem Grund war der sprachliche Einfluss auf die kroatischen Mundarten des Adriaums groß. Auch die Kenntnis der italienischen Sprache ist nicht zu unterschätzen, besonders in den höheren und gebildeten Sozialschichten der kroatischen Bevölkerung. Es war für viele Kroaten klar, dass die it. Phoneme /tʃ/ (< l. /tj/) und /tʃ/ (< l. /k + e,i/), die das Resultat der sogenannten ersten und bzw. der zweiten Palatalisierung sind (s. Tekavčić 1980: §§ 148-157, 261-179) und venez. /ts/, z.B. it. *faccio* /fattʃo/ : venez. *fazo* /fatso/, it. *cento* /tʃento/ : venez. *cento* /tsento/ (oggi /sento/) entsprechen. Das Phonem /ts/ war ein Merkmal des hohen Regis-

ters des Venezianischen bis zur Mitte des 19. Jahrh. (vgl. DDV:11-12; Rohlf 1966-69:§§ 152, 290). Die Ersetzung beruht auf der Entsprechung it. /tD/ : venez. /ts/, und fand statt, weil das it. Phonem zu einer Sprache höheren Prestiges, dem Italienischen, gehörte, und viele wollten sich 'besser' und 'eleganter' ausdrücken. Dieses Phänomen wurde auch von den nicht immer perfekten und oft unsicheren Venezianisch- und Italienischkenntnissen der Kroaten gefördert.

Das tschechische Wort *pac*, 'ehemalige süddeutsche und schweizerische Scheidemünze aus Silber, 4-Kreuzer-Stücke' (PSJČ 4/1:2) weist auf Grund des Phonems /p/ in Anlaut auf eine direkte Übernahme aus dem Bayrisch-Österreichischen hin.

Bezzi gelangte auch ins Slowenische. Einige Wörterbücher führen nur *bec* 'ehemalige Münze, Geld; num. venezianische Münze im Wert von einhalb Soldo' (SSKJ 1:110; vgl. SSHS:71) an, aber Bezljaj erwähnt *beč* 'kleiner Denar' für Istrien und das Resianische, das nach seiner Meinung auf kroat. *beči* zurückgeht (ESSJ 1:14, mit der Übernahme der etymologischen Erklärung Kniezsa für das ung. *bécs*). Wenn beide Formen wirklich im slowenischen Sprachgebiet existieren (existierten), ist es festzustellen, dass *bec* eine direkte Übernahme aus dem Venezianischen ist, während *beč* eine Lehnwendung aus den kroat. Mundarten in Istrien zu sein scheint.

Das kroat. *beč* wurde auch vom Ungarischen entlehnt, wo es ziemlich früh, schon um 1510 bezeugt ist: *bécs*, veraltet, 'eine kleine Münze; zwei Drittel eines Hellers' (TESz 1:265; EWUng 1:90), vgl. 'obulus quadrans' (Kniezsa 1955:85). Es ist zu bemerken, dass die Etymologie Kniezsa für das kroat. Wort von den neueren ungarischen etymologischen Wörterbüchern nicht akzeptiert ist. Während Kniezsa (1955:85) *beč* auf it. *bezzo* (richtiger auf venez. *bezo* – I.V.) zurückführt, schlägt TESz (1:265) als Etymon des kroat. Wortes ein vegliotisches (auf der Insel Veglia/Krk gesprochene dalmatische Mundart) *hječ* vor. Diese Erklärung wird praktisch auch in EWUng (1:90) wiederholt: „... *bécs* < dalm. *hječ* 'ds'“; vgl. noch ital. *bezzo* 'ds'." Diese Etymologie ist nicht akzeptabel, weil das Venezianische unvergleichbar grösseres Prestige als Kultur-, Amts- und besonders als Handelssprache auf der Ostküste der Adria hatte, als die unter dem Druck des Venezianischen und der kroat. Dialekte sterbenden dalmatischen Mundarten. Es ist noch hinzuzufügen, dass der im etymologischen Wörterbuch unter *bécs* angeführten Personennamen *Bech* aus 1364 (EWU 1:90) keine etymologische Verbindung mit diesem Substantiv haben kann.

Die oben dargelegte Verbreitung von *Batzen/Bätzen* in anderen Sprachen lässt die folgenden Schlussfolgerungen ziehen.

1. Das Wort wurde, sowohl ins Französische, als auch in Mittel- (Tschechisch, Slowenisch, Kroatisch, Ungarisch) und in südeuropäische Sprachen (Venezianisch, Italienisch, Friaulisch, Istroromanisch) aufgenommen. Diese Entlehnung wurde durch die engen politisch-kulturellen Beziehungen zwischen Mitteleuropa und Österreich und die ökonomischen Kontakte zwischen dem schweizerischen und süddeutschen Raum und Venedig ermöglicht.

2. Weiter ist die Rolle des kroatischen Sprachraums bei der Verbreitung des Wortes in einige slowenische Dialekte und ins Ungarische zu bemerken. *Beč* gehört zu kroat. Wörtern venezianischer/italienischen Herkunft, die ins Ungarische gelangten, vgl. noch venez./it. *argano* 'Winde' > kroat. *jargan* > ung. *járgány* '1. Gangspinn, 2. Hebewinde, Haspel, 3. Göpel, 4. Gleskraftwagen, Draisine' (TESz 2:262).

Die Verbreitungsgeschichte von *Batzen/Bätzen* weist auch darauf hin, dass es in der Hochfrühzeit in Europa schon enge ökonomische und monetarische Beziehungen existierten, die große Räume umfassten. Die Mittel dieser Beziehungen, die Münzen, und in unserem Fall *Batzen*, lassen sich in gewissem Sinn für die Vorgänger der heutigen europäischen monetarischen Union halten.

Literaturverzeichnis

- Bošković-Stulli 1959: Bošković-Stulli, Maja, *Istarske narodne priče*, Zagreb.
- Brockhaus 1952: *Der grosse Brockhaus*, I, Wiesbaden.
- DDF: Samani, Salvatore, *Dizionario del dialetto fiumano*, Venezia, 1980.
- DDV : Boerio, Giuseppe, *Dizionario del dialetto veneziano*, Venezia, 1856.
- DDVI: Cernecca, Domenico, *Dizionario del dialetto di Valle d'Istria*, Trieste, 1986.
- DELIN: Cortelazzo, Manlio – Zolli, Paolo, *Dizionario etimologico della lingua italiana. Seconda edizione in volume unico*. A c. di Manlio Cortelazzo e Michele A. Cortelazzo, Bologna, 1999.
- DSFEDC: Manzini, Giulio – Rocchi, Luciano, *Dizionario storico, fraseologico, etimologico del dialetto di Capodistria*, Trieste – Rovigno, 1995.
- DRG 2: Schorta, Andrea – Maissen, Alfons – Decurtins, Alexi, *Dicziunari rumantsch-grischun*, 2. volüm, Cuoir, 1947-1957.
- DudenEt: *Duden Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache*. Bearbeitet von Günther Drosdowski, Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, 1997.
- ERHSJ: Skok, Petar, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I-IV. Uredili Mirko Deanović i Ljudevit Jonke, surađivao u predradnjama i priredio za tisak Valentin Putanec, Zagreb, 1971-1974.
- ESSJ 1: Bezlaj, France, *Etimološki slovar slovenskega jezika*, Ljubljana, 1976.
- EV: Prati, Angelico, *Etimologie venete*, Venezia-Roma, 1968.
- EWUng: Benkő, Loránd (Hrsg.), *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*, I-II, Budapest, 1993-1995.
- FEW 15/1: von Wartburg, Walter (Hrsg.), *Französisches etymologisches Wörterbuch*, Basel.
- GDDT: Doria, Mario, *Grande dizionario del dialetto triestino. Storico, etimologico, fraseologico*. Con la collaborazione di Claudio Noliani, Trieste, 1987.
- Hadrovics 1965: Hadrovics, László, *Jövevényszó-vizsgálatok*, Budapest (Nyelvtudományi Értekezések 50).
- HWR 1: Bernardi, Rut – Decurtis, Alex – Eichenhofer, Wolfgang – Saluz, Ursina – Vögeli, Moritz, *Handwörterbuch des Rätoromanischen. Wortschatz aller Schriftsprachen, einschliesslich Rumantsch Grischun, mit Angaben zur Verbreitung und Herkunft*, I, Zürich, 1994.

- Hyrkkänen 1973: Hyrkkänen, Jukka, *Der lexikalische Einfluss des Italienischen auf das Kroatische des 16. Jahrhunderts. Die italienischen Lehnwörter im Sprachgebrauch der dalmatinischen Kroaten im Licht der kroatischen Renaissance-Literatur*, Helsinki.
- KlugeEt: Kluge, Friedrich, *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Bearbeitet von Elmar Seebold, 23., erw. Aufl., Berlin - New York, 1999.
- Kniezsa 1955 : Kniezsa, István, *A magyar nyelv szláv jövevényszavai*, I/1-2, Budapest.
- LarousseEt: Dauzat, Albert – Dubois, Jean – Mitterand, Henri, *Nouveau dictionnaire étymologique et historique*, Paris, 1971.(Dictionnaire de poche de la langue française)
- NP: Pirona, Giulio Andrea – Carletti, Ercole – Corgnali, Giovanni Battista, *Il nuovo Pirona. Vocabolario friulano*. Seconda ediz. con aggiunte e correzioni riordinate da Giovanni Frau, Udine, 1992.
- Öhmann 1974 : Öhmann, Emil, *Der romanische Einfluß auf das Deutsche bis zum Ausgang des Mittelalters. Der italienische Einfluss*, in Maurer, Friedrich – Rupp, Heinz (Hrsg.), *Deutsche Wortgeschichte*, I, Berlin-New York, 361-393.
- PDVI: Beltramini, Gino – Donati, Elisabetta, *Piccolo dizionario veronese-italiano*, Verona, 1963.
- PSJČ 4/1: Příruční slovník jazyka českého, Praha, 1941-43.
- RjČGR: Mohorovičić-Maričin, Franjo, *Rječnik čakavskog govora Rukavca i bliže okolice*, Rijeka – Opatija – Matulji, 2000.
- Rohlf 1996-69: Rohlf, Gerhard, *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti*, I-III, Torino.
- SSHS: Jurančič, Janko, *Slovensko-srbskohrvaški slovar*. Druga, popravljena izdaja, Ljubljana-Zagreb, 1989.
- SSKJ: *Slovar slovenskega knjižnega jezika*, I, Ljubljana, 1970.
- Tekavčić 1980: Tekavčić, Pavao, *Grammatica storica dell'italiano*, I-III, Bologna.
- TESz: Benkő, Loránd (Hrsg.), *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*, I-IV, Budapest, 1967-1984.
- VDCh: Naccari, Riccardo – Boscolo, Giorgio, *Vocabolario del dialetto chioggiotto*, Chioggia, 1982.
- VDI: Dalla Zonca, Giovanni Andrea, *Vocabolario dignanese-italiano*. A c. di Miho Debeljuh, Trieste, 1978.
- VDVD: Miotto, Luigi, *Vocabolario del dialetto veneto-dalmata*, Trieste, 1991.
- VFDB: Domini, Silvio – Fulizio, Aldo – Minussi, Aldo – Vittori, Giordano, *Vocabolario fraseologico del dialetto „bisiac”*, Bologna, 1985.
- VG: Rosamani, Enrico, *Vocabolario giuliano*, Bologna, 1958.

О СТАРОБЕЛОРУССКОМ *ОРАШ(ЕЦ)* 'ВЕЛИКАН'

После выхода обобщающих работ Р. Волоша по венгерским заимствованиям польского языка¹ и А. Холлоша по венгерским элементам русского словаря² назрело время также для создания аналогичного обзора слов венгерского происхождения в белорусском языке. До сих пор нами были специально рассмотрены заимствования эпохи Стефана Батория,³ а также сделаны некоторые наблюдения по этому вопросу в работах более общего характера.⁴ Преобладающее большинство белорусских хунгаризмов имеет точное соответствие в польском языке, что вполне понятно по историческим условиям длительного сосуществования польского и белорусского этносов в Польско-Литовском государстве. Исключительно редко, но все-таки встречаются в белорусском языке и сепаратные заимствования из венгерского. Примером такого редкого явления и может послужить указанное в заглавии старобелорусское слово *ораши(ец)* 'великан'.

Слово это не приводится в только что вышедшем соответствующем выпуске исторического словаря белорусского языка.⁵ Оно засвидетельствовано лишь в одном памятнике старобелорусского языка — в старобелорусской версии легенды о Тристане и Изольде («Повесть о Трыстане»), сохранившейся в единственном списке в составе т. н. Познанского

¹ R. WOŁOSZ, Wyrazy węgierskie w języku polskim I–II. — *Studia Slavica Hung.* 35 (1989) 215–317; 37 (1991–92) 3–27.

² HOLLÓS Attila, *Az orosz szókincs magyar elemei* [Венгерские элементы русской лексики]. Budapest 1996. (= *A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai* 206.)

³ А. ЗОЛТАН, Слова венгерского происхождения в белорусском языке: книжные заимствования эпохи Стефана Батория: Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый». Рэдкалегія: Г. ЦЫХУН (галоўны рэдактар), С. ЗАПРУДСКІ, Н. МЯЧКОЎСКАЯ. Мінск: «Беларускі кнігазбор», 2001 (= *Беларусіка* – *Albaruthenica* 19), 105–115 ; А. ЗОЛТАН, Слова венгерского происхождения в белорусском языке: устные заимствования эпохи Стефана Батория: *Studia Russica XX* (2003) (в печати).

⁴ А. ЗОЛТАН, [Рец. на кн.:] А. М. БУЛЫКА, Слоўнік іншамоўных слоў. Мінск: «Народная асвета», 1993: *Studia Slavica Hung.* 40 (1995), 392–396; А. ЗОЛТАН, Об иноязычной лексике в современном белорусском языке: *Literatury i języki Słowian wschodnich, Stan obecny i tendencje rozwojowe*. Tom II. *Materiały międzynarodowej konferencji naukowej, Opole, 24–26 września 1996*. Redakcja naukowa: Bronisław KODZIŚ, Stanisław KOCHMAN, Irena DANESKA. Opole 1997, 134–140. ZOLTÁN A., *A régi magyar–fehérorosz nyelvi és kulturális érintkezések történetéből: Annus Albaruthenicus 2003 – Год Беларускі 2003*. Рэдактар Сакрат ЯНОВІЧ. Krynki 2003, 201–223.

⁵ Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Выпуск 22: *Оддыханьне — Осьць*. Мінск 2002.

сборника ок. 1580 г. (рукопись № 94 Библиотеки Рачинских в Познани). В рукописи слово *ораи* и его производные встречаются в следующих контекстах:

А коли слышалъ ижъ тые / до^ние Ёстровы по^нны людства,
Иоси^пъ посла^т та^м / набо^жныхъ люде^н Ёбрати къ богу наро^д и Ёбратили /
вси тые Ёстровы кром^ѣ Ёдного Ёстрова, которы^н с^ѣ зоветь *раишы* и тамъ
мало было иныхъ люде^н то^ко / *раишы* А па^н ихъ былъ *раше^н*, и м^лль
дванадцать / сыно^в и вси были *ра^шцы*♣ (с. 73)

и всель Гали^т и Трыща^н Ижота и вс^ѣ и^х дружина вел^ми прудко,
и коли прыехали на гор^ѣ и^в замо^к которы^н с^ѣ зове^т *ра^ш* / Ёгледали ра^н
Гали^ту и Трыщану (с. 84);

рекла сама к соб^ѣ, Ёще бы^х воле^ла %в Ёстрове *рашову* быти где
есми м^лла Трыщана по свое^н воли (с. 86).

Старобелорусская «Повесть о Трыщане» была переведена с сербского языка, на что имеется прямое указание в заглавии памятника («Починае^т с^ѣ пове^{ст}ь Ё витез^тм^х / с книгъ сэ^рбски^х: а звлаца Ё сла^вномъ рыцэ^ры Трысчан[е]...», с. 1); сербское происхождение старобелорусской повести подтверждается также наличием в тексте ряда лексических сербизмов, отмеченных уже А. Брюкнером.⁶ Поэтому первый издатель старобелорусского текста А. И. Веселовский, заметивший, что *ораи* и его производные стоят на месте слова *gigante* ‘великан’ французской версии романа, стал подозревать сербизм также в слове *ораи* и за соответствующей справкой по этому слову он обратился к И. В. Ягичу. В ответном письме И. В. Ягич писал, что слово это (*оријаи*) на сербохорватской языковой территории «более распространено по северным областям языка, у хорватов, в особенности кайкавцев, чем далее на юг», и обратил внимание на то, что «Миклошич считает это слово заимствованным из мадьярского *óriás*». А. И. Веселовский заметил еще от себя, что «если *раиш* = *оријаи*, то первое слово может быть объяснено искажением, принадлежащим белорусскому переводчику или переписчику».⁷ Этот последний вывод А. И. Веселовского основывается на наблюдении А. Брюкнера о том, что по всему Познанскому сборнику преобладают написания, отражающие белорусское отвердение *r' > r* (*зора*, *горачость*, *порадокъ* и т. д.).⁸

⁶ A. BRÜCKNER, Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräfllich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen: Archiv für slavische Philologie 9 (1886), 373–374.

⁷ А. Н. ВЕСЕЛОВСКИЙ, Изъ исторіи романа и повѣсти (= Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, т. 44, № 3). Санктъ-Петербургъ 1888, 226.

⁸ A. BRÜCKNER, указ. соч., 364.

Венгерское происхождение сербохорватского слова, на которое вслед за Ф. Миклошичем указал И. В. Ягич в цитированном выше письме А. И. Веселовскому, было позже подтверждено также исследованиями Л. Хадровича.⁹ Самым ранним сербохорватским памятником, в котором засвидетельствовано слово *or(i)jaš*, *oreaš*, как Л. Хадрович, так и хорватский академический словарь называют произведение Главинича 1628 г. («na priliku jednoga žiganta ali orijaša»),¹⁰ то есть фиксация слова в старобелорусском опережает его фиксацию в языке-передатчике почти на полвека. Таким образом, старобелорусский текст оказывается ценным источником и по истории данного слова в сербохорватском, позволяющим отодвинуть хронологию заимствования венгерского слова *óriás* сербохорватским языком как минимум на XVI в.

Л. Хадровичу принадлежит и разработка этимологии венгерского слова *óriás*, считавшегося в этимологических словарях венгерского языка словом неизвестного происхождения.¹¹ Согласно Л. Хадровичу, венг. *óriás* ‘великан’, засвидетельствованное в памятниках венгерского языка с XIV в., было заимствовано еще до прихода венгров в Карпатский бассейн из формы именительного падежа множественного числа древнерусского этнонима *варѣгы* : *варѣзи*, который в древневенгерском получил значение ‘великан’ наподобие того, как польск. *olbrzym* < *obrzym* ‘великан’ восходит к этнониму *обринь* ‘авар’.¹²

Старобелорусское *ораиш(ец)*, таким образом, через сербское и венгерское посредство восходит к древнерусскому этнониму древнескандинавского происхождения, причем значение ‘великан’ возникло в венгерском.

Игнорирование этого слова в историческом словаре белорусского языка может объясняться разными обстоятельствами. Редакторы словаря могли отнести его к иноязычным вкраплениям, которые согласно принципам составления словаря не были выделены в отдельные словарные статьи. С такой трактовкой слова пришлось бы согласиться, так как это слово в старобелорусских памятниках нигде больше не засвидетельствовано. Более вероятно, однако, что составителями словаря *ораиш* рассматривалось как топоним, а *ораишцы* — как оттопонимическое существительное со значением жителя места, обозначаемого этим топонимом. В пользу такой трактовки говорит сравнение цитированных мест рукописи с су-

⁹ L. HADROVICS, Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest 1985, 383–384.

¹⁰ Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti. Dio 1–23. Zagreb, 1880–1976, 9: 166.

¹¹ A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I–III. Főszerk. BENKŐ L. Budapest, 1967–1976, 2: 1091.

¹² HADROVICS L., Szavak és szólások. Budapest 1975 (= Nyelvtudományi Értekezések 88), 67–70; ср. также Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen I–II. Herausgeber L. BENKŐ. Budapest, 1993–1995, 2:1068.

ществующими изданиями памятника. Уже А. И. Веселовский в указанной выше работе говорил о том, что «слово *gigante* переведено было и даже понято в смысле собственного имени словом *Раишь* = сербск. *оријаши*» (Разрядка наша. — А. З.). Вслед за А. И. Веселовским *Орашы* считается топонимом и в московском издании 1976 г., что отражено и в орфографии («... кроме одного острова, который ся зовет *Орашы*. И там мало было иных людей, толко *Орашы*, а пан их был *орашец*, и мел дванадцать сынов и вси были *орашцы*»),¹³ а также в примечании к слову *Орашы* при первом случае его употребления — «Орашы — т. е. острова Великанов французского романа».¹⁴ Между тем, на наш взгляд, такая трактовка оправдана только в первом случае («кроме одного острова, который ся зовет *Орашы*»), во втором, однако, речь идет определенно о людях («там мало было иных людей, толко *Орашы*»), т. е. в этом месте в издании должно было бы быть *орашы*, а не *Орашы* (в рукописи в обоих случаях стоит *Раишы*).

Старобелорусская «Повесть о Трыщане» в наше время несколько раз переводилась на современные иностранные языки. При этом каждый переводчик столкнулся с проблемой интерпретации этого места памятника. Несомненный интерес представляет перевод на современный сербский язык, который был призван вернуть данное произведение сербской литературе, поскольку старый сербский перевод этого рыцарского романа, который лег в основу старобелорусской «Повести о Трыщане», не сохранился. Перевод на современный сербский язык Ирены Грицкат был опубликован впервые в 1966 г.;¹⁵ нам было доступно второе издание, в котором в данном месте мы читаем:

А пошто је чуо да су та Доња острва пуна народа, Јосиф посла онамо побожне људе да народ Богу приводе, те ови покристише све то острвље осим једнога острва, које се звало *Ораши*. Тамо је мало било друкчијих људи, већ сами *Ораши*, господар им је био *оријаши*, имао је дванаест синова и сви су били *оријаши*.

Как мы видим, несмотря на явную натяжку Ирена Грицкат строго придерживается точки зрения русских издателей старобелорусского текста, согласно которой *Ораши* в обоих случаях является топонимом, хотя, судя по примечанию к слову *Ораши* («Овде и даље ... речи *Ораши*, *Ораши* сведоче о српскохрватском *оријаши*, а по пореклу о Острву дивова, које се јавља у француском прозном роману»), она отдает себе отчет в том, что и

¹³ Легенда о Тристане и Изольде. Издание подготовил А. Д. МИХАЙЛОВ. Москва 1976 (= Литературные памятники), 434.

¹⁴ Там же, 726.

¹⁵ Повест о Триштану и Ижоти. Превод и предгов. Ирена ГРИЦКАТ. Београд 1966. (= Библиотека Стара српска књижевност)

в этих случаях речь идет об *оријау*'ах.¹⁶ Первый английский перевод памятника С. Деканич-Жаноски основывается на сербском переводе И. Грицкат, но она дает более точный перевод, чем сербская исследовательница: «When he heard that the Lower Islands were full of people, Joseph sent holy men there to lead people to God, and they administered baptism to all the islands except one, the name which was *Oraši*. There were few other people there except *giants*; their lord was a *giant*, he had twelve sons and they were all *giants*». ¹⁷ Второй английский перевод З. Кипель не вносит ничего нового в интерпретацию данного места («When he heard that the Far Islands were well populated, Joseph sent pious people there to turn them to God; and they converted all the islands, except one, which is called *Orashy*. There were few other people on the island, the *Orashy* and their lord, who had twelve sons»). В примечании к слову *Orashy* З. Кипель указывает на то, что в старофранцузской версии в этом месте стоит *l'Isle del Jaiant* 'остров великанов', а также цитирует этимологическое объяснение В. И. Ягича, приведенное в книге А. И. Веселовского.¹⁸

Адекватный перевод был сделан, на наш взгляд, итальянской исследовательницей Э. Сгамбати, изучавшей старобелорусский памятник в сопоставлении со старофранцузской и староитальянской версиями романа: «E quando senti che queste Lontane Isole erano piene di genti, Iosif mandò là uomini religiosi a convertire a dio il popolo e convertirono tutte queste isole tranne una che si chiama (isola) del *Gigante*. E là vi erano poche altre persone fuori dei *Giganti*, ed il loro signore era un *gigante* e aveva dodici figli e tutti erano *giganti*». ¹⁹

Непонятное переводчику старобелорусской «Повести о Трыщане» сербское слово венгерского происхождения с точки зрения истории белорусской лексики имеет периферийное значение. Если учесть, однако, что именно благодаря ему обнаружилось, что в затерявшемся сербском оригинале этого произведения были и ранние хунгаризмы, то оно приобретает значение для истории и путей миграции уже не сохранившегося белорусского, а исчезнувшего сербского текста.

¹⁶ Повест о Триштану и Ижоти. Приредила и на савремени језик пренела др Ирена ГРИЦКАТ. Београд 1988 (=Стара српска књижевност у 24 књиге), 133.

¹⁷ The Serbo-Russian Romance of Tristan and Isolt. Translated by Sonja DEKANIĆ-JANOSKI. In: The Tristan Legend — Texts from Northern and Eastern Europe in Modern English Translation. Ed. by Joyce HILLE. Leeds 1977 (= Leeds Medieval Studies 2), 100. Слово *Oraši* переводчица снабдила примечанием: «'Giant' in Serbian is *orijaš*, and the name of the island (*Oraši*) suggests to native speakers something like, 'the place of the giants'».

¹⁸ The Byelorussian Tristan translated by Zora KIPEL. New York–London 1988 (= Garland Library of Medieval Literature, Series B, Vol. 59), 81.

¹⁹ Emanuela SGAMBATI, Il Tristano biancorosso. Firenze 1983 (= Studia Historica et Philologica XV, Sectio Slavoromanica 4), 261.

Bernadeta Zadrović (Szombathely)

SV. QURINUS, BISKUP U SISCII, MUČENIK U SAVARIJI

(prigodom obljetnice 1700. godine mučeništva svetog biskupa)

Imala sam veliku čast prisustvovati 4. lipnja 2003. godine u Sisku kada se slavio Dan Grada. Taj dan posvećen je sv. Kvirinu, sisačkom biskupu i duhovnom pokrovitelju grada. Po povratku iz Siska, odlučila sam da za svečano izdanje zbornika posvećeno mom poštovanom učitelju i profesoru napišem članak o sv. Kvirinu, svecu koji spaja Szombathely i Sisak. Karlo Gadanji, često se u svojim raspravama osvrtao na hrvatsko-mađarske veze, unoseći u njih, kao i u svoj svekoliki znanstveni rad, najnovija i najaktualnija pitanja znanstvenog i duhovnog života.

U članku ću objaviti životopis slavnog sisačkog biskupa - mučenika sv. Kvirina (Kirina), štovanog u svim hrvatskim biskupijama. U raspravi se oslanjam na istraživanja porečko-pulskog biskupa dr. Dragutina Nežića u Hrvatskoj, a u Mađarskoj na istraživanja Tóth Endre.

Znamenito središte Donje Panonije bio je Sirmium, današnja Mitrovica, a glavno mjesto u Gornjoj Panoniji bila je Siscia, keltska Segestica, danas Sisak. Bio je to prometni grad Rimskog Carstva, budući se mogao služiti rijekama Savom i Kupom, te izgrađenim cestama: preko Velebita do Jadranskoga mora, zatim do Trsata i dalje preko Trsta do Akvileje, i pokraj Zagreba, prijelazom Save kod sadašnjeg Sčitarjeva (rimska Andautonia s vezom na cestu Akvileja-Ptuj (Petovium). Bio je, dakle, Sisak za vrijeme rimskog vladanja vrlo prometan grad, ali s mnogobožačkim kultom Rimljana, a i drugih istočnjačkih religija. Ako nisu kršćanstvo u Sisak unijeli posebni vjerovjesnici, to su ga donijeli sa sobom vojnici, niži činovnici i trgovci. U drugoj polovini trećega stoljeća susrećemo u Panoniji već organizirane crkvene općine s biskupom na čelu (dr. S. R: Martyrologij srijemsko-panonske metropolije). Pouzdani pisani izvor o usmrćenju sisačkog biskupa sv. Kvirina jesu takozvana "Acta", tj. spis o njegovom uhićenju i mučeništvu za kršćansku vjeru, po tadašnjem predstojniku (prezesu) rimske vlasti u pokrajini Panoniji. Taj spis objavljen je prvotno latinskim jezikom, u 4. stoljeću, a nalazimo ga kod takozvanih bolandista (Acta SS, junio IV) (vidi: NEŽIĆ:1994: 205), a i kod Farlattija (Illyricum sacrum, tom.V) (vidi: NEŽIĆ.: 1994: 205) Taj opis mučeništva sv. Kvirina objavio je slovenskim jezikom Franc K. Lukman u knjizi "Martyres Christi" u Celju 1934. g. (vidi: NEŽIĆ : 1994: 205). Kod Lukmana jedino trebamo napomenuti da, dok drugi pisci kao godinu utapljanja Kvirina navode godine prije smrti cara Dioklecijana (koji je odustao od vladanja g. 305., a umro je g.313.), Lukman navodi kao godinu smrti mučenika Kvirina 309: g. Uvjeren u taj svoj stav, prof. Lukman je ispustio cijelu prvu točku u svoj objavljaljivanju rečenih Acta sv. Kvirina. Međutim, činjenice svjedoče da je sv. Kvirin usmrćen još za života cara Dioklecijana i to već oko 303. godine i kada je još Panonijom vladao cesar

Galerije Maksimian, a ne August Maksimian Herkulej. Mučenička smrt zadesila je dakle sv. Kvirina još za života cara Dioklecijana i cezara Galerija Maksimiana. Stoga je najvjerojatnija godina mučeničke smrti sv. Kvirina godina 303., to jest nakon drugoga Dioklecijanova edikta protiv kršćana. Prvim je ediktom Dioklecijan uskratio kršćanima državna prava, odredio je da se imaju spaliti kršćanske svete knjige i srušiti crkve. Drugim je ediktom (u travnju 303. g.) odredio sudski postupak protiv biskupa i klera uopće, a trećim je zatim naložio da i svi kršćani laici moraju žrtvovati bogovima rimske države. Da je sv. Kvirin usmrćen nakon drugoga edikta iz 303. g. zaključujemo odatle što se u istražnom spisu još ne govori o sistematskom proganjanju običnih vjernika, koje je uslijedilo iza trećeg edikta. A da se smrt sv. Kvirina ne može stavljati iza godine 305. sigurno je odatle što se Dioklecijan već te godine odrekao vladanja. Iz Acta razabiremo i to da je biskup Kvirin bio već u staračkoj dobi te da je već desetke godina stajao na čelu sisačkih kršćana.

Spomenuta Acta obuhvaćaju četiri stranice Lukmanove knjige i ne iznose drugo negoli kratki prikaz istražnog postupka pred prezesom pokrajine, protiv sv. Kvirina. Budući da se starac biskup uklonio iz Siska držeći se Isusove napomene: "Kad vas počnu progoniti u jednom gradu, bježite u drugi" (Mt 10, 23) (vidi: NEŽIĆ : 1994:206), sisački ga je upravitelj dao potražiti u pokrajini i našavši ga odmah ga dao odvesti k prezesu pokrajine Gornje Panonije Amanciju, da mu taj sudi. U rečenom istražnom zapisniku navode se stradanja starca biskupa tijekom putovanja do grada Sabarije (danas mađarski Szombathely), gdje ga je prezes Amancije osudio na utapljanje u rječici Sibare, privezavši mu o vrat teški kamen. Bilo je to 4. lipnja po sadašnjem računanju. Izvještaj završava riječima: "Njegovo sveto tijelo pohranili smo u bazilici kod vratiju, koja su prema strani Skarabantije", tj. u današnjem Sopronu, sadašnjoj zapadnoj Ugarskoj, tada još Panoniji, kamo Mađari tada još nisu bili došli.

Koncem četvrtog stoljeća i početkom petoga preplavili su i porobili Panoniju razni ratnički narodi, osobito Goti i Huni. Tada su, bježeći pred njima, kršćani Sabarije prenijeli tijelo sv. Kvirina u Rim. Bilo je to vjerojatno već koncem četvrtog stoljeća, jer natpis s imenom sv. Kvirina već od tada nalazi se u polukružnoj kapeli Platonija u Rimu, koja se naslanja na baziliku sv., Sebastijana na Apijskoj cesti, gdje su i znamenite katakombe. Spanjolac

Prudencije u svojoj zbirci himana (Peristephanon) o svetima spjevao je i himan sv. Kvirinu, za kojega vjerojatno nije znao prije negoli je posjetio Rim i ondje za njega saznao. Prudencije je umro oko 405. godine. Venantius Fortunatus, pisac iz šestog stoljeća, također je spjevao himan sv. Kvirinu, uspoređujući ga sa sv. Ciprijanom, biskupom-mučenikom Kartage: "Afrika je dala Ciprijana, a sjajna Siscia Kvirina!" (vidi: NEŽIĆ: 1994 : 208). Kad je papa Inocent II. (1130.-1143.) obnovio rimsku baziliku Majke Božje preko Tibera, dao je g. 1140. u nju u svečanoj procesiji prenijeti relikvije sv. Kvirina iz spomenutih katakomba crkve sv. Sebastijana i pohranio ih je pod glavnim oltarom te bazilike preko Tibera. Tu one i sada počivaju, a na načelnom zidu svetišta te bazilike vidi se mozaička slika i sv. Kvirina. Tako dva vrlo znamenita mjesta u Ri-

mu: "Platonija" uz baziliku sv. Sebastijana i bazilika Majke Božje preko Tibera u Rimu, trajno govore o slavi sveca Posavske Hrvatske, sv. Kirina, sisačkog biskupa, mučenika za vjeru. S moćima sv. Kvirina mučenika ponose se Fulda u Njemačkoj, Akvileja u Furlaniji i jedan samostan u Milanu. No kako su te crkve već bile u posjedu svojih mučenika Kvirina (Fulda 838., Milano 822.-840., Akvileja 1024.-1033.) dok je tijelo našega sv. Kvirina počivalo u katakombama *in via Appia*, odakle je istom u 12. stoljeću (1140.) preneseno u S. Maria in Trastevere, to se u spomenutim slučajevima može raditi samo o moćima kojeg drugog sv. Kvirina.'

Da li je Siscia odmah iza sv. Kvirina dobila novog biskupa, to ne znamo. Ako ne prije, dobila ga je svakako u vrijeme prvog cara kršćanina, cara Konstantina. Godine 347. spominje se na saboru u Sardici u Daciji sisački biskup Marko, a 381. g. saboru u Akvileji pribiva sisački biskup Konstancije. Obojica su bili odrješiti protivnici arijevske krivovjere, koje je okužilo i Pannoniju. I iz VI. st. povijest nam je sačuvala imena dvojice sisačkih biskupa: Ivana (530. g.) i Konstantina (532. g.). Tada je već valjda bilo razoreno od Huna ili Avara metropolitansko središte Sirmium, a sisačka je biskupija došla pod metropolita u Solinu (Salona u Dalmaciji, Farlatti: III. sac., tom V.) (vidi: NEŽIĆ : 1994: 207). U vrijeme hrvatskih narodnih vladara obavljao je na području čitave hrvatske kraljevine sve do Drave crkvenu jurisdikciju hrvatski dvorski biskup koji je najčešće boravio u Ninu, a poslije g.1086. u Kninu (dr. M. Barada: "Episcopus chroatensis", Zagreb, 1931.) (vidi: NEŽIĆ : 1994: 207). Tako je bilo sve do g.1094., dok nije ugarsko-hrvatski kralj Ladislav na području viševjekovne sisačke biskupije osnovao zagrebačku. Farlatti misli da je bila biskupija u Sisku i za vrijeme kneza Ljudevita Posavskoga (810.-823.) i za vladavine Franaka. Prema Farlatiju su Mađari koncem 9. st. razorili Sisak te je propala i tamošnja biskupija. Na koncu bi onda izašlo da je ugarski kralj Ladislav učinio dužnu restituciju, to jest da je popravio štetu koju su učinili njegovi neobuzdani preci razorivši Sisak. Ali ne postoji dokument u kojem bi bilo spomena sisačke biskupije nakon 6. stoljeća.

Budući da je g. 1094. osnovana zagrebačka biskupija bila uklopljena u ostrogonsku, a kasnije u kaločku metropoliju, odatle dolazi da u starijim njezinim liturgijskim kodeksima rjeđe nalazimo svetkovinu sv. Kvirina (4. VI.) (vidi: NEŽIĆ : 1994: 208) . U brevijaru (MR 67) (vidi: NEŽIĆ : 1994: 208) iz XIII. st. nalazi se ime sv. Kvirina i u kalendaru i u molitvama "in corpore". Kažotićeva redakcija bogoslužnih knjiga izostavlja sv. Kvirina, a na 4. VI. donosi sv. Ciprijana. Ipak ga nalazimo upisanog i na kalendaru misala R_3015 iz 14. ili 15. stoljeća. Budući da je sv.Kvirin općepanonski svetac bilo je u 16. stoljeću u svim zemljama ugarske krune svetkovati njegov dan *ritu duplici*, ali *ad libitum*, tj. koja biskupija hoće. Sinoda zagrebačkog biskupa Martina Borkovića g.1687. odredila je obvezatno štovanje sv. Kvirina u zagrebačkoj biskupiji po stupnju *ritu duplici*. U tiskanom brevijaru od iste godine 1687. nalazimo već službu sv. Kvirina zagrebačke biskupije; Kroz sva vremena nalazimo ovdje-on-dje na području zagrebačke dijeceze tragova crkvi i kapela koje su bile posve-

ćene sv. Kvirinu. U popisu crkvi koje navodi gorički arhiđakon Ivan spominju se u 14. stoljeću crkve Sv. Kvirina: u Boviću, u Hrastovici kod Petrinje i u Smerkovišću {Rački: Starine IV.) (vidi: NEŽIĆ: 1994: 208). Od starine postoji na starom groblju i u Sisku kapela Sv. Kirina. U gradu Krku, gdje je katedrala posvećena Marijinom uznesenju, postoji dvokatna crkva Sv. Kvirina, romanička bazilika iz XII. st.

U porečkoj i pulskoj biskupiji nalazimo sljedeće crkve Sv. Kvirina: na groblju u Sumberu nalazi se crkva Sv. Kvirina i glagoljički natpis s oznakom godine 1540. te s oltarom sv. Kvirina u niši. U župi Zminj u Mačini postoji kapela sv. Kvirina s njegovom slikom na drvenom retablu. Sadašnja kapela sagrađena je 1730. godine na mjestu prijašnje crkve.

Još danas postoji i služi bogoslužju crkva bazilikalnog stila iz XVI. stoljeća uz cestu Pula-Svetvinčenat, a njome se služe osobito vjernici juršičke i vodnjanske župe. Još dandanas postoji lijepa crkva Sv. Kvirina u Jasenoviku, župe Šušnjevica podno Učke gore, gdje se nekoč u rimsko doba uzdizala cesta na obronak Učke gore-do Kožljaka-pa dalje u Rijeku. Po stilu izgradnje kao i po zidnim slikama vrlo je značajna crkva Sv. Kvirina u Jasenoviku. „Iskaz i opis crkvi Istre“ (Pazin, 1991.) (vidi: NEŽIĆ: 1994:208) ovako o njoj piše: „Jednobrodna crkvice pačetvorinskog tlocrta sa dvije apside kasnogotične zidne slike, rad majstora Alberta 1461.; u lijevoj apsidi stariji sloj slika čak iz 14. stoljeća...“

U Istri postoji spomen i dviju crkvi Sv. Kvirina, kojih znaci danas više ne postoje: jedna je bila u Kaščergi na oranicama koje se steru na desnoj strani ceste, čim ona krene iz Kaščerge prema Zamasku, a druga (više nepostojeća) bila je u poljima Poreča odmah pred gradom te se i područje oko nje zvalo „kontrada sv. Kirina.“ Još pred kojih 40 godina opažali su se temelji one crkve kod Kaščerge, koja je nekoč pripadala župi na brdu Padova, južno od mjesta Kaščerge. Povjesničar A. Babudri u svojoj knjizi o crkvama Poreča i okolice (Poreč, 1912.) (NEŽIĆ : 1994: 209) ne spominje kod Poreča crkvu sv. Kvirina, no dr. Dragutin Nezić, tražeći podatke o biskupu Ivanu od Poreča, našao podatke o njezinom postojanju (vidi kal. Ist. Danica za 1993. g. na str. 42.) (vidi: NEŽIĆ: 1994: 209). U arhivu kongregacije za promicanje vjere (de propaganda fide) našao je podatke o tome da je u jesen 1626. i opet ljeti 1627. Godine zagrebački biskup Petar Domitrović molio iz Rima relikvije svetih mučenika, koje treba za posvetu novih oltara zagrebačke stolne crkve, jer su prijašnji oltari izgorjeli u požaru (Scritt. rif. vol. 387. Memoriali 1628.) (vidi: NEŽIĆ: 209). Taj se požar stolne crkve dogodio 1624. godine. Budući da je biskup Petar Domitrović umro već 20. VI. 1628. nije razvidno iz akata je li iz Rima dobio relikvije sv. Kvirina. Njegov koadjutor bio je Ivan Tomko Mrnavić, naslovni biskup Bosne, te je on vjerojatno formulirao tu Domitrovićevu molbu za postignuće relikvija sv. Kvirina iz Rima. U odnosnoj se molbi izričito navodi da ruka svečeva počiva u bazilici rimskoj "in Lucina" (matrona Lucina slovila je kao starokršćanska darovateljica te crkve), a rečena bazilika još sada se nalazi na području između zgrade državne sabornice u Rimu i Zavoda sv.

Jeronima. U Domitrovićevoj se molbi navodi i da tijelo sv. mučenika Kvirina počiva u bazilici Sv. Marije preko Tibera; nije, dakle, nikamo bilo odneseno.

Nastojala sam ovim prikazom života i mučeništva sv. Kvirina, prognanog sisačkog biskupa, izazvati dužnu pozornost te objasniti razloge štovanje koje mu se iskazuje. U Szombathelyu je 1936. u njegovu čast posvećena crkva, a u Sisku su to učinili 2002., posvetivši novoizgrađenu crkvu. Obadvije sakralne građevine označavaju, veličinom i dostojanstvenošću, ideju i borbu za koju je sv. Kvirin dao svoj život.

U Szombathelyu je 7. 06. 2003. godine posvećeno i spomen - mesto sv. Kvirinu. Štovanje prema sv. Kvirinu povezalo je dva grada, dva prijateljska naroda koja s jednakom ljubavlju i snagom već stoljećima održavaju tradiciju duhovnog i inog zbližavanja .

Literatura

KISS Gábor, ZÁGORHIDY Balázs, TÓTH Endre , Savaria – Szombathely története a város alapításától 1526 – ig , Szombathely 1998 .

NEŽIC Dragutin, Sv. Kvirin, sisački biskup, mučenik In: Iz istarske crkvene povijesti Pula 1994. (205-209)

STYGER Paul, Römische Martyrergrüfte . Berlin , 1935 .

Szalézi Értesítő 31, 1938 . szeptember , 7 .

SZILÁGYI István, Egy ikonográfiai különlegesség. Szent Quirinus “stáció“ az egykori Szombathelyen? In: Koppány Tibor hetvenedik születésnapjára, Tanulmányok, Budapest, 1998.

TÓTH Endre, Szent Quirinus savariai vértanú. In: Séták Szombathelyen 2003.

Abstract:

St. Quirin the bisoph of Siscia, the martyr of Savaria

The author commemorates the Siscian bisoph St. Quirin and reviews the publications of his life and death based on the research of Dr. Dragutin Nežić and Endre Tóth. The author would like to draw the attention to the commemoration of St. Quirin held in Siscia (in Croatian Sisak) on June 04, 2003 and in Savaria (in Hungarian Szombathely) on June 07, 2003.

ADALÉKOK A HORVÁT POSTAI ÉS VASÚTI SZAKNYELV MAGYAR MINTÁINAK KÉRDÉSÉHEZ

A magyar-horvát nyelvi érintkezésekről, azok mindkét nyelv szókincsében kézzelfoghatóan kimutatható következményeiről komoly mennyiségű rendszerző szakirodalom áll rendelkezésünkre, melyek elsősorban Hadrovics László és Nyomárkay István nevéhez köthetők. Az egyes horvát szókincsrétegek főként a 19. második felében létrejött magyar motiváltságú tükörfordításait Nyomárkay István (1989) dolgozta fel mélyrehatóan, részletesen bemutatva a horvát jogi-adminisztrációs, katonai, illetve az oktatási szaknyelv ilyen szinten tettenérhető magyar és német vonatkozásait. Hivatkozott kötetében Nyomárkay figyelmet szentel a postai és vasúti szakszókincs magyar tükörjelenségeinek is. E két utóbbi témakörben azóta többszáz oldalnyi, a 19. sz. utolsó harmadából származó kétnyelvű forrásanyag¹ került elő, így lehetővé vált az említett terminológiák magyar mintájú tükörszavainak még részletesebb számbavétele, melyre a közelmúltban PhD-értekezés formájában kerítettem sort (ŽAGAR SZENTESI 2002).

A horvát és a magyar párhuzamos szövegek részletes összevetésével kivonatolhatóak azok az azonos jelentésű magyar-horvát kifejezéspárok, melyeknél a két alak morfoszemantikai tagolódása, illetve a nyelvi forma mögött húzódo szemléleti háttér olyan fokú hasonlóságot mutat, amely alapján indokolt a feltételezés, hogy a horvát terminus tükörfordítással keletkezett a magyar megfelelő mintájára.

Az alak- és jelentésbeli tagolódás hasonlóságának megítélésében a már Schumannnál (1965:63) megfogalmazott, a konkrét nyelvi kutatásokban pedig a Nyomárkay (1993:117) és a Rammelmeyer (1975:24) által részletesen kifejtett formai szempontokat vettük alapul, nem pedig az e téren szigorúbb elveket valló Babić (1984:11) kritériumait. A magyar és a horvát nyelv szóalkotási rendszerei ugyanis jelentős eltéréseket mutatnak, így a horvát nyelv sokszor nem feltétlenül rendelkezik, vagy nem olyan gyakran él az aktuális magyar mintaszóban érvényesülő szóalkotási eljárással. Az idegenszerűség, a rosszulhangzás elkerülése végett a befogadó nyelv ilyenkor nem képes formailag tökéletesen visszaadni a mintaszó alaki és értelmi tagoltságát – ennek ellenére azonban a tükörfordítás lehetősége még teljes mértékben fennállhat. E jelenség legszemléletesebb példái az idegennyelvi összetett szók mintájára alkotott horvát jelzős szerkezetek, így – a tökéletes formai-értelmi megegyezést mutató párok mellett

¹ *Postai tarifák és postai üzleti szabályzat. Poštanski tarifni i poštanski poslovnik* (Budapest 1869-1902.), valamint *Üzletszabályzat a magyar szent korona országainak területén lévő közforgalmú vasutak számára*. Budapest 1909. / *Poslovni propisnik za željeznice javnog prometa u području zemalja ugarske svete krune*. Zagreb, 1910.

- az ilyen kifejezéspárokat is minden esetben felvettük a korpuszba (pl. vámnyugta ~ carinska namira).

Az így létrejött korpusz minden tagját illetően részletes, hét korabeli szótárra támaszkodó lexikográfiai ellenőrzést végeztünk, melynek célja annak megállapítása volt, adatolható-e a keresett kifejezés a horvátban a forrásaink keletkezése előtti időkből is, vagy csak későbből. Ehhez a következő hét referenciaszótárt használtunk fel:

- *Ivan Mažuranić – Josip Užarević*: Deutsch-illirisches Wörterbuch, Němačko-ilirski slovar. Zagreb 1842.
- *Rudolf A. Veselić (Fröhlich)*: Rěčnik ilirskoga i němačkoga jezika, I: ilirsko-němački dio, Wien 1853; Rěčnik němačkoga i ilirskoga jezika, II: němačko-ilirski dio, Wien 1854.
- *Bogoslav Šulek*: Deutsch-kroatisches Wörterbuch, Zagreb 1860.
- *Jašo Depoli*: Poštarski riečnik, Zagreb 1871.
- Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, Zagreb 1880-1976.
- *Ivan Filipović*: Mali rječnik hrvatskoga i njemačkoga jezika, Zagreb 1900.
- *Ivan Broz – Franjo Iveković*: Rječnik hrvatskoga jezika, I-II., Zagreb 1901.

Amennyiben a kérdéses terminust csak a forrásaink utáni időkben keletkezett szótárak említik, azt elvben jelentős érvként kell számbavennünk a kifejezés tükörfordítottságát illetően – ellentétben azokkal a terminusokkal, melyekre már a forrásaink előtti időkből is találunk szótári hivatkozást, s melyekről éppen ezért kizárható, hogy a magyar forrásszövegek horvátra való fordításakor keletkeztek volna mint tükörszók.

A szótári jegyzettség foka, illetve jellege szerint alapvetően öt csoportra oszthatóak a korpuszba felvett szakkifejezések – mind az öt esetében különböző, de csoportonként többé-kevésbé egységes eséllyel jön számításba a magyar hatás a besorolt szakterminusok létrejöttének vizsgálatában.

A korpusz kifejezéseinek egyik részét a 19. század hetvenes éveiiig keletkezett jelentősebb horvát szótárak közül legalább egy azonos alakban jegyzi, ennél fogva ezekről majdnem minden esetben bizonyítható, hogy nem magyar forrásra vezethetők vissza. (pl. *predatelj, listonoša, carinska linija*, stb.).

Külön csoportot képeznek korpuszunk azon elemei, melyek teljesen azonos alakban nincsenek meg az áttekintett szótárakban, de ugyanolyan szerkezetű és a kifejezés valamely lényeges jelentéselemét tartalmazó kifejezés adatolható a forrásaink keletkezését megelőző időszakból. A képzésminta és az egyik lexikai elem korábbi megléte alapján ezek a terminusok létrejöhetnek szerves belső fejlődéssel is (pl. *trgovačka doznačica*), bár a magyar mintára való keletkezés lehetőségét ennél a csoportnál esetenként nagyobb súllyal számításba vennünk (pl. *carinska namira, brzojavni list*), mint az előzőnél.

A harmadik csoport terminusainak szótári jegyzettsége még kisebb fokú: a 19. sz. utolsó harmadából származó referenciaszótáraink e rendszerint többlexémás

kifejezéseknek csupán egy-egy lexikai alapelemét említik, s azt is csak pusztán szóalakként, nem pedig valamilyen szószerkezet részeként, így ezek létrejöttében a magyar minta hatása még indokoltabban jön számításba, mint az előző csoport elemeinél (pl. *povratna carinska pošiljka*).

A magyar mintaszó alapján való megalkotottság szempontjából a negyedik és az ötödik csoport a legegységesebb, egyben témánk szempontjából is a legrelevánsabb. A negyedik csoport szakkifejezéseinél (pl. *prebiljegovati, carinsko rukovanje, povjerbeni list*, stb.) konkrét filológiai érvekkel indokolható, hogy azok túlnyomóan a 19. utolsó évtizedeiben keletkezett, magyar mintára visszavezethető tükörfordítások - a forrásainknál korábbi szótárak ugyanis nem jegyzik őket, tartalmaznak azonban velük teljesen azonos jelentésű, de más alak- és jelentésstruktúrájú kifejezéseket.

Jelen tanulmányban a korpusz ötödik csoportjának szakkifejezéseit, főként azok kontaktológiai vonatkozásait szeretnénk az eddigieknél jobban megvilágítani, hiszen ezen kifejezések nagy valószínűséggel ugyancsak magyar mintájú tükörszók, noha ennek bizonyítására lexikográfiai adatok az előző csoporthoz képest csekélyebb arányban állnak rendelkezésünkre.

Szótári adatoltság szempontjából korpuszunk szóbanforgó részének kifejezéseit az a tényező egyesíti egy csoportba, hogy a felsorolt referenciaszótárak egyike sem említi őket - nemcsak a teljes kifejezésalakot, hanem olykor még az alaplexémáikat sem, illetve arra sincsen példa, hogy a kontrollszótárak valamilyen más nyelvi alakot jegyeznének az illető fogalomra².

A teljes szótári adatolatlanság mellett a tükörfordítottság megállapításának másik jelentős alapjául az szolgál, hogy a szóbanforgó horvát szakkifejezések egyébként erőteljesen tagolt morfoszemantikai szerkezete feltűnően precíz egyezést mutat a magyar megfelelőével. Az itt közölt terminusok egyes alcsoportjainál a magyar mintára való keletkezés további részérvekkel támasztható alá, melyeket az illető szakkifejezések felsorolása mellett az alábbiakban ismertetünk.

1.) A szótárilag egyáltalán nem jegyzett korpuszrészben belül jól felismerhető alcsoportot alkotnak azok a nagyon specifikus jelentésű, magas fokon terminologizált kifejezések, melyeket igen bonyolult, sok jelentéselemből összetevődő

² A szótári adatolatlanság önmagában, természetesen, még nem nyújthat biztos fogódzót a tükörfordítottság megállapításához. Az ugyanis, hogy a kérdéses szóalakat egyik referenciaszótár sem jegyzi, elvben még nem zárja ki annak a lehetőségét, hogy az illető alak ne létezett volna a kutatott időszakban. Bonyolítja a helyzetet, hogy speciális jelentéstartalmú szakterminusokról lévén szó, nem várható el a kutatásban felhasznált általánosnyelvi szótáraktól, hogy akár címszóként, akár címszómagyarázataikban jegyezzék a keresett terminust. Mindazonáltal a vizsgált szótárak még csak egyes morfoszemantikai részleteiket sem említik a kérdéses kifejezéseknek, illetve magát a fogalmat sem említik bármilyen más nyelvi alakban – így a lexikográfiai adatolatlanság mégiscsak jelentős részérv a tükörfordítottság valószínűségének megítélésében.

szemantikai szerkezet jellemez. E két- vagy többtagú jelzős szerkezetek jelzői tagja maga is főnévi alapú derivátum. Forrásainkban jórészt egyszer, és sajátos jelentéstartalmuknál fogva feltehetőleg először fordulnak elő. Mindezt jól illusztrálják a következő kifejezések:

(kéttagúak):

bezvrijednostna pošiljka / értéknélküli küldemény

blagajnička vrijednost / pénztári érték

pouzetbena potvrdnica / utárvételi elismervény

cjenični kilometar / díjszabási kilométer

cjenična pristojba (~ nadoplatak) / díjszabásszerű illeték (~ pótlék)

vriednostna svota (~ kutija, ~ porto, ~ list, ~ pismo) / értékösszeg (~doboz, ~portó, ~levél)

uplatna zaporka / befizetési záradék

sumarno rukovanje / sommás kezelés

stepen daljine / távolságfok

pristojbeni pojas (~ područje) / díjöv (~terület)

prisilna dostava / kényszerkézbesítés

povjerbena doznačnica (~ promet) / megbízási utalvány (~ forgalom)

porto nadosljanja / utánküldési portó

(többtagúak):

carinsko-pouzetbena doznačnica / vámutánvételi utalvány

ekspresna dostavbena pristojba / express kézbesítési díj

međunarodni poštanski doznačbeni promet / nemzetközi postautalványforgalom

nuzgredno mjesto za rukovanje robom / mellék árukezelési hely

poštansko-doznačbeni promet (~ služba) / postautalvány-forgalom (~ szolgálat)

poštansko-poslovno pravilo / postai üzleti szabály

poštansko-povjerbni promet / postai megbízási forgalom

redoviti listovni zaključak / rendes levélzárlat

vriednostna carinska pristojba / értékvádíj

željeznička nadzorna oblast / vasúti felügyeleti hatóság

Még teljesebb bizonyossággal tekinthetők tükörfordításnak a csoport azon alakjai, ahol a fent említett jellemzők mellett a kifejezések jelentéstagolódása sem világos a horvátban, aminek okát a mechanikus fordításban kell látnunk:

izmjenična listarka / csererovatlap

željezničko-prometni prisilni razlog / vasúti üzleti kényszerítőok

pomoćni putni pravac / segélyútirány

pristojbena granična točka / díjhatárpont

voznoposlanički hod / kocsiküldöncjárat

tarif pristojbe za vriednost / értékportó-tarifa

postepena pristojba / fokozatos illeték

2.) Ugyancsak világosan elkülöníthetőek a magyar mintaszó szerkezetét hűen visszaadó azon kifejezések, melyek jelzői tagjuk jellegénél fogva (melléknévként használt jelen idejű participiumok) a horvátban atipikus³ képzésmintát jelenítenek meg:

dostavljujuća zemlja (predavajuća ~, izdavajuća ~) /kézbesítő ország (föladó ~, kibocsátó ~)

izplaćujući organ /kifizető közeg

izplaćujući poštanski ured (listarajući ~, nadošiljajući ~) /kifizető postahivatal (rovatóló ~, utánküldő ~)

prebiljegujući ured / (felül)bélyegző-hivatal

carinu posredujući ured / vámközvetítő hivatal

(ulazni) izmjenjujući poštanski ured / (belépő) kicserélő postahivatal

preuzimajuća željeznica / felvevő vasút

predavajuća stranka / feladó fél

odmašnja otprema / azonnali szállítás

odmašnje zaračunanje / rögtöni elszámolás

3.) Teljesen bizonyosan utalnak az azonos felépítésű magyar mintaszó követésére korpuszrészünk azon elemei, melyeknél maga a képzésminta ugyan tipikus a horvátban, de a keletkezett kifejezés az adott formában mégis idegenszerű, vagy jelentéstagolódása nem világos, mert az adott fogalomviszonyok kifejezése más nyelvi alakban tipizálódott a horvátban (pl. jelzős szintagma helyett általánosabb a bővítményes esetszerkezet). Ezt a jelenséget a következő terminusok szemléltetik:

iznovično preračunavanje / újbóli átszámítás

pojastučena kola / párnázott kocsi

konačna postaja / végállomás

komadna roba / darabáru (FI: Stückgut ~ roba na komad!)

vjeresijska sposobnost / hitelképesség

tražbinski iznos / követelési összeg

pristojbinski paušal / illetékátalány

pristojbeni višak / díjtöbblet

pristojbena stavka / díjtétel

osobna istovjetnost, ~ identičnost / személyazonosság

4.) Korpuszrészünkben, természetesen, találunk olyan szakkifejezéseket, melyek fogalmi tartalmuknál fogva feltehetően civilizációs újdonságok a horvátban, s a korabeli szótárak már csak emiatt sem jegyzik őket. Mivel főként mű-

³ Noha a horvátban napjainkban is használatos jónéhány olyan állandósult jelzős szerkezet, melynek bővítményi tagja presens participium, ezek jelzőként való alkalmazása már a vizsgált korszakban sem mondható rendszerszerűnek. V.ö. NYOMÁRKAY: 1978.

szaki fogalmakról van szó, a mintát némelyikük esetében a német nyelv azonos alakú kifejezése is szolgáltathatta:

strujovodni elektromotor / áramvezető villamosmotor

gornji vod struje / felső áramvezeték

električni lokomotiv / villamos mozdony

5.) Elvértve találkozunk forrásainkban intézmény- vagy hatóságnevekkel, illetve intézményformákat megjelölő, jórészt hosszabb szintaktikai szerkezetes megnevezésekkel. Ezeknél szintén kézenfekvő a megállapítás, sőt, a gyakorlatban biztosra is vehető, hogy magyar mintára alkotott alkalmi szintagmák:

brzovavni gospodarstveni ured / táviratgazdászati hivatal

preračunavuci kraljevski ugarski postanski ured / átszámító magyar királyi postahivatal.

További kutatásokkal, melyek hasonló jellegű, de valamivel későbbi forrásokon alapulnának, fény deríthető arra, milyen mértékben honosodtak meg a horvátban - akár csak ideiglenesen is - az elemzéseink alapján magyar tükörszónak minősített szakkifejezések. Az azonban már most is valószínűsíthető, hogy korpuszunk idegenszerű, nem a befogadó nyelv fogalomalkotási struktúrába illő, s ezért végsősoron terminologizációs szempontból sem adekvát kifejezései rövid életűek lehettek a horvátban, vagy meg sem honosodhattak benne.

Irodalom

Babić, S. (1984): Njemačke prevedenice u hrvatskom ili srpskom jeziku. in: Leksikografija i leksikologija - Zbornik radova, Matica srpska. Novi Sad-Beograd, 9-14.

Nyomárkay, I. (1993): „Le cas du calque...” in: Studia Slavica Hung. 38/1-2. str. 113-124.

Nyomárkay, I. (1989): Ungarische Vorbilder der kroatischer Spracherneuerung. Budapest

Nyomárkay, I. (1978): Die deverbale Adjektive auf -(a)ci im Serbokroatischen. Hungaro-Slavica 1978, 231-236.

Rammelmeyer, M. (1975): Die deutschen Lehnübersetzungen im Serbokroatischen, Beiträge zur Lexikologie und Wortbildung. Wiesbaden.

Schumann, K. (1965): Zur Typologie und Gliederung der Lehnprägungen. in: Zeitschrift für Slavistische Philologie XXXII. str. 61-90.

Žagar Szentesi, O. (2002): Madarske prevedenice u hrvatskoj poštanskoj i željezničkoj terminologiji. PhD-disszertáció, kézirat.

Mária Žiláková (Budapest)

**SLOVANSKÉ SÚVISLOSTI BÁSNE MIHÁLYA VÖRÖSMARTYHO:
SZÉP ILONKA**

Básni Mihály Vörösmartyho: Szép Ilonka, ktorú napísal r. 1833 a prvýkrát vyšla v časopise Auróra r. 1834, bola venovaná nevšedná pozornosť takmer od jej zrodu. Dožila sa početných vydaní, prekladov, bola impulzom k vzniku mnohých hudobných a výtvarných umeleckých diel. Pri analýze textu sa hľadali korešpondenčné body so súvekými dielami maďarskej literatúry, ale báseň bola dávaná aj do širšieho, európskeho kontextu. Výskumy sa sústreďovali hlavne na nasledujúce štyri motívy, ktoré boli považované z hľadiska členenia textu a myšlienkového náplne básne ako nosné:

1. dievča, ktoré vädne následkom lásky,
2. poľovnícka idyla,
3. postava kráľa Mateja Korvína v ľudovej slovesnosti (historická anekdota),
4. postava Peterdiho.⁴

Nebola však venovaná pozornosť slovanským súvislostiam tejto veľmi populárnej básne napriek tomu, že korešpondenčné body Vörösmartyho tvorby s folklórom slovanských národov Rakúskeho cisárstva a Uhorského kráľovstva sa môžu hodnotiť ako evidentné. Na ilustráciu stačí spomenúť epos Zalán futása (Beh Zalána). Jednotlivé historické obdobia a heroizované historické postavy, mnohé zakotvené aj vo folklóre, slúžili v období romantiky ako literárne témy na umelecké zvýraznenie sily a kladných hodnôt formujúceho sa tohto novodobého národa. Kým obdobie Veľkej Moravy, najmä u Slovákov, v období literárneho klasicizmu a neskôr aj v romantike je nositeľom pozitívnych národných hodnôt, zatiaľ Vörösmarty v spomenutom epose deheroizuje vodcu Slovanov, nadväzuje na pád Veľkomoravskej ríše v prospech heroizácie iného národa, Maďarov. Nie je to však ojedinelý príklad, kedy konkrétna historická postava spoločnej histórie nadobúda z hľadiska rozličných národov (svojho času národností) v literárnych dielach protichodné vlastnosti, napr. v maďarsko-slovenskej súvislosti Matúš Čák, v maďarsko-slovenskom vzťahu Cilleyovci t.j. Celjski grófi a pod.

Filologické výskumy poukazujú na fakt, že analogická kultúrohistorická pôda obdobia literárneho romantizmu slúžila ako základ k početným paralelným javom v literatúre národov Rakúsko-uhorska, či tematického, alebo žánrového charakteru, ale týka sa to i jazykového stvárnenia jednotlivých umeleckých diel.⁵ V prípade národov žijúcich dlhodobo v spoločnom štátnom útvare treba akiste počítat' aj s bezprostrednejšími faktormi, ba vedomými, ako

⁴ Vörösmarty Mihály: Kisebb költemények II. (1827-1893). Sajtó alá rendezte Horváth Károly. Budapest, 1960. 131-459.

⁵ Klátik, Zlatko: Slovenský a slovanský romantizmus. Bratislava 1977.

sú pre neslovanské (vtedajšie) národnosti preklady, v prípade Slovanov záujem, podmienený myšlienkou slovanskej vzájomnosti.⁶

Znáмым faktom sú maďarsko-slovanské, v prvom rade slovenské a srbské literárne, folklórne kontakty, novšie výskumy dokazujú aj kontakty maďarskej literatúry s literatúrou a folklórom aj iných slovanských národov.⁷

Už aj uvedený epos predpokladá Vörösmartyho poznatky slovanského folklóru istého stupňa .

V spojitosti s básňou Szép Ilonka a jej slovanskými súvislosťami treba upriamiť pozornosť na motív, ktorý už bol vyššie uvedený ako motív č.3, postava kráľa Mateja Korvína v ľudovej slovesnosti – v širšom kontexte, vo folklóre národov Rakúsko-uhorska.

Zároveň sa ponúka na porovnávanie dielo slovanskej literárnej romantiky, Detvan, od Andreja Sládkoviča, a to nielen na základe motívov: preoblečený kráľ Matej ako záletník (zvodca), spravodlivý panovník, sedliacky kráľ, vodca silného vojska, ale aj dvojice Matiaš a Elena.

Komparácia Vörösmartyho básne Szép Ilonka a Sládkovičovho Detvana nastoluje popri otázke vzťahu folklóru a literatúry aj problematiku typológie epických druhov v romantizme maďarskom - slovenskom – slovanskom – európskom.

Typickým žánrom európskeho romantizmu sa hodnotí epos, ktorý nadväzuje na starovekú (klasickú) kultúru. Komparatívne výskumy v tomto smere ukazujú, že funkciu eposu majú u európskych národov v romantizme - častejšie u národov Strednej Európy - aj iné epické útvary, „romány vo veršoch“, „junácke piesne“, poémy, lyricko-epické skladby, ba dokonca i sonety, veniec

⁶ Klátik, Zlatko c.d., Fried István: Szlovén –magyar interferenciák/ Slovensko maďarske interference. In: Hasonlóságok és különbözőségek/Ujemanja in razhajanja. Budapest/Budimpešta, 1998. 9-13./ 179-183., Fried István: A nemzeti eposz kelet-közép-európai sajátosságaihoz. Vörösmarty és Prešeren/ „Srečanja,, slovenske in maďarske književnosti. In: Hasonlóságok és különbözőségek/ Ujemanja in razhajanja. Budapest/Budimpešta 1998. 67-79./213-221., Fried István: Szlovén – magyar kapcsolatok /Slovensko-maďarske povezave. In: Hasonlóságok és különbözőségek/Ujemanja in razhajanja. Budapest/Budimpešta 1998. 126-132. / 293-299. V.ö. továbbá: Prém József: Ágnes. Krajnai népballada, Krajnai népdalok I-III., Alenka. Krajnai népballada. Hazánk és a Külföld.9, 1869, 323-324.,546-547.,658-659., Prém József: Külföldi költőkből. Pest, 1872., Prém József: Mátyás király a krajnai népköltésben. In: Mátyás király emlékkönyv. Budapest, 1902.

⁷ Rudolf Chmel: Literárne vzťahy slovensko maďarské. Bratislava, 1973., Hadrovics László: Magyar és déli szláv szellemi kapcsolatok. Budapest, 1944., Gunda Béla: Magyar-szláv néprajzi kapcsolatok. In: A magyarság és a szlávok. Szerk.: Szekfű Gyula. Budapest, 1942, 213-214., Vargyas Lajos: A magyar és a délszláv népballadák összehasonlító vizsgálata. In: Szomszédság és közösség.Szerk.: Vujicsics D. Sztoján. Budapest, 1972, 13-31., Ferenczi Imre: A magyar-horvát-szlovén folklórkapcsolat egy példája: az eborrú törökök és kutyafejűek (psoglavci). In: Folklór és tradíció VI. Szerk.: Kiss Mária. Budapest, 1988. 97-127.,Dávid András: Délszláv epikus énekek – magyar történeti hősök balladáról. Budapest, 1978.

sonetov. Hrdinská epika si hľadá nové formy, k primeranému spracovaniu junáckych tém sa nepociťuje ako priliehavá a vystačujúca forma eposu.⁸

Z hľadiska žánru sa Vörösmartyho dielo *Zalán futása* (Beh Zalána) radí k eposu bez väčších ťažkostí, aj v porovnaní s podobnými skladbami iných autorov maďarskej literatúry doby, báseň Szép Ilonka je lyricko-epická skladba, ktorá ukazuje s žánrom eposu veľmi široko ponímané príbuzenstvo, skôr len výberom témy a jej stvárnením, pokiaľ je to alúzia na junáckosť postáv Peterdiho a kráľa Mateja.

V Sládkovičovom Detvanovi sa môžu hľadať korešpondenčné body v slovenskej literatúre s Hollého eposmi, iné jeho dielo, *Marína*, sa môže dávať do príbuzenstva s Kollárovou Slávy dcérou. Ani Detvan, ani *Marína* sa nezaraďujú v slovenskej literatúre z hľadiska žánru k eposu, sú označované ako lyricko-epické skladby.

Po týchto nevyhnutne potrebných poznámkach hlbšie rozvádzať sa o žánrových problémoch epiky v období literárnej romantiky v literatúre maďarskej a slovanských národov Rakúsko-uhorska, by viedlo ďaleko od slovan-ských súvislostí básne, uvedenej v názve príspevku. Týmto účelom sa má venovať hlbšia pozornosť postave kráľa Mateja vo folklóre národov bývalého Rakúsko-uhorska.

Pri tejto rozsiahlej problematike sa vychádza z predpokladu, že niektoré motívy, ktoré sa stali neskôr súčasťou folklóru, vznikali už za života kráľa Mateja: boli to piesne, ktoré oslavovali jeho hrdinské činy, napr. báseň o zápase Szabácsa (*Zabács/Szabács viadala*), alebo zlomok o obliehaní Jajci. Boli akiste zložené od autorov, ktorí žili v blízkosti kráľa.⁹ V diele dvorného historika, Antonia Bonfiniho *Rerum Hungaricum Decades* sa nachádza i príbeh, ako sa kráľ Matej preoblečený za sedliaka vkĺzol do tureckého tábora.¹⁰ Tento motív je značne rozšírený v matejovskej ľudovej tradícii južných slovanských národov bývalého Uhorska. Viacero dokladov poukazuje na to, že počiatky rozsiahlej ľudovej tradície návaznej na postavu kráľa Mateja Korvína treba klásť na 16. storočie, do doby Jagelloncov.¹¹

Čo do žánru je matejovská ľudová tradícia rôznorodá: popri historických rozprávkach sú rozšírené realistické anekdoty, trufy, junácke piesne, ballady a romances, prozaické žánre dopĺňajú aj úslovia. U rôznych národov bývalého Rakúsko-uhorska nie sú rovnako zastúpené menované žánre: junácke

⁸ Kkátik, Zlatko: Variabilita hrdinskej epiky v slovanskom romantizme. C.d. 147-187., Diferenciácia epiky: od heroiky k idyle a komike – od romantizmu k realizmu. C.d. 188-230., Fried István: A nemzeti eposz kelet-közép-európai sajátosságaihoz. Vörösmarty és Prešeren/“Srečanja“ slovenske in maďarske književnosti. In: Hasonlóságok és különbségek/Ujemanja in razhajanja. Budapest/Budimpešta, 1998.67-77./213-221.

⁹ Kriza Ildikó: Mátyás király a néphagyományban. In: Hunyadi Mátyás emlékkönyv Mátyás király halálának 500. évfordulójára. Budapest, 1990. 364.

¹⁰ Kardos Tibor: A trufa. In: Filológiai Közöny 1955. 135.

¹¹ Benczédi Székely István Világkrónikája. OSZK, RMK I. 38., Heltai Gáspár: Krónika az magyaroknak dolgairól. Budapest, 1981. 116.

piesne, ballady, romances sú typické pre folklór južných Slovanov, kým ostatné sú bohatšie zastúpené u Maďarov a Slovanov – podľa staršieho geograficko-politického delenia, ktoré bolo zaužívané i v čase literárnej romantiky – severných.

Bohato členená je aj motivika: kráľ chodí preoblečený po krajine a vyrovnáva nespravodlivosti, pije na vlastné zdravie, pomáha chudobným, prejavuje sa ako múdry človek, je naklonený, duchaplný voči múdrym jednoduchým ľuďom, je sedliackym kráľom, odvážnym bojovníkom proti Turkom, vodca veľkého, silného vojska, je i milencom Alenčiciným, ale aj záletníkom a zvodcom v inkognite atď. Samozrejme, ani výskyt jednotlivých motívov vo folklóre spomenutých národov nie je rovnomerný. Napr. motív záletníka zvodcu v inkognite sa vyskytuje v značnejšej miere v rakúskom, českom a slovenskom folklóre, dvojica Alenčica a kráľ Matiaš je typická pre ľudovú slovesnosť južnoslovanskú.

Ako to bolo aj vyššie uvedené, matejovská tradícia sa od počiatku vyvíjala tak, že niektoré prvky sa transformovali do folklóru ako aj z folklóru do literatúry, táto súvzťažnosť je sledovateľná od panovania Mateja Hunyadiho aj v 20. storočí.

Maďarská literárna história venovala hlbšiu pozornosť genéze a vývoju ako aj žánrovým otázkam matejovskej tradície od prvého desaťročia 20. storočia.¹² Najmä slovenská a slovinská literárna história sa pokúsila skúmať problematiku rovnako zo strany folklóru a beletrie.¹³ Nemenej významná je monografia Zenona Kuzeľu, ktorý rozoberá a porovnáva ľudovú tradíciu o kráľovi Matejovi u slovanských národov.¹⁴ I tento stručný náčrt rozsiahlej a zložitej proble-

¹² Tolnai Adél: Mátyás királlyal foglalkozó költészetünk forrásai. Budapest, 1911., Zolnai Béla: Mátyás-mondáink eredete és fejlődése. In: Irodalomtörténet X. Budapest, 1921.

¹³ Niekoľko závažnejších prác: Mrlián Dr., Rudolf: Štúrovci a ústna slovesnosť. Liptovský Mikuláš 1943., Komorovský Ján: Matej Korvín v ľudovej prozaickej slovesnosti. Bratislava 1957., Melicherčík, Andrej: Slovenský folklór. Bratislava 1959., Ivan Grafenauer: Slovenske pripovedke o kralju Matjažu. Ljubljana, 1951., Milko Matičetov: Kralj Matjaž v luči novega slovenskega gradiva in novih raziskavanj. Ljubljana, 1958., Pavel Ágoston: Válogatott tanulmányai és cikkei. Szombathely, 1976., Marko Juvan: Med identifikacijo in negacijo. Pripovedkovni intertekst v Cankarjevi povesti Potepuh Marko in kralj Matjaž. In: Slavistična revija. 1989. 4. 471-487., Vilko Novak Pável Ágoston Mátyás király kutatásai /Avgusta Pavla raziskovanja o kralju Matjažu. In: Hasonlóságok és különbözőségek/ Ujemanja in razhajanja. Budapest/ Budimpešta 1998. 119-125./287-292., Lukács István: Mátyás király a szlovén szépirodalomban/ Kralj Matjaž v slovenskem leposlovju. In: Hasonlóságok és különbözőségek/Ujemanja in razhajanja. Budapest/Budimpešta, 1989. 148-154./314-319., Lukács István: A megváltó Mátyás király színe változásai a szlovén néphagyományban és szépirodalomban. Budapest, 2001.

¹⁴ Kuzeľa, Zenon: Ugorszkij korol' Matvij Corvin v szlavjanszkij usztnij szlovesznosztí. In: Zapiszki Naukovogo Tovaristva im. Sevcsenka LXVII-LXX, L'vov, 1906.

matiky dokladá opodstatnenosť vedeckých podujatí, ktoré sa viackrát konali na apropo niektorého okrúhleho životného jubilea kráľa Mateja Korvína. Novšie výskumy nastoľujú nové problémy, prípadne dávajú známe fakty do nového osvetlenia.

Vrátiac sa k užšiemu, konkrétnemu predmetu referátu, prvým dvom nosným motívom, ktoré som v úvodnej časti referátu uviedla, na ktoré bola Vörösmartyho báseň Szép Ilonka rozčlenená, z hľadiska genézy motívov sa rozprúdila polemika v dvoch smeroch: maďarská literárna kritika hľadala jej predlohu jednak v starších domácich dielach a zotrvala pri názore, že netreba hľadať cudzie pramene, predsa viacerí sa venovali podrobnej analýze západoeurópskych paralel. Poznámam, že nie je jasne vymedzené, čo sa počíta za domáce, či len úzko maďarské, alebo uhorské súvislosti. Pál Gyulai uvádza ako prameň dielo J. Bajzu: Rege a habléányról, ktoré bolo uverejnené v Auróre r. 1830. Sám Bajza v dopise k Ferencovi Toldymu píše, že predlohu k svojmu dielu našiel čiastočne v starej kronike, ktorá prináša príbeh lásky francúzskeho kráľa Henrika IV.-ho ktorý sa zaľúbil do krásnej Fleuretty, s ktorou sa stretol pri hrade Neracu, ale použil aj domácu historickú anekdotu, tragickú príhodu víly Milky a sám pridal historické pozadie z doby kráľa Mateja.¹⁵ Západoeurópske paralely prináša György Király, Rezső Gálos, Sándor Fest, István Sándor, János Honti.¹⁶ Spomenutí autori argumentujú aj pri domácich prameňoch, János Darvas je dokonca tej mienky, že netreba hľadať predlohy cudzie. Z domácich predlôh György Király a Béla Zolnai zdôrazňujú niektoré diela Károlya Kisfaludyho a Gergelya Czuczora.¹⁷ Možno zostala nepovšimnutá poznámka Istvána Sándora, ktorý medzi domácimi predlohami spomenie aj dielo Bajzu: Szerb dalok (Srbské piesne).¹⁸ I Bajza písal Ferencovi Toldymu 10. dec. 1839. v súvislosti s uvedenou novelou, že bol by považoval za vhodnejšie napísať básnické dielo v trocheoch na srbský spôsob.¹⁹

¹⁵ Porov. Vörösmarty Mihály: Kisebb költemények II. (1827-1839). Sajtó alá rendezte Horváth Károly. Budapest, 1960. 447-448.

¹⁶ Király György: A „Szép Ilonka“, keletkezése. In: EphK 34. k. 1910. 231-233., Gálos Rezső: A „Szép Ilonka“ keletkezése. In: EphK 35. 1911. 513., Darvas János: A „Szép Ilonka“, keletkezése. In: EphK 37. k. 1913. 290-292., Fest Sándor: Vörösmarty „Szép Ilonkájának“ angol forrása. In: It 25.k. 1936. 18-22., Sándor István: A „Szép Ilonka“ tárgy története. In: EphK 1937. 4-9. sz., Honti János: Vörösmarty egy német mintája? In: ItK 43. k. 1933. 146.

¹⁷ Darvas János: c.d., Király György: c. d., Zolnai Béla: A „Szép Ilonka“ keletkezéséhez EphK 1912. 36. k. 489-491.

¹⁸ Sándor István: c.d.

¹⁹ Bajza József: ÖM VI. k. 305. Toldy Ferencnek 1839. dec. 10-én írott levélből kiteszik: úgy érezte, a habléányról szóló történetet prózai novella helyett „trochaikus versben és szerbus manírban“ stílusosabb lett volna megírnia. V.ö. Vörösmarty Mihály: Kisebb költemények II. (1827-1839). Sajtó alá rendezte Horváth Károly. Budapest, 1960. 450.

K 3. nosnému motívu, postava kráľa Mateja v ľudovej slovesnosti, sa prihovoreli tiež viacerí. K tomuto motívu sa uvádza ako prameň veselohra Károlya Kisfaludyho: Mátyás deák (1825). Za predlohu tejto veselohry pokladajú zo starších bádateľov György Király, Béla Zolnai a novšie Ildikó Krizová dielo Charlesa Collého: *Pertie de chase de Henri IV.* (1762), ktoré sa prednášalo po celej Európe na konci 18. a začiatku 19. storočia, v r. 1772 v Eszterháze, neskôr aj v Pešti.²⁰ Štvrtým bodom, postavou Peterdiho, sa zaoberala literárna história najmenej. József S. Szabó predložil verejnosti tradíciu, ktorá sa uchovala v rodine Peterdyovcov, podľa ktorej Ilonka Peterdyová umrela následkom beznádejnej lásky voči kráľovi Matejovi. György Király pochybuje o opodstatnenosti tejto legendy, keďže sa nedá doložiť dokumentami.²¹

Západoeurópske paralely jednotlivých nosných motívov básne, ako aj domácich predloh vychádzajú z analogickej kultúrnohistorickej pôdy, ale treba počítať aj s javom anachronizmu vo folklóre, ako aj v prípade folklorizovaných príbehov, textov. Najmä keď ide o tému, ktorá je široko zastúpená rovnako v ľudovej slovesnosti, ako aj v beletrii -- spätosť folklóru a literatúry je tiež jav zložitý.

Z hľadiska slovanských súvislostí básne budú najviac zaujímavé mená ľúbostnej dvojice, Ilonka a kráľ Matej. Dovoľujem si tvrdiť, že tento detail ukazuje na prameň z južnoslovanského folklóru, náväzného na postavu kráľa Mateja Hunyadiho. V básni sa spomína postava kráľa ako niekdajšieho odvážneho bojovníka, pôvodom z folklóru sú aj ďalšie motívy, kráľ na poľovačke, kráľ v inkognite, kráľ Matej záletník, ktoré sa môžu hodnotiť ako všeobecne rozšírené v ľudovej slovesnosti o Matejovi Korvínovi národov niekdajšieho Rakúsko-uhorska. Motív dvojica Alenčica-Ilona – kráľ Matej sa vyskytuje len vo folklóre južných Slovanov.

Nemám bezprostredné doklady na to, že by Vörösmarty bol čerpal z folklóru južných Slovanov, alebo že by bol poznal texty takéhoto rázu, ktoré najprv boli známe v nemeckom preklade. Maďarské preklady Józsefa Préma, medzi ktorými je aj ballada Alenky, z Krajny, boli uverejnené po vzniku Vörösmartyho básne. Tvorba J. Bajzu – z ktorej niektoré diela boli ocenené ako predlohy k Vörösmartyho Szép Ilonke - s veľkou pravdepodobnosťou nadväzuje na folklór južných Slovanov. Možno bolo by treba analyzovať predlohy, pramene doteraz známe aj z tohto hľadiska, keďže literárni historici, ktorí sa venovali genéze básne, si nevšimli túto líniu.

K tejto myšlienke pripájam ako argument niektoré fakty o genéze vyššie už uvedeného diela Andreja Sládkoviča: *Detvan*.

Podrobná analýza Sládkovičovho *Detvana* ukazuje, že viacerými črtami najbližšie kľúčové dielo je mu *Horský veniec* (Gorski vijenac, 1847) čiernohorského

²⁰ Király Görgy: c.d., Zolnai Béla: c.d., Kriza Ildikó: Mátyás király a néphagyományban. In: Hunyadi Mátyás emlékkönyv Mátyás király halálának 500. évfordulójára. Budapest, 1990. 382.

²¹ Király György: c.d.

básnika Petra Petroviča Njegoša. Zlatko Klátik uvádza na porovnanie texty z oboch diel, ktoré poukazujú na bezprostredné príbuzenstvo.²² Nevenuje osobitnú pozornosť menám, je však nesporné, že Elena je slovenská obmena Alenky. Meno Elena sa v slovenskom folklóre náväznom na Mateja Korvína nevyskytuje. Zostáva otázka, prečo potreboval čerpať Sládkovič z folklóru južných Slovanov, keď aj slovenská ľudová slovesnosť má bohatú matejovskú tradíciu. Patrí sa poznamenať i to, že Sládkovič si volil pri viacerých skladbách formu desaterca, ktorá je známa vo folklóre južných slovanských národov. Sládkovičovo dielo teda nadväzuje na folklór južných Slovanov vo viacerých zložkách, viedla ho k tomu akiste myšlienka slovanskej vzájomnosti. Uvažovanie o Sládkovičovom Detvanovi a spätosti tohto diela s ľudovou slovesnosťou a beletriou južných Slovanov, nebude bezprostredným dokladom k slovanským súvislostiam Vörösmartyho básne Szép Ilonka. Dúfam však, že moje argumenty budú inšpirovať literárnych historikov, aby sa k nim dopracovali.

Bibliográfia

- BENCZÉDI SZÉKELY ISTVÁN Világkrónikája. OSZK. RMK I.
- DÁVID ANDRÁS: Délszláv epikus énekek – magyar történeti hősök balladáiról. Budapest, 1978.
- DARVAS JÁNOS: A „Szép Ilonka“ keletkezése. In: EphK 34. k. 1910. 231-233.
- FERENCZI IMRE: A magyar-horvát-szlovén folklórkapcsolat egy példája: az eborrú törökök és kutyfejűek (psoglavci). In: Folklór és tradíció VI. Szerk.: Kiss Mária. Budapest, 1988. 97-127.
- FRIED ISTVÁN: Szlovén-magyar interferenciák / Slovensko-madžarske interference. In: Hasonlóságok és különbségek/Ujemanja in razhajanja. Budapest/ Budimpešta, 1998. 9-13./179-183.
- FRIED ISTVÁN: A nemzeti eposz kelet-közép- európai sajátosságaihoz. Vörösmarty és Prešeren / „Srečanja” slovenske in madžarske književnosti. In: Hasonlóságok és különbségek/ Ujemanja in razhajanja. Budapest/Budimpešta, 1998. 67-79./ 213-221.
- FRIED ISTVÁN: Szlovén-magyar kapcsolatok/ Slovensko-madžarske povezave. In: Hasonlóságok és különbségek/ Ujemanja in razhajanja. Budapest/ Budimpešta, 1998. 126-132./ 293-299.
- FEST SÁNDOR: Vörösmarty „Szép Ilonkájának“ angol forrása. In: It 25.k. 1936. 18-22.
- GÁLOS REZSŐ: A „Szép Ilonka“ keletkezése. In: EphK 35. 1911. 513.
- GRAFENAUER IVAN: Slovenske pripovedke o kralju Matjažu. Ljubljana, 1951.
- GUNDA BÉLA: Magyar-szláv néprajzi kapcsolatok. In: A magyarság és a szlávok. Szerk.: Szekfű Gyula. Budapest, 1942. 213-214.
- CHMEL RUDOLF: Literárne vzťahy slovensko-maďarské. Bratislava, 1973.
- HADROVICS LÁSZLÓ: Magyar és déli szláv szellemi kapcsolatok. Budapest, 1944.

²² Klátik, Zlatko: c. d. 189., 228-229.

- HELTAI GÁSPÁR: Krónika a magyaroknak dolgairól. Budapest, 1981.
- HONTI JÁNOS: Vörösmarty egy német mintája? In: ItK 43.k. 1933. 146.
- JUVAN MARKO: Med identifikacijo in negacijo. Pripovedkovni intertekst v Cankarjevi povesti Potepuh Marko in kralj Matjaž. In: Slavistična revija. 1989. 4. 471-487.
- KARDOS TIBOR: A trufa. In: Filológiai Közöny 1955.
- KIRÁLY GYÖRGY: A „Szép Ilonka“ keletkezése. In: EphK 34. k. 1910. 231-233.
- KLÁTIK ZLATKO: Slovenský a slovanský romantizmus. Bratislava, 1977.
- KOMOROVSKÝ JÁN: Kráľ Matej Korvín v ľudovej prozaickej slovesnosti. Bratislava, 1957.
- KRIZA ILDIKÓ: Mátyás király a néphagyományban. Hunyadi Mátyás emlékkönyv Mátyás király halálának 500. évfordulójára. Budapest, 1990.
- KUZELA ZENON: Ugorski korol Matvij Corvin v szlavjanskij usztnij szlovesznoszt. In: Zapiszki Naukovogo Tovaristva im. Sevczenka LXVII-LXX, Evov, 1906.
- LUKÁCS ISTVÁN: Mátyás király a szlovén szépirodalomban/ Kralj Matjaž v slovenskem leposlovju. In: Hasonlóságok és különbségek/ Ujemanja in razhajanja. Budapest/Budimpešta, 1989. 148-154./314-319.
- LUKÁCS ISTVÁN: A megváltó Mátyás király színe változása a szlovén néphagyományban és szépirodalomban. Budapest, 2001.
- MATIČETOV MILKO: Kralj Matjaž v luči novega slovenskega gradiva in novih raziskovanj. Ljubljana, 1958.
- MELICHERČIK ANDREJ: Slovenský folklór. Bratislava, 1959.
- MRLIAN DR., RUDOLF: Štúrovci a ústna slovesnosť. Liptovský Mikuláš, 1943.
- NOVAK VILKO: Pável Ágoston Mátyás király kutatásai/ Avgusta Pavla raziskovanja o kralju Matjažu. In: Hasonlóságok és különbségek/ Ujemanja in razhajanja. Budapest/Budimpešta, 1998. 119-125./ 287-292.
- PÁVEL ÁGOSTON: Válogatott tanulmányai és cikkei. Szombathely, 1976.
- PRÉM JÓZSEF: Ágnes. Krajnai népballada, Krajnai népdalok I-III., Alenka. Krajnai népballada. In: Hazánk és a külföld. 9, 1869, 323-324., 546-547., 658-659.
- PRÉM JÓZSEF: Külföldi költőkből. Pest, 1872.
- PRÉM JÓZSEF: Mátyás király a krajnai népköltésben. In: Mátyás király emlékkönyv. Budapest, 1902.
- SÁNDOR ISTVÁN: A „Szép Ilonka“ tárgytörténete. In: EphK 1937. 4-9.
- TOLNAI ADÉL: Mátyás királlyal foglalkozó költészetünk forrásai. Budapest, 1911.
- VARGYAS LAJOS: A magyar és délszláv népballadák összehasonlító vizsgálata. In: Szomszédság és közösség. Szerk.: Vujicsics D. Sztoján. Budapest, 1973. 13-31.
- VÖRÖSMARTY MIHÁLY: Kisebb költemények II. (1828-1893). Sajtó alá rendezte Horváth Károly. Budapest, 1960.
- ZOLNAI BÉLA : A „Szép Ilonka“ keletkezése. In: EphK 1912. 36.k. 489-491.
- ZOLNAI BÉLA: Mátyás-mondáink eredete és fejlődése. Irodalomtörténet X. Budapest, 1921.

Rezümé:

**Zsilák Mária: Vörösmarty Mihály: Szép Ilonka c. versének
szláv vonatkozásai**

Vörösmarty Mihály: Szép Ilonka c. verse keletkezésének körülményei úgyszólván a költemény megjelenése óta foglalkoztatják a magyar irodalmi kritikát. A hazai párhuzamok mellett számos idegen, elsősorban nyugat-európai rokonvonást tárt fel a régebbi kutatás. A költemény műfaji problémákat is felvet. Elmélyült, sokoldalú elemzést igényel a Mátyás király alakjához kapcsolódó népköltészet és a szépirodalom kölcsönhatása, összefonódása, s e problémakör kapcsolódása a „Szép Ilonka“ c. költeményhez. E kérdéskört szélesebb kontextusban kell vizsgálni, hiszen az Osztrák Császárság Magyar Királyság területen élő népek mindegyike gazdag néphagyományokat őriz Mátyás királyról, s ennek elemei ugyancsak gazdagítják e népek szépirodalmát is.

A szerző Alenčica és Mátyás kettősére alapozva arra kíván rávilágítani, hogy nemcsak távoli nyugat-európai motívumokkal kell a költemény keletkezésének interpretálása kapcsán számolni, hanem délszláv hatásokkal is. Erre közvetlen bizonyítékai nincsenek, azonban a magyar irodalomkritikában fellelhető, de figyelmen kívül hagyott utalások, érvek mellett párhuzamba állítja a „Szép Ilonkával” Andrej Sládkovič: Detvan c. művét, melyben ugyancsak szerepel az Elena- Mátyás király kettős, s Sládkovič munkájának délszláv kapcsolódása minden kétséget kizáróan bizonyítható. A „Szép Ilonkára” vonatkozó források újraértékelése, újragondolása talán szolgálna közvetlen bizonyítékokkal is a délszláv kapcsolódásra.

СОДЕРЖАНИЕ

ISTVÁN NYOMÁRKAY (Budapest): <i>Profesoru Karlu Gadányiju šezdeset godina</i>	5
<i>Gadányi Károly írásainak válogatott bibliográfiája</i>	8
БАКОНИ ИШТВАН (Győr): <i>Взаимосвязанное обучение межкультур- ной коммуникации и деловому общению</i>	18
JANUSZ BAŃCZEROWSKI (Budapest): <i>Роль специальных языков в раз- витии цивилизации</i>	25
ERNEST BARIĆ (Pécs): <i>Mikrotoponimi - značajna vrela za istraživanje hrvatskih govora u Južnoj Mađarskoj</i>	31
МАРИЯ БАРОТА (Szombathely): <i>Тургеневские реминисценции в прозе Дьюлы Круди</i>	34
НИКОЛА BENČIĆ (Željezno/Eisenstadt – Austrija): <i>Margina ruba</i>	41
ELIZABETA BERNJAK (Szombathely): <i>Sredstva za izražanje manjšal- ne stopnjovitosti (moderacije) v slovenščini in madžarščini</i>	50
СТЈЕРАН БЛАЖЕТИН (Pécs): <i>Mađari u Slamnigovim pjesmama</i>	57
ВОКОР JÓZSEF (Szombathely): <i>Öt tételben a magyar nyelvi tervezés- ről a kétnyelvű muravidéken</i>	61
BOLLA KÁLMÁN (Budapest): <i>Kísérlet hangsajátáságbeli azonosságok és eltérések kimutatására hat nyelv magánhangzóinak műsze- res vizsgálata alapján</i>	66
БОЖУК ИЗАБЕЛЛИА (Szombathely): <i>«Русинский язык – живой язык карпатских русинов»</i>	77
MATILDA BÖLCS (Szombathely): <i>Imaginerani lik Marinkovičevog «Anđela» - na iščekivanju</i>	83
MATILDA BÖLCS: <i>Ptica vilinja</i>	85
Ч. ЙОНАШ ЭРЖЕБЕТ (Nyíregyháza): <i>Названия красного цвета vörös и piros в поэзии Эндре Ади и их русские переводы</i>	86
В.Д.ЧЕРНЯК (Санкт-Петербург): <i>«Стихийная лексикография» в современной газете</i>	96
СТЕПАН ДАМЬЯНОВИЧ (Zagreb): <i>Хорватское языковое простран- ство в средних веках</i>	103
IVOLYA DONCSE CZ (Szombathely): <i>Slovenska krajina ter njeno slov- stveno delo s posebnim poudarkom na porabske Slovence</i>	111
ТОМАШ ФАБИЧ (Budapest): <i>Ещё раз к вопросу о славянской пра- родине</i>	115
В.А. ФЕДОСОВ (Nyíregyháza): <i>Русский язык в исследованиях проф. К. Гадани: Проблематика описания значений прилагатель- ных цвета</i>	125
ИШТВАН ФЕНЬВЕШИ (Szeged): <i>Навстречу 90-летию венгерского литературоведа-русиста (Бела Лендьель 1915-1997)</i>	139

ИШТВАН ФЕРИНЦ (Szeged): <i>Об употреблении словосочетания «бить челом» в памятниках частной переписки XVII – начала XVIII века</i>	147
МАРТА ФОНТ (Pécs): <i>К вопросу о взаимоотношении культа святых с распространением христианского образа мышления</i>	153
FÖLDI ÉVA (Budapest): <i>A szupraszegmentális eszközök megítéléséről</i>	161
GÓSY MÁRIA (Budapest): <i>Beszédatadabázisok a pszicholingvisztikában és a beszédtechnológiában</i>	167
В.П. ГУДКОВ (Москва): <i>Варьирование надежных форм числительных оба, обје в западноиекавской зоне сербскохорватского языка</i>	173
GUTTMANN MIKLÓS (Szombathely): <i>Közös szlavisztikai és hungarológia kutatások Szombathelyen</i>	176
H. GERENDÁS ÁGOTA (Szombathely): <i>A magyar és orosz fonémarendszer gyakorlati szempontú összevetéséről</i>	183
МАРИЯ ЯНКОВИЧ (Szombathely): <i>Аббревиация в прошлом и настоящем</i>	186
ЛАСЛО ЯСАИ (Budapest): <i>Можно ли истолковать процессность как инвариант НСВ?</i>	192
МАРГАРИТА КАНАЗИРСКА (Велико Търново): <i>Диалог двух культур (ранний Флоровский в Болгарии)</i>	199
МИХАЙ КОЧИШ (Szeged): <i>Содержание Лейтанской минеи</i>	209
MIHAELA KOLETNIK (Maribor): <i>Extra-linguistic reasons for dialect diversification in Slovenske gorice</i>	211
KOLLÁTH ANNA (Maribor): <i>Egy „csepp” helyesírás — középiskolás fokon</i>	220
ВАЛЕРИЙ КОМАРОВ (Pécs): <i>О патриотизме Пушкина</i>	227
ЭНДРЕ ЛЕНДВАИ (Pécs): <i>Скрытые компоненты комического текста</i>	237
ВАЛЕРИЙ ЛЕПАХИН (Szeged): <i>Основные принципы корреляции между текстом и иконой</i>	247
К.В. ЛИФАНОВ (Москва): <i>Взаимодействие восточнословацкого диалекта и словацкого литературного языка в словацких публикациях в США</i>	257
MIJO LONČARIĆ (Zagreb): <i>Pomurske kajkavske pjesme iz 1858. Zapisi Đure Đeželića</i>	266
LUKÁCS ISTVÁN (Budapest): <i>A műfaji megjelölés bizonytalanságai (a szlovén regény magyar recepciójának kezdeteihez)</i>	282
ЗОЛТАН МЕДВЕ (Pécs): <i>«Двенадцать» или ответственность книжников</i>	292
MERSICH ZSUZSANNA (Szombathely): <i>O židanskim prezimenima u mađarskom Gradišću</i>	300
PETAR MILOŠEVIĆ (Budapest): <i>Govor o potonjim stvarima – dvojezična poezija Đuse Šimare Pužarova</i>	305

ВИКТОР МОЙССЕНКО, ЛЮДМИЛА МОЙСЕЕНКО (Szombathely): <i>Некоторые аспекты истории и этимологии русских цветонаименований</i>	310
В.М. МОКИЕНКО (Greifswald): <i>Из сокровищницы русской речи 2. Народные устойчивые сравнения с названиями животных. СОБАКА</i>	322
MOLNÁR ZOLTÁN MIKLÓS (Szombathely): <i>Egy lendva-vidéki szókész- leti anyag eredet szerinti vizsgálata</i>	360
MÓZER IBOLYA (Szombathely): <i>A karantánok megtérése</i>	365
НИРИ МАРТА (Szombathely): <i>О функциях настоящего времени глагола «быти» в Псковской 3-й летописи по Строев- скому списку</i>	377
MARTINA OROŽEN (Ljubljana): <i>Pridige v knjižni prekmurščini</i>	382
ПЛАМЕН ПАНАЙОТОВ (Szeged): <i>Соответствует ли цвет швед- ского хлеба букве «э» ?</i>	392
ИШТВАН ПОЖГАИ (Szeged): <i>Употребление супина в Синайском патерике</i>	397
IVO PRANJKOVIĆ (Zagreb): <i>Vrlo kratka hrvatska jezična povijest</i>	404
PUSZTAY JÁNOS (Szombathely): <i>Közép-Európa: a kompozitumos nyelvek övezete</i>	411
ANTONIO DONATO SCIACOVELLI (Szombathely): <i>Parole e pietre: Il mito di Sisifo, tra vita e letteratura, in Fiasco, di Imre Kertész</i>	416
SKAPERNE ÉMBERSICS ERZSÉBET (Szombathely): <i>Samostalniške tvorjenke odlomka Sibiline knjige s konca 19. stoletja</i>	433
MARKO SAMARDŽIJA (Zagreb): <i>Croatian standard language in the 1990s</i>	443
SZABÓ GÉZA (Szombathely): <i>Magyar–déli szláv regionális kapcso- latok – etnolingvisztikai megközelítésben</i>	449
ОЛЬГА СЕРГЕЕВА (Санкт-Петербург): <i>Семантическая наполняе- мость метафоры "путь к горнему свету"</i>	454
МИЛАН СТЕПАНОВ (Budapest): <i>Национална суматра. Мотив Сент- андреје у делу Милоша Црњанског</i>	461
ПРЕДРАГ СТЕПАНОВИЋ (Budapest): <i>Мађарски посредник између Пишчевића и Црњанског</i>	467
БЕЛА ТАТАР (Budapest): <i>Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов русского и украинского языков с компонентом «вода»</i>	471
ИМРЕ Х. ТОТ (Szeged): <i>Свинцовая печать Георгия монаха и болгарского синкела</i>	479
МАРК ТРОТТЕР (Szombathely): <i>Общественное российское теле- видение в помощь преподавателю русского языка</i>	487
MARIJA TURK (Rijeka): <i>Tipovi kalkova u hrvatskome i drugim slavenskim jezicima</i>	492
ANĐELKA TUTEK (Szombathely): <i>Putevima hrvatske glagoljice</i>	499

UDVARI ISTVÁN (Nyíregyháza): <i>A kilenc kérdőpont magyarországi délszláv népek nyelvén</i>	504
URKOM ALEKSANDER (Budapest): <i>Jezik i pravopis kao najbitnija tačka našeg postojanja</i>	514
ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЄВА (Львів): <i>Характерні риси сучасного боснійського стандарту</i>	519
ISTVÁN VIG (Budapest): <i>Ein Vorgänger der europäischen monetarischen Union</i>	531
АНДРАШ ЗОЛТАН (Budapest): <i>О старобелорусском ораиш(еи) 'великан'</i>	536
BERNADETA ZADROVIĆ (Szombathely): <i>Sv. Qurinus, biskup u Siscii, mičėnik u Savariji</i>	541
ŽAGAR SZENTESI ORSOLYA (Zagreb): <i>Adalékok a horvát postai és vasúti szaknyelv magyar mintáinak kérdéséhez</i>	546
MÁRIA ŽILÁKOVÁ (Budapest): <i>Slovanské súvislosti básne Mihálya Vörösmartyho: Szép Ilonka</i>	552
СОДЕРЖАНИЕ	561
ОТ РЕДАКЦИИ	565

От редакции

В предыдущем выпуске *Studia Slavica Savariensia* 2002, 1-2 на стр. 204-216 по вине редакции была допущена техническая ошибка – в названии статьи было пропущено имя одного из соавторов.

Правильно название публикации следует читать так: *Marija Turk, Dubravka Sesar, Tipovi kalkova u hrvatskom i drugim slavenskim jezicima prema njemačkom predlošku.*